

К. А. Фурсов

ДЕРЖАВА-КУПЕЦ

К. А. Фурсов

ДЕРЖАВА-КУПЕЦ:

ОТНОШЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ С АНГЛИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ИНДИЙСКИМИ ПАТРИМОНИЯМИ



УДК: 339.5
ББК: (Т) 63.3.6/8-6
Ф95(4)

К.А. Фурсов. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. — 364 с.

Английская Ост-Индская Компания (1600–1874) — уникальная властно-торговая структура, европейская коммерческая организация, ставшая мощной азиатской империей. Книга — первое в отечественной и зарубежной исторической науке системное исследование комплекса властных отношений, обусловивших политико-экономическую природу этой компании-гибрида. Автор прослеживает историю ее отношений с различными типами властных структур, анализирует характер и логику изменения этих отношений. Рассматривается также влияние властных отношений на двойственную природу Компании и, наоборот, влияние природы Компании и логики ее развития на эти отношения.

Книга адресована историкам, специалистам по международным отношениям и всем, кто интересуется историей Великобритании, Британской колониальной империи и Индии, а также эпохой XVII–XIX вв. и тематикой империй и колониализма.

Рецензенты:

д.и.н. А.Г. ВОЛОДИН, д.и.н. В.А. ТЮРИН

Содержание

Благодарности	5
Введение	7
Глава I. Обзор источников и исследовательской литературы	17
I.1. Обзор источников	17
I.2. Обзор исследовательской литературы	21
I.2.1. Исследования по истории ОИК	21
I.2.2. Исследования по истории Великобритании и Британской империи ...	27
I.2.3. Исследования по истории Индии	28
I.2.4. Исследования по социально-экономической истории и истории мировой экономики	32
I.2.5. Работы по теоретическим проблемам развития капиталистической системы и национального государства	33
I.2.6. Работы по общей методологии, теории систем и методологии социально-исторических исследований	34
Глава II. Купец в борьбе за монополию: отношения Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями в XVII — первой половине XVIII в.	37
II.1. Компания и английское государство в XVII — первой половине XVIII в.	37
II.1.1. Компания в эпоху ранних Стюартов и революции (1600–57)	37
II.1.2. Компания в эпоху Реставрации и «славной революции» (1657–1709)	55
II.1.3. Компания в первой половине XVIII в.	68
II.2. Компания и индийские патримонии в XVII — первой половине XVIII в.	76
II.2.1. «Период факторий» (начало XVII в. — 1680-е/90-е годы)	76
II.2.2. «Период фортов» (1680-е/90-е годы — середина XVIII в.)	103

Глава III. От купца к державе-купцу: превращение Ост-Индской Компании в индийскую политику и ответ Великобритании (1757–84)	118
III.1. Отношения Компании с индийскими патримониями (1740-е годы — 1765/72)	118
III.1.1. Коренной перелом: начало трансформации Компании в политику	118
III.1.2. Бенгалия, 1757–72: становление Компании как политики	125
III.2. Отношения Компании с британским государством (1763–84) ...	145
III.2.1. Начало государственного вмешательства (1763–73)	145
III.2.2. Установление эффективного контроля государства (1773–84)	164
Глава IV. Держава-купец: отношения Ост-Индской Компании с индийскими патримониями (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) и британским государством (конец XVIII — первая половина XIX в.)	184
IV.1. Наступление в Индии: Компания и индийские патримонии во второй половине XVIII — первой половине XIX в.	184
IV.1.1. ОИК среди других политий (1765–1805)	184
IV.1.2. ОИК как доминирующая держава (1805–18)	233
IV.1.3. ОИК как верховная держава (1818–58)	242
IV.2. Отступление в Великобритании: Компания и государство в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.	266
IV.2.1. От потери независимости к потере торговой монополии (1784–1813)	266
IV.2.2. От потери монополии к потере влияния (1813–33)	287
IV.2.3. От потери влияния к политической смерти (1833–58)	295
Заключение	313
Глоссарий	328
Сокращения названий источников в ссылках и в тексте	333
Английская Ост-Индская Компания и мир (сопоставительная хронологическая таблица)	334
Список использованных источников и литературы	344
Summary	361

Благодарности

Хочу выразить искреннюю благодарность и признательность тем людям, которые сыграли значительную роль в появлении этой книги. Прежде всего это мои научные руководители — д.и.н. профессор Леонид Борисович Алаев и покойный к.и.н. Борис Анатольевич Иванов.

Борис Анатольевич был научным руководителем моих курсовой и дипломной работ, магистерской и кандидатской диссертаций с сентября 1998 г. до марта 2004 г. Борис Анатольевич был единственным членом кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки при МГУ, заинтересованно и искренне поддерживавшим то направление исследований, которым я занимаюсь, — власть, общество и экономика Южной Азии в новое время, Южная Азия в мировой системе, теоретические проблемы.

Под руководством Леонида Борисовича Алаева я заканчивал кандидатскую диссертацию в 2004–2005 гг. В плодотворных спорах с ним шлифовались многие идеи моей работы, своим научным авторитетом он не раз защищал моё право на тот подход к истории, которого я придерживаюсь и который считаю подлинно научным для историка.

Я очень благодарен тем, кто прочитал мою работу с доброжелательным интересом, а потому их замечания оказались уместными и полезными. Это д.и.н. профессор Андрей Геннадиевич Володин, д.и.н. профессор Владимир Александрович Тюрин, д.и.н. профессор Аполлон Борисович Давидсон, к.и.н. Татьяна Николаевна Загородникова и Михаил Геннадиевич Мокринский. Беседы с ними создавали тот интеллектуальный и эмоциональный фон, который делал работу над диссертацией и монографией настоящим интеллектуальным приключением. А.Г. Володин и В.А. Тюрин выступили рецензентами моей монографии.

Я также благодарен д.и.н. профессору, директору ИСАА при МГУ Михаилу Серафимовичу Мейеру, чью поддержку я ощущал все годы учебы в ИСАА. Можно со всей определенностью сказать: без этой поддержки моя монография едва ли была бы опубликована так быстро — слишком много препон и препятствий, не имеющих никакого отношения к науке, возникло на пути.

Кроме того, хочу поблагодарить к.и.н. Ольгу Павловну Вечерину, лекции которой по истории мирового рынка драгоценных металлов и драгоценных камней расширили мой исторический кругозор.

И, разумеется, моя книга была бы невозможна без интеллектуальной, эмоциональной и технической поддержки моих родителей — Людмилы Михайловны и Андрея Ильича Фурсовых.

Введение

Английская Ост-Индская Компания (далее — ОИК) — по сути ровесница английского капитализма. Исторически она не намного моложе Могольской империи, но старше английского национального государства (*nation-state*). В этой Компании и посредством неё соединяется история Англии и Индии, а также многое внутри истории этих стран. В английской истории ОИК как бы соединяет периоды правления двух великих королей — Елизаветы и Виктории, а в индийской — две великие империи: Могольскую и Британскую. ОИК «родилась» за три года до смерти Елизаветы и при жизни Шекспира, а «скончалась» при Виктории и Диккенсе, пережив три (Тюдоров, Стюартов и ганноверцев) «с половиной» (протекторат Кромвеля) династии.

Два с половиной столетия — это срок существования династии или даже государства. По сути, длительное время ОИК и была государством в государстве, даже в двух — Великобритании и (пост)могольской Индии. ОИК — уникальная организация в истории человечества. Такой вывод кажется преувеличением только на первый взгляд. История знает много разных торгово-властных структур. Это и республика-купец (Венеция), и «ассоциация военно-торговых домов» (так М.Н. Покровский называл княжества Киевской Руси), и союз торгующих городов (Ганза). История знает много могущественных политий и компаний. Однако в истории есть только один случай существования торговой компании, которая по сути стала властным организмом, государством(-компанией) в государстве, словно воплощая девиз «Наутилуса» капитана Немо — *mobilis in mobile*¹, и которую известный английский историк Т.Б. Маколей охарактеризовал как подданного в одном полушарии и суверена в другом [HPD/3, XIX, р. 509]. Этот случай, этот странный и уникальный гибрид — английская ОИК.

Разумеется, компании такого типа существовали не только в Англии, но также, например, в Нидерландах (1602–1799), Франции (череда компаний в 1664–1793). Однако их история не идёт в сравнение с историей английской ОИК (речь идёт именно о значимом сравнении, а не о сравнительно-историческом анализе различных ОИК, который стоит на исследовательской

¹ Подвижное в подвижном (*лат.*).

повестке дня). Ни голландская, ни французские компании даже в периоды наибольшего расцвета не обладали такой экономической и военной мощью и, главное, такой автономией от государства, чтобы можно было говорить о них как о самостоятельных властных организациях. (Так, их советы директоров назначались государственными органами.) К тому же ни Нидерланды, ни Франция никогда не занимали в мировой экономике такого места, какое заняла в XIX в. Великобритания. По-видимому, уникальность английской ОИК соответствует уникальности

- английской истории (родина индивидуализма, Великой хартии вольностей, номинализма, зона «ничейного» результата социальных битв XV–XVI вв. между землевладельцами и крестьянами и появления в результате этого уникального слоя *джентри*, которому история обязана первой полноценной буржуазной революцией)¹;

- того явления, которые специалисты по экономической истории именуют «англосаксонским рыночным капитализмом» [Gray, 1998, p. 13];

- эпохи XVII–XVIII вв., которая со всей очевидностью уже не является Средневековьем, но ещё не является Модерном. В настоящее время эпоху 1453–1789 гг. часто именуют «ранней новой историей» (*early modern history*), выделяя XVII–XVIII вв. как время «Старого порядка» (*ancien régime*). Политико-экономическая особенность и двойственность этого отрезка заключается в том, что капитализм уже существовал как уклад, способ реализации власти и накопления (торговый капитализм), но не подчинил себе не только совокупный процесс общественного производства, но даже действительный процесс производства и не сформировал адекватную себе систему производительных сил — индустриальную; такая ситуация делала возможным возникновение и существование весьма сложных, противоречивых и богатых по содержанию социальных феноменов, невозможных в рамках «системно-определённых» эпох.

Несмотря на почти двухсотшестидесятилетнее существование ОИК, а также на её роль и значение в истории Великобритании, Британской колониальной империи и Индии, как в отечественной, так и в зарубежной (западной и индийской) науке проблеме Компании как особого, отличного от английского государства субъекта, как «государства в государствах» уделялось крайне мало внимания, в лучшем случае — по касательной.

ОИК — это действительно необычный субъект политико-экономической деятельности. Она (он) едина (един) в нескольких лицах, причём «лицах»

¹ См.: Brenner R. 1982. The Agrarian Roots of European Capitalism // Past and Present. — Oxford. — № 97. — P. 16–113; MacFarlane A. 1979. The Origins of English Individualism: The Family, Property and the Social Transition. — N.Y.: Cambridge University Press. — 216 p.; Moore B., Jr. 1966. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. — Harmondsworth etc.: Penguin Books. — XVI, 559 p.

разных по своей политико-экономической природе. ОИК — торговая корпорация, Фирма. В то же время она оказалась функциональным органом английского государства в Южной Азии. Наконец, проникая в южноазиатский мир, Компания на какое-то время выступила в роли элемента и местной политики — Могольского султаната¹.

В настоящей работе я следую стремительно развивающейся в политической науке и исторических исследованиях тенденции не использовать термин «государство» (*state*) по отношению к стадияльно предшествующим национальному государству (*nation-state*) (т.е. докапиталистическим) формам властной организации. Это не только неверно отражает и искажает их социальную природу, но и модернизирует докапиталистические реалии *à la* капитализм. Для характеристики докапиталистических властных структур в работе используются термины «полития» (более широкий термин, применимый к любой властной организации) и «патримония» (как и «государство», частный случай политии; был весьма распространён на Востоке)².

¹ В историографии до сих пор не применяют термина «султанат» к империи Моголов; он «зарезервирован» только за предшествовавшими ей империями тюркских и афганских династий XIII — начала XVI вв. с центром в Дели. На самом деле этот термин широко использовался и в могольской Индии — как в официальных документах, так и в хрониках [Ansari, 1984, p. 45; Badauni, 1868, p. 337; Khwājah Nizām-ud-dīn Ahmad, 1931, p. 30, 126, 409, 424, 458]. Вообще со времени распада империи Сельджукидов (с конца XII в.) арабский термин «султан» стал обозначать любого независимого светского правителя мусульманской политии [Гафуров, 1987, с. 73]. Правда, самого могольского монарха чаще называли (пади)шахом, но одно не противоречит другому: термин «султан» идёт из арабской (ставшей общемусульманской) традиции, а «шах» — из иранской. Каждый (мусульманский) шах автоматически являлся султаном (но не каждый султан — шахом).

Кстати, неправомерно разделять «Могольскую империю» и «Делийский султанат»; строго говоря, это всё — Делийский султанат (1206–1857). Моголы — лишь одна из династий этой империи (наряду с Гуламами, Хильджи и др.). Такое разделение в науке пошло оттого, что именно Моголов застали европейцы. Конечно, со временем административно-налоговая система империи усложнялась, и могольско-сурский период её истории демонстрирует качественный скачок в развитии этой системы. Тем не менее, налицо практически непрерывная традиция мусульманской империи Северной Индии XIII — середины XIX вв. с центром (по большей части) в Дели. Можно провести параллель: французское королевство при Людовике XI (1461–83) существенно отличалось от французского королевства при Луи Филиппе (1830–48). И всё же в обоих случаях мы говорим о королевстве Франция. А ведь социально-экономические, политические и прочие изменения, происшедшие в этой стране за 350 лет, колоссальны и не идут в сравнение с изменениями в Индии с XIII по XVIII в. Но это отдельная тема.

² Не случайно издаваемый в России журнал по проблемам властных организаций называется «Полития», а в журнале «Восток (Oriens)» появилась специальная рубрика «Восточная полития». На мой взгляд, это свидетельствует уже не только о силе упомянутой тенденции, но и о её «институционализации» вообще и в отечественном востоковедении в частности. Действительно, в анализе форм властной организации термин «полития»

При полифункциональности ОИК, её одновременной включённости в разные системы в качестве их подсистемы она оставалась особым и цельным агентом (субъектом) экономических и властных отношений — со своими целями и интересами (далеко не во всём совпадавшими с интересами государства или тех или иных социальных групп в Великобритании, не говоря уже об Индии), со своими структурами, включая вооружённые силы.

Таким образом, перед нами очень сложный и внутренне противоречивый феномен, анализ и даже простое описание которого невозможны без и вне истории Великобритании и её колониальной империи, с одной стороны, и истории Индии (Южной Азии) — с другой. Именно в отношениях с различными по сути политиями — английским государством и индийскими патримониями — противоречивая, двойственная (торгово-властная и государственно-патримониальная) природа Компании, её специфика как исторического феномена проявлялась наиболее отчётливо. По-настоящему изучать историю Компании и можно лишь в рамках «треугольника» «английское государство — ОИК — Могольский султанат» (и индийские патримонии вообще) из-за двойственной, властно-торговой, природы Компании, политические и экономические функции которой имели источником своего происхождения частично Уайтхолл и Вестминстер, а частично — Павлиний трон Моголов.

Как это ни парадоксально, но именно этот комплекс отношений, обусловивший политико-экономическую природу ОИК, до сих пор не стал предметом **системного** исследования не только в отечественной, но также в западной и индийской науке. Есть исследования, посвящённые либо отношениям

(*polity*) позволяет соблюсти принцип историзма, чётко отграничив феномены капиталистической системы от всех иных. В строгом научно-терминологическом смысле феномен государства и сам термин жёстко «привязаны» к новоевропейской реальности. Например, авторитетная «Энциклопедия социальных наук» определяет государство как «форму централизованного гражданского правления, которая развивается в Европе с XVI в.» [Social Science Encyclopedia, 1985, p. 818]. (Подр. об эволюции терминов *state* и *polity* см.: [Понятие государства, 2002; Creveld, 1999; Springborg, 1992]) Показательно, что во французском языке термин *État* в смысле «государство» начал употребляться с 1636 г., а первое теоретическое исследование *state* как государства осуществлено Т. Гоббсом в «Левиафане» в 1651 г.

Термины «патримония» и «патримониальная империя», в частности, активно употребляет в ставшей классической работе «Политические системы империй» Ш. Эйзенштадт [Eisenstadt, 1963]. Среди индологов терминами «полития» и «патримония» широко пользуются Б. Стайн, Дж. Ричардс, С. Гордон и др. (продолжая, правда, — непоследовательно, на мой взгляд, — употреблять для обозначения тех же структур и термин «государство»). В настоящей работе применительно к индийским властным структурам термины «полития» и «патримония» используются как теоретические, а «империя», «держав», «княжество», «султанат» и т.п. теоретической нагрузки не несут.

ОИК с отдельными политиями, либо отдельным аспектам этих отношений, либо отдельным хронологическим отрезкам в истории этих отношений. И это при том, что необходимость системного исследования комплекса отношений, о котором идёт речь, вполне назрела как в плане конкретно-исторического исследования, так и в контексте теоретико-методологических сдвигов, произошедших в социально-исторической науке за последние тридцать лет.

В связи с этим в центре настоящего исследования — история отношений ОИК с английским государством, с одной стороны, и индийскими патримониями — с другой, изменение характера и логики этих отношений. Именно такое историческое исследование, на мой взгляд, позволяет поставить и предложить решение проблемы — одновременно теоретической и исторической — политико-экономической природы ОИК (сквозь призму властных отношений). Собственно, целью настоящей работы и является анализ указанной проблемы.

Таким образом, речь об ОИК идёт как о коллективном купце и одновременно особом типе политико-экономической организации, альтернативной западноевропейскому *nation-state* и восточной политике (*patrimony*), выступавшей в качестве властного конкурента по отношению к ним обоим и в то же время функционировавшей в качестве их органов.

Хронологически работа охватывает период с начала XVII по первую половину XIX в. (включительно) — всю историю ОИК, начиная с её создания в 1600 г. и заканчивая её ликвидацией как инструмента Великобритании по управлению Индией в 1858 г. (как коммерческая организация Компания была распущена в 1874 г.).

Возможны различные периодизации истории ОИК, это зависит от угла зрения, критериев и задач исследования. С точки зрения отношений с указанными политиями и исходя из менявшейся природы Компании её историю можно разделить на три периода — два из них довольно продолжительны, а соединяющий их третий краток, но тем не менее крайне важен и отличается от первых двух. Первый период (XVII — первая половина XVIII в.) — это время функционирования ОИК как (по преимуществу) торговой организации. В этот период в Англии Компания получала от государства торговые и административные привилегии, а в Индии вела торговлю, не помышляя о территориальных захватах. Во второй период (середина XVIII в.) произошло превращение ОИК из купца в державу-купца благодаря завоеванию ею Бенгалии. Третий период (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.) — это история Компании как одновременно купеческой корпорации и индийской политики, в качестве которых она и контактировала с другими индийскими политиями и с британским государством. С учётом сказанного в работе ставятся и решаются (раскрываются как тема) следующие задачи:

- конкретно-историческое исследование отношений ОИК с английским государством (королевской властью и парламентом) и индийскими патримониями — Могольским султанатом, его соседями и основными преемниками. Помимо прочего, это позволит впервые ввести в научный оборот целый корпус важных источников;

- анализ в ходе данного исследования характера и логики исторического изменения этих отношений, что позволит лучше понять историю Индии и Великобритании в XVII — первой половине XIX в;

- анализ влияния указанных отношений на политико-экономическую природу и развитие ОИК и — наоборот — влияние природы Компании и логики её развития на эти отношения, что позволит лучше понять феномен ОИК и её место в истории Южной Азии, Великобритании и мировой капиталистической системы.

Таким образом, центральная проблема решается в трёх тематических сферах, которые, будучи различными, не просто тесно связаны между собой, но формируют некое (по принципу «кругов Эйлера») единство. Повторю, что, к сожалению, ни одна из указанных тем (даже первая — фактографическая) не стала предметом специального и систематического исследования в отечественной науке. Не все их аспекты нашли равноценное освещение и в зарубежной науке.

Представляется, что тематика и проблематика ОИК в наши дни оказывается важна не только сама по себе, но и в более широком плане. Ряд обстоятельств, обусловленных как логикой развития современного мира, так и новейшими тенденциями развития науки, в частности, сдвигами в методологии социально-исторических исследований, придают изучению Компании весьма актуальный научный характер, позволяют по-новому взглянуть на неё и оценить её как исторический феномен.

Первое. К концу XX в. государство (*nation-state*) перестало быть единственным значимым агентом мировой политико-экономической системы (процесс начался в середине XX в.), у него появились легальные и нелегальные конкуренты различных уровней — международного, транснационального, макрорегионального. Отношения государства и негосударственных форм организации, конкуренция между ними всё более становится актуальной практической проблемой. Триумф *nation-state*, которому, казалось, не будет конца, оказался исторически преходящим. Под этим углом зрения история ОИК, её отношений с английским государством обретает дополнительное измерение — как история сотрудничества и соперничества принципиально разных форм политико-экономической организации капиталистической эпохи. При этом одна из указанных форм — государство — характерна для эпохи зрелого капитализма, в то время как другая, ОИК, — для «раннекапиталистической» эпохи; в то же время она предвосхитила многие черты транс-

национальных корпораций (ТНК) (на это уже обратили внимание исследователи)¹, т.е. феномена позднего капитализма.

Второе. В связи с ослаблением (или, как говорят в англосаксонских странах, *whithering away* или *fading away* — растворением, растаиванием) национального государства в последние 20–25 лет оно перестало быть единственной базовой единицей не только социальной организации, но и социального анализа. С 1970-х годов, по мере развёртывания научно-технической революции (НТР) и глобализации, с одной стороны, оживилось внимание к старым единицам анализа — например, цивилизациям, а с другой стороны, появились принципиально новые единицы — например, мир в целом, мир-как-система (*histoire globale* Ф. Броделя, мир-системный анализ И. Валлерстайна, другие историко-глобалистские подходы), макрорегион (Средиземноморье, аль-Хинд в работах А. Винка, Юго-Восточная Азия в работах Э. Рэйда²) или ТНК.

Со временем поиск новых единиц обществоведческого анализа с позднекапиталистической эпохи логически распространился на «докапиталистические» и раннекапиталистическую («раннесовременную») эпохи; в них стали искать альтернативные государству формы политико-экономической организации, которые были побеждены им по сути в XIX в., но в позднее средневековье и в XVI–XVIII вв. выступали конкурентами государства — такими, какими во второй половине XX в. стали ТНК, а в самом конце XX в. — «регион-экономики» [Ohmae, 1995, p. 11].

Среди таких конкурентов-альтернатив государства историки особо выделяют торговые политико-экономические структуры типа Венеции и Ганзы. На мой взгляд, к такого типа структурам с некоторыми оговорками можно отнести и ОИК, чьи отношения с английским капиталом, с одной стороны, и английским государством, с другой, носили одновременно взаимодополняющий и конкурентный характер. С этой точки зрения ОИК можно рассматривать в качестве своеобразной единицы социально-исторического анализа (значение которой, впрочем, уменьшается прямо пропорционально росту значения такой социальной единицы, как национальное государство). В этом смысле история отношений ОИК и английского государства — это история отношений двух особых, но взаимосвязанных отношениями социального симбиогенеза агентов, значение и роль одного из которых по мере капиталистической эволюции с определённого момента снижается.

¹ См.: [Bayly, 2004, p. 63; Fisher, 1991, p. 3; Gray, 1998, p. 62].

² Например: Wink A. 1989. «Al-Hind»: India and Indonesia in the Islamic World-Economy, c. 700–1800 A.D. // India and Indonesia during the Ancien Regime. — Leiden etc.: Brill. — P. 33–72; Reid A. 1990. The Seventeenth-Century Crisis in Southeast Asia // Modern Asian Studies. — Cambridge. — Vol. 24, № 4. — P. 639–659.

Третье. В последние десятилетия произошло оживление интереса к эпохе XV–XVIII вв. (точнее, 1450–1750 гг.). Эта эпоха всегда была неудобна для исследователей — уже не феодальная (и не традиционная), но ещё не капиталистическая (и не современная). Её то включали в позднее средневековье, то квалифицировали как раннекапиталистическую, однако в обоих случаях очень важная эпоха утрачивала самостоятельный характер и становилась функцией либо предшествующего исторического периода (пост...), либо следующего за ней (пред..., прото...). В настоящее время всё больше распространяется термин «раннесовременная история», который, не будучи вполне удачным, всё же акцентирует самостоятельный, а не функциональный период целой эпохи, которая не вписывается полностью ни в средневековье, ни в новое время, но обладает своими уникальными чертами. Именно на эту эпоху приходится возникновение и расцвет ОИК, которая в собственно капиталистическую эпоху приходит в упадок. В этом плане ОИК может стать ключом к своей эпохе («рынка без капитала» — Ф. Бродель) в той же степени, что и эпоха — к ней.

Четвёртое. НТР и «метаморфозы знания, богатства и насилия» (О. Тоффлер) позднекапиталистической эпохи вызвали резкое (сравнимое с 1910-ми — 20-ми годами) усиление интереса к капитализму как исторической системе, к неравномерностям и нелинейностям в его развитии. Так, стало очевидным, что одни и те же законы капитализма проявляются по-разному и приводят к разным результатам в ядре и на периферии капиталистической системы. Например, исследования¹ показали, что те процессы, которые в ядре (центре) капиталистической системы носят диахронный характер и соотносятся как причина и следствие (например, первоначальное накопление капитала и капиталистическое накопление), на периферии могут протекать синхронно, блокируя друг друга, в результате капиталистическое содержание процесса уничтожается и исчезает.

ОИК, действуя сначала во внешней для капитализма зоне, а затем на его периферии, демонстрирует в своём функционировании ряд таких нелинейностей, что даёт новые стимулы для её изучения — в контексте теории капитализма как системы.

Пятое. Последние 15–20 лет продемонстрировали существенное оживление интереса к тематике империй вообще и колониальных империй в частности, с одной стороны, и к колониализму — с другой. Свидетельство тому — большое количество работ, например, пятитомная «Оксфордская история Британской империи» (1998–1999), вызвавшая дискуссии и много откликов (например, [Howe, 2001]), или обобщающе-компаративистская «Империя» Д. Ливена [Lieven, 2000].

¹ Murray M.J. 1980. The Development of Capitalism in Colonial Indochina (1870–1940). — Berkeley etc.: University of California Press. — XII, 685 p.

История империй, в частности, Британской колониальной, рассматривается многими историками как альтернативная государствоцентричной истории. Имея в виду XIX в., некоторые исследователи (М. Синха, например) вообще подчёркивают, что стоит смотреть на события с позиций не «Великобритании» или «Индии», а «имперского общественного образования» [Howe, 2001, p. 136]. Но в таком случае эмбриональные черты подобного образования видны уже в ОИК.

Переосмысление имперской тематики идёт одновременно с переосмыслением колониализма, к чему прямо призывают Д. Ливен, и эта проблема становится ареной острых идеологических (идейно-политических) баталий между теми, кто, как Д. Ливен и особенно Н. Фергюсон [Ferguson, 2002], стремится найти в колониализме не только негатив, но и позитив, т.е. таких историков, отправным пунктом подхода которых стали негативные черты постколониальной эпохи и которых становится всё больше, и так называемыми «постколониалистами».

Последние движутся по пути, первопроходцем которого является Э. Саид, трактующий западный ориентализм как форму «власти-знания» (термин М. Фуко), созданную Западом, колонизаторами для «ориентализации Востока», т.е. созданию образа статичного и не способного к развитию Востока, что оправдывает подчинение Востока Западу, и науки, создающей такой образ. Здесь призыв к переосмыслению колониализма звучит как призыв к тому, чтобы отказаться от западоцентричного востоковедения и переписать заново историю Востока с позиций самого Востока, а не его западных колонизаторов, просветителей и «прогрессоров», каковы бы ни были их намерения. Так парадоксальным образом на рубеже XX–XXI вв. ушедшая в прошлое колониальная эпоха становится объектом острых споров, борьбы идей. Именно на эту эпоху приходится поздняя стадия существования ОИК, изучая которую необходимо учитывать эти споры или, по крайней мере, иметь их в виду.

Разумеется, в ограниченных рамках данной работы невозможно было учесть все названные выше изменения, актуализирующие тему ОИК и непосредственно отреагировать на них (это — задача следующего этапа исследований), однако в ходе работы я постоянно имел в виду эти изменения и, рассматривая те или иные вопросы, учитывал сам факт их наличия.

В соответствии с целью и задачами, работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, глоссария специальных терминов, сопоставительной хронологической таблицы «Английская Ост-Индская Компания и мир» и списка использованных источников, исследовательской и справочной литературы. В первой главе дан обзор источников и историографии по теме работы. Вторая, третья и четвёртая главы посвящены названным выше трём крупным периодам в истории отношений ОИК с английской и индийскими полития-

ми, отражающим этапы трансформации Компании из чисто торговой организации в смешанную властно-торговую. В заключении формулируются выводы, к которым пришёл автор в результате исследования, а также предпринимается попытка взглянуть на ОИК (саму по себе и в комплексе её отношений с английским государством и индийскими патримониями) как на элемент формирующейся мировой капиталистической системы. В связи с этим данные конкретно-исторического исследования рассматриваются сквозь призму двух новейших теорий капитализма как исторической системы. Поскольку такое рассмотрение не является главной задачей настоящей работы, оно не занимает много места. Однако обойтись без него я не считаю возможным: во-первых, только оно позволяет, пусть сжато, наброском, зафиксировать изучаемые процессы как элемент формирующейся мировой системы и включить их в рамки новейших теорий и дискуссий по проблемам истории капиталистической системы; во-вторых, оно намечает дальнейшую программу исследований автора по проблематике ОИК.

Глава I

Обзор источников и исследовательской литературы

I.1. Обзор источников

Основные использованные в работе источники можно разделить на несколько групп.

1.1. Материалы самой ОИК. Среди них чётко выделяются источники периода «ОИК-купца» и «ОИК-державы». Протоколы заседаний правления ОИК в XVII в. опубликованы в восьмитомнике «*Справочник протоколов совета и т.д. Ост-Индской Компании*» [ССМ]. Переписка купцов и администраторов ОИК друг с другом и с директорами в XVII в. содержится в тринадцатитомнике «*Английские фактории в Индии*» [EFI/Foster] и одноимённом двухтомнике [EFI/Fawcett], в шеститомнике «*Письма, полуценные Ост-Индской Компанией от её служащих на Востоке*» [Letters] и «*Журнале писем и т.д. Управляющего и Компании купцов Лондона, торгующих с Ост-Индией*» [Register of Letters, 1893]. Особо следует отметить судовой журнал капитана десятого плавания ОИК (1612–13) Т. Беста [Voyage of Thomas Best, 1934].

Эти источники позволяют увидеть ОИК изнутри, понять механизм функционирования её головных органов в Лондоне и факторий на Востоке. Названные документы отличает обилие сведений различного характера по торговой, дипломатической и военной деятельности ОИК в Азии и, в частности, по центральной для автора теме — её отношениям с английским государством и индийскими патримониями, прежде всего с Могольской империей. Отдельно следует отметить «*Английский архив по Шиваджи*» [ERS, 1931], в котором собраны письма западноиндийских факторий ОИК третьей четверти XVII в., освещающие её непростые отношения с поднимающейся маратхской политией.

Период ОИК как державы (с середины XVIII в.) освещает серия «*Переписка форта Уильям с Индия-хаус и другие бумаги того времени, относящие к ней*» [Fort William]. Настоящим кладезем сведений является фундаментальный пятнадцатитомник «*Английский архив маратхской истории*» [ERMH],

представляющий собой в основном переписку резидентов ОИК в маратхских княжествах последней четверти XVIII — начала XIX в. Этот источник даёт наглядное представление о механизме функционирования системы резидентств в решающий для установления британского господства в Индии период. Аналогом для Панджаба в 1830-е — 40-е годы служат сборники писем генерал-губернаторов и других чиновников ОИК — «Панджабские бумаги» [Punjab Papers, 1970] и «Частная переписка, относящаяся к англо-сикхским войнам» [Private Corr-se, 1955].

История англо-маратхских и англо-панджабских отношений хорошо изложена в исследовательской литературе на уровне конкретных событий; данные же сборники документов дают представление о стоявших за событиями намерениях и планах сторон и степени успешности их претворения в жизнь.

Другим видом источников являются официальные отчёты и частная переписка отдельных служащих ОИК с другими служащими и государственными чиновниками (относятся уже к концу XVIII — XIX в.). Речь идёт об отчётах генерал-губернатора Р. Уэлсли [Wellesley, 1805 (1–2)], дневниках генерал-губернатора маркиза Хейстингса [Hastings F., 1858] и резидента в Авадхе У.Г. Слимэна [Sleeman, 1971], опубликованной корреспонденции генерал-губернаторов У. Хейстингса [Warren Hastings' Letters, 1927], Ч. Корнуоллиса [Selections (Cornwallis), 1926], Дж. Шора [Shore, 1933], Р. Уэлсли [Two Views, 1970; Wellesley Despatches], У. Бентинка [Cavendish Bentinck, 1977], калькуттского советника Ф. Фрэнсиса [Appendix/Weitzman, 1929], директора ОИК Д. Скотта [Scott D., 1951]. Большой интерес представляет также жанр мемуаров, а именно воспоминания У. Хейстингса [Hastings W., 1978]. В этих источниках содержатся сведения о многих аспектах деятельности ОИК и подробно представлены точки зрения авторов на те или иные связанные с Компанией проблемы. Конечно, при использовании источников этой группы следует помнить, что, пристрастно освещая события с британской стороны, они отличаются антииндийской направленностью, создавая отрицательный стереотип «туземца» как вероломного врага.

Для понимания отношения английского общества к ОИК важны экономические воззрения сторонников и противников её монополии. Типичным сочинением в поддержку ОИК является трактат её директора Т. Мана 1621 г. «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» [Mun, 1930], а взгляды её противников полно отражены в знаменитом труде 1776 г. А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [Смит, 1935] и нескольких памфлетах начала XIX в. [Demonstration, 1807; Grenville, 1807].

Понимание места ОИК в английском обществе было бы неполным и без знакомства с трактатом 1651 г. первого теоретика государства Т. Гоббса «Левиафан» [Гоббс, 1991], в котором подробно описаны полномочия и функции этой организации.

1.2. Государственные материалы. С протоколами парламентских слушаний по ОИК можно ознакомиться в издававшихся семейством Хэнсардов и У. Коббеттом сериях «*Парламентская история Англии*» [Cobbett; НРНЕ] (охватывают период до 1803 г.), «*Парламентские дебаты*» [HPD] (1803–30) и «*Парламентские дебаты / Третья серия*» [HPD/3]. Это чрезвычайно ценный источник для темы данной работы. В нем представлена развёрнутая аргументация сторонников и противников политической самостоятельности ОИК и её торговых привилегий в спорах о регулировании государством её деятельности (начавшихся в 1767 г. и не прекращавшихся до конца её существования в качестве правителя Индии в 1858 г.). По индийскому вопросу в парламенте выступали практически все виднейшие политические деятели Великобритании конца XVIII–XIX в. (Ч. Дж. Фокс, У. Питт-младший, граф Каслри, Б. Дизраэли, У.Ю. Гладстон и др.).

Тексты парламентских «ост-индских» биллей, большинство из которых стали законами, а также многие важные письма, которыми обменивались чиновники государства и ОИК, опубликованы в сборниках: «*Собрание актов о привилегиях, дарованных английским правительством Ост-Индской Компании и Лондонскому банку*» [Собрание актов, 1843], «*Индийские конституционные документы, 1757–1939*» [Indian Const. Documents, 1948], «*Речи и документы по индийской политике, 1750–1921*» [Speeches and Documents, 1922], «*Избранные документы по британскому периоду индийской истории*» [Select Documents, 1958], «*Создание Британской Индии, 1756–1858 гг.*» [Muir, 1969], а также в разделе «*Документы*» работы П.Дж. Маршалла «*Проблемы империи: Британия и Индия, 1757–1813 гг.*» [Documents/ Marshall, 1968]. Взгляды на ОИК последнего британского короля, пытавшегося быть самостоятельным политиком, — Георга III (1760–1820) и одного из лидеров партии вигов второй половины XVIII в. Э. Бёрка отражены в сборниках их переписки [Burke, 1960; George III, 1968].

1.3. «Англо-индийские» материалы (возникшие в ходе взаимоотношений ОИК с индийскими правителями). Тексты договоров ОИК с князьями Индии в важнейший для её становления как державы период (середина XVIII — начало XIX в.) содержатся в фундаментальном «*Собрании договоров и соглашений с туземными князьями и государствами Азии, заключённых от имени Ост-Индской Компании британскими правительствами в Индии*» [Collection, 1812]. Это первое английское издание такого рода. Его расширенным вариантом является неоднократно обновлявшийся десяти томник «*Собрание договоров, соглашений и санатов, относящихся к Индии и сопредельным странам*» под редакцией Ч.Ю. Эйчисона [Aitchison, 1909; Aitchison, 1931].

Немалый интерес представляет переписка правителей индийских политических со служащими ОИК и между собой. Оригиналы писем на фарси напеча-

таны в сборниках «*Дипломатическая переписка Мир Низама Али-хана с Ост-Индской Компанией (1780–98)*» (источник по отношениям ОИК с Хайдарабадом) [Diplomatic Corr-se, 1958] и «*Персидские документы*» [Persian Documents, 1966], относящиеся к последней четверти XVIII в. Переводы писем князей друг другу и британцам на английский можно найти в сборниках «*Тайная переписка Типу Султана*» [Secret Corr-se, 1980], «*Подборка из исторического архива наследственного министра Бароды*» [Selections (Baroda), 1922], «*Раджа Сатары*» [Raja of Satara, 1849] и (резюме) — в «*Справочнике персидской корреспонденции*» [CPC, 1969].

1.4. Индийские материалы. Прежде всего необходимо отметить две хроники — Гулама Хусейна по истории могольской Бенгалии до 1788 г. (в персидском оригинале) [Ghulam Husain, 1898] и Абу Талиба по истории Авадха в последней четверти XVIII в. (в английском переводе) [Abu Talib, 1971]. Хотя обе хроники — пробританские, они дают ряд важных сведений по отношениям ОИК с названными княжествами, а главное, позволяют понять позицию поддерживавших её индийцев.

Очень интересными (и необычными) среди «внутрииндийских» источников второй половины XVIII в. являются донесения шпионов своим правителям: «*Информационные бюллетени*» — послания низаму Хайдарабада (на фарси) [News-letters, 1955] и двухтомный «*Персидский архив маратхской истории*» (в английском переводе) [PRMH, 1953] — сборник донесений ахбар-нависа пешвы в Дели.

Наконец, немалый интерес представляют воспоминания Ахсануллы-хана, врача последнего могольского шаха, о событиях 1857 г. в Дели, во время сипайского восстания [Ahsanulla Khan, 1958]. Ахсанулла был тайным осведомителем британцев и имел на шаха большое влияние. Его описание восстания отличается точностью и детальностью изложения.

Следует подчеркнуть, что разные периоды истории ОИК в разной степени обеспечены источниками. В истории её отношений с государством лучше других обеспечены источниками периоды первой половины XVII в. и, что вполне понятно, второй половины XVIII — первой половины XIX вв. (период ОИК-державы). Что касается отношений Компании с индийскими политиями, то такими периодами являются вторая — третья четверти XVII и вторая половина XVIII в. (опять же, основной период покорения Индии).

Многие использованные в работе источники вводятся в отечественный научный оборот впервые (например: [Campbell, 1807; ERS, 1931; Hastings F., 1858; Old Fort William, 1906; Punjab Papers, 1970; Raja of Satara, 1849; Selections (Baroda), 1922; Persian Documents, 1966]), а многие другие ранее цитировались исследователями лишь по несколько раз (например: [ERMH; HPD; HPD/3; HPHE; Two Views, 1970; Wellesley Despatches; Ghulam Husain, 1898]).

I.2. Обзор исследовательской литературы

Подавляющее большинство исследований по английской ОИК и связанной с ней тематике написано английскими или индийскими историками в русле англосаксонской историко-нарративной традиции (разнятся лишь идеологические позиции английских представителей имперской историографии и националистически настроенных индийцев). Эту традицию характеризует добротное изложение эмпирического характера. Однако, как гласит английская поговорка, «каждое приобретение есть потеря, и каждая потеря — приобретение». В работах, о которых идёт речь, главное приобретение — увлекательное повествование, богатая фактография; главная потеря, обусловленная этим приобретением, — практически полный отрыв от теории, отсутствие даже попыток осмыслить историю ОИК в контексте мировой капиталистической системы. В этом смысле большинство использованных работ трудно сталкивать друг с другом — у них нет предмета концептуального спора (за исключением некоторых расхождений в конкретно-исторических деталях).

Попытку теоретического осмысления истории Индии эпохи ОИК принял ряд советских индологов (затрагивавших такие проблемы, как генезис, социальная природа и развитие капитализма, колониализм и т.д.). Однако их подход диктовался идеологией, и поэтому его отличало стремление втиснуть эту историю в «прокрустово ложе» официального советского марксизма с характерной для него негибкой пятичленной схемой формаций.

К счастью, в 1980-е — 90-е годы стала меняться ситуация в западной и индийской индологии. Накопленный эмпирический материал начали вписывать в общие теоретические схемы, в том числе и таковые последних 30 лет — в теоретические дискуссии о мировой капиталистической системе, национальном государстве и т.д. В результате ряд новейших работ по истории Индии XVII–XIX вв. (Б. Стайна, Ф. Перлина, Д. Уошбрука, С. Субрахманиама и др.) существует не только как часть индологической науки, но и как интегральная часть мирового теоретического поля социально-исторической науки. И хотя на этом пути сделано ещё не так много, главное, что процесс начался и именно он представляется магистральным направлением социально-исторических исследований вообще и по Индии XVI–XX вв. в частности.

Использованные в работе над монографией исследования уместно разделить на следующие тематические блоки.

I.2.1. Исследования по истории ОИК

2.1.1. Общие работы. Лучшей из новейших работ данного типа является «Погтенная Компания: История английской Ост-Индской Компании»

Дж. Кизя [Keay, 1991]. В этой книге дана её всесторонняя история с момента основания и до начала 1830-х годов, когда Компания почти прекратила торговлю. Значительное внимание уделено коммерческой стратегии ОИК, а в связи с этим — её отношениям с азиатскими политиями.

Первой из общих работ по ОИК была книга М.Э. Уилбур «*Ост-Индская Компания и Британская империя на Дальнем Востоке*» [Wilbur, 1945]. Уступая работе Дж. Кизя в динамике изложения, она превосходит её по временному охвату и подчас по фактографической полноте. Хорошее общее представление об истории корпорации даёт и монография Б. Гарднера «*Ост-Индская Компания: История*» [Gardner, 1971].

По сравнению с предыдущими книга Ч.Л. Рэйда «*Торговля и завоевание: История Потенной Ост-Индской Компании*» [Reid, 1947] беднее фактическим материалом, зато отличается эмоциональной вовлечённостью автора. Работа являет собой яркий пример имперского подхода к истории Британской Индии, причём консервативного. Автор — майор, внук одного из последних директоров ОИК, — воспекает её деятельность в качестве державы и искренне сокрушается по поводу потери Великобританией Индии, постоянно противопоставляя строителей империи современным ему британским политикам, которые эту империю теряют (книга издана в год получения Индией статуса доминиона).

При взгляде на оглавление работы Р. Мукерджи «*Взлёт и падение Ост-Индской Компании*» [Mukherjee, 1958] возникает впечатление полного охвата темы. Однако на самом деле в центре внимания автора — только политэкономический аспект деятельности ОИК, что, впрочем, выгодно отличает работу Р. Мукерджи от работ его английских коллег: будучи марксистом, он пытается вписать историю Компании в проблематику марксистской политэкономии; правда, попытка эта представляет собой скорее пример цитатнического подхода¹.

Книга В.П. Олтаржевского, Т.Е. Бейдиной и Г.В. Воронковой [Олтаржевский и др., 1988] является первой отечественной работой по истории ОИК. Правда, у неё есть серьёзный недостаток: назвав работу «попыткой написать полную историю» ОИК в XVII в. (с. 3), авторы практически полностью выпустили из вида её отношения с восточными политиями (насколько можно судить, авторы — не индологи). Тем не менее, книга даёт неплохое представление о торговой деятельности ОИК (сильная сторона работы — обилие цифровых данных) и о её отношениях с английским государством, особенно в период революции (1640–60).

¹ К сожалению, приведением чрезмерно длинных цитат из документов и монографий грешат многие индийские историки, например, К.К. Датта [Datta, 1965], У.С. Десаи [Desai, 1970].

Двухтомник У.У. Хантера «История Британской Индии» [Hunter] посвящён истории ОИК в XVII в. (тогда, правда, Индия ещё вовсе не была Британской). Эта книга даёт широкую панораму европейского присутствия в Индии вообще (начиная с португальцев). Будучи видным представителем имперской историографии, автор нередко оценивает то или иное направление властной деятельности ОИК, глядя ретроспективно из эпохи Британской империи, исходя из задач её строительства.

Ни одна из названных выше работ не является концептуальной.

2.1.2. Работы по экономическому аспекту деятельности ОИК. Рассмотрение истории отношений ОИК с разными типами политий невозможно осуществить вне контекста коммерческой составляющей её деятельности. По этому вопросу есть ряд исследований.

Прежде всего необходимо отметить исследования крупнейшего специалиста по экономической истории ОИК К.Н. Чаудхари «Английская Ост-Индская Компания: Исследование ранней акционерной компании, 1600–1640» [Chaudhuri, 1965] и «Мир азиатской торговли и английская Ост-Индская Компания, 1660–1760» [Chaudhuri, 1978]. В этих демонстрирующих высокий профессионализм автора работах детально исследуется организация коммерции и судоходства ОИК, её торговая политика, структура её экспорта и импорта, приводится множество цифровых данных и таблиц.

Другой основополагающей работой по данной теме, бесспорно, является К. Бал «Торговые отношения между Индией и Англией (1601–1757)» [Bal, 1924]. Немало сведений содержится и в книге известного специалиста по европейско-азиатской торговле Х. Фёрбера «Джон-Компания на работе: исследование европейской экспансии в Индии в конце XVIII в.» [Furber, 1951]. Из монографий других экономистов можно назвать Н.К. Синха «Экономическая история Бенгалии: От Плесси до постоянного землеустройства» [Sinha N., 1956] и хронологически продолжающую её работу А. Трипатхи «Торговля и финансы в Бенгальском президентстве (1793–1833)» [Tripathi, 1979]. Авторы весьма подробно излагают историю торговли ОИК, её сотрудничества и конкуренции с индийскими и британскими частными купцами.

Полезной для автора оказалась книга датского историка Н. Стеенсгора «Азиатская торговая революция XVII века: Ост-Индские Компании и упадок караванной торговли» [Steensgaard, 1973]. Хотя английской ОИК посвящена лишь одна глава, автор рассматривает Компанию в контексте общеевропейской торговли с Востоком. Книга помогает понять коренные отличия деятельности там англичан от деятельности португальцев и голландцев.

2.1.3. Работы по истории отношений ОИК с английским государством. Исследований по этой теме, охватывающих историю Компании в целом, по-видимому, не существует. Однако есть ряд работ по отдельным периодам этой истории.

Сильной работой является книга Ш.А. Хана «*Ост-индская торговля в XVII веке в её политическом и экономическом аспектах*» [Khan S., 1923]. Несмотря на название, по сути центральный предмет книги — отношения ОИК с государством. Автор подробно разобрал экономические трактаты, писавшиеся в Англии за и против деятельности ОИК, и проследил изменение отношения к ней государственной власти, вписав историю Компании в историю развития меркантилизма. Близкая по тематике работа — П.Дж. Томас «*Меркантилизм и ост-индская торговля*» [Thomas, 1926].

При изучении истории отношений ОИК с государством нельзя обойти вниманием монографию Л. Сазерленд «*Ост-Индская Компания в политике XVIII в.*» [Sutherland, 1952]. В работе показан политический вес ОИК на родине и подробнейшим образом рассмотрена нараставшая с середины 1760-х годов борьба Компании с государством за политическую самостоятельность, увенчавшаяся парламентским актом 1784 г., который положил этой самостоятельности конец.

История отношений ОИК с государством уже после превращения её в индийскую державу подробно освещена в работе известного специалиста по истории Британской Индии и Британской империи в целом П.Дж. Маршалла «*Проблемы империи: Британия и Индия, 1757–1813*» [Marshall, 1968] и особенно в книге С.Х. Филиппса «*Ост-Индская Компания, 1784–1834*» [Philips, 1940]. В ней директор лондонской Школы восточных и африканских исследований детально разобрал борьбу директоров ОИК с правительством, показал, как на практике реализовались положения акта 1784 г. и подробно рассказал о борьбе группировок внутри самой Компании, причём всё это — на фоне эпохальных изменений в экономике Великобритании и торговле ОИК.

Определённую помощь в рассмотрении темы оказали работы А.Б. Кейта «*Конституционная история Индии, 1600–1935*» [Keith, 1937] и К.П. Илберта¹ «*Управление Индией: краткое изложение статутного права, относящегося к нему*» [Ilbert, 1898]. Хотя обе работы относятся скорее к истории британской администрации в Индии, авторы не могли обойти вниманием процесс наделения государством ОИК властно-административными полномочиями. Авторы проследили эволюцию этих полномочий, превратившую Компанию в самостоятельную политику на Востоке.

Короткому, но чрезвычайно важному периоду борьбы ОИК за политическую самостоятельность (1770-е годы) посвящена книга С. Уайцман «*Уоррен Хейстингс и Филип Фрэнсис*» [Weitzman, 1929]. Широкую картину взаи-

¹ Тот самый член генерал-губернаторского совета по законодательству, который предложил в 1883 г. известный билль об устранении неравенства судей-британцев и индийцев в Британской Индии.

моотношений ОИК и государства на заключительном этапе их развития дала Т.Ф. Юрлова в работе *«Народное восстание 1857–1859 гг. в Индии и английское общество»* [Юрлова, 1991]. Проанализировав с марксистских позиций причины наступления парламента на остатки автономии Компании в середине XIX в., автор вскрыла разницу в позициях различных групп правящего класса Великобритании по вопросу об эксплуатации Индии.

2.1.4. Работы по истории отношений ОИК с индийскими патримониями. Удивительно, что не существует монографии по отношениям ОИК с Моголами, которая охватывала бы всю их историю (1609–1857). Тем не менее, как и в случае с государством, имеются работы по отдельным периодам.

К счастью, есть две работы по ключевому периоду англо-могольских отношений — правлению Шаха Алама II (1759–1806), в течение которого произошло и становление ОИК как политики, и её превращение в доминирующую державу Индии. Данная эпоха притянула главное внимание историков не случайно: с этого представителя династии и начался период британского контроля над ней, окончившийся только с её гибелью в 1857 г. Речь идёт о книгах К.К. Датты *«Шах Алам II и Ост-Индская Компания»* [Datta, 1965] и М. Эдуардса *«Король мира: жизнь и эпоха Шаха Алама, императора Хиндустана»* [Edwardes M., 1970].

Хронологически продолжают эти работы монографии К.Н. Паниккара *«Британская дипломатия в Северной Индии: Исследование делийского резидентства, 1803–1857»* [Panikkar, 1968] и М. Хусейна *«Бахадур-шах II и война 1857 г. в Дели с её незабываемыми сценами»* [Husain, 1958]. Автор второй работы освещает роль последнего шаха в антибританском восстании, идеализируя, правда, эту трагическую фигуру. Уяснить развитие юридического статуса ОИК в Индии помогает статья индийского историка Р. Кемаля *«Эволюция британского суверенитета в Индии»* [Kemal, 1958], который рассматривает политические функции Компании в рамках Могольской империи и их значение для создания следующей империи, Британской.

Естественно, что главное внимание историков привлёк период становления ОИК в качестве политики, которое произошло в Бенгалии. Недостатка работ по отношениям ОИК с её *навабами* в XVIII в. нет. Предысторию конфликта 1756 г. излагает С. Бхаттачарья в книге *«Ост-Индская Компания и экономика Бенгалии с 1700 по 1740 г.»* [Bhattacharya, 1954]. Сам конфликт и его последствия подробно освещены в работах Б.К. Гупты *«Сирадж-уд-даула и Ост-Индская Компания, 1756–57»* [Gupta, 1962] и Р. Гопала *«Как британцы захватили Бенгалию: исправленное описание событий 1756–1765 гг.»* [Gopal, 1963]. Из самого названия последней книги явствует, что она (впрочем, как и предыдущие) написана в русле националистического подхода к индийской истории, противостоя подходу официальной английской историографии.

Лучшей (она же новейшая) работой по внедрению британцев во власть в Индии представляется книга П.Дж. Маршалла «Бенгалия: Британский плац-дарм. Восточная Индия, 1740–1828» [Marshall, 1987] из серии «Новой Кембриджской истории Индии». Известный историк даёт панорамную картину истории Бенгалии XVIII в. и тщательно анализирует предпосылки, причины и последствия экономического и военного господства Компании в стране.

По отношению ОИК с другими княжествами — преемниками Моголов — наиболее полезными оказались следующие работы: Н.С. Рамасвами [Ramaswami, 1984] и К. Раджайяна [Rajayyan, 1978] по Карнатику, Р.Б. Барнетта [Barnett, 1980] и Дж. Пембла [Pemble, 1977] по Авадху, Х.Г. Бриггза [Briggs, 1861] по Хайдарабаду, Б. Шейка Али [Sheik Ali, 1963] и А. Касымова [Касымов, 1964] по Майсуру, У.С. Десаи [Desai, 1970] и Р. Уолласа [Wallace, 1861] по маратхам, К.К.Н. Курупа [Kurup, 1977] и А.С. Менона [Menon, 1967] по княжествам Малабара, В.Ф. Агеева [Агеев, 1979] и Р.А. Хаттенбэка [Huttenback, 1962] по Синду, Н.И. Семёновой [Семенова, 1958], Б.Дж. Хас-рата [Hasrat, 1968] и Дж.С. Гревала [Grewal, 1999] по Панджабу.

Классической работой по отношениям ОИК с индийскими политиями после её превращения в одну из них в имперской историографии считается книга сэра Уильяма Ли-Уорнера «*Туземные государства Индии*» [Lee-Warner, 1910]¹. Автор (резидент в Майсуре в 1895 г.) дал панорамный взгляд на эволюцию этих отношений и поэтапное втягивание всех княжеств в «договорную карту» Индии (фактически — под британский протекторат). Правда, основное внимание он уделил функционированию союза британцев с княжествами в период после ликвидации власти ОИК.

Весьма обстоятельной работой является книга американского индолога М.Х. Фишера «*Косвенное управление в Индии: Резиденты и система резидентств, 1764–1857*» [Fisher, 1991]. Автор выделил элементы этой системы, детально разобрал её функционирование, проследил её эволюцию и сравнил с системами косвенного управления в других частях Британской империи (Малайе, Африке).

2.1.5. Биографии представителей ОИК. Здесь центральное место занимают биографии Уоррена Хейстингса — первого генерал-губернатора Британской Индии, срок службы которого (1774–85) пришёлся одновременно на самое неустойчивое для британцев время в Индии и на наиболее опасное для ОИК время в Великобритании. Речь идёт о работах К. Филинга [Feiling, 1955] и А.М. Дэйвиса [Davies A., 1935]. Следует упомянуть и биографию видного администратора ОИК Чарлза Меткафа [Kaue, 1858].

¹ Интересно, что первое издание книги (1894 г.) вышло под названием *The Protected Princes of India*. Второе издание автор предпочёл назвать нейтрально, чтобы не обижать индийских князей, вызвав у них чувство неполноценности.

1.2.2. Исследования по истории Великобритании и Британской империи

Настоящая монография потребовала проработки корпуса исследований по истории Великобритании и Британской империи. Разобраться в социально-политической ситуации в Великобритании в XVII — первой половины XIX в. мне помогли книги Т.Ф. Таута *«История Великобритании (продолжающий курс)»* [Tout, 1908], М. Эшли *«Англия в XVII в.»* [Ashley, 1977], Дж.Х. Плама *«Англия в XVIII в.»* [Plumb, 1978] и справочник *«Премьер-министры»* [Prime Ministers, 1975], а в политической и партийной борьбе ключевого для борьбы ОИК с государством периода — третьей четверти XVIII в. — статья крупного дореволюционного специалиста по истории Великобритании В.В. Водовозова в *«Книге для чтения по истории нового времени»* [Водовозов, 1912].

Поместить историю ОИК в контекст общей ситуации в стране в XVIII–XIX вв. позволили книги известных английских историков А. Бриггза *«Эпоха улушения, 1783–1867»* [Briggs A., 1980] и У. Доддса *«Эпоха парадокса: биография Англии, 1841–1851 гг.»* [Dodds, 1953]. Для понимания социальной эволюции страны исключительно важной оказалась работа выдающегося английского специалиста по социальной истории Х. Паркина *«Истоки современного английского общества, 1780–1880»* [Perkin, 1969], вскрывшего социальные причины и последствия промышленной революции.

Факты и цифры по экономической истории Великобритании почерпнуты мной из классических работ признанных специалистов по этой теме — Т.С. Эштона *«Экономические колебания в Англии, 1700–1800»* [Ashton, 1959] и Ф. Дин и У.А. Коула *«Британский экономический рост»* [Deane, Cole, 1962]. Обе они изобилуют цифровыми данными и наглядными таблицами и графиками.

Раскрытие темы данной монографии было бы неполным без подхода к истории ОИК в контексте эволюции Британской колониальной империи, частью которой она неизбежно стала. Среди работ по империи необходимо назвать книги Д. Джадда *«Империя: британский имперский опыт с 1765 г. по настоящее время»* [Judd, 1997], Л. Джеймса *«Взлёт и падение Британской империи»* [James, 1997] и особенно знаменитый лекционный курс английского геополитика Дж.Р. Сили *«Расширение Англии»* (первое издание — 1883 г.) [Сили, 2004] (уже современники называли эту книгу евангелием британского империализма). Для этих работ характерен синоптический взгляд на империю, позволяющий лучше понять место в ней Индии.

Новым словом в изучении Британской империи стала в 1989 г. книга К.А. Бэйли *«Имперский меридиан: Британская империя и мир, 1780–1830»* [Bayly, 1989]. Автор подверг критике традиционный взгляд заидеологизированной имперской историографии (в русле которой продолжали работать и

английские историки второй половины XX в.), согласно которому цепь случайностей вынудила британцев против их воли создать империю. К.А. Бэйли развеивает миф об уникальности Британской империи как миролюбивой, расширение которой определяла лишь экономика (этот миф держался в английской историографии ещё во второй половине XX в.). «Вторую Британскую империю» К.А. Бэйли убедительно ограничивает эпохой 1780-х — 1830-х годов, после чего, по его мнению, началась уже третья империя — действительно промышленная и фритредерская.

Изданный недавно (1998–99) пятитомник *«Оксфордская история Британской империи»* является обобщением исследования империи к настоящему времени. Авторы провели ревизию основных работ и подходов к её изучению, представив широкую панораму истории империи. Наиболее полезными среди статей этой серии оказались статьи по истории ОИК во второй половине XVIII в. в Великобритании и Индии [Bowen, 1998; Ray R., 1998].

Наконец, хочу выделить работу Э. Хобсбоума *«Промышленность и империя»* [Hobsbawm, 1969], в которой прослеживается связь между промышленной революцией и подъёмом промышленной буржуазии как класса зрелого капиталистического общества, с одной стороны, и развитием Британской империи — с другой.

1.2.3. Исследования по истории Индии

2.3.1. Общие работы. Прежде всего необходимо выделить тома IV–VI серии *«Кембриджской истории Индии»* и том IX *«Всеобъемлющей истории Индии»* [Comprehensive History of India, 1978]. Хотя первая из этих серий была издана ещё в 1920-е — 30-е годы, по фундаментальности изложения и насыщенности именами и фактами у обеих из них едва ли есть аналоги, по крайней мере, ни советская *«Новая история Индии»* [Новая история Индии, 1961], ни *«История Индии»* Н.К. Синхи и А.Ч. Банерджи [Синха, Банерджи, 1954] такими аналогами, на мой взгляд, не являются. Правда, «Новую историю Индии» от «Кембриджской» выгодно отличает попытка теоретического осмысления эпохи. Однако уровень этого осмысления соответствует состоянию официального советского марксизма 1950-х годов, т.е. в значительной степени характеризуется заидеологизированностью и схематизмом.

Недавняя работа крупного американского индолога Б. Стайна *«История Индии»* [Stein, 1998] интересна прежде всего оригинальной теоретической схемой, которую автор предложил для развития властных и социальных образований. Положив в основу схемы сущность отношений политий с общинами (*communities*), Б. Стайн выделил четыре фазы их развития, проследив постепенное обособление политий от общинных институтов и подчинение вторых первыми.

2.3.2. Работы по социальной и экономической истории Индии.

Именно в этой проблематике зарубежная наука осуществила прорыв в теорию, связав историю с экономикой и социально-политическими исследованиями и резко расширив поле исторических исследований — главное достижение последних тридцати лет. Проблематику истории ОИК вписывает в проблематику истории Индии английский индолог Д.А. Уошбрук в статьях *«Прогресс и проблемы: южноазиатская экономическая и социальная история, около 1720–1860»* [Washbrook, 1988] и *«Южная Азия, мировая система и мировой капитализм»* [Washbrook, 1990]. Он возражает против отнесения основоположником мир-системного подхода И. Валлерстайном Индии к периферии мир-системы, отмечая, что для эпохи раннего нового времени трудно решить, кто был ядром системы, а кто — (полу)периферией: Индия, грозившая деиндустриализовать Европу, или Европа, импортировавшая огромное количество индийского текстиля [Washbrook, 1988, p. 60].

Д. Уошбрук рассматривает проблемы причин доминирования Европы в мировой экономике с рубежа XVIII–XIX вв. и проблему капитализма в Южной Азии. Опровергая традиционную точку зрения, по которой роль региона во включении в мировую капиталистическую систему была пассивной, автор убедительно доказывает, что приход ОИК к власти в Индии и самый генезис индийского капитализма были следствием симбиоза внешних и внутренних сил, что встречное движение самих индийцев сыграло весьма существенную роль. Эту точку зрения разделяет видный индийский специалист по экономической истории О. Пракаш [Prakash, 1998], также полемизирующий с И. Валлерстайном и некоторыми другими историками.

В советской индологии тему торговли ОИК затронул В.И. Павлов в книге *«Социально-экономическая структура промышленности Индии»* [Павлов, 1973]. Правда, в центре внимания этого исследования — не собственно деятельность ОИК, а её последствия для социально-экономического развития Британской Индии, начало формирования местной буржуазии. Тем не менее, подход В.И. Павлова с его акцентом на широкий контекст экономической истории весьма плодотворен и близок автору настоящей работы.

По экономике Индии вообще и по влиянию на неё английской ОИК в частности очень важной работой является двухтомник *«Кембриджская экономическая история Индии»*. В противоположность советской схеме, отставившей сходство уровней социально-экономического развития Европы и Индии ко времени строительства Компанией своей империи, один из авторов — Т. Райчаудхари — делает убедительный вывод: с точки зрения идей и господствовавших отношений Индия середины XVIII в. не так уж сильно отличалась от Индии, описанной Марко Поло [Raychaudhuri, 1983, p. 33].

Понять деятельность ОИК в контексте индоокеанской торговли помогла работа ведущих специалистов по этой теме — С. Арасаратнама *«Морская*

Индия в XVII в.» [Arasaratnam, 1994] и «Купцы, компании и торговля на Коромандельском берегу, 1650–1740» [Arasaratnam, 1986] и А. Дас Гупты «Мир индоокеанского купца, 1500–1800» (сборник статей) [Das Gupta, 1967; Das Gupta, 1982; Das Gupta, 2001 (1–3)].

2.3.3. Работы по истории пред-Британской и Британской Индии.

Одной из наиболее ранних работ по данной теме (первое издание — 1890-х годов) является книга сэра Алфреда Лайалла «Подъём и экспансия британского господства в Индии» [Lyll, 1973]. Автор служил вице-губернатором Соединённых Провинций (1882–87), и неудивительно, что эту увлекательную книгу больше, чем многие другие, отличает «имперский дух» автора. Помимо обилия в ней фактов, данное обстоятельство делает работу весьма интересной. Читая эту книгу, понимаешь настрой и склад ума строителей Британской империи.

Схожей работой является фундаментальный труд ещё одного члена Индийской гражданской службы — сэра Пендерела Муна «Британское завоевание и господство в Индии» [Moon, 1999]. Хотя первостепенное внимание автор уделил военному компоненту британской экспансии, этот компонент органично вписан в повествование об истории Британской Индии в целом. Автор принадлежал к тем британским чиновникам, которые остро сознавали ответственность Великобритании перед Индией и, руководствуясь идеей опеки, не считали метрополию вправе злоупотреблять этой идеей (что выгодно отличает П. Муна от, например, Ч.Л. Рэйда). Книга отличается богатым языком автора, характерным, впрочем, для многих работ XIX — первой половины XX вв. В последние сорок лет, к сожалению, произошло очевидное обеднение языка англоязычной научной литературы.

Примыкает к названным работам книга Дж. Кэя «Администрация Ост-Индской Компании: история индийского прогресса» [Kaue, 1966]. Она увидела свет в 1853 г., ещё «при жизни» ОИК. Этот автор основное внимание уделил не войне, а миру — эволюции системы управления британцев в Индии и их либеральным реформам.

Хорошим учебником можно назвать книгу одного из крупнейших английских специалистов по данной теме П.Э. Робертса «История Британской Индии под властью Компании и короны» [Roberts, 1952]. Работа содержит большое количество фактов и имён, её отличают неспешность и лёгкость изложения.

Весьма информативна книга американского индолога Дж.Д. Бирса «Британские взгляды на Индию, 1784–1858 гг.» [Bearse, 1961]. Автор проследил эволюцию отношения британцев к Индии, выделил ряд этапов этой эволюции и увязал её с эволюцией господствующих идеологий в самой Великобритании. Экономический аспект проблемы рассмотрен в работе У.Дж. Барбера «Британская экономическая мысль и Индия, 1600–1858 гг.» [Barber, 1975].

Исключительно важны для исследователя книги одного из крупнейших английских индологов К.А. Бэйли — «*Правители, горожане и базары: североиндийское общество в эпоху британской экспансии, 1770–1870*» [Bayly, 1983] и «*Индийское общество и создание Британской империи*» из серии «*Новая Кембриджская история Индии*» [Bayly, 1988]. Автор даёт оценку социально-экономической и политической ситуации в Индии накануне превращения ОИК в державу и тщательно анализирует его причины и последствия. Первая из этих книг стала веховой в развитии индологии, поскольку по сути с неё начался отказ от взгляда на индийское общество XVIII в. как пораженное анархией и экономическим упадком.

Тематически и по направленности примыкает к предыдущим книгам недавний сборник статей «*XVIII век в индийской истории: эволюция или революция?*», наиболее интересными из которых оказались статьи Б. Стайна [Stein, 2003], Ф. Перлина [Perlin, 2003] и редактора сборника П.Дж. Маршалла [Marshall, 2003]. Большинство авторов сходятся на мнении, что применительно к социально-экономическому строю Индии указанной эпохи правомерно говорить скорее об эволюции, нежели о революции. Они делают акцент на преемственности развития добританской и Британской Индии, указывая на сходство режима ОИК с предшествовавшими ему.

Марксистский подход к истории Индии применяет К.А. Антонова в работе «*Английское завоевание Индии в XVIII веке*» [Антонова, 1958]. Книга богата как анализом социально-экономического развития региона, так и фактическим материалом. Давая широкую панораму общей истории Индии указанной эпохи, автор уделяет главное внимание двум странам, от развития которых будущее Индии зависело в максимальной степени, — Бенгалии (оплоту британцев) и Майсуру (оплоту антибританского сопротивления).

Рассмотрение причин разницы в реакциях индийских патримоний на британскую экспансию второй половины XVIII в. было бы невозможно без знакомства с работами Л.Б. Алаева — «*Южная Индия: Социально-экономическая история XIV–XVIII веков*» [Алаев, 1964] и «*Средневековая Индия*» [Алаев, 2003]. Автор, в частности, проанализировал факторы и ход эволюции сельской общины в разных странах Индии в интересующий меня период.

Разобраться в сущности восточной патримонии помогла книга голландского индолога А. Винка «*Земля и суверенитет в Индии: аграрное общество и политика в маратхской свараджье XVIII в.*» [Wink, 1986]. Автор, поражая эрудицией и знанием языков (он пользовался источниками на санскрите, маратхи, фарси и арабском), детально разобрал представления о власти и формы земельного держания в исламе и Могольском султанате, с одной стороны, и в индуизме и маратхской политике, с другой.

Как и в случае с источниками, исследована история ОИК неравномерно. Меньше работ приходится на торговый период её развития, больше — на державный, а рекордное число — на ключевые отрезки завоеваний. Вполне естественно, что интерес большинства исследователей прикован к истории ОИК второй половины XVIII — первой половины XIX в. — эпохе полного раскрытия её политико-экономической природы. Тем не менее, и по данному периоду нередко существует лишь одно исследование по конкретной проблеме. Например, проблема отношений Компании с Вадодарой рассмотрена только у Р. Уолласа [Wallace, 1861], а с государством в 1813–34 гг. — только у С.Х. Филипса [Philips, 1940]. Поэтому при рассмотрении некоторых периодов мне пришлось опираться на единственные по своей теме исследования (плюс, конечно, общие работы).

1.2.4. Исследования по социально-экономической истории и истории мировой экономики

Два обстоятельных труда по сути представляют собой настоящие энциклопедии — И.М. Кулишер *«История экономического быта Западной Европы»* [Кулишер, 2004] и Ф. Бродель *«Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.»* [Braudel, 1979]. Обе книги чрезвычайно ценны для исследователей истории нового времени ввиду охвата огромного поля социальной, экономической, бытовой жизни.

Для уяснения логики экономической и социальной истории Европы, Азии и мира крайне полезными оказались работы крупнейших специалистов XX в. по экономической истории Ч. Киндлбергера *«Финансовая история Западной Европы»* [Kindleberger, 1984] и *«Мировое экономическое первенство, 1500–1990»* [Kindleberger, 1996], У.У. Ростоу *«Как это всё началось: происхождение современной экономики»* [Rostow, 1975] и *«Мировая экономика: история и перспективы»* [Rostow, 1978], П. Бэрока *«Победы и провалы»* [Bairoch, 1997], К.Дж.Ф. Симкина *«Традиционная торговля в Азии»* [Simkin, 1968], крупного специалиста по социально-экономической истории К. Полањи *«Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени»* [Полањи, 2002], а также обобщающий труд К.А. Бэйли *«Рождение современного мира, 1780–1914»* [Bayly, 2004]. Весьма полезными и информативными оказались *«Экономическая история Европы»* издательства «Фонтана» (тома II и IV) и книга *«От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.»* [От аграрного общества..., 1998]. Все эти исследования позволили лучше понять место ОИК, Индии и Великобритании конца XVIII — первой половины XIX в. в контексте мировой истории и долгосрочных (*longue durée* Ф. Броделя) изменений.

1.2.5. Работы по теоретическим проблемам развития капиталистической системы и национального государства

Из классических работ по этой проблематике хочу выделить «*Капитал*» К. Маркса [Маркс, т. 25] и социологические работы М. Вебера [Вебер, 1990].

В последние десятилетия произошёл качественный сдвиг в изучении мировой капиталистической системы и национального государства как базовой единицы социопространственной организации классического капитализма (этот сдвиг совпал и с кардинальным поворотом в изучении афро-азиатского мира — появление работы Э. Саида и всего комплекса «постсаидовской историографии», *subaltern studies* Р. Гухи и других, новой социальной истории азиатских обществ Дж. Скотта и других)¹.

Теоретическая проблематика капиталистической системы и национального государства крайне важна для настоящего исследования: ОИК — феномен капиталистической эпохи, к тому же она выступила конкурентом государства. Прежде всего необходимо назвать работы В.В. Крылова [Крылов, 1997], в которых он показал, во-первых, различие между капиталом и капиталистической собственностью; во-вторых, как и почему капитализм конкретно-исторически реализует себя не в качестве гомогенной капиталистической формации, а как мировая многоукладная система, и А.И. Фурсова [Фурсов, 1996; Фурсов, 1999], в которых показано несовпадение субстанции и функции капитала, благодаря чему функциональная капитализация мира долго обгоняла субстанциальную, а их конкретные формы и результаты нередко вступали между собой в конфликт.

Весьма важными для написания настоящей работы стал ряд идей школы мир-системного анализа. Речь идёт об исследованиях основоположника этой школы известного американского учёного И. Валлерстайна (прежде всего трёхтомник «*Современная мир-система*» [Wallerstein, 1974; Wallerstein, 1980] и специалиста по экономической теории Дж. Арриги [Арриги, 2005; Arrighi, 1994]. В этих работах концептуально представлена широкая панорама развития капиталистической системы с момента её генезиса в «длинном XVI веке» (1453–1648) и до наших дней, её циклы накопления, базовые тенденции, борьба за гегемонию.

Немалую помощь в работе над монографией оказала и книга А.Г. Франка «*Мировое накопление, 1492–1789*» [Frank, 1978]. В центре внимания автора — проблемы генезиса капитализма и колониализма. Знакомство с ра-

¹ Подр. см.: Фурсов А.И. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Выпуски 1–2. — М.: ИНИОН, 1986–88; *его же* Развитие азиатских обществ в XVII — начале XX в.: современные западные теории. Выпуски 1–3. — М.: ИНИОН, 1990–91; *его же* Операция «Ориентализм». — М.: Гуманитарий, 2004. — 55 с.

ботой даёт хорошее представление о превращении европейской капиталистической системы в мировую, о различных методах включения тех или иных регионов мира в капиталистический рынок.

Для уяснения логики конкретно-исторической борьбы за мировую гегемонию в XVII — первой половины XIX в. весьма полезными оказались работы Л. Дехио «Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за власть в Европе» [Dehio, 1962], П. Кеннеди «Взлёт и падение великих держав» [Kennedy, 1989] и Дж. Моделски и У.Р. Томпсона «Морская мощь в мировой политике, 1494–1993» [Modelski, Thompson, 1988].

Исключительно важным было знакомство с целым рядом новейших исследований по проблемам национального государства. Здесь необходимо отметить работы трёх зарубежных авторов — одного из крупнейших социологов последней трети XX в. П. Бурдьё [Социоанализ Пьера Бурдьё, 2001] и двух крупных государствоведов — М. ван Кревелда «Взлёт и падение государства» [Creveld, 1999] и Ф. Боббитта «Щит Ахиллеса: война, мир и ход истории» [Bobbitt, 2002]. Все три исследователя подходят к *nation-state* с позиций историзма, т.е. чётко фиксируют его системно-историческую обусловленность определённой стадией развития капиталистической системы. П. Бурдьё чётко зафиксировал содержательное отличие *nation-state* (*État-nation*) от докапиталистических форм организации власти. М. ван Кревелд предложил подробный исторический и теоретический анализ эволюции властных форм, на определённых стадиях которой возникает (и отмирает, как показывают исследования конца XX в.) национальное государство. Ф. Боббитт не только дал детальный анализ возникновения национального государства в конце XVIII — начале XIX в., но и проследил те переходные формы XVI–XVIII вв., посредством которых и возникло национальное государство в качестве принципиально иной формы организации власти по сравнению как с феодальной иерархией, так и — тем более — с азиатскими политиями.

Необходимо также отметить сборник статей по теоретическим проблемам государства, изданный Европейским университетом в Санкт-Петербурге — «Понятие государства в четырёх языках» [Понятие государства, 2002]. Составитель и один из авторов сборника О. Хархордин (статья «Что такое “государство”? Русский термин в европейском контексте») представил, в частности, статьи двух крупнейших государствоведов К. Скиннера «The State» и Д. Кола «Политическая семантика “État” и “état” во французском языке».

1.2.6. Работы по общей методологии, теории систем и методологии социально-исторических исследований

Эти работы — последние по счёту, но не по значению. Любой специалист в области социально-исторических наук сталкивается с общими проблема-

ми методологии и теории вообще (что такое научный факт, научная теория, каковы принципы их конструкции и т.д. — поскольку учёный имеет дело с понятийно оформленной реальностью) и теории систем (поскольку социальная реальность носит системный характер), в частности. В связи с этим настоящее исследование потребовало проработки значительного числа исследований по общей научной методологии и теории. Наиболее важными из них представляются следующие.

Аверьянов А.Н. 1976. Система: философская категория и реальность. — М.: Мысль; Аверьянов Л.Я. 2003. В поисках своей идеи. — М.: РГИИ; Акчурин И.А. 1974. Единство естественно-научного знания. — М. — 207 с.; Голдстейн М., Голдстейн И.Ф. 1984. Как мы познаем. — М.: Знание. — 256 с.; Зиновьев А.А. 2000. На пути к сверхобществу. — М.: Центрполиграф; Ильин В.В. 2003. Философия науки. — М.: МГУ. — 360 с.; Кун Т. 2001. Структура научных революций. — М.: АСТ; Лешкевич Т.Г. 2001. Философия науки: традиции и новации. — М.: ПРИОР. — С. 247–402; Малкей М. 1983. Наука и социология знания. — М.: Прогресс. — 253 с.; Никитин Е.П. 1970. Объяснение — функция науки. — М.: Наука. — С. 5–42; Никифоров А.Л. 1998. Философия науки: история и методология. — М.: Дом интеллектуальной книги. — 276 с.; Рузавин Г.И. 1974. Методы научного исследования. — М.: Мысль. — 237 с.; *его же*. 1978. Научная теория: логико-методологический анализ. — М.: Мысль. — 244 с.; Печенкин А.А. 1991. Обоснование научной теории: Классика и современность. — М.: Наука. — 184 с.; Пригожин И., Стенгерс И. 1984. Порядок из хаоса. — М.: Мир; Садовский В.И. 1974. Основания общей теории систем. — М.: Наука. — 279 с.; Чудинов Э.М. 1977. Природа научной истины. — М.: Политиздат. — 312 с.; Швырев В.С. 1988. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. — М.: Наука. — 176 с.; *его же*. 1978. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. — М.: Наука. — 382 с.; Lloyd C. 1986. *Explanation in Social History*. — Oxford: Basil Blackwell. — XIII, 375 p.; *его же*. 1993. *The Structures in History*. — Oxford: Basil Blackwell. — XV, 271 p. и ряд других.

Из эпистемологических традиций на моё исследование наибольшее влияние оказало картезианство с его императивом *Il faut définir le sens des mots* («следует определять значение слов» — Р. Декарт), т.е. с методологическим требованием чёткого определения понятий (кстати, в русле именно этой традиции, тесно связанной с номинализмом, развивались столь непохожие друг на друга наиболее близкий мне метод восхождения от абстрактного к конкретному К. Маркса и идеально-типологический метод М. Вебера). Среди целого ряда современных философов и методологов науки императив понятийной определённости наиболее полно и чётко разработан в комплексной логике и методологии науки А.А. Зиновьева. Отношения учёного с эмпирической реальностью опосредованы языком, а, как отмечает А.А. Зиновьев,

«основная масса слов живёт и функционирует по правилам дологического, внелогического и псевдологического мышления» [Зиновьев, 2000, с. 44], т.е. по вненаучным правилам. Поэтому, продолжает он, научное понимание социальных феноменов требует прежде всего чёткой терминологической (философской, научной, логической) обработки языка исследований, поскольку «определить объект — значит определить обозначающее его языковое выражение» [Зиновьев, 2000, с. 45]. Таким образом, то, что внешне может казаться игрой в термины, на самом деле является не только *conditio sine qua non* научного исследования, но и его сутью. Именно такой подход лежит в основе настоящего исследования¹.

¹ Об орфографии. Индийские имена собственные (это относится, главным образом, к географическим названиям) я пишу в соответствии с их действительным произношением, а не «колониальным» звучанием. Искажённые индийские названия существуют в нашей литературе с XIX в., когда ещё писали «Лукнов», «Джумна», «Буртпор», «Мисор» (спасибо ещё, что не «Пунджаб»). В русском языке они были искажены вдвойне — через английский. К счастью, в настоящее время от такого написания во многом освободились, но отнюдь не до конца. В индийской и западной индологии давно уже перешли на правильное написание. То же сделали и некоторые российские исследователи (А.А. Суворова, Е.Н. Успенская). Едва ли правомерно и целесообразно слепо повторять «общепринятое» искажение. Поэтому считаю правильным писать, например, «Авадх», а не «Ауд»; «Вадодара», а не «Барода»; «Баксар», а не «Буксар».

Глава II

Купец в борьбе за монополию: отношения Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями в XVII — первой половине XVIII в.

II.1. Компания и английское государство в XVII — первой половине XVIII в.

II.1.1. Компания в эпоху ранних Стюартов и революции (1600–57)

К началу XVII в. в Англии постепенно развивался капитализм. Набирал обороты процесс огораживаний и образования джентри, развивалось мануфактурное производство, прежде всего сукноделие. В военном плане Англия превратилась при Елизавете I Тюдор (1558–1603) в морскую державу. Необходимой предпосылкой этого было осознание англичанами своей страны в качестве острова, автономного от континента пространства, которое произошло между 1453 и 1558 гг. (окончание Столетней войны и взятие французами Кале) [Braudel, 1979, III, p. 434]. Растущая уверенность англичан на море толкнула их к заокеанским экспедициям в Америку, что привело к острой борьбе с Испанией. Разгром испанской «Непобедимой Армады» в 1588 г. окончательно утвердил Англию в роли одной из морских держав Европы¹. К началу рассматриваемого периода относится и основание англичанами первой колонии в Северной Америке — Вирджинии (1607 г.).

¹ В 1601 г. военно-морской флот Англии насчитывал 35 кораблей, т.е. был сравним с флотами двух других морских держав — Испании и Нидерландов (по 40 кораблей) [Modelska, Thompson, 1988, table 3.3, p. 64].

Значительную роль в экспансии страны играли соображения внешней торговли: укрепляя свои экономические и политические позиции, английское купечество стремилось к расширению сферы своей деятельности. К началу XVII в. оно ощутило потребность включить в неё Восток, для чего сложились все предпосылки — финансовые, технические, организационные.

Был накоплен достаточный торговый капитал. Не случайно при Елизавете в Англии исчезла необходимость в услугах итальянских банкиров, прекратилось посещение страны венецианскими галерами, были отменены все привилегии Ганзы. Если в первой половине XVI в. в Англии насчитывалось всего 169 богатых купцов, то в 1601 г. с одними Нидерландами их торговало 3500 человек [Кулишер, 2004, с. 223–224]. Лидировало в торговой жизни страны купечество Лондона, оставившее остальные группы купцов далеко позади: если объём экспортных пошлин в столице составлял £ 160 тыс., то во всех других портах — только £ 17 тыс. [Барг, 1991, с. 58]. Немалый вклад в формирование купеческого капитала вносил грабёж «пиратами её величества» испанских конвоев в ходе англо-испанской морской войны 1585–1604 гг. Например, часть средств, награбленных знаменитым пиратом Фрэнсисом Дрэйком, — существенная сумма в £ 42 тыс. — была внесена в капитал Левантской Компании [Arrighi, 1994, p. 186].

Начать прямое океанское сообщение с Востоком позволял и уровень накопленных географических и навигационных знаний и опыта. В 1580-е годы в Индию ездил английский купец Ралф Фитч, который по возвращении на родину рассказал о богатстве Могольской империи. В 1591–94 гг. в Индийском океане побывала экспедиция Джеймса Ланкастера, который станет капитаном первого плавания, организованного ОИК (1601–03). В 1596 г. голландец Я.Х. фан Линсхотен опубликовал книгу, где показал, насколько слабы позиции на Востоке португальцев, в течение всего XVI в. державших под контролем его морскую торговлю с Европой [Mukherjee, 1958, p. 59]. Между тем демонстрационный эффект деятельности португальцев на Востоке был значительным. Особенно воспламенила воображение англичан португальская каракка *Madre de Deus*, перехваченная ими в 1592 г. Размерами она втрое превосходила крупнейшее судно Англии, а стоимость её груза (драгоценности, пряности) — £ 500 тыс. — равнялась половине содержимого английской казны. Это был, возможно, самый грандиозный захват добычи в истории после выкупа правителя инков Атауальпы в 1532 г. [Landes, 1998, p. 151].

Наконец, имелся обширный организационный опыт ведения внешней торговли. Создание ОИК было подготовлено образованием во второй половине XVI в. нескольких компаний, получивших от короны право на монопольную торговлю с определённой частью внешнего мира (Московской, Левантской Компаний, торгующей с Балтикой Компании восточных земель и других). Эти корпорации, в свою очередь, уходили корнями к средневеко-

вым генуэзским «маонам» — ассоциациям с военными и властными функциями, которые создавались с целью извлечения прибыли из завоевания заморских территорий [Зомбарт, 2005, с. 109], т.е. имели двойственную, политико-экономическую, природу.

ОИК предстояло стать наиболее мощной и долговечной из всех организаций такого рода. Главной причиной её создания стало стремление английских купцов наладить прямой импорт пряностей с Востока, чтобы не дать монополизировать его своим голландским соперникам: последние отправили первую экспедицию в Индийский океан ещё в 1595 г. Как подчёркивает К.Н. Чаудхари, исходно ОИК была лишь ответвлением Левантской Компании, созданным для решения частной задачи — отделить торговлю пряностями от общей торговли с Левантом и через Левант [Chaudhuri, 1965, p. 11–12]¹.

Инкорпорация ОИК состоялась в последний день XVI в., 31 декабря 1600 г.: королева Елизавета пожаловала подписчикам на первое ост-индское плавание хартию, по которой они объявлялись *«единой корпоративной и политической организацией... под названием “Управляющий и Компания купцов Лондона, торгующих с Ост-Индией”»*. Структура и права ОИК были типичными для внешнеторговых корпораций того времени. Она наделялась правом владеть и распоряжаться земельным и иным имуществом. Всей деятельностью Компании заведовали управляющий и избирающие его 24 директора, которых, в свою очередь, ежегодно избирали пайщики. В основе назначения всех служащих ОИК лежал патронаж: каждый директор пользовался правом назначить определённое количество служащих (и таким образом получал клиентуру внутри Компании). ОИК была дарована монополия на торговлю Англии с Востоком (от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива) на 15 лет. Компании разрешалось беспошлинно вывозить из Англии серебро на сумму до £ 30 тыс. и реэкспортировать нереализованный на внутреннем рынке излишек восточных товаров [Register of Letters, 1893, p. 182; Select Statutes, 1934, p. 449–453] (позднее количество разрешённого к вывозу серебра увеличивали).

Данный пункт стал существенной уступкой короны «ост-индскому» купечеству: ещё со времени Эдуарда III (1327–77) вывоз монеты из страны считался уголовным преступлением [Thomas, 1926, p. 8]. Для ОИК, стало быть, сделали важное исключение. Хотя ещё одной причиной её создания и были

¹ О тесном характере связей ОИК с Левантской Компанией свидетельствует общее членство в них многих купцов и то, что поначалу протоколы обеих компаний вносились в одну и ту же книгу [Scott W., I, p. 103]. Однако очень скоро, с усилением ОИК, её торговля обретёт собственную логику и Компания станет реэкспортировать на Ближний Восток те самые товары, которые раньше импортировались оттуда в Европу.

поиски английскими купцами новых рынков сбыта сукна (после их изгнания испанцами из Лиссабона в 1585 г. и ввиду угрозы прекращения торговли с Антверпеном из-за вступления Англии в войну с Испанией), англичане понимали, что их главный товар не будет иметь большого спроса на Востоке, поэтому пряности придётся покупать за звонкую монету. Уже в первое плавание Компания вывезла из Англии серебра и золота на £ 21,7 тыс., тогда как товаров — всего на £ 6,9 тыс. [Chaudhuri, 1965, p. 10; table III, p. 115].

Другие положения хартии предусматривали тюремное заключение для нарушителей монополии ОИК и уплату ими штрафа минимум в £ 1 тыс., конфискацию их товаров и их раздел поровну между короной и Компанией. В случае убыточности торговли ОИК для страны корона имела право дать ей указание свернуть торговлю за два года. И наоборот, в случае прибыльности торговли по истечении 15 лет Компании была обещана новая хартия на такой же срок [Select Statutes, 1934, p. 454–455]. ОИК была наделена законодательными полномочиями, которыми обычно пользовались муниципальные и коммерческие корпорации, — правом собраний её членов и принятия ими законов и приказов, *«необходимых и подходящих для хорошего управления»* Компании, а также правом наложения наказаний на её служащих [Keith, 1937, p. 4].

Хартию на создание ОИК королева дала после провала мирных переговоров с Испанией. Тем самым Англия ясно выразила претензию на участие в восточной торговле, на которую в XVI в. установила свою монополию Португалия (в 1580–1640 гг. Испания и Португалия составляли одно королевство) и которую начали у неё отнимать Нидерланды.

До революции 1640–60 гг. отношения ОИК с государством представляли собой главным образом её отношения с королевской властью, поскольку вступившие на престол после смерти Елизаветы Стюарты упорно пытались сократить полномочия парламента и править единолично. Яков I (1603–25) и Карл I (1625–49) пять раз распускали неугодный им парламента. С развитием капитализма стремление монарха к неограниченной власти приходило во всё более острое противоречие с нуждами поднимающихся новых имущих слоёв — джентри, мануфактуристов, купечества. Именно представители последнего составляли подавляющее большинство членов ОИК. Хотя открывают список получивших хартию Елизаветы граф Камберленд и три рыцаря, остальные из 218 первоначальных подписчиков на ост-индский капитал значились *олдерменами* и горожанами Лондона [Register of Letters, 1893, p. 448]. Доля купцов в капитале ОИК составила 85,6% [Мещерякова, 1978, табл., с. 224].

Стюарты по сути пренебрегали интересами развития страны, и в таких условиях их отношения с ОИК определялись по преимуществу утилитарными соображениями их полезности друг другу.

От королевской поддержки зависело само существование ОИК и продление её монополии. Её коммерческая деятельность в целом была успешной: за 1601–08 гг. Компания отправила на Восток 15 судов; её прибыль от пятого плавания (1609 г.) составила 234% [Chaudhuri, 1965, table VIII, p. 209; app. B. 1, p. 226]. Поэтому уже в 1609 г., не дожидаясь истечения 15-летнего срока, Яков дал ОИК новую монопольную хартию, на этот раз на неограниченный срок¹.

С королевской властью было связано и повседневное функционирование Компании. Лорд-казначей выписывал ордера на провоз продовольствия из порта в порт. К нему или к Тайному совету директора обращались в случае неплатежа подписчиков, необходимости нажима на судостроителей или конфликта с неудачливым капитаном [Hunter, I, p. 256–257]. Перед каждым плаванием директора обращались к королю, Тайному совету или Звёздной палате за разрешением вывезти из страны определённое количество серебра в испанских риалах («без *перезеканки*»)². Например, в 1606 и 1607 гг. она вывезла таким образом по £ 20 тыс., в 1618 г. — £ 100 тыс., в 1635 г. — £ 30 тыс. [EFI/Foster, I, p. 121; Register of Letters, 1893, p. 196, 282]. До 1615 г. капитан каждого плавания назначался монархом и получал от него полномочия (*royal commission*), по которым объявлялся «управляющим и генералом всех купцов, моряков и других наших подданных» на судах Компании и наделялся правом судить военным судом [Register of Letters, 1893, p. 49–50, 356–363]. В 1615 г. король делегировал право назначать капитанов самой ОИК [Register of Letters, 1893, p. 473–474].

Иногда ОИК даже пользовалась поддержкой монарха для административного вмешательства в коммерческую жизнь страны. Например, в 1609 г. по её просьбе Яков запретил частным купцам продажу ввезённого ими из Нидерландов перца, пока ОИК не реализует на рынке собственные запасы [Register of Letters, 1893, p. 210].

Перец (в основном из Нусантары) был основным импортным товаром ОИК на протяжении первой половины XVII в. Его сбыт приносил в Европе

¹ Бросается в глаза существенная разница в это время между английской экспансией на восток и запад. В отличие от ОИК дела основанной в 1606 г. Вирджинской Компании, пытавшейся колонизовать американское побережье, шли далеко не блестяще, и в 1624 г. она была ликвидирована, а Вирджиния стала первой коронной колонией.

Кстати, казначеем Вирджинской Компании в 1609 г. стал первый управляющий ОИК крупный купец сэр Томас Смит — свидетельство того, насколько узкой была группа лондонского купечества, сосредоточившая в своих руках внешнюю торговлю страны. Тот же Смит был одно время управляющим Левантской Компании.

² Испанские риалы служили тогда основной валютой на Востоке всем европейцам, поскольку весь XVI в. их ввозили португальцы. Даже теперь риал является валютой ряда азиатских стран — Ирана, Саудовской Аравии, Йемена.

баснословные прибыли: в начале столетия продажная цена перца в Англии превышала покупную цену в Ачехе в 33 раза [Олтаржевский и др., 1988, с. 15]. Не удивительно, что дела ОИК с самого начала быстро пошли в гору, и к 1621 г. на её службе состоял каждый двухтысячный англичанин (2,5 тыс. моряков) [Gardner, 1971, p. 29]. Другими объектами интереса ОИК были прочие пряности (молуккские гвоздика, мускатный орех, мускатный цвет), индийские хлопчатобумажные и шёлковые ткани, индиго, селитра, сахар. К середине XVII в. в структуре импорта ОИК произойдёт коренная переориентация с малайского перца на индийский текстиль, что будет вызвано падением цен на пряности (из-за слишком большого предложения), а также большей конкурентоспособностью индийских тканей по сравнению с английскими. В 1668–70 гг. доля текстиля в импорте Компании составит 57%, а к концу века — 74% [Prakash, 1998, fig. 4.2.1–2, p. 121–122].

Уже к 1620-м годам ОИК завершила создание на Востоке системы постоянных факторий, где жили её служащие. Она состояла из двух президентств, на которые англичане территориально разделили всю Азию, — Бантенского (до 1682 г.) и Суратского (в этих портах находились главные фактории Компании, которым подчинялись второстепенные).

Определённую роль в закреплении ОИК на Востоке сыграла дипломатическая поддержка, оказанная ей королевской властью. По просьбе ОИК Елизавета и Яков неоднократно снабжали капитанов её экспедиций посланиями от своего имени восточным правителям с предложением дружбы и установления торговых отношений [Register of Letters, 1893, p. 19–21, 106]. В 1615 г. ко двору могольского шаха Джахангира отправился ходатайствовать за ОИК королевский посол сэр Томас Роу (см. II.2.1).

Для королевской власти ОИК была интересна главным образом как источник средств — в виде займов и пошлин, а также подарков лично монарху. Уплачиваемые Компанией пошлины были немалыми. Например, в 1615 г. они составили £ 14 тыс., в 1624 г. — £ 50 тыс. [Khan S., 1923, p. 16].

Однако отношения ОИК с ранними Стюартами нельзя назвать взаимовыгодными. Пользуясь своей властью, монархи принуждали Компанию к «неэквивалентному обмену»: при большом объёме их ожиданий и требований от Компании они не только делали для неё сравнительно немного, но и нередко наносили прямой вред её интересам.

Главными условиями успешной деятельности ОИК были сохранение её монополии и защита государством её интересов от европейских соперников. По обоим пунктам Стюарты вели себя в лучшем случае непоследовательно, а в худшем — сознательно пренебрегали интересами Компании.

Систематически нарушать монополию ОИК Стюарты начали сразу после прихода к власти. Первое нарушение относится уже к 1604 г., когда Яков продал лицензию на восточную торговлю сэру Эдуарду Майклборну. Прав-

да, его суда торговать не стали, а 18 месяцев пиратствовали на Востоке, компрометируя ОИК [Hunter, I, p. 284]¹. В 1607 г. Яков дал такую же лицензию некоему Р. Пенквеллу, а в 1618 г. патент на создание шотландской ОИК получил сэр Джеймс Каннингэм. Для отмены патента ОИК пришлось выплатить Каннингэму компенсацию, да еще и предоставить заём королю в £ 20 тыс. [Chaudhuri, 1965, p. 31].

Хартию ОИК Яков нарушал, невзирая даже на то, что Компания ежегодно тратила в среднем £ 1200 на подарки ему и его окружению [Mukherjee, 1958, p. 72]. Король нуждался в деньгах, а за каждое разрешение на торговлю в казну поступали немалые взносы. Однако сами Стюарты не воспринимали свои поборы с ОИК как вымогательства. Право монопольной торговли они рассматривали как объект, который они могут продавать и перепродавать различным группам купцов [Hunter, II, p. 30].

Правление Карла отмечено для ОИК появлением первого в её истории крупного английского конкурента — Ассоциации Куртэна. В 1635 г. под предлогом того, что ОИК всё равно не ведёт дела по всей Азии, король выдал лицензию на торговлю группе купцов во главе с финансистом сэром Уильямом Куртэном. Карл явно отдавал новой компании предпочтение перед ОИК: внёс £ 10 тыс. в её капитал, запретил ОИК торговать в портах, где Ассоциация основала фактории, потребовал от всех подданных содействия ей. В 1637 г. Куртэну было разрешено в течение 5 лет ежегодно вывозить £ 40 тыс. золотом и серебром [ССМ, I, p. 274–276].

Таким образом, фактически была создана вторая английская ОИК. Правда, как и в случае с Майклборном, многие её суда занялись не торговлей, а пиратством, чем сильно навредили репутации ОИК как в Могольской империи (см. II.2.1), так и в Китае [Hunter, II, p. 37–38]. Конечно, пиратствовать намного проще, чем торговать: для этого не нужны ни крупный капитал, ни кропотливая работа на Востоке по установлению контактов с торговыми посредниками и властями. Ни протесты ОИК, ни её угрозы свернуть операции, если король не перестанет поддерживать Куртэна, на него не действовали [ССМ, I, p. 163, 198]. Карл не понимал, что существование двух враждующих ОИК может привести к потере англичанами всех позиций в Азии.

Один (правда, единственный) раз король попытался даже запретить ОИК сбыт перца, пока не будет продан запас перца, принадлежащий ему самому. Это произошло ещё в 1603 г., после возвращения кораблей Компании из первого плавания. Однако из этой затеи Якова ничего не вышло: директора заявили, что перец уже продан скупщикам [Chaudhuri, 1965, p. 153–154].

¹ Управы на Майклборна Компания так и не добилась: подав иск в адмиралтейский суд, она отозвала его из-за крупных расходов и неясности в выигрыше дела [Register of Letters, 1893, p. 134–135].

Тем не менее, административный рычаг для выкачивания денег из ОИК Стюарты использовали широко. В 1635 г. канцлер казначейства лорд Коттингтон отказался разрешить Компании перевезти 50 т селитры, пока она не продала её бóльшую часть королю, причём по заниженной цене [ССМ, I, р. 50, 172]. В 1640 г. Коттингтон по поручению короля купил у ОИК груз перца стоимостью £ 68 тыс., но так и не заплатил за него, что не только сильно ударило по кошельку Компании [ССМ, II, р. 144, 370], но и косвенно стало одним из катализаторов серьёзного экономического кризиса 1640 г. в стране [Scott W., I, table, р. 466]. Так потребительски Карл относился к большинству своих подданных, что будет стоить ему в 1642 г. власти в Лондоне, а в 1649 г. — головы.

Яков пытался поставить под контроль и саму ОИК. В 1624 г. он вдруг предложил стать её пайщиком — под предлогом прибавления ей престижа на Востоке. Однако директора почтительно отклонили предложение, сославшись на то, что торговля умалит монаршьё достоинство. На самом деле директора опасались «просачивания» в ряды ОИК ставленников короля и угрозы её праву частной собственности. Концепция государственного предпринимательства была совершенно чужда традициям лондонского Сити [Chaudhuri, 1965, р. 31]. Свою позицию директора обозначили ещё в самом начале. Когда лорд-казначей хотел назначить Майклборна капитаном первого плавания, купцы Сити отстояли намерение *«иметь дело с людьми своего собственного положения»* [Frazer, 1896, р. 28]. Входящая в ОИК торговая буржуазия постоянно контролировала ситуацию внутри неё, численно преобладая как в правлении, так и в собрании пайщиков¹.

Таким образом, ранние Стюарты плохо оберегали дарованные короной же привилегии ОИК. Не лучшей была ситуация и в сфере внешней политики. Здесь дело было не столько в происпанской ориентации Якова в 1600-е годы, сколько в другом. Хотя Компания и столкнулась на Востоке с португальцами, пик их морского могущества миновал. В результате морской войны уже к 1620-м годам португальцы перестали представлять для англичан серьёзную угрозу, а вот англичане превратились в угрозу позициям португальцев в Индийском океане. При этом ОИК сама, без помощи государства и даже без приказов директоров, справилась с португальской империей на Востоке — *Estado da Índia*, который в начале XVII в. уже находился на грани разложения из-за пронизавшей его насквозь коррупции [Steensgaard, 1973, р. 208]². Голландцы — вот кто реально угрожал вытеснить едва появившихся на Востоке англичан из восточной торговли.

¹ Например, из 954 пайщиков второго объединённого капитала (1632 г.) дворян насчитывалось лишь 110 человек [Олтаржевский и др., 1988, с. 27].

² См. III.2.1.

Согласно схеме И. Валлерстайна, XVII в. был эпохой торговой гегемонии Нидерландов в формировавшейся с рубежа XV–XVI вв. капиталистической мир-системе [Wallerstein, 1974, p. 15]. Пик их гегемонии пришёлся на 1618–52 гг., т.е. именно на то время, когда англичане лишь осваивались на Востоке. Основанная в 1602 г. голландская ОИК существенно превосходила английскую по своей мощи. Если исходный капитал английской ОИК равнялся всего £ 30 тыс. и к 1610 г. она отправила на Восток 17 судов, то голландская ОИК начала операции с капиталом в £ 540 тыс. и к указанному времени отправила уже 60 судов [Gardner, 1971, p. 30]. Кроме того, поскольку верхушка голландской ОИК была частью правящей в Нидерландах олигархии, Компания пользовалась всемерной поддержкой своего государства вне страны¹.

Уже в 1611 г. директора пожаловались лорду-казначею Солсбери на притеснения, которым ОИК подвергалась в Нусантаре: голландцы силой мешали англичанам достичь богатого мускатным орехом архипелага Банда [Register of Letters, 1893, p. 431]. Однако король Яков вяло отстаивал интересы ОИК своей страны перед голландской. Он не признавал ни всей важности ост-индской торговли для нации, ни того, что Нидерланды — главный противник Англии в борьбе за восточные рынки. Поэтому, несмотря на враждебные действия голландцев и войну 1617–19 гг. между ОИК двух стран, король настоял на заключении ими в 1619 г. «Договора обороны». Голландцы допустили англичан к некоторому участию в торговле с Молукками, но получили основную выгоду от союза как более сильная сторона. Не соответствуя соотношению сил сторон, договор вскоре рухнул [Левин, 1964, с. 21–22]. Уже в начале 1620-х годов голландцы выдавили англичан из Японии (фактория в Хирадо) и большей части Нусантары; в частности, они захватили мускатный остров Ран (в архипелаге Банда), на котором те закрепились в 1616 г. Голландцы пользовались двойным стандартом: в Европе настаивали на *mare liberum* (так назывался трактат знаменитого юриста Г. Гроция 1609 г.), но моря, омывающие Нусантару, упорно превращали в своё *mare clausum*.

После «Амбойнской резни» 1623 г. (когда голландцы обезглавили 10 служащих английской ОИК по ложному обвинению в заговоре) директора потребовали от короля ответных мер. Однако в Европе началась Тридцатилетняя война и английский монарх нуждался в сближении с Нидерландами против Испании. Под давлением Компании Яков всё же приказал задерживать суда голландской ОИК в малых морях², но позаботился, чтобы серьёзных

¹ Правда, оборотной стороной этого был плотный контроль Генеральных Штатов над властной составляющей деятельности ОИК (см.: [Steenngaard, 1973, p. 130–131]).

² Проливы, отделяющие Великобританию от континентальной Европы и Ирландии.

попыток помешать голландскому судоходству не было [Steensgaard, 1973, p. 119–120]. Не прореагировал король и в 1639 г., когда ОИК представила ему список понесённых от голландцев убытков на £ 1 млн (от захвата острова Ран, блокады английской фактории в Бантене и т.д.) [ССМ, I, p. 303].

Таким образом, с самого начала политика ОИК по отношению как к Испано-Португалии, так и к Нидерландам диктовалась интересами самой ОИК, которые были подчас прямо противоположны интересам королевской власти. По мнению индийского специалиста по экономической истории Ш.А. Хана, упадок в делах ОИК начался задолго до гражданской войны и его главной причиной была именно политика Карла I, не защищавшая купцов от иностранных конкурентов [Khan S., 1923, p. 79]. Уже в 1640 г. доли в капитале ОИК продавались за 60% цены [Hunter, II, p. 105].

Исходя из этого, логично предположить, что к проблемам ОИК с пониманием относился парламент. Между тем его отношение к Компании в данное время было сдержанно-холодным [Олтаржевский и др., 1988, с. 58]. Во-первых, парламент смотрел на ОИК прежде всего как на детище короны и источник средств, к которому она имела доступ в обход парламента: именно из-за отказа общин разрешить введение новых налогов Яков и Карл каждый раз распускали парламент. Во-вторых, в обществе крепло недовольство самим принципом торговой монополии. Впервые монополии были подвергнуты критике в парламенте ещё в 1601 г. В 1604 г. сэр Эдвин Сэндис внёс билль об их отмене, возмущённо заявив, что вся торговля страны находится в руках узкой олигархии из 200 человек. В 1624 г. (в ходе самого длительного в Англии XVII в. экономического кризиса 1620–25 гг.) оппозиция провела антимонопольный акт [Mukherjee, 1958, p. 73].

Не случайно поэтому мобилизовать парламент на борьбу с ОИК пытались её противники. Уже в первой половине XVII в. Компания подверглась критике с трёх сторон. Одну из групп её оппонентов составляли *интерлоперы* (которые предпочитали называть себя «свободными купцами»); другую — сторонники экономической школы Джерарда де Малина (*Malynes*), осуждавшей экспорт драгоценных металлов¹; третью — мануфактуристы, указывавшие на ущерб, причиняемый Компанией отечественному суконному производству из-за импорта ею индийского текстиля.

ОИК была вынуждена защищаться. В 1628 г. она представила палате общин «Ремонстрацию» против обвинений, написанную её главным экономистом Томасом Маном. Ман основал собственную школу, воззрения которой

¹ Де Малин считал, что отток наличных денег приведёт к падению цен на внутреннем рынке и росту цен на импортные товары. Однако он не учёл влияния падения экспортных цен на объём экспорта и на торговый баланс страны в целом, на что и указали защитники ОИК [Chaudhuri, 1965, p. 112].

были прямо противоположны воззрениям де Малина. Ещё в трактате 1621 г. Ман заявил, что вывоз серебра не обедняет страну, а, напротив, обогащает, поскольку благодаря ОИК двусторонняя внешняя торговля Англии превращается в многостороннюю. На купленное у испанцев мексиканское серебро Компания закупала на Востоке товары, сбыт которых в Европе приносил ей огромную прибыль. Указав на разницу цен на восточные товары на самом Востоке и в Англии, Ман продемонстрировал, что сбыт в Европе купленных за £ 100 тыс. товаров приносит ОИК почти £ 500 тыс. При этом ввиду небольших размеров и неэластичности внутреннего рынка ОИК реэкспортировала $\frac{3}{4}$ импорта на континент [Mun, 1930, p. 23–27]. Именно Ман впервые обратил внимание складывающейся нации на различие между торговым балансом страны в торговле с отдельными странами и её торговым балансом в целом. Положительный торговый баланс Англии с Европой окупал отрицательный баланс торговли с Азией [Chaudhuri, 1965, p. 9–10]. Опровергнув идею пагубности экспорта драгоценных металлов, Ман стал одним из теоретиков английского меркантилизма. Правда, возразить на обвинения в нанесении ущерба мануфактурной промышленности ему было нечего.

Однако в 1628 г. парламенту было не до частного вопроса ост-индской торговли: он был занят петицией о праве, в которой были сформулированы общие требования буржуазной оппозиции к монарху. Принятие последним этих требований парламент поставил условием выдачи ему очередной денежной субсидии. Король согласился, получил средства, а затем разогнал парламент. Наступила «одиннадцатилетняя тирания» Карла (1629–40) [Ashley, 1977, p. 56]. Однако нужда в деньгах в связи с шотландской войной заставила его в конце концов вновь созвать парламент. На этот раз общины развернули широкое наступление на всю систему личной власти Карла¹. Назревала революция.

¹ Я сознательно не называю эту систему абсолютизмом. Как убедительно показал английский историк Н. Хеншелл, в XVII–XVIII вв. не существовало никакой идейно-теоретической системы обоснования абсолютизма. Сильная монархия в Европе раннего Нового времени предполагала не отсутствие представительных органов, а, напротив, их наличие для создания противовеса знати и церкви. За королём были признаны две сферы власти — разделённая с парламентом и абсолютная (королевская prerogative, которая отнюдь не преступала границ частного права). Что касается ранних Стюартов, то подданных не устраивала не их **абсолютная власть** (она была законной в отведённых ей рамках), а их **деспотизм**: эти монархи пытались выйти за рамки собственной prerogative, присвоить не принадлежащие им права. Идея абсолютизма, отождествлённого с деспотизмом, — это миф, родившийся в Англии в XV в. и развитый партией вигов после 1688 г. и французскими просветителями XVIII в. В результате возник окарикатуренный образ строя европейских государств раннесовременной эпохи, который на самом деле был изощрённой пародией на позицию консерваторов XIX в. (см.: [Хеншелл, 2003]).

Уже в 1640 г. совет директоров ОИК обнаружил понимание значения происходящего в стране для деятельности Компании, высказав мнение, что только парламент (а не король) способен устранить её трудности и эффективно подтвердить её привилегии. Именно общинам директора направили петицию с просьбой управы на членов Ассоциации Куртэна, пиратствовавших в Красном море [ССМ, II, р. 115, 122].

Обращение Компании к парламенту против короля было торговым аналогом обращения нации к мечу [Hunter, II, р. 45], и Карл испугался. Общины уже нейтрализовали его наиболее влиятельных сторонников: заключили в Тауэр графа Страффорда и вынесли импичмент архиепископу Лоду. Стороны поменялись местами: теперь просил король, а ОИК ставила условия. Карл уговорил управляющего Компанией отозвать петицию из палаты общин, обещав в обмен аннулировать Ассоциацию Куртэна [ССМ, II, р. 130–133]. Правда, переговоры ОИК с Куртэном провалились, а парламент, по-прежнему косо смотревший на Компанию, ещё не собирался защищать её.

В обстановке назревавшей революции крупный «ост-индский» капитал занимал двойственную позицию: с одной стороны, монопольными привилегиями, богатством и близостью ко двору эта часть буржуазии была связана с роялистским лагерем, а с другой — была крайне недовольна отношением к ней Стюатов как к удобному объекту вымогательства и отсутствием их поддержки во внешней политике [Левин, 1964, с. 9].

Решающую роль сыграло то, что в своих претензиях к королю ОИК была далеко не одинока, а это объективно толкало её в оппозиционный лагерь. При ранних Стюартах Компания разделяла участь всего класса предпринимателей. Мануфактуристы тщетно ждали от короны ряда актов, целью которых было бы исключение товаров голландского производства с английского рынка. Купечество тщетно просило реальной защиты его прав в промысле сельди, в торговле с Россией и Востоком [Khan S., 1923, р. 23].

В 1642 г. произошёл открытый разрыв короля с парламентом и началась гражданская война. Вся власть в Лондоне перешла в руки Долгого парламента (1640–53), большинство в нижней палате которого составляли представители джентри и купечества. Поэтому переориентация ОИК на парламентский лагерь произошла довольно быстро. В 1640–41 гг. Компания ещё считалась больше с королевской властью, в 1641–43 гг. занимала колеблющуюся позицию, а с 1643 г. стала полностью поддерживать новую власть [Олтаржевский и др., 1988, с. 72].

Полностью переориентироваться на парламент ОИК помог он сам. Во время гражданской войны парламент неоднократно приказывал Компании не выплачивать дивиденд её пайщикам-роялистам и секвестровывал их имущество (за компенсацию) [ССМ, II, р. 328]. Кульминацией парламентского вмешательства стали события 1643 г., когда в связи с неоднократным отка-

зом директората (где ещё были сильны позиции роялистов) предоставить парламенту пушки для защиты Лондона от королевских войск по его требованию была проведена смена директората, который стал полностью состоять из лояльных парламенту людей [Олтаржевский и др., 1988, с. 68].

Вообще в годы революции члены ОИК только раз открыто выступили на стороне короля: в 1645 г. капитан Дж. Макнелл привёл своё судно «Джон» в роялистский Бристоль и передал его королевскому адмиралу, причинив Компании ущерб в £ 20 тыс. [EFI/Foster, VII, p. 238]. Единичность этого случая показывает, на какую из противоборствующих сторон ориентировалась основная масса членов ОИК [Олтаржевский и др., 1988, с. 71–72]. Более того, Компания научилась выдвигать политические обвинения против своих деловых конкурентов. В 1649 г. в петиции Государственному совету директора не забыли назвать Куртэна фаворитом короля [ССМ, III, p. 365].

Кстати, ОИК привлекала внимание новой власти не только как «классово близкая» организация, но и как одна из крупнейших торговых корпораций, располагающая немалыми ресурсами. Парламент ждал от Компании материального вклада в борьбу с королём. Например, в 1643 г. директора согласились предоставить ему заём в £ 5–6 тыс. под 8% [ССМ, II, p. 365–366]. В условиях гражданской войны парламент налагал на Компанию разные обязательства. В 1643 г. она платила £ 35 из £ 10 тыс., еженедельно взыскиваемых парламентом с Сити на военные расходы. В 1644 г. парламент запросил у Компании 30 моряков (правда, она настояла, что не обязана удовлетворять такого рода требования) [Foster, 1924, p. 15–16].

Тем не менее, в отличие от Карла Долгий парламент не только брал у ОИК, но и давал ей. Пришедший к власти союз джентри с купечеством немало сделал для развития предпринимательства в целом. Не обошёл он вниманием и ОИК. В 1646 г. палата общин приняла *«ордонанс для поощрения и поддержки»* ОИК. В нём была подтверждена её монополия; Куртэн должен был свернуть торговлю за три года; было объявлено о начале подписки на новый капитал [ССМ, III, p. 176–178]. Правда, неожиданно ордонанс провалили лорды, что побудило акционеров в 1647 г. даже рассматривать вопрос о целесообразности продолжения торговли. К этому времени интерлоперы и Ассоциация Куртэна нанесли ОИК ущерб по £ 100 тыс. Поэтому ей пришлось закрыть семь факторий [ССМ, III, p. 196–199].

Всё же в 1650 г. Долгий парламент принял резолюцию, по которой *«ост-индская торговля должна вестись одной компанией и одним акционерным капиталом, и её ведение подлежит такому регулированию, какое парламент почитает подходящим»* [ССМ, III, p. XXV]. Благодаря этому постановлению ОИК продолжила своё существование: стал возможен «Объединённый акционерный капитал», на который была объявлена подписка. ОИК, со своей

стороны, не скупилась на подарки и активно работала над приобретением друзей в Долгом парламенте¹.

Таким образом, отношение Долгого парламента к Компании уже нельзя назвать односторонним потребительство ранних Стюартов. Однако не было оно — вопреки её ожиданиям — и всемерной поддержкой её. Парламент не шёл дальше деклараций, не обеспечивал реальную защиту Компании. Дело в том, что одной из главных задач своей политики парламент объявил борьбу с монополиями. Хотя в действительности она велась только против внутренних монополий (причём только тех предпринимателей, кто получил их от второго Стюарта) [Олтаржевский и др., 1988, с. 72, 79], общий «антимонопольный настрой» победивших в революции сил не мог не сказаться отрицательно на положении ОИК. Со сменой власти на королевскую хартию перестали обращать внимание и активизировались интерлоперы. 1640-е годы были тяжёлым временем для Компании: она несла крупные расходы, но они не приносили ей чётко выраженной поддержки власти². Не поправило дел ОИК и её объединение в 1649 г. с остатками Ассоциации Куртэна (теперь она называлась Ассоциацией купцов Ассады), которая к тому времени пришла почти в полный упадок. К концу 1640-х годов Ассоциация из острого конкурента ОИК превратилась в её товарища по несчастью перед лицом безудержного подъёма интерлоперства: ведь обе корпорации получили привилегии при прежнем (королевском) режиме.

В 1649 г. гражданская война завершилась казнью Карла I и была провозглашена республика. В 1653 г. военный диктатор О. Кромвель разогнал «охвостье» Долгого парламента и установил режим протектората. У власти окончательно укрепились индипенденты — выразители интересов радикальной части джентри и купечества.

Для ОИК это означало дальнейший поворот к худшему: индипенденты были противниками всех монополий. Период 1650–57 г. стал кризисным в истории Компании, так как она почти прекратила свою деятельность в условиях фактической отмены монополии. Теперь интерлоперы не обращали никакого внимания не только на королевскую хартию, но и на резолюцию 1650 г. ушедшего в прошлое Долгого парламента [Hunter, II, p. 123]. Поэтому если ещё в 1647–48 гг. ОИК отправила на Восток 12 кораблей, то в 1654–

¹ Например, в 1643 г. директора два раза распределяли £ 100 среди нескольких членов парламента «за дружеские услуги» в деле освобождения судов Компании, задержанных за невыплату субсидии или для обыска [ССМ, II, p. 307, 318]. Также директора стремились продемонстрировать новой власти выгоду восточной торговли для страны и преимущества монополии. В 1641 г. они высказались за издание трактата Мана в тираже 400–500 экземпляров, чтобы распространить их среди парламентариев [ССМ, II, p. 143].

² В это десятилетие займы ОИК королю, а затем парламенту отвлекли из её торговли около £ 80 тыс. [Scott W., I, p. 242].

57 гг. всего 7 — при 36 интерлоперских [Олтаржевский и др., 1988, с. 75, 108]. Угроза монополии Компании возникла даже внутри неё, когда часть её пайщиков собрала £ 46 тыс. капитала и (с разрешения Кромвеля) самостоятельно отправила на Восток три корабля [Кауе, 1966, р. 117]. В середине 1650-х годов ОИК пришлось закрыть факторию даже в столице Могольской империи — Агре [EFI/Foster, X, р. 217].

Правда, экономические интересы Англии **в целом** Кромвель отстаивал весьма энергично, причём отчасти от этого выиграла и ОИК. Ещё в 1651 г. парламент принял первый Навигационный акт, направленный против посреднической торговли и рыболовства Нидерландов¹ и приведший к войне с ними (за этим протекционистским актом последовали ещё два — 1663 и 1673 гг.). Неудивительно, что накануне первой англо-голландской войны (1652–54) ОИК участвовала в выработке претензий к Нидерландам, а с началом боевых действий просила разрешить ей принять в них участие [Comprehensive History of India, 1978, р. 550]. После поражения Нидерландов Кромвель, в числе прочих пунктов, обязал их вернуть ОИК захваченный в 1621 г. остров Ран и выплатить £ 85 тыс. компенсации за всякого рода чинившиеся ей препятствия [ССМ, IV, р. 371]². В 1654 г. лорд-протектор на государственном уровне закрепил договор президента фактории ОИК в Сурате с вице-королём центра *Estado da Índia* Гоа от 1635 г. о праве англичан торговать в португальских портах Востока [Hunter, II, р. 111]. Этот договор Компания заставила подписать португальцев после победы в морской войне 1612–35 гг.

Однако следует подчеркнуть, что в первой половине 1650-х годов Кромвель ещё был противником ост-индской монополии и принимал названные меры лишь исходя из интересов английской торговли в целом. Вообще же Государственному совету долго было не до ОИК. Ему приходилось заниматься не только внутренними делами разорённой гражданской войной страны. Сразу по окончании войны с Нидерландами вспыхнула очередная англо-испанская война (1655–59), начало которой положил захват англичанами Ямайки.

ОИК настойчиво просила Кромвеля подтвердить её хартию. В отличие от разогнанного Долгого парламента установившаяся сильная власть — военный режим протектората — была способна эффективно защитить её. Однако поначалу протектор разделял взгляды своего советника по экономическим делам Мартина Ноэлла — сторонника свободной торговли (и одновре-

¹ Согласно акту, товары из Азии, Африки и Америки подлежали ввозу в страну только на английских же судах, а товары из Европы — на английских судах или судах страны-экспортёра.

² Правда, £ 50 тыс. из них государство удержало в качестве принудительного займа у ОИК и так и не вернуло [Khan S., 1923, р. 91].

менно члена правления ОИК) [Khan S., 1923, p. 89]. Но постепенно позиция Кромвеля изменилась. В петициях протектору Компания верно аргументировала целесообразность монополии необходимостью для английского купечества выстоять против конкурентов. Директора указывали на падение стоимости испанского риаля, 40–50%-ное повышение цен на индийский текстиль и падение цен на английские товары в результате наплыва в Индию частных купцов, которые состязались в снижении цен на купленные на Востоке товары [ССМ, IV, p. 349–350; V, p. 117–118]¹. В конце концов деятельность интерлоперов показала, что наиболее прибыльно ост-индская торговля может вестись именно единственной организацией, обладающей на Востоке сетью постоянных факторий, внушительной военно-морской силой и авторитетом у властей. К тому же у английских купцов был мощный внешний враг — голландская ОИК, уже завершавшая методичный захват португальских территорий и мешавшая английской торговле как экономическими, так и чисто силовыми методами. Противостоять ей могли не частные купцы, а только подобная ей корпорация, причём не регулируемая, как ОИК в 1600–57 гг. (в которой вся прибыль распределялась между пайщиками после каждого плавания или серии плаваний), а основанная на принципе постоянного капитала². Сам успех деятельности голландской Компании послужил для англичан примером для подражания. К 1657 г. в необходимости монопольного акционерного капитала убедились крупнейшие лондонские купцы — включая главных интерлоперов [Foster, 1929, p. 95].

В период, о котором идёт речь, принцип свободной ост-индской торговли доказал свою несостоятельность. Только единственная и мощная (в экономическом и военном отношениях) организация могла добиться (не исключая и аргументов силы) торговых льгот у властей восточных политий и защитить английскую торговлю от европейских конкурентов и просто пиратов. В случае отсутствия монополии конфликт могольских властей с одним из частных купцов мог повлечь закрытие портов империи для всех англичан³ (Моголы и без того считали Компанию ответственной за действия не имевших к ней отношения английских пиратов — см. II.2.1).

¹ Следует отметить, что за активную роль государства в поддержке предпринимательства выступали и Компания и частные купцы, хотя каждая сторона просила исключить другую из восточной торговли.

² Данные по 1630-м годам: если экспорт английской ОИК в это десятилетие составил £ 48 тыс., то экспорт только драгоценных металлов голландской — £ 708 тыс. [Prakash, 1998, table 3.1, p. 87; table 3.6, p. 106].

³ Это произошло в 1630-е годы в Минской империи: капитаны Ассоциации Куртэна так испортили отношения с кантонскими властями, что англичане были объявлены врагами Китая и торговля с ними была запрещена навсегда [Hunter, II, p. 37–38]. ОИК удалось открыть факторию в Кантоне лишь в 1715 г.

Однако Государственный совет всё медлил с рассмотрением вопроса об ОИК (как язвительно заметили в Компании, этого ему не позволяла сделать постоянная поглощённость «великими делами» — [ССМ, V, р. 139]), и тогда она решилась на провокацию. В январе 1657 г. собрание пайщиков постановило: если совет не рассмотрит вопроса в ближайшем будущем, объявить о распродаже имущества и привилегий Компании на Востоке. Это был лишь тактический ход с целью ускорить решение правительства по делу Компании [Keay, 1991, р. 128]. Ультиматум достиг цели: 6 февраля Государственный совет единогласно высказался за принцип монопольного акционерного капитала. А 19 октября Кромвель дал ОИК новую хартию. Открытая Компанией подписка на «Новый общий капитал» принесла огромную сумму почти в £ 740 тыс. — в два раза больше, чем было пущено в дело [Khan S., 1923, р. 90–91]. В течение полугода после этого на Восток отправились 13 кораблей ОИК [Keay, 1991, р. 128].

Хартия Кромвеля во многом повторяла хартии Елизаветы и Якова I, но принципиально отличалась от них по трём пунктам. Во-первых, объединённый капитал стал **постоянным**, т.е. ОИК из регулируемой превратилась в акционерную, какой уже изначально была голландская ОИК. Во-вторых, срок пребывания директоров в должности был увеличен с 1 до 2 лет (мера для повышения устойчивости руководства). В-третьих, Компания наделялась правом основывать и укреплять поселения и беспошлинно перевозить туда поселенцев, имущество и военное снаряжение [Keay, 1991, р. 128–129]. Также ОИК получила право беспошлинного экспорта £ 100 тыс. ежегодно и должна была быть проинформирована о любых ост-индских товарах, поступивших на таможенную (мера против интерлоперов) [ССМ, V, р. XVII]. Был установлен минимум вноса — £ 100; внесший £ 500 имел право голосовать в собрании акционеров. Обладание £ 1 тыс. в капитале Компании позволяло их владельцу баллотироваться в директора. ОИК получила возможность налагать суровые взыскания на интерлоперов и конфисковывать их суда и грузы, а также наказывать собственных членов, которые осмелились бы организовать самостоятельное плавание [Comprehensive History of India, 1978, р. 552]¹.

Начальный период истории отношений английской ОИК с государством (1600–57) оказался весьма трудным для неё временем. С одной стороны, при ранних Стюартах ОИК приходилось терпеть разного рода притязания королевской власти на её финансы и привилегии и пренебрежение её интереса-

¹ Таким образом, неправы авторы книги «Английская Ост-Индская Компания в XVII веке», написав, что кромвелевская хартия «в действительности мало отличалась от хартии 1609 г.» [Олтаржевский и др., 1988, с. 102]. От предыдущих хартий она отличалась коренным образом, став новой ступенью в развитии ОИК.

ми в борьбе с главным торговым соперником — голландской ОИК. С другой стороны, проблемы ОИК не находили сочувствия у парламента. Последний становился всё более оппозиционным Стюартам и не собирался защищать неподконтрольный ему источник немалых средств монарха. В то же время, ввиду явной выгоды её деятельности для экономики страны, Компании был предоставлен королём ряд привилегий. Главную привилегию эта организация получила уже при инкорпорации в силу самой своей природы — ограниченную юрисдикцию над английскими подданными. Этого требовал характер деятельности ОИК как монопольной организации, ведущей торговые дела не просто вне страны, а вне христианского мира — в другой части света, где Англия как государство ещё не присутствовала никоим образом.

С началом революции 1640–60 гг. ОИК вступила в полосу нарастающего кризиса. В условиях широкой непопулярности в обществе любых монополий власти эпохи гражданской войны и республики (Долгий парламент, протектор) в лучшем случае оказывали Компании слабую поддержку, а в худшем сознательно придерживались курса на ликвидацию ост-индской монополии. Поэтому ОИК пришлось доказывать необходимость государственной поддержки — как активно (путём разъяснения в петициях государственному руководству губительности для восточной торговли страны в целом отсутствия такой поддержки), так и пассивно — самим бедственным состоянием дел (её и английских частных купцов, которые в силу своей разрозненности тем более были не в состоянии выстоять против голландских конкурентов). На середину XVII в., когда в Англии по сути поставили антимонопольный эксперимент в ост-индской торговле, пришёлся пик голландской мировой гегемонии. Без существования монопольной ОИК и решительной поддержки её государством вся торговля Англии с Востоком была бы прибрана к рукам голландцами¹.

К 1657 г. подкреплённые фактами аргументы ОИК возымели действие: она получила от Кромвеля долгожданную хартию, которая не только подтвердила её монополию, но и превратила Компанию в одно из первых в истории страны акционерных обществ современного типа (с постоянным капиталом). Хартия 1657 г. оказалась для ОИК не менее важной, чем Навига-

¹ Я не согласен с объяснением авторами книги «Английская Ост-Индская Компания в XVII веке» причины непоследовательности политики властей по отношению к Компании в 1640-е — 50-е годы. По их мнению, причина заключалась в том, что английская революция XVII в. была всего лишь **ранней** революцией и её гегемоном была не одна буржуазия, а буржуазно-дворянский блок [Олтаржевский и др., 1988, с. 97]. По их логике для ОИК была бы желательнее **зрелая** буржуазная революция. Однако такая революция, напротив, просто смела бы монопольную ОИК как институт раннего капитализма, который в зрелом буржуазном обществе однозначно тормозил его развитие (это и произойдёт с французской и голландской ОИК в конце XVIII в.).

ционный акт — для всей внешней торговли Англии. Более того, хартию Кромвеля можно рассматривать как приложение к этому акту (пусть и принятое с опозданием на 6 лет). Если Навигационный акт был вызовом голландской гегемонии в Европе, то хартия Компании по сути расширила его сферу действия на Восток.

II.1.2. Компания в эпоху Реставрации и «славной революции» (1657–1709)

Режим протектората ненадолго пережил его основателя, скончавшегося в 1658 г. Военная диктатура перестала устраивать победившие в революции силы, которые, к тому же, опасались расширения недовольства в народе. В 1660 г. с целью привнести в общество стабильность была восстановлена монархия Стюартов. Это вовсе не означало поворота вспять: условием Реставрации было подтверждение новым королём Карлом II (1660–85) основных завоеваний революции — ликвидации феодального рыцарского держания и контроля короны над экономической жизнью страны. Ускорило движение Англии по капиталистическому пути.

После Реставрации ОИК умолчала о хартии «Узурпатора» (уничтожив все её копии) и смиренно просила короля о даровании ей новой хартии. Карлу и его окружению были преподнесены подарки на сумму в несколько тысяч фунтов [Foster, 1924, р. 40–41]. Полученная в 1661 г. хартия почти повторяла кромвелевскую. Новым положением было право Компании самой арестовывать и отправлять в Англию интерлоперов [ССМ, VI, р. 107]. Губернатор и совет президентств наделялись судебной властью над членами факторий (как в гражданских, так и в уголовных делах) [Keith, 1937, р. 8]. Таким образом, смена власти не принесла ОИК ничего плохого, даже напротив¹.

Несмотря на благосклонность нового короля, директора ОИК понимали изменение в расстановке сил в отношениях монархии и парламента. Поэтому в 1661 г. они впервые обратились к парламенту за подтверждением королевской хартии [ССМ, VI, р. 113].

Отношения ОИК с поздними Стюартами разительно отличались от их отношений с ранними. При Карле II и Якове II (1685–88) Компания пользовалась значительной поддержкой государства. Она постоянно контактировала с созданными королём комитетом по торговле и советом по плантациям. Через эти органы, состоявшие из крупнейших купцов, подавало государству свои жалобы всё английское купечество. Король и Тайный совет одобряли

¹ Не говоря уже о возобновлении после Реставрации спроса на такие ввозимые ОИК товары, как шёлк: ведь мрачные пуритане-индепенденты косо смотрели на роскошь.

все доклады этих комитетов [Khan S., 1923, p. 93, 97–99]. Что касается ост-индской торговли, то она стала одной из главных причин развития позднего меркантилизма — важнейшей черты коммерческой деятельности XVII в. [Khan S., 1923, p. 43]. Изменение позиции короны позволило представителям династии (Карлу и его брату герцогу Йоркскому — будущий Яков II) стать акционерами ОИК, чему она противилась при ранних Стюартах. Например, в 1687 г. Яков II приобрёл акции Компании на £ 7 тыс. [Scott W., II, p. 149].

Немаловажной причиной благосклонности короля к ОИК, как и прежде, конечно, были займы и подарки. За первые 18 лет правления Карла Компания выплатила ему около £ 2 млн наличными, а в 1663 г. передала Йорку все свои торговые привилегии и фактории в Западной Африке [Comprehensive History of India, 1978, p. 553]. Неудивительно, что уже в 1666 г. собрание пайщиков отметило «*постоянную милостивую расположенность*» короля к Компании [ССМ, VII, p. 220]. Тем не менее, главной причиной этой расположенности были не денежные подношения. Она заключалась в понимании монархами невозможности ведения восточной торговли регулируемой компанией [Khan S., 1923, p. 193].

Именно при поздних Стюартах ОИК получила большую часть своих привилегий, превративших её в полугосударственное образование. Чтобы не зависеть от произвола могольских властей в Сурате, где находился центр её индийской торговли (см. II.2.1), Компания нуждалась в собственном укрепленном пункте на западном побережье Индии. В 1667 г. Компания и казначейство заключили сделку: в обмен на £ 50 тыс. займа король уступил ей полученный от португальцев в 1665 г. остров Бомбей (их владение ещё с 1534 г.) [ССМ, VII, p. 408]¹, причём вместе со всеми правами суверена: собрание пайщиков или совет директоров могли издавать законы для жителей, Компания получила также судебную и военную власть на острове, губернатор Компании стал собирать там земельный налог. В 1676 г. король разрешил ОИК чеканить в Бомбее индийские деньги [Keith, 1937, p. 9–10].

При Якове II политическая составляющая привилегий ОИК получила дальнейшее расширение. По хартии 1683 г. Компания получила право объявлять войну «языческим народам» и заключать с ними мир, назначать морских офицеров с полномочиями набора и обучения моряков и солдат и суда военным судом; по хартии 1686 г. — вводить военное положение на су-

¹ Поначалу, видя, что Бомбей не окупает своего содержания, Карл рассчитывал просто переложить на ОИК часть его расходов. Однако Компания ответила твёрдым отказом, так как чувствовала себя в Индии прочнее и увереннее, чем представители короля. Поэтому Карлу пришлось уступить ей остров в аренду (за символическую плату — £ 10 в год) [Воронкова, 1981, с. 99–100].

дах и в факториях по собственному усмотрению (прежде она могла это делать только в Бомбее, а в других местах — только в военное время и с разрешения короны) [Олтаржевский и др., 1988, с. 116]. Ввиду необходимости облегчить управление другого анклава ОИК в Индии — Мадраса (находился под английской властью с 1639 г.) Компания получила право самой издавать хартию с целью основать в городе муниципалитет. Право создавать хартией муниципальные корпорации было одной из важнейших прерогатив короны [Ilbert, 1898, p. 23], а значит, монарх делегировал ОИК ещё одно очень важное государственное качество. По той же хартии Яков распространил право Компании чеканить индийские деньги на все её поселения [Олтаржевский и др., 1988, с. 116].

Все перечисленные полномочия, полученные ОИК, позволили её лидеру сэру Джозае Чайлду (формально или неформально возглавлявшему Компанию в 1680-е — 90-е годы) заявить в 1687 г., что ОИК превратилась в «суверенное государство в Индии» [Hunter, II, p. 303–304]. Действительно, хотя к этому времени Компания и не являлась ещё территориальной державой, государство передало ей почти все прерогативы, необходимые для этого. Правда, важно учесть, что сам Чайлд выступал не за захват территорий (как пишут некоторые историки), а лишь за создание укреплённых и самообеспечивающихся факторий ради безопасности торговли [Khan S., 1923, p. 201]. Именно с этой целью он объявил в 1686 г. войну могольскому шаху Аурангзебу (1658–1707) (см. II.2.1).

В рассматриваемый период английские монархи также помогали ОИК поддерживать порядок в её поселениях. Она обращалась к короне за управой на собственных служащих, вышедших из-под контроля. В 1667 г. вмешательство короля потребовалось в связи с мятежом губернатора Мадраса Э. Уинтера, отказавшегося передать пост преемнику [ССМ, VII, p. 369], а в 1684 г. — в связи с мятежом капитана Р. Кейгуина, захватившего власть в Бомбее¹.

Долгожданная полноценная поддержка государства в 1660-е — 80-е годы стала основной причиной небывалого процветания ОИК. Средний размер дивиденда за период 1659–91 гг. составил 25% годовых [Roberts, 1952, p. 43]. К концу 1680-х годов акции английской ОИК продавались на лондонской бирже так же, как акции голландской Компании — на амстердамской [Braudel, 1979, II, p. 536]. Существенно способствовала экономическому подъёму ОИК беспрецедентная поддержка, оказываемая ей королём в её противостоянии с врагами — голландцами и интерлоперами.

¹ Кейгуин воспользовался настроениями в бывшем королевском гарнизоне, недовольном введённым Компанией режимом строгой экономии и даже объявил о возвращении острова под власть короны [Keay, 1991, p. 138].

После Реставрации внешняя политика страны в значительной степени диктовалась уже чисто торговыми соображениями, в чём проявилась победа революции. Навязанная короне купечеством политика меркантилизма была единственным средством защиты его интересов. Она включала как войны с коммерческими соперниками, так и законы, запрещавшие импорт иностранных товаров. Именно купцы заставили короля объявить войну Нидерландам в 1665 г. [Khan S., 1923, p. 124]. При режиме ранних Стюартов подобное было немыслимо.

Благодаря своей экономической мощи ОИК была способна влиять на внешнюю политику страны — добиваясь этим дальнейшего укрепления торговых позиций, которое вновь употребляла на усиление влияния. Одной из причин и второй (1665–67) и третьей (1672–74) англо-голландских войн стали именно жалобы ОИК на голландскую монополию в торговле с Островами Пряностей [Khan S., 1923, p. 111, 128]. Например, в 1662 г. Компания жаловалась королю и Тайному совету, что голландцы до сих пор не вернули остров Ран и *«пользуются любыми путями и способами, чтобы исключить всех своих христианских соседей из любой части торговли в любой части Индии (Индонезии. — К.Ф.)»* [ССМ, VI, p. 211]. С целью воспрепятствовать английской торговле голландцы блокировали побережье (в Индонезии, на Малабаре), заключали контракты с правителями, устанавливающие их *монополью* на пряности, задерживали и обыскивали английские суда, даже брали заложников [ССМ, VI, p. 77–80]. В 1664 г. ОИК в петиции палате общин оценила причинённый ей голландцами с 1656 г. убыток в £ 235 тыс. [ССМ, VII, p. V].

Хотя вторая и третья англо-голландские войны шли не блестяще для Англии и закончились по сути вничью, в 1674 г. Карл заставил голландцев признать в мирном договоре право английской Компании на отбитый у них остров св. Елены¹. Вообще на международной арене королевская власть теперь поддерживала ОИК против всех явных и потенциальных конкурентов. Во второй половине XVII в. проникновение на Восток начала Франция посредством ОИК, созданной в 1664 г. генеральным контролёром финансов Ж.Б. Кольбером. В 1682 г. в связи с декларацией Людовика XIV об ост-индской торговле Карл заверил английскую Компанию в своей поддержке [Calendar of State Papers (1), p. 77].

¹ Тем не менее, по Бредскому миру 1667 г. ОИК потеряла надежду и на возмещение ущерба, и на возвращение острова Ран (правда, в обмен на отказ от претензий на него и на Суринам Англия получила Новый Амстердам на острове Манхэттен). Хотя могущество голландцев ушло в прошлое вместе с XVII в., на Малайском архипелаге они безраздельно господствовали до начала XIX в. Только в 1811 г. у английской ОИК хватит ресурсов временно захватить голландскую Яву.

Важнейшей составляющей государственной поддержки ОИК, безусловно, являлась защита её монополии. В период 1657–70 гг. интерлоперы досаждали ей мало, что было естественно. Когда в 1657 г. Кромвель вдохнул в ОИК новую жизнь, в неё влилось большое количество интерлоперов, перешедших — вследствие этого — на монополистические позиции. Однако в течение почти всех 1660-х годов условия развития английской торговли были благоприятными [Scott W., I, table, p. 466], и к 1670 г. возникло большое число новых потенциальных интерлоперов, которым было тесно в созданных монополией ОИК рамках. Компания была вынуждена допустить интерлоперов во внутриазиатскую каботажную и внутрииндийскую торговлю. Однако они не желали ограничиваться этим и продолжали посягать на её монопольное право в торговле Европа — Азия. К началу 1680-х годов интерлоперы настолько осмелели, что ОИК перестала справляться с ними [Кауе, 1966, p. 119]. Понадобилась решительная поддержка короля, который шёл навстречу директорам во всех их требованиях [Calendar of State Papers (1), p. 194]. Очень важным полномочием стало приобретение Компанией права адмиралтейской юрисдикции: с 1683 г. она могла сама судить и наказывать задержанных ею нарушителей.

В том же году в суде королевской скамьи слушалось нашумевшее дело Томаса Сэндиса — интерлопера, иск к которому подала ОИК. Сэндис поставил под сомнение право короля давать юридическим лицам монопольное право заморской торговли. Однако он проиграл дело, и верховный судья Джеффрейс объявил врагов Компании врагами короля [Comprehensive History of India, 1978, p. 575]. В этом деле чётко проявились политические симпатии узкой группы лондонских купцов (ОИК), опиравшихся на королевские полномочия, и более широких кругов торговой буржуазии, пытавшейся противопоставить королевской прерогативе положения общего права и даже Великой хартии вольностей [Олтаржевский и др., 1988, с. 129]. Вооружившись хартией 1683 г. и решением Джеффрейса, Джозайя Чайлд в 1685 г. инициировал наказание в адмиралтейских судах Компании 48 интерлоперов. Поскольку интерлоперы больше не могли апеллировать ни к королю, ни в суды, они стали оказывать вооружённое сопротивление. Интерлоперство выродилось в пиратство [Hunter, II, p. 294].

Таким образом, несмотря на поддержку короля, врагов у ОИК хватало. Более того — их число росло. Во второй половине XVII в. сильно обострились противоречия ОИК с мануфактуристами и Левантской Компанией. Набирая экономический вес, ОИК всё глубже вторгалась в зону интересов производителей и «левантцев» (вывозивших английское сукно). Если в 1664 г. она импортировала из Азии текстиля на £ 101 тыс., то в 1684 г. — уже на £ 669 тыс. [Chaudhuri, 1978, table P. 24, p. 547]. В стране крепло мнение, что ввозимые ОИК ткани наносят ущерб отечественному сукноделию [Calendar

of State Papers (2), p. 195]. Однако при режиме Реставрации протесты врагов ОИК реальных плодов не принесли, потому что их действиям недоставало координации [Khan S., 1923, p. 184].

Основным содержанием политической борьбы в Англии этого времени стало начавшее вновь усиливаться противостояние между джентри и буржуазией, с одной стороны, и роялистами, с другой. К 1680-м годам победившие в революции силы перестала удовлетворять политика возвращённых ими же на трон Стюартов. Укрепившись, последние предприняли попытки постепенно вернуть утраченные в ходе революции позиции монархии. С рубежа 1670-х — 80-х годов берут начало политические партии тори и вигов. Если первые в целом поддерживали монархию (выражая интересы консервативных крупных землевладельцев и части англиканской церкви), то вторые выступали за дальнейшее ограничение её полномочий (выражая интересы групп, связанных с развитием капитализма).

Недовольство внутренней политикой Стюартов дополнялось недовольством их внешней политикой. С середины XVII в. начался упадок гегемонии Нидерландов в капиталистической мир-системе. На «корону» гегемона претендовали Англия и Франция, борьбе между которыми предстояло длиться более века. Вслед за Дж.Р. Сили историки нередко называют её «второй Столетней войной» (1689–1815). Между тем католик Карл II всё больше попадал под французское влияние, о чём свидетельствует его тайный сговор с Людовиком XIV против собственного парламента: за обещание не созывать парламент (требовавший войны с Францией) король получал от французского правительства крупную субсидию [Ashley, 1977, p. 138–140].

Взяв курс на расширение королевской прерогативы за счёт прав подданных, поздние Стюарты всё больше опирались на узкую группу своих сторонников, к которым принадлежали, в частности, обладатели торговых монополий. Пользуясь монаршим расположением, последние всё сильнее отрывались от основной массы купечества как по экономическому весу, так и по политическим убеждениям. Укреплялись позиции тори и в руководстве ОИК, основательно поработавшей в 1660-е — 80-е годы над созданием тесных связей с двором.

В начале 1680-х годов внутри ОИК произошла схватка двух группировок, обеспечившая Компании в краткосрочной перспективе всемерную поддержку власти, но в долгосрочной — с её сменой — поставившая под угрозу само существование ОИК. Речь идёт о борьбе «монополистов» во главе с Джозайей Чайлдом и «реформаторов» во главе с Томасом Папильоном. Первые придерживались линии на строгую монополию, а в условиях режима Реставрации это оказалось легче обеспечить, занимая позиции тори. Вторые выражали интересы части исключённого из ост-индской торговли купечества, выступали за реорганизацию Компании на более широкой основе путём

свободной подписки всех желающих и поэтому примыкали к вигам¹. Как и обвинение ОИК в торможении суконного производства, обвинение её в замкнутой олигархичности было верным. В начале 1680-х годов в Компании насчитывалось 556 пайщиков; основной массой капитала владели всего 40–50 человек, а всеми делами управляли 10–12 членов Компании [Khan S., 1923, p. 173]. Схватка группировок закончилась победой тори и изгнанием вигов из ОИК. «Монополисты» не остановились на этом и перешли к политическим обвинениям. Джеффрейс признал Папильона виновным в подстрекательстве к мятежу, и тому пришлось бежать в Нидерланды [Mukherjee, 1958, p. 76].

В своей поддержке свободной торговли ОИК оказалась непоследовательной. Меркантилизм, который она так усердно защищала устами Мана, был для неё орудием только против внешнего конкурента — голландской ОИК. Внутри страны Компания выступала против ограничения свободы импорта, чтобы самой ввозить большие количества индийских изделий. Вот почему её противникам — производителям оказалось нетрудно обратить против неё же теорию свободной торговли, развитую экономистами Ч. Дэвенантом и сэром Дадли Нортон. Своим растущим импортом в Англию индийских товаров ОИК нарушала фундаментальные принципы меркантилизма [Khan S., 1923, p. 191, 310]. Её щитом от недоброжелателей была только власть Стюартов. В 1688 г. этот щит внезапно исчез.

В конечном итоге опыт мало чему научил поздних Стюартов: на новом витке они в целом повторили поведение ранних. При этом Яков II пошёл дальше брата, пытаясь злоупотреблять теорией божественного права короля на власть, которую проповедовал роялист Р. Филмер и которой идеолог укрепляющихся буржуазных групп Дж. Локк противопоставил теорию общественного договора. В конце концов Яков умудрился рассориться даже с министрами-тори. В 1688 г. это привело к бескровной «славной революции»: тори и виги объединились и посадили на трон зятя Якова — статхаудера Нидерландов Вильгельма Оранского (1689–1702). Главным завоеванием революции стал билль о правах 1689 г., окончательно поставивший английского монарха под контроль парламента.

Для ОИК революция означала возрождение давно забытой неуверенности в будущем. Неудивительно, что эта революция, которую Ф. Бродель (пусть с некоторым преувеличением) назвал революцией купцов [Braudel, 1979, II, p. 541], напугала ОИК. Директора небезосновательно опасались отмены монополии: последней сразу же после революции лишились корпорации и постарше ОИК — Компания восточных земель (основана в 1578 г.) и торговавшая с Германией Компания купцов-авантюристов (берущая начало

¹ В 1682 г. виги избрали Папильона шерифом Лондона [Calendar of State Papers (1), p. 295].

ещё в 1406 г.). После 1688 г. в целом повторилась ситуация 1640-х годов: ост-индскую торговлю стали воспринимать как источник национального дохода, к которому может приобщиться каждый англичанин. Демократы рассматривали монополию ОИК как прямое отрицание принципов революции [Khan S., 1923, p. 207]¹. Экономические претензии к ОИК дополнялись политическими: она дискредитировала себя слишком тесными связями со свергнувшим королём, что давало её противникам-вигам ещё один козырь.

«Славная революция» «поставила Компанию лицом к лицу с парламентом» [Hunter, II, p. 275]. Уже в 1690 г., воспользовавшись жалобой жителей острова св. Елены на притеснения губернатора ОИК, палата общин занялась рассмотрением вопроса о восточной торговле в целом [Keay, 1991, p. 179–180]. Парламент предложил компромисс между ОИК и купцами, «выключенными» из восточной торговли: расширить членство Компании, увеличив её капитал до £ 1,5 млн и ограничив долю каждого акционера £ 5 тыс. Чайлд отказался даже от компромисса, и парламент рекомендовал Вильгельму III ликвидировать ОИК [Foster, 1929, p. 97]. Тем не менее Чайлду удалось использовать привычный рычаг влияния: подкупив членов Тайного совета (на сумму в £ 80 тыс., что превышало обычную для Компании стоимость подарков в 20 раз. — [Keay, 1991, p. 181]), ему удалось добиться для ОИК новой королевской хартии. Правда, и при этом «монополистам» пришлось сдать часть позиций. Хартия 1693 г. всё-таки предусматривала увеличение капитала на £ 744 тыс., а доля одного акционера не должна была превышать £ 10 тыс. [Hunter, II, p. 311–312].

Хартия 1693 г. была половинчатой мерой и не удовлетворила ни консервативно настроенное руководство ОИК, ни частных купцов. Что касается палаты общин (где преобладали представители именно частных купцов), то она чувствовала себя обойдённой. Так проблема ост-индской монополии обрела помимо экономического политическое значение. Общины не собирались уступать уже не только как выразитель интересов частных купцов — монопольной ОИК, но и как орган государственной власти — другому органу, королю в совете.

Поэтому в 1694 г. последовала вторая атака парламента на ОИК. Получив от интерлоперов жалобу на задержание Компанией (с одобрения Тайного совета) их корабля, палата общин объявила задержание корабля незаконным, причём главой рассматривавшего дело комитета был вернувшийся после революции Папильон [Comprehensive History of India, 1978, p. 577]. Вслед за тем палата единогласно постановила, что *«все подданные Англии имеют*

¹ Директора ОИК даже восприняли революцию как голландский заговор, с помощью которого Нидерланды планировали разрушить английскую торговлю в Индии [Reid, 1947, p. 55].

равное право торговать с Восточными Индиями, если это не запрещено актом парламента» [Cobbett, V, p. 828]. Тем самым парламент выступил как против Компании, так и против продолжавшей оказывать ей известную поддержку королевской власти. Правда, приняв такую резолюцию, общины испугались собственной смелости и не развили успеха [Reid, 1947, p. 58].

Однако в том же году парламент нанёс удар по ОИК с другой стороны. Парламентская комиссия затребовала бухгалтерские книги Компании. Проверка показала: неясно, на какие цели за пять предыдущих лет было израсходовано свыше £ 103 тыс. Председателя совета директоров сэра Томаса Кука (ставленника Чайлда) отправили в Тауэр. Там под угрозой взыскания недостающей суммы с него лично Кук дал показания, позволившие палате заподозрить во взяточничестве ряд членов парламента и высших государственных чиновников (включая судебных — генерального прокурора и генерального стряпчего). В частности, вскрылось, что получивший £ 12 тыс. некий Р. Эктон «заявил, что имеет нескольких друзей, способных оказать услугу Компании, а некоторые из них поговорят с членами парламента... целью было получение парламентского акта» (см.: [Cobbett, V, p. 896–898, 911–929]). Замешанным в разразившемся скандале лицам удалось замять его. Вильгельм (получив от Компании £ 10 тыс.) временно прервал работу парламента, и на этом расследование закончилось [Mukherjee, 1958, p. 84], вызвав, тем не менее, политическую смерть председателя Тайного совета герцога Лидса (ему был вынесен импичмент). Однако ОИК пережила бурю 1695 г., и Чайлд благодаря своей осмотрительности избежал какого бы то ни было порицания [Khan S., 1923, p. 243].

Следующая буря оказалась серьёзнее. Сразу после «славной революции» произошло объединение большого числа интерлоперов в группу под названием «доугейтские авантюристы». Собрав £ 180 тыс. капитала, они потребовали инкорпорировать их в отдельную от ОИК организацию (причём настаивали, что монопольные права может даровать лишь парламент, а не король) [Comprehensive History of India, 1978, p. 577]. Однако их усилия увенчались успехом лишь в 1698 г., когда финансовое напряжение в ходе Девятилетней войны с Францией (война Аугсбургской лиги, 1689–97 гг.) заставило министра финансов Монтэгу фактически выставить восточную монополию на аукцион. Из-за понесённого во время войны ущерба ОИК смогла предложить парламенту лишь £ 700 тыс., в то время как её конкуренты — £ 2 млн [Cobbett, V, p. 1178]. В июне нижняя палата 115 голосами против 78 приняла билль об образовании Широкого общества (*General Society*) [Cobbett, V, p. 1180]¹. При

¹ Любопытно, что ещё в марте 1698 г., на начальной стадии обсуждения в парламенте, «старая» ОИК проиграла новой всего десять голосов из-за того, что многие её сторонники отсутствовали на заседании, отправившись смотреть травлю тигра собаками [Lyall, 1973, p. 56].

этом общины ловко избежали конфликта с короной, не даровав хартию, а создав корпорацию, которая должна была получить хартию от короля [Hunter, II, p. 317]. Такая хартия была дарована в сентябре 1698 г., положив начало «Английской Компании, торгующей с Ост-Индией». Структура и привилегии «новой» ОИК являлись полным подобием «старой», Лондонской, причём все права суверена, которых та добилась постепенно на протяжении XVII в., «новой» были дарованы сразу. Монополия восточной торговли переходила к Английской Компании, а Лондонскую парламент обязал свернуть дела в три года [Documents/Marshall, 1968, p. 193–196].

Создание новой ОИК было не только торжеством бывших интерлоперов. Оно имело политическую подоплёку. Эта корпорация была создана почти одновременно с первым в стране акционерным банком — Английским банком (основан в 1694 г.). Оба института по сути были финансовыми компаниями вигов и были призваны стоять на страже достижений «славной революции». Поскольку оба они были обязаны своим появлением парламенту и не могли без его согласия давать королю в долг, финансовый контроль общин над короной существенно возрос [Ashley, 1977, p. 185]. Таким образом, создание «новой» ОИК стало и наградой вигов политическим сторонникам, и приобретением ими дополнительного инструмента давления на монарха¹.

Весьма показательно, что, в отличие от более раннего времени, к концу XVII в. целью интерлоперов уже было объединение в монопольную компанию, причём акционерную (они не остановились на создании Широкого общества)². К тому времени опыт продемонстрировал преимущество монопольного принципа в восточной торговле. Громкие выступления интерлоперов в пользу свободной торговли были не более чем риторикой: просто они стремились сами войти в ОИК, а олигархи (такие, как Чайлд) не пускали.

Правда, создание ещё одной ОИК никак не входило в ожидания мануфактуристов, вместе с которыми интерлоперы боролись с Компанией до 1698 г. До самого конца интерлоперы сознательно не раскрывали своей цели, используя своих временных союзников как «полезных идиотов». Когда интерлоперы достигли своей истинной цели, глаза текстильщиков открылись и они потребовали запретить импорт всех восточных ремесленных изделий.

К концу XVII в. импорт индийского текстиля составлял уже серьёзную конкуренцию английским тканям. С 1670 г. против его роста стали появляться многочисленные памфлеты, а в 1674 г. в парламент поступила первая пе-

¹ Сомнительно, правда, что образование «новой» ОИК стало бы возможным, не случись кризис государственных финансов, которым воспользовались интерлоперы: слишком велик был вес «старой» ОИК с её опытом ведения бизнеса и сетью факторий.

² Кстати, во второй половине XVII в. ОИК была единственной акционерной среди монопольных внешнеторговых компаний Англии — остальные были регулируемы, в которые попасть было легче [Thomas, 1926, p. 17].

тиция суконщиков с жалобой на ОИК. Это событие не случайно. Во второй половине XVII в. с развитием мануфактуры меркантилизм вступил в свою вторую стадию — протекционизма: иностранных конкурентов стали решительно изгонять с внутреннего рынка с помощью запрета импорта или высоких тарифов. В отличие от первой половины столетия внешнюю торговлю оценивали уже не саму по себе или по приносимому ею объёму драгоценных металлов, а по её воздействию на отечественное производство. Главную задачу государства в регулировании торговли стали видеть в способствовании промышленному развитию [Thomas, 1926, p. 21–22]. Теперь мануфактуристы могли рассчитывать на большее внимание властей к своим нуждам, в том числе и в связи с восточной торговлей. Жалобы производителей заставили парламент принять меры: в 1685 г. он увеличил пошлину на ввозимый ОИК коленкор с 5 до 10%, а в 1690 г. — до 20% [Bal, 1924, p. 257]. Правда, дешёвизна текстиля делала даже такую высокую пошлину малообременительной для Компании¹.

В 1690-е годы ситуация обострилась из-за кризиса, поразившего суконную и шёлковую промышленность страны. Его виновником в общем мнении была именно ОИК, чего не отрицали даже её сторонники. Индийские ткани стоили в 3–6 раз дешевле продукции английской мануфактуры [Thomas, 1926, p. 51]². В 1696–97 гг. произошли волнения ткачей в крупнейшем центре шелкового производства — Спитлфилдс, за которыми стояли мануфактуристы и Левантская Компания³. Однажды пятитысячная толпа ткачей выломала двери *East India House*, в другой раз пыталась атаковать дома управляющего ОИК Дж. Бохана и Чайлда, но была рассеяна по приказу лорд-мэра [Khan S., 1923, p. 289].

Конфликт вокруг импорта ОИК коленкора занимал центральное место в экономических спорах 1690-х годов — периода, который английский специалист П.Дж. Томас назвал «посевным сезоном» в истории экономической мысли Англии. За дело ОИК встали тогда Дж. Чайлд (он был известным экономистом), Ч. Дэвенант; за дело отечественного производства — не менее

¹ Интересно, что другая мера парламента в русле того же протекционизма была объективно на руку ОИК: в 1688 г. он окончательно запретил ввоз французских льняных товаров и шелков [Thomas, 1926, p. 38]. Таким образом, Компании был выгоден **избирательный** протекционизм.

² По иронии истории, именно после «славной революции» индийский коленкор особенно вошёл в моду. Пример обществу подавала сама королева — жена Вильгельма Мария II [Sridharan, 1965, p. 27].

³ В 1697 г. мануфактуристы указывали, что импорт индийских тканей ставит под угрозу занятость 250 тыс. английских рабочих [Barber, 1975, p. 50]. Кстати, сейчас 60% населения Спитлфилдс — выходцы из Бангладеш: бенгальские ткачи взяли исторический реванш у английских.

известные экономисты Дж. Поллексфен, Дж. Кэри. Позиции первых были явно слабее: если они настаивали, что торговлю не следует обременять запретами или тарифами, то их оппоненты просто демонстрировали факты [Thomas, 1926, р. 68, 72]. Эти факты указывали на необходимость принять эффективные меры к защите английской мануфактуры, что, наконец, и было сделано.

В 1700 г., уже после создания альтернативной ОИК, между производителями и ост-индскими предпринимателями был заключён компромисс: под угрозой штрафа в £ 200 парламент запретил ношение одежды из шёлка и крашеного коленкора [Bal, 1924, р. 259]. Импорт этих восточных товаров разрешили только с целью реэкспорта. От этого существенно выиграли мануфактуристы, но ОИК пострадала мало: европейский рынок для её импортных товаров был гораздо обширнее внутреннего. К тому же позиции ОИК только ослабли бы, если парламент проигнорировал бы требования производителей [Khan S., 1923, р. 310–311]: это подогрело бы их противодействие Компании, они стали бы менее уступчивы.

Что же касается победы интерлоперов над ОИК, то она оказалась сомнительной. Положение Английской Компании не было многообещающим: она не имела ни факторий (не говоря уже о фортах), ни сети индийских поставщиков, агентов и финансистов, ни достаточных средств, так как £ 2 млн ушли на заём государству. За Лондонской ОИК оставались и все торговые льготы, полученные от восточных правителей. К тому же «старая» Компания дальновидно приобрела часть капитала «новой»¹, поэтому получила право на существование, пока министерство финансов не возвратит ей займа, а это означало почти неограниченный срок [Keay, 1991, р. 183, 190]. Неудивительно, что «старая» ОИК оправилась от удара очень быстро. Если в 1698 г. её акции упали до отметки 33 $\frac{1}{4}$ пунктов, то уже к апрелю следующего года выросли до 142 [Scott W., II, р. 168]. Всё это подталкивало «новую» ОИК к единственному выходу — слиянию со «старой»². Окончательно убедил «новую» Компанию в необходимости слияния провал её попыток действовать на Востоке самостоятельно. В деловом плане она добилась немногого, зато соперничество двух компаний неизбежно стало наносить вред торговле Англии с Востоком в целом. Компании договорились очень скоро, причём за объединение высказался сам Вильгельм. Как и полвека до этого, не обо-

¹ Казначей «старой» ОИК Джон дю Буа, внёсший £ 315 тыс. как частное лицо, даже оказался крупнейшим акционером «новой» ОИК [Reid, 1947, р. 60].

² Сам парламент признал невозможность роспуска «старой» ОИК, о чём свидетельствует следующее: после принятия протекционистского акта 1700 г. в тот же день он приступил к рассмотрению вопроса о разрешении «старой» ОИК оставаться корпорацией [Thomas, 1926, р. 114]. Если её мёртвый капитал в 1702 г. составлял £ 330 тыс., то «новой» — всего £ 70 тыс. [Scott W., II, р. 170].

шлось без соображений внешней безопасности: надвигалась война с Францией за испанское наследство (1701–13) и порознь компаниям было бы труднее отражать нападения вражеских судов.

В 1702 г. произошло частичное слияние двух ОИК, и они перестали конкурировать. Однако вести дела недавним соперникам всё равно было трудно. Например, Калькутта в 1705–09 гг. управлялась «двухголовым правительством»: представители обеих Компаний каждую неделю сменяли друг друга на посту президента (по договорённости), что дезорганизовало торговлю [London Chronicle, 1757, № 70, p. 554]. Затруднением компаний не преминуло воспользоваться государство: лорд-казначей граф Годолфин (1702–10) вызвался выступить в роли третейского судьи в вопросе о слиянии (т.н. «награда Годолфина») на условии очередного займа государству в £ 1,2 млн [Comprehensive History of India, 1978, p. 582]. В 1709 г. слияние было завершено. «Старая» ОИК перестала быть юридическим лицом, но фактически именно она поглотила «новую», а не наоборот. Однако безоговорочной её победу назвать всё-таки нельзя: изменившаяся благодаря «славной революции» социально-политическая обстановка не позволила ОИК сохранять прежнюю замкнутость. В новых условиях «монополисты» не могли не потесниться.

Возникшая «Объединённая Компания купцов Англии, торгующих с Ост-Индией» была мощной организацией. ОИК сумела пройти через начавшийся с 1688 г. период неустойчивого существования и к его окончанию приняла свежие силы в виде своих недавних конкурентов. Если последние до этого являлись стойкими противниками ост-индской монополии, то теперь превратились в не менее стойких её поборников¹.

Возвращение к власти Стюартов не принесло ОИК ничего плохого. Напротив, именно режиму Реставрации было суждено на практике осуществить намеченную Кромвелем идею всесторонней поддержки Компании государством — того, на что история не отпустила времени самому режиму протектората. С 1657 г. ОИК пользовалась постоянной и реальной помощью государственной власти — короны и парламента — в своём противостоянии внешним (прежде всего голландской ОИК) и внутренним (интерлоперам) противникам. Эта поддержка являлась решающей для успешного функционирования Компании, о чём красноречиво свидетельствуют данные по её торговле.

Однако к концу XVII в., по мере развития английской торговли и мануфактурной промышленности интересы импортирующей в основном индий-

¹ Ускорил слияние компаний намёк Годолфина: если они не договорятся, может появиться новое объединение интерлоперов [Hunter, II, p. 378]. Их Английская Компания не собиралась пускать в сферу своей деятельности с не меньшим рвением, чем Лондонская.

ский текстиль ОИК стали всё более приходить в противоречие с интересами широких слоёв купечества и владельцев суконных мануфактур. Не желая уступить им ни доли прибылей, директора Компании всё более сближались с двором, тогда как социальная опора последнего становилась всё тоньше. Ко времени «славной революции» 1688 г. отношение парламента к ОИК стало напоминать его позицию при ранних Стюартах. После революции, окончательно приведшей к власти джентри и буржуазию, положение Компании серьёзно ухудшилось. Потеря ею монаршего покровительства означала объединение против неё всех её врагов. Вместе они ослабили политические позиции ОИК в стране, и в 1690-е годы повторился кризис 1640-х — 50-х годов, правда, в смягчённой форме: мягкой была сама революция, а Компания набрала при Реставрации значительную инерцию. Всё же смена власти означала конец неограниченного использования Компанией такого рычага, как подкуп государственных чиновников. Окончательно переместив политический центр тяжести в парламент, «славная революция» неизбежно привела к триумфу интерлоперов — но не интерлоперского принципа, уже доказавшего свою несостоятельность. В 1698 г. частные купцы, обманув своих союзников мануфактуристов, создали собственную ОИК. Однако благодаря своему капиталу и прочным позициям на Востоке «старой» ОИК удалось нейтрализовать угрозу роспуска и выйти победительницей в конкуренции с «новой» Компанией, которую она по сути поглотила в 1709 г. Если Кромвель вдохнул в умиравшую Компанию новую жизнь, то благодаря Годолфину она обрела второе дыхание. Чуть ранее был достигнут компромисс с мануфактуристами: английский рынок был закрыт для части импорта ОИК.

II.1.3. Компания в первой половине XVIII в.

Начало XVIII в. было переломным в истории не только ОИК, но и страны в целом. За два года до объединения двух компаний произошло объединение двух королевств. К личной унии Англии и Шотландии 1603 г. добавилась в 1707 г. парламентская уния, положившая начало Соединённому Королевству Великобритании¹. С этого же времени берёт начало фундаментальное изменение её конституции: складывается кабинетная система. Если

¹ С этих пор население страны **в целом** правильно называть британцами, а не англичанами. Это название тем более правомерно для обозначения строителей заморской империи, что среди них народы кельтской окраины Британских островов были представлены непропорционально широко. Относится это и к ОИК. Например, в 1750-е годы шотландцы составляли по меньшей мере половину её персонала (тогда как их доля в населении островов равнялась всего $\frac{1}{10}$). Диспропорция во многом объясняется большей готовностью шотландцев попытаться счастья за границей и ассимилироваться местными обществами [Ferguson, 2002, p. 33–34].

по конституционному **закону** исполнительная власть сохранялась в руках короля и его советников, то установившийся конституционный **обычай** предписывал монарху назначать министрами лидеров партии большинства в палате общин. Контролируя казну, общины контролировали и короля и лордов [Tout, 1908, p. 537]. Последняя представительница династии Стюартов Анна (1702–14) была последним монархом, наложившим вето на акт парламента и постоянно председательствовавшим на заседаниях кабинета. Ослаблению влияния короны способствовала смена династии: короли новой, Ганноверской, династии были немецкими курфюрстами и потому политического веса в Великобритании не имели. Вместе со Стюартами в полувековое политическое небытие ушли тори: до 1762 г. правительства формировали виги, крупнейшим деятелем которых был Роберт Уолпол (1721–42), заложивший фундамент должности премьер-министра.

Страна всё увереннее двигалась по капиталистическому пути развития. После «славной революции» в процесс огораживаний активно вмешался парламент, который стал узаконивать действия лендлордов. К 1700 г. в стране было огорожено 70% земель [От аграрного общества..., 1998, с. 246]. В начале XVIII в. парламент отменил последние монополии в области производства и внутренней торговли [Кондратьев, 1989, с. 445]. Тем прочнее на этом фоне выглядели позиции ОИК — непоколебимого оплота монополизма.

Возродившись в 1709 г. и став с поддержкой своих новых членов и парламента сильнее, чем когда-либо прежде, ОИК резко увеличила свой потенциал. В 1713 г. она получила от Анны хартию на продление монополии до 1730 г.¹ От предыдущих хартий эта отличалась тем, что предварительно была принята парламентом (что лишний раз указывает на коренное изменение соотношения сил в системе «корона — парламент»). К началу 1720-х годов торгово-финансовая мощь ОИК заметно возросла.

В первой половине XVIII в. ОИК постоянно пользовалась поддержкой государства. Основных причин тому можно назвать две. Первой из них была дважды (в 1640-е — 50-е и в 1698–1709 гг.) доказанная необходимость монополизации восточной торговли страны одной корпорацией. Второй причиной было беспрецедентное политическое влияние Леденхолл-стрит². Л. Сазерленд выделила три фактора, которые слагали это влияние (см.: [Sutherland, 1952, p. 19–23]).

Главным фактором была огромная роль, которую ОИК начала играть в государственной кредитной системе страны. Вместе с Английским банком и Компанией южных морей (основана в 1711 г.) она оказалась в центре этой

¹ Поскольку Объединённая ОИК являлась уже другим юридическим лицом, все хартии «старой» Компании перестали иметь силу с её роспуском.

² Улица в Лондоне, где с 1638 г. располагалась штаб-квартира ОИК.

системы. Устойчивое положение Объединённая Компания обеспечила себе уже тем, что с самого начала предоставила весь свой капитал (£ 3,2 млн) правительству в качестве консолидированного займа [Chaudhuri, 1978, p. 20]. Начать играть важную финансовую роль Компании дало возможность то событие, которое в краткосрочной перспективе поставило её на грань гибели, — «славная революция». Благодаря последовавшей за ней «финансовой революции» 1690-х годов (термин английского экономиста П. Диксона) и появлению национального долга Великобритании стала «фискально-военным государством», способным собирать на военные нужды крупные суммы денег, причём главным образом путём долгосрочных займов [Crouzet, 2002, p. 68]. Последнее и сделало располагавшую крупными средствами ОИК подходящим кредитором правительства, причём она могла позволить себе давать займы под самые низкие проценты (к 1758 г. её процентная ставка стабилизировалась на уровне 3%. — [Foster, 1929, p. 109]).

Вторым фактором было, пусть ещё небольшое, ост-индское лобби в парламенте. Хотя в рассматриваемый период оно имело меньший вес, чем лобби вест-индской или североамериканской торговли, правительство не считало возможным пренебрегать связями с ОИК: они увеличивали объём министерского патронажа. Членами палаты общин всегда были несколько директоров Компании, привлечённые сюда возможными контрактами с правительством и другими выгодами. Ряд других депутатов были крупными акционерами Компании.

Третий фактор — влияние на выборы в органы власти Лондона, оказываемое ОИК с её широкими деловыми связями. С этой целью она могла мобилизовать своих сторонников, которых директора называли своими «домашними войсками» (*«household troops»*): дилеров по торговле сукном, его упаковщиков и красильщиков, банкиров и брокеров (у которых ОИК покупала драгоценные металлы), торговцев алмазами, а также многочисленное судовое лобби — связанных с Компанией судовладельцев, капитанов, судостроителей и т.д.¹

Неудивительно, что поддержка ОИК государством в данный период была всемерной. Как и прежде, самым насущным вопросом для Компании были сохранение и защита её монополии.

В 1718–32 гг. парламент принял несколько актов против интерлоперов [Banerjee, 1977, p. 7]. Тогда последние попытались добиться своих целей ле-

¹ ОИК занимала особое место в политической жизни страны не только благодаря своему экономическому весу, но и благодаря своей организации. Обычной группой давления в XVIII в. была отличавшаяся невысокой сплочённостью и неформальная группа интересов. Лишь в финансовой сфере государственным деятелям приходилось иметь дело с мощными и формально организованными группами интересов в упомянутых трёх «денежных компаниях» (как их называли современники) [Sutherland, 1984, p. 155–156].

гальным путём. В 1730 г. завершился срок хартии ОИК и более 200 купцов Лондона, купцы Ливерпуля и Бристоля предложили правительству заём для выплаты его долга ОИК, причем всего под 2%. «Взамен» они просили парламент вернуть ОИК в состояние регулируемой Компании, т.е. по сути отменить монополию. Однако их усилия были тщетны. ОИК немедленно предложила казначейству новый заём с сокращением процентной ставки [Foster, 1929, p. 108] и тут же нашла понимание в правительстве. Уолпол считал, что *«торговля может вестись лишь монопольной Компанией. Лица, собиравшиеся создать новое общество, были совсем незнакомы с тайнами бизнеса, и пока Компанию не вынудили бы поделиться информацией и расстаться со своими фортами и поселениями, торговля (новых ост-индских предпринимателей. — К.Ф.) могла бы быть сокращена или свёрнута»* [Cobbett, VIII, p. 800–801]. Палата общин дважды отвергла петицию купцов, несмотря на поддержку, оказанную им парламентской оппозицией, которая развернула в пресесе наступление на монополии вообще и на монополию ОИК в особенности. Затем правительство предложило палате продлить хартию ОИК до 1766 г. на условии займа у неё государством £ 400 тыс. и сокращения процентной ставки на 1% [Cobbett, VIII, p. 801]. О прочных позициях ОИК в 1730 г. говорит незначительное падение её акций во время дебатов в парламенте: со 181 до 176 пунктов [Sutherland, 1984, p. 163].

Следующую хартию ОИК получила досрочно — в 1744 г., во время войны за австрийское наследство (1740–48). По инициированной директорами сделке правительство (нуждавшееся в средствах) продлило Компании хартию сразу до 1780 г. — в обмен на 3%-ный заём в £ 1 млн [Comprehensive History of India, 1978, p. 601]¹.

Очевидно, что поддержка государства не была бескорыстной. Продление им хартии ОИК на короткие сроки было средством получения у неё займов. Фактически она оплачивала займом каждую новую хартию. Поэтому, заключив в 1744 г. сделку, Компания решила проблему покупки хартии на достаточно продолжительный срок. Её руководство не могло представить себе, с какими проблемами в отношениях с государством ей придётся столкнуться всего через четверть века.

Поддержку государство оказывало ОИК и во внешней политике — в её противостоянии с европейскими конкурентами. Такая поддержка ей потре-

¹ По мере сдачи меркантилизмом позиций в стране рушилась какая-то часть внешнеторговых монополий: почти каждая атака частных купцов увенчивалась определённой победой. Например, в 1698 г. была ослаблена монополия Королевской Африканской Компании, в 1699 г. отменена монополия Московской Компании, а в 1753 г. — Левантской Компании [Minchinton, 1969, p. 13]. Однако ОИК неизменно оставалась на плаву (вместе с Компанией Гудзонова залива, 1670–1870 гг., незаменимой для освоения северной Канады).

бовалась в связи с внезапным подъёмом фламандской ОИК, торговавшей из порта Остенде. Остендские купцы стали отправлять корабли в Бенгалию и Китай с 1713 г., а в 1722 г. император Священной Римской империи Карл VI (1711–40) дал им хартию (Фландрия была габсбургским владением). Поначалу дела новой ОИК шли очень успешно: к 1726 г. её дивиденд составлял 33% [Keay, 1991, p. 238]. Феноменальный успех компании в значительной степени объяснялся её широкомасштабной контрабандой в европейские страны. Английская ОИК сразу увидела в новой компании серьёзную коммерческую угрозу, а правящие круги Великобритании — политическую: на службу к ней поступило много изгнанников-якобитов¹ [Sutherland, 1952, p. 27], а её дела пошли в гору как раз после якобитского восстания 1715 г.

Неудивительно, что государство оказало своей ОИК всемерную поддержку. Сначала она была законодательной: парламент запретил бывшим служащим ОИК наниматься в иностранные компании, торгующие с Востоком [НРНЕ, XIV, p. 1210]. Однако вскоре вопрос был переведён в дипломатическую плоскость, причём Великобритания выступила не одна. Когда речь зашла о конкуренте-новичке, британцы быстро нашли общий язык с другими конкурентами: никто из уже приобретших на Востоке торговые позиции европейцев не собирался потесниться. В 1726 г. Великобритания, Нидерланды и Франция, совместно оказав на императора сильное давление, вынудили его запретить фламандской ОИК торговать² [Roberts, 1952, p. 66–67].

В начале 1750-х годов такого же рода поддержку государство оказало Компании в связи с появлением другого конкурента — прусской ОИК, начавшей торговлю из порта Эмбден. В палате общин опасались, что благодаря этому Пруссия *«может со временем стать морской, как и великой сухопутной державой...»*. Поэтому в 1752 г. парламент принял акт об ограничении страхования иностранных судов, направляющихся в Индию или прибывающих оттуда (мера, прямо направленная против прусской Компании) [НРНЕ, XIV, p. 1215, 1234]. Таким образом, государство энергично отстаивало интересы ОИК и на международной арене.

В рассматриваемый период парламент относился с пониманием и к проблемам развития структуры и полномочий ОИК в Индии. В 1726 г. получила дальнейшее расширение судебная власть Компании в президентствах. По хартии Георга I муниципалитеты были учреждены в Калькутте и Бомбее, а уже существовавший (с 1688 г.) мадрасский был реорганизован. Апелляционным судом для муниципального суда стал губернатор и совет президент-

¹ Сторонники свергнутого в 1688 г. Якова II. Выступая за передачу трона его сыну, они подняли два безуспешных восстания в 1715 и 1745 гг.

² Карл не мог себе позволить раздражать эти державы, так как нуждался в их согласии на Прагматическую санкцию, по которой его дочь Мария-Терезия объявлялась его наследницей.

ства (высшая инстанция была вынесена за пределы ОИК — ею являлся король в Тайном совете). Исполнительной власти президентств было дано право издавать подзаконные акты и указы, подлежащие одобрению директоров [Indian Const. Documents, 1948, p. XVII].

Постоянная поддержка государства весьма благоприятно сказалась на функционировании ОИК. К 1740 г. она ежегодно отправляла на Восток около 20 кораблей водоизмещением не более 499 т¹. Акционеры получали стабильный дивиденд, составлявший в среднем 8% [Keay, 1991, p. 220]. Объём экспорта ОИК в Азию вырос в 1710–50 гг. с £ 509 тыс. до £ 1,3 млн, а импорта из Азии — с £ 371 тыс. до £ 1 млн [Chaudhuri, 1978, table P. 1–2, p. 507, 510]. В начале XVIII в. Компания проникла в Китай и начала вывозить оттуда чай, которому со временем предстояло стать её главным товаром. Вообще ОИК была ключевым элементом мировой торговой сети Великобритании, которая (сеть) впервые в истории (вместе с голландской ОИК) связала воедино Европу, Америку, Африку и Азию [Lieven, 2000, p. 100]. Наиболее важным показателем экономической мощи ОИК стало, пожалуй, её положение во время кризиса 1720 г., до основания потрясшего финансовую систему Европы в целом.

Этот крах, который называют первым финансовым кризисом современности, был вызван стремлением правительства Франции, а затем и Великобритании сократить государственный долг, существенно возросший в результате Девятилетней войны и войны за испанское наследство². Французская Компания Индий (КИ) и британская Компания южных морей за ряд предоставленных государством привилегий взяли на себя часть его долга, выпустив огромное число акций. Поскольку такая схема предполагала прочность положения компаний, она привела к невиданной спекуляции этими акциями, во много раз превзошедшей возможности компаний. Сначала акции возросли в цене в десятки раз, причём спекулятивный пример оказался заразителен: в Амстердаме, Вене, Гамбурге, Лиссабоне тоже, как грибы, росли дутые предприятия. Затем «мыльные пузыри» стали неизбежно лопаться, разорив множество вкладчиков [Parker, 1794, p. 582–588]. В Великобритании только ОИК и Английский банк, несмотря на резкое падение курса их акций, не поддались всеобщей финансовой панике. Поэтому именно им согласно плану Уолпола по ликвидации долгов обанкротившейся Компании южных морей парламент поручил спасти кредитную систему страны [Аникин, 2002, с. 48].

¹ ОИК хитрила: по хартии 1698 г. кораблю водоизмещением 500 т и больше полагался священник (что означало дополнительные расходы).

² В Великобритании в 1714 г. долг составил £ 36 млн [Kindleberger, 1984, table 9.1, p. 165].

Кстати, крах Компании южных морей лишь добавил ОИК устойчивости. Он дал правительству (которое помнило о значительной роли ОИК в возникновении лондонского финансового рынка, да ещё являлось её должником) представление о том, что может произойти в случае краха этой Компании. А поскольку стабильность ОИК как финансового института зависела от её стабильности как института коммерческого, правительство не могло позволить себе оставить Компанию в беде в случае военных осложнений на Востоке. Например, оно пошло ей навстречу уже в 1721 г., когда директора (возможно, решившие ковать железо, пока горячо) просили Георга I отправить в Индию эскадру commodora Мэтьюза на борьбу с маратхским флотоводцем Ангре (см. II.2.2) и европейскими буканьерами [Desai, 1970, p. 73]. К середине XVIII в. потребовалась намного более серьёзная военная помощь государства: ОИК вступила в широкомасштабную войну со своей французской «коллегой».

В 1740-е — 50-е годы резко обострилась борьба Великобритании и Франции за мировую гегемонию. Эта борьба стала главным содержанием общеевропейской войны за австрийское наследство (1740–48), а затем Семилетней войны (1756–63). Именно последняя заслуживает названия первой мировой: для британцев и французов она вышла далеко за пределы Европы, охватив их колонии в Северной Америке и Карибском море и фактории в Индии, причём колониальным кампаниям противники придавали особое значение (намного большее, чем в мировой войне 1914–18 гг.) [Kennedy, 1976, p. 98]. В Индии в этот период шла почти непрерывная война между английской ОИК и французской КИ (которым с обеих сторон помогали королевские флот и армия). Взяться за оружие две торговые организации побудила именно вылившаяся в войну борьба их стран за гегемонию. Компании-конкуренты могли теперь свести друг с другом все счёты, перенеся соперничество из торговой плоскости в военную (см. III.1.1).

Война с французами дала импульс дальнейшему развитию политической составляющей природы ОИК. Именно в это время государство завершило процесс передачи Компании суверенных полномочий. Очень важное конституционное значение в этом процессе имел парламентский акт 1754 г. Он легализовал вооружённые силы ОИК, созданные в 1748 г. путём широкомасштабного набора индийцев-сипаев (пример подала КИ 4 годами раньше) и европейских солдат. По распространённому парламентом на Индию Акту о мятеже 1751 г. ОИК получила такую же власть над своими войсками, какой обладало государство над королевскими войсками¹. Были определены нака-

¹ Вместе с тем парламент позаботился о том, чтобы военная деятельность ОИК осуществлялась в общем русле антифранцузской борьбы. В акте 1754 г. было оговорено, что общее командование войсками ОИК и короны в Индии на время англо-французской войны осуществляет главнокомандующий королевскими войсками (ввиду необходимости единоначалия) [НРНЕ, XV, p. 250].

зания за мятеж, дезертирство и другие военные преступления, а высшие гражданские и военные власти Компании в Индии наделены правом судить военным судом [Keith, 1937, p. 19]. В 1757–58 гг. парламент наделил ОИК правом на трофеи и захваченные крепости и территории; правда, применительно к европейским владениям в Индии это право Компания могла осуществлять лишь с разрешения короны [Indian Const. Documents, 1948, p. XVIII].

Учитывая существенную поддержку государством ОИК в первой половине XVIII в., не следует забывать, что интересы Компании далеко не всегда совпадали с интересами правительства и различных лобби в парламенте. Это демонстрирует позиция парламента по давнему вопросу об ост-индской конкуренции отечественной продукции. К 1720 г. дальнейшее развитие мануфактуры поставило на повестку дня дальнейшее сужение сферы деятельности ОИК, и парламент пожертвовал её интересами, приняв новый протекционистский закон. Запрет был распространён на ношение индийского коленкора, даже окрашенного в Великобритании¹.

Другим примером регулирования государством деятельности ОИК и даже подчинения её интересов интересам нации в целом можно назвать блокирование британским правительством мирных переговоров между нею и её французской коллегой. К 1754 г. длившаяся уже 8 лет война в Индии ощутимо сказалась на финансах обеих компаний. Поэтому правление ОИК поддержало выдвинутую правлением КИ идею пакта о нейтралитете в Индийском океане — но правительство герцога Ньюкасла (1754–56) запретило ОИК заключать такого рода соглашения с французами [Keay, 1991, p. 293]. Великобритания (как более сильная сторона) не желала связывать руки подобными пактами: финальная стадия борьбы за гегемонию (в том числе и за преобладание в Индии) была ещё впереди.

В качестве схожего примера можно привести захват ОИК испанской Манилы в 1762 г. (когда Испания вступила в войну на стороне Франции). Этот захват Компания осуществила практически против своей воли. Он не отвечал её экономическим интересам, поскольку вызвал прекращение притока серебра из испанской Мексики через Филиппины². Однако правительство (напомнив директорам о помощи королевских войск в Индии) заставило ОИК снарядить такую экспедицию. Британцы удерживали Манилу до заключения Парижского мира в 1763 г.

Тем не менее, польза от тесных контактов с государством во время череды англо-французских войн перевешивала для ОИК негативные моменты

¹ Парламент снимет его только в 1774 г., но наложит на индийские ткани 72%-ную пошлину [Simkin, 1968, p. 265].

² В XVIII в. из Манилы поступало 25–30% ввозимого в Мадрас серебра [Arasaratnam, 1986, p. 302].

этих контактов. Компания впервые получила крупную сухопутную армию, а значит, возможность расправиться с торговым конкурентом внеэкономическим способом. Однако развитие ОИК по пути превращения в сухопутную державу обрело — весьма неожиданно — собственную, внутрииндийскую, логику, чего никак не планировали ни правительство, ни даже директора.

В первой половине XVIII в. ОИК занимала одно из ключевых мест в государственной финансовой системе Великобритании. В период становления этой системы Компания являлась источником крупных займов для правительства. В то же время она имела прочные позиции во внешней торговле страны. Благодаря этому она обладала достаточным влиянием в парламенте для организации отпора своим коммерческим противникам — британским частным купцам и иностранным конкурентам. Отношения ОИК с государством в рассмотренный период, как, впрочем, и в предыдущие, можно свести к формуле: «деньги — привилегии — деньги».

В административном плане государство продолжало делегировать ОИК свои функции, что к середине XVIII в. превратило её в мини-государство. В огромной степени это было следствием ведшейся по всему миру борьбы Великобритании с Францией за гегемонию. Необходимость для ОИК войны с французской КИ заставила британский парламент наделить Компанию, в частности, правовыми возможностями обладания крупной армией — одним из важнейших признаков суверенного государства. Конечно, за такое расширение полномочий Компании надо было платить — иногда убыточным для непосредственных торговых интересов военным сотрудничеством с государством.

К середине XVIII в. ОИК пришла с полным набором характеристик суверена. Все привилегии, которые государство могло ей дать, оно дало. Теперь все зависело от ситуации в Индии.

II.2. Компания и индийские патримонии в XVII — первой половине XVIII в.

II.2.1. «Период факторий» (начало XVII в. — 1680-е/90-е годы)

Как и в случае с английским государством, первым этапом в истории отношений ОИК с индийскими патримониальными политиями можно назвать XVII — первую половину XVIII в., когда Компания занималась по преимуществу коммерцией и ещё не выступала их конкурентом в сфере власти. Однако в течение этого времени предпосылки для такой конкуренции сформировались. Первый этап можно разделить на два периода, первый из которых

(начало XVII в. — 1680-е/90-е годы) я назвал «периодом факторий». Это название несколько условно: торговые фактории ОИК существовали и во второй период, и позднее. Однако хочу подчеркнуть: поскольку на большей части субконтинента ОИК пришлось иметь дело с достаточно сильными империями, для данного периода характерна практически полная подконтрольность английской деятельности на суше имперским властям. Вот почему в первый период типичным английским поселением была фактория (во второй период центр тяжести сместился в сторону фортов).

В цели настоящей работы не входит определение социосистемной (в марксизме — формационной) характеристики социально-экономического строя Индии XVII–XVIII вв. Однако поскольку в ходе настоящего исследования этого вопроса так или иначе приходится касаться, то представляется необходимым пояснить позицию автора. Последняя сформировалась, естественно, не в результате собственных исследований, а на основе чтения научной литературы по данному вопросу, знакомства с различными концепциями, оценки их с точки зрения соответствия основным регулятивам конструирования научного знания.

О социально-экономической принадлежности доколониальной Индии вообще и Индии XVII–XVIII вв. в частности написано много монографий и статей, предложено немало концепций. Среди различных интерпретаций доколониальной Индии мне наименее убедительными представляются феодальная и рабовладельческая. Я разделяю точку зрения тех исследователей, которые ограничивают историческое бытие рабовладения Южной Европой V в. до н.э. — V в. н.э., а феодализма — Западной Европой IX–XV вв. Среди различных отечественных и зарубежных концепций феодализма наиболее убедительными представляются те, в которых феодализм трактуется:

- как не имеющая аналогов вне Западной Европы комбинация индивидуального отчуждения воли при индивидуальном же отчуждении экономического продукта¹; в основе этой комбинации лежит германская форма *Gemeinwesen*, которая выступает «как **объединение**, а не как **союз**, как единение, самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли, а не как единое начало», «как общая собственность индивидуальных собственников»²;
- как сложная целостная институциональная система, построенная на праве, индивидуальном вассалитете (отражение индивидуализированных форм отчуждения воли и экономического продукта), разделении светской и

¹ Крылов В.В. 1997. Методологические вопросы теории формаций // Крылов В.В. Теория формаций. — М.: Вост. лит. — С. 8–87.

² Маркс К. 1980. Экономические рукописи 1857–1861 гг. — М.: Политиздат. — Ч. I. — С. 476, 478.

духовной власти и т.д., а не просто тип поземельных отношений и эксплуатации, вырванный из контекста (поземельные отношения существовали во всех «докапиталистических» обществах)¹;

- как революционная система, постоянно переживающая хозяйственные и социально-экономические революции (аграрно-техническая революция VII–VIII вв., сеньёральная революция IX–X вв., коммунальная революция XI–XII вв., первая европейская промышленная революция XI–XIII вв.²).

Ни одна из этих характеристик, ни они в целом как система не применимы ни к Индии XVII–XVIII вв., ни к Востоку вообще: ведь после «железной революции» и связанных с ней социальных изменений в течение почти трёх тысяч лет они не переживали больше никаких революций в производстве и, следовательно, в производственных отношениях. В Индии, по-видимому, господствовал тип отношений, который сторонники концепции «азиатского способа производства» (АСП) отнесли бы к этой структуре. Разумеется, в том виде, в каком эта концепция выдвигалась и защищалась её адептами в 1920-е — 30-е, а затем в 1960-е — 70-е годы, она далека от совершенства. Однако эвристически она намного плодотворнее, чем интерпретации из набора «пятичленки».

Вообще, проблема феодализма — частный случай фундаментальной проблемы: можно ли применять понятия, которые возникли как отражение реальности капиталистического Запада, к незападным и некапиталистическим обществам, не искажая реальную природу последних? Я, как и многие другие, полагаю, что нельзя. Не случайно в последние десятилетия появляется всё больше работ, авторы которых стремятся уйти от западоцентричной и

¹ Блок М. 2003. Феодальное общество. — М.: Изд-во Сабашниковых. — 503 с.; подр. см.: Гуревич А.Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. — М.: Высшая школа. — 224 с.; Дюби Ж. 2000. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. — М.: Международн. отн.-я. — 415 с.; *его же*. 2002. Время соборов: искусство и общество 980–1420. — М.: Ладомир. — 379 с.; Кенигсбергер Г. 2001. Средневековая Европа 400–1500 годы. — М.: Весь мир. — 374 с.; Ле Гофф Ж. 2000. Цивилизация средневекового Запада. — М.: МЦИФИ. — 368 с.; Ле Руа Ладюри Э. 2004. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. — М.: Международн. отн.-я. — 413 с.; Шоню П. 2005. Цивилизация классической Европы. — Екатеринбург: У-Фактория. — 605 с.; Daalder H. 1987. European Political Traditions and Processes of Modernization: Groups, the Individual and the State // Patterns of Modernity. — N.Y. — Vol. 1. — P. 22–43; Downing B. 1988. Constitutionalism, Warfare, and Political Change in Early Modern Europe // Theory and Society — Amsterdam. — Vol. 17, № 1. — P. 7–56; *его же* Medieval Origins of Constitutional Government in the West // Ibid. — Vol. 18, № 2. — P. 213–247; Eisenstadt S.N. 1987. European Civilization in a Comparative Perspective. — L. etc.: Oxford University Press. — 159 p.; Weber-Schafer P. 1988. Politics: A European Luxury // Culture and Politics. — Boston; N.Y.: De Gruyter. — P. 120–129.

² Gimpel J. 1988. The Medieval Machine: The Industrial Revolution of the Middle Ages. — L.: Wildhouse. — XX, 294 p.

капиталоцентричной терминологии, заменив её нейтральной, ориентированной на предмет исследования, а не навязывающей ему извне терминологию, отражающую западные реалии. Исследователи пишут о «китаеццентричном подходе», «японской системе», «русской системе» и т.д.

С учётом сказанного, характеризуя индийские социосистемные реалии, я стремлюсь пользоваться максимально нейтральными (с точки зрения нагруженности европейскими «докапиталистическими» реалиями и универсалиями) терминами — «традиционное индийское общество», «социальный строй доколониальной Индии», «индийская система». Не решающий положительно вопроса о социальном содержании того или иного азиатского общества, такой подход представляется наиболее адекватным в сложившейся научной ситуации.

К началу XVII в. правящий класс политий Индии (в целом совпадавший с аппаратом управления) коллективно отчуждал волю и прибавочный продукт у налогоплательщиков, которыми считались члены доминирующих в деревне землевладельческих каст. Часть территории политий управлялась с помощью пожалований чиновникам-военачальникам (*джагиров* в султанатах, *палаймов* на юге), а другая часть (*халиса* в султанатах, *бхандара* на юге) находилась под прямым управлением центра. Члены землевладельческих каст, в свою очередь, эксплуатировали зависимое от них население сельской местности. Согласно концепции «двухэтажной собственности» Л.Б. Алаева, представители первого слоя эксплуататоров являлись «верховными собственниками» земли, а второго — «податными собственниками» (см.: [Алаев, 2003, с. 247–249]).

В экономическом отношении Индия была одним из самых развитых регионов мира. Плодородные почвы давали 2–3 урожая в год, а ремесло почти полностью удовлетворяло потребности региона. В международной торговле Индия занимала центральное положение, производя в XVI–XVIII в. более четверти мировой продукции [Washbrook, 1988, p. 60]¹. Главной статьёй экспорта Индии были хлопчатобумажные и шелковые ткани, находившие спрос далеко за её пределами. Основными регионами их производства были Гуджарат, Карнатик, область Маччхлипаттана и Бенгалия. Малабар славился своим перцем. Ввозила Индия по преимуществу драгоценные металлы, пряности и лошадей. Экономическая мощь Индии обусловила существование крупных торгово-финансовых сетей внутри неё и значительную роль её купцов (прежде всего гуджаратцев-мусульман) в индоокеанской торговле.

¹ Экспорт из Индии тканей (200 видов) в одну только Европу достигал в XVII в. 60 млн м³ в год (Джисберт в: [Эршад, 1986, с. 125]). Если учесть, что доля Европы в общем экспорте Индии составляла всего около 14% (рассчитано по: [Simkin, 1968, p. 180]), производственная мощь Индии рассматриваемого периода впечатляет.

К этому времени в Индии существовали три вида патримониальных политий. Большую часть субконтинента занимали централизованные исламские империи, крупнейшей из которых был султанат Моголов¹ (индийской ветви Тимуридов). Основал его чагатайский завоеватель Бабур в 1526 г., а его преемники — пуштунский соперник Моголов Шер-шах Сур (1540–45) и внук Бабура Акбар I (1556–1605) — значительно расширили султанат территориально: к моменту смерти Акбара империя охватила почти всю Северную Индию (а также Кабул с Кандагаром). Они же заложили фундамент имперской структуры. Шер-шах ввёл чёткое административное деление на *субы*, *саркары* и *парганы*, а Акбар — иерархическую военно-чиновничью систему *мансабдари* и детализированную земельно-налоговую систему *забт*. Эта система впервые в истории Индии позволила власти сломить сопротивление доминирующих в сельской местности землевладельческих каст (члены которых в мусульманских источниках именуются заминдарами) на низшем административном уровне (парганы) и обложить налогом каждую деревню в отдельности [Richards, 1993, p. 87].

Другими исламскими империями были южные соседи Тимуридов — султанаты Ахмаднагар (династия Низам-шахов), Биджапур (династия Адил-шахов) и Голконда (династия Кутб-шахов). По размерам эти политии годились гигантскому северному соседу в субы, в которые он их позднее и превратил в результате завоевания (соответственно в 1636, 1686 и 1687 гг.).

Вторым типом индийских политий были более мелкие патримонии Юга во главе с *наяками* — преемники распавшейся в 1565 г. индуистской империи Виджаянагар. В третью группу политий можно зачислить мелкие княжества-эмпории богатого перцем Малабара, смыслом существования которых была торговля (своей продукцией и транзитная). Однако даже у них не было военно-морского флота, не говоря уже о сухопутных султанатах и княжествах. Малабарские княжества имели для этого слишком мало ресурсов, а власти империй мало интересовались торговлей и не предпринимали шагов к её охране. Это оказалось весьма на руку уже первым появившимся на Востоке (в конце XV в.) европейцам — португальцам. Используя своё военно-морское превосходство², португальцы впервые в истории Индийского

¹ «(Великими) Моголами» этих монархов называли только европейцы. В индийских фарсиязычных хрониках их именovali «чагатайскими падишахами» и «тимуридскими султанами Дели» [Ghulam Husain, 1898, p. 169–170].

² На рубеже XV–XVI в. произошёл скачок в развитии европейского судостроения, в котором лидировали именно португальцы. Речь идёт об усовершенствовании первого типа океанского корабля — каракки — благодаря ряду нововведений: навигационных (была уменьшена ширина корпуса за счёт её длины и появилось несколько мачт, а на них — несколько парусов) и военных (железные пушки были заменены бронзовыми, а в бортах прорезаны орудийные порты) [Modelsli, Thompson, 1988, p. 159]. Последнее нововведение было особенно важным, так как сделало необязательным абордажный бой.

океана поставили под контроль его торговые пути, обложив судоходство пошлинами. Целое столетие португальцы безраздельно распоряжались в океане, пока на рубеже XVI–XVII вв. здесь не появились новые европейцы — голландцы и англичане.

В самом начале прямых контактов европейцев с Востоком основным интересовавшим их товаром были пряности Малайского архипелага. Однако уже в первой половине XVII в. игнорировать Индию ОИК не смогла. Очень скоро опыт показал преимущество участия Компании во внутриазиатской торговле (включая бартерную) и директора решили закупать в Нусантаре специи не напрямую (за серебро), а приобретать их в обмен на индийские ткани [Chaudhuri, 1965, р. 40]. Поэтому задача начать торговлю с Индией встала перед капитанами ОИК уже к концу 1600-х годов, задолго до того, как Индия станет ценной для них сама по себе (как источник тканей для вывоза непосредственно в Европу). Для решения этой задачи было необходимо наладить отношения с местными политиями. Отношения ОИК с каждой из названных групп этих политий носили разный характер.

С самого начала ключевую роль для ОИК в Индии играли её отношения с Могольским султанатом — ввиду его размеров, причём по мере могольской экспансии эта роль на протяжении XVII в. возростала.

Первую попытку «открыть» для судов ОИК главный порт империи Сурат предпринял капитан третьего плавания Уильям Хоукинс в 1609 г. Он был принят преемником Акбара Джахангиром (1605–26) в имперской столице Агре. Сначала шах дал разрешение открыть факторию в Сурате и даже пожаловал Хоукинсу титул хана. Однако в 1611 г. капитану пришлось покинуть Агру в результате противодействия мощного антианглийского лобби. Гуджаратские купцы увидели в англичанах конкурентов в торговле с Мохой и Ачехом, а их интересы были переплетены с интересами ряда членов шахской семьи и придворных, которые участвовали в морской торговле, выступая компаньонами и покровителями купцов [Левин, 1959, с. 17]. Португальцы же (пользовавшиеся значительным влиянием при могольском дворе) не собирались потесниться в качестве хозяев Индийского океана, которыми они были весь XVI в. Первая попытка Компании наладить торговые отношения с могольской Индией потерпела неудачу.

Провалом окончилась и вторая попытка. В 1611 г. она постигла капитана шестого плавания Генри Миддлтона. *Мутасадди* Сурата Мукарраб-хан недвусмысленно запретил вести торговлю с англичанами уже начавшим её индийским купцам. Они были вынуждены удалиться с такой быстротой, что даже не успели получить с англичан деньги за проданные товары [Левин, 1959, с. 19].

Тогда Компания решила поговорить с Моголами «по-плохому». Миддлтон стал задерживать суратские суда, направлявшиеся в Красное море, и осу-

ществовать принудительную бартерную торговлю: отнимая у купцов их товары, англичане «возмещали» их сукном. Это был удар по двум империям сразу. Миддлтон мстил таким образом ограбившему его суда в Мохе османскому *аге* и в то же время пытался заставить пересмотреть отношение к англичанам Моголов. Для этого он послал Джахангиру письмо с советом «подумать» [Keay, 1991, p. 86–88].

Успехом увенчалась третья попытка англичан «открыть» могольские порты. В 1612 г. в Аравийское море прибыл капитан десятого плавания Томас Бест, который разговаривать вообще не стал, а сходу захватил суратское судно с богатым грузом и мусульманскими паломниками¹. Такая тактика не подействовать не могла.

Тимуридский султанат был сухопутной империей: ресурсов, чтобы контролировать ситуацию на морях, ему не хватало. Неудивительно, что диктовать условия Моголам оказались в состоянии первые же европейцы, появившиеся в Индии, — португальцы. Моголам пришлось признать их систему морских пропусков: иметь на борту португальский пропуск было件язано любое судно, даже принадлежащее самому шаху [Malgonkar, 1959, p. 93]. Появление новой морской силы — английской ОИК — лишь подчеркнуло бессилие империи на море.

Не исключено также, что тимуридские власти по-новому оценили возможность получить ещё одного торгового партнёра и источник пошлин. В результате в 1612 г. Бест заключил договор с *назимом* Гуджарата и мутасадди Сурата от имени английского короля и ОИК. Компания получила разрешение основать в Гуджарате фактории и торговать, платя 3,5%-ную пошлину. Чиновники обязались не конфисковывать имущество умерших служащих ОИК и даже возмещать ей стоимость её товаров, захваченных на суше португальцами. В случае совершения преступлений против англичан власти обязались обеспечить быстрое правосудие [Voyage of Thomas Best, 1934, p. 31–33]. В фактории же англичане наделялись самоуправлением: подлежали судебной власти комиссаров, наделённых королём правом судить военным судом², и президента и совета, обладавших гражданской юрисдикцией. Вскоре привилегии ОИК своим *фирманом* подтвердил Джахангир. С подарком ему в Агру был послан фактор П. Кэннинг [Letters, I, p. 257].

Однако он почти сразу был отравлен португальскими иезуитами. Если у Моголов перед лицом флота ОИК выбора не было, такой выбор был у пор-

¹ Бест отметил тогда, что индийцы не имеют военно-морского флота, а значит, «на море находятся во власти (*at the mercy*) всех наций; тем не менее с размахом ведут торговлю и огонь богаты» [Voyage of Thomas Best, 1934, p. 230]. Вывод английского капитана очевиден: погубить их весьма легко и выгодно.

² Первым известным случаем применения этого права в Сурате был расстрел в 1616 г. одного англичанина за убийство другого [Keay, 1966, p. 66].

тугальцев. Монополию на торговлю Индии с Европой они терять не собирались. Однако уже в ноябре 1612 г. Бест существенно укрепил английские позиции, успешно отбив нападение численно превосходящего португальского флота (соотношение судов было 29 : 2)¹, причём на виду у расположившейся на берегу близ Сували могольской армии. Эта неудача лишила португальцев репутации безраздельных хозяев морей. Под впечатлением победы англичан Джахангир сразу пожаловал им второй фирман [Letters, I, p. 256–257]. Так ОИК «убивала двух зайцев»: устраняла морского конкурента и демонстрировала Моголам свою военную силу, а следовательно, необходимость дружбы с нею.

Уравновесить португальцев новыми европейцами было в интересах Тимуридов, о чём свидетельствует следующий эпизод. В 1615 г. к Сурату подошёл внушительный флот вице-короля Гоа и провёл акцию устрашения: сжёг 120 торговых лодок и несколько судов. Целью акции было заставить могольские власти отказаться иметь дела с англичанами. Напуганный Мукарраб-хан просил мира, но английский капитан Николас Даунтон, в распоряжении которого имелось всего 4 судна, отбил нападение португальцев с немалым для них уроном. Это в корне изменило позицию мутасадди: он отказал португальцам в их требовании изгнать англичан, и армада удалась ни с чем [Orme, 1974, p. 221–226].

Благодаря этим и последующим победам к англичанам в глазах индийцев перешёл престиж португальцев как внушительной военно-морской силы. Морская война англичан с *Estado da Índia* продолжалась до 1635 г., когда португальцы обязались открыть для их судов все свои порты от Басры до Макао. Однако исход борьбы стал ясен уже в 1622 г., когда англичане помогли войскам сефевидского шаха Аббаса I (1587–1629) взять одну из главных португальских твердынь — Ормуз.

Пропорционально военно-морскому могуществу португальцев сокращалось их влияние при могольском дворе. Если в 1610-е годы *шахзада* Хуррам (будущий Шах Джахан, в качестве назима правивший Гуджаратом как полунезависимый князь) и *вазир* Асаф-хан ещё отдавали отношениям с португальцами предпочтение перед отношениями с англичанами, то с 1620-х годов служащие Компании перестали опасаться интриг иезуитов: шах больше не слушал их [EFI/Foster, IV, p. 47].

¹ Несмотря на перевес в размерах и количестве португальских судов, они (особенно галеоны) отличались большей осадкой и уступали английским в маневренности, численности экипажа и орудий. В морской тактике португальцы всё ещё полагались в основном на брандеры и кошки, т.е. ставили целью вызвать у противника панику и взять его на абордаж [Keay, 1991, p. 96]. Правда, речь преимущественно идёт о сражениях с европейскими противниками: для более мелких азиатских судов хватало залпов бортовой артиллерии.

Ничто, пожалуй, так наглядно не демонстрировало переход к новым европейцам военно-морского авторитета прежних, как присвоение к 1617 г. англичанами (и не менее лютыми врагами португальцев голландцами) права выдачи пропусков индийским судам [Arasaratnam, 1994, p. 63]. Тем самым ОИК получила способ постоянно напоминать Тимуридам о своей военно-морской мощи, не говоря уже об обретении внекоммерческого источника дохода¹. Одним из коренных отличий европейских ОИК от всех азиатских коммерческих групп и была способность их самих к морскому насилию (интернализация оборонных издержек, по выражению Н. Стеенсгора. — [Steensgaard, 1973, p. 114]). Это заставило власти индийских политий подходить к европейцам по-иному, чем к простым купцам. Не случайно с главами английской и голландской факторий в Сурате обращались как с представителями могольской знати, чему соответствовал и стиль их жизни [Chaudhuri, 1978, p. 109, 122].

Таким образом, будущее ОИК в Индии решалось не в столице (на переговорах с властями), а на морях, путём реальной демонстрации его силы в отношении индийского судоходства и европейского конкурента. Исходно в отношениях ОИК с крупнейшей индийской политией со всей очевидностью обнаружилась двойственность природы Компании: хотя она являлась коммерческой организацией, заложенный в её природе властный компонент уже дал о себе знать (через применение Компанией военной силы). Впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, этот компонент проявится полностью. Силовым методом Компании удалось сломить сопротивление своих противников и достичь цели — завязать торговые отношения с Могольской империей.

Однако в расширении этих связей возможности ОИК оказались ограниченными. Здесь ей мало помог даже король Яков, который по просьбе директоров направил в Индию своего посла — сэра Томаса Роу. Задачами посла было заключение с Моголами долгосрочного торгового договора и ан-

¹ Впрочем, до превращения ОИК в сухопутную державу в середине XVIII в. подобные источники значительной роли в её доходах не играли. Если *Estado da Índia* был, по мнению Н. Стеенсгора, «перераспределяющим предприятием», основным методом которого (как и восточных политий) было насилие, английская (и голландская) ОИК была ориентирована на бизнес, ставя во главу угла прибыль, а не власть. Например, едва появившись на Востоке, англичане оказались способны блокировать Баб-эль-Мандебский пролив (что технически так и не удалось португальцам), что позволило бы им заняться сбором пошлин — однако они не стали этого делать [Steensgaard, 1973, p. 114, 126]. Тем не менее, коммерческая цель вовсе не исключала использования вооружённой силы.

Черты «перераспределяющего предприятия» ОИК приобретёт, но позднее — став в середине XVIII в. сувереном Бенгалии. Здесь слишком высокой будет ставка, чтобы ею пренебречь, — контроль над налогами политики (которые количественно не шли в сравнение с морскими пошлинами), а появится возможность этого контроля только с приобретением ОИК сухопутной армии в ходе англо-французских войн (см. II.1.1-2).

типортугальского союза. Роу был принят с большим почётом и уравниен в статусе с послом Персии и правителем Кандагара [Gazetteer of Bombay Pr-су, I, p. 379]. Однако, пробыв в Агре три года (1617–19), Роу так и не смог решить ни одной поставленной задачи. Он лишь добился от Хуррама подтверждения фирмана 1612 г. [EFI/Foster, I, p. 38].

Причиной неудачи Роу было непонимание англичанами природы могольской власти. Они заблуждались, считая, что шахский фирман будет таким же обязательным к исполнению и эффективным, как и хартия, полученная от английского короля. Для Моголов ни о каком торговом договоре с другой страной не могло быть и речи. Ограничение власти шаха какими-то обязательствами было для него странным и нежелательным [Affairs of the East India Company, 1984, p. LIII]. Поняв это только на опыте, Роу посоветовал не назначать нового посла: это было бесполезно.

Другим важным открытием англичан стал личный характер шахского пожалования. Как писал в 1617 г. фактор в Ахмадабаде Дж. Браун, больше всего ОИК следует опасаться смерти шаха: *«когда бы она ни служилась, это создаст большую опасность для вашего имущества здесь, тем любой другой несчастный слугай»* [Letters, V, p. 78]. Срок действия фирмана ограничивался жизнью каждого шаха и после воцарения следующего монарха фирман нуждался в его подтверждении¹.

Оба названных обстоятельства были естественны и объясняются отсутствием в могольской Индии не только государства, но даже его правовых предпосылок. Важнейшая характеристика государства — то, что оно «является абстрактной организацией» [Creveld, 1999, p. 416]. Государство есть корпорация, не тождественная ни правителю, ни подданным и институционально отделённая от всех прочих сфер общества. Государство как исторический феномен возникло в Западной Европе в середине XVII в. («искусственный человек» Левиафан Т. Гоббса). Параллельно шла концептуальная революция, утвердившая само понятие государства (*state, État, stato*) (см.: [Понятие государства, 2002]). Лишь позднее государство было «экспортировано» в другие части света. Как подчёркивает М. ван Кревелд, на протяжении большей части истории существовало управление (*government*), но не государство². Предше-

¹ Это характерно для функционирования политий Востока в целом. Например, после смерти сефевидского шаха Аббаса I Компании потребовалось получить от его преемника новый фирман с разрешением на экспорт шёлка [Фэльдсэфи, 1937, с. 151].

² В отечественной науке распространённое отождествление «государства» и «администрации», управленческого аппарата оспаривают Д.Н. Лелюхин и Ю.В. Любимов [Лелюхин, Любимов, 1998, с. 4]. Правомерность применения термина «государство» к ряду досовременных властных организаций поставил под сомнение африканист Д.М. Бондаренко. Ввиду отсутствия в организации бенинского общества XIII–XIX вв. доминирующего территориального начала, бюрократии и налогообложения он считает властную

ствовавшими государству политиями он называет: племена без вождей, вожества, города-государства¹ и империи. В последних фокусом лояльности подданных была только личность самого правителя, причём конкретного человека (см.: [Creveld, 1999, p. 1–58, 126–262; Белков, 1995]). П. Бурдьё называет такие политии «династическими государствами», подчёркивая, что их фундаментальные черты могут быть выведены из «модели дома»: монарх и его семья понимали свою политику как наследство, которым они вправе похозяйски распорядиться². (П. Бурдьё противопоставляет такие политии «бюрократическим/национальным государствам», где функция отделена от функционера.) [Социоанализ Пьера Бурдьё, 2001, с. 144, 163]. Одной из таких империй и был Могольский султанат, понятие которого замыкалось на фигуре шаха³. Это не могло не затруднять взаимопонимания ОИК и Моголов⁴.

В Англии первой половины XVII в. государство как таковое находилось лишь в процессе становления. Тем не менее, как писал К. Маркс, государство выросло из аппарата подавления феодализма, а начало формирования этого института относится ещё к XV в. К рассматриваемому времени социальные, политические, правовые предпосылки возникновения государства уже имелись. Кроме того, в Западной Европе с эпохи средневековья именно право было регулятором социальных отношений («на праве земля строится» — А.Я. Гуревич). Всё это не могло не налагать отпечатка на поведение

организацию Бенина указанного времени мегаобщиной — частным случаем мультиполитии (социально-политического образования, в пределах которого сосуществуют структурные элементы различных типов и степеней сложности). Д.М. Бондаренко противопоставляет и бенинскую мегаобщину, и древнегреческий полис государству как альтернативные ему социально-политические образования, высшие формы развития обществ по общинной матрице (см.: [Бондаренко, 2004]).

¹ Неудачное название, противоречащее общему содержанию и логике концепции М. ван Кревелда.

² Не случайно в могольской Индии были смешаны функции ведомств, относившиеся к политии и к шахскому (дворцовому) хозяйству [История Индии в средние века, 1968, с. 384]. На примере древней Индии справедливость положения П. Бурдьё демонстрирует Д.Н. Лелюхин (см.: [Лелюхин, 1998]).

³ Ещё американский индолог М.Н. Пирсон отметил, что могольский аппарат был не бюрократией в веберовском смысле, а досовременной администрацией. Он подчёркивает, что империя не поднялась на безличностный уровень; военная знать следовала за шахом исключительно как за **личностью**, которая распоряжалась патронажем и — лишь пока она это делала. Не случайно придворные дважды в день являлись на аудиенцию к шаху — помимо прочего, проверить, жив и здоров ли он. Поэтому, например, Аурангзеб, даже будучи опасно болен, хотя бы раз в день тащился в тронный зал, чтобы все видели: империя ещё существует [Pearson, 1976, p. 224, 235, n.].

⁴ Неудивительно, что английские факторы в Агре писали в 1651 г.: шах не понимает, что такое Компания; ему понятнее, когда они говорят о её управляющем, сэре Уильяме Кокейне, как об английском *сардаре* [EFI/Foster, IX, p. 49].

даже ранних Стюартов — другое дело, что они пытались раздвинуть границы королевской прерогативы. Не случайна серьёзная разница между восприятием ранними Стюартами и Тимуридами монаршего права даровать торговые привилегии. Яков и Карл разрешали некоторым группам купцов торговать в обход подтверждённой ими же монополии ОИК, но не могли произвольно отнять у неё обеспеченных хартией прав. Тимуриды же были вольны аннулировать любые привилегии в любой момент.

Однако даже благосклонность шаха не давала ОИК стопроцентной гарантии для спокойной торговли. По фирману Компания должна была платить пошлину только в порту. Однако местные власти нередко чинили англичанам препятствия, вымогая *пейшкаш* [EFI/Foster, I, p. 151; II, p. 246; Letters, V, p. 77]. Как писали в 1628 г. служащие ОИК Р. Клитроу и Дж. Гудвин, в одних местах империи власти соблюдают шахский фирман, а в других игнорируют его, и тогда «нас заставляют платить столько, сколько им вздумается» [EFI/Foster, III, p. 273]. В Сурате ОИК могла в какой-то мере угрожать пушками с кораблей, а один раз Роу даже добился смещения мутасадди. Но во внутренних районах империи (в Ахмадабаде, Вадодаре, Бхаруче), вдали от своих судов, англичане были обычно бессильны, подобно Антею, оторванному Гераклом от земли [Schweinitz, 1983, p. 76]. Когда в 1648 г. власти в Баяне произвольно конфисковали купленную Компанией селитру, её служащий Р. Дэвидж в письме начальству выразил надежду, что насилию, которому подвергаются англичане от могольских властей, когда-нибудь придёт конец и англичане сами станут внушать им страх [EFI/Foster, VIII, p. 225]. Через сто лет так оно и будет, но пока это оставалось мечтой. Будучи по сути военно-морской державой, ОИК была не в состоянии интернационализировать оборонные издержки и на суше, а значит, должна была платить ренту за защиту (*protection rent* — выражение американского социолога Ф. Лэйна) наравне с другими купцами. Эта рента по сути была рэккетом — ничем другим, ввиду отсутствия абстрактного государства, любая имперская структура и не может быть [Creveld, 1999, p. 46].

Между тем сами фирманы (которые так мало уважали местные чиновники) стоили недёшево. При их получении, а также просто время от времени агентам ОИК приходилось делать ценные подарки шаху и придворным, которые могли замолвить за Компанию слово¹. Как жаловался в 1636 г. на-

¹ Например, ещё в 1613 г. служащий ОИК Т. Керидж привёз Джahanгиру мастифа. Когда собаку сравнили с леопардом, мастиф загрыз его. Интересно, что это произвело на Могола почти такое же сильное впечатление, как и морские победы англичан над португальцами [Gardner, 1971, p. 35]. Компания постоянно подносила богатые подарки Шаху Джahanу, Асаф-хану, каждому новому мутасадди Сурата [EFI/Foster, IV, p. 138, 155; VIII, p. 64]. В частности, в 1644 г. англичане преподнесли шаху и принцам ткани, зеркала и арабских лошадей, которыми те остались довольны [EFI/Foster, VII, p. 160–163].

чальству служащий ОИК Дж. Дрэйк, «*вообще все здесь при дворах хотят и должны полугать взятки (bribes)*» [EFI/Foster, V, p. 280]. Англичанин верно отразил ситуацию, но термин употребил неадекватный. Это один из многих случаев перенесения европейцами своих понятий на восточные реалии.

Как отмечает Л.Б. Алаев, это не была коррупция в современном значении слова [Алаев, 2003, с. 194]. Я бы пошёл дальше: это вообще не коррупция. Во-первых, коррупция, которая определяется как незаконное использование публичной сферы в частных интересах, есть нарушение порядка в соотношении публичной и частной сфер. Здесь же подарки были не нарушением, а, напротив, нормой. Преподнесение пешкаша и *назра* шаху и чиновникам было узаконенным обычаем выражением почтения со стороны просителя и вообще обращающегося к ним нижестоящего лица, а их принятие — неотъемлемым элементом функционирования административного механизма султаната (вполне легальным добавлением к жалованью чиновника). Во-вторых, в могольской Индии не существовало социально зафиксированного агента «частное лицо» (т.е. индивидуального субъекта), а потому не было разделения на публичную и частную сферы. В-третьих, как справедливо замечает Л.Б. Алаев, индийские доколониальные властные структуры не были бюрократическими [Алаев, 2003, с. 194], т.е., если использовать веберовскую терминологию, формально-рациональными, в которых административная («политическая») власть отделена от прочих форм власти и функционирует на формально-правовой основе (см.: [Вебер, 1990, с. 23]). Коррупция, взяточничество и т.п. нарушения возможны лишь в такой структуре. Тот же М. Вебер противопоставлял традиционный тип господства и легитимности их легальному типу. Самым чистым видом последнего является бюрократия, а коррупция и есть нарушение бюрократического принципа.

Ведя торговлю, ОИК постоянно ощущала стремление тимуридской администрации установить возможно более жёсткий контроль над её деятельностью. Во-первых, целью властей было создать лучшие условия для поборов. Например, в 1671 г. суратский мутасадди подписал с англичанами соглашение, по которому обязался соблюдать условия фирманов для Компании. Однако он тут же нарушил своё обязательство, запретив президенту английской фактории Джералду Онгиру (*Aungier*) (1669–77) съездить в Бомбей и начав вымогать деньги за снятие запрета. Онгир предпочёл не уступать, так как это создало бы плохой прецедент. Через месяц уступил мутасадди, признав даже: он «*стыдится того, что сделал, и просит прощения*» [EFI/Fawcett, I, p. 213–214, 218–220].

Во-вторых, власти стремились защитить своё право на взимание пошлин: англичане пытались обмануть таможеню, торгуя с Суратом не только напрямую, но и через португальцев [EFI/Foster, V, p. 157–158]. В 1661 г. мутасадди

путём ареста фактории заставил англичан согласиться на приставление могольской охраны к их товарам в Сували [EFI/Foster, XI, p. 13, 15].

В-третьих, администрация пыталась бороться с европейским пиратством. Нападая на индийские суда, английские пираты — не являвшиеся служащими ОИК — компрометировали её в глазах могольских властей. Причиной этого было разное понимание сущности пиратства на Западе и Востоке. В отличие от Европы в Индийском океане пиратство воспринимали как агрессию самой политики, чьими подданными формально являлись морские разбойники. Понятие пиратства не воспринималось как нечто обособленное от общего понятия морского насилия (происходившего и во время войн) [Risso, 2001, p. 316], не выделялось из него. Тимуриды считали, что ОИК попустительствует пиратам, а за акты пиратства ответственны Англия, англичане в целом. Поэтому в случае ограбления пиратами-англичанами могольских судов власти нередко арестовывали суратскую факторию и Компании приходилось платить немалые возмещения. Например, в 1633 г. купцы Т. Кинастон и С. Боннелл отправили на Восток с разрешения Карла I два корабля — пограбить торговые суда. В частности, не повезло судну «Тауфики»¹ из Сурата (между прочим, имевшему пропуск ОИК). Мутасадди тут же арестовал президента суратской фактории Компании Уильяма Метуолда (1633–38) и задержал товары и корабль ОИК, которой пришлось заплатить 107 тыс. *рупий* компенсации за разбой своих соотечественников [EFI/Foster, V, p. 192, 199, 213].

ОИК пыталась бороться с пиратами. Однако, если она воспринимала это как своё право, Моголы стали рассматривать эту борьбу как обязанность Компании. В заложниках у властей всегда были служащие факторий, и власти могли давить на ОИК, чтобы принудить её охранять индийское судоходство. Например, в 1643 г. по приказу суратского мутасадди корабль Компании сопровождал принадлежащее Шаху Джахану судно до выхода в открытое море [EFI/Foster, VII, p. 91–92].

Неудивительно, что, видя небезопасность торговой деятельности ОИК в Сурате, её руководство не упустило случая перенести центр торговли с султанатом вовне его. Получив в 1668 г. от Карла II Бомбей (см. II.1.2), ОИК стала обустривать остров как **свою** торговую эмпорию. Будучи там полным хозяином, Компания, естественно, не подвергалась никакому произволу со стороны индийских правителей. Более того, создание благоприятных условий для торговли стало привлекать в Бомбей суратских купцов, что серьёзно обеспокоило могольские власти. Они пытались препятствовать переводу центра деятельности Компании из главного имперского порта. Например, в 1665 г. мутасадди заставил всех купцов Сурата дать письменное заверение,

¹ Игра слов: *taufiq* по-арабски «успех».

что Компания не склоняла их переселиться туда (на самом деле англичане агитировали некоторых купцов переводить дела в Бомбей) [EFI/Foster, XII, p. 61–62, 70]. В 1675 г. мутасадди настойчиво призывал уехавшего в Бомбей Онгира вернуться в город [EFI/Fawcett, I, p. 251]. Однако в обстановке такого давления курс англичан на полный вывод своей деятельности из пределов досягаемости властей не мог не продолжаться.

Обретение ОИК форпоста, где она получила полную власть (не только над своими служащими, но и над всем населением), положило начало фактическому превращению Компании в индийскую политику (как отмечено выше, потенциально она стала политией уже при инкорпорации в 1600 г.). Однако в середине XVII в. данный процесс лишь начался. Это время ещё было периодом могущества Могольского султаната. Поэтому, несмотря на то, что англичанам удалось установить торговые отношения, своей воли диктовать властям они в целом не могли (в отличие от более позднего времени) — в чём неоднократно убедились на опыте.

Первой крупной попыткой ОИК поиграть мускулами в отношениях с Тимуридами с целью улучшить условия торговли стали события 1623 г. Воспользовавшись нестабильной обстановкой (мятежом Хуррама против Джахангира), англичане захватили несколько индийских судов и вынудили суратские власти и шахзаду Давар Бахша разрешить им ввозить любые товары и строить в Индии ежегодно 4 фрегата, дать обязательство не диктовать Компании свою цену на её товары и заменить пошлину единовременной уплатой англичанами фиксированной суммы (£ 2 тыс. в год). Власти настолько не контролировали ситуацию, что согласились объявить задержание англичанами индийских судов справедливым делом с их стороны, так как злоупотребления и запреты не оставили им никакой другой защитной меры [EFI/Foster, II, p. 309–312, 322]. Однако, когда положение в Гуджарате стабилизировалось, власти аннулировали почти все вырванные у них уступки. После частичной неудачи пиратских методов Компания изменила тактику, сделав главную ставку на связи с влиятельными сановниками империи [Левин, 1964, с. 14–15].

Более серьёзной попыткой ОИК поговорить с Моголами языком силы стала настоящая война 1686–90 гг. Её главной причиной было недовольство англичан ростом чиновничьих поборов в Бенгалии¹, куда к середине XVII в. из Гуджарата стал перемещаться центр их индийской торговли в связи с успешным сбытом местных тканей и селитры в Европе. Первые фактории ОИК основала в Ориссе ещё в 1633 г., а в 1651 г. бенгальский назим Шах Шуджа издал *нишан*, наделивший Компанию правом беспошлинной торговли в Бен-

¹ Здесь и далее под Бенгалией понимаются три могольские субы — Бенгалия, Бихар и Орисса, которые обычно находились под началом одного назима.

галии — лишь при уплате властям ежегодного пешкаша в 3 тыс. рупий [Bhattacharya, 1954, p. 20]¹.

В 1650-е — 60-е годы, когда торговля ОИК в Бенгалии только набирала обороты, размер требуемых чиновниками сумм был небольшим. Однако по мере развития торговли позиция властей изменилась. В 1670-е годы служащие европейских ОИК подвергались вымогательствам чиновников по всей Бенгалии и Бихару [EFI/Fawcett, II, p. 351, 408, 417]. К тому же компании терпели убыток от деятельности интерлоперов: если могольские чиновники и понимали разницу между ОИК и интерлоперами, им было выгоднее не принимать её во внимание. В любом случае, хартией английского короля они связаны не были.

Аппетиты тимуридских властей росли прямо пропорционально объёму торговли европейских ОИК. В период наместничества Шаиста-хана (1664–88) они подверглись особенно крупным и регулярным вымогательствам на нескольких уровнях администрации, причём нередко не помогали и подарки [EFI/Foster, XI, p. 397; XII, p. 13; XIII, p. 315–316]. Сначала англичане пытались уладить дело дипломатическим путём. Однако дарованный Аурангзебом в 1680 г. фирман был написан неясным языком, и каждая сторона интерпретировала его по-своему. ОИК настаивала, что 3,5%-ную экспортную пошлину она должна платить по-прежнему только в Сурате, но Шаиста-хан стал взимать её и в Хугли — крупнейшем порту Бенгалии [Aitchison, 1909, p. 175]. Одновременно он наложил 5%-ную пошлину на ввозимое англичанами серебро (не отменяя их обязательства платить 3 тыс. рупий) [Keau, 1991, p. 150]. Таким образом, ОИК впервые столкнулась с наместником, против поборов которого не помогали ни фирман, ни подарки². Видя, что их протесты игнорируются, англичане решили не только добиться своего силой, но и повторить в Бенгалии «бомбейский сценарий» — создать независимый анклав (в частности, был выдвинут план захвата Читтагонга). В 1686 г. директора объявили Аурангзебу войну.

Послереставрационная Англия проводила свою внешнюю политику выскомерно и руками военных. Неудивительно, что Чайлд, имевший крепкие связи с двором, «приковал Ост-Индскую Компанию к колеснице позднестюартовского империализма» [Lenman, 1987, p. 27–28]. Существенно переоце-

¹ Эту уступку англичане получили обманным путём — умышленно исказив смысл фирмана Шаха Джахана 1650 г. (даже в Сурате ОИК платила пошлину) [Prakash, 1998, p. 134].

² Если в Гуджарате торговлей занимались не только провинциальные, но и столичные чиновники, то в Бенгалии — в основном первые. Вот почему бенгальским служащим ОИК приходилось труднее в случае произвола властей [Arasaratnam, 1994, p. 172]. До Дели было дальше — и в географическом, и в административном смысле. В Сурате англичанам было легче обратить на себя внимание двора.

нив роль ОИК в индийской экономике, Чайлд самонадеянно полагал, что мира запросит Могол, так как из-за прекращения торговли Компании его подданные будут тысячами умирать от голода. На самом же деле заморская торговля почти не затрагивала основную массу населения. Она была важна лишь для купцов, чиновников портовых городов и производителей. Для Аурангзеба Компания была вроде блохи на спине его имперского слона [Keay, 1991, p. 145–146].

Англичане разграбили Хугли и Балешвар, а в Аравийском море захватили несколько десятков торговых судов. Однако империя не замедлила нанести ответный удар. Её войска изгнали англичан из Бенгалии¹, а флот *сиди* осадил Бомбей. Стало ясно, что ОИК ещё не в силах тягаться с империей. В 1690 г. англичане униженно просили мира, обязались выплатить огромную сумму в 150 тыс. и «не вести себя в будущем так постыдно» [Keay, 1991, p. 144–146, 164]².

Таким образом, в XVII в. обе попытки ОИК вступить с империей в крупный вооружённый конфликт провалились. Играя словами, современники иронично называли войну 1686–90 гг. «Чайлдовой» [Keay, 1991, p. 154]³: Компания ещё выглядела ребёнком по сравнению с султанатом Моголов. Война продемонстрировала, что военно-морская мощь намного полезнее европейцам в качестве средства устрашения, чем в качестве тактического оружия [Chaudhuri, 1978, p. 126].

Однако после войны бенгальский наваб Ибрахим-хан сам написал письмо уехавшему в Мадрас «агенту Залива» Джобу Чарноку с призывом вернуться и продолжать торговлю. В 1692 г. Аурангзеб разрешил Компании торговать в Бенгалии на прежних условиях — беспошлинно, при уплате лишь 3 тыс. рупий в год [Old Fort Wiliam, 1906, p. 2]. Решение властей было продиктовано необходимостью: во второй половине XVII в. тимуридская казна всё-таки получала от деятельности английской ОИК немалую сумму — £ 1 млн в год [Gopal, 1963, p. 26]. Вернувшись в 1690 г. в Бенгалию, Чарнок основал факторию в Шутанати, ставшую со временем столицей Британской

¹ Военной причиной неудачи (не считая слишком малое количество солдат — 308 человек) стало отсутствие у англичан мобильной полевой артиллерии (которая хорошо послужит Клайву 70 лет спустя) и достаточного количества пикинеров (должно быть не меньше $\frac{1}{3}$ общего количества пехотинцев) для защиты мушкетёров от атак конницы во время перезарядки мушкетов с фитильным замком [Lenman, 1987, p. 29].

² Неудачей ОИК не преминули воспользоваться её противники в Англии. Чайлд объявил о победе в войне с Моголами, но они размножили копию унижительного договора и заявили, что Компания принесла нации бесчестье [Comprehensive History of India, 1978, p. 576].

³ Имелся в виду не столько Джозайя Чайлд, сколько его однофамилец сэр Джон Чайлд, президент суратской фактории в 1682–90 гг.

Индии Калькуттой. Так ОИК в целом вернулась к «спокойной торговле», в пользу которой высказался ещё Роу. Посол не советовал Компании следовать примеру португальцев и голландцев, которые в конфликтных ситуациях с властями нередко хватались за оружие (что вводило их в крупные расходы).

Однако время было другое, поэтому полного возврата к прежней линии не произошло. ОИК уже обзавелась в Индии двумя фортами, а власть Тимуридской империи всё чаще ставили под сомнение недовольные ею группы (см. ниже). Вот почему с 1696 г. англичанам удалось начать строительство форта (Уильям) уже на самой могольской территории — в Бенгалии, что было никак невозможно ранее. ОИК воспользовалась ослаблением контроля властей: в стране бушевало восстание под предводительством Шобха Сингха (оно и стало предлогом для возведения укреплений). Через два года в Бенгалии произошло другое очень важное событие: английская коммерческая корпорация стала могольским заминдаром, т.е. (пусть и низшим) членом имперской служебной иерархии. Арендовав у назима Азим-уш-шана три деревни возле своей фактории (за 2 тыс. рупий в год), ОИК стала собирать в них налоги, обеспечивать безопасность и осуществлять гражданскую юрисдикцию. Так привилегии Компании в империи стали выходить за рамки торговых. Однако необходимо подчеркнуть, что в то время и возведение форта, и аренду небольшого участка вокруг фактории англичане произвели, чтобы чувствовать себя свободнее от повседневного контроля властей. Это ни в коем случае не было сделано с прицелом на создание территориальной империи: об этом ещё и не помышляли (см.: [Old Fort William, p. 109])¹.

Схожим образом развивались отношения ОИК с малыми империями субконтинента — деканскими султанатами Голкондой, Биджапуром и Ахмаднагаром.

В контакт с Голкондой ОИК вступила в 1611 г., когда с разрешения Кутб-шаха открыла факторию в Маччхлипаттане — центре торговли лучшим в Индии ситцем. В 1614 г. Кутб-шах разрешил англичанам торговать беспощадно на условии, аналогичном бенгальскому, — при ежегодной уплате фиксированной суммы (3 тыс. *пагод*) [EFI/Foster, I, p. 41]. Власти менее разви-

¹ Я не согласен с оценкой торговли ОИК авторами книги «Английская Ост-Индская Компания в XVII веке» и Ю.И. Лосевым. Вслед за А.Я. Левиным все они считают, что деятельность Компании с самого начала несла черты колониальной экспансии — на том лишь основании, что ОИК «стремилась вытеснить из торговли азиатских купцов» [Левин, 1964, с. 9]; см.: [Олтаржевский и др., 1988, с. 9–14; Лосев, 2001, с. 64]. Однако цель любого купца — вытеснить с рынка конкурентов; к тому же англичане конкурировали в Азии и с европейцами. Усматривать в этом начало колониализма преждевременно. Проецируя на Индию XVII в. процессы XVIII и главным образом XIX в., упомянутые исследователи нарушают принцип историзма.

того в торговом отношении Биджапура были не столь гостеприимны: в 1617 г. ОИК не удалось приобрести торговые привилегии у наместника главного биджапурского порта Дабхола, хотя в переговорах участвовал сам Роу [Letters, V, p. 204].

Зато здесь равнодушие властей компенсировалось энтузиазмом купцов. Будучи заинтересованы в сотрудничестве с Компанией, они обещали сами выхлопотать для неё разрешение у Адил-шаха [EFI/Foster, I, p. 190]¹. К 1660-м годам значение английской торговли, похоже, оценили, и власти. Когда в 1663 г. англичане покинули Карвар из-за непосильных поборов чиновников, обратно их позвал сам Адил-шах, обещав, что препятствий Компании чинить больше не будут [EFI/Foster, XI, p. 244–245]. Что касается Кутб-шаха, то он, например, проследил в 1642 г., чтобы должники ОИК в Маччхлипаттане погасили долг перед ней [EFI/Foster, VII, p. 41].

Вообще же, как и на севере, с поборами властей ОИК сталкивалась в малых султанатах постоянно [EFI/Foster, V, p. 325; VI, p. 52, 79], причём в Голконде власти гораздо плотнее контролировали торговлю, чем Моголы в Сурате, а местные чиновники имели большую свободу рук (которую использовали в своих интересах). Они диктовали свои цены, постоянно мешали брокерам-индуистам сотрудничать с европейцами. С целью установления своей монополии власти Маччхлипаттана ограничивали доступ местных купцов к европейским факториям. В отдельных случаях англичане успешно применяли «морской рычаг» давления. Когда *хавальдар* порта заставил английского фактора торговать только с собой и своим торговым партнёром (в результате чего к 1614 г. у Компании накопился долг в 5 тыс. пагод), англичане взяли в заложники сына хавальдара и заставили списать долг [Arasaratnam, 1994, p. 129–132].

Однако англичане торжествовали далеко не всегда. В 1640-е — 50-е годы фактическим правителем Голконды был Мир Джумла. Этот перс пришёл во власть из торговли, но не порвал с ней. Напротив, он использовал достигнутое высокое положение в имперском аппарате для расширения своей коммерческой деятельности. Таким образом, в лице Мир Джумлы ОИК столкнулась с явлением чиновника-купца.

¹ На важность торговли ОИК для купцов Биджапура указывает и такой эпизод. В 1648 г. служащие Ассоциации Куртэна (с помощью подарка Адил-шаху купившие в 1640 г. право на свободную торговлю в Биджапуре) заняли в Раджапуре немало денег и не торопились отдавать. Власти порта применили могольскую тактику: обрушили репрессии на тех из англичан, кто был в досягаемости, — т.е. на служащих ОИК (конфисковав её сукно). Однако Компания в долгу не осталась, задействовав свой рычаг — блокаду побережья. Когда власти проигнорировали заступничество раджапурских купцов за ОИК, большинство их выбрали нестандартное решение: покинули город сами. Только это заставило Адил-шаха удовлетворить требование ОИК [EFI/Foster, VIII, p. 225, 258, 284, 288].

Само по себе это явление не было для Индии исключительным. В торговле участвовали многие чиновники индийских политий, например, суратские мутасадди [EFI/Foster, I, p. 147; III, p. 166]. Однако деятельность Мир Джумлы выделялась масштабами: и в сфере власти, и в сфере коммерции он занимал в Голконде доминирующее положение¹. Таким образом, если раньше ОИК имела дело по отдельности либо с купечеством восточной политики, либо с её властью (пусть даже и учитывающей интересы своего купечества), то в лице Мир Джумлы она столкнулась с властно-торговым гибридом (двойственная природа которого напоминала её собственную)². Неудивительно, что говорить языком силы с таким партнёром ОИК избегала: господствующее положение сразу в двух сферах давало ему эффективные рычаги воздействия на неё.

На западном побережье ситуация для ОИК была серьезнее из-за войн. В 1610-е — 20-е годы резко усилился султанат Ахмаднагар, фактический правитель которого эфиоп Малик Амбар вёл успешные войны с Моголами и Биджапуром. В результате на короткое время на территории Ахмаднагара оказались биджапурские порты Дабхол и Чаул. В 1621 г. Малик ограбил близ Манду шедший из Агры караван Компании. Дипломатическим путём англичане возмещения не добились (Малик сказал: сами виноваты, надо было выбрать другой путь) [EFI/Foster, I, p. 287, 296, 316]. Тогда англичане захватили чаулское судно, а два их судна в течение суток обстреливали из орудий Дабхол. Возместить убытки Компании помогла война между султанами: в 1623 г. суратские власти разрешили ей конфисковать товары с задержанных в Сурате ахмаднагарских судов [EFI/Foster, II, p. 18, 300, 340]. Таким образом, англичане играли, где возможно, на противоречиях политий.

В южных султанатах англичане тоже стремились расширить свои привилегии путём обращения к шахам (не с пустыми руками). В 1634 г., заплатив круглую сумму (8 тыс. пагод), ОИК получила от Кутб-шаха т.н. «золотой фирман» на торговлю. По фирману ОИК освобождалась от уплаты пошлин вообще, если ежегодные пошлины на её торговый оборот не превысят 800 пагод. Однако показательно, что в штаб-квартире Бантенского президентства (в которое входили тогда восточноиндийские фактории ОИК) фирман по-

¹ Более того, эта деятельность выходила далеко за пределы султаната: Мир Джумла пользовался значительным влиянием при дворе самих Моголов, а в Бенгальском заливе стал крупнейшим купцом-судовладельцем, суда которого плавали от Мохи до Макасара [Arasaratnam, 1994, p. 135–136].

² Пользуясь административным рычагом, Мир Джумла установил монополию на снабжение европейских факторий товарами, продавая их на 20–25% дороже рыночной цены [Алаев, 2003, с. 179]. В то же время к нему как к обладателю крупного богатства англичанам приходилось обращаться за займами. К примеру, в 1648 г. они взяли у него в долг 10 тыс. пагод [EFI/Foster, VIII, p. 213].

считали бесполезным [EFI/Foster, V, p. 14–16, 100, 109]. Познакомившись ближе с природой восточных политий, англичане уже знали, что привилегии легко могут отменить. По-видимому, в Бантене возлагали большие надежды на страх, внушаемый английскими кораблями, нежели на формальные грамоты, во сколько бы те ни обошлись.

Этот страх приносил определённые плоды, заставляя деканские султаны не только подчас уступать ОИК, но и стремиться к военному союзу с ней. Не случайно наместник биджапурского порта Тамбона условием разрешения торговать в 1629 г. поставил военную помощь ОИК шаху против тех политий, где нет её факторий. Англичане согласились оказывать такую помощь, если это не нанесёт ущерба их делам [EFI/Foster, III, p. 256–257] — весьма расплывчатое обещание, допускающее широкое толкование. В 1685 г. английской военной помощи просил шах Голконды, уже из последних сил отбивавшийся от Моголов. Англичане согласились — на условии признания фактической независимости Мадраса [Reid, 1947, p. 44]. Не похоже, однако, что ОИК стала портить из-за гибнущей Голконды отношения с Аурангзебом.

Контактировала ОИК и с мелкими патримониями юга Индии — преемниками Виджаянагара и «перечными княжествами» Малабара. Как и в случае с Моголами, существенную роль здесь очень часто играла военная составляющая природы ОИК. В 1616 г. ОИК начала торговать с крупнейшим малабарским княжеством — Кожикод. Однако для «открытия» этого порта англичанам не пришлось пускать в ход пушки: наоборот, будучи главным врагом португальцев с самого их появления в Индии, *самури* рассчитывал на военную помощь новых европейцев и искал дружбы с ними¹. Правда, условия договора с самури (совместными силами изгнать португальцев из Кранганура и Кочи) англичане так и не выполнили [Menon, 1967, p. 307]. Вообще же в первой половине XVII в. отношения ОИК с княжествами Малабара были сложными. С одной стороны, местные купцы стремились плавать под защитой английских (и голландских) кораблей. С другой стороны, последние подвергались нападениям пиратствовавших *мапилла*. Англо-малабарские отношения улучшились после 1659 г., когда ОИК получила разрешение основать полноценную факторию в Кожикод [Arasaratnam, 1994, p. 95–97].

Аналогичным образом ОИК утвердилась на юге Коромандельского побережья — в Карнатике. Однако здесь в качестве места для фактории служивший ОИК Ф. Дэй специально выбрал довольно глухое место — рыбацкую деревню Мадрас. Здесь не было гавани, но аргументом, перевесившим для

¹ Извлечение торговой выгоды из своей военной функции ОИК практиковала и за пределами Индии. Например, в 1786 г. она сможет основать эмпорию на острове Пинанг, который получит от султана Кедаха, заинтересованного в её военной помощи против бугов [Тюрин, 1980, с. 82].

Дэя все аргументы против, был слабый контроль властей над столь негостеприимным участком берега [Lawford, 1978, p. 20]. Правителем прилегающей к Мадрасу области был наяк Вандиваша Дамарла Венкатаппа, формально ещё подчинявшийся виджаянагарскому *райе* Венкате III (1630–42). Уже ощущая давление соседней Голконды, наяк рассчитывал на военную помощь англичан против её агрессии, поэтому охотно пошёл им навстречу [Schweinitz, 1983, p. 79]. В 1639 г. Венкатаппа разрешил ОИК торговать в своих владениях с уплатой половины пошлины, а в Мадрасе — беспошлинно. В последнем англичане получили право не только построить форт и чеканить деньги, но и собирать налоги и пошлины в свою пользу (а по прошествии двух лет половину суммы отдавать наяку). Более того, наяк стал гарантом контрактов Компании с купцами и ткачами [EFI/Foster, VI, p. 156–158]. Так ОИК вновь сыграла на противоречиях политий к собственной выгоде¹. Чрезвычайно благоприятные условия торговли в Мадрасе подтвердил в 1645 г. номинальный господин Венкатаппы — райя Шри Ранга III (1642–72): он не поладил с голландцами [EFI/Foster, VII, p. 305–306].

Мадрас превратился в первый английский анклав в Индии — с фортом (св. Георга) и налоговой властью ОИК над населением. Английский спрос на ткани и защита английских пушек стали причиной быстрого роста города (в 1639 г. — 7 тыс., в 1673 г. — 33 тыс. человек. — [Love, 1996, III, app. VII, p. 557]). Строительство каменного форта имело огромное значение для укрепления английских позиций. Его наличие позволило англичанам совершенно по-иному разговаривать с властями, причём даже с имперскими, что было немыслимо в контролируемых последними портах.

Уже в 1645–47 гг. Карнатик захватила Голконда, положив конец остаткам былой империи Виджаянагара. Вообще успеху англичан в приобретении торговых льгот на Коромандельском побережье способствовало то, что они (в отличие от голландцев) вовремя поняли: обращаться по преимуществу следует к Кутб-шахам, а не к мелким раджам, подчинение которых первыми — вопрос времени [Griffiths, 1952, p. 53–54]. Однако Мадрас стал важным исключением: только мелкий наяк мог предоставить англичанам такие благоприятные условия торговли, и те своего шанса не упустили.

Сначала вездесущий Мир Джумла (успевший стать здесь наместником) подтвердил все полученные из Вандиваша привилегии. Похоже, тогда Гол-

¹ Правда, директора не одобрили сделки Дэя. Лондон оказался готов изменить стратегию отношений с индийскими политиями только с середины столетия (отсюда — приобретение Бомбея). Однако в 1639 г. Дэй успел приступить к строительству форта: приказ директоров об отмене сделки с наяком опоздал и они были поставлены перед свершившимся фактом. Последнее было вообще характерно для истории ОИК, учитывая отделённость Индии от Лондона полугодом плавания (лишь в конце 1820-х годов время пути сократится до 6 недель благодаря введению пароходного сообщения).

конде было не до Мадраса. Однако через 10 лет власти султаната спохватились и решили пересмотреть столь невыгодные для себя условия пожалования. Если наяка, искавшего дружбы ОИК, эти условия устраивали, то империя не собиралась упускать немалый источник дохода. Голконда потребовала от Компании вернуть право на половину таможенных пошлин порта (удерживаемую с момента свержения наяка), но к тому времени англичане серьёзно укрепили форт св. Георга и поэтому ответили отказом. Несмотря на три блокады Мадраса в 1658–72 гг., Голконде пришлось довольствоваться фиксированной суммой в 1200 пагод [Arasaratnam, 1986, p. 83–84]. Таким образом, англичане — благодаря форту — оказались в состоянии уступить лишь частично: в 1680 г. мадрасская таможня принесла 11,4 тыс. пагод дохода [Arasaratnam, 1986, p. 141], а значит, доля Голконды составила всего 10,5%.

Вскоре над недавним завоевателем навис ещё более крупный хищник — Моголы. С захватом Аурангзебом Голконды в 1687 г. Мадрас оказался на могольской территории. Хотя, как показывает вся предыдущая история англо-могольских отношений, столь высокая степень английской автономии Моголов не устраивала, города они не тронули: завоевателям было необходимо замирить захваченный регион, а это не располагало к ссоре с европейцами, деятельность которых вносила немалый вклад в его благосостояние [Chaudhuri, 1978, p. 186]. Со своей стороны и англичане предпочли не вызывать неудовольствия новых хозяев Карнатика. Например, в 1690 г. в Мадрасе не посмели отказать могольскому военачальнику Зульфикар-хану, осаждавшему крепость Джинджи: по его требованию англичане передали ему некоторое количество пороха. Вскоре после этого Зульфикар подтвердил права ОИК на Мадрас и на ряд карнатикских факторий [Love, 1996, I, p. 516–517].

В результате завоевания Аурангзебом Биджапура в 1686 г. и Голконды в 1687 г. по всей Индии (кроме крайнего юга) англичане стали видеть перед собой только одну власть — могольскую. Однако было важное исключение — западная Махараштра, где, прорывая имперскую структуру, поднималась новая полития, основанная Шиваджи.

К середине XVII в. процесс консолидации этноса маратхов перешёл в фазу образования ими собственной политии. Возглавил борьбу маратхов против султанатов, между которыми была поделена Махараштра, один из местных *дешмукхов* — Шиваджи Бхосле. Подчиняя других дешмукхов, он превращал их по сути в своих чиновников и создал централизованную политию с мобильной конной армией. В 1674 г. Шиваджи короновался *гхат-рапати*, основав монаршую династию. Одновременно с устранением конкурентов одного с собой уровня Шиваджи наносил удары и по конкурентам «верхнего звена» — Биджапуру и Моголам. Совершая набеги на другие провинции этих империй, маратхи требовали от властей уплаты *гаутха* и *сар-дешмукхи* в качестве отступного. Маратхскому успеху немало способствова-

ли войны султанатов между собой. Княжество Шиваджи уместно выделить в отдельный, четвёртый, тип индийских политий — сочетавший черты сухопутной и морской державы.

Отношения англичан с маратхами в этот период были сложными. Сначала ОИК вступила с Шиваджи в конфликт. Когда служащие фактории в Раджапуре в 1661 г. продали боеприпасы биджапурскому военачальнику, осаждавшему маратхскую крепость [ERS, 1931, I, p. 26, 37], маратхи разграбили факторию и увезли четырёх англичан в плен. Не добившись возмещения протестами, ОИК пошла на конфронтацию. В 1668 г. руководство ОИК предписало капитанам захватывать суда Шиваджи в счёт компенсации, а также с целью вынудить маратхов разрешить на их территории свободную торговлю, *«которая никогда не может быть безопасной, пока что-либо такого рода результативно не предпринято, с целью дать им погуствовать, как им необходима наша дружба и как небезопасно для них не иметь её»* [ERS, 1931, I, p. 122].

Однако в отношении маратхов применение военно-морской мощи ОИК оказалось малоэффективным: Шиваджи уделял внимание созданию не только боеспособной армии, но и флота, причём весьма преуспел в этом. В 1674 г. его флот насчитывал 57 крупных военных судов, в 1679 г. — 66 [Malgonkar, 1959, p. 17].

Тем не менее, к 1670-м годам отношения улучшились: ни той, ни другой стороне затяжной конфликт был не нужен. Несмотря на обладание собственным сильным флотом, Шиваджи считался с военно-морской мощью ОИК. К тому же он рассматривал англичан как желательного союзника в борьбе с Биджапуром и Моголами. Директора, со своей стороны, рассудили, что ссориться с потенциальным соседом Бомбея не следует [EFI/Foster, XI, p. 208; XII, p. 169].

В результате в 1674 г. стороны заключили взаимовыгодный договор *«о мире, союзе и дружбе»*. Шиваджи обязался выплатить ОИК 10 тыс. пагод в счёт разграбленного имущества в Раджапуре, разрешил ей открывать фактории по всему побережью его владений и торговать там, платя 2,5%-ную пошлину. Шиваджи гарантировал контракты ОИК с её индийскими партнёрами, разрешил ей задерживать неплательщиков и обещал не грабить её фактории во владениях Моголов и в Биджапуре [ERS, 1931, I, p. 348–354]. Англо-маратхские дипломатические связи стали укрепляться: на коронации Шиваджи в 1674 г. присутствовал бывший президент суратской фактории Джордж Оксинден [ERS, 1931, I, p. 375].

Найти общий язык с маратхами ОИК заставила не столько надежда на возмещение за Раджапур, сколько более широкие соображения: опасение союза маратхов с голландцами (шла третья англо-голландская война), зависимость Бомбея от поставок с континента (дров, продовольствия) и стрем-

ление не допустить прекращения торговли через Махараштру с Аурангабадом и Бурханпуром [ERS, 1931, I, p. 272]. Англичане понимали, что, не договорившись с маратхами, отправлять торговые экспедиции в могольский Хандеш бессмысленно: Шиваджи мог перерезать торговые артерии так же, как Малик Амбар в 1620-е годы.

Однако договор во многом остался на бумаге. ОИК не выполнила его главного (хотя и неписаного) условия — поставить Шиваджи пушки, а последний не возместил ей ущерба [Desai, 1970, p. 27]. В Сурате рассудили, что военное усиление маратхов вовсе не в интересах Компании, а продажа артиллерии вызовет гнев Аурангзеба [ERS, 1931, I, p. 309; II, p. 103]. Последнее соображение было, пожалуй, главным. Могольско-маратхская война привела к тому, что на Конкане ОИК очутилась меж двух огней. Здесь двойственная природа Компании в какой-то мере стала для неё минусом: война не только ощутимо вредила её торговле. Учитывая военные ресурсы ОИК, обе силы стремились втянуть её в борьбу на своей стороне. Осложнило ситуацию появление у империи военного флота. Как сказано выше, и Биджапур и Моголы были сухопутными империями — но с одной оговоркой. На службе у них — сначала у Биджапура, а с середины XVII в. у Моголов — состояли (сохраняя полунезависимое положение) родственники Малика Амбара — сиди, правившие островом Джанджира и имевшие единственный в Индии военно-морской флот. С появлением такого флота и у Шиваджи началась практически непрерывная морская война между ним и сиди. Под перекрёстным огнём оказался Бомбей, что заставило англичан лавировать между теми, кого они называли «хищниками-маратхами» и «полуварварами-африканцами» [Malgonkar, 1959, p. 68].

Это было очень трудно. Сиди требовали разрешить им зимовать в гавани Бомбея — а Шиваджи мог ответить на это разрушением английских факторий на Конкане. В случае отказа ОИК сиди под угрозой могло оказаться будущее её торговли в могольском Сурате [Desai, 1970, p. 7]. «Выручили» из трудной ситуации Компанию сами сиди, явившись в гавань без приглашения. Поначалу англичане не смели прогнать их и те зимовали в Бомбее каждый год¹. Однако даже из этого англичане пытались извлечь максимальную пользу. Шиваджи англичане убедили, что сиди они не помогают, но не могут прогнать их, не вызвав гнева могольских властей [ERS, 1931, I, p. 356, 362]. Одновременно в Сурате англичане напомнили мутасадди, какую услугу они оказывают Моголам: предоставляя гавань сиди, Компания сильно рискует оказаться мишенью для Шиваджи [ERS, 1931, I, p. 366–367].

¹ Кроме опасения ответных действий в Сурате ОИК стремилась сохранять хорошие отношения с сиди потому, что мусульманская Джанджира была единственным местом по соседству с Бомбеем, где англичане могли закупать говядину для снабжения своих судов (для индуистов-маратхов корова священна) [Grant Duff, 1826, II, p. 83].

Однако к 1680-м годам растущая уверенность англичан в своих силах дала о себе знать. Захвативший в 1684 г. власть в Бомбее капитан Р. Кейгун прекратил ежегодные зимовки сиди, впервые не пустив их флот в гавань [Desai, 1970, p. 33]. Так ОИК сделала заявку на полную независимость от воюющих соседей, продемонстрировав: она является суверенной державой, которая может позволить себе придерживаться нейтралитета, несмотря на их давление. Показательно, что карательных мер в Сурате не последовало: по-видимому, Моголам хватало проблем на суше и отталкивать от себя англичан они избегали. Вероятно, Моголы продолжали рассчитывать на военную помощь ОИК против маратхов.¹

Во время англо-могольской войны ОИК (пусть на короткое время) пошла дальше, открыто поддержав одну из сторон. Бросив вызов Аурангзебу в 1686 г., англичане нашли естественного союзника в лице маратхов. Когда сиди осадили город, преемник Шиваджи — Шамбхаджи (1680–89) по просьбе Компании прислал ей подкрепление в 3 тыс. воинов. Правда, ситуации это не переломило, и после могольской войны англичане вернулись к строгому нейтралитету, диктуемому прагматизмом.

Прагматическая позиция ОИК суммирована в инструкции суратской фактории служащим в Карваре в 1679 г.: если Адил-шах попросит помощи в осаде одной из захваченных маратхами крепостей, уклониться от этого, сохраняя в то же время хорошие отношения с обеими сторонами, но особенно с той, «в тѣм владении находится страна, ведя себя как купцы, тѣя единственная цель — торговля» [ERS, 1931, II, p. 193].

До середины 1680-х годов стратегией ОИК в Индии была в целом «спокойная торговля». Поэтому первый период её отношений с местными политиями можно охарактеризовать как «период факторий», во время которого Компания выступала по большей части в роли смиренного просителя торговых привилегий. Однако в силу двойственной, политико-экономической, природы ОИК эти отношения торговлей не ограничились. С момента своего появления в Индии Компания по сути стала индийской морской державой (перехватив эстафету у португальцев). Господство на море было для ОИК эффективным рычагом воздействия на индийские политии. Именно оно позволило ей «открыть» порты многих из них для своих кораблей. При этом в случае с Моголами англичанам пришлось действовать «кнутом» (пи-

¹ Ещё в 1664 г. мутасадди просил англичан и голландцев помочь отразить надвигающегося на город Шиваджи. Англичане удивились: «Нам показалось странным, что наместник, обязанность которого — защищать город и иностранцев в нём, сам просит у них помощи» [ERS, 1931, II, p. 343]. Ожидания властей оказались тогда верными: только три европейские фактории успешно отразили нападение маратхов, а могольские войска обратились в бегство.

ратские методы), а в случае с мелкими княжествами юга хватило «пряника» (возможности, открывающиеся при заключении военного союза с Компанией). Позднее ОИК получила дополнительные рычаги воздействия. С началом охраны ею индийского купеческого судоходства у неё появилась возможность угрожать её прекращением, а с ростом экономической роли англичан в индийской экономике — закрытием факторий.

Однако на суше (это преимущественно касается империй) ОИК была почти бессильна: её фактории находились под полным контролем властей, а значит, под постоянной угрозой ареста. Английскому морскому рычагу давления империи противопоставили свой, сухопутный, рычаг. Власти прибегали к нему в случае враждебных действий на море англичан-пиратов и самой ОИК, а также для вымогательства, которое было весьма распространённым явлением. При этом чаще верх брали власти: для Компании каждый раз отвечать блокадой было весьма накладно. Поэтому она предпочитала не конфликтовать, а договариваться с имперскими властями, чаще покупая привилегии, чем вырывая их силой. В случае конфликта отношения в основном развивались по цепочке: (вымогательства →) демонстрация Компанией военно-морской силы → арест факторий → выкуп. По сути между ОИК и чиновниками шёл обмен: подарки — привилегии/беспрепятственная торговля.

Таким образом, ради достижения своих целей и ОИК и империи прибегали к шантажу, пользуясь каждый имеющимися средствами. Компании при этом приходилось уступать чаще, поскольку для неё англо-индийские контакты были сутью функционирования, а для властей империй — нет (при всей важности импорта драгоценных металлов из Европы).

Хозяевами положения на суше имперских чиновников делало отсутствие у англичан адекватных средств противодействия (сдерживания) — фортов и армии, которые власти не позволяли им обрести. Поэтому англичане стали искать выход и нашли его: продолжая торговать с султанатами (где оставались районы производства интересовавших их товаров), ОИК начала постепенно выносить центры этой торговли за их пределы (Мадрас по отношению к Голконде, Бомбей по отношению к Моголам). Только на неподконтрольной империям территории, во владениях слабых правителей, можно было создать укреплённые поселения — настоящие опорные пункты Компании. В экономически наиболее важной для неё, но исходно подконтрольной Моголам Бенгалии возможностей для возникновения анклавов не было, и англичане решили создать их силовым путём, но просчитались. Однако вскоре после неудачной войны конца 1680-х годов анклав всё равно появился — хотя благодаря не английской силе, а могольской слабости: уже вступили в действие факторы, подтачивавшие мощь империи.

Что касается морских держав, то в середине XVII в. ОИК столкнулась в Индии с двумя из них — восставшими против Моголов маратхами и состо-

ящими на могольской службе сиди. Хотя англичан они почти не трогали, занятые войной друг с другом, эти силы наперебой стремились втянуть ОИК в войну на своей стороне, чем вынуждали её лавировать. Если в океане Компания обладала неоспоримым господством, то в прибрежных водах эти державы могли создать перевес в силе, что определило в целом нейтральную позицию англичан в отношении их в этот период.

II.2.2. «Период фортов» (1680-е/90-е годы — середина XVIII в.)

Заключительное двадцатилетие XVII в. уместно считать водоразделом между периодами, составляющими первый этап отношений ОИК с индийскими политиями. Второй период (завершившийся в 1740-е годы) можно назвать «периодом фортов»: от предыдущего он резко отличается появлением у ОИК укреплений вокруг её главных факторий в Мадрасе, Бомбее и Калькутте (что определило быстрое получение ими статуса президентства). Как и в случае с первым периодом, название несколько условно: форты продолжали существовать и по окончании периода. Однако я хочу выделить данный период как время резкого усиления английской самостоятельности в рамках первого этапа — этапа по преимуществу мирной торговли.

Правда, построила ОИК в указанное двадцатилетие лишь один форт — Уильям в Калькутте. Однако именно с этого времени — с англо-могольской войны — выявилась истинная полезность для ОИК Бомбейского замка, он прошёл боевое крещение: сиди «споткнулись» об английские укрепления и были вынуждены начать осаду. Что касается форта св. Георга, то именно в названное время он оказался на территории Тимуридов — наиболее сильной империи региона.

В укреплённых пунктах англичане обрели относительную самостоятельность: в случае угроз властей они могли отсиживаться за стенами под защитой артиллерии. Это наглядно показали события 1701–02 гг.: когда Аурангзеб приказал задержать всех европейцев и их товары за очередные пиратские набеги их соотечественников, незахваченными остались лишь форты Уильям и св. Георга [Keay, 1991, p. 192, 213]. Форты представляли для Моголов определённую преграду, которую нельзя было преодолеть сходу, причём европейская фортификация существенно превосходила индийскую. Например, по свидетельству французского путешественника середины XVIII в. Ж.-Х. Гроса, могольский Суратский замок был построен без всякого соблюдения правил фортификации, а пушки на его стенах были расставлены беспорядочно [Grose, 1758, p. 153]. Конечно, при твёрдом намерении властей расправиться с англичанами их укрепления не устояли бы (так будет в Бен-

галии в 1756 г.). Однако обычно власти стремились только припугнуть ОИК с целью вымогательства. Так произошло и на этот раз: блокировавший Мадрас карнатикский наваб Дауд-хан отступил после выплаты Компанией 25 тыс. рупий [Love, 1996, II, p. 17].

Появление у ОИК форта на исконно могольской территории (в Бенгалии) в это время не случайно. Начало «периода фортов» в истории Компании — это в истории Индии начало распада империи. Сам факт того, что провинциальные власти Бенгалии и Карнатика с конца XVII в. стали терпеть существование английских фортов, в какой-то мере свидетельствовал: подгнило что-то в Могольском султанате. В годы могущества империи власти, мирясь с военно-морским превосходством европейцев, строго следили, чтобы у тех не возникало никаких возможностей противостоять им на суше. Например, когда англичане в 1617 г. заложили в Сували несколько кирпичей, чтобы отлить колокол, шахзада Хуррам специально прислал чиновника проследить, чтобы их снесли, так как опасался, что ОИК намерена построить форт [Letters, VI, p. 217]. Теперь же возможности попустительства местных властей англичанам резко выросли. Это иллюстрирует их позиция по поводу строительства форта Уильям, а также по привлечению Компанией в Калькутту индийских купцов. Когда в 1701 г. *фаудждар* Хугли пожаловался бенгальскому назиму на перенесение туда многими купцами деловой активности, назим приказал ОИК вернуть факторию в Хугли — но, получив подарок, отменил приказ [Old Fort William, 1906, p. 4].

Процесс распада Тимуридской империи стал набирать силу с конца XVII в. и был вызван прежде всего укреплением заминдаров. Аурангзеб и его преемники пожаловали то, что посеял Акбар, поскольку это укрепление, в свою очередь, коренилось в системе *забт*. Если в краткосрочной перспективе от неё выиграла могольская власть, то в долгосрочной — наоборот, налогоплательщики-заминдары, а также купечество. Хотя Тимуриды подчинили заминдаров, разоружить их они так и не сумели (это удастся лишь британцам в XIX в.). Подъём экономики Индии в XVII в. вызвал упрочение позиций доминирующих каст, а это означало конец Моголов [Richards, 1993, p. 295–296].

Не будет преувеличением сказать, что посильный экономический вклад в гибель империи внесли англичане (получалось словно месть за поражение в Чайлдовой войне). Воздействие европейских ОИК вообще и английской в частности на имперскую экономику выходило далеко за пределы получения Моголами таможенных пошлин с них. Сами пошлины составляли всего 1% общего дохода империи [Arasaratnam, 1994, p. 224]. Однако следует учесть важную роль европейцев в снабжении экономики могольской Индии драгоценными металлами, непрерывный приток которых был одним из центральных факторов её подъёма. Прямая зависимость объёма чеканки могольских

монет от объёма ввозимого английской ОИК в XVII в. серебра очевидна, если взглянуть на сравнительную таблицу, составленную индийской исследовательницей А. Хасан [Hasan, 1998, table 3, p. 185].

Султанат начал разваливаться ещё при жизни Аурангзеба. Последний великий из Великих Моголов, ещё сдерживавший центробежные тенденции империи, умер в 1707 г. — в том же году, когда появилось Соединённое Королевство, будущая метрополия Индии. Вспыхнувшая борьба за Павлиний трон между членами тимуридской семьи ускорила распад империи. За 6 лет сменилось 6 шахов, реальная власть перешла к временщикам, а её сфера быстро сужалась. На значительной территории султаната могольскую власть фактически свергли консолидировавшиеся социальные общности, создавшие собственные политии, — конфессиональная община сикхов в Панджабе, каста джатов в западном Хиндустане, этнос маратхов в Махараштре. Другие области (севернее и восточнее Дели) захватили афганские племена рохиллов и бангашей. Третьи отпали сами собой: имперские наместники Авадха, Бенгалии, Хайдарабада, Карнатика основали собственные династии и к 1740-м годам просто прекратили пересылать в Дели налоги. Правда, юридически империя продолжала существовать и правители всех политий — преемников империи (включая маратхов) для легитимации своей власти продолжали называть себя наместниками Моголов. На деле же власть последних сжалась до пределов суб Дели и Агры. При этом Мухаммад-шах (1719–48), Ахмад-шах (1748–54), Аламгир II (1754–59) были уже полностью марионетками борющихся друг с другом группировок столичной знати.

Что касается экономики Индии в рассматриваемый период, то она по-прежнему переживала начавшийся в XVII в. подъём. В последнее двадцатилетие в зарубежной индологии в целом отказались от точки зрения, согласно которой могольский режим постоянным увеличением финансовых требований довёл экономику страны до глубокого кризиса [Marshall, 2003, p. 15]. Не следует преувеличивать и негативные для земледелия, ремесла и торговли последствия войн, развернувшихся в XVIII в. между преемниками Моголов: боевые действия того времени были, как правило, операциями мелкого масштаба. Экономический упадок в ряде областей наблюдался, но эти области были весьма ограниченными в размерах¹. К тому же их наличие

¹ Ряд недавних работ по Индии (например, американского индолога С. Гордона) показывает, что периоды разорения после войн были относительно короткими, а новые режимы, стремясь сохранить доходность своих территорий, прилагали усилия для восстановления экономики. Кроме того, не доказано, что конфликты XVIII в. были более разрушительными, чем те, которые сопровождали могольскую экспансию (период, признанный в историографии «золотым веком» Индии) или, к примеру, наполеоновские войны в Европе. Кстати, новейшие работы по истории других войн раннего Нового времени — войны Роз в Англии и Тридцатилетней — продемонстрировали, что степень их

было даже выгодно для развития экономически более стабильных территорий [Bayly, 1983, p. 460].

Напротив, коренные изменения в военной сфере дали экономическому росту новый импульс. В результате распространения европейской военной техники и искусства джагирная практика стала устаревать: правители нуждались теперь в наёмных регулярных армиях¹, а значит, в звонкой монете, чтобы их оплачивать. Это заставило пришедшие на смену Тимуридам режимы создать более безопасные условия для торговли, что способствовало укреплению социальных позиций купцов и работавших на рынок крестьян [Bayly, 1983, p. 14, 108]. Это означало углубление начавшегося ещё в XVII в. процесса «коммерциализации власти» (термин К.А. Бэйли), который немало способствовал подрыву империи: рост денежных отношений привёл к распространению откупов и взаимопроникновению властной, торговой, военной и налоговой сфер. Эти сферы оказались столь тесно переплетены, что любому крупному предпринимателю, чтобы преуспеть, стало необходимо действовать во всех этих сферах [Bayly, 1988, p. 46]. В долгосрочной перспективе это создавало внутрииндийские предпосылки для прорыва во власть ОИК, который произойдёт в середине XVIII в. (см. III.1.1–2).

В первой половине столетия ОИК контактировала с теми же типами политий, что и прежде. Сухопутные политии были представлены фактически независимыми от султаната навабствами и политией маратхов. Из осколков империи приоритетными для Компании были навабства Бенгалия, Карнатик и Сурат, поскольку эти области по-прежнему оставались центрами текстильного производства. Морской державой являлось фактически отделившееся от маратхской империи княжество Ангре. На Малабаре ОИК по-прежнему имела дело с мелкими политиями, но 1720-е годы отмечены подъёмом княжества Траванкур. Однако в начале «периода фортов» Компания ещё контактировала и с суверенами быстро исчезающей общеиндийской империи — могольскими шахами.

Упрочив в 1709 г. позиции на родине, ОИК решила повторить это на Востоке. Для расширения привилегий Компании по всей империи ей требовалось получить новый фирман. С этой целью в Калькутте снарядили посольство во главе с Дж. Сёрманом с подарками на сумму в £ 30 тыс., но из-за свя-

отрицательных последствий для развития экономики ранее существенно завышали [Perlin, 2003, p. 55–56]. Ещё Ф. Бродель отметил, что войны в Индии XVIII в. уместно сравнить с религиозными войнами во Франции (1562–98), на протяжении которых «экономическое положение страны было скорее хорошим» [Braudel, 1979, III, p. 648].

¹ Важно оговориться, что в первой половине XVIII в. эти заимствования индийцев ещё отставали от темпов развития вооружений в Европе (к тому же многое заимствовалось не напрямую, а через посредничество Османов). Это будет причиной феноменального военного успеха европейцев в Индии в середине столетия (см. III.1.1).

занной с «шахской чехардой» нестабильности оно отправилось в Дели только в 1715 г., к Фаррухсиюру (1713–19). Сами по себе подарки (среди которых было шесть слонов) не смогли принести ОИК фирман, и она подкрепила их угрозой закрыть фактории в Гуджарате. Это подействовало, так как к тому времени ОИК стала не только крупным импортёром драгоценных металлов, но и единственным гарантом безопасного плавания индийских купцов и паломников в Аравийском море. Фирман 1717 г. означал крупную дипломатическую победу британцев [Keay, 1991, p. 224–230].

Согласно фирману, ОИК освобождалась от уплаты пошлин на всей территории империи: теперь пошлины были заменены фиксированной суммой не только в Хугли (3 тыс. рупий), но и в самом Сурате (10 тыс. рупий)¹. Британцы получили в аренду 38 деревень, прилегающих к Калькутте, и 5 деревень близ Мадраса. Также ОИК был дарован остров Диви близ Маччхлипаттана, который она собиралась превратить в эмпорию по образцу Бомбея. При наличных расчётах в Бенгалии ОИК могла теперь пользоваться рупиями, которые она чеканила в Мадрасе, а её бомбейские рупии получили право ходить по территории всей империи. Среди других дарованных привилегий были: обязательство властей выдавать ОИК её должников, право глав факторий наделять своих служащих *дастаком*, право Компании сдавать своё серебро в монетные дворы Бенгалии для чеканки для неё денег и другие [Bhattacharya, 1954, p. 28–29; Foster, 1929, p. 112].

Таких обширных привилегий в Могольской империи не получал никто ни из европейских, ни из индийских купцов. Если ОИК не удалось их выхлопотать сразу, в начале XVII в., то своего она всё равно добилась, пусть столетие спустя — благодаря возросшей экономической и военно-морской мощи и ослаблению султаната.

Однако именно это ослабление сделало крупнейшую победу ОИК в её взаимоотношениях с Тимуридами малоэффективной на практике. На местах шахские грамоты значили уже немного, и сразу вслед за получением фирмана у британцев возникли проблемы. Эти проблемы создавали набирающие самостоятельность имперские наместники разного уровня. Началось постоянное и повсеместное препирательство факторов ОИК с местными властями. Обе стороны толковали положения фирмана максимально в свою пользу. Иногда власти открыто отказывались соблюдать фирман. Например, бенгальский наваб Муршид Кули-хан просто не разрешил ОИК выкупить упо-

¹ В Персии, которая находилась ближе к периферии внимания ОИК, власти в схожей ситуации, напротив, одержали над ней верх. Ещё в 1622 г. шах Аббас I за помощь Компании при взятии португальского Ормуза пожаловал ей половину таможенных пошлин порта Гомбрун. Однако в 1676 г. шах Солейман I под предлогом невыполнения ОИК полицейских функций в Персидском заливе вынудил её согласиться на замену этой привилегии получением фиксированной суммы в 1 тыс. туманов [Фэльсэфи, 1937, с. 147–148].

мянутые 38 деревень (тогда она приобрела их через подставных лиц — своих индийских служащих) [Gupta, 1962, p. 8]. Некоторые наместники вымогали у Компании деньги за признание фирмана действительным, и ей пришлось торговаться. Суратский мутасадди запросил 200 тыс. рупий, и британцам с трудом удалось снизить цену до 70 тыс. [Chaudhuri, 1978, p. 124]. Острова Диви они не получили вообще: *субадар* Декана запросил сумму, в 20 раз превышавшую предложенную ими [Love, 1996, II, p. 156].

Между тем жаловаться в столицу смысла уже не было. Например, когда в 1733 г. британцы просили шаха приказать бенгальскому навабу предоставить им ряд дальнейших льгот, из этой затеи ничего не вышло. Совет директоров признал в 1735 г., что наваб стал *«слишком самовластным (absolute), чтобы считаться с любыми приказами двора...»* [Comprehensive History of India, 1978, p. 177]. В условиях дальнейшего распада султаната контакты ОИК с делийской династией почти прекратились: шахская власть всё меньше значила в Индии, а за двадцать лет после захвата и разграбления Дели персидским Надир-шахом в 1739 г. (который, в частности, увёз самый символ империи — Павлиний трон) распад султаната завершился.

Центр тяжести отношений ОИК с индийскими властями стал смещаться на уровень суб и более мелких областей ещё с начала XVIII в. В данной ситуации для ОИК были и плюсы и минусы. С одной стороны, теперь она могла договариваться непосредственно с наместниками, не тратя средств и времени на получение согласия Дели. С другой стороны, с каждым из наместников договариваться приходилось отдельно. При этом ввиду отсутствия сильной центральной власти (которая всё-таки ограничивала масштабы вымогательства чиновников и которой можно было на них жаловаться) в случае враждебных действий наместников — теперь фактических правителей — апеллировать Компании стало не к кому.

Как сказано выше, решающую роль в торговле ОИК продолжали играть три прибрежные области — Бенгалия, Карнатик и Гуджарат. В первых двух размещались центры президентств Компании, а третий (Бомбей), хотя и был вынесен в море, продолжал торговать по преимуществу с Суратом. Это и определило важность отношений британцев с местными властями.

В Бенгалии постмогольский режим был наиболее сильным. Этому способствовали развитая экономика региона, его удалённость от зон военных действий (столичной области и Махараштры) и меры по централизации управления, проведённые основателем независимой бенгальской политики Муршид Кули-ханом (1703–27). В начале столетия он заменил джагирную систему откупной. Однако, как и система забот в Северной Индии, «выстрелила» она в конечном счёте по властям: к середине XVIII в. откупщики (здесь они тоже назывались заминдарами) превратились в наследственных полунезависимых владетелей. В Карнатике независимое княжество основал наваб

Саадатулла-хан (1710–32). Эта область была завоёвана Моголами на сто лет позднее, чем Бенгалия, поэтому здесь навабская власть была исходно слабее. К тому же, если в Бенгалии доминирующей касты не было, а слой заминдаров стал могущественным только благодаря реформам Муршида, то в Карнатике Моголы обнаружили устоявшуюся власть палаяккаров, а под ними — мощные структуры доминирующей касты веллала.

Благодаря всемерной поддержке государства (см. II.1.3) первая половина XVIII в. была для ОИК эпохой процветания. В Индии Компания приобрела в это время небывалый экономический вес. Уже в начале столетия доля европейских ОИК в морской торговле Сурата составляла около $\frac{1}{8}$, а в Бенгалии и на юге Коромандельского побережья она была значительно выше [Das Gupta, 2001 (2), p. 125]. В Бенгалии к середине XVIII в. европейцы держали в своих руках большую часть морской торговли. В 1730-е — 40-е годы в Калькутте бросило якорь по меньшей мере вдвое больше торговых судов, чем в Хугли — некогда экономически ведущем порту Северо-Восточной Индии [Marshall, 1976, p. 57]. Европейские ОИК являлись основными импортёрами серебра и покупателями текстиля. В 1740-е годы британцы закупали в Бенгалии товаров на £ 400 тыс. в год. Ещё в начале столетия европейский спрос вызвал появление в стране 100 тыс. новых рабочих мест [Marshall, 1987, p. 66]. При этом среди европейцев британцы быстро выходили на лидирующие позиции. К 1717 г. объём торговли английской ОИК в Бенгалии равнялся объёму торговли всех остальных ОИК вместе взятых [Keay, 1991, p. 234].

Пропорционально экономической мощи британцев росли города — центры их президентств. Хорошо укреплённые и охраняемые британские анклавы могли обеспечить индийцам физическую безопасность и более прочные права собственности. Поэтому в них переселялись многие купцы — агенты, посредники и партнёры ОИК, а также ремесленники, работодателем которых она являлась. По словам хрониста XVIII в. Гулама Хусейна, Хугли пришёл в упадок по причине «*гнёта, жестокого обращения и требовательности*» фаудждаров, а обратно пропорционально уменьшению его населения росло население Калькутты — благодаря тому, что британцы оказывали жителям покровительство (*ri'āyat*) и обеспечивали им защиту [Ghulam Husain, 1898, p. 33]. Население Мадраса к 1746 г. составило около 150 тыс. человек [Lawford, 1978, p. 69], Калькутты к 1735 г. — 100 тыс., Бомбея к 1744 г. — 70 тыс. [Roberts, 1952, p. 70–71]¹.

Рост городов влёк за собой расширение британцами фортов и увеличение их гарнизонов. К середине XVIII в. численность калькуттского гарнизона

¹ Для сравнения: за XVIII в. население крупнейших имперских городов Лахора, Дели и Агры сократилось с 400 тыс. до 100 тыс. человек [Bayly, 1983, p. 112], а Сурата — с 800 тыс. в начале столетия до 400 тыс. в 1773 г. [Toussaint, 1974, p. 100].

достигла 500 солдат [Marshall, 1976, p. 15], а бомбейского — 1600 [Lawford, 1978, p. 58]. В 1721 г. гарнизоны фортов св. Георга и св. Давида (в Кадалуре)¹ вместе составляли 545 человек [Lawford, 1978, p. 65]. Таким образом, появление у Компании фортов неизбежно запустило, пусть медленный, процесс превращения их в новые центры силы — хотя пока европейское присутствие оставалось, по меткому выражению Ф. Броделя, «точечной оккупацией» [Braudel, 1979, III, p. 621].

Постепенное изменение характера британских поселений не могло не вызывать всё большего недовольства властей. В 1733 г. наваб Бенгалии Шуджа-уд-дин (1727–39) так высказался о британцах: *«Впервые приехав в эту страну, они смиренно просили у правительства права приобрести клочок земли для строительства здания фактории... но они возвели крепкий форт, окружили его рвом... и установили огромное количество пушек на стенах. Они заманили нескольких купцов и других лиц под своё покровительство, собирают налоги на сумму 100 тыс. рупий...»* (цит. по: [Gupta, 1962, p. 43–44])².

Опасения властей были вполне обоснованными: британцы чувствовали свою растущую силу на суше. Если формально ОИК в Индии обладала суверенитетом по-прежнему только в Бомбее, теперь она была склонна трактовать как суверенитет и свою экстерриториальность в фортах на континенте. Например, в 1740-е — 50-е годы британцы несколько раз давали понять бенгальскому навабу, что не признают его власти над индийским населением Калькутты [Gupta, 1962, p. 38–39].

Более того, британцы стали смело разговаривать с властями не только из-за стен фортов. В отдельных случаях они начали пускать в ход вооружённую силу. Иногда, правда, они действовали совместно с властями. Например, в 1739 г. военные отряды европейских ОИК помогли бенгальскому навабу отогнать от Патны вторгшихся маратхов [Das Gupta, 2001 (1), p. 204]. Однако чаще британцы грозили оружием самому режиму. Когда в 1730-е годы фаудждар Хугли конфисковал у ОИК купленные ею шёлк и ткани и стал вымогать деньги, из Калькутты прибыли солдаты Компании и силой вернули товары. Правда, вмешался сам наваб. Блокировав факторию в Касимбазаре и Калькутту, он заставил британцев заплатить 3 *лакха* рупий [Ghulam Husain, 1898, p. 294–295]. В Карнатике в 1703, 1713 и 1723 гг. навабы требовали вернуть пожалованные ОИК деревни возле Мадраса, но всякий раз снимали требование после предупреждения британского губернатора: Компания

¹ Крепость в Кадалуре англичане купили в 1690 г. у осаждённого Моголами в Джинджи сына Шиваджи раджи Рама. Снеся её, они построили форт св. Давида.

² На Яве схожий объективный процесс превращения европейской торговой корпорации в территориальную державу даже оставил отпечаток в языке. Малайский аналог русской поговорки «положи ему в рот палец — он и руку откусит» таков: «как голландцы просят угадок земли» (*seperti Belanda minta tanah*).

будет защищать то, чем владеет по праву. Когда Саадатулла стал тянуть с передачей Компании полагающихся ей по фирману пяти деревень, британцы в ходе штыковой атаки при поддержке артиллерии выгнали оттуда отряд местного землевладельца — их арендатора [Thompson, Garratt, 1934, p. 55]. (Тем не менее, почти каждый раз Компания подстраховывалась подарком навабу.) Глядя на британцев, смелели и их индийские служащие. Когда в 1720 г. в одной из карнатикских таможен возник конфликт по поводу пошлин, *пеоны* Компании не остановились перед убийством хавальдара таможен и двух стражников [Arasaratnam, 1986, p. 90–91].

Понимая опасность превращения экономического могущества европейцев во властное, навабы пытались ослабить их торговые позиции. В Карнатике власти потерпели неудачу сразу. Саадатулла затеял в 1717 г. строительство порта Саадатпаттан в Коваламе, замыслив его как противовес европейским эмпориям — британскому Мадрасу, французскому Пондишери, голландскому Нагапаттинаму. Режим пытался привлечь в порт не только индийских, малайских, армянских купцов, но и европейцев. Однако те, естественно, не собирались переключать свою деятельность с собственных портов на порт, подконтрольный властям. Поэтому уже к 1723 г. Саадатпаттан пришёл в упадок: к этому времени европейские торговые сети накрыли всё побережье, и новым портам было чрезвычайно трудно вклиниться между уже утвердившимися центрами торговли [Subrahmaniam, 2001, p. 132–135].

В Сурате у ОИК форта не было, но и здесь её позиции были довольно прочными. Более того, именно в Сурате британцы впервые вмешались в отношения в сфере власти в Индии. Причина этого лежала в ослаблении властей. В начале 1730-х годов завершилось завоевание Гуджарата маратхами. В результате Сурат оказался отрезанным от центра империи и превратился в мелкое княжество. Объём торговли порта сокращался из-за конкуренции Бомбея и маратхских набегов (к середине XVIII в. — до $\frac{1}{3}$ былой величины — [Das Gupta, 2001 (3), p. 156]), в то время как потребность мутасадди в средствах (на содержание армии), наоборот, выросла, и он стал прибегать к плохо скрытому грабежу купцов. Это привело к уникальному в индийской истории случаю: в 1732 г. купцы города наняли вооружённые отряды и в результате упорных уличных боёв свергли мутасадди [Das Gupta, 2001 (3), p. 153–154], причём помогли им британцы [Chaudhuri, 1978, p. 127]. Правда, развить успех «революционные силы» не смогли: следующий мутасадди, которого выбрали сами купцы, продолжил притеснять их, а ОИК по-прежнему в военном отношении господствовала только на море. Тем не менее, последнее обстоятельство вместе со слабостью властей играло серьёзную роль в продвижении её интересов: над портом постоянно висел Дамоклов меч британской блокады, который она могла и опустить (как в 1734 г.). Сделоч-

ную позицию ОИК улучшал её высокий удельный вес в объёме суратской торговли (к 1740 г. — около $1/2$) [Das Gupta, 2001 (3), p. 157].

Менее благоприятной для британцев была ситуация в Бенгалии — наиболее экономически важной для них стране Азии. Здесь навабский режим имел мощного союзника — торгово-ростовщический дом Джагат Сетхов, полностью контролировавший финансы страны. Джагат Сетхи выполняли для администрации наваба функции, схожие с функциями Английского банка в Великобритании. Они регулировали ставку *батта* и являлись каналом перевода заминдарами налога навабу, а навабом — шаху (посредством *хунди*) [Bhattacharya, 1954, p. 109–110]. Установив монополию на ввозимые в Бенгалию драгоценные металлы, Джагат Сетхи диктовали европейским ОИК свои цены [Sinha N., 1956, p. 140]. Таким образом, в Бенгалии британцы столкнулись с объединённым фронтом власти и банкиров: сдерживать расширение влияния Компании было в интересах обеих сил. Неудивительно, что в рассматриваемый период ОИК так и не удалось добиться выполнения навабами ряда важных положений фирмана 1717 г. (например, допустить её к монетным дворам и принимать мадрасские рупии без батта) [Bhattacharya, 1954, p. 123].

Между тем, британцы, со своей стороны, тоже посягали на права власти. Они злоупотребляли дастаком: выдавали свои купленные частным образом товары за товары Компании, да ещё и продавали его индийским купцам. Кроме того, ОИК препиралась с чиновниками наваба по поводу применимости дастака к разным видам товаров. На злоупотребления или претензии британцев чиновники отвечали арестом товаров и наложением штрафа. Порой они делали это и без нарушений со стороны британцев — с целью вымогательства. При Муршиде ОИК прибегала в таких ситуациях к блокаде р. Хугли, но с консолидацией режима при Шудже и Аливарди (1740–56) делать этого (в отличие от Сурата в те же десятилетия) не осмеливалась, предпочитая откупаться от властей (в 1727–49 гг. семь раз. — [Marshall, 1976, p. 7]).

Таким образом, в «период фортов» британцы стали вести себя смелее: за навабами больше не было всей мощи империи, а ОИК стала с экономической и военной точки зрения сильнее, чем в XVII в. Тем не менее, в данный период ОИК оставалась ещё по преимуществу коммерческой организацией. Поэтому её отношения с навабствами-преемниками в целом были однотипными отношениям с Моголами, т.е. развивались в основном по прежней схеме: подарки/блокада — привилегии; вымогательства — блокада — арест факторий — выкуп. Хотя власти стали чаще уступать требованиям ОИК, её рычаги давления на них оставались ограниченными.

Несмотря на определяющую роль трёх названных областей в торговле ОИК, не могла она пренебрегать и отношениями ещё с одной политией — маратхской.

Возникнув в середине XVII в. как нарыв на теле Могольского султаната, в рассматриваемый период маратхская полития продолжала расширяться и структурироваться. После смерти Шиваджи в семье Бхосле выделились две ветви, которые в борьбе за власть ослабили друг друга. Это способствовало переходу с 1710-х годов реальной власти к династии пешв. Последние превратили живших в Сатаре чхатрапати в таких же марионеток, какими стали Моголы в руках группировок делейской знати. Именно при пешвах маратхи начали широкомасштабную экспансию по всем направлениям. К середине XVIII в. их полития превратилась в огромную империю со столицей в Пуне, охватившую Западную, Центральную и часть Восточной Индии. Продвигаясь на север, маратхи сначала ограничивались грабительскими набегами, затем создавали параллельную могольской администрацию (для взимания чаутха и сардешмукхи), а позднее включали эти территории в свою политию, вводя собственную административную структуру, а точнее — как и все преемники Моголов — приспособливая прежнюю, имперскую, под свои нужды. С экспансией за пределы Махараштры изменилась структура господствующего класса маратхов: на смену слою наследственных *ватандаров* пришёл слой служилой знати — *саранджамдаров* [Рейснер, 1961, с. 292].

С пешвами в рассматриваемый период ОИК контактировала мало. Отчасти это объясняется экономической непривлекательностью Махараштры для британцев (область была одной из наиболее отсталых в Индии, с неблагоприятными условиями для земледелия). Отчасти же ОИК по-прежнему выжидала, кто возьмёт верх в могольско-маратхской войне. В письме 1713 г. в Бомбей директора прямо выразили свою растерянность по поводу происходящего, предписали лишь «наблюдать за ходом событий» и при обращении к могольской администрации за разрешениями на торговлю действовать «таким образом, чтобы, если возобладает более сильная держава (маратхи. — К.Ф.), она не узнала о том, что вы сделали» — иначе придётся платить второй пешкаш, намного дороже [Desai, 1970, p. 63].

Однако, как и Шиваджи, пешвы принимали ОИК в расчёт как морскую державу, способную нанести вред их интересам. Поэтому, будучи заняты на Конкане добиванием ослабевших сиди и португальцев, пешвы стремились обеспечить нейтралитет британцев. Компания же предпочитала видеть в качестве соседа именно слабых Джанджиру и *Estado da Índia*, нежели сильных маратхов. Поэтому она по мере сил помогала против них и сиди и португальцам. Например, в 1731 г. Бомбей усилил гарнизон Гоа своими 300 сипаями [Roberts, 1952, p. 70]. В то же время британцы заверяли чхатрапати Шаху (1708–49) в своей дружбе. Усидеть на двух стульях у них, однако, не получилось: в 1739 г. маратхи выбили португальцев из их баз в Сальсете и Бассейне, став непосредственными соседями Бомбея.

Смирясь с изменением расстановки сил, Бомбейское президентство отреагировало на него заключением договора с пешвой Баджи Рао I (1720–40): исчезновение последних немаратхских владений на Конкане было свершившимся фактом и с чиновниками Пуны на побережье как с новой властью Компании предстояло иметь дело. Согласно договору, ОИК пришлось официально отказаться от права выдачи пропусков индийским судам и признать такое право за пешвой. Стороны договорились свободно торговать друг с другом, не помогать врагам друг друга, выдавать бежавших должников и рабов и не препятствовать рыболовным судам друг друга [Collection, 1812, р. 477–482]. Несмотря на сделанные Компанией уступки, договор 1739 г. стал её первым договором практически на равных с крупной индийской политией, поэтому он резко повысил британский престиж в Индии. Пешва по сути признал ОИК державой с собственными интересами, причём окончательно убедили его сделать это результаты войны с португальцами. Война даже с ними — наиболее слабыми в Индии европейцами — стоила маратхам 12 тыс. убитых, и после 1739 г. те стали избегать атаковать укрепления с европейскими артиллеристами [Lawford, 1978, р. 61]. Символично, что год заключения ОИК первого равноправного договора в Индии был годом нашего Надир-шаха, разграбившего столицу Тимуридов и нанёсшего непоправимый урон остаткам их престижа. Именно в момент гибели одной империи появилось первое свидетельство, что на смену ей идёт другая. Однако это свидетельство было косвенным и всё-таки весьма смутным. Коренной перелом в характере отношений Компании с местными державами был ещё впереди.

Намного более важными в рассматриваемый период, чем контакты с пешвой, были для ОИК её отношения с непосредственным соседом Бомбея — маратхской семьёй Ангре. В 1690-е годы военачальник Канходжи Ангре стал *сархелом* чхатрапати и постепенно создал фактически независимую политику — морскую державу, контролирующую южный Конкан и обладающую сильнейшим флотом в Аравийском море. Почти сразу эта держава вступила в вооружённый конфликт с ОИК. В лице Ангре Компания впервые в Индии столкнулась с враждебной военно-морской силой, которая не была настроена на компромисс. Обладавшие флотом Шиваджи и сиди ссориться с ОИК в целом избегали, рассчитывая на её помощь против друг друга. У Ангре серьёзных индийских конкурентов уже не было (сиди быстро слабели), тогда как его флот по силе значительно превосходил флот сиди в эпоху их могущества.

Канходжи не только ввёл пропуска для местного судоходства, но и стал претендовать на взимание ренты за защиту с самой ОИК, что было для той вовсе неприемлемо. Важно отметить, что, в отличие от «периода факторий», на компромисс теперь не была настроена и ОИК. Её жёсткую позицию оп-

ределило строительство в Бомбее военно-морского флота. Начавшаяся все-рьёз с 1717 г. морская война ОИК с семьёй Ангре продолжалась почти 40 лет, причём до самого конца велась с переменным успехом — несмотря на то, что Компании помогали португальцы и сиди (которые искали теперь союза с ней против общего врага).

Основные силы Канходжи составляли 10 *гхурабов* и 50 *галливатов*, тогда как флот Бомбея насчитывал к 1716 г. всего 1 корабль с 32 орудиями, 4 *гхураба* и 20 меньших *гхурабов* и *галливатов* [Sridharan, 1965, p.73, 93]. Кроме того, у Ангре имелся мощный тыл — цепь крепостей на побережье, доказавших свою неприступность в ходе четырёх безуспешных попыток британцев взять их. Хотя британцы и не думали платить Ангре, в крупные расходы он их всё равно ввёл: охрана судов от его нападений ежегодно обходилась Компании в 5 лакхов рупий [Gazetteer of Bombay Pr-cy, XI, p. 152]¹. Конечно, военно-морское господство британцев в океане маратхи поколебать не могли, но в прибрежных водах Индии ОИК не удавалось с ними справиться вплоть до решающих англо-французских войн середины столетия, которые принесли ей, наконец, мощную военную поддержку государства.

Наиболее отчетливо общее укрепление позиций ОИК продемонстрировали её отношения с мелкими княжествами Малабара — одними из слабейших политий Индии. Выступая одновременно крупным торговым партнёром и внушительным военным союзником (или потенциальным противником), ОИК добилась значительного расширения сферы своей деятельности. В 1683–84 гг. *рани* Аттингала разрешила ей основать факторию в Андженго, а регент Колатхунату — в Телличерри. Вскоре ОИК возвела там форты — снова по разрешению самих правителей (в Колатхунату англичане даже убедили регента заложить первый камень самому). Позднее это ударило по самим малабарским правителям. В 1721 г. ОИК навязала *рани* Аттингала договор, по которому уже получила монополию на торговлю перцем и право основывать фактории где угодно [Menon, 1967, p. 308–310].

Как и прежде, ОИК использовала не только давление, но и играла на противоречиях политий. Например, в 1730-е годы она воспользовалась конфликтом Колатхунату, Каннанура, Коттаяма и Беднура, чтобы получить от них ряд торговых привилегий [Kurup, 1977, p. 52–56]. Хотя в данный период ОИК ещё не превратилась в сухопутную державу, можно сказать, что с армиями мелких малабарских княжеств её сухопутные силы уже стали сопоставимы (не говоря о возможностях Компании добиваться своего с помощью

¹ Британцы заклеили семью Ангре как пиратов, но дело обстояло вовсе не так: Ангре были правителями политии и претендовали на монополию на насилие и сбор средств в её территориальных водах в качестве таковых.

морской блокады). Не случайно в 1723 г. командующий британским отрядом в Андженго предложил радже Траванкура помочь привести к покорности мятежную знать [Menon, 1967, p. 309].

Однако Траванкур вскоре вырос в крупное княжество, что существенно скорректировало его отношения с ОИК. Произошедший в первой половине XVIII в. упадок сразу двух империй — Могольской и Сефевидской — вызвал нарушение торговых связей Малабара с севером и скачок цены на перец с 60–62 рупии за *кханди* в конце 1720-х годов до 105–125 рупий в 1750-е [Das Gupta, 2001 (3), p. 158]. Выиграл от этого именно Траванкур, а его раджи не преминули воспользоваться благоприятной экономической ситуацией. Впервые в истории Индии раджа Мартханда Варма (1729–58) установил монополию правителя на производство и сбыт всего перца в княжестве и превратил купцов в своих чиновников [Das Gupta, 1982, p. 422]. Это дало радже средства на создание мощного административного аппарата и регулярной армии европейского образца, с помощью которой он превратил Траванкур в крупную региональную политику, собирая под своей властью мелкие прибрежные княжества. Для ОИК это означало, что в Керале был проигран сценарий, обратный могольскому: если на севере благодаря ослаблению империи британцы стали чувствовать себя на суше увереннее, то здесь, где происходило укрепление местной политики, — наоборот, их сделочная позиция по отношению к властям ухудшилась. С 1746 г. британцам пришлось покупать в Траванкуре перец у тех купцов и по такой цене, какие указывали власти [Das Gupta, 1967, p. 37]¹.

В конце XVII в. в характере отношений ОИК с индийскими патримониальными политиями произошли качественные изменения. Переход к «периоду фортов» в истории ОИК в Индии сделали возможным два процесса — ослабление и распад Тимуридского султаната и рост могущества Компании в обеих её ипостасях. Эти процессы были связаны: в своей экономической ипостаси ОИК поспособствовала падению империи. Последнее обернулось для британцев ростом возможностей военного усиления на суше. Это усиление мыслилось ими пока лишь как фактор дальнейшего продвижения своих торговых интересов. Однако объективно рост центров президентств постепенно превращал их не только в экономических и демографических конкурентов индийских политий — преемников Моголов, — но и в их конкурентов в сфере власти.

Через 10 лет после смерти последнего сильного правителя империи ОИК удалось получить от шаха исключительно благоприятные торговые приви-

¹ Голландскую ОИК Траванкур вообще заставил в 1753 г. подписать унижительный договор, предусматривавший схему «вооружения в обмен на перец» и оборонительный союз [Furber, 1976, p. 161].

легии, резко поднявшие её над всеми другими купцами. Однако сам по себе этот успех продемонстрировал, насколько обесценились к этому времени шахские пожалования. Фирман 1717 г. стал одним из последних контактов ОИК с Моголами на первом этапе её истории — этапе коммерческой организации. Увидев бессилие центральной власти обеспечить соблюдение на местах условий фирмана, британцы перестали обращаться в Дели за торговыми льготами. Стремительное ослабление центральной власти в первой половине XVIII в. заставило Компанию сосредоточиться на отношениях с региональными властными структурами, превращавшимися в независимые политии.

В двух из трех важнейших для деловой активности ОИК областях — Карнатике и Сурате — условия для общего укрепления британских позиций были благоприятными. Речь идёт о слабости власти, которой, как и отсутствием сильных торговых конкурентов, ОИК пользовалась для расширения своей самостоятельности. В Бенгалии же возник симбиоз достаточно крепкой власти и мощного торгово-ростовщического дома, что тормозило (хотя и не блокировало) экономическое проникновение Компании.

Укрепление экономических и военных позиций британцев вселяло в них больше уверенности в своих силах, о чём свидетельствуют отдельные случаи применения вооружённой силы на суше против властей этих навабств. Тем не менее, оставаясь преимущественно ещё торговой корпорацией, в целом ОИК следовала тому же курсу, что в XVII в., — курсу компромиссов с властями и их задабривания.

Во внутренних районах Северной Индии (от Мальвы до Панджаба) рассмотренный период отмечен частыми военными действиями (экспансия маратхов, джатов и сикхов), а экономически они и без того были менее привлекательны для британцев. Это определило незначительную степень контактов ОИК с местными политиями вплоть до 1739 г., когда маратхи стали непосредственными соседями Бомбея.

Изменения затронули и отношения ОИК с морскими державами Индии. Отношения ОИК с возникшей в конце XVII в. политией Ангре отличались намного большей взаимной агрессивностью, чем отношения Компании с Шиваджи и сиди в предыдущий период. Причина тому лежала в военно-морском усилении сторон, ужесточившем соперничество соседей. Что касается ослабевших сиди, то чувство самосохранения толкнуло их, напротив, на союз с бывшими врагами британцами.

Наконец, качественно изменился и характер отношений ОИК с княжествами-эмпориями Малабара. Она перешла к строительству в них фортов и даже вмешательству в войны между ними. В следующий период ОИК «дорастёт» до того, чтобы повторить это в крупных политиях субконтинента. Исключение здесь составил лишь Траванкур, превратившийся к концу периода в достаточно сильное централизованное княжество.

Глава III

От купца к державе-купцу: превращение Ост-Индской Компании в индийскую политику и ответ Великобритании (1757–84)

III.1. Отношения Компании с индийскими патримониями (1740-е годы — 1765/72)

III.1.1. Коренной перелом: начало трансформации Компании в политику

К середине XVIII в. от Тимуридского султаната осталось одно название. В 1739 г. в Индию вторгся персидский Надир-шах, разгромивший могольское войско и разграбивший Дели. Это нашествие ускорило распад империи, завершившийся к 1760-м годам. На большей части её территории наследниками Моголов стали маратхи, продвигавшиеся всё дальше на север. Однако единая маратхская держава просуществовала очень недолго: сардары пешвы быстро превращались в автономных правителей подконтрольных им территорий и основали собственные династии: Гаикваров в Вадодаре, Шинде (Синдхия) в Удждайне, Холькаров в Индауре и Бхосле в Нагпуре. Тем не менее, сардары продолжали признавать главенство пешвы и совершать завоевательные походы объединённым войском. В 1758 г. маратхи вступили в Дели и Лахор.

Здесь их экспансии положили предел афганцы, шах которых Ахмад Абдали разгромил маратхов при Панипате в 1761 г. Это поражение на 10 лет вывело маратхов из борьбы за Северную Индию. Однако сами афганцы были вынуждены вскоре прекратить вторжения в Индию из-за упорного сопротивления сикхов, которые восстали против Абдали не менее решительно, чем против Моголов. В 1765 г. Пенджаб стал независимым: сикхи провозгласили переход верховной власти к *хальсе*, но на деле страна оказалась раздроблен-

ной на 12 мисалов. На юге к середине XVIII в. возвысился Майсур, правящую династию которого (Водеяров) отодвинул в тень военачальник Хайдар Али. Став *карья-карта* и фактическим правителем княжества в 1761 г., Хайдар энергично занялся подготовкой к расширению места Майсура под солнцем.

Как сказано выше, в капиталистической мир-системе середина XVIII в. была временем решающей борьбы за гегемонию между Великобританией и Францией, которая в 1746 г. захлестнула и Индию. Этот англо-французский конфликт коренным образом отличался от прежних, морских, войн английской ОИК с европейскими конкурентами. Длившаяся почти непрерывно война европейцев в Карнатике в 1740-е — 50-е годы велась уже в не меньшей степени на суше: компании превратились в сухопутные державы.

Последнее стало возможным благодаря пересмотру европейцами отношения к своим вооружённым силам в Индии: если до этого они представляли собой только гарнизоны фортов и факторий, то теперь был взят курс на создание крупной армии, большую часть которой составляли сипаи. Смена курса была продиктована вставшей перед обеими сторонами задачей: расправиться с торговым конкурентом силовым путём, подорвать его мощь внеэкономическим способом. Это дало компаниям стимул к внедрению европейских военных инноваций XVII в. — мобильной полевой артиллерии и строевой подготовки пехоты [Marshall, 1993 (1), p. 36]. Если прежде сухопутные войска компаний предназначались лишь для защиты их анклавов, то теперь — для нападения на анклавы противника, что и потребовало существенного увеличения армии. Поскольку конфликт двух компаний был составной частью конфликта двух государств, первые получили существенную военную и юридическую (расширение административных полномочий) поддержку вторых.

Сначала инициативу захватили французы. Генерал-губернатор Пондишери Ж.Ф. Дюплекс (1741–54) первым набрал крупную армию и в 1746 г. двинул её на Мадрас. При поддержке французской эскадры центр британского президентства был взят.

Создание французами армии и полученный ими серьёзный результат резко изменили расстановку сил в Карнатике. Боевые действия на собственной территории наваб Анвар-уд-дин (1744–49) не без основания расценил как самоуправство и решил навести порядок. Пятитысячное войско сына наваба — Махфуз-хана подступило к оккупированному французами Мадрасу, но было отогнано пушечным огнём, после чего под Сан-Томе на удивление легко было обращено в бегство мушкетными залпами французского отряда всего в 500 человек (из них 300 сипаев)¹. Эта победа впервые продемонстри-

¹ В предварительной стычке существенную роль тоже сыграла артиллерия. Скорострельность европейской полевой артиллерии в XVIII в. равнялась 15 выстрелам в минуту, в то время как в индийских армиях (до заимствования новейших европейских до-

ровала и индийцам и самим европейцам многократное превосходство европейской дисциплины и вооружения. Именно с неё начался коренной перелом в характере отношений европейских компаний с индийскими политиями: первые почувствовали свою военную силу, а вторые — слабость. Выйти из-за стен своих фортов, где они укрывались от индийских властей, европейцев заставила война друг с другом — и неожиданно оказалось, что укрываться теперь надо скорее властям: европейцы — не только хозяева своих городов, но и непобедимая сила на поле боя.

Несмотря на взятие Мадраса, первая англо-французская война в Карнатике (и война за австрийское наследство, в русле которой она велась) завершилась в 1748 г. по сути вничью. Однако начало серьёзной борьбе было положено, и уже в 1749 г. в Индии вспыхнула новая война между компаниями, несмотря на мир в Европе (который, впрочем, был лишь передышкой). На этот раз стороны действовали изошённое: они вмешались в борьбу за власть в Карнатике и Хайдарабаде, вступив с этими патримониями в совершенно новые по характеру отношения — субсидиарные. Сутью их было предоставление компаниями военного отряда правителю, который оплачивал его услуги деньгами, но чаще выделял на его содержание определённые территории своего княжества.

Вопреки устоявшемуся в литературе мнению, субсидиарные отношения не были в Индии нововведением европейцев. Как отметил С. Гордон, такая практика была характерной чертой отношений в сфере власти в постмогольской Индии. Когда империя оказалась больше не в состоянии обеспечивать военной силой порядок престолонаследия в княжествах-данниках, в них участились конфликты и претенденты на власть стали нанимать войска извне (например, маратхские), часто выделяя на их содержание территории [Gordon, 1998, p. 137–138]. Однако корни этой практики лежат глубже: ведь по сути субсидиарная территория — это вариант джагира, или *икта*. Именно так хронист Гулам Хусейн назвал первое субсидиарное пожалование европейцам (французам) низама Хайдарабада — область Северные Саркары (1753 г.) [Ghulam Husain, 1898, p. 397]¹. Применение здесь термина *икта* неудивительно: пожалование такого типа было характернейшей чертой военно-административной практики всех исламских империй, модель которым задали ещё Аббасиды (750–1258).

стижений с 1760-х годов) отличным показателем считался 1 выстрел в 15 мин. Конница Махфуз-хана была ошеломлена быстрой стрельбой всего 2 французских пушек и в панике бежала, бросив обоз [Ramaswami, 1984, p. 86].

¹ Ещё для обозначения субсидиарной территории для оплаты европейских войск использовался персидский термин «джайдад» (так будет в Пуне [ERMH, X, p. 29, 32], Вадодаре [Collection, 1812, p. 566], а также в Авадхе, Хайдарабаде) — тот же джагир, только если первый термин переводится как «место + бери», то второй — «место + дал».

Таким образом, ко времени англо-французских войн в Индии уже существовал рынок субсидиарных отрядов. Выковав в войне друг с другом боеспособные армии, европейцы сразу встретили немалый спрос на их услуги у индийских князей. Правда, при субсидиарной практике существовал риск установления «работником» военного контроля над «работодателем». В случае с европейцами так оно и вышло. При этом европейцы постепенно установили субсидиарные отношения с несколькими политиями, что позволяет говорить о складывании в Индии субсидиарной **системы**.

Сначала эта система была французской. В 1749 г. двухтысячный франко-сипайский отряд разгромил при Амбуре двадцатитысячное войско самого наваба Анвар-уд-дина. Воспользовавшись борьбой между навабскими династиями Навайттов и Валаджахов в Карнатике и внутри низамской династии Асафийя в Хайдарабаде, французы посадили на оба *маснада* своих ставленников. В результате КИ взяла эти княжества под военный контроль: в ключевых крепостях разместились её сипайские гарнизоны. Однако в Карнатике британцы позднее одержали верх. По мирному договору между компаниями в 1754 г. навабом здесь был признан британский ставленник Мухаммад Али Валаджах I (1754–99), получивший прозвище «наваба Компании».

Таким образом, всего за пять лет в корне изменился характер отношений европейских компаний с индийскими правителями. Обнаружив колоссальное преимущество в военной сфере, европейцы из просителей торговых льгот превратились в *king-makers*. Инициативу в этом опять проявили французы, и неслучайно. В отличие от ОИК, КИ, будучи полугосударственным предприятием, постоянно нуждалась в средствах. Увидев военное превосходство французов над индийцами, Дюплекс решил извлечь из него прибыль для финансирования войны с серьёзным, европейским, соперником. Кстати, начав воевать в Карнатике, европейцы сломали механизм завоевания/подчинения Индии внешними силами: до XVIII в. включительно все вторжения сюда (ариев, греков, шаков, арабов, тюрков, персов, афганцев) были сухопутными, происходили с северо-запада. Французы и британцы впервые в истории Индии осуществили успешное вторжение с моря, причём с прямо противоположной стороны — юго-востока.

Семилетняя война в Индию пришла в 1758 г. Однако исход третьей карнатикской войны (1758–61) был решён ещё до её начала. Передышка на юге позволила британцам уделить внимание богатейшей области субконтинента — Бенгалии. В 1757 г. ОИК вступила там на путь превращения в политику (см. III.1.2). Используя бенгальские ресурсы, британцы сумели одержать верх в решающей войне за Южную Индию. В 1759 г. полковник сэр Эйр Кут разгромил французов при Вандиваше, а в 1760 г. пал Пондишери — центр Французской Индии. По сути завершилось то, что можно назвать англо-французским раундом войны за могольское наследство: впредь серьёзной

угрозы в Индии французы для британцев не представляли. Вскоре Франция потерпела полное поражение в мировой Семилетней войне в целом благодаря превосходству военно-морского флота Великобритании и её налоговой и кредитной систем (и вне Индии немалый вклад в победу внесла ОИК — путём военных займов правительству).

После поражения французов весь Карнатик стал в военном отношении подконтрольным британцам: наваб Мухаммад Али был посажен на маснад с помощью их штыков и в стране разместились войска ОИК. Благодаря этому ОИК оказалась в состоянии выдвигать навабу различные требования не только коммерческого характера и добиваться их удовлетворения, причём могла угрожать как использованием военной силы против него, так и прекращением поддержки, основой которой была та же военная сила.

Ещё в 1748 г. Мухаммад Али освободил ОИК от наложенного ещё Голкондой обязательства платить ренту с Мадраса. В 1763 г., «угитывая огромные заслуги» перед ним ОИК, он пожаловал ей в джагир крупную область вокруг Мадраса — саркар Ченгалапатту [Collection, 1812, p. 348–349]. Тем самым ОИК обрела функцию могольского джагирдара, правда, от классического джагирдара она отличалась тем, что, ввиду безусловности пожалования, не была обязана содержать для шаха военный отряд, а присваивала налоги без остатка¹. Доход мадрасского джагира составил 400 тыс. пагод [Sheik Ali, 1963, p. 3]. Таким образом, у ОИК появился официальный внекоммерческий источник доходов, из которого она могла черпать средства на любые нужды — как торговые, так и военно-административные. При этом британский джагир по сути выпал из навабства, был для него безвозвратно утерян (так будет и со всеми последующими пожалованиями индийских правителей британцам).

¹ Уместно подчеркнуть, что ОИК стала (формально) именно чиновником тимуридского шаха, а не его феодальным вассалом, как нередко называют джагирдаров зарубежные и отечественные индологи. На самом деле Моголы жаловали представителям знати не землю, а право сбора налогов с неё, — с удержанием части налогов для себя. Эта ситуация делает могольские пожалования похожими на древнерусские кормления, а, как убедительно показал крупнейший специалист по истории Киевской Руси И.Я. Фроянов, кормление не имело отношения не только к феодальному вассалитету, но и вообще к частно-правовым формам. И.Я. Фроянов называет его публично-правовым, служебным отношением [Фроянов, 1980, с. 63, 145]. (Аналогичной точки зрения придерживались и многие видные дореволюционные русские историки — А.Е. Пресняков, В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский.) Правда, необходимо отметить, что И.Я. Фроянов, к сожалению, употребил неточный термин. Дело в том, что разделение на публичную и частную сферы характерно для буржуазного общества, но не для докапиталистических. Тем не менее, несмотря на не совсем точное понятийное оформление мысли, И.Я. Фроянов верно уловил суть дела, подчёркивая не классовый, а административный, управленческий характер этого типа отношения. Кстати, К.А. Антонова называет крупные икта Делийского султана XIII–XV вв. именно кормлениями [Антонова, 1952, с. 68–69].

Ниже уровня наваба существовало немало разных владетелей, порой обладавших высокой степенью автономии от него. Однако их территории оставались в постмогольском властном пространстве и просто переходили из рук в руки к наиболее сильным на определённый момент представителям знати. ОИК же была принципиально иной, чем они, силой — и количественно (обладая огромным военным перевесом над всеми остальными центрами силы, включая наваба), и качественно (будучи корпорацией иностранного происхождения, не теряющей иностранной же лояльности). Это определило её железную хватку на территориях, которые ей удавалось поставить под контроль.

Полноценной политией ОИК впервые стала не в Карнатике, а в Бенгалии (см. III.1.2), но начался процесс её трансформации из купца в державу-купца именно здесь. Для этого имелись как властная, так и экономическая причины. Властная заключалась в слабости навабского режима Карнатика по сравнению с режимом Бенгалии, где ещё в 1745 г. навабу хватило сил (путём блокады факторий) заставить британцев вернуть французам захваченный у них корабль [Chaudhuri, 1978, p. 129]. Экономическая причина состояла в том, что в Карнатике не было сопоставимого с бенгальскими Джагат Сетхами торгового дома, способного противодействовать британскому экономическому проникновению путём использования как собственного, так и административного ресурса (о многом говорит, например, существование в Мадрасе, в отличие от Калькутты, монетного двора ОИК).

Однако для превращения в серьёзную сухопутную военную силу европейцам было достаточно какой-то одной области — главное было начать. Набрал военный вес в Карнатике, британцы смогли бросить его на чашу весов в Бенгалии, после чего этот вес стал расти как снежный ком.

Беспрецедентная военная поддержка, оказанная ОИК государством в ходе войн с французами, принесла ей, наконец, и разрешение проблемы Ангре. Приступив к серьёзному укреплению своих военных позиций в Индии в целом, британцы не могли обойти вниманием единственного местного конкурента в военно-морской сфере, победить которого в одиночку ОИК оказалась не в состоянии. В 1755 г. королевская эскадра адмирала Ч. Уотсона сожгла флот Ангре, после чего британцы захватили его крепости, причём на суше им оказал помощь пешва. Если Канходжи в войне с ОИК ещё пользовался военной поддержкой пешвы, то Туладжи Ангре (1748–55) открыто игнорировал его власть и грабил его суда, чем толкнул Пуну на союз с Бомбеем. После разгрома Ангре ОИК получила от пешвы одну из его крепостей — Банкот, где возвела форт Виктория — первый форт на материковой части Западной Индии (см.: [Desai, 1970, p. 134–153])¹. Военный союз с пеш-

¹ Правда, занявшие на Конкане место Ангре чиновники пешвы стали пиратствовать по его примеру, и окончательно ликвидировать этот источник беспокойства ОИК удастся лишь в 1818 г., с завоеванием владений пешвы [Gazetteer of Bombay Pr-cy, XI, p. 154].

вой и уступка им крепости демонстрируют, что даже в Бомбейском президентстве (наиболее слабом в военном отношении) выход ОИК за пределы торговой деятельности был уже явным.

Так процесс превращения ОИК в державу дал о себе знать в Западной Индии. Как и в Карнатике (где находился в это время его центр тяжести), начав, ОИК уже не останавливалась. Ликвидация Ангре поставила на повестку дня следующую задачу — господство над всей протяжённостью морских путей вдоль Конкана. Это предполагало установление военного контроля британцев над Суратом, о чём попросили их сами купцы города, жалуясь на маратхскую угрозу и поборы властей. Военной властью в Сурате обладали сиди, которые продолжали занимать ставшие их семейным достоянием могольские должности *киледара* и *дароги*. Поскольку хозяином Гуджарата в целом теперь были маратхи, ОИК пришлось сперва обеспечить их нейтралитет: она не только завершила пешву и Гаиквара, что выплата чаутха от переворота не пострадает, но и обещала первому треть *танха*. В 1759 г. капитан Дж. Спенсер выбил сиди Ахмада из Сурата [Gazetteer of Bombay Pr-су, XI, р. 443–447]. Уладив дела с фактическими хозяевами территории, Компания не забыла и о юридическом. Как и в Карнатике, она поспешила легитимизировать свою власть принятием могольских должностей, для чего обратилась непосредственно в Дели. Шаху ничего не оставалось, как признать изменение в расстановке сил в Сурате и назначить ОИК его новым киледаром и дарогой; вазир же назначил мутасадди угодного британцам Саида Муин-уд-дин-хана, предписав ему платить им 2 лакха в год в счёт танха [Collection, 1812, р. 500–502]. Так устранение Ангре привело к окончательному устранению их заклятых врагов, и ОИК стала фактическим правителем города, куда 150 лет до этого её служащие прибыли в качестве просителей торговых льгот. Правда, в отличие от Карнатика, Сурат был мелким княжеством, над которым нависала сильнейшая в Индии держава маратхов. Для ОИК он стал только аванпостом.

В середине XVIII в. произошёл коренной перелом в характере отношений ОИК с политиями Индии. Импульс пришёл извне: мировая война Великобритании с Францией полностью развязала руки ОИК и КИ, решивших вывести друг друга из торговой конкуренции силовым путём. Начатая ими в 1746 г. война в Карнатике была открытым вызовом режиму наваба. Его неудачная попытка прекратить силой эти военные действия не только дала европейцам свободу рук в отношении друг друга, но и спровоцировала их вступление в сферу власти. Обнаружившееся многократное качественное превосходство армий компаний над индийскими заставило правителей Карнатика и Хайдарабада искать военного союза с европейцами в ходе борьбы за маснады. Целью компаний при этом было исключить влияние друг друга в этих

княжествах и переложить на князей расходы на содержание части своих войск. Последние отправлялись в княжества в качестве субсидиарных отрядов: на их оплату правители в соответствии с многовековой практикой исламских империй выделяли территории в держание типа икта. При этом наличие у компаний единственных эффективных армий в регионе поставило князей — их субсидиарных клиентов — в фактическую зависимость от них.

В ходе пятнадцатилетней войны между компаниями верх одержали британцы. К 1760-м годам они поставили Карнатик под свой полный военный контроль, а навабом оказался их ставленник. Это означало серьёзные изменения в характере отношений ОИК с данной политией: Компания стала не только держать здесь крупную сухопутную армию, но и осуществлять сбор налогов — пусть пока и косвенно, в форме субсидии. Так были заложены основы превращения ОИК в индийскую державу и подготовлен уже полноценный прорыв Компании во власть. Однако впервые он произошёл в другой стране Индии — Бенгалии.

III.1.2. Бенгалия, 1757–72: становление Компании как политики

Истоки конфликта ОИК с навабом Бенгалии возникли задолго до того, как на маснад сел Сирадж-уд-даула (1756–57) (см. II.2.2). Однако до 1750-х годов британцы были не в состоянии изменить ситуацию и мирились и с тем, что наваб не соблюдает фирмана, и с тем, что он довольно успешно пресекает их попытки злоупотреблять дастаком. У Аливарди-хана (1740–56) ещё доставало сил держать европейцев в узде. Наваб запрещал им увеличивать укрепления, играл на их противоречиях, а с началом англо-французской войны в Карнатике запретил им воевать в Бенгалии и строго следил за соблюдением своего приказа. Аливарди понял: если дать событиям развернуться по «карнатикскому сценарию», *«носящие шляпы¹ будут владеть всем побережьем Индии»* [Gupta, 1962, p. 44]. Однако дело шло именно к этому.

В первой половине 1750-х годов в Бенгалии произошло существенное ослабление навабской власти. К 1742 г. маратхи дошли до Ориссы и начали совершать ежегодные разорительные набеги на владения Аливарди. Для их отражения навабу пришлось резко повысить финансовые требования к заминдарам и купцам, включая европейцев, прибегнув к настоящему «фискальному терроризму», что серьёзно ослабило режим [Marshall, 1987, p. 72]². Помимо прочего, это вызвало активизацию борьбы за власть в среде мусуль-

¹ *Hatmen*; в персидском оригинале, по-видимому, *kulāh-pushān* — широко распространённое тогда в Индии название европейцев.

² Ориссу всё равно пришлось отдать маратхам в 1751 г.

манской знати. Став навабом, внучатый племянник Аливарди — Сирадж-уд-даула решил навести в стране порядок: придавить знать и урезать растущую мощь британцев (как наиболее сильных европейцев в Бенгалии). Однако он рассчитал свои силы только в краткосрочной перспективе и по сути предоставил ОИК случай, благодаря которому в конечном счёте возник британский *Радж*.

Сирадж потребовал от британцев скрыть новые укрепления Калькутты, перестать злоупотреблять дастакон и выдать бежавшего к ним Кришну Даса, сторонника враждебной навабу придворной группировки. Однако калькуттский совет во главе с губернатором Роджером Дрейком повёл себя высокомерно и самоуверенно¹. Следует подчеркнуть, что на конфронтацию пошли именно британцы: не желая уступать навабу, они всецело рассчитывали на неприступность форта Уильям.

За свою историю британские форты в Индии неоднократно подвергались блокаде, но всякий раз власти удовлетворялись выкупом, не желая рисковать большими потерями при штурме. Ситуация в Бенгалии 1756 г. отличается от всех предыдущих конфликтов тем, что на карту обе стороны поставили слишком многое: наваб — целостность и престиж своей власти, британцы — свою самостоятельность. Со времени англо-могольской войны конфликт ОИК с индийской державой ни разу не заходил так далеко. Поэтому подступивший к городу с 20–50 тыс. войска Сирадж был намерен довести дело до конца. Когда это стало ясно, большинство британцев во главе с губернатором в панике бросились к кораблям и бежали вниз по реке в Пхальту. В результате захвата Калькутты Компания понесла убыток в 2 *крора* рупий [London Chronicle, 1757, № 69, p. 546].

Сирадж не ставил целью полное изгнание британцев, имевших столь большой вес в экономике его страны. Взяв Калькутту (и переименовав её в Алинагар), он послал мадрасскому губернатору Дж. Пиготу (1755–63) специальное письмо, где объяснил, что не собирается мешать ОИК торговать, а отобрал у неё город из-за самоуправства Дрэйка [Gopal, 1963, p. 99]. Наваб стремился лишь свести британцев к положению простых купцов, которыми они начинали в Бенгалии, т.е. вернуть их «в начало игры», на старт, этим стартом и ограничив. Опасаясь повторения в своей стране «карнатикского сценария», Сирадж решил преподать ОИК урок. Взяв Калькутту, он посчитал, что упредил британцев в их возможных замыслах захвата власти в Бенгалии. На самом деле он спровоцировал их на такой захват.

¹ В частности, гонца наваба, который прибыл в Калькутту под видом бродячего торговца, чтобы сначала разведать обстановку в городе, британцы просто выгнали взащей, обвинив его в проникновении в город подобно вору и шпиону [Gupta, 1962, p. 50]. Это показывает: ОИК, владевшая Калькуттой на правах заминдара, по сути стала воспринимать себя в качестве её независимого правителя.

Как и в 1690 г., британцы вполне могли вернуться в Бенгалию и продолжить торговлю, хотя им и пришлось бы довольствоваться ролью слабо защищённых купцов. В отличие от 1690 г., идти на это они не собирались. На юге у ОИК уже имелась крупная армия, созданная только что в ходе войны с французами. Британцы вернулись — но не с целью принять условия наваба, а с целью навязать ему свои. В Мадрасе и Пхальте выбрали силовой вариант решения бенгальской проблемы¹. Действительно, восстановить прежнее привилегированное положение ОИК могла уже только мечом. Этот меч она недавно выковала и уже не просто крепко держала в руке, а успела пустить в ход и убедиться в блестящем результате. Более того, в Бенгалии у Компании оказалось немало союзников.

Всего за полгода правления Сирадж умудрился восстановить против себя многие влиятельные силы. Новый наваб заменил служивших Аливарди чиновников и военачальников своими ставленниками. Обделённые представители знати стали поощрять недовольство навабом ряда заминдаров. Эффективность администрации наваба зависела от его отношений с 15 крупнейшими заминдарами, платившими вместе 60% налогов и являвшимися по сути автономными правителями своих территорий. Потеря их доверия делала режим чрезвычайно уязвимым. В довершение всего Сирадж оттолкнул от себя Джагат Сетха оскорбительным обращением и вымогательством 3 кроров на войну со своим двоюродным братом, выдвинувшим претензии на маснад [Marshall, 1987, p. 56, 75–76]. В октябре 1756 г. Сирадж разбил этого соперника, но против него зрел заговор намного серьёзнее. Этот заговор и возглавил Джагат Сетх, а в качестве ударной силы он собрался использовать именно английскую ОИК.

Вообще вооружённый конфликт ОИК с Сираджем ударил по значительной части бенгальского купечества. Местные купцы тесно сотрудничали с европейцами, выступая их кредиторами и торговыми партнёрами, пользуясь (нелегально) их дастаком, используя их суда для транспортировки своих товаров. Сам Джагат Сетх, хотя и занимал «командные высоты» в финансовой жизни страны, зависел от импорта британского серебра. Многие купцы просто предпочитали жить в Калькутте: экстерриториальный анклав привлекал

¹ Усугубило кризис отсутствие индийского посредничества. «Фискальный терроризм» Аливарди расстроил дела многих бенгальских купцов, выступавших в роли агентов ОИК, и с 1753 г. она стала иметь дело с производителями через собственных *гумашт*. Если ранее купцы обычно выступали посредниками в случае конфликта британцев с властями, то некоторое ослабление связей британцев с купцами после 1753 г. привело к тому, что в 1756–57 гг. посредничать оказалось некому [Marshall, 1987, p. 73].

Кстати, самим фактом нападения и штурма форта Уильям Сирадж по сути поставил ОИК в равное положение с собой, по сути признал за ней статус политики и тем самым подтолкнул англичан к адекватному поведению — вооружённому отпору.

их совершенно иным отношением его хозяев к собственности — пониманием её как частной, ограждённой от посягательств власти. Поэтому, когда наваб разграбил Калькутту, тем, кто радовались их наказанию, противостояли те, кто увидел в этом угрозу динамичному сектору экономики страны [Marshall, 1987, p. 67].

Третьей слагающей британского успеха в Бенгалии стала нависшая над ней угроза афганского вторжения: в 1756 г. в Индии в четвёртый раз появился Абдали, причём теперь возникли опасения, что он двинется через Авадх к Бихару [Gupta, 1962, p. 102]. Так Сирадж оказался меж трёх огней — двух явных (британцы и афганцы) и одного тайного (заговорщики), не считая потенциальной угрозы со стороны французов: ведь их цели в отношении Бенгалии в общем совпадали с британскими — были бы силы¹.

В результате Сирадж переоценил традиционную угрозу — вторжение из Афганистана по обычному пути проникновения в Индию всех завоевателей — и недооценил нетрадиционную — возможность европейской купеческой корпорации отнять у него власть. В январе 1757 г. прибывшие из Мадраса силы ОИК под командованием подполковника Роберта Клайва и королевская эскадра адмирала Чарлза Уотсона без труда отбили Калькутту и разграбили Хугли. Британцы объявили навабу *«открытую войну»*, ввиду многих актов *«враждебности и насилия с его стороны, до тех пор пока Ост-Индская Компания... не получит достаточного возмещения за весь ущерб и потери»* [Gupta, 1962, p. 92–94]. Учитывая афганскую угрозу, Сирадж быстро пошёл на мировую. По заключённому с ОИК в феврале 1757 г. договору наваб принял почти все её требования: подтвердил её право на 38 деревень и на дастак, вернул захваченные фактории, разрешил укрепить Калькутту и чеканить там монету без батта [Aitchison, 1909, p. 181–182]. Наваб даже уплатил Компании 300 тыс. рупий за понесённые убытки, правда, частным образом [Gupta, 1962, p. 100].

Заклучив с Клайвом мир, Сирадж попытался превратить его из врага в союзника: наваб срочно просил у него военной помощи против возможного вторжения афганцев. Если сначала наваб намеревался играть на противоречиях британцев с французами, здесь ему пришлось выбирать. Поскольку именно британцы перебросили в Бенгалию с юга крупную армию, это определило выбор наваба. Обращение наваба за помощью британцы расценили как разрешение напасть на Шандернагор и, не теряя времени, взяли его. Падение Шандернагора подорвало позиции КИ на всём Востоке, так как

¹ Ещё в 1751 г. Дюплекс планировал броском войск из Аурангабада в Бенгалию поставить и эту субу под контроль, сделав её формальным правителем своего марионеточного низама Салабат Джанга. Внимание французов отвлекли тогда напавшие маратхи [Martineau, 1929, p. 135].

именно бенгальская торговля давала ей ресурсы для содержания баз в Пондшери и на Иль-де-Франс [Keay, 1991, p. 314–315].

Для наваба нейтрализация Клайвом французов означала исчезновение союзника против возможной агрессии одной из европейских компаний. Оставшись с британцами один на один, Сирадж попытался восстановить баланс, вступив в переписку с контролировавшим Декан французским полковником Ш.Ж. Бюсси [Prasad, 1973, p. 92]. Так наваб сам увязал в глазах британцев проблему полного исключения французского присутствия с проблемой собственного свержения. В Калькутте поняли: пока Сирадж остаётся навабом, сохраняется возможность возвращения французов; вывод: необходимо убрать Сираджа. Поэтому в апреле 1757 г. британцы решили организовать в Муршидабаде дворцовый переворот — и сразу встретили понимание при дворе.

Когда ОИК и Джагат Сетх сошлись на приемлемой фигуре — *бахши* Мир Джафаре, британцы тайно заключили с последним чрезвычайно выгодный для них договор, содержание которого свидетельствует: ОИК перестала быть преимущественно торговой корпорацией. Это был договор уже скорее между двумя политиями, чем между политией и объединением купцов. Претендент обязался после вступления на маснад вступить с ОИК в военный союз (выдав всех французов и запретив им селиться в Бенгалии), выплатить ей ещё 100 лакхов рупий, даровать ей в заминдари 24 парганы южнее Калькутты и не возводить укреплений ниже г. Хугли [Speeches and Documents, 1922, p. 10–11].

В июне 1757 г. Клайв обвинил Сираджа в невыполнении им договора и двинулся на Муршидабад. В состоявшемся 23 июня сражении при Палаши наваб был разбит, причём в сражении участвовали только 12 тыс. его воинов ($\frac{1}{4}$ войска) — против 3200 британцев и сипаев. Остальные $\frac{3}{4}$ армии наваба оставались безучастными наблюдателями: ими командовали сам Мир Джафар и другие военачальники-заговорщики. Победе британцев способствовало и то, что лучшие войска Сираджа стояли в это время на западной границе Бихара, прикрывая его от возможного нападения Абдали. Сирадж бежал и вскоре был убит [Gupta, 1962, p. 121–124]. Пророческими оказались слова его двоюродного деда: европейцы подобны пчёлам, *«от мёда которых ты можешь полугить пользу, но если потревожишь их рой, они зажалют тебя до смерти»* [Gupta, 1962, p. 45]¹. Если Аливарди, который уже застал трансформацию европейских компаний в державы (пока только в далёком Карнатике), ещё удавалось сдерживать их в собственной стране, то Сирадж потерпел полную неудачу.

¹ Любопытно, что схожее сравнение (ОИК с осиным гнездом) делает в 1784 г. вождь рохиллов Забита-хан, контролирующий область северо-восточнее Дели [PRMN, 1953, p. 143].

Военное превосходство британцев, безусловно, сыграло важную роль в их победе, но определили её деньги, причём индийские же. Накануне Палаши практически весь двор наваба был подкуплен бенгальскими купцами (во главе с Джагат Сетхом) [Gopal, 1963, p. 190]. Поэтому, как подчёркивают все исследователи, исход сражения решил заговор, а не оружие. «При поверхностном взгляде Палаши гарантировала успех заговора; в реальности именно заговор гарантировал успех Палаши. Ритуал битвы просто узаконил переход власти» [Keay, 1991, p. 319].

После победы над Сираджем Мир Джафар был провозглашён навабом, причём сделал это Клайв, что отразило смещение баланса сил в Бенгалии. Джагат Сетх позаботился о легитимации власти их общего ставленника: используя своё огромное влияние в столице, банкир добился у Аламгира II *санада* для Мир Джафара на навабство, а также признания шахом сделанных навабом пожалований Компании [Speeches and Documents, 1922, p. 10]. Клайв заверял нового наваба, что ОИК не собирается вмешиваться в управление и её забота в Бенгалии — лишь торговля, её *«надлежащая область деятельности и единственная цель»* [Indian Const. Documents, 1948, p. 2]. Клайв не лицемерил, но процесс превращения ОИК в суверена Бенгалии уже был запущен, какие бы скромные цели ни ставили сразу после Палаши сами британцы.

Не только директора ОИК, но и участники переворота поначалу не поняли, что при Палаши был заложен фундамент британского Раджа. Намерением руководившего Калькуттой Избранного комитета (во главе с Клайвом) в июле 1757 г. была лишь замена одного наваба другим, чтобы *«полугнуть для Компании более благоприятные условия (для торговли. — К.Ф.), а также жить, не подвергаясь угрозам со стороны правительства страны»* [Muir, 1969, p. 48]. Таким образом, цель Клайва практически не отличалась от цели Чайлда в 1686 г. Однако, став ударной силой переворота, ОИК объективно не могла больше держаться в Бенгалии в стороне от отношений в сфере власти. Сама логика событий продиктовала британцам дальнейшее вмешательство в дела навабства. В Калькутте понимали: получив торговые привилегии силовым путём, только тем же путём Компания может сохранять их, а значит, оставлять приобретённых позиций военной силы, тесно вовлечённой во властные отношения, нельзя. Не случайно губернатор Дрэйк и его советники настоятельно просили директоров держать в Бенгалии *«крупный контингент войск»* для обеспечения полученных после переворота привилегий [Muir, 1969, p. 52].

Обладая единственной боеспособной армией в стране, британцы оказались в состоянии начать процесс постепенного подчинения наваба своей воле. Под предлогом подготовки к отправлению в Патну (для защиты от возможного вторжения наваба Авадха) Клайв расположил свою армию лагерем

под Муршидабадом, причём содержало её правительство наваба. Так Клайв не только не дал Мир Джафару укрепнуть в качестве наваба, но и вообще отодвинул его на второй план. Для земельной знати и военачальников настоящим навабом стал Клайв, у которого они и искали покровительства [Gopal, 1963, p. 229–230].

Таким образом, переворот Палаши в действительности оказался революцией: власть навабов стала переходить в руки европейской торговой корпорации. К 1757 г. ОИК недоставало в Бенгалии только реальной власти, соразмерной её экономическому влиянию и военной мощи. Поэтому, когда заговорщики решили использовать её в своих интересах, Компания оказалась способна взять в руки намного больше власти, чем они рассчитывали. Оказалось, что сохранение власти наваба, которое ещё при Палаши было целью британцев, мешает им воспользоваться массой возможностей, которые они теперь чётко увидели [Marshall, 1987, p. 80, 92]¹. Так спустя ровно столетие после хартии Кромвеля в истории ОИК произошёл новый положительный для неё сдвиг.

Открывшиеся перед британцами возможности сводились в конечном счёте к доступу к казне Бенгалии. ОИК получила источник доходов, который и качественно и количественно резко отличался от всех прежних. Во-первых, она стала черпать суммы непосредственно из налоговых поступлений страны, причём не только в виде единовременных, но и в виде регулярных выплат². Уже с 1758 г. британцы обязали продолжавшего нуждаться в их военной поддержке Мир Джафара платить им 1,1 лакха рупий в месяц [Marshall, 1987, p. 83], т.е. по сути вступили с ним в субсидиарные отношения. Если раньше ОИК приходилось оплачивать свои военные расходы из торговых прибылей, теперь это делали за неё индийские налогоплательщики, причём Компания могла по мере надобности переливать средства из военной сферы в торговую. Британцы увидели, насколько ценен этот новый, внекоммерческий, источник средств: выкачиваемые из Бенгалии ресурсы можно было направлять и на оплату растущей армии, и на укрепление Калькутты, и на финансирование военных действий против французов на юге (что стало, пожалуй, решающим фактором победы британцев), и на достижение главной

¹ Ещё в 1746 г. английский полковник Дж. Милл, прослуживший 20 лет в Индии, представил императору Священной Римской империи план завоевания Бенгалии, что, по его мнению, сделать было несложно из-за политической нестабильности и беззащитности с моря [Lyall, 1973, p. 126–127]. Габсбургам, конечно, было не до военно-морских экспедиций, но показательно, что в Европе за 11 лет до Палаши родилась идея захвата власти над целой областью материковой Индии.

² Крупные суммы получала не только сама ОИК, но и её служащие как частные лица — в виде подарков от наваба и знати. За 1757–72 гг. общая стоимость этих подарков составила около £ 2,5 млн [Marshall, 1976, p. 179].

цели ОИК — максимизации торговой прибыли. Обретение **внекоммерческо-**го источника доходов позволило ОИК резко сократить после Палаши импорт драгоценных металлов в Бенгалию: на покупку товаров страны Компании стала тратить её же деньги. Если в 1729–58 гг. ОИК ввозила на Восток драгоценных металлов на сумму в среднем £ 611 тыс. в год, то в 1759 г. их импорт упал до £ 173 тыс., а в следующем году — до £ 143 тыс. [Chaudhuri, 1978, table C.4, p. 512].

Вторым (**полукоммерческим**) способом обогащения британцев за счёт казны стало широкое злоупотребление Компанией и её служащих (включая руководство президентства) дастаком и неприкрытое принуждение ими купцов и производителей: тех заставляли продавать товары по цене ниже рыночной. Каждый британский клерк чувствовал себя представителем власти. Сомневавшихся в законности дастака бенгальских чиновников тут же хватали сипаи и сажали в тюрьму [Антонова, 1958, с. 92]¹. К началу 1760-х годов ОИК открыла по всей стране 400–500 факторий, нанося казне ежегодный убыток в 25 лакхов. Гумашты Компании заставляли купцов покупать товары по цене на 30–50% выше рыночной [Sinha N., 1956, p. 11].

Опираясь на своё военное превосходство, ОИК налагала на наваба все новые финансовые обязательства (в нарушение договора), и его долг постоянно рос (тогда как на нужды управления и содержание собственной армии наваба средств не хватало) [Gopal, 1963, p. 236–237]. Очень скоро доходы от переданных в 1757 г. 24 парган (с годовым доходом всего в 3 лакха) и монополии на бихарскую селитру перестали удовлетворять растущие нужды Компании, и она потребовала новых территорий. Поскольку Мир Джафар не был готов уступать дальше, британцы произвели новый переворот — уже самостоятельно (без поддержки купцов и знати, которые, впрочем, не возражали)². Компания посадила на маснад — Компания и согнала с него. Сменивший Мир Джафара его зять Мир Касим (1760–64) передал ОИК на откуп наиболее доходные *таклы* — Бардхван, Миднапур и Читтагонг (приносившие 50 лакхов в год) и погасил весь долг перед нею [Gopal, 1963, p. 254; Muir, 1969, p. 74]. Так британцы постепенно приумножали собственные территории за счёт навабских.

Однако нельзя забывать, что безраздельным хозяином Бенгалии ОИК в 1757–65 гг. ещё не была. Период перехода от навабской Бенгалии к британской растянулся на 15 лет и в целом завершился к 1772 г. (см. ниже). Вплоть

¹ ОИК забрала такую власть, что переодевание в её сипаев с целью взимания пошлин стало новым прибыльным делом для обыкновенных бандитов [Penhoen, 1841, II, p. 341].

² Тем не менее, как и в 1757 г., британцы вновь выбрали подходящий момент: смещение Мир Джафара совпало по времени с крупнейшим вторжением в Индию Абдали (приведшим к разгрому маратхов) [Srivastava, 1945, p. 396].

до 1765 г. Компания утверждала свою политическую власть в стране и лишь на втором отрезке периода (1765–72) — чисто административную. До 1765 г. в Бенгалии параллельно с Компанией существовал другой центр силы — Джагат Сетх, равный ей партнёр по заговору против Сираджа. О степени его могущества (и ограниченности возможностей Компании) можно судить хотя бы по тому, что и после победы при Палаши британцам не удалось добиться права на принятие их серебра монетными дворами наваба для чеканки рупий [Sinha N., 1956, p. 121].

В ходе утверждения политической власти Компании были испытаны некоторые из рычагов, которые впоследствии по мере своей экспансии она будет применять в других княжествах (см. IV.1). Главным рычагом было военное преобладание ОИК, позволившее ей по сути уже с 1757 г. начать превращение Бенгалии в субсидиарного клиента. Другим рычагом стало создание Компанией собственной клиентуры в аппарате наваба. Клайв не дал Мир Джафару сместить ряд неугодных ему высокопоставленных чиновников, а калькуттские губернаторы продолжили курс Клайва при Мир Касиме. Наиболее яркий пример британского вмешательства — поддержка *наиб-назима* Бихара Рам Нараяна в противовес навабу (см.: [Marshall, 1987, p. 81–82]).

Неудивительно, что навабы тяготились своими союзниками. Менее решительный Мир Джафар попытался ослабить британский контроль чужими руками. В 1759 г. по его тайному приглашению Батавия прислала флот из 7 судов, но полковник Форд разбил голландцев при Бадаре. Этой победой ОИК, во-первых, вновь продемонстрировала навабу свою силу, а во-вторых (как с удовольствием отметил Ч.Л. Рэйд), написала *finis* на голландской идее индийской империи [Reid, 1947, p. 82]¹.

Более способный и энергичный Мир Касим повёл себя по-иному. Придя к власти с помощью британцев и выполняя поначалу все их требования, он попытался повернуть вспять процесс превращения наваба в британскую марионетку. Для этого Мир Касим пожертвовал частью страны: по сути он отдал нижнюю Бенгалию Компании, но в верхней Бенгалии и Бихаре постарался свести её влияние на нет путём создания высокоцентрализованного княжества (со столицей в Монгхире). Постепенно навабу удалось сместить пробританских чиновников (включая Рам Нараяна, которого утопили), реорганизовать армию по европейскому образцу, подчинить бихарских круп-

¹ Британцы не преминули закрепить успех юридически, заставив наваба заключить выгодный — для них — договор с голландской ОИК: последняя обязалась держать в своих бенгальских факториях не более 125 солдат, срыть новые укрепления, не накапливать пушек и боеприпасов и не посылать больше одного судна по реке выше Пхальты без разрешения наваба (т.е. Калькутты) [Select Documents, 1958, p. 60–63]. Таким образом, британцы использовали контроль над навабом и для защиты своих интересов от европейских конкурентов.

ных заминдаров и даже посадить под арест Джагат Сетха [Marshall, 1987, p. 85–86]. Поскольку ОИК продолжала претендовать на ресурсы всей субы (причём её претензии постоянно росли), навабская «политика самоусиления» не могла не привести к решающему столкновению с ОИК. Сначала Мир Касим протестовал против требований Компании, потом стал юродствовать¹, и, наконец, потерял терпение. Столкновение произошло в 1763 г., когда Мир Касим отменил все внутренние торговые пошлины, лишив британцев их привилегированного положения по дастаку. В калькуттском совете возоблудала жёсткая линия, и началась война, в ходе которой британцы наголову разгромили Мир Касима и вытеснили его в Авадх, вернув на маснад Мир Джафара.

Если победа при Палаши только позволила ОИК внедриться во власть в Бенгалии, то кампания 1763–64 гг. принесла ей уже неоспоримое господство. Недовольные британским присутствием силы были устранены, и наваб попал под абсолютный контроль британцев. Одновременно был ослаблен другой конкурент Компании в борьбе за власть: после поражения Мир Касим (в отличие от Сираджа) не остановился перед физическим устранением Джагат Сетха — своего фактического пленника [Ghulam Husain, 1898, p. 385]. В ситуации открытого вооружённого конфликта банкир вновь поставил на ОИК, но на этот раз проиграл, причём объективно его убийство было на руку Компании.

Вскоре ОИК юридически закрепила превращение наваба в свою марионетку. По договорам с восстановленным Мир Джафаром она ограничила размер его армии 12 тыс. всадников и стольким же количеством пехоты [Collection, 1812, p. 33], а его выплаты на содержание собственной армии повысила до 5 лакхов в месяц. В феврале 1765 г. британцы заключили договор с преемником Мир Джафара — его сыном Наджмом-уд-даула (1765–70). По договору ОИК, во-первых, по сути отправила наваба на пенсию: Наджм согласился на «рекомендацию» Калькуттой её ставленника — Мухаммада Реза-хана — на пост наиб-назима субы, которому передал «главное управление всеми делами». Заняв этот пост, Реза-хан сразу попал под плотный британский контроль: для надзора за деятельностью наиб-назима в Муршидабаде был создан первый в Индии пост резидента — посланника-представителя ОИК при дворе индийского князя. Во-вторых, в ведение ОИК пол-

¹ Наваб писал в форт Уильям по поводу пошлин: «Вы... собираетесь давать мне что-то за табак... и разрешить мне взимать 2,5% за соль. Поэтому вы взваливаете на себя такие тяготы?». Поскольку британцы постоянно жаловались на его наместника в Дхаке, Мир Касим сообщил: «Я сместил его... вы можете выбрать, кого хотите, из европейцев, чтобы он взял на себя управление Дхакой». В 1763 г. наваб писал: «Я решил уступить вам по всем этим пунктам. Теперь я жду вашего ответа на вопрос: в безопасности ли моя жизнь? Или следует сделать что-то ещё?» [Gopal, 1963, p. 286].

ностью перешла оборона субы (в подчинении наиб-назима остались лишь незначительные силы для поддержания порядка и сбора налогов). В-третьих, ОИК установила контроль над налоговой сферой политики: назначение и смещение окружных мутасадди стало подлежать одобрению губернатора и совета Калькутты. Рупии калькуттской чеканки получили право свободно ходить по стране наравне с муршидабадскими (удар по Джагат Сетхам) [Collection, 1812, p. 40–42].

Так ОИК окончательно превратила власть наваба в пустой звук и фактически обеспечила себе право *дивани*, которое официально она получит от Могола в августе того же года. Британская коммерческая корпорация начала превращаться в индийскую территориальную державу. Если в Карнатике предметом ведения британцев оставалась только оборона, то в Бенгалии они пошли дальше¹.

Относительная лёгкость, с которой ОИК вошла в середине XVIII в. в сферу власти, объясняется не только напором самой Компании. Как отмечено выше, имелась существенная внутренняя предпосылка — набиравший силу с конца предыдущего столетия процесс коммерциализации власти. ОИК очень хорошо вписалась в этот процесс благодаря своей гибридной властно-торговой сущности, оказавшись лучше приспособленной к ситуации, чем сами индийские участники событий. Несмотря на конкуренцию со стороны ряда правителей (таких, как майсурские) и купцов (те же Джагат Сетхи), дальнейший ход событий покажет: объективно Компания стояла вне конкуренции. Никто из соперников ОИК не располагал одновременно мощной военной машиной и достаточными источниками финансирования, сочетающимися доходами от успешной торговли и весьма эффективной системы налогообложения.

¹ Существует точка зрения, согласно которой с этого же времени (с 1750-х годов) под воздействием успешных войн с Францией аналогичным образом начал меняться характер Британской империи в целом (имеются в виду американские колонии Великобритании) — её коммерческий характер стал уступать место политическому. Правда, сторонники этой точки зрения (Л.Г. Джипсон, Ч.М. Эндрюз) остаются в меньшинстве, большая часть историков настаивает на преемственности развития империи до и после Семилетней войны [Marshall, 1999, p. 49]. Тем не менее, привлекает внимание такой эпизод, приведённый немецким историком Л. Дехийо. В 1762 г. при обсуждении условий мирного договора в Великобритании высказывались мнения, что предпочтительнее забрать у французов не Канаду, а их ценные в коммерческом отношении вест-индские колонии. Однако возобладала точка зрения военного министра У. Питта-старшего, стоявшего за экспансию в Северной Америке. Вывод Л. Дехийо звучит достаточно убедительно: «Эта близорукая расчётливость потерпела поражение от мощной новой империалистической тенденции, одержавшей убедительную победу над идеей простой торговой и налоговой эксплуатации колоний. Возникло понятие мировой морской империи» [Dehio, 1962, p. 120].

Однако новая, властная, роль стала для ОИК дополнительным источником не только денег, но и забот. Оказавшись в новой системе координат, ОИК была вынуждена играть по её правилам. Как и инкорпорация Компании полтора столетия до этого, её превращение в политику означало вступление в конкуренцию с подобными ей организациями — в данном случае с индийскими политиями. Став правителем Бенгалии, ОИК тут же оказалась в военном противостоянии с сильным соседом: вызов ей бросил наваб Авадха Шуджа-уд-даула (1754–75), которому бежавший Мир Касим обещал за военную помощь Бихар и 3 крора рупий. Шуджа был не просто навабом, а имел (пусть номинальный) титул имперского вазира и контролировал в то время Могола — Шаха Алама II (1759–1806), который, ещё будучи наследным принцем Али Джаухаром, бежал из Дели из-за происков врагов при дворе. В 1764 г., действуя от имени шаха, Шуджа во главе 40-тысячной армии вторгся в британский Бихар и началась война.

Это было не первое с «Чайлдовой войны» игнорирование Компанией тимуридского авторитета. Ещё в 1758 г. Али Джаухар вторгся в Бихар с небольшим отрядом и поставил ОИК перед щекотливой проблемой: является ли правильным противодействовать прибытию могольского шахзады в формально могольскую субу? Тогда Клайв избежал прямого столкновения с тимуридским авторитетом, поскольку отец объявил принца мятежником [Edwardes M., 1970, p. 42–44]. Однако, когда возникла необходимость, британцы не остановились перед открытым неповиновением шахской власти: они уже могли это себе позволить. Речь идёт о двух вторжениях Шаха Алама (в 1759 и 1760 гг.) уже в роли падишаха, когда британцы без труда разбили его и выставили за пределы Бихара.

Теперь, в 1764 г., формальный авторитет шаха подкреплялся внушительным войском его наваба-вазира (по сути, было наоборот). Однако Шуджа был разбит при Баксаре вдвое уступающими по численности силами майора Гектора Манро. Шах Алам попал к британцам в плен и просил у них защиты. Он являлся царственной марионеткой уже не в первом поколении, и наличие могущественного покровителя было пределом его мечтаний.

Победу ОИК при Баксаре трудно переоценить. Если при Палаши британцы довольно легко разбили наваба всего лишь окраинной субы империи, причём при решающей финансовой поддержке местных купцов, то теперь такая же участь постигла армию, которая была (формально) собственно имперской, причём эта битва была долгой и ожесточённой. Выступление наваба-вазира можно считать единственной попыткой по сути распавшейся Могольской империи остановить военное продвижение Компании в Индии. Однако следует подчеркнуть, что Шуджа, Мир Касим и даже сам Могол вряд ли воспринимали это таким образом. Каждым из них двигали лишь собственные узко-корыстные соображения.

Таким образом, кардинально изменился характер англо-могольских отношений. Через полтора столетия после скромной миссии Хоукинса к пышному двору одного из самых могущественных правителей мира потомок этого правителя оказался под физическим контролем ОИК. Её превращение в державу было прямым следствием гибели Тимуридов как державы: качество державности «перетекало» от Моголов к британцам, словно по закону сообщающихся сосудов. Об изменении характера их взаимоотношений красноречиво свидетельствует письмо Шаха Алама в Калькутту, написанное после Баксара: *«Если вы хотите сохранить эту страну (Авадх. — К.Ф.) для себя, отдайте мне её во владение и оставьте мне небольшой отряд войск, чтобы показать, что меня защищают англичане... и я буду ежегодно платить им из доходов страны ту сумму, которую они потребуют... У меня нет друзей, от которых я больше завишу, чем от англичан...»* [Aitchison, 1931, p. 358].

Сначала британцы действительно решили контролировать Авадх через Могола и вручили ему бразды правления субой. Однако вскоре они убедились, что Шах Алам *«обладает способностями ниже средних»* и склонен скорее *«к частной жизни, чем к трону»* [Fort William, V, p. 400], тогда как Шуджа является представителем уже сложившейся легитимной династии Авадха и опытным администратором [Barnett, 1980, p. 74]. Поэтому уже через полгода, после окончательного поражения и сдачи Шуджи в плен, британцы бесцеремонно отобрали у шаха Авадх и вернули его навабу-вазиру, поставив условием оборонительный союз с ОИК. В августе 1765 г. Клайв заключил с Шуджей соответствующий договор от имени Наджма. Наваб обязался оплатить расходы ОИК по собственному разгрому (50 лакхов рупий) и фактически уступил ей княжество Варанаси, раджа которого считался его заминдаром [Collection, 1812, p. 50–51]¹.

Таким образом, в 1765 г. ОИК вышла уже за пределы Бенгалии, вступив в отношения с другой политией как полития же (пусть пока и прикрываясь именем бенгальского наваба). При этом Компания обнаружила военное превосходство над соседним навабством, благодаря чему англо-авадхские отношения исходно оказались отношениями неравноправными.

Тем не менее о Шахе Аламе британцы не забыли. Статус Могола был слишком высок, чтобы пренебрегать им. В интересах ОИК было использовать контроль над шахом с наибольшей выгодой. Поэтому Клайв выделил ему из владений Шуджи чаклы Кора и Аллахабад, где разместились сипайская бригада Компании [Collection, 1812, p. 51]. «Взамен» Тимурид офици-

¹ Варанаси британцы удержали по финансовой и военно-стратегической причинам: область была самой населённой и богатой в Хиндустане [Биорнштиерна, 1847, с. 97] и вполне годилась на роль буфера между британским Бихаром и владениями маратхов. В 1775 г. ОИК заставит Авадх отдать ей Варанаси уже официально.

ально подтвердил право ОИК на земли, которые она ранее получила от бенгальских и карнатикского навабов, пожаловал ей в *инам* Северные Саркары (захваченные у французов ещё в 1759 г.) и утвердил Мухаммада Али в должности наваба Карнатика, официально выведя его из подчинения низаму (поскольку тот подконтролен британцам не был) [Collection, 1812, р. 48–51, 361–363]¹. Естественно, Компания использовала шаха лишь как источник легитимации своей власти на территориях, где британцы уже утвердились. Понятно, что, заставь они его пожаловать им земли, контролируемые другими индийскими правителями (пусть и формальными подданными Могола), такой фирман стал бы клочком бумаги.

Венцом могольских пожалований ОИК в 1765 г. стала передача ей дивана в Бенгалии, Бихаре и (формально) Ориссе (фактически та находилась в руках маратхов до 1803 г.). 12 августа Шах Алам, сидя на импровизированном троне (стуле из палатки Клайва, поставленном на стол), даровал Компании соответствующий санад «*навежно*» с обязанностью выплачивать шаху сравнительно небольшую ежегодную сумму в 26 лакхов рупий [Collection, 1812, р. 43]. Благодаря этому пожалованию ОИК официально заняла видное место в номинально по-прежнему существующей имперской системе, что в новых условиях было равносильно получению статуса одной из держав Индии².

Именно с этой целью пост бенгальского дивана шахи уже дважды (в 1758 и 1761 гг.) сами предлагали Компании. Отдавая себе отчёт в том, что после Палаши она и без того начала превращаться в державу, Аламгир и Шах Алам, вероятно, хотели устранить возможность формального отделения субы от империи, чтобы продолжать иметь юридическую основу для претензий на её налоги. Однако оба раза Калькутта отклоняла монаршьё предложение [Speeches and Documents, 1922, р. 15–16]. Не обладая ещё неоспоримой властью в Бенгалии, ОИК не желала раздражать наваба, предпочитая оставаться пока в тени, за маснадом. Однако после победы при Баксаре и договора с Наджмом ситуация кардинально изменилась. ОИК превратилась

¹ Не обошёл шах своими милостями и лично Клайва (который ему их и продиктовал): губернатор Калькутты стал мансабдаром в чине 6000/5000 с пышным титулом Забдат-уль-мульк, Насир-уд-даула, Сабит Джанг, Бахадур («цветок империи, защитник страны, стойкий в войне, смелый») и подвёл под титул «материальную основу» — 24 парганы в «безусловный джагир» на 10 лет (это было подтверждением пожалования, уже сделанного Мир Джафаром) [Collection, 1812, р. 56, 60].

² Внедриться в официальную властную систему Индии в своё время пытались и французы. В 1753 г. Дюплекс заставил своего марионеточного низама назначить его своим набобом на территории к югу от р. Кришны (с рангом 7000), в результате чего французский генерал-губернатор стал уступать в иерархии деканских мансабдаров только самому низаму [Briggs H., 1861, I, р. 57]. Однако, проиграв борьбу за Индию, развить свой успех в этой области французы не сумели.

в полновластного хозяина Бенгалии, и соответствующий её весу официальный пост стал для неё весьма желателен. Британцев интересовали прежде всего налоговые поступления страны, что определило их выбор. Дивани позволило ОИК распоряжаться ими самой, по закону: ей больше не надо было путём запугивания каждый раз вырывать у наваба требуемую сумму. Как диван ОИК стала получать с каждой поступившей в казну рупии 10 *ана*, а наваб — остальные 6 [Ghulam Husain, 1898, p. 386]. (Компания вскоре присвоит и эти 6 уже без фирмана.) Так скромный калькуттский заминдар в одночасье стал членом высшего эшелона имперской служебной иерархии¹.

Следует отметить, что первая реакция директоров на приобретение Клайвом дивани была отрицательной. Руководство ОИК ещё продолжало полностью мыслить бухгалтерскими категориями краткосрочных прибылей и не одобряло деятельность своих служащих в Индии, не дававшую немедленной финансовой отдачи. Вообще по причине слабости коммуникаций с родиной служащие Компании на местах «вели» директоров за собой, постоянно ставя их перед свершившимся фактом (между отправлением в Лондон известий и получением в Индии ответных инструкций директоров проходило до полтора лет). Именно местные служащие Компании начали её трансформацию в индийскую державу, а директора в меру своих сил — в складывавшейся ситуации весьма незначительных — тормозили этот процесс². В литературе эту автономную от Лондона экспансию ОИК называют её «субимпериализмом» [Marshall, 1987, p. 91], основанным на собственной инициативе её чиновников на местах.

Понять принятие ОИК дивани помогает одно очень важное обстоятельство. После 1760 г. резко упала добыча золота в Бразилии (с 15 до 10, позднее до 5 т в год), а увеличение добычи серебра в альтернативном источнике драгоценных металлов — Мексике — возобновилось лишь с 1775 г. и набрало скорость только к концу столетия³. Именно в этом мировом контек-

¹ Уместно сравнить британский имперский опыт на Востоке с голландским. В отличие от английской голландская ОИК не интегрировалась в местную имперскую структуру на Яве (которая была слабой), а с самого начала (с захвата Джаякерты в 1619 г.) являлась суверенной политией и расширялась в качестве таковой, отторгая всё больше территорий у соседних султанатов Матарам и Бантена.

² Например, ещё в 1756 г., когда калькуттский совет предложил укрепить касимбазарскую факторию, чтобы угрожать Муршидабаду, директора напомнили совету, что военные планы заставили его забыть главный предмет деятельности ОИК — торговлю [Chaudhuri, 1982, p. 395].

³ К тому же после Семилетней войны начался упадок плантационного производства сахара на британских островах Вест-Индии, т.е. в экономически наиболее ценной группе колоний Великобритании. Об их ценности свидетельствует то, что даже в 1772–73 гг. они ещё лидировали в импорте метрополии (£ 3,2 млн); кстати, на втором месте была зона деятельности ОИК (£ 2,2 млн) [Deane, Cole, 1962, table 22, p. 87].

сте следует рассматривать британскую экспансию в Индии во второй половине XVIII в. в целом [Frank, 1978, p. 116, 150]. Поскольку ОИК была экономическим феноменом мирового уровня, нет ничего удивительного в том, что к захвату власти в отдельно взятой стране её подтолкнули экономические колебания в противоположной части земного шара.

Фирман 1765 г. иногда именуют *Magna Carta* ОИК в Индии. Интересно, что так же именуют другой полученный ею фирман — 1717 г. Это лишний раз свидетельствует о двойственности природы Компании, действовавшей сразу в двух сферах. Время пожалования Тимуридами ОИК этих Великих хартий отражает этапы её развития: прежде она получила исключительные торговые привилегии, а затем, с трансформацией в державу, — административные.

Разделение власти на уровне субы между назимом и диваном существовало в Могольском султанате ещё с 1596 г., с времён Акбара [Moreland, 1937, p. 462–463]. С распадом султаната система сдержек и противовесов перестала существовать: правителями бывших суб стали назимы, превратившие диванов фактически в своих первых министров. Применительно к бенгальской ситуации 1765 г. уместно говорить о восстановлении системы диархии: ОИК была самостоятельным центром силы (который, к тому же, стал быстро перетягивать на себя **все** управление страной).

Став диваном, ОИК была вправе посадить своих людей на сбор налогов. Казалось бы, именно для этого она и готовила почву, вступая в соглашения с Наджмом и шахом. Между тем до 1772 г. британцы пользовались прежним налоговым аппаратом, довольствуясь конечным результатом собранного. В этой введённой Клайвом системе «двойного управления» ответственность была оторвана от власти [Datta, 1965, p. 45]. Сложившаяся ситуация была ярким примером *societas leonina*¹: диван не выполнял своих функций (зато пользовался всеми преимуществами своего формального статуса), назим сидел на пенсии, а Реза-хан работал за обоих, совмещая посты наиб-назима и наиб-дивана.

Ответственность ОИК не взяла на себя сразу не случайно. Во-первых, она опасалась международного (европейского) конфликта. В 1767 г. Клайв писал Избранному комитету Калькутты, что навабу «не остаётся ничего, кроме имени и тени его власти. Однако совершенно необходимо, чтобы казалось, что мы этим это имя, эту тень... С поддержкой Субы (наваба. — К.Ф.) можно действительно сокрушить любое посягательство, которое может быть предпринято иностранными державами, без всякого видимого вмешательства нашей собственной власти... Назначение служащих Компании на должности сборщи-

¹ Львиное сообщество (лат.) — союз, от которого одна сторона получает все выгоды, а другая несёт все тяготы. Кстати, на гербе Объединенной ОИК были изображены три льва (см. титульный лист этой книги).

ков или осуществление любого действия путём применения британской власти, что в равной степени может быть исполнено навабом по нашему требованию, ознагали бы сбрасывание маски — объявление Компании Субой провинций. Иностранные нации тотчас обиделись бы, и жалобы, поданные британскому двору, повлекли бы весьма затруднительные последствия» [Indian Const. Documents, 1948, p. 9]¹.

Второй, не менее важной причиной введения «двойного управления» было то, что период 1765–72 гг. стал необходимым для британцев переходным периодом — от Компании-купца к Компании-правителю. Не случайно муршидабадский резидент Ф. Сайкс (1765–68) был одновременно главой касимбазарской фактории, т.е. совмещал функции посла и торгового агента [Khan A., 1969, p. 170]. По словам калькуттского губернатора Г. Верелста (1767–69), в 1760-е годы у ОИК ещё не было в Бенгалии достаточного числа служащих, чтобы заполнить административный аппарат политики, а у этих служащих — управленческой квалификации и знания населения [Кауе, 1966, p. 80]. Главное же состояло в том, что ОИК ещё не вполне осознала себя в качестве державы. Из-за этого, как справедливо отмечали наиболее дальновидные представители Компании в Бенгалии (резидент Р. Бечер (1768–71), купец У. Болтс), два компонента её сущности находились в конфликте: интересы ОИК как «суверена Бенгалии» и её интересы как торгового монополиста в этой стране были противоположны, что было чревато разорением и Компании и страны [Indian Const. Documents, 1948, p. 10–12]. Поскольку Бенгалия стала для ОИК важнейшим источником средств, эти интересы было необходимо примирить хотя бы частично — иначе Компания подрывала бы сук, на котором сидела.

Примирение интересов предполагало отказ Компании от простого изъятия дани и переход к более ответственному отношению к экономике по сути собственного владения. Это с необходимостью предполагало окончательное упразднение навабской власти.

Первым шагом к этому стало назначение в 1769 г. Верелстом окружных наблюдателей (из числа служащих ОИК) для надзора за выполнением функций дивани, которые отправляли для Компании *амилы* Реза-хана. Однако эта половинчатая мера принесла больше вреда, чем пользы: наблюдатели рассматривали свои посты только как возможность для взяточничества и частной торговли [Moon, 1999, p. 148]. Поэтому в 1772 г. совет директоров пошёл дальше: он вообще ликвидировал систему «двойного управления».

¹ Функционирование на практике системы «двойного управления» иллюстрирует следующий эпизод. В 1769 г. глава датской фактории просил Реза-хана разрешить торговать в местах, где уже действовали французские и голландские агенты. Реза-хан ждал инструкций от британцев, и те в частном порядке дали добро, после чего датчане получили официальное разрешение от наиб-назима [Fort William, V, p. 606].

ОИК выступила в качестве дивана не только номинально, но и на деле. По приказу губернатора Уоррена Хейстингса (1772–74) Реза-хан и два его заместителя были арестованы по обвинению в хищениях и судимы судом Компании. Однако они были оправданы: обвинение послужило британцам лишь предлогом для коренной реформы управления [Видьявачаспати, 1956, с. 47]. Пост наиб-назима был отменён, а сбором налогов и отправлением гражданского правосудия занялись британские чиновники. Показательно, что в том же году Хейстингс отменил дастак.

Однако на этом ОИК не остановилась. Решив взять на себя административные функции, она взяла их все — и дивани, и низамат, покончив с фиктивной властью наваба. Таким образом, низамат ОИК просто присвоила, отступив здесь от практики легитимации своей власти с помощью могольских пожалований. В результате в Калькутте сосредоточились не только совет по налогам и *садр дивани адалат* (возглавляемый губернатором и двумя его советниками), но и переведённый из Муршидабада *садр низамат адалат* (возглавлял его судья-индеец, но высшей апелляционной инстанцией стал губернаторский совет) [Roberts, 1952, p. 171–172].

Принятием на себя всех административных функций ОИК в целом завершила превращение в индийскую державу (далее она лишь реформировала систему). К 1772 г. Компания набрала необходимое для этого количество служащих¹, а они обрели управленческую компетенцию. Главным же, пожалуй, было то, что к этому времени ОИК свыклась с самой ролью бенгальского правителя.

К тому же, конкурентов в этой области у ОИК не осталось. Навабы были её же пенсионерами, причём размер их пенсии британцы постепенно урезали (с 54 лакхов в 1765 г. до 16 лакхов в 1773 г.) [Select Documents, 1958, p. 10, 79]. После 1770 г. Компания больше не удостоивала навабов двусторонними договорами, открыто игнорируя их формальную власть. В 1776 г. судья калькуттского суда Дж. Хайд прямо заявил, что парламентский акт 1773 г. (см. III.2.1) «не рассматривает Мубарака-уд-даула (наваб в 1770–93 гг. — К.Ф.) в качестве суверенного князя» и субъекта международных отношений [Indian Const. Documents, 1948, p. 41]. В дальнейшем отношения калькуттских властей с навабами касались в основном лишь их крупных долгов частным лицам, за погашением которых следили британцы. Пустой титул наваба Бенгалии переживёт и Могольский султанат, и ОИК. В конце концов, в 1880 г. британская королева Виктория (1837–1901) заменит его ни к чему не обязывающим британцев титулом наваба Муршидабада [Aitchison, 1909, p. 177].

¹ Если в 1750-е годы в Бенгалии насчитывалось около 70 служащих ОИК, к 1773 г. их численность достигла 250 человек [Marshall, 1976, p. 15].

Что касается главных спонсоров заговора 1757 г. Джагат Сетхов, то оказалось, что в краткосрочной перспективе они выиграли, а в долгосрочной — позвали британцев на свою беду. Непоправимый удар Джагат Сетхам нанёс Мир Касим, который в попытке избавиться от Компании глубоко запустил руку в их кошелёк. Но и его свержение облегчения фирме не принесло. После приобретения ОИК дивани Джагат Сетхи перестали быть каналом выплаты налогов, а после перевода казны в Калькутту в 1772 г. перестали быть банкирами для ОИК. Источники их дохода иссякли, и торговля рупиями перешла к объединению более мелких *саррафов* [Sinha N., 1956, p. 139–142].

В историографии существуют разные точки зрения на проблему превращения ОИК в индийскую державу. Имперские историки считают завоевание британцами Индии случайностью. По их мнению, британцы вступили на путь покорения Индии исключительно в целях самообороны от агрессивных французов и местных князей (таких, как Сирадж) (см.: [Moon, 1999; Reid, 1947]). Националистические индийские, а также советские историки впадают в другую крайность: британцы (впрочем, как и французы) были агрессивными колонизаторами, обрушившимися на индийцев (см.: [Антонова, 1958; Comprehensive History of India, 1978]). Истина здесь лежит посередине: случай помог подготовленному. ОИК использовала шанс распространить свою власть над собственными служащими на целый азиатский регион. Этим шансом были война с французами, которые действительно проявили имперскую инициативу в Южной Индии¹, и необходимость защитить свои деловые интересы от бенгальского наваба. Компании, уже обладавшей характеристиками суверена, оставалось получить толчок для превращения в настоящую державу. С получением такого толчка её накопленный к этому времени властный потенциал раскрылся.

Если старт процессу трансформации ОИК в державу был дан в Карнатике, то углубление этого процесса произошло в Бенгалии и привело к появлению здесь первого британского **владения** в Индии. Это не случайно. В Карнатике британцы вступили в отношения с навабом на равных главным образом **по поводу французов**, в контексте войны с КИ. Исходно противостояние здесь было противостоянием ОИК — КИ, а контроль над навабом — скорее средством достижения победы над европейским конкурентом. Победив его, британцы долго (до 1801 г.) удовлетворялись в Карнатике ролью получателя военной субсидии от наваба. В Бенгалии же они вступили в сферу власти **ради неё самой** (хотя война с французами и послужила ка-

¹ Возможно, сказала сущность Франции как прежде всего континентальной державы. Другое дело, что британцы оказались достойными учениками Дюплекса, быстро сориентировавшись в непривычной стихии — на суше.

тализатором). Здесь исходно имело место противостояние ОИК — наваб, власть (объективно) стала для британцев целью, а не средством. Причиной самой этой ситуации была разная степень централизации власти в двух княжествах — осколках Могольской империи. Если в Карнатике навабский режим был слаб и старался не задевать европейцев, то в Бенгалии он был значительно сильнее и претендовал на властную монополию. Отсюда — столкновение британцев с Сираджем, давшее дополнительный импульс уже начавшемуся в Карнатике процессу трансформации ОИК.

Эта трансформация отличалась непреднамеренностью. Даже приняв революционное решение ответить Сираджу на силу силой, британцы не ставили целью революцию в самой сущности Компании. Однако революция эта произошла, поскольку к внешнему фактору — мощная сухопутная армия ОИК — добавился внутренний. Имеется в виду шаткость позиций наваба из-за специфики его отношений с земельной знатью и ориентации значительной части купечества на британцев. В ОИК многие купцы видели не только выгодного торгового партнёра, но и силу, способную оградить их имущество и деловые интересы от посягательств власти.

Переворот 1757 г. был произведён прежде всего на индийские деньги, но его ударной силой было британское оружие. Начав использовать свою военную мощь в борьбе за власть с целью получить более сговорчивого наваба, ОИК — вопреки собственным намерениям — привела к действию механизм своего превращения в правителя — стоило ей только получить доступ к бенгальской казне. Открывшаяся возможность черпать средства из внешнего источника (не давая ничего взамен) представляла собой слишком большой соблазн как для ОИК, так и для её служащих, чтобы позволить себе уйти из сферы власти, в которой они утвердились одной ногой в 1757 г. Если заговорщики намеревались просто использовать Компанию как бронированный кулак против Сираджа, то на деле после расправы с ним в этом кулаке железной хваткой оказался зажатый новый наваб. Власть стала плавно перетекать от него к ОИК, которая сильно выигрывала от своей гибридной сущности: она обладала не только внушительной военной машиной, но и серьёзным финансово-экономическим весом в стране. Попытка наваба имитировать военную машину ОИК оказалась бесплодной и лишь ускорила его полный уход в тень. Последнее поставило на повестку дня приобретение самой Компанией официальной могольской должности. Пожалование дивани завершило процесс установления ОИК своей политической власти в Бенгалии и положило начало установлению её административной власти. Этот второй процесс в целом завершился в 1772 г. переориентацией британцами на себя всех ветвей власти. Способствовало резкому смещению Компанией акцента с коммерческих источников дохода на налоговые ослабление притока драгоценных металлов из Америки.

Устранение военным путём конкурента-наваба в 1764 г. вывело ОИК на уровень отношений между политиями и привело к войне с соседним Авад-хом. Разгром наваба-вазира принёс Компании и легитимацию собственного положения в Бенгалии (проведённую пленённым шахом), и политику-сателлита, которым начал становиться Авадх.

К 1772 г. ОИК превратилась в Индии в сухопутную державу. Карнатик находился под её военным контролем, а в Бенгалии она стала собственно политией со всеми полагающимися атрибутами — армией, сбором налогов, отправлением правосудия и самостоятельным внешним курсом. Возник феномен компании-политии: *merchant prince* (англ. «купец-монополист») превратился в *merchant-prince* («купца-князя»).

Именно в этот момент к ОИК неожиданно проявил интерес британский парламент. В палате общин был поднят вопрос: имеет ли право торговая корпорация управлять целой страной? Период конца 1760-х — 1784 гг. стал периодом отчаянной борьбы ОИК с государством по этому вопросу, периодом её борьбы за политическую самостоятельность.

III.2. Отношения Компании с британским государством (1763–84)

III.2.1. Начало государственного вмешательства (1763–73)

В 1763 г. победой Великобритании над Францией завершились Семилетняя война и первая фаза их борьбы за гегемонию в капиталистической мир-системе [Wallerstein, 1980, р. 245]. Однако победа Великобритании была далеко не окончательной: гегемоном она станет только с разгромом Наполеона в 1815 г. И тем не менее, определённый перевес в соотношении сил в пользу британцев наметился уже в 1760-е годы.

В середине XVIII в. продолжали укрепляться экономические позиции страны. Начиналась промышленная революция, являвшаяся не просто ускорением экономического роста, а таким ускорением, в основе которого лежали качественные экономические и социальные изменения [Hobsbawm, 1969, р. 20]. Основным организационно-производственным сдвигом промышленной революции была замена домашней мануфактуры фабричной системой, причём главное заключалось в системе, а не в фабрике [Perkin, 1969, р. 107]. Иными словами, революции в самом производстве предшествовала революция в его социальной организации. Она, в свою очередь, стала возможной благодаря складыванию рынка рабочей силы в результате огораживаний, вытеснения с социальной сцены *копигольдера* и исчезновения крестьянства [Виппер, 1997, с. 290–291]. Кстати, и в промышленной революции косвен-

ную роль сыграла ОИК: К.Н. Чаудхари считает вполне уместным взглянуть на механизацию британского производства как на создание импортзамещающей промышленности в ответ на ввоз ОИК дешёвых хлопчатобумажных тканей из Индии [Chaudhuri, 1978, p. 273].

В политическом плане 1760-е годы отмечены возвращением на политическую сцену короля. В отличие от двух предшественников Георг III (1760–1820) хотел не только управлять сам, но и восстановить режим личной власти эпохи Тюдоров [Водовозов, 1912, с. 56]. Воспользовавшись внутренними конфликтами в стане вигов, король пошёл на союз с тори, но главную ставку сделал на создание группировки, поддерживающей лично его — так называемых «друзей короля» (преимущественно из числа тори). В условиях острой меж- и внутрипартийной борьбы влияние этой группировки росло, а с приходом к власти его ставленника Фредерика Норта (1770–82) Георг вообще стал определять политику кабинета [Tout, 1908, p. 577].

Превращение ОИК в индийскую державу стало причиной беспрецедентного и шедшего по нарастающей вмешательства государства в её дела. Одной из предпосылок этого вмешательства было усиление влияния ОИК в парламенте — прямое следствие её территориальной экспансии в Индии. С конца 1750-х годов на родину стали возвращаться служащие Компании, которые составили крупные состояния именно благодаря этой экспансии, позволившей им изо всех сил «трясти пагодное дерево»¹. Неудивительно, что в течение трёх лет уехавший в Индию писарь или прапорщик ОИК мог вернуться с состоянием, достаточным для приобретения земли и статуса джентльмена [Plumb, 1978, p. 174]. Такое резкое повышение социального статуса делала возможным специфика английского общества XVII–XVIII в. (отличавшая его от всех других современных ему) — общества «открытой аристократии», где собственность определяла статус (а не наоборот, как при феодализме или Старом порядке) [Perkin, 1969, p. 38, 56]. Официально приобретая британские (дворянские) титулы, эти нувориши неофициально приобретали и индийские: для их обозначения в Великобритании стал широко распространяться термин «набоб» (искажённое «наваб»). Многие из «набобов» стали бросать свои богатства на весы политической борьбы: покупая места в палате общин, они начали становиться реальной политической силой. К 1768 г. в палате насчитывалось около 20 «набобов», в 1774–80 гг. — 26, а в 1784–90 гг. — уже 45 (при общей численности палаты в 558 человек) [James, 1997, p. 48; Moon, 1999, p. 143, n. 1].

Другой предпосылкой государственного вмешательства был рост объёма директорского патронажа — также следствие начавшейся трансформации ОИК, предполагавшей резкое увеличение численности её служащих.

¹ Возникшим тогда в Индии возможностям быстрого обогащения английский язык обязан фразеологизмом *to shake the pagoda tree*.

Оба обстоятельства означали рост ценности ОИК как потенциального политического союзника, что не преминули заметить политические партии. Облегчил им втягивание ОИК в свою парламентскую борьбу раскол в ней: «набобы» набирали влияние и внутри Компании. Впервые с момента инкорпорации Объединённой ОИК это привело к возникновению в ней противоборствующих группировок. Интересы «набобов» прямо противоречили интересам ОИК как организации: они обогащались за счёт бенгальской казны, которую директора начали рассматривать как продолжение капитала Компании. Фракцию «набобов» в собрании акционеров ОИК возглавил Клайв¹, а противостояло им большинство директоров во главе с Лоренсом Саливаном (неоднократным председателем Компании).

Таким образом, в первой половине 1760-х годов притягательность ОИК как потенциального участника политической жизни увеличилась, а её внутренняя сплочённость ослабла. Приняв во внимание оба факта, государственные деятели постарались наладить с Компанией связи, чтобы использовать её ресурсы в интересах собственной партии. Эти связи были неформальными и носили характер симбиоза: стороны установили **взаимовыгодные** отношения и использовали друг друга в своих интересах. Вмешательство собственно государства началось несколько позднее, с 1767 г., когда политики приступили к носящему официальный характер **подчинению** ОИК правительству, а значит — независимо от своих намерений — выступили уже как представители государства, а не только своей партии.

Начало вмешательства политиков во внутреннюю жизнь ОИК датируется 1763 г. После завершения Семилетней войны влияние торийского правительства графа Бьюта (1762–63) в Сити упало из-за недовольства результатами Парижского мира и условиями «закрытой» подписки на заём правительству (от которой выигрывала узкая группа кредиторов). На очередных выборах в директорат ОИК Бьют поддержал фракцию Саливана, поставив условием одобрение Компанией мирного договора. Оппозиционные виги поддержали фракцию Клайва [Sutherland, 1952, p. 103–108]. В качестве механизма воздействия на выборы обе союзные стороны впервые применили «дробление капитала»², в результате которого Клайв создал в собрании ак-

¹ Клайв был тогда крупнейшим из «набобов». Начав карьеру клерком с жалованьем в £ 10, он вернулся на родину в 1760 г. самым богатым британским подданным, владея полученным от Мир Джафара джагиром с годовым доходом в £ 27 тыс. И это — не считая £ 234 тыс. в виде подарка сразу после Палаши [Kulkarni, 1964, p. 47], что превышало годовой доход королевской семьи (в £ 200 тыс. — данные на 1803 г.) [Perkin, 1969, table 1, p. 20].

² Практика, при которой патрон распределял по £ 500 (необходимую сумму для покупки 1 акции) между как можно большим числом своих клиентов; став акционерами Компании, они голосовали по его указке.

ционеров 220 новых голосов, а Саливан — 163 [Keay, 1991, p. 368]. Группировка Саливана победила, и, отрабатывая долг, новый состав директората подал пример Сити, проголосовав за одобрение Парижского договора.

Вступив однажды в сделку, её участники как со стороны ОИК, так и со стороны государства быстро осознали выгодность подобного рода отношений и не собирались от них отказываться. Вскоре ситуация сильно усложнилась: ни партии, ни фракции Компании не были монолитными, а состояли из различных групп интересов, стремившихся использовать различные группы интересов другой стороны [Sutherland, 1952, p. 154]. Государственные деятели обретали в директорах сторонников, которых могли использовать не только для поддержки своих действий в парламенте, но и для расширения своей клиентуры (через их патронаж). Директора получали в лице государственных деятелей влиятельных патронов, способных помочь им в решении собственных задач внутри ОИК. Например, когда в 1764 г. Саливан остановил выплату Клайву доходов с его джагира, тот обратился к вигскому премьер-министру Дж. Гренвиллу (1763–65). Последний, нуждаясь в поддержке Клайва в парламенте, обязал чиновников ряда государственных учреждений (почты, таможни и акцизов) стать акционерами ОИК (по схеме дробления капитала) и голосовать за возвращение Клайву джагира, чем обеспечил его победу (583 голоса против 396) [Sutherland, 1952, p. 131–132].

Такие отношения ОИК с политическими деятелями напоминали возобновление борьбы за Компанию тори и вигов эпохи поздних Стюартов. Однако очень скоро характер этих отношений стал меняться. Становление ОИК в качестве индийской политики не могло не породить в Великобритании вопроса о соответствии Компании своей новой роли.

Идею несоответствия коммерческой корпорации роли правителя впервые высказал её собственный служащий, который, несомненно, сделал больше всех для приобретения ею этой роли. В письме фактическому премьер-министру Уильяму Питту-старшему в 1759 г. Клайв заявил, что завоёванный британским оружием в Бенгалии *«такой обширный (large) суверенитет, вероятно, может быть слишком велик (extensive) для торговой компании»* и предложил подумать, не стоит ли правительству взять это *«в свои руки»* [Speeches and Documents, 1922, p. 16]. Однако тогда Питт не проявил энтузиазма в «индийском вопросе». В разгаре была Семилетняя война, а положение британцев в Бенгалии всё-таки ещё не было положением безоговорочных хозяев.

Водоразделом между безобидным для ОИК характером отношений с государством (а точнее, ещё с отдельными политическими группировками) и его наступлением на её интересы в целом как организации стал небывалый успех Компании в индийской системе власти — приобретение дивани. Именно это событие заставило правительство и парламент взглянуть на ОИК по-новому.

Вообще причин, по которым государство начало в 1767 г. наступление на ОИК, было три. Первая состояла в установлении Компанией контроля над огромными ресурсами. По оценке Клайва, чистый доход Бенгалии составлял £ 1,65 млн [Lyll, 1973, p. 171]. Между тем, Семилетняя война ввергла Великобританию в самую длительную в XVIII в. экономическую депрессию (1765–69) [Ashton, 1959, table, p. 173]. Не случайно тот же Питт-старший проявил теперь к Бенгалии живейший интерес, назвав дивани «даром небес», посланным нации для погашения долга, накопленного в результате войны [Keay, 1991, p. 379]¹.

Второй, не менее важной, причиной вмешательства государства явилось то, что с превращением в индийскую державу ОИК, по справедливому мнению одного из её директоров, стала «империей в империи»: получив в свои руки огромные власть и богатство, она осталась ответственной только перед собственными акционерами [James, 1997, p. 49]. Это означало, что у Великобритании как государства появился конкурент во властной сфере.

Третья причина касалась борьбы за власть в британской политической системе. Сделав политику весьма дорогостоящим занятием, «набобы» начали вызывать раздражение: в среде земельной аристократии возмущались этими «выскачками», богатство которых позволяло им перекупать места в парламенте и администрации, обычно занимаемые знатью. Например, лорд Честерфилд не смог купить место в парламенте своему сыну за £ 2,5 тыс., так как «набобы» предлагали до £ 5 тыс. [Антонова, 1958, с. 132]. Представление о соотношении состояний дают такие цифры: доход семьи пэра составлял около £ 8 тыс. в год (данные на 1803 г.) [Perkin, 1969, table 1, p. 20], тогда как, например, член калькуттского совета Р. Баруэлл только в 1775 г. перечислил на родину £ 40 тыс. [Roberts, 1929 (2), p. 226]. Если в бытность торговой организацией ОИК восстановила против себя частных купцов и промышленников, то превращение в державу стоило ей отношений с аристократией².

Между тем политические группировки стремились сами получить доступ к индийским ресурсам — уже непосредственный, а не через союз с «набоба-

¹ За 1757–63 гг. национальный долг Великобритании вырос с £ 78 тыс. до £ 132 тыс. [Kindleberger, 1984, table 9.1, p. 165].

² Конечно, в состав правящего класса страны и до этого входили потомки служащих ОИК. Яркий пример — сам Уильям Питт-старший. Его дед Томас Питт был крупным интерлопером, а позднее губернатором Мадраса (1698–1709). Купив в Индии крупнейший в мире алмаз (410 каратов), он продал его регенту Франции Филиппу Орлеанскому за £ 135 тыс. Именно эти средства легли в основу политического успеха его внука, избранного членом палаты общин от Старого Сарэма [Thompson, Garratt, 1934, p. 51]. И тем не менее, до появления «набобов» в 1760-е годы подобные случаи были немногочисленны.

ми». Эти ресурсы они собирались использовать в межпартийной борьбе за преобладание в парламенте. В качестве аргумента в пользу государственного регулирования ОИК политики называли угрозу, которую может нести увеличение политического веса «набобов» и Компании в целом свободам британских подданных и конституции страны. Эту угрозу выводили, во-первых, из того, что в Индии ОИК практикует (пусть и присущую этой стране) деспотическую форму правления [James, 1995, p. 136], а во-вторых, из того, что превращение Компании в державу нарушило хрупкий баланс между её интересами и частными интересами её служащих, аналогичный балансу в государстве. Речь идёт о патронаже, который не только был характерной чертой функционирования ОИК, но и, как отмечает Х. Паркин, являлся одним из двух (наряду с земельной собственностью) столпов британского общества XVIII в. в целом [Perkin, 1969, p. 44].

В ту эпоху составить состояние на государственной службе и пристроить зависимых людей на прибыльные места было основным и считалось законным стремлением обычного политика¹. Однако, несмотря на отсутствие партийной дисциплины, негативные для политической системы последствия патронажа не были столь значительными, как можно было бы ожидать: им ставили предел господство земельной аристократии (источник богатств которой находился вне сферы политики) и её традиции (если дело доходило до крайностей, правящий класс чувствовал свою ответственность за будущее страны). Благодаря этому сохранялся баланс между государственными и частными интересами, выраженный в системе «политической связи» и «политического управления» [Sutherland, 1952, p. 51–52]. Схожая система существовала и в ОИК — но появление у её служащих источников обогащения в обход строгой иерархии жалований купеческой корпорации² означало для директоров потерю контроля над ними. В этом видели очень плохой пример для государственных чиновников. В политических кругах заговорили о необходимости прекратить приток «набобов» посредством устранения источников их сказочного обогащения. Это предполагало пресечение государством бесконтрольного присвоения служащими ОИК бенгальских налоговых поступлений.

Таким образом, и государственные, и партийные интересы диктовали британским политическим деятелям желательность установления официального контроля над ОИК. Характерной чертой её отношений с государством

¹ Более того, патронаж был неизбежным способом занятия всех должностей — в отсутствие процедур безличных экзаменов и отбора; лишь с появлением последних (в XIX в.) его станут рассматривать как коррупцию [Perkin, 1969, p. 48].

² До появления этих источников значительное состояние на службе ОИК можно было составить, проработав не менее 12–15 лет с постепенным повышением по служебной лестнице [Sutherland, 1952, p. 53].

в 1767–84 гг. станет то, что меры в этом направлении правительства будут проводить независимо от их политических взглядов. Поэтому, хотя защитников в парламентской среде Компания тоже найдёт (в лице политической оппозиции), их поведение будет объясняться не стремлением оградить корпоративные права от посягательства государства (это будет лишь риторикой), а логикой политической борьбы: оппозиция понимала, что подчинение ОИК государству выгодно в первую очередь действующему правительству. Став правящей партией, оппозиционная начнёт делать то же самое — в **своих** интересах.

Поводом к официальному вмешательству государства послужило поведение акционеров ОИК. Весть о дивани вызвала скачок стоимости её акций со 164 пунктов в 1766 г. до 273 в 1767 г., и акционеры проголосовали за повышение дивиденда с 6 до 10, а вскоре и до 12,5%. Это безответственное, выгодное спекулянтам решение серьёзно навредило репутации ОИК в финансовых кругах [Sutherland, 1952, p. 141, 146]. Одновременно оно продемонстрировало всей нации, что узкая группа людей получает огромные прибыли на фоне материальной стеснённости государства, вызванной войнами с Францией.

В 1767 г. палата общин обязала ОИК представить ей все *«хартии, договоры с державами страны (Индии. — К.Ф.), переписку с её служащими в Индии, данные о состоянии её доходов в Бенгалии, Бихаре и Ориссе и во всех других местах... вместе с отчётом о всех расходах, понесённых правительством в пользу Компании»* [НРНЕ, XVI, p. 342]. Так внутренние дела Компании впервые попали под пристальное внимание парламента.

У государства были две альтернативы: отнять у ОИК власть в Индии или поставить Компанию под свой контроль. Аномальность ситуации, при которой купеческая корпорация управляет целой страной, сознавали все — и тем не менее сделать Бенгалию владением британской короны было немыслимо (правительство решится на это только в 1858 г., и то лишь в обстановке полыхавшего в Индии антибританского восстания).

Во-первых, для этого не было никаких юридических оснований. Компании по освоению Америки (Вирджинская, Массачусетского залива и др.) получали власть благодаря пожалованию по хартии, и для перехода управления к короне было достаточно отмены этой хартии. Хартия ОИК роли правителя (кроме разве что Бомбея, острова св. Елены) не предусматривала, официально Компания владела Бенгалией на основании тимуридского фирмана. Это порождало сомнения в положительной реакции индийских подданных ОИК и политий — её соседей, а в отрицательной реакции европейских держав, ревниво следивших за заморскими успехами британцев, сомневаться не приходилось.

Во-вторых, правительство всеми силами стремилось избежать обвинений в покушении на собственность частной корпорации. В XVIII в. подобные

обвинения воспринимались весьма серьёзно, так как основывались на постоянном опасении этого [Roberts, 1952, p. 215]. Получалось, что и сохранение ОИК в роли бенгальского правителя, и лишение её этой роли чреваты пагубными последствиями для конституции Великобритании, хотя второй сценарий выглядел более зловещим. Если в первом случае коррумпизирующее воздействие на политическую жизнь страны оказывали только «набобы», то во втором случае ресурсы ОИК (прежде всего патронаж) очутились бы в руках самого правительства. Отсюда его крайняя осторожность в выдвижении предложений по государственному регулированию Компании. Однако обвинения в попытке присвоить индийские ресурсы всё равно зазвучали очень скоро — и не были лишены оснований.

В-третьих, уже в 1767 г. канцлер казначейства Ч. Тауншенд заметил, что у государства просто нет компетенции и ресурсов для управления Бенгалией. Этот аргумент будут часто повторять в правительственных кругах в течение следующих 30 лет [Bowen, 1998, p. 533].

В-четвёртых, техническую сложность перехода управления к короне видели и в том, что торговые и налоговые дела ОИК оказались столь тесно переплетены, что разъединить их было чрезвычайно трудно. Барьера между двумя сферами деятельности Компании не существовало, и она свободно переливала средства из одной в другую.

В-пятых, неоднократно высказывалась мысль, что только торговля крупной корпорации может служить каналом перевода собираемых в Бенгалии налогов в Великобританию [Documents/ Marshall, 1968, p. 118]¹.

Наконец, в-шестых, как заметил секретарь казначейства Дж. Робинсон уже в 1778 г., правительству и так хватало ответственности (чтобы ещё взваливать на себя ответственность за управление далёкой страной), а при сохранении власти ОИК директоров всегда можно было сделать козлами отпущения [Documents/ Marshall, 1968, p. 118].

Таким образом, превращение Бенгалии в коронную колонию было исключено. Оставалось создать какой-то механизм подчинения корпорации-державы государству. В 1767 г. правительство вступило на этот путь, причём он неизбежно оказался путём проб и ошибок: ситуация не имела аналогов².

¹ Государство получало от монополии прямую выгоду: ещё в 1756 г. собираемые им пошлины на ввозимые азиатские товары вчетверо превышали дивиденд акционеров ОИК [Marshall, 1998, p. 505].

² У голландского и французского государств таких серьёзных проблем в отношениях с «их» ОИК никогда не было. Как сказано выше, в силу буржуазной природы государства Соединённых Провинций директора голландской компании были членами правящего класса, что предопределило относительность её автономии от государства. У этой автономии были две стороны — постоянная поддержка и жёсткий контроль (второе — ввиду необходимости координации действий «ост-индской» группы буржуазии с другими

Приступив к претворению в жизнь второй альтернативы, правительство, чтобы сделать ОИК сговорчивее, стало постоянно пугать её первой. С 1768 г., всякий раз начиная с ней переговоры, оно выражало свою *«полнейшую уверенность в праве короны на упомянутые территориальные приобретения и доходы»* — однако неизменно предоставляло инициативу самим директорам, декларируя готовность получить от них предложение о новом соглашении [Sutherland, 1952, p. 184]. В пользу верховной власти британской короны над Бенгалией у правительства имелся только один аргумент — британское подданство ОИК (ещё Компании напоминали о помощи королевских флота и армии в Индии, но она целиком оплачивала их услуги). Аргумент был шатким, и правительство использовало его лишь для улучшения своей сделочной позиции.

Первым шагом на пути подчинения ОИК стал принятый в 1767 г. парламентом акт, предложенный Тауншендом. Акт наложил на Компанию обязательство в течение двух лет ежегодно выплачивать казначейству £ 400 тыс. В законе было оговорено, что в течение этого срока индийские территории ОИК остаются в её владении [Speeches and Documents, 1922, p. 30–33]¹. Чётко увязав выплаты ОИК с её правом на Бенгалию, государство по сути вступило с Компанией в даннические отношения, не брезгуя шантажом. Как выразился известный экономгеограф и статистик середины XIX в. И.В. Вернадский, британское правительство, принуждая ОИК платить, «собирало там, где не сеяло» [Вернадский, 1877, с. 72].

Кстати, требованием дани у ОИК в её функции дивана парламент всё-таки неизбежно столкнулся британский суверенитет с могольским.

группами). Не случайно голландская ОИК заключала договоры с восточными правительствами от имени статхаудера [Hunter, I, p. 240].

Французские ОИК (1664–1719) и КИ (1719–69) по сути вообще были государственными департаментами восточной торговли. Их учреждение было инициировано правительством, которое всецело контролировало их деятельность. Что касается французской буржуазии, то средства в капитал компаний она вносила под сильным давлением правительства, воспринимая эту подписку как разновидность налогообложения [Golant, 1975, p. 8].

Парадоксальным образом, в голландском случае ОИК находилась под государственным контролем в силу могущества буржуазии, а во французском — в силу её слабости. Проблема установления контроля над до того не подконтрольной ОИК встала только перед английским государством, что лишний раз указывает на уникальность английского капитализма, для которого характерна практически полная отделённость предпринимательства от государства.

¹ Вынудив ОИК поделиться доходами бенгальской казны, государство не перестало быть её должником. Его общий долг перед Компанией по-прежнему составлял £ 4,2 млн (консолидирован в 1793 г.), а что касается ежегодных £ 400 тыс., это был другой канал [Lyall, 1973, p. 172, n. 1].

Чтобы подстраховать бесперебойные выплаты, правительство в 1767 и 1768 гг. вмешалось в распределение прибылей внутри ОИК: актом парламента дивиденд акционеров был снижен до 10% и законодательно фиксирован [НРНЕ, XVI, р. 343]. Это вызвало бурю возмущения в Компании, которую поддержала парламентская оппозиция, обрушившаяся на правительство с критикой.

Удобные поводы для критики имелись. В связи с государственным вмешательством в дела ОИК остро встала проблема неприкосновенности прав частной корпорации, дарованных ей по хартии. В поданной парламенту в 1768 г. петиции директора Компании заявили, что право устанавливать размер дивиденда принадлежит только ей самой (но предложили компромисс: если парламент не будет вмешиваться, они не станут без нужды увеличивать дивиденд). Защитники ОИК утверждали, что *«такое применение верховной власти является в равной степени ненужным и опасным»*, Компания не совершила никакого преступления (*misconduct*), чтобы парламент имел право вмешиваться, а *«ограничение подданного в праве распоряжаться своей собственностью ни под каким иным предлогом, кроме как простой возможности злоупотребления, является принципом неслыханным в любой свободной стране и в высшей степени тревожным для всех финансовых и торговых кругов этого королевства...»* [НРНЕ, XVI, р. 403]. Однако подавляющее число членов палаты общин было настроено против ОИК¹. Так дела Компании *«стали таким же объектом ежегодного рассмотрения, как бюджетные поступления (raising of the supplies)»* [НРНЕ, XVI, р. 402].

Как показано выше, государство уже обладало обширным опытом получения с ОИК денег, но этот опыт был накоплен в ходе его отношений с ней как с торгово-финансовой корпорацией. Тот механизм был отработан и привычен: займы в обмен на привилегии (парламент пользовался тем, что продление монополии ОИК зависело от его санкции). Запустить руку в территориальные доходы Компании для государства было не менее заманчиво, чем в её уставный капитал — но для этого пришлось создавать специальный механизм.

В 1769 г. парламент продлил на пять лет выплаты Компанией £ 400 тыс. [Собрание актов, 1843, с. 29]. Это была временная мера. Правительство ещё плохо представляло себе, какую форму должен принять его контроль над державой-купцом. Кроме того, ввиду сопротивления оппозиции оно ждало

¹ В отношении государства к ОИК очевиден «двойной стандарт». Когда в 1762 г. на переговорах о мире Франция просила Великобританию вернуть отнятые во время войны индийские территории, британцы отказались, сославшись на отсутствие у короны права *«покушаться на законную и исключительную собственность корпоративного органа»*, т.е. ОИК [Lyll, 1973, р. 176–177]. Теперь же британские политики «забыли» о таком аргументе.

серьёзного повода, который позволил бы ему оправдать дальнейшее наступление на ОИК.

Одновременно с наступлением в Лондоне правительство попыталось поколебать позиции ОИК в Индии. В 1770 г. здесь появился посланник короля сэр Джон Линдси, задача которого была прямо противоположной той задаче, которая в своё время была поставлена перед Роу. Теперь представитель монарха должен был не упрочить положение Компании, а, напротив, подорвать его (предполагалось — без ущерба британским позициям в целом, т.е. вытеснить влияние ОИК влиянием правительства).

Начав наступление на политическую самостоятельность ОИК, правительство вдруг «вспомнило», что по Парижскому миру 1763 г. с Францией наваб Карнатика Мухаммад Али признан союзником британского короля. Это давало правительству основание обойти ОИК, чтобы установить отношения с навабом без посредников. Облегчил задачу правительству шаг самого наваба ему навстречу. Стремясь ослабить контроль ОИК, Валаджах I в 1767 г. через своего представителя Дж. Макфёрсона обратился напрямую к Георгу III с просьбой о защите. Эта жалоба и послужила правительству поводом к отправке посланника¹.

Однако «на индийском фронте» атака правительства на ОИК быстро захлебнулась. Для виду директора сделали выговор совету Мадрасского президентства за причинённые навабу несправедливости, но в частном письме предоставили ему право и впредь действовать, исходя из ситуации, и по сути напомнили, что они, а не кабинет, правят британскими владениями в Индии [Reid, 1947, p. 108–110]. Когда Линдси стал поддерживать Мухаммада Али против Компании и вообще вмешиваться в её отношения с индийскими политиями, мадрасский совет занял жёсткую позицию, дав понять государственному представителю: в Британской Индии существует только одна власть — ОИК [Sheik Ali, 1963, p. 162]. Позицию совета суммирует такой его недвусмысленный ответ на критику сменившего Линдси Р. Харленда по одному из вопросов: «мы полагаем, что сможем оправдаться перед теми, перед кем мы ответственны...» [Love, 1996, III, p. 50].

Руководство президентства по сути игнорировало власть королевского уполномоченного, к чему располагала правовая ситуация. По хартии ОИК пользовалась самоуправлением, и никто этой хартии не отменял. Стало ясно, что основное поле сражения между государством и ОИК за её политическую независимость находится в Лондоне. Именно там в начале 1770-х годов правительство одержало первую крупную победу.

¹ Как и прежде, правительство пошло на шантаж ОИК. Шла её война с Майсуром (см. III.1.1), и директора в очередной раз просили помощи королевского флота. Условием её оказания правительство и поставило отправку посланника короля [Reid, 1947, p. 108].

Борьба фракций внутри ОИК предала гласности источники обогащения её чиновников в Индии, и правительство увидело в «устранении злоупотреблений» удобный повод для вмешательства. По инициативе полковника Джона Бёргойна¹ в 1772 г. был создан «Избранный комитет по делам Ост-Индии». Характер выводов этого комитета был ясен уже при его создании. *«Самые ужасные злоупотребления, — заявил полковник, — когда-либо пятнавшие имя гражданского правительства, требуют исправления, ... если каким-то образом суверенитет и закон не будут отделены от торговли... Индия и Великобритания будут потоплены и разорены и никогда не поднимутся вновь»* [НРНЕ, XVII, р. 457].

Как и прежде, Компанию защищала вигская оппозиция. Наибольшую активность проявлял её знаменитый оратор и публицист Эдмунд Бёрк. По словам Бёрка, к произволу чиновников ОИК подтолкнуло само правительство: не удосужившись составить для них соответствующего свода законов, оно предоставило губернаторам ОИК только один выход — пользоваться своей дискреционной властью, которая была их единственным средством держать своих людей в повиновении. Бёрк предостерёг правительство от опасности своим вмешательством в дела Компании уронить её достоинство в глазах индийцев (подвластного ей населения и соседних держав) [НРНЕ, XVII, р. 462–463]. Однако, будучи в меньшинстве, виги не могли остановить наступление на ОИК.

В августе 1772 г. ОИК подала правительству новый повод для вмешательства: директора впервые за всю её историю попросили у государства заём (в £ 1 млн). Причиной тому было резкое ухудшение экономической ситуации в Бенгалии, до этого считавшейся бездонной бочкой и «дойной коровой» Компании. В 1769–70 гг. страну поразили засуха и голод (выкосивший до трети населения), а усугубили кризис выкачиваемый калькуттской администрацией огромный налог и спекуляция зерном. Это вызвало резкое падение курса акций ОИК (с 219 до 160 пунктов), поставившее её на грань банкротства [Новая история Индии, 1961, с. 102–103]. Обращение за займом резко ухудшило позиции ОИК, послужило причиной специального созыва парламента и поводом к созданию в нём ещё одного, Тайного, комитета.

Как и следовало ожидать, в подготовленных двумя парламентскими комитетами отчётах ОИК была заклеймлена как средоточие коррупции. Оказалось, что за 1757–66 гг. свыше £ 2 млн было получено служащими Компании от бенгальцев в качестве подарков (не считая джагира Клайва), а £ 3,77 млн она выкачала из страны под видом возмещения ущерба [Roberts, 1952, р. 181–182]. Комитеты пришли к выводу, что директора почти или

¹ Того самого, который в 1777 г. сдаётся американскому генералу Г. Гейтсу под Саратогой.

совсем не контролируют своих служащих в Индии, единственное намерение которых — набить карман. Их отчёты сильно подогрели неприязнь к ОИК в парламенте и обществе [Roberts, 1929 (1), p. 186].

Таким образом, наступление государства на ОИК шло полным ходом, и она всецело перешла к обороне. Директора понимали, что надо срочно лишить парламент поводов вмешиваться в деятельность Компании. Сначала такая попытка была сделана через сам парламент. Саливан в 1772 г. представил общинам билль о реформе управления Бенгалией (он предусматривал запрет губернатору и советникам заниматься торговлей, увеличение контроля директоров над чиновниками на местах и судебную реформу). Однако палата отклонила билль под предлогом необходимости предварительно тщательно изучить проблему [Weitzman, 1929, p. 13]¹. Потерпев неудачу в Лондоне, директора попытались исправить положение по собственной инициативе, назначив шесть наблюдателей (*supervisors*), которые должны были отплыть в Бенгалию, чтобы реконструировать всю систему управления [Roberts, 1929 (1), p. 187]. Однако было поздно: оказалось, что директора уже не властны над собственными служащими.

В декабре 1772 г. по совету Тайного комитета в нижнюю палату был внесён билль о запрете ОИК на полгода посылать наблюдателей, что Бёрк верно назвал прямым посягательством на хартию Компании [НРНЕ, XVII, p. 567]. Вклинившись между её директорами и служащими, государство перешло грань, разделявшую сферы административной компетенции двух организаций. Саливан мобилизовал против билля юристов Импи и Адэра, которые назвали его принцип и цель неконституционными [НРНЕ, XVII, p. 651]. Директор и член палаты от оппозиции У. Доудсуэлл справедливо обвинил правительство в «*намерении завладеть территориальными доходами*» Индии [НРНЕ, XVII, p. 666]. Однако силы были неравны, и билль был принят с огромным перевесом голосов «за» (153 против 28 общинами и 26 против 6 лордами) [НРНЕ, XVII, p. 682]². Правительство одержало убедительную победу в «индийском вопросе» и не собиралось останавливаться на достигнутом.

¹ Справедливости ради следует отметить: устранение предлогов государственного вмешательства не было единственной целью этих мер. Наиболее дальновидные чиновники ОИК сами понимали, что её функционирование в роли политики требует совершенно новых принципов деятельности. Например, в 1773 г. Хейстингс писал директорам, что целой страной нельзя управлять на основе хартий коммерческой корпорации (см.: [Indian Const. Documents, 1948, p. 14–16]).

² После этого, в соответствии с парламентской практикой, пять лордов-вигов зафиксировали свой протест против решения большинства в протоколе заседания верхней палаты. Пэры верно отметили, что назначить комиссию для исправления злоупотреблений было долгом ОИК, а парламент помешал ей, поэтому ответственность за продолжающиеся злоупотребления лежит теперь на нём [НРНЕ, XVII, p. 683–684].

К 1773 г. проблема взаимоотношений государства и ОИК вышла на первый план в политической жизни страны. Как писал Бёрк в частном письме в марте 1773 г., *«это ведущий предмет, задающий тон и характер всему остальному. Мы будем заниматься им всю эту сессию, всю следующую и, я подозреваю, всегда»*, причём, по признанию Бёрка, *«индийский вопрос... настолько привёл в смятение (distracted) нашу партию, что идея оппозиции правительству по этому или по любому другому вопросу смешна»* [Burke, 1960, p. 425–426].

Повышению парламентского интереса к ОИК способствовал мировой кредитный крах 1772–73 гг., который в значительной степени был вызван спекуляцией её акциями на биржах Лондона, Амстердама и Парижа. В довершение всего группа спекулянтов начала оказывать влияние на нестабильную ситуацию внутри Компании, используя всё тот же механизм дробления капитала [Sutherland, 1952, p. 139]. Все эти события лишний раз показали, что деятельность ОИК превращается во внутривнутриполитическую проблему Великобритании (тем более что этот кредитный крах впервые в истории начался с Лондона. — [Braudel, 1979, III, p. 323]). В обществе крепло мнение, что для исправления ситуации в ОИК и вокруг неё требуется какая-то степень государственного контроля над ней. Это означало, что аргументы защитников Компании о неприкосновенности её прав звучат всё менее убедительно.

Наконец, в марте 1773 г. ОИК попросила ещё один заём. Это стало последней каплей, и правительство Норта взялось за Компанию по-настоящему. Для начала палата общин приняла радикальную резолюцию: *«все приобретения, сделанные с применением военной силы или путём договоров с иностранными князьями, по праву принадлежат государству»* [НРНЕ, XVII, p. 856]. Так была подведена юридическая база под решающий прорыв в наступлении на ОИК. Затем парламент удовлетворил её просьбу о займе, предоставив ей £ 1,4 млн под 4%, одновременно вновь снизив размер её дивидендов до 6% (до погашения долга) [НРНЕ, XVII, p. 418, 827]¹. Финансо-

¹ Дальнейшей мерой правительства для облегчения тяжёлого финансового положения ОИК стало временное снижение пошлин на ввозимый ею чай для реэкспорта в североамериканские колонии. Это позволило Компании не только снизить продажную цену чая, но и подготовить его сбыт на этот раз через собственных агентов — минуя обычных оптовых покупателей, что лишало этих купцов крупных прибылей. В американской прессе тут же зазвучали обвинения правительства во введении монополии ОИК, причём это представляли лишь первым звеном в плане полной монополизации экономической жизни колоний [Klaus, 1959, p. 201–202]. Хотя данное обвинение было сильным преувеличением, ряд портов не принял чай ОИК, а в Бостоне в декабре 1773 г. имело место знаменитое «чаепитие» (когда горожане побросали в море 342 ящика с чаем с трёх кораблей Компании). Проведённая парламентом карательная мера — закрытие бостонского порта — резко усилила напряжённость в отношениях Лондона с североамериканскими колониями. Таким образом, пытаясь решить проблему в одной части империи, парламент подлил масла в огонь конфликта с другой её частью.

вая помощь государства дорого обошлась ОИК: Норт внёс на обсуждение палаты общин билль, ставший Актом о регулировании (*Regulating Act*) и поставивший ОИК под определённый — косвенный — контроль государства.

Беспрецедентное вмешательство государства в дела ОИК Норт обосновал тем, что дарованные ей по хартиям полномочия, *«как показал опыт, были найдены недостаточно сильными и эффективными для предотвращения разного рода злоупотреблений»* её служащих к *«явному ущербу для общественного доверия и торговых интересов»* Компании; поэтому *«весьма целесообразно определённое дальнейшее регулирование»* [Documents / Marshall, 1968, p. 111]. Как сказано выше, вступив на путь подчинения компании-политии, но не имея такого опыта, государство вынуждено было пробираться ощупью. Поэтому предложенные Нормом меры были половинчатыми и уязвимыми для критики, чем не замедлили воспользоваться защитники Компании. Конкретно премьер-министр предложил следующее.

Предусматривалась реформа структуры ОИК и в Лондоне и в Индии. Директора должны были выбираться теперь не на один, а на четыре года при ежегодном переизбрании 6 директоров. В собрании акционеров резко повышался избирательный ценз: теперь право голоса имели только лица, владеющие акциями на сумму в £ 1 тыс. и более (с 1698 г. — £ 500) [Documents / Marshall, 1968, p. 111–113]. Формально обе меры были направлены на пресечение фракционной борьбы в Компании (через дробление капитала). Однако истинной целью правительства было усиление его контроля над ОИК. Как справедливо заметил Доудсуэлл, данная мера делала директоров *«независимыми от акционеров — их хозяев»* [НРНЕ, XVII, p. 898]. Лишённые права голоса почти 1600 акционеров (с акциями на £ 500–1000) так же верно схватили суть относящейся к ним реформы. В петиции против неё они указали, что корона или министры смогут теперь *«оказывать грезмерное влияние на управление делами Компании; очевидно, что это намерение гораздо легче осуществимо через малочисленный, нежели многочисленный орган»* [НРНЕ, XVII, p. 894–895]¹.

¹ Непоследовательность данных мер лежала на поверхности, и защитники ОИК не преминули указать на неё. Во время дебатов в верхней палате адвокат ОИК Адэр привлёк внимание пэров к очевидному факту: с одной стороны, билль отвергал ежегодные выборы директоров, а с другой — одобрял эту систему, поскольку выборы 6 директоров могли быть подвержены таким же значительным нарушениям, что и выборы всего состава правления [НРНЕ, XVII, p. 912]. Верховный судья лорд Мэнсфилд сказал, что лишение части акционеров права голоса не только является небывалым в английской истории расширением деспотизма, но и не отвечает декларируемой цели, так как количество голосов уменьшается лишь ненамного: владельцы капитала в £ 3 тыс. получали теперь 2 голоса, £ 6 тыс. — 3, £ 10 тыс. — 4 [НРНЕ, XVII, p. 910].

В Индии проводилась централизация управления. Губернатор Бенгалии становился генерал-губернатором¹, а численность его советников сокращалась до 4 человек и он получал право решающего голоса, но только если мнения делились поровну (*casting voice*). Мадрасское и Бомбейское президентства административно подчинялись Бенгалии: генерал-губернатор и совет впервые получили право надзора и контроля над ними и владением ОИК в Бенкулу (однако полномочия Калькутты как верховного правительства не были чётко зафиксированы, что в 1770-е годы вызвало трения между президентствами). Первый состав руководства главного президентства был именован в тексте билля, т.е. его назначала корона. Это было разрывом с практикой функционирования президентств Компании, которая по хартиям сама назначала своих чиновников всех уровней. Генерал-губернатором становился действующий губернатор Уоррен Хейстингс (назначенный директорами в 1772 г.). Из прежнего состава калькуттского совета оставался только один человек — Ричард Баруэлл. Остальные названные в билле советники служащими Компании не были, а фактически навязывались ей государством — генерал-лейтенант сэр Джон Клейвринг, полковник Джордж Монсон и служащий военного министерства Филип Фрэнсис. Все пятеро назначались короной на 5 лет, по истечении которых право выдвигать кандидатуры и смещать генерал-губернатора и его советников возвращалось к директорам [Documents / Marshall, 1968, p. 113–115]².

Данный пункт был центральным в билле: в 1773 г. правительство поставило целью управлять Британской Индией прежде всего с помощью своих людей непосредственно на месте [Keay, 1991, p. 385]. Неудивительно, что он породил наиболее бурный протест. В поданной самой Компанией петиции общинам говорилось: *«назначение парламентом или короной чиновников... не зависящих от выбора Компании и не поддающихся реальному контролю со стороны директоров или общих собраний упомянутой Компании и неподвластных Компании в вопросах их смещения... (в то время как собственность у Компании остаётся), является мерой столь исключительной, что петиционеры просят парламент обратить внимание на это в высшей степени тревожное обстоятельство перед тем, как палата даст санкцию на акт, который под видом регулирования сразу уничтожит полномочия Ост-Индской Компа-*

¹ Формально он продолжал возглавлять не Бенгалию, а «президентство форт Уильям в Бенгалии»: юридически страна оставалась могольской субой.

² Сохранение Хейстингса во главе Бенгальского президентства отчётливо отражало компромиссный характер билля, но Адэр не преминул взглянуть на этот пункт с выгодной только для ОИК точки зрения: проводить в жизнь предлагаемые меры должен тот самый губернатор, положение дел при котором и породило столько порицаний. Из этого Адэр заключил, что план регулирования, подготовленный самой Компанией (билль Саливана), равноценен предложенному правительством [НРНЕ, XVII, p. 912].

нии и фактически передаст их короне» [НРНЕ, XVII, р. 889–890]. На защиту ОИК встали лорд-мэр, олдермены и общины Лондона, заявившие: билль Норта — «*прямое и опасное покушение на свободы людей*», он ставит под угрозу «*безопасность собственности вообще и в особенности привилегии каждого корпоративного органа в этом королевстве*» — ведь привилегии города Лондона стоят на той же основе, что и привилегии ОИК [НРНЕ, XVII, р. 889].

Если внедрение государством своих ставленников в индийские органы власти ОИК можно считать скрытой мерой по установлению его контроля над Компанией, то предлагалась и мера, официально подчинявшая совет директоров правительству. Он обязывался регулярно отчитываться о делах ОИК: перед министерством финансов о состоянии сбора налогов на подвластных ей территориях, а перед министерством иностранных дел — о гражданском управлении и военных делах Компании в Индии [Documents / Marshall, 1968, р. 114–115].

Государство стремилось не только контролировать законодательную и исполнительную власти ОИК, но и заменить её судебную власть собственной. Вместо муниципального суда Компании в Калькутте учреждался королевский «Верховный суд правосудия в форте Уильям». Под его юрисдикцию попадали все британские подданные в Бенгалии [Documents / Marshall, 1968, р. 152], но было неясно, считаются ли ими индийцы на службе ОИК, что привело исполнительную и судебную власти Бенгалии к конфликту (см. III.2.2).

Наконец, предусматривалось некоторое разведение коммерческой и административной функций ОИК. Согласно биллю, генерал-губернатору, его советникам и судьям запрещалось принимать подарки и заниматься частной торговлей¹. Всем налоговым и судебным чиновникам Компании и их агентам запрещалась купля-продажа товаров [Documents / Marshall, 1968, р. 152–153].

Вигская оппозиция жёстко критиковала билль Норта в целом, пытаясь доказать своё мнение: истинная причина вмешательства в дела ОИК заключается не в декларированном правительством стремлении пресечь нарушения (ради блага самой Компании), а в желании короны и правящей партии поставить ресурсы ОИК под свой контроль [НРНЕ, XVII, р. 898]. Это мнение было совершенно справедливым — однако через 10 лет виги, оказавшись у власти, будут делать то же самое. Их лидер Чарлз Джеймс Фокс предло-

¹ Сблaзн идти на злоупотребления было решено отбить очень высокими окладами: генерал-губернатору — £ 25 тыс. в год, советникам — £ 10 тыс. В результате жалованье генерал-губернатора Бенгалии среди чиновников Британской империи оказалось сравнимым только с жалованьем лорда-наместника Ирландии [Marshall, 1976, р. 185].

жит реформу намного радикальнее нортвской, а Бёрк пустит в ход своё знаменитое красноречие, клеймя ОИК с не меньшим пылом, чем тот, с каким он защищал её теперь (см. III.2.2).

Несмотря на мощную критику оппозиции, у правительства имелся один сильный аргумент. Озвучил его Дж. Сент-Джон, заявивший: и без нарушений одних лишь политических причин достаточно для регулирования законодательным путём деятельности ОИК, поскольку есть существенное различие между правами, полученными по хартии, и изначальными конституционными правами. Сент-Джон напомнил, что источник существования хартии — парламент, поэтому она должна развиваться под его контролем [НРНЕ, XVII, р. 899]. В момент дарования хартии (в 1698 г.) ни парламент, ни ОИК не представляли, что британская власть распространится на огромную страну, по численности населения и площади превышающую Великобританию. Иными словами, парламент дал — парламент и взял.

Со своей стороны, защитники ОИК считали (тоже справедливо), что все полученные от парламента хартии были по сути проданы ей (за крупные займы). Пользуясь тем, что о «злоупотреблениях» говорилось больше общих фраз, чем конкретики, они настаивали, что подобные утверждения голословны¹. Наконец, они попытались вбить клин между двумя палатами, запугивая лордов возможностью потери всякого политического веса и превращения в послушный придаток общин. Как сказал лорд Мэнсфилд, если произвольная отмена хартии возможна в случае с ОИК, то почему не в случае с Английским банком или с привилегиями членов палаты лордов? [НРНЕ, XVII, р. 911]. Однако пэры-тори не обратили внимания на предостережение².

Вообще аргументы защитников ОИК не произвели впечатления на торийское большинство в парламенте: у неё были слишком шаткие позиции. Акт Норта был принят палатой общин 121 голосом против 31, а палатой лордов — 74 голосами против 17 [НРНЕ, XVII, р. 904, 914].

¹ Обоснование билля было продумано настолько плохо, что Адэр поймал Норта на противоречии уже в преамбуле законопроекта. Как заметил адвокат, абсурдно отбирать у ОИК власть вообще, если ясно сказано, что она «*найдена недостаточной для исправления распространившихся злоупотреблений*»: было бы логичным, напротив, наделить Компанию большей властью [НРНЕ, XVII, р. 912]. Бёрк вообще сравнил не подкреплённый сильными аргументами билль Норта с футбольным мячом, летающим между небом и землёй от получаемых ударов [Indian Const. Documents, 1948, р. 30].

² Между тем подумать было над чем — другое дело, что против пэров работало время. Впрочем, преобладание нижней палаты было явным уже давно (со «славной революции»). После очень быстрого рассмотрения и принятия билля верхней палатой на это указали несколько лордов-вигов, назвав её членов «*низшими министерскими инструментами, которым не позволено даже дискутировать о своих полномочиях*» [НРНЕ, XVII, р. 917].

Как и до этого, в 1773 г. был заключён компромисс: ОИК оставалась в Индии по сути независимой политией, но акт заставил её признать, что «король в парламенте является верховным правителем всего английского» [Reid, 1947, p. 113], включая её владения на Востоке. При этом премьер-министр намекнул на временный характер акта: парламент оставляет за собой право на дальнейшее вмешательство, если принятые меры не вполне исправят существующее зло [HPNE, XVII, p. 903].

Начав превращаться в индийскую державу, ОИК сразу же стала объектом пристального интереса государства. Сначала его вмешательство приняло традиционную форму борьбы правящей партии и оппозиции за политическую ориентацию влиятельной ОИК, но очень скоро речь пошла о создании механизма государственного регулирования деятельности Компании. Причинами создания этого механизма были поиски казначейством средств, активизация политической роли служащих Компании и её превращение в восточную политику само по себе.

Потенциальным властным конкурентом английского государства ОИК стала ещё в XVII в. в силу своих привилегий, полученных от него же — делегированных ей законодательной, исполнительной и судебной власти над её служащими — английскими подданными — а также право на самостоятельную внешнюю политику. Для успешного функционирования ОИК должна была сама управлять на Востоке (вообще не освоенной англичанами зоне) своими служащими — выступить для них в роли государства. Однако ресурсов для превращения в полноценную политику у ОИК тогда ещё не было, она была пока политией в зародыше.

Реально в конкурента европейского государства (не говоря уже об азиатских патримониях) ОИК выросла, захватив власть в Бенгалии. По сути ОИК самостоятельно трансформировала дарованное ей короной и парламентом самоуправление (уже имеющуюся власть над собственными служащими) в политическую власть над населением целой азиатской страны. Тем самым ОИК — **британский** подданный — сразу стала неподконтрольной британскому государству в своём **индийском** качестве. В середине XVIII в. сложилась беспрецедентная ситуация: государство контролировало (путём хартий) ОИК как корпорацию лондонских купцов, но у него не было механизма контроля этой же организации в её ипостаси индийского правителя. В каком смысле эта организация осталась (британским) **подданным**, став сама (индийским) «**сувереном**»? До середины XVIII в. ОИК действовала на Востоке как фактически независимый от английского государства организм, но после превращения её самой в политику государство сразу вспомнило о своём суверенитете над Компанией.

В юридическом споре каждая сторона была права по-своему. Защитники ОИК справедливо указывали на посягательство на её права по хартии,

противники Компании — на злоупотребления, неизбежно сопутствовавшие процессу её сложной адаптации к новой роли бенгальского правителя. В любом случае, став державой на Востоке, ОИК переросла собственные рамки. Социальные последствия этого процесса в Великобритании требовали от парламента действий.

Лишение ОИК её индийских территорий в пользу короны было невозможным по ряду причин юридического, политического, финансового характера. Поэтому парламент избрал путь установления своего косвенного контроля над управляемой Компанией Британской Индией.

Сначала дело ограничилось выплатой Компанией дани государству, но с нарастанием её финансовых трудностей парламент вмешался во внутреннюю жизнь ОИК. Используя злоупотребления служащих Компании скорее как предлог, нежели как причину своего законотворчества, парламент в 1773 г. принял акт, поставивший компанию-державу под частичный контроль государства. Главным шагом правительства Норта в этом направлении стала попытка занять «командные высоты» внутри индийского руководства ОИК путём назначения своих ставленников в совет Бенгальского президентства.

Акт Норта стал первым в череде компромиссов, которая протянется через всю последующую историю ОИК и приведёт её к смерти. Пока же у директоров Компании и её служащих на местах сохранялось ещё немало полномочий. Акт 1773 г. был экспериментом и временной мерой: инициировав его принятие, правительство решило посмотреть, как на практике будет действовать система государственного контроля над Компанией. Компромисс не мог быть ни прочным, ни длительным. Во-первых, он был заключён в пользу более сильной стороны — государства, что создавало возможность его дальнейшего наступления на ОИК. Во-вторых, компромиссный характер акта был чреват новыми конфликтами. Самый острый из них расколол на два года исполнительную власть ОИК в Индии — генерал-губернаторский совет, — противопоставив ставленников правительства служащим Компании.

III.2.2. Установление эффективного контроля государства (1773–84)

Принятие акта Норта позволило правительству активнее повести наступление на ОИК. Оно вновь происходило на двух фронтах одновременно — британском и индийском, но теперь главным стал индийский фронт.

Прибывшие в Калькутту в 1774 г. три новых советника определённо рассматривали себя как представителей государства, а не ОИК. Это недвусмысленно выразил в одном из писем Фрэнсис, являвшийся душой триумвирата:

советники будут подчиняться приказам директоров только в том случае, если они не противоречат воле парламента [Appendix / Weitzman, 1929, p. 216]. Сразу по прибытии советники вступили в острый конфликт с генерал-губернатором Хейстингсом, бросив все силы на его смещение. Будучи убеждён, что назначен парламентом «расчистить Авгиевы конюшни» вопиющих злоупотреблений, Фрэнсис главным их виновником считал Хейстингса, который возглавлял Бенгальское президентство уже два года. Воспользовавшись тем, что проведённое губернатором сокращение расходов породило много недовольных, триумвират стал собирать любые порочащие его сведения, не заботясь об их достоверности. В совете триумвиры составили большинство (3 голоса против Хейстингса и поддерживавшего его Баруэлла), поэтому стали успешно блокировать все инициативы генерал-губернатора, яростно критикуя их [Weitzman, 1929, p. 25–29]. Обвиняя Хейстингса в чудовищной коррумпированности, Фрэнсис писал в 1775 г., что британская Бенгалия по-своему находится в не меньшей опасности, чем североамериканские колонии — поэтому так нуждаются в поддержке Лондона он и его сторонники, *«ведущие утомительную битву за своего короля¹, за свою страну и за Компанию»* [Appendix / Weitzman, 1929, p. 233]. Показательно, что последняя «своей» не названа.

В борьбе Хейстингса с Фрэнсисом присутствовал очень сильный личный момент: обладая колоссальным честолюбием, Фрэнсис сам метил в генерал-губернаторы. Однако стержнем их борьбы было противостояние «на индийском уровне» ОИК и государства. Помимо конфликта личностей это был конфликт принципов [Affairs of the East India Company, 1984, p. XIV]. Противники совершенно по-разному видели будущее Индии в качестве британского владения. Их борьба ярко показала несовершенство законодательной меры Норта и парализовала эффективное управление Британской Индией. Ключевым вопросом принципиальных разногласий Хейстингса и Фрэнсиса был вопрос о власти в Бенгалии. Хейстингс выступал в пользу сохранения её за ОИК, Фрэнсис — в пользу передачи её короне (т.е. входил в число наиболее радикальных сторонников государства). Исходя из этого основного вопроса, соперники и выработали свои — противоположные — позиции по ряду других важных вопросов.

Первым пунктом был способ управления страной. Хейстингс защищал проведённое им объединение функций дивани и низамата в руках Компании. Фрэнсис же выступал за возврат обеих ветвей власти навабу, после чего он стал бы управлять Бенгалией от имени британского короля — *«подобно тому, как сейгас предполагается, что он управляет от имени Могола»* [Appendix /

¹ Который, по собственному признанию, *«внимательно гитал»* обличительные донесения Фрэнсиса [George III, 1968, p. 141].

Weitzman, 1929, p. 240]¹. Таким образом, в схеме Фрэнсиса (вертикаль «король Великобритании — бенгальский наваб») для ОИК места не оставалось. Первым шагом к реализации схемы Фрэнсис видел возврат к «двойному управлению» Клайва. Триумvirат быстро перешёл от слов к делу, восстановив в 1775 г. должность наиб-назима и вернув на неё Реза-хана. Однако история показала, что с точки зрения краткосрочных последствий прав был Хейстингс: по ряду веских причин Великобритания не могла тогда перейти к управлению Британской Индией напрямую (см. III.2.1), и в своих взглядах Фрэнсис вырвался далеко вперёд. После его поражения в борьбе (см. ниже) Хейстингс стал неуклонно сокращать объём полномочий Реза-хана, а сам пост наиб-назима был окончательно отменён в 1791 г. преемником Хейстингса генерал-губернатором маркизом Чарлзом Корнуоллисом (1786–93)². «Программа Фрэнсиса» будет реализована, но в совершенно иную эпоху — в эпоху пика британской гегемонии в мире (1850-е годы).

Вторым спорным вопросом была земельно-налоговая политика Бенгальского президентства. К 1775 г. Хейстингс понял вред введённой им же откупной системы и предложил ввести систему временного заминдари (при которой размер налога фиксировался на срок жизни отдельного заминдара) [Weitzman, 1929, p. 72–73]. Фрэнсис же готовил для заминдаров другую роль — держателей земли напрямую от британской короны. Только это, считал он, позволит сделать ставку налога умеренной и фиксировать её (коммерческую организацию Фрэнсис считал не способной разумно управлять страной, не разоряя её, — ведь ей требуется постоянное повышение дивидендов)³. В этом пункте победил план Фрэнсиса, причём провёл его в жизнь в 1793 г. тот же Корнуоллис, введя систему постоянного заминдари, хотя и в отсутствие центрального условия Фрэнсиса — перехода власти к короне. Таким образом, в политике одного и того же генерал-губернатора оказались представлены подходы отчасти Хейстингса, отчасти Фрэнсиса.

¹ В пользу реставрации наваба Фрэнсис высказывался ещё и потому, что считал: «*во-стогными империями не следует управлять с помощью сложных или тонких правовых или политических систем*» и британцам следует гораздо меньше вникать в вопросы управления, чем они это делают [Appendix/ Weitzman, 1929, p. 239]. Позицию Фрэнсиса нельзя не назвать близорукой: такой курс британцев на самоустранение мог привести к их изгнанию из их индийских владений — ведь они перестали бы контролировать страну на низовом уровне.

² Это позволило индийскому историку А.М. Хану назвать англо-могольской фазой истории Бенгалии весь период 1757–91 гг. [Khan A., 1969, p. 1].

³ Фрэнсис считал, что возрождает налоговую практику мусульманских завоевателей Бенгалии, но по сути приписал заминдару этой страны черты европейского частного собственника [Weitzman, 1929, p. 82]. За сохранение могольской системы, при которой право собственности было закреплено частично за властью, частично за заминдаром и частично за *райятом*, выступал именно Хейстингс.

Третьим пунктом разногласий был вопрос о суде. Хейстингс лишил заминдаров их судебных функций, возродив могольскую систему (эти функции заминдары присвоили лишь с ослаблением имперской власти). Фрэнсис тоже был логичен: минимальное вмешательство британцев в управление (за которое он выступал) предполагало усиление заминдаров и в этой сфере, т.е. возврат им судебных функций. Триумвират передал садр низамат Реза-хану, садр дивани упразднил и собирался сделать то же с судами низшей инстанции. Как жаловался Хейстингс Саливану, эти меры парализовали работу всей судебной системы [Weitzman, 1929, p. 64].

Наконец, споры шли и по внешней политике. До приезда триумвирата Хейстингс действовал на этом направлении весьма активно, стремясь превратить пограничные с Бенгалией княжества в эффективные буферы против маратхов. Фрэнсис был ярым противником подобной линии и призывал вернуться к невмешательству второй половины 1760-х годов, что опять-таки связывал с ликвидацией власти ОИК. По его мысли, королю Великобритании следовало объявить своим наместником лишь бенгальского наваба [Appendix / Weitzman, 1929, p. 237]. Остальная Индия оставалась бы под властью Могола, причём британцам следовало по сути восстановить султанат — чтобы, поспособствовав приведению всех региональных правителей к былой покорности шаху, контролировать их через него [Feiling, 1955, p. 135]. Однако этот план был нереален: авторитет Тимурида давно был крайне слабым. Адекватно обстановку понимал Хейстингс, имея дело с отдельными правителями и не обращая внимания на призрачный могольский суверенитет.

Преемники Хейстингса объективно примирят и внешнеполитические стратегии противников путём их чередования в зависимости от ситуации. Когда у ОИК будет непосредственный интерес и силы для распространения своей власти и влияния на субконтиненте, её генерал-губернаторы станут держаться линии Хейстингса (отчасти Корнуоллис, Уэлсли, маркиз Хейстингс). Такие периоды будут чередоваться с «политикой невмешательства», когда ОИК будет проводить реформы на собственных территориях и накапливать силы для дальнейших завоеваний (Шор, Барлоу, Минто) [Синха, Банерджи, 1954, с. 335] — см. IV.1.

Противостояние Хейстингса и Фрэнсиса в бенгальском совете длилось два года (1774–76). Сначала казалось, что триумвират побеждает, и Хейстингс подал в отставку. Однако позднее, увидев некомпетентность оппозиции, он передумал [Davies A., 1935, p. 183–184]. В 1776 г. умер Монсон, и перевес в совете оказался у Хейстингса. Правда, директора приняли отставку последнего и Клейвринг (как следующий по старшинству член совета) объявил себя генерал-губернатором, но Хейстингса поддержали большинство служащих Бенгальского президентства и Верховный суд Калькутты, гла-

ва которого И. Импи был его школьным товарищем¹. Дуумвират был вынужден подчиниться решению суда в пользу Хейстингса [Select Documents, 1958, p. 96, 103]. Вскоре умер и Клейвринг, а Фрэнсису в 1780 г. пришлось вернуться в Лондон. Его отъезду предшествовала дуэль с Хейстингсом, на которой Фрэнсис был ранен. Оба заклятых врага были выдающимися государственными деятелями, и «схватка этих двух антагонистов — одна из самых ярких и в то же время грустных историй, сравнимых с трагическим соперничеством между Александром Хэмилтоном и Аароном Бэрром» [Davies, 1935, p. 125]².

Таким образом, в Индии правительство потерпело поражение: как с торжеством писал Хейстингс, его ставленники *«заболели, умерли или бежали»* [Moon, 1999, p. 186]³. Члены триумвирата формально были чиновниками ОИК, хотя и внедрёнными в неё правительством. Однако с 1773 г. в Калькутте существовал и собственно государственный институт — королевский Верховный суд. С ним Хейстингс тоже вступил в затяжной конфликт — из-за неясного разграничения актом Нортона предметов ведения исполнительной и судебной властей⁴.

Ситуация осложнялась тем, что сама исполнительная власть ОИК была частично и судебной, поскольку в своей могольской функции губернатор и совет составляли садр дивани адалат. Прежде всего стороны спорили, в чьей юрисдикции находятся заминдары-налогоплательщики. Хейстингс снял проблему, уступив Импи в 1780 г. пост председателя садр дивани адалата, а в 1781 г. парламент исправил собственное упущение, выведя генерал-губернатора и совет из-под юрисдикции Верховного суда, если их действия рас-

¹ Письмо лондонского агента Хейстингса директорам суд ловко объявил *«не отставкой, а извещением о желании генерал-губернатора подать в отставку»*, которое он потом взял назад [Select Documents, 1958, p. 97–99].

² А. Хэмилтон — один из отцов-основателей США, первый в их истории министр финансов (1789–95). А. Бэрр — сенатор от штата Нью-Йорк (1791–97), вице-президент при Т. Джефферсоне (1801–04). В 1804 г. Хэмилтон помешал Бэрру стать губернатором Нью-Йорка, и тот смертельно ранил его на дуэли.

³ Вместе с тем не следует думать, что Хейстингс (да и другие защитники Компании) противопоставлял ОИК своей стране. Отстаивая самостоятельность Компании, он считал, что она по праву занимает подобающее место в рамках Британской империи и индийские владения ОИК — неотъемлемая часть этой империи. Например, узнав во время войны с маратхами о капитуляции Бёргойна под Саратогой, Хейстингс заявил, что теперь тем более необходимо *«восстановить национальную утрату»* на западе продвижением интересов Великобритании на востоке. В результате Компания впервые отправила корпус войск из Бенгальского президентства в Бомбейское по суше (экспедиция Годдарда 1778 г.) [Reid, 1947, p. 125], чем серьезно повысила свой военный престиж в Индии.

⁴ В этом конфликте генерал-губернатор действовал вместе с Фрэнсисом: они отстаивали полномочия бенгальского совета в целом.

пространялись лишь на индийцев и не затрагивали британских подданных. Это означало, что заминдары и откупщики подсудны исключительно судам дивани и что вся сфера налогообложения лежит вне компетенции Верховного суда [Indian Const. Documents, 1948, p. 61]. Данное решение в пользу ОИК парламенту продиктовала необходимость: конфликт по поводу юрисдикции грозил разрушить структуру британской власти в Бенгалии.

Что касается собственного представителя короны в Индии — адмирала Э. Хьюджеса (сменившего Харленда в 1775 г.), то в условиях нечётко обрисованного механизма государственного контроля над ОИК он не решался давить на её власти. Например, когда члены мадрасского совета свергли губернатора лорда Пигота (1775–76) (см. IV.1.1), Хьюджес ограничился протестом [Love, 1996, III, p. 95–96]. В середине 1770-х годов стало ясно, что поле решающей борьбы государства с ОИК — по-прежнему Лондон.

В тот же, 1776, год, когда чаша весов в Калькутте склонилась на сторону Хейстингса, государство получило куда более ощутимый удар: восстали североамериканские колонии. В течение следующих семи лет (1776–83) львиная доля внимания британского льва приходилась на войну с ними и правительству было не до ОИК, тем более что непосредственно перед этим оно потерпело поражение и в Лондоне. Дважды — в 1775 и 1776 гг. — правительство пыталось провести в собрании акционеров ОИК решение об отозвании Хейстингса¹. Однако всякий раз акционеры отстаивали своего генерал-губернатора, видя в нём символ независимости Компании от государства [Keay, 1991, p. 387]. Акта Норта было явно недостаточно для эффективного контроля государства над ОИК.

Не сумев развязать Гордиев узел под названием «ОИК», Норт попытался разрубить его. В 1780 г. подошёл к концу срок хартии 1744 г., и премьер-министр предложил просто распустить ОИК (после погашения государством своего долга перед ней в £ 4,2 млн) [Wilbur, 1945, p. 294]. На это немедленно отреагировала вигская оппозиция в лице лидера её радикального крыла Ч.Дж. Фокса: *«неужели благородный лорд не удовлетворился потерей Америки? Или он намерен не оставлять подобных попыток, пока не сведёт владения короны к границам Великобритании?»* [Roberts, 1929 (1), p. 191]. Перед таким решительным отпором терявший политический вес Норт спасовал и в 1781 г. пошёл на очередной компромисс с ОИК. Парламент продлил её торговую монополию и право на индийские территории до 1794 г., во главе правления вновь встал Саливан и правительство прекратило нападки на Хейстингса. В ответ директора впервые сами одобрили правительственную кандидатуру на пост губернатора президентства (лорда Макартни в Мадрас)

¹ Сам король дал Норту указание *«принять законные шаги к смещению»* Хейстингса и Баруэлла [George III, 1968, p. 141–142].

[Sutherland, 1984, p. 215]. Другие уступки, на которые пошла ОИК, включали: установление 8%-го дивиденда без права директоров повысить его; возобновление ежегодных выплат £ 400 тыс. казначейству (поскольку Компания уже погасила долг перед ним); обязательство показывать правительству все письма, касающиеся налогообложения и управления, посылаемые в Индию (по акту Норта — только из Индии) [Roberts, 1952, p. 214]. Таким образом, и в неблагоприятных для себя условиях правительство продолжало вести наступление на самостоятельность Компании, пусть и ползучее.

И всё же до 1784 г. ОИК самостоятельности не теряла — благодаря американской революции, оттянувшей момент её утраты. Интересно, что неоднозначную роль в судьбе Компании сыграл один и тот же город Новой Англии — Бостон. «Бостонское чаепитие» 1773 г. причинило ей немалый коммерческий ущерб (£ 18 тыс.) [Wilbur, 1945, p. 314]. Зато именно здесь произошла и «бостонская резня» 1770 г. (когда «красные мундиры» впервые стреляли в толпу американцев), с которой началась цепная реакция, приведшая к войне за независимость. Если бы не эта война, парламент обращался бы с политической самостоятельностью ОИК менее осторожно [Keay, 1991, p. 363–364].

Не следует забывать, что отделение североамериканских колоний стало серьёзным испытанием лояльности других заморских территорий Великобритании. Недовольные произволом и коррупцией двора, о намерении присоединиться к американцам заявили тогда карибские плантаторы (только французская угроза и угроза восстания рабов заставили их одуматься). В Ирландии ситуация была не менее взрывоопасной, но протестанты побоялись восстания католиков [Bayly, 1989, p. 5]. Тем не менее, в 1782 г. британский парламент был вынужден признать автономию ирландского. В Индии во второй половине 1770-х годов британцы увязли в войне с маратхами, а в 1780 г. серьёзная угроза впервые нависла над всеми президентствами ОИК сразу: образовалась коалиция маратхов, Майсура и Хайдарабада, грозившая сбросить британцев в море (см. IV.1.1). В довершение всего Великобритания, пусть на короткое время, утратила военную основу своего могущества — господство над морями, так как столкнулась здесь с другим тройственным союзом: ей объявили войну Франция (1778 г.) и Испания (1779 г.), а сама она в 1780 г. объявила войну Нидерландам¹.

Тем не менее, Великобритания выстояла, хотя в 1783 г. ей пришлось признать независимость тринадцати колоний. В историографии с их отделени-

¹ Не случайно в 1785 г., когда Великобритания ещё оправлялась от последствий столь неблагоприятной обстановки, у французского посла в Лондоне родился проект: предложить подавшему в отставку Хейстингсу остаться в Индии и стать её независимым правителем при французской поддержке. Другое дело, что французское правительство отвергло такой план [Lyal, 1973, p. 205].

ем принято заканчивать период первой Британской империи. Потеря территорий на западе заставила британских государственных деятелей — и тори и вигов — заговорить о подвластной ОИК части Индии как о «*ярчайшей драгоценности, оставшейся теперь в короне его величества*» [Coupland, p. 17]. Если война в Америке затормозила процесс окончательного подчинения ОИК государству, то её завершение, тем более, неблагоприятное, напротив, ускорило этот процесс, придало ему дополнительный импульс¹.

Начиналась эпоха, качественно новая во многих отношениях. Именно 1783–84 гг. специалисты по экономической истории выделяют как начало экономического роста современного типа [Rostow, 1978, p. 373]. Примерно с этого же времени отсчёт своим циклам повёл известный русский экономист Н.Д. Кондратьев. Так, первый кондратьевский цикл начался в конце 1780-х — начале 1790-х годов и окончился в 1844/51 гг. [Кондратьев, 1989, с. 197].

Именно в 1783 г. количество изобретений (*inventions*) в британской промышленности достигло критической массы, превратившей их в нововведения (*innovations*), и привело к качественным сдвигам в производстве [Rostow, 1975, p. 190]. Этот год был рекордным по количеству зарегистрированных патентов на изобретения — 64 [Kindleberger, 1996, p. 130–131], т.е. структурные изменения в экономике сопровождались резким ускорением технического прогресса [Deane, 1973, p. 170–171].

Показательно, что в 1784 г. владельцы мануфактур Манчестера и Бирмингема предложили своим коллегам объединиться в организации, представляющие их интересы, и в следующем году была создана Общая палата промышленников. Правда, через два года она развалилась [Briggs A., 1980, p. 116–117]. Однако важен сам факт: в середине 1780-х годов британские фабриканты впервые фиксируют наличие своих особых интересов. Не случайно эта декада отмечена самым стремительным в XVIII в. ростом внешней торговли страны [Deane, Cole, 1962, graph 2, p. 49].

В такой экономической обстановке в стране парламент и приступил, наконец, в 1783 г. к тщательному рассмотрению «индийского вопроса». Хотя споры пока шли о контроле только над политической деятельностью ОИК, следует отметить, что происходили они в разгар промышленной революции, окончание которой поставит на повестку дня и отмену торговой монополии Компании.

¹ В связи с этим интересно замечание английского юриста сэра Кортни Илберта. По его словам, «независимая республика Запада и зависимая империя Востока развились из одного зародыша». В 1628 г. Карл I даровал хартию Компании Массачусетского залива со схожей с ОИК организационной структурой и законодательными полномочиями. Основные положения второй хартии этой компании (1691 г.) были перенесены в Массачусетскую конституцию 1780 г. и серьёзно повлияли на подготовку федеральной конституции США 1787 г. [Ilbert, 1898, p. 11].

В 1782 г. правительство Норта ушло в отставку в связи с поражением в войне с североамериканскими колониями. Наступила правительственная чехарда: в 1782–83 гг. сменились три вигских правительства. Последнее из них (возглавляемое Портлендом) было коалиционным, а его образование стало полной неожиданностью: объединились политически полярные силы — радикальные виги во главе с Фоксом и тори во главе с Нортом, причём их коалиция была направлена против короля. Фокс и Норт установили над Георгом III столь плотный контроль, что он подумывал об отречении [Namier, 1970, p. 215]. Эти политические коллизии отразились и в борьбе по вопросам управления Индией.

Именно названная коалиция инициировала последний и решительный бой государства с ОИК. Сначала правительство дало обоснование дальнейшему вмешательству в дела Компании. На передовой борьбы по-прежнему находился Бёрк — но теперь с другой стороны. Колеблясь вместе с курсом своей партии, он поменял на 180° позицию в отношении Компании. Если 10 лет назад в палате общин не было более активного и стойкого её защитника, то теперь в лице Бёрка ОИК нашла самого неистового врага.

Сначала Бёрк обосновал полное право парламента идти до конца в своём наступлении на ОИК. С британской стороны Бёрк никаких препятствий для этого не видел, считая, что Компания осуществляет власть в Индии лишь по доверенности (*trust*) парламента. Вместе с тем он признавал, что власть ОИК имеет источником не только парламентские хартии, но и могольские фирманы. Однако, по мысли Бёрка, шах лишился суверенитета над Компанией: поскольку он больше не в состоянии *«обеспечивать безопасность своих подданных, блюсти все законы, права и свободы людей»*, эта обязанность перешла к ОИК, а значит, *«два обязательства, происходящие из двух разных источников (британского и могольского. — К.Ф.), теперь соединены в одном»*, поэтому и судить за их невыполнение могут лишь британские парламент и верховный суд [Indian Const. Documents, 1948, p. 101–103]. Причиной пороков в управлении Индией (коррупции, отсутствия контроля и надлежащего образования чиновников) Бёрк назвал двойственную, политико-экономическую, природу Компании [Indian Const. Documents, 1948, p. 105–107]. Вывод Бёрка был прост: необходимо лишить ОИК этой природы, вернуть её в состояние торговой корпорации¹.

В отличие от начала 1770-х годов рассчитывать на защиту оппозицией её политической самостоятельности ОИК уже не приходилось. Наоборот, оппозиция (формирующиеся «новые тори» во главе с Уильямом Питтом-младшим) попыталась перехватить инициативу в наступлении на ОИК.

¹ В 1773 г. Бёрк утверждал: если бы парламент дал ОИК немного времени, она сама устранила бы беспорядок в управлении [Indian Const. Documents, 1948, p. 30].

В апреле 1783 г. её видный представитель и близкий друг Питта Генри Дандас представил общинам свой билль, где попытался исправить недостатки акта 1773 г. Билль предусматривал резкое усиление контроля государства над ОИК (корона получала право одобрения кандидатуры директоров на пост генерал-губернатора и лишь она могла отозвать его и руководство всех президентств), генерал-губернатора над собственным советом (он наделялся правом действовать независимо от совета, если сочтёт нужным), Бенгалии над подчинёнными президентствами. Собрание акционеров теряло контроль над решениями директората, касающимися управления Индией [Documents / Marshall, 1968, p. 120–125].

Однако, располагая большинством в палате, правительство отклонило билль Дандаса. Для него законопроект был недостаточно радикален.

Сама правящая коалиция пошла в атаку в ноябре, когда на рассмотрение нижней палаты были представлены два билля Фокса (лежавшие в их основе идеи принадлежали Бёрку). Эти законопроекты имели целью фактическую ликвидацию ОИК не только как политики, но и как коммерческой фирмы, причём мотивировка использовалась всё та же — пресечь злоупотребления, оградить Компанию от вредного воздействия «набобов». ОИК, таким образом, попала между Сциллой («набобами») и Харибдой (государством), причём Харибда (в лице Фокса) оказывалась намного опаснее.

Согласно первому биллю Фокса, *«управление территориальными владениями, доходами и торговлей Объединённой Компании ... директорами и собственниками ... объявляется прекращённым...»* [НРНЕ, XXIV, p. 62]. Это управление передавалось в руки нового органа — совета из семи комиссаров (*commissioners*). Назначал их на четыре года король, он же мог и сместить их, но только по представлению одной из палат парламента. В помощь комиссарам парламент назначал из числа акционеров ОИК девять ассистент-директоров исключительно для ведения её торговли (в дальнейшем они подлежали избранию акционерами же). Ассистент-директор мог быть смещён пятью директорами или королём, но также лишь по представлению любой палаты. Директора были подотчётны министерству финансов в вопросах управления и состояния финансов ОИК, а собранию акционеров — только в вопросе финансов [Documents / Marshall, 1968, p. 128–130]. Таким образом, коалиция решала биллем две задачи: резко усиливала контроль государства над ОИК и контроль парламента (т.е. в сложившейся ситуации — свой собственный) над королём¹. Никогда прежде государственные деятели не выдвигали столь радикальных проектов в отношении ОИК. По меткому выра-

¹ Для достижения этого коалиция сыграла на опасениях непропорционального роста влияния короны за счёт парламента (аргумент, широко применявшийся самими вигами против прежних попыток реформировать ОИК) [Marshall, 1968, p. 40].

жению Дж. Кизя, билль Фокса был «парламентским гвоздём в крышку гроба Компании». Символично, что, прочитав текст билля, её бывший председатель сэра Уильям Джеймс скончался от апоплексического удара [Keay, 1991, p. 270]. Второй билль касался административного аппарата ОИК в Индии. В противоположность Дандасу Фокс планировал сильно сократить полномочия генерал-губернатора и вообще президентств в пользу Лондона (см.: [НРНЕ, XXIV, p. 75–76, 86–87]).

Обсуждение биллей в палате и прессе было необычайно бурным. Виги (Бёрк и Фрэнсис) пытались представить хартию ОИК противоположностью Великой хартии вольностей, утверждая: если вторая ограничивает власть и разрушает монополию, то первая создаёт и то и другое [Weitzman, 1929, p. 160]. Сама правящая коалиция по сути заменяла неограниченную власть монарха собственной. Оппозиция не без оснований обвиняла её в попытке прибрать к рукам управление Индией: ведь правительство посягнуло на патронаж директоров. В случае принятия билля патронаж перешёл бы в руки комиссаров (посты которых Фокс и Норт, естественно, предполагали заполнить своими сторонниками), а это позволило бы коалиции создать такую мощную группировку в парламенте, что её никогда не удалось бы отправить в отставку¹. «Индийский вопрос» стал темой бесчисленных памфлетов, речей, газетных заметок и карикатур [Marshall, 1968, p. 41]. ОИК, Лондон, 5 графств и 45 *боро* подали палате лордов петиции против биллей Фокса, утверждая, что под угрозой собственность и хартия Компании [НРНЕ, XXIV, p. 134–135, 144–145; James, 1997, p. 54]. Кроме того, билли очень плохо встретили иностранные акционеры ОИК (голландские, португальские, французские, фламандские и другие банкиры и купцы), державшие вместе 23% её акций: реформа сделала бы невозможным перевод денег служащими Компании из Индии в Европу по иностранным каналам. Внесение на обсуждение биллей Фокса вызвало падение акций ОИК со 140 до 120 пунктов [Furber, 1951, p. 29–30]. Кстати, обсуждение происходило на фоне очередного экономического кризиса в стране (сентябрь 1783 — январь 1784 г.), последовавшего за окончанием американской войны [Ashton, 1959, table, p. 173]. Это не могло не добавлять накала борьбе.

Тем не менее, коалиционное большинство палаты общин одобрило билли (208 голосами против 102) [НРНЕ, XXIV, p. 61]. Однако здесь в ситуацию вмешался сам Георг, стремившийся не дать ненавистой ему коалиции дос-

¹ Это при том, что после принятия акта Норта 13 лордов (включая главу вигов Рокингэма) заявили протест, утверждая, что акт *«полностью разрушает все принципы права и конституции»* страны и назначение чиновников ОИК парламентом явно неконституционно, чревато интригами и фракционной борьбой и задумано для расширения коррумпизирующего влияния на королевскую власть, устанавливая систему отношений «патрон — клиент» [НРНЕ, XVII, p. 915].

туп к дополнительному источнику влияния. В письме лордам король заявил, что любого проголосовавшего за билль он будет считать своим врагом [Roberts, 1929 (1), p. 199–200]¹. Под прямым давлением короля 17 декабря верхняя палата отклонила билли Фокса (95 против 76) [НРНЕ, XXIV, p. 196]. На следующий день правительство пало, причём решающую роль в этом сыграл именно провал индийских биллей. Чарлзу Фоксу не удалось взорвать парламентскую систему страны — как в 1605 г. его однофамильцу Гаю Фоксу не удалось взорвать парламент физически.

Новым премьер-министром при поддержке короля стал двадцатичетырёхлетний У. Питт. Одним из его первых действий на этом посту было предложение собственного варианта решения «индийского вопроса». Учтя ошибки Фокса, сначала Питт обеспечил тыл: пришёл к соглашению с самой ОИК. Акционеры сознавали, что Компания с трудом избежала настоящей катастрофы и стали намного сговорчивее, чем когда-либо ранее. В январе 1784 г. их собрание постановило: поскольку так много правительств пыталось добиться в парламенте подчинения ОИК государству, то *«по вопросам гражданского и военного управления, а также налогов»* в Индии Компания *«обязана подчиняться воле его величества»* [Marshall, 1968, p. 42]. Во время парламентских дебатов по внесённому им биллю сторонники Питта смогли опираться на это решение самих акционеров как на, пожалуй, самый веский аргумент в свою пользу: уж если сама Компания согласна на реформу, то за чем же дело стало? (см.: [НРНЕ, XXIV, p. 1162]).

Вооружившись постановлением акционеров, Питт представил общинам свой билль о регулировании деятельности ОИК. При его составлении премьер-министр пользовался предыдущим биллем своей партии (Дандаса) и учёл ошибки Фокса, приведшие того к поражению. С самого начала Питт подчеркнул отличие своего билля от биллей Фокса: права собственности, торговли и патронажа ОИК остаются неприкосновенными [НРНЕ, XXIV, p. 326]. Основанием для своего билля премьер назвал тот факт, что *«поскольку европейская политика стала влиять на индийскую, оказалось необходимым, чтобы одна исполнительная власть (правительство Великобритании. — К.Ф.) осуществляла надзор за целой империей (Индостаном. — К.Ф.)»* [НРНЕ, XXIV, p. 409].

Это обоснование представляется очень важным: европейский политический деятель фиксирует в качестве характерной для второй половины XVIII в. такую ситуацию, что, во-первых, ситуация в Европе начала оказы-

¹ Это при том, что в 1773 г. Георг в письме Норту удовлетворённо отметил, что принятый нижней палатой билль *«закладывает основания для постоянного надзора парламента за делами Компании, которые должны ежегодно требовать гереды постановлений (regulations)»* [George III, 1968, p. 93]. Теперь король не контролировал правительство — отсюда смена позиции.

вать воздействие на ситуацию в Индии (мир становится единым); во-вторых, имеет место и обратная связь — то, как и какая проводится политика в Индии, стало влиять на соотношение политических сил в Лондоне; в-третьих, императивом становится надзор **британского** правительства над целой **азиатской** империей. С этой точки зрения борьба и споры по поводу билля и — шире — по поводу принципов управления Индией отражают момент начала превращения Великобритании в подлинно **мировую** державу, в гегемона всё больше охватывающей мир капиталистической мир-системы, что делает эти споры ещё интереснее для исследователя.

Суть билля Питта заключалась в следующем. Как и Фокс, он предложил создать совет комиссаров по делам Индии («контрольный совет» — *board of control*). Однако состав и полномочия совета были иными. В его состав входили министр внутренних дел (выполнявший функции председателя), министр финансов и четыре члена Тайного совета. Задачей совета было *«проверять, надзирать и контролировать все акты, действия и дела, каким-либо образом относящиеся к гражданскому или военному управлению или налогообложению территорий и владений»* ОИК [НРНЕ, XXIV, р. 414]. Совет директоров был обязан представлять совету комиссаров *«копии всех протоколов, приказов, решений и других документов всех общих и специальных собраний акционеров упомянутой Компании, а также упомянутого совета директоров... а также копии всех донесений, которые упомянутые директора будут полугать от любых своих подчинённых в Ост-Индии ... а также копии всех писем, приказов и любых инструкций, которые совет директоров намерен отправить любому служащему упомянутой Компании в Ост-Индии... совет директоров будет... руководствоваться и обязан следовать тем приказам и предписаниям, которые он будет время от времени полугать от упомянутого совета относительно гражданского или военного управления и налогообложения территориями и владениями упомянутой Объединённой Компании в Ост-Индии»* [НРНЕ, XXIV, р. 415–416]. Контрольный совет становился государственным ведомством по делам Индии.

Дальнейшее расширение полномочий государства включало: право короля на смещение генерал-губернатора, губернаторов и их советников, на их назначение (если этого не сделают директора в течение двух месяцев) и на назначение главнокомандующих армий президентств (которые являлись заместителями губернаторов в совете). Наконец, собрание акционеров ОИК не имело права отменять или изменять любые приказы и решения совета директоров после их одобрения королём (на практике — контрольным советом) [НРНЕ, XXIV, р. 417–420].

Дебаты по биллю прошли в 1784 г. в два этапа. В январе правительство Питта (образованное в середине сессии) было правительством меньшинства, поэтому общины отвергли его (222 голосами против 214). Однако весной

Фокс проиграл на выборах и в парламент, и в директорат ОИК (не прошли его кандидаты). Понимая, что на карту поставлено её существование, Компания выбрала меньшее из двух зол. В палате общин она, как могла, помогала Питту, мобилизовав в его поддержку прошедших туда более 40 «набобов» [James, 1997, p. 54; Philips, 1940, p. 28–29]. Со значительно укрепившимися позициями Питт в июле вновь внёс на рассмотрение свой индийский билль.

Перешедший в оппозицию Фокс подверг острой критике инициативу правительства. Он стал сравнивать два билля, но объективно оказалось — не в пользу собственного. Ключевым различием между законопроектами был подход к двойственной природе ОИК. Фокс ошибочно рассматривал и управление и торговлю ОИК как функции, вытекавшие из её права владения индийскими территориями, поэтому и предложил в 1783 г. отнять у Компании обе функции. Из этого Фокс совершенно нелогично, на мой взгляд, заключал, что, хотя его билль в определённой степени нарушал права ОИК, данные хартиями, билль Питта нарушает их в гораздо большей степени. Торговые и политические интересы британцев в Индии Фокс назвал двумя неразделимыми объектами [НРНЕ, XXIV, p. 338]. Как сказано выше (III.2.1), две сферы деятельности ОИК в самом деле было весьма сложно разграничить, но на право Компании вести бизнес общество смотрело как на поистине неотъемлемое, не могущее быть отобранным государством в свою пользу без посягательства на священные права собственности¹. Поэтому Питт и не тронул коммерческой сферы ОИК, а в административной предложил очередной компромисс с ней.

Ещё в заслугу собственному биллю Фокс поставил то, что предложенный им совет был якобы независим от правительства [НРНЕ, XXIV, p. 332–333]. Питт же настаивал, что только вхождение комиссаров в кабинет гарантирует слаженность их работы с работой кабинета в целом, а «независимость» комиссаров Фокса обернулась бы их неподконтрольностью. По мнению Питта (в нём была доля истины, хотя премьер сгустил краски), граф Фицуильям

¹ Понимая выигрышный характер этой темы, сторонники Питта активно развивали её. По словам лорда-канцлера Э. Тэрлоу, билль Фокса «во-первых, нарушал хартию и отбирал собственность состоятельного сообщества наших соподданных; во-вторых, билль менял равновесие власти и конституции... Предполагалось, что они (комиссары. — К.Ф.) будут не только лучшими политиками, тем совет директоров, но и лучшими купцами. Функции Компании, следовательно, передавались в их руки, как будто директора Компании были сумасшедшими или детьми. Это была серьёзная мера, так как если собственность или, что почти одно и то же, управление этой собственностью и использование её, вместе с влиянием, которое эти управление и использование имеет в обществе, будут отняты у любого человека или сообщества и отданы в другие руки, то где же уважение к справедливости, где же неприкосновенность собственности, где же защита закона?» [НРНЕ, XXIV, p. 1293–1294].

(кандидатура Фокса на пост председателя совета) «оказался бы в состоянии вовлечь эту страну (Великобританию. — К.Ф.) в войну с Францией или Голландией не только без предписания, но и без ведома правительства... он и его совет руководили бы всей политическою жизнью Индостана... без малейшей осведомлённости о политических планах королевского кабинета, без малейшей координации действий. Какой бы это был *imperium in imperio!*» [НРНЕ, XXIV, р. 409].

Во время июльского обсуждения билля, когда чаша весов склонилась в пользу Питта, часть вигов применила старый ход: вернувшись к практике начала 1770-х годов, стала вновь защищать ОИК от посягательств государства (в очередной раз сработала логика межпартийной борьбы). К примеру, Фрэнсис (ставший членом нижней палаты) посетовал, что директора «*низводятся до положения простых клерков; оставлена тень их директорства без её сути!*» [НРНЕ, XXIV, р. 1103]. В верхней палате виги (герцог Ричмонд) вдруг вспомнили, что директора «*обладают большим опытом в рассмотрении дел Ост-Индии, тем министры его величества...*» [НРНЕ, XXIV, р. 1309]. Так вигская оппозиция вернулась от одной крайности — плана полной ликвидации ОИК — к другой (с которой она начинала) — её защите (и всё это — в пику правительству).

Главное же, в чём стороны обвиняли друг друга, была угроза конституции страны, которую, по их словам, нёс билль партии-соперника. Вообще в парламенте часто звучали подобные красивые обвинения в адрес предлагаемых противоположной стороной мер. Между тем под прикрытием таких обвинений политики нередко пытались провести в жизнь схожие меры; в данном случае — установление государственного контроля над ОИК. Фокс видел угрозу конституции в непропорциональном увеличении прерогатив короны (которым был чреват билль Питта), Питт — в плане Фокса превратить чиновничество Британской Индии в большую политическую машину, придаток коалиции вигов-тори [НРНЕ, XXIV, р. 412], т.е. в попытке коалиции поставить административный аппарат на службу узкопартийным интересам. Второе обвинение (вместе с обвинением в покушении на собственность) перевесило первое, что опередило поражение Фокса. В июле — августе «Индийский акт» Питта был принят парламентом.

В его окончательный вариант премьер-министр внёс ряд добавлений, направленных на усиление контроля правительства над ОИК и на централизацию управления в Индии. Важнейшим из них было создание в совете директоров секретного комитета в составе трёх человек (включая председателя Компании и его заместителя). Этот совет в совете становился каналом пересылки секретных приказов и инструкций контрольного совета, касавшихся особо важных (с точки зрения последнего) дипломатических и военных вопросов в Индии. Таким образом, контрольный совет не только надзирал за всей деятельностью директората, но получил право через его голову

приказывать властям президентств, которые были обязаны выполнять его приказы как приказы самих директоров [Documents / Marshall, 1968, p. 133–134]. Ясно, что институт секретного комитета дал государству огромные полномочия в добавление к и без того резко возросшему контролю над ОИК в виде самого существования контрольного совета¹.

Также акт ограничил право директоров выдвигать кандидатуры высших чиновников ОИК на местах (для замещения постов) сроком в два месяца, по истечении которых право переходило к королю [Documents / Marshall, 1968, p. 134–135]. Учтя недостатки акта Норта, касавшиеся вертикали власти в Индии, Питт сократил число советников президентств до трёх и чётко прописал высокую степень подчинённости Бомбея и Мадраса Калькутте. «Меньшие президентства» определённо лишались права объявлять войну и заключать любые договоры с индийскими политиями без указаний на то Калькутты (кроме «*слугаев внезапной крайней необходимости или неизбежной опасности*») [Documents / Marshall, 1968, p. 168].

Как и в 1773 г., парламентскому акту, отобравшему у ОИК часть её политической самостоятельности, сопутствовал «чайный акт», который несколько компенсировал утраченное ею в другой — коммерческой — сфере. Вслед за Индийским парламент принял Акт о замене (*Commutation Act*), весьма существенно (со 119 до 12,5%) сократив пошлину на ввозимый ОИК чай из Китая. Целью правительства было вознаградить ОИК за потерю политической самостоятельности и североамериканского рынка, а также поправить собственные финансы, выбивая почву из-под ног контрабандистов.

Акт о замене вполне отвечал нуждам ОИК, более того — его значение трудно переоценить. Вторая половина XVIII в. была временем второго коренного изменения в структуре импорта ОИК: она переориентировалась с индийских тканей на китайский чай. Это было связано с набравшей обороты английской промышленной революцией, делавшей индийский текстиль всё менее конкурентоспособным в Европе. Уже к 1793 г. чай по стоимости составлял половину импорта ОИК в Великобританию [Barber, 1975, p. 104]². Поскольку ОИК закупала чай на средства, вырученные от сбыта в Китае же

¹ Предыстория данной поправки демонстрирует гибкость поведения правительства в отличие от предыдущего. Сначала Питт и Дандас (который с самого начала фактически возглавлял контрольный совет) собирались посылать секретные приказы напрямую, минуя директоров вовсе. Но последние настаивали, что должны играть в такой ситуации хоть какую-то роль, и Дандас уступил [Philips, 1940, p. 31]. Понятно, что это была уступка лишь по форме: директора имели право только ознакомиться с содержанием приказов — зато сохранили лицо. Таким образом, секретный комитет был бархатной перчаткой правительства в его отношениях с ОИК, а контрольный совет — его железной рукой.

² Потребление чая в Великобритании росло стремительно: 6 млн фунтов в 1783 г., 15 млн в 1785 г., 30 млн в 1800 г. За менее чем полвека чай стал британским национальным напитком [Toussaint, 1974, p. 165] — благодаря ОИК.

бенгальского опиума и гуджаратского хлопка-сырца, Акт о замене дал мощный импульс их производству¹. Последнее, в свою очередь, стимулировало дальнейшую военную экспансию ОИК в Индии (см. IV.1.1).

В 1786 г. парламент по инициативе Дандаса сделал ОИК ещё один подарок, отменив пункт акта Питта об обязательной декларации имущества возвратившимися из Индии чиновниками Компании [НРНЕ, XXV, р. 1267]. По сути это была награда постоянно поддерживавшим Питта в парламенте «набобам» — как и то, что предусмотренный актом Питта парламентский суд по делам обвиняемых в совершённых в Индии преступлениях вообще создан не был. Впрочем, после 1784 г. система фиксированного жалования, надзор со стороны губернаторов и другие реформы административного аппарата постепенно уменьшили возможности нажить в Индии большое состояние [Furber, 1951, р. 30]. Так было устранено одно из главных нежелательных для правящего класса Великобритании социальных последствий превращения ОИК в державу.

Перечисленные уступки не означали отказа правительства от линии на постепенную переориентацию административной машины ОИК в Индии непосредственно на него (акт 1784 г. заложил фундамент для этого и к середине XIX в. эта задача была решена). Поэтому, когда в Калькутте и Мадрасе акт Питта встретили «фурором петиций» (офицеры ОИК были недовольны ростом численности и привилегий королевских офицеров, а гражданские чиновники — осуждением прежней системы управления и мерами против спекуляции), Дандас был склонен следовать совету калькуттского советника Дж. Смита не уступать: ведь именно уступки поощряли американских колонистов к борьбе за отделение [Keay, 1991, р. 420].

Вообще важно отметить общеимперский контекст данного курса правительства. Ужесточение контроля над подвластной ОИК Британской Индией было лишь частью стратегии Лондона, претерпевшей качественные изменения после потери тринадцати колоний. 1780-е годы были переломным моментом не только в экономике страны, но и в истории Британской империи в целом — моментом перехода от первой империи (1600-е — 1780-е годы) ко второй (1780-е — 1830-е годы). Этот переход сопровождался усилением колониальной исполнительной власти, запретом чиновникам заниматься торговлей и появлением нового этоса имперской службы [Bayly, 1989, р. 5–6]. Указанные процессы были характерны не для одной Бенгалии, а для всех заморских территорий под британским контролем — в вест-индских владений, Канады.

¹ Этот акт имел поистине всемирно-экономическое значение: в Вест-Индии он вдохнул новую жизнь в клонившееся к упадку производство сахара, а значит, стимулировал и работорговлю с Африкой [Bayly, 1989, р. 98].

В русле именно этой политики парламент в 1786 г. принял другую поправку к акту Питта, резко увеличив полномочия генерал-губернатора. Он получил право единолично решать любой вопрос, не считаясь с мнением своего совета [НРНЕ, XXV, р. 1267]. Последний превратился тем самым в совещательный орган: «генерал-губернатор и совет» стали «генерал-губернатором в совете»¹. Кроме того, акт разрешил совмещать в одном лице посты генерал-губернатора и главнокомандующего в Индии [НРНЕ, XXV, р. 1343]². Правительство действовало вполне логично: сначала создало рычаг собственного воздействия на генерал-губернатора, а уж затем расширило сферу его полномочий. Потребность в этом расширении назрела давно: многолетняя практика показала, что реально решения по насущным вопросам политики в Индии принимаются там же, на месте³.

Наконец, несколько слов следует сказать о развязке конфликта Хейстингса и Фрэнсиса. Вернувшись на родину, Фрэнсис сыграл видную роль в подготовке парламентского суда над первым генерал-губернатором. Его импичмент был инициирован ушедшими в оппозицию вигами с негласной целью доказать-таки преимущество их радикального проекта реформы ОИК, показать, насколько сильно Компания погрязла в злоупотреблениях. Будучи неоднозначной фигурой, Хейстингс был наиболее удобной мишенью: его генерал-губернаторство пришлось на самый опасный для британцев период их присутствия в Индии, и методы, к которым он прибег, чтобы вывести ОИК из кризиса, безусловно, не были безупречными с моральной точки зрения (вымогательство средств у родственников авадхского наваба, данника Компании раджи Варанаси и т.п.). Судебный процесс длился 8 лет (1788–96), но

¹ В 1793 г. парламент распространит это право на губернаторов Мадраса и Бомбея [Indian Const. Documents, 1948, р. 118–119].

² Именно это поставил условием принятия предложения Питта и Дандаса занять пост высший пост в Индии Корнуоллис. Его сдача американцам под Йорктауном в 1781 г. произошла не по его вине и не уменьшила доверия к нему виднейших государственных деятелей Великобритании [Selections (Cornwallis), 1926, I, р. 13].

³ Билль Фокса, имея целью абсолютный контроль над ОИК, предусматривал, наоборот, концентрацию всей власти в Лондоне, в руках комиссаров (оправдывая эту меру всё той же необходимостью пресечь «интриги, казнокрадство и произвол» в Индии) [НРНЕ, XXIV, р. 333–334]. При обсуждении данного пункта «отличился» Норт, сказав: согласно плану Фокса, повинные в злоупотреблениях лондонские чиновники «могли бы быть смещены за два дня; однако если бы виновен был заморский губернатор, для его смещения потребовалось бы два года» [НРНЕ, XXIV, р. 412]. Норт, похоже, не задавался вопросом: насколько медленно и инертно будет осуществляться управление Британской Индией, если генерал-губернатор должен постоянно ждать предписаний из Лондона? Незадачливый бывший премьер, умудрившийся потерять американские колонии, теперь готов был поставить под угрозу паралича управление британскими владениями в Индии (не случайно он заработал репутацию худшего премьер-министра в истории Великобритании. — [Prime Ministers, 1975, р. 171]).

закончился полным оправданием Хейстингса. В значительной степени права К.А. Антонова, написав: «Осуждение Хейстингса было бы осуждением политики завоевания и грабежа Индии» [Антонова, 1958, с. 134]. Однако дело не только в этом. Клеймить злоупотребления чиновников ОИК утратило свою актуальность: она уже находилась под государственным контролем. Если бы в 1790-е годы этого контроля ещё не было, парламент мог и засудить Хейстингса, чтобы в очередной раз показать, какие бесчинства творят в Индии неподконтрольные правительству чиновники ОИК¹.

В 1773 г. ОИК попала под косвенный контроль государства. Однако практика, и прежде всего конфликт в бенгальском совете, показала, что для эффективного контроля над ОИК акта Норта недостаточно, требуется дополнительный комплекс мер. Между тем в условиях войны с американскими колониями развить успех правительству не удалось. После провала его наступления и в Индии и в Лондоне в отношениях ОИК с государством установилось хрупкое равновесие. Однако длиться долго оно не могло. При явном неравенстве сил окончательная потеря Компанией политической независимости была лишь вопросом времени. Избавившись в 1783 г. от американской заботы (пусть и с неблагоприятным для себя исходом), британские государственные деятели взялись за решение «индийского вопроса».

Борьба по этому вопросу была чрезвычайно острой, поскольку в этой точке пересеклись сразу две линии политической борьбы, в которой рождалась современная Великобритания, — противостояние государственных институтов (парламент — корона) и политических партий (виги и тори — «новые тори»). Политические столкновения эпохи наложили глубокий отпечаток на борьбу по поводу ОИК, более того, именно они определили её исход.

Коалиция вигов и тори предложила радикальный способ решения проблемы, выступив за фактическую ликвидацию ОИК — переход и её управления (включая патронаж), и её торговли к правительству. Это выглядело вопиющим покушением на привилегии корпоративного органа и дало оппозиции мощный козырь в её критике правительства.

«Новые тори», придя к власти, выдвинули план «двойного управления» Британской Индией: государство и ОИК становились в нём партнёрами (неравноправными). Торговля и патронаж оставались исключительно в руках Компании. Хотя они декларировались неприкосновенными, это не значит,

¹ Прецедент парламентского суда над служащим ОИК имелся — разбирательство в 1772 г. по делу Клайва. Однако оно отражало скорее борьбу внутри ОИК. Обвинив Клайва в грабеже казны наваба после Палаши, его враги из числа бывших калькуттских чиновников мстили ему за попытку урезать их доходы от льготной частной торговли в Бенгалии. Как и Хейстингс, Клайв был оправдан: парламент не мог не оправдать человека, которому Великобритания была обязана успешным имперским начинанием на Востоке.

что новое правительство, в отличие от прежнего, не собиралось приобщиться к патронажу (см. IV.2.1) — просто оно было намерено избежать крайностей Фокса.

Главным содержанием обоих проектов было установление эффективного контроля государства над ОИК в её властной ипостаси через создание специального правительственного ведомства. Разница была скорее в форме: если коалиция шла напролом, подставляя себя под удар критики, «новые тори» действовали более тонко и осторожно. По сути они добились многого из предложенного предыдущим правительством, но сделали это в завуалированной форме. Поэтому Питт смог и заручиться поддержкой самой ОИК, выбравшей меньшее из двух зол, и убедительно вывести своё правительство из-под критики в парламенте.

Установив систему диархии, Индийский акт 1784 г. оформил основы отношений между государством и ОИК на период 70 с лишним лет — до ликвидации самой Компании как политического института в 1858 г. и перехода управления Британской Индии непосредственно к короне (фактически — к парламенту). Акт Питта стал логическим завершением начавшегося в 1760-е годы процесса вмешательства государства в дела ОИК. После 1784 г. реальная борьба по основным вопросам индийской политики всё более переходит из Компании в палату общин.

Бурная законотворческая активность парламента в отношении ОИК сразу после признания Великобританией США в 1783 г. не случайна. Потеря североамериканских колоний резко увеличила ценность Бенгалии для Великобритании и, даже не будь никаких других причин государственного наступления на ОИК, послужила бы достаточным основанием принятия акта Питта. По сути установлением эффективного контроля над Компанией-державой государство возместило себе потерю в Америке. С 1780-х годов центр тяжести Британской империи стал смещаться — из Северной Атлантики в Индийский океан (не случайно после установления государственного контроля над Индией началась колонизация Австралии в 1788 г.). Начало этому процессу положил акт Питта. Рождалась вторая Британская империя, и процесс этот был тесно связан с ОИК.

Глава IV

Держава-купец: отношения Ост-Индской Компании с индийскими патримониями (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) и британским государством (конец XVIII — первая половина XIX в.)

IV.1. Наступление в Индии: Компания и индийские патримонии¹ во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

IV.1.1. ОИК среди других политий (1765–1805)

Крупнейшей силой в Индии в данный период оставались маратхи. К 1770-м годам они в целом оправились от разгрома при Панипате и возобновили экспансию на север и на юг. Однако их владения фактически более не составляли единой державы. Центробежные тенденции проявились в них ещё в первой половине XVIII в., а Панипат дал им дополнительный импульс.

¹ В части IV.1 рассматриваются отношения ОИК лишь с крупнейшими из княжеств Индии этого периода — Карнатиком, Авадхом, Хайдарабадом, Майсуром, пятью маратхскими княжествами — Пуной, Удждайном (Гвалияром), Индауром, Вадодарой и Нагпуром, — Траванкуром, Синдом и Панджабом (естественно, не обойдён вниманием и номинальный суверен почти всех этих политий — тимуридский шах). Отношения Компании с рядом других патримоний, таких как Варанаси, Тханджавур или княжества Раджпутаны, я сознательно оставил за рамками работы: это менее значительные политии (второго порядка), находившиеся в подчинённом положении к каким-либо из первых.

Показательно следующее событие: в результате победы объединённого маратхского войска над Хайдарабадом при Ракшасбхуване в 1763 г. впервые большая часть вырванных у низама уступок отвечала интересам не пешвы, а региональных маратхских политий [Gordon, 1998, p. 156]. Однако последствия Панипата этим не ограничиваются: афгано-маратхский раунд войны за могольское наследство позволил стремительно укрепиться в 1760-е годы другим двум державам — ОИК и Майсуру.

В литературе существуют по меньшей мере две периодизации истории отношений ОИК с индийскими патримониями второй половины XVIII — первой половины XIX в. У. Ли-Уорнер предложил делить эту историю на три следующих периода. **I. Политика «кольцевой ограды» (*ring-fence*) (середина XVIII в. — 1813 г.).** Её сутью было приобретение ОИК на своих границах субсидиарных союзников-буферов, во внутренние дела которых британцы не вмешивались — как и в распри княжеств по ту сторону «ограды». **II. Политика «подчинённой изоляции/сотрудничества» (1813–58),** когда все сохранившиеся княжества перешли под влияние ОИК, но она продолжала воздерживаться от вмешательства в их внутренние дела. **III. Политика «подчинённого союза» (с 1858 г.),** когда британцы стали свободно вмешиваться в управление княжеств, проводя там необходимые им реформы [Lee-Warner, 1910, p. 43–45].

Схема У. Ли-Уорнера уязвима для критики. Нечётко критерий отделения первого периода от второго: ведь создание буферов и их «подчинённая изоляция» начались одновременно. Поскольку это две стороны одного процесса, автор смешал две линии — геостратегическую и политическую. К тому же, и до сипайского восстания невмешательство ОИК было весьма относительным и выборочным (см. ниже).

Иную схему недавно предложил М.Х. Фишер. Рассматривая отношения княжеств только с ОИК (не затрагивая период после 1858 г.), он делит их историю на три фазы. В основу схемы автор положил эволюцию «элементов косвенного управления» британцами княжеств. **Первая фаза (1764–97)** — период начала формирования этих элементов, зарождения системы резидентств. Во **II фазе (1798–1840)** эта система продолжала распространяться и вширь и «вглубь»: Компания проводила дальнейшую территориальную экспансию, одновременно начав вмешиваться в большинство аспектов внутренней жизни княжеств. В **III фазе (1841–57)** экспансия ОИК достигла естественных пределов Индии, и британцы перешли к закреплению своих позиций и усилению контроля над княжествами, в связи с чем произошёл частичный отказ от косвенного управления в пользу прямого (см.: [Fisher, 1991, гл. 4–6]).

Периодизации М.Х. Фишера также недостаёт стройности из-за того, что автор нечётко отграничил отношения ОИК с ещё независимыми княжествами от её отношений с сателлитами (качественная разница была). Кроме того,

неясна грань между II и III фазами: резкого скачка в степени контроля над зависимыми княжествами около 1840 г. не произошло (его усиление шло равномерно), а поражение британцев в Афганистане заставило их **приостановить** экспансию лишь на этом направлении (как показали последовавшие войны с Синдом, Панджабом и Бирмой). Имелось и важное исключение — Панджаб, который до 1846 г. вообще не входил в систему резидентств, не говоря уже о зависимом положении.

Главный изъян обеих периодизаций заключается в попытке построить одну-единственную схему. Поскольку при этом надо учитывать сразу несколько критериев выделения периодов (степень территориального контроля над субконтинентом, степень контроля над внутренней жизнью княжеств), деление получается нечётким. Главный камень преткновения здесь — несовпадение периодов в истории отношений ОИК с уже зависимыми от неё и ещё независимыми политиями. Имеет смысл отказаться от такой попытки и построить несколько альтернативных схем, которые рассматривали бы историю англо-княжеских отношений под разными углами (их периоды совпадали бы, но частично).

Если рассматривать историю отношений ОИК с зависимыми политиями (большинство которых являлись субсидиарными клиентами британцев), её уместно разделить всего на два периода.

I. ОИК как внешний получатель субсидии (1757–99): княжества перечисляли британцам субсидию в деньгах, но не существовало механизма обеспечения её выплаты в случае финансовых затруднений княжества.

II. ОИК как потенциальный сборщик налога (1799–1858): такой механизм появился, что вывело её контроль над внутренней жизнью княжеств на новый уровень.

С точки зрения геостратегического **курса** ОИК в отношении независимых политий (внешняя политика, субъективное измерение) рассматриваемое время (середина XVIII — середина XIX в.) можно поделить на 6 периодов.

I. «Буферно-наступательная политика» (1757–98): превращение Компанией своих слабых соседей в буферы, чтобы отгородиться от сильных, агрессивных политий. Непрерывность данного процесса объективно придавала ему черты наступления.

II. «Имперский порыв» ОИК (1798–1805) в срок генерал-губернаторства Ричарда Уэлсли (старшего брата знаменитого герцога Уэллингтона) стремление и союзников и врагов «привести к общему знаменателю» — первых путём аннексий, вторых — путём войн и навязывания субсидиарных договоров. Однако в течение одного генерал-губернаторства имперская задача оказалась нереализуема¹.

¹ Строго говоря, первый «имперский порыв» пришёлся ещё на 1757–65 гг., но в этой главе я рассматриваю время после превращения ОИК в державу.

III. «Буферная политика» (1805–13) трёх преемников Уэлсли. Находясь под сильным влиянием директоров, противившихся территориальной экспансии, они не продолжили его дело, а законсервировали достигнутые им результаты.

IV. «Имперский порыв-2» (1813–18): завершение завоевания большей части субконтинента при генерал-губернаторе маркизе Хейстингсе (1813–23).

V. Период консолидации результатов завоеваний (1818–38).

VI. «Имперский порыв-3» (1838–58): дальнейшая экспансия ОИК в виде войн и аннексий, установление прямого или косвенного контроля над всей Индией.

Наконец, с точки зрения геостратегического **положения** ОИК, её места как политики среди других политий (опять внешняя политика, но объективное измерение — достигнутые результаты) периодизация выглядит так.

I. ОИК как одна из политий, причём в числе наиболее сильных (1765–1805).¹

II. ОИК как доминирующая держава в Индии (1805–18).

III. ОИК как «верховная держава» Индии (1818–58).

Очевидно, что вторая схема легко вкладывается в третью: каждый период третьей схемы включает два периода второй — период передышки британцев и период их натиска. Поскольку отношения Компании с ещё независимыми княжествами являлись определяющими для положения ОИК в Индии в целом, третья периодизация и положена в основу части IV.1 как отражающая ступени британского геостратегического могущества. Три периодизации можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Отношения ОИК с независимыми политиями		Отношения ОИК с сателлитами
Субъективное измерение	Объективное измерение	I (1765–99)
I (1765–98)	I (1765–1805)	II (1799–1858)
II (1798–1805)		
III (1805–13)	II (1805–18)	
IV (1813–18)		
V (1818–38)	III (1818–58)	
VI (1838–58)		

¹ М.Х. Фишер периодом ОИК в качестве региональной державы — одной среди равных — считает период 1764–97 гг. [Fisher, 1991, p. 54]. Он исходит из того, что с 1798 г. Уэлсли начал активную экспансию. Однако лидирующие позиции в Индии Компания заняла только **в результате** этой экспансии, к 1805 г. Как говорил Гегель, когда вещь начинается, её ещё нет.

В каждом параграфе части IV.1 будут рассмотрены сначала отношения ОИК с зависимыми политиями (большинство из которых являлись её субсидиарными клиентами), а затем — с независимыми.

На протяжении большей части первого периода (1765–1805) у ОИК было только два сателлита — Карнатик и Авадх. Первый попал в орбиту Компании ещё в 1750-е годы, во время войн, которые развернули британцы и французы на его территории; второй — в результате опрометчивого вторжения наваба Шуджи-уд-даула в британский Бихар в 1764 г. Именно на этих двух навабствах британцы отработали многие инструменты (механизмы) контроля¹ над зависимыми политиями, которые перенесли в другие княжества по мере их подчинения. Траванкур подписал субсидиарный договор позднее, в 1788 г., опасаясь вторжения Майсура. И лишь в конце периода Индию захлестнула настоящая «субсидиарная волна», которую следует рассматривать в контексте последней стадии борьбы Великобритании с Францией за гегемонию. Для устранения потенциальных союзников Бонапарта, а также руководствуясь внутрииндийскими соображениями, Уэлсли решил покончить с серьёзными соперниками ОИК — Майсуром и сильными маратхскими княжествами. Шагом к этому и стало превращение им в субсидиарных клиентов их менее сильных соседей — Хайдарабада (1798 г.), Пуны и Вадодары (1802 г.). В 1799 г. сателлитом стал сам Майсур после его разгрома.

Стержнем отношений со всеми названными политиями был субсидиарный союз: ОИК становилась гарантом безопасности власти правителя как от внешних, так и от внутренних врагов. Как сказано выше (см. III.1.2), по сути субсидиарным стало уже соглашение 1758 г. с Мир Джафаром в Бенгалии; в Карнатике гарнизоны ОИК стояли в крупнейших крепостях и оплачивались навабом тоже с 1750-х годов. С Авадхом в 1773 г. был официально подписан субсидиарный договор, по которому Шуджа согласился на расквартирование в княжестве англо-сипайской бригады² и обязался ежемесячно платить на её содержание 2,1 лакха рупий [Collection, 1812, p. 69]. Как показал дальнейший опыт, раз получив доступ к казне княжества через военную субсидию, ОИК не упускала возможностей расширить этот доступ путём навязывания новых субсидиарных договоров (несмотря на неоднократные обещания генерал-губернаторов не увеличивать субсидию). Очень удобным для этого был момент смены правителя. В 1775 г., когда умер Шуджа, условием признания его преемника Асафа-уд-даула (1775–97) британцы поставили увеличение субсидии до 2,6 лакхов в месяц, а условием признания следую-

¹ Эти инструменты можно именовать также рычагами британского влияния. М.Х. Фишер называет их элементами косвенного управления.

² Вообще стандартный субсидиарный отряд ОИК в крупном княжестве состоял из 6 сипайских пехотных батальонов (по 1 тыс. солдат) и 1–2 артиллерийских рот (укомплектованных британцами).

щего наваба, Саадата Али-хана (1797–1814), — до 77 лакхов в год [Collection, 1812, p. 75, 177]. В субсидиарные отношения с Майсуром ОИК вступила после свержения шаха Типу Султана (1782–99), при возвращении ею власти в руки династии Водеяров.

Однако укрепление военно-фискальных позиций ОИК происходило не только в *interregnum*. В 1777 г. Компания ввела в Авадх вторую бригаду, которую объявила «временной», но так и не вывела. Это удовольствие, о котором наваб не просил, стоило ему дополнительные 17,4 лакха в год [Basu, 1943, p. 113], а в 1797 г. ему навязали два полка кавалерии [Collection, 1812, p. 170]. Что касается Карнатика, то он оплачивал содержание половины армии Мадрасского президентства (10 из 21 батальона). Полноценным договором эти отношения были оформлены в 1787 г., когда ежегодная субсидия была зафиксирована на уровне 9 лакхов пагод [Collection, 1812, p. 402].

Таким образом, на службе князя-клиента ОИК находились две армии — его собственная и арендованная у британцев, которая заметно превосходила первую по вооружению и выучке. Следует подчеркнуть, что на практике контроля над субсидиарным отрядом князь-клиент не осуществлял никакого. Отрядом распоряжался британский резидент, который мог и не подчиниться приказу князя, а запросить инструкций у Калькутты: следует ли использовать войска в соответствии с этим приказом? [Basu, 1943, p. 95–96].

В зависимых княжествах пост резидента вводился при подписании первого субсидиарного договора. Так было в Авадхе (1773 г.), Траванкуре (1788 г.), Майсуре (1799 г.). Резидент был единственным каналом связи правителя с губернатором и советом президентства Компании, которым он (резидент) непосредственно подчинялся. В теории резидент являлся лишь постоянным посланником ОИК в столице княжества. На практике так было только в независимых княжествах. В зависимых роль резидента значительно выходила за рамки представительства, приближаясь к статусу посла-диктатора: ведь он представлял не просто соседнюю политику, а державу-патрона¹. Именно так можно назвать ОИК в её отношениях с субсидиарными княжествами: ведь делегирование политией права своей обороны другой политике неизбежно создаёт вертикаль «патрон — клиент». После присоединения княжеств-сателлитов к территориям Компании (за недостаточную лояльность или по иным причинам) маска отбрасывалась: резиденты почти автоматически становились администраторами аннексированных земель (так произойдёт в Пуне в 1817 г., Панджабе в 1849 г., Авадхе в 1856 г.).

¹ Лишь в Бенгалии и Карнатике исторически сложилось, что эта роль была невелика. В Бенгалии наваб потерял всякую власть к 1772 г. (см. II.1.2), а наваб Карнатика жил не в своей столице Аркате, а в Мадрасе, находясь в непосредственном контакте с властями президентства.

Основной инструмент контроля британцев над княжеством — военная зависимость — позволил им создать несколько дополнительных инструментов, производных от основного. Эти инструменты уместно разделить на относящиеся к сфере сношений княжества с внешним миром и его внутренней жизни.

Внешний контроль над княжеством ОИК осуществляла путём лишения его самостоятельной внешней политики и исключения из княжества других европейцев. С самого начала субсидиарных отношений князья-клиенты не осмеливались вступать в контакты с внешним миром без оглядки на Компанию, а позднее она закрепила эту практику законодательно (для этого она тоже пользовалась моментами перехода маснада). Согласно одному из пунктов договора с Авадхом 1775 г., британцы фактически вывели наваба из подчинения Моголу: «...если король напишет навабу Асафу-уд-даула относительно дел английских сардаров, наваб позаботится об их удовлетворённости, пользе и расположении и не согласится с тем, что король может сказать или написать» и наоборот [Collection, 1812, p. 74–75]. Договор 1798 г. декларировал: «Поскольку политические интересы наваба Саадата Али-хана и английской Компании совпадают, является целесообразным и договорено, что вся переписка между навабом Саадатом Али-ханом и любой иностранной державой или государством будет осуществляться с ведома Компании и в согласовании с ней...» [Collection, 1812, p. 180]. В договоре 1792 г. свою полную включённость в орбиту ОИК подтвердил наваб Карнатика [Collection, 1812, p. 430]. Кстати, его поведение, которое британцы истолковали как нарушение именно данного пункта, они использовали в 1801 г. в качестве предлога для аннексии княжества¹.

С той же целью ограничить самостоятельность правителя Компания стремилась к монополии на военные услуги. В 1775 г. она обязала Асафа не брать на службу никаких европейцев без её согласия [Collection, 1812, p. 74]. Главной целью данного пункта договора было исключение возможного проникновения французского влияния. С рубежа XVIII–XIX вв. лишение правителя внешней самостоятельности и непринятие им на службу других европейцев ОИК стала оговаривать сразу при вступлении княжества в субсидиарный союз. Об этом свидетельствуют стандартизированные договоры с Хайдарабадом, Майсуром, Пуной и Вадодарой [Collection, 1812, p. 185, 237, 456–457, 572].

Не меньшую важность представлял для ОИК контроль над внутренней жизнью политики. Его элементами были контроль над налогами, престоло-

¹ При взятии столицы Майсура в 1799 г. британцы обнаружили во дворце Типу Султана его переписку с Мухаммадом Али. Уэлсли сразу ухватился за эту находку как за доказательство нелояльности наваба. Однако, по словам индийского историка К. Раджайяна, в переписку с Типу наваб вступил по указанию Корнуоллиса с целью сохранить мир [Rajaayan, 1978, p. 223].

наследием¹, назначением чиновников, собственной армией правителя, а также экстерриториальность некоторых категорий подданных князя².

Степень контроля ОИК над источником субсидии была, пожалуй, главным показателем степени её контроля над политией в целом. Первоначально Компания довольствовалась выдачей субсидии из казны, но неумолимый рост её финансовых притязаний повлёк коренные изменения в форме оплаты. Причиной этого роста было не только повышение британцами самого размера субсидии, но и чуждый индийской практике британский метод взимания налогов. (Пост)могольская налоговая система была гибкой: обложение зависело от объёма урожая в конкретном году, систем кредита, степени сотрудничества с властью разного рода посредников, откупщиков, ростовщиков. Британцы же ввели строго фиксированную субсидию, не делая никаких послаблений, из-за чего у князей-клиентов стала быстро накапливаться задолженность [Bayly, 1988, p. 89–90].

В Авадхе сильное давление ОИК на ресурсы стало ощущаться уже к концу 1770-х годов. Если в 1774 г. британцы претендовали только на 16,5% налогов княжества, то в 1778 г. — уже на 52% [Barnett, 1980, p. 155]³. Однако до начала XIX в. британцы не меняли здесь формы оплаты. В Карнатике они действовали решительнее, поскольку он граничил с их наиболее серьёзным военным соперником — Майсуром. Во время второй (1780–84) и третьей (1790–92) англо-майсурских войн Компания вообще брала налоговое управление Карнатика в свои руки, не полагаясь на аппарат наваба [Campbell, 1807, p. 205]. В 1787 г. право ОИК в случае войны ставить фискальную систему Карнатика под свой контроль было оформлено договором; при этом на военные нужды британцев отводилось $\frac{4}{5}$ доходов княжества. Кроме того, и в мирное время в случае недоплаты в течение месяца навабом 1 лакха пагод (из субсидии) ОИК получила право ставить *амилдаров* ряда округов под надзор своих налоговых чиновников [Collection, 1812, p. 404–406]. По договору 1792 г. в счёт погашения накопившегося огромного долга наваб уступил Компании право собирать дань со своих палайяккаров [Collection, 1812, p. 426]⁴.

¹ Вернее, учитывая, что большинство князей считались наместниками Могола или чхатрапати, — маснадонаследием.

² Юридически большинство жителей Индии продолжали оставаться подданными Могола до 1857 г., но для удобства я употребляю термин «подданные» не в юридическом смысле.

³ К 1784 г. долг Авадха Компании составил огромную сумму в 73 лакха рупий, и Хейстингсу пришлось списать 50 лакхов [Barnett, 1980, p. 228].

⁴ В 1799 г. этот долг достиг 66,7 лакхов пагод [Wellesley Despatches, I, p. 543–553]. Британцы продолжали неумолимо требовать аккуратной выплаты субсидии даже в 1794 г., когда и пальцем не пошевелили, чтобы помочь навабу подавить мятеж ряда крупных землевладельцев. Валаджах не выдержал и в отчаянии вскричал, что он не Иисус Христос, чтобы творить чудеса. «*Это мир пригин и следствий*, — писал наваб, — *и должны быть найдены средства для исправления ситуации*» [CPC, 1969, p. 89–92].

Создание механизма бесперебойной выплаты субсидии вывело фискальный контроль ОИК над субсидиарным клиентом на новый уровень. Однако договоры с Карнатиком только предвосхитили переход к такому курсу. В принцип передачу Компании территорий в счёт выплаты субсидии возвёл Уэлсли. По договору 1799 г. с Майсуром генерал-губернатор в совете наделался правом отдавать приказы амилам махараджи и (если сочтёт нужным) временно ставить под прямое управление Компании некоторые части страны. При этом повиновение чиновников было предусмотрено даже в случае неповиновения раджи. Если в течение десяти дней после уведомления из Калькутты раджа не приказывал чиновникам поступить в распоряжение ОИК, власть переходила к Калькутте автоматически. Правда, такие округа оставались под суверенитетом раджи: британцы обязались отчитываться перед ним об управлении и передавать ему собранные средства [Collection, 1812, р. 456]¹. Крайней мерой ОИК в этом направлении был перевод части страны под своё постоянное управление: это считалось заменой денежной субсидии, которую в дальнейшем правитель не платил. Так было в 1800 г. в Хайдарабаде, который уступил Компании *«навечно»* все округа, составлявшие долю княжества в территориях, отнятых у Майсура в 1792 и 1799 гг. [Collection, 1812, р. 190]. В 1801 г. Уэлсли, уставший от недоимок Авадха, — которые ОИК создавала сама своими непомерными требованиями — заставил несчастного Саадата¹ Али отдать под её *«вечный суверенитет»* половину княжества (с доходом в 1 крор 35 лакхов рупий) [Collection, 1812, р. 214], сведя его к размерам субы акбаровских времён. Наконец, Карнатик в 1801 г. вообще постигла участь Бенгалии: ОИК взяла в свои руки всю полноту власти, выделив навабу пенсию (в $\frac{1}{5}$ доходов княжества) [Collection, 1812, р. 467].

Рубеж XVIII–XIX вв. определённо был водоразделом между двумя периодами отношений ОИК с **зависимыми** политиями. Об этом свидетельствует не только усиление британского налогового контроля. С этих пор правители стали давать недвусмысленное обязательство *«всегда относиться крайне внимательно к таким советам, которые британское правительство (ОИК. — К.Ф.) почитает необходимым иногда давать ему относительно экономии его финансов, лучшего сбора налогов, отправления правосудия, расширения и поощрения торговли, сельского хозяйства и промышленности»* и т.д. [Collection, 1812, р. 458]. Эта формулировка из договора с Майсуром 1799 г. перешла

¹ Перед этим британцы попробовали переходную (смешанную) форму взимания субсидии: когда в 1798 г. Авадх задолжал 35 лакхов рупий, разосланные амилам *парваны* с требованием срочно изыскать сумму были скреплены сразу двумя печатями — наваба и генерал-губернатора Шора [News-letters, 1955, р. 59 перс.].

² Игра слов: *sa'adat* по-арабски «счастье».

в договоры с Авадхом 1801 г., с Траванкуром 1805 г., с Кочи 1809 г. [Collection, 1812, p. 216, 286, 475]. Кстати, с этого же времени на новую ступень поднялся и военный контроль ОИК. По договорам с Майсуром и с Авадхом она получила право размещать свои войска в любых их точках [Collection, 1812, p. 215, 457].

Следующим и весьма важным рычагом влияния было решающее слово в вопросе престолонаследия, которое постепенно перешло к ОИК в политических-клиентах. Когда в 1797 г. выяснилось, что сменивший лояльного Асафа Вазир Али-хан не желает подчиняться британцам и поддерживает связь с афганским Заман-шахом и *«ведущими нелояльными мусульманами в провинциях Компании»* [Two Views, 1970, p. 123], разговор британцев с ним был коротким: они объявили наваба незаконнорожденным, сместили и выслали на свою территорию, в Чунар. В Карнатике после смерти Мухаммада Али в 1795 г. вообще было немыслимо, чтобы его сын Умдат-уль-умара может удержаться на маснаде, не проявляя лояльности к ОИК. Когда же после смерти Умдата в 1801 г. британцы решили аннексировать Карнатик, а его предполагаемый сын Али Хусейн отказался дать на это согласие, британцы, в свою очередь, отказались признать его навабом. Соглашение было заключено с его менее строптивым двоюродным братом Азимом-уд-даула [Wellesley Despatches, II, p. 550–552]. В Пуне и Вадодаре в 1802 г. только военная помощь ОИК позволила правителям удержаться у власти (см. ниже). Наконец, в Хайдарабаде британцы тоже чувствовали себя довольно уверенно после превращения его в субсидиарного клиента в 1798 г.: в случае смерти Низама Али Уэлсли обещал поддержать претензии его сына Сикандара Джаха на маснад, только если тот будет внимать советам британцев относительно *«продвижения его интересов, счастья его народа и благосостояния обоих государств»* [Wellesley Despatches, II, p. 136–138].

Другим инструментом ОИК было её вмешательство в назначение чиновников. В Авадхе резидент обеспечил в 1777 г. назначение двух лояльных Компании наб-назимов, которых позднее успешно защищал от недовольства наваба и его фаворитов [Barnett, 1980, p. 134]. Когда в 1797 г. ОИК решила в очередной раз увеличить размер субсидии, а Асаф отказался, опираясь на поддержку антибританской группировки при дворе, британцы выслали её главу Джхао Лала в Бенгалию и заставили Асафа назначить диваном пробритански настроенного Тафаззул Хусейн-хана [Basu, 1943, p. 24]. Тем не менее, в целом в рассматриваемый период возможности британцев в сфере манипуляции чиновничьим аппаратом были ещё весьма ограниченными (см. ниже).

Покровительство ОИК чиновникам плавно переходило в экстерриториальность — ещё один инструмент британского воздействия. Естественно, вне сферы юрисдикции правителя находились сотрудники резидентства (британ-

цы и индийцы). Однако ОИК стремилась исключить из этой сферы и часть подданных князя. Например, она установила отношения напрямую с навабом Фаррухабада — данником авадхского наваба. Отозвание Корнуоллисом резидента оттуда в 1781 г. [Collection, 1812, p. 90] означало уступку Асафу. Упомянутое устранение британцами Мухаммада Али от сбора дани с палаккаров в 1792 г. было шагом в том же направлении. Конечной целью ОИК было переключить их лояльность на себя. Характерен такой пример. Когда в 1795 г. наваб потребовал у преемника одного умершего раджи-заминдара непомерно крупную сумму назра, британцы дали навабу «по рукам», ограничив его притязания 1 лакхом рупий [Fort William, XVII, p. 416, 428–429]. Конечно, ОИК была заинтересована в том, чтобы раджа оставался платёжеспособным в отношении её самой, но параллельно преследовала и политическую цель: защитив раджу, продемонстрировать ему, на кого выгоднее ориентироваться.

Наконец, ещё один инструментом был контроль ОИК над армией самого правителя. В данный период он сводился только к усилиям британцев по сокращению этой армии. Понятно, что присутствие субсидиарного отряда отодвинуло её на задний план и от бездействия и недостатка контроля она быстро разрушалась [Basu, 1943, p. 77]. Дандас был недалёк от истины, назвав войска Саадата в 1800 г. «бесполезным сбродом», который следовало бы распустить вовсе [Two Views, 1970, p. 137]. Не будучи в состоянии содержать две армии одновременно, правитель делал выбор, естественно, в пользу субсидиарного отряда. В результате средств на оплату его собственных войск хронически нехватало, что вело к росту недовольства; в 1798 г. из-за двухмесячной задержки жалованья волнения охватили сразу 20 батальонов армии Авадха [News-Letters, 1955, p. 60 перс.]. Неудивительно, что требования британцев принять дополнительные сипайские части ОИК росли пропорционально требованиям распустить определённые части местной армии. Например, принятие в 1781 г. Асафом полка ОИК и роспуск им «за ненадобностью» своих иррегулярных войск шли «в одном пакете» [Collection, 1812, p. 89]. Особенно масштабные увольнения в авадхской армии «продавил» Уэлсли в 1801 г. (она была сокращена на более чем 9/10) [Fisher, 1988, p. 98]¹.

¹ Если после 1773 г. британцы руководствовались в данном вопросе в первую очередь соображениями экономии, то до заключения субсидиарного союза — соображениями собственной безопасности. Потерпев от них сокрушительное поражение, Шуджа провёл военную реформу: распустил плохо дисциплинированные тюркские и афганские отряды, набрал раджуотов и брахманов, которых обучили по европейскому образцу французские и эфиопские офицеры. При этом Шуджа не вынашивал реваншистских планов против ОИК: итоги первой и последней англо-авадхской войны навсегда убедили правителей Авадха, что дружба с восточным соседом гораздо выгоднее вражды. Однако британцы встревожились и на всякий случай в 1768 г. заставили Шуджу ограничить численность

Все перечисленные инструменты контроля ОИК над союзными княжествами только начали формироваться в рассматриваемый период, причём происходило это неравномерно. Наиболее подконтрольной из политий-клиентов был, пожалуй, Карнатик (что объясняется исходом англо-французских войн середины столетия). Не случайно хронист Гулам Хусейн вообще не видел разницы между положением ОИК здесь и в её собственной Бенгалии: *«Сейчас страна Аркат так же, как Бенгалия, находится под властью (tasarruf) английских сардаров»* [Ghulam Husain, 1898, p. 398]. На протяжении следующих периодов отношений ОИК с зависимыми княжествами инструменты её контроля получают дальнейшее развитие.

В англоязычной и отечественной историографии зависимые от ОИК индийские политии (включая субсидиарные) нередко называют её вассалами (напр.: [Ванина, 1993, с. 178; Новая история Индии, 1961, карта, с. 165; Muir, 1969, p. 199]). Однако термин «вассалитет» даёт превратное представление о природе связи ОИК с этими княжествами. Вассалитет — это явление исключительно европейской истории эпохи феодализма, предполагавшее пожалование земли; при этом сюзерен и вассал вступали в частно-правовые отношения как два индивидуальных субъекта. Ничего этого в отношениях ОИК с индийскими политиями не было. Хотя британцы и привнесли в эти отношения элементы европейского права¹, заключение субсидиарного договора или просто принятие британского покровительства не делало владения князя полученным от Компании бенефицием², а последняя выступала в отношении него вовсе не как частное лицо (ОИК как корпорация вообще была не в состоянии выступать в этом качестве). Не меняет дела и употребление термина «вассалитет» некоторыми чиновниками ОИК: они пользовались им, по сути как поверхностной аналогией (см. IV.1.2).

Несмотря на многогранный контроль ОИК над князьями-клиентами, её роли как гаранта их безопасности надо отдать должное. Британцы эффективно защищали власть князя и от внешних и от внутренних врагов, причём чаще хватало самого факта присутствия субсидиарного отряда. Когда

армии 35 тыс. человек, из которых лишь 10 тыс. могли быть «полками нового строя» [Collection, 1812, p. 65]. Тем не менее, объективно и субсидиарный союз был направлен на сведение военного потенциала княжества к нулю: когда после 1773 г. Мухаммад Али попытался создать боеспособную армию, было уже поздно: гарнизоны ОИК стояли во всех стратегически важных фортах, а на их содержание уходила львиная доля ресурсов Карнатика [Rajaуan, 1978, p. 227].

¹ Другое дело, что они многократно нарушали подписанные с князьями договоры.

² Правда, ОИК претендовала на то, что некоторые князья обязаны своей властью всецело ей. Однако и майсурские Водеяры, и чхатрапати, которых после свержения пешвы в 1818 г. она делает раджами Сатары (см. III.1.2), были исконными государями этих политий: Компания лишь вернула им власть.

в 1794 г. в Пуне решили требовать у Хайдарабада погасить задолженность по чаетху, её фактический правитель *фарнавис* Нана сначала остерегался сильно давить на низама, опасаясь, что, если тот «*вверит эту страну высокопоставленным господам (sāhibân-i 'ālishân)*» (британцам. — К.Ф.), *как это сделали Асаф-уд-даула и Баладжах..., лёгкое дело станет трудным*» [Persian Documents, 1966, p. 108 перс.]. ОИК недвусмысленно давала понять самостоятельным политиям-соседям, что субсидиарные клиенты — сфера её исключительного влияния. К примеру, в 1789 г. британскому резиденту при Шинде было предписано предупредить его: Корнуоллис будет рассматривать любое оскорбление наваба Авадха и его подданных как оскорбление Компании [Selections (Cornwallis), 1926, II, p. 145]¹. Исключением был только Карнатик, граничивший с наиболее непримиримым противником ОИК Майсуром: здесь простого сдерживания оказалось недостаточно, майсурские правители два раза вторгались в Карнатик и доходили до самого побережья.

Надёжно ограждали британцы власть князя-клиента и внутри страны. Набравшие большую силу на местах крупные землевладельцы — *мустаджир*ы в Авадхе, палайаккары в Карнатике, — с одной стороны, являлись чиновниками наваба, но с другой — полуавтономными владельцами своих территорий, с собственными армиями. В Авадхе наиболее могущественным из таких владетелей был мустаджир Алмас Али-хан. В течение 40 лет он держал под контролем значительную часть Доаба и был в состоянии успешно померяться силами с самим навабом. Если последний вряд ли мог собрать более 10 тыс. воинов, то войска Алмаса к 1797 г. насчитывали вдвое больше [Abu Talib, 1971, p. 102; Davies C., 1939, p. 199]. В обычных условиях подобная ситуация весьма располагала к военному перевороту: как только зависимый правитель становился сильнее, он отнимал власть у своего господина (история Индии изобилует случаями основания политий таким образом). Однако в субсидиарном княжестве от посягательств на маснад зависимых владетелей удерживало британское присутствие: в 1785 г. Алмас писал генерал-губернатору, что предан «*правительству его высочества (наваба. — К.Ф.) и Компании, что одно и то же*» [Basu, 1943, p. 8–9]. Отождествление в этом письме наваба и ОИК многое говорит о её позициях в Авадхе.

Более того, военная поддержка ОИК давала князьям основания надеяться на расширение своей территории (штыками британцев). Например, с помощью специально предоставленных Хейстингсом 12 батальонов Шуджа отвоевал у рохиллов Рохилькханд в 1774 г. [PRMH, 1953, p. 85]. На первый взгляд поведение Хейстингса кажется странным: ведь он сам написал в ме-

¹ Именно благодаря «границ дружеских штыков» столица Авадха Лакхнау была единственным крупным мусульманским городом Северной Индии, не опоясанным стенами [Pemble, 1977, p. 10]. В Европе это могли позволить себе только сами британцы, защищённые своим островным положением.

муарах, что постоянной целью ОИК является ослабление всех держав, с которыми она поддерживает отношения [Hastings W., 1978, p. 53]. Однако противоречия тут нет: ведь в потенции субсидиарный отряд — это оккупационная армия; расширение владений князя-клиента не делало его опаснее для британцев. Для Мухаммада Али ОИК покоряла независимых палаяккаров, но наваб связывал с ней идущие намного дальше планы. Приобретя карнатикский маснад при решающей британской поддержке, Валаджах I стал заинтересованно посматривать буквально во все стороны. Он имел виды на маснады Хайдарабада, Майсура, а какое-то время после падения Сираджа — даже Бенгалии [Sheik Ali, 1963, p. 5–6].

Таким образом, князья-клиенты ценили субсидиарный союз и держались за него, отдавая себе отчёт в том, к чему может привести разрыв княжества с ОИК. О возможных последствиях помнили и британцы. Именно разрывом отношений пригрозил Уэлсли в 1800 г., требуя от Саадата очередного сокращения его войск, — и навабу пришлось подчиниться [Basu, 1943, p. 198]. «Субсидиарный щит» был мощным орудием шантажа.

Однако покорность субсидиарных клиентов не следует абсолютизировать. По-своему, в меру сил, сопротивлялись даже те из них, кто приобрёл репутацию самых лояльных к британцам. Показателен пример Авадха. Администрация наваба умышленно снижала свои налоговые требования к муштаджирам, поскольку значительная часть собранных средств была обречена утек из княжества в казну ОИК [Barnett, 1980, p. 190]. К тому же сама откупная система скрывала от британцев подлинные налоговые возможности страны: не удивительно, что они постоянно, но безуспешно требовали заменить систему *иджарадари* системой *амани*. По свидетельству авадхского хрониста Абу Талиба, при показной лояльности ОИК наиб Хайдар Бег-хан делал всё возможное для саботажа требуемых ею мер [Abu Talib, 1971, p. 48]. Наиболее ярко пределы возможностей британцев продемонстрировал провал попытки резидента Дж. Бристоу (1781–83) по заданию Хейстингса взять управление в свои руки. Он затребовал всю финансовую документацию и печать наваба, но чиновники просто не выполняли его приказы. Калькутте пришлось вернуть Асафу и Хайдар Бегу бразды правления, а Бристоу отозвать [Barnett, 1980, p. 217–222]. Таким образом, крайние меры у ОИК в рассматриваемое время ещё не проходили¹.

По-иному сопротивлялся Мухаммад Али. Как сказано выше, он обратился напрямую к королю Георгу и сыграл на противоречиях ОИК и государ-

¹ Конечно, у Хейстингса была альтернатива, которой в 1801 г. воспользуется Уэлсли, — аннексировать часть княжества (предлог для этого — крупная задолженность — существовал постоянно). Однако тогда ОИК ещё не полностью привела в порядок управление даже у себя в Бенгалии: это произойдёт только на рубеже 1780-х — 90-х годов, с налоговой и судебной реформами Корнуоллиса.

ства. Почувствовав поддержку Линдси, наваб в 1771 г. даже выдвинул Компании требования: сократить численность её войск в Карнатике с 10 тыс. до 7 тыс. человек, субсидию — с 4 лакхов пагод до 2 и освободить его от несения расходов по первой англо-майсурской войне (10 лакхов) [Sheik Ali, 1963, p. 159]. Однако ОИК не собиралась выполнять эти требования, а на реальную помощь королевского представителя наваб рассчитывать поторопился (см. III.2.1). Зато другой способ сопротивления оказался весьма эффективным — речь идёт о знаменитых частных долгах «наваба Компании». Хотя в целом отношения ОИК с Валаджахом I напоминали, по меткому выражению индийского историка К. Раджайяна, союз всадника и лошади [Rajayyan, 1978, p. 219], эти долги следует воспринимать не столько как закабаление беспомощного правителя, сколько как его симбиоз со служащими ОИК как частными лицами, направленный против Компании как организации. Мухаммад Али делал долги очень охотно, преследуя далеко идущую цель — удержаться у власти, не разделить судьбу навабов Бенгалии.

Не только у ОИК имелись инструменты контроля над навабом: его частные долги (привлекательность которых увеличивали огромные проценты — до 48% годовых) служили ему таким же инструментом в отношении самой Компании. По словам индийского историка Н.С. Рамасвами, мадрасские кредиторы наваба (включая советников президентства) стали его невольными защитниками. Мухаммад Али так глубоко впутал их в свои замыслы, что им (ради сохранения платёжеспособности наваба в отношении лично их) приходилось брать его сторону против Калькутты и Лондона [Ramaswami, 1984, p. 3]¹. В 1776 г. мадрасские советники не остановились даже перед свержением губернатора лорда Пигота (1775–76), пытавшегося урезать эти источники их дохода². Таким образом, Мухаммад Али был не только марионеткой британцев, но и в какой-то мере их кукловодом.

Если стержнем отношений ОИК с сателлитами был субсидиарный союз, то стержнем её отношений с независимыми политиями (т.е. сравнимыми с ней центрами силы) — военное противостояние, которое принимало разные

¹ Наваб сумел создать собственное лобби даже в палате общин, куда были избраны несколько его кредиторов [Ramaswami, 1984, p. 240].

² В 1773 г. Мухаммад Али организовал со своими кредиторами «совместное предприятие» по ограблению княжества-данника Тханджавур. Захватив с британской помощью эту небольшую, но отличавшуюся высоким плодородием почв область, наваб обложил её огромным налогом. В 1775 г. администрация Валаджаха I ухитрилась выжать из Тханджавура 81 лакх рупий (рекордная сумма, собранная маратхскими раджами в 1761 г., составляла лишь 57,5 лакха) [Rajayyan, 1978, p. 160–161]. Кредиторы Валаджаха получили свою долю в Тханджавуре в виде заложенных в счёт погашения долгов территорий. Пигот же вернул княжество свергнутому радже, чем толкнул кредиторов и наваба на новое «совместное предприятие» — по смещению его самого.

формы: от сдерживания до открытой войны (хотя и не исключало возможности тактических союзов).

В рассматриваемый период в Индии можно выделить два геополитических узла борьбы — североиндийский и деканский. В каждом из них присутствовала ОИК (соответственно в Бенгалии и Карнатике), причём она являлась одним из их центров силы. Другими центрами были: в Северной Индии — сильнейшие маратхские княжества Пуна, Удджайн и Индаур, на Декане — Пуна и Майсур. Реальная борьба развернулась между именно этими политиями. Княжества послабее — Вадодара, Нагпур, княжества Раджпутаны на севере, Хайдарабад и Траванкур на юге — обычно тяготели к тому или иному центру силы в своих узлах.

Княжеством, правитель которого не только первым в Индии создал обученную по европейскому образцу крупную армию (даже раньше Мир Касима и Шуджи-уд-даула), но и проводил её модернизацию наиболее последовательно, был Майсур при Хайдаре Али. Его военная реформа позволила ему довольно успешно отбиваться от постоянно вторгавшихся маратхов и существенно расширить свои владения. В истории ОИК Майсур интересен сразу в двух отношениях. С одной стороны, пожалуй, не было в Индии другого княжества, которое столь упорно и долго (до 1778 г.) само стремилось заключить с Компанией военный союз. С другой стороны, именно за Майсуром прочно закрепилась репутация наиболее непримиримого противника ОИК.

Тесные контакты Хайдара с ОИК начались через Бомбей, и в 1760-е годы они строились примерно по схеме её отношений с Шиваджи, хотя отличались более тесным сотрудничеством сторон. В 1763 г. Хайдар предоставил ОИК исключительно выгодные условия торговли в своём княжестве¹. В обмен карья-карта рассчитывал на крупные поставки вооружений, и британцы продали ему 1,2 тыс. мушкетов с боеприпасами: в Бомбее не хотели дальнейшего усиления пешвы за счёт Майсура [Desai, 1970, p. 183–186]. Скрепили бомбейско-майсурские отношения события 1766 г., когда после обещания Хайдара предоставить ОИК исключительное право покупки перца, сандалового дерева и кардамона британцы не стали мешать захвату им мелких малабарских княжеств (хотя с некоторыми из них фактория в Телличерри была связана оборонительным союзом) [Nightingale, 1970, p. 34].

Однако очень скоро англо-майсурские отношения в целом стало определять другое президентство ОИК — Мадрасское. При этом выявилось противоречие стратегических интересов двух президентств. Будучи расположены на разных побережьях субконтинента, Мадрас и Бомбей оказались заинтере-

¹ Монополию на закупку всего перца, производимого между Мирджи и Бхаткалом; право на задержание в факториях индийских купцов-должников; право платить лишь 1,5% пошлины на импорт многих товаров и др. [Collection, 1812, p. 518–520].

ресованы в союзах с разными индийскими княжествами. Опасаясь прежде всего своих ближайших соседей, оба президентства следовали широко распространённому стратегическому принципу: «сосед моего врага — мой союзник». Если Бомбей стремился к союзу с Майсуром против нависавших над ним маратхов Пуны, то Мадрас — наоборот, к союзу с маратхами против своего ближайшего соседа Майсура. Большой экономический и военный вес Мадраса в сравнении с Бомбеем и определил линию англо-майсурских отношений. Именно Мадрас втянул ОИК в первое в её истории как державы военное столкновение с одним из индийских центров силы. В 1767 г. побуждаемые Мухаммадом Али кредиторы решили завоевать для него Майсур [Sheik Ali, 1963, p. 64]. Первая англо-майсурская война (1767–69) продемонстрировала, что за 20 лет у европейцев в Индии начали формироваться достойные ученики. Уже в этой войне майсурская артиллерия, по отзыву генерал-майора сэра Эйра Кута, *«не уступала нашей, если не превосходила её, а её скорострельность была выше»* [Marshall, 1993 (3), p. 27]. Война закончилась вничью: совершив внезапный бросок под стены Мадраса¹, Хайдар вынудил британцев заключить мир, причём навязал им оборонительный союз [Sheik Ali, 1963, p. 133]. Сцементировать его карья-карта попытался дальнейшими торговыми льготами Компании: распространил её право платить 1,5% пошлины на все виды импортируемых товаров и обещал не даровать привилегий другим европейцам [Collection, 1812, p. 531–532]. Существенность этих уступок демонстрирует, насколько заинтересован был Хайдар в союзе с ОИК (прежде всего антимаратхском)².

Однако ОИК не собиралась ссориться из-за Майсура с вездесущими маратхами (владения которых граничили с двумя из её президентств). Поэтому, когда в начале 1770-х годов Майсур подвергся наиболее серьёзному в его истории маратхскому вторжению и Хайдар взывал о помощи, британцы даже не ответили³. Все 1770-е годы карья-карта пытался добиться от Ком-

¹ Именно это обстоятельство резко привело к концу бум с акциями ОИК в Лондоне: их курс немедленно упал с 273 до 239 пунктов [Sutherland, 1952, p. 191].

² Вообще, несмотря на начавшийся с середины XVIII в. активный процесс заимствования индийцами европейских военных нововведений, ОИК была потенциальным союзником нарасхват: в это же время хайдарабадский Низам Али очень хотел втянуть Мадрас в союз против пешвы [Fort William, V, p. 589].

³ В советской (и ранней индийской — после независимости) историографии проводился курс на акцентирование отрицательного образа «колонизаторов» (какими уже применительно к рассматриваемому периоду неверно называли британцев). Это приводило порой к искажению фактов. Например, К.А. Антонова пишет, что данный эпизод дал Хайдару «возможность проверить... искренность английского союзника» [Антонова, 1958, с. 189]. Однако необходимо помнить, что в союз ОИК вступила под давлением Хайдара; если бы в 1769 г. союз навязала она сама, предвзятый исследователь мог бы, не задумываясь, вставить клише о закабалении индийского княжества неравноправным

пании выполнения навязанных им союзнических обязательств, но этого ему так и не удалось. Не проявляли британцы и рвения в продаже Майсуру вооружений, о поставках которых он постоянно просил [Sheik Ali, 1963, p. 170].

Войны с маратхами ОИК всё равно не избежала: она началась в 1775 г. (см. ниже). Однако это событие не заставило британцев пересмотреть отношение к Хайдару, и в 1780 г. он вновь вторгся в Карнатик. Определяющую роль в возникновении второй англо-майсурской войны (1780–84) сыграла англо-французская война 1778–83 гг., которая затронула и Индию. Захватом французской фактории Маэ на Малабаре британцы перекрыли основной канал поступления в Майсур европейских вооружений [Sheik Ali, 1963, p. 174], что было для Хайдара совершенно неприемлемо. С этого времени Майсур быстро превратился в самого бескомпромиссного врага ОИК¹.

Начало 1780-х годов было наиболее опасным отрезком истории Компании-державы в Индии, когда в войне против неё в первый (и последний раз) объединились все крупные патримонии — маратхи, Майсур и Хайдарабад. Ударной силой союза оказался именно Майсур: вторая англо-майсурская война вызвала огромное напряжение британских сил. Достаточно сказать, что Хайдар вторгся в Карнатик с такой внушительной армией, с какой никогда до этого британцы в Индии не сталкивались [Grant Duff, 1826, II, p. 421–422]², и победитель при Баксаре генерал-майор Г. Манро в панике отступил к самому Мадрасу [Kulkarni, 1964, p. 53–54]. Показательно, что сын и преемник Хайдара Типу Султан (1782–99) продолжал воевать с ОИК даже после сепаратного мира с ней Хайдарабада в 1781 г. и маратхов в 1782 г. Остановить войну его заставила только угроза очередного маратхского вторжения — хотя перевес сил был явно на стороне Майсура [Касымов, 1964, с. 34–35]. С этой войны начались постоянные контакты правителей Майсура с французами, которые, потерпев решающее поражение в Индии в 1761 г., сделали ставку на подрыв британских позиций руками самих индийцев. Майсур был наиболее подходящим союзником как обладатель самой современной армии на субконтиненте.

Вынужденный прекратить войну (как и первая, она закончилась вничью), Типу продолжил её другими средствами — экономическими. В 1785 г.

договором. К тому же надо учитывать, что в Индии вовсе не одна ОИК руководствовалась принципами *Realpolitik*. Среди индийцев хватало своих Макиавелли; кстати, «маратхским Макиавелли» называли европейцы-современники Нану Фарнависа.

¹ Об этом свидетельствуют не только действия, но и письма его правителей. В 1782 г. Хайдар предупредил пешву, что с британцами не следует заключать мира никогда [Persian Documents, 1966, p. 47 перс.].

² Общая численность майсурской армии в это время равнялась 80–90 тыс. человек, из которых 15 тыс. составляли регулярную пехоту, обученную по европейскому образцу (французскими офицерами) [Moon, 1999, p. 200].

он наложил эмбарго на импорт пряностей и сандалового дерева и остановил продажу британцам риса, что ощутимо ударило по их торговле [Guha, 1985, p. 49–50, 56]¹. Одновременно он продолжил создание мощной армии. С этой целью в военной и административной реформах карья-карта пошёл намного дальше отца, а в начатой им самим экономической реформе подражал ОИК (с её торговыми монополиями), а возможно, отчасти и Мартханде Варме. По сути Типу попытался наладить правительственное предпринимательство². Реформы существенно увеличили военный потенциал Майсура и к концу 1780-х годов позволили Типу превратить его в настоящую империю³ (себя он объявил шахом в 1787 г.).

Феноменальный успех Майсура не только привёл к его третьему столкновению с ОИК, но и сплотил против него всех обычно враждовавших между собой соседей. Когда в 1790 г. англо-майсурская «холодная война» вновь переросла в «горячую», ОИК относительно легко привлекла на свою сторону и Пуну и Хайдарабад⁴. В ходе очень упорной войны тройственному союзу удалось одержать верх над «Львом Майсура» и отнять у него половину территории, которую победители распределили между собой⁵. Майсур действительно был очень серьёзным врагом ОИК, и третья война с ним была первой войной британцев с индийским соперником, победу в которой общественность Великобритании рассматривала как национальную цель. Не случайно это была единственная война ОИК, за которую правительство Великобритании взяло на себя полную ответственность (защищая Корнуоллиса от нападок вигов в парламенте). В британской прессе Типу часто сравнивали с Ганнибалом, что очень льстило самовосприятию британцев:

¹ О серьёзности майсурского эмбарго для ОИК говорит тот факт, что Корнуоллис принял решение лишить Бомбей (и так постоянно нуждавшийся в финансовой подпитке из Бенгалии) статуса президентства. Правда, здесь дал о себе знать установленный в 1784 г. государственный контроль над ОИК: председатель контрольного совета Дандас высказался против этого (Бомбей был важной военно-стратегической базой, к тому же начинала набирать обороты его торговля с Кантоном) [Nightingale, 1970, p. 46, 49]. Что касается эмбарго, то в 1790 г. оно станет одной из причин третьей англо-майсурской войны.

² Подробно о реформах Типу и отличиях административной системы Майсура от систем других индийских политий см.: [Ванина, 2003].

³ Если в 1770 г. доход Майсура равнялся 26,5 лакхам пагод, то в результате экспансии на север и запад в 1790 г. он достиг 96,7 лакхов [Subrahmaniam, 2001, p. 72, n. 1].

⁴ В историографии прорыв майсурскими войсками траванкурских линий в 1789 г. часто называют лишь предлогом, который искала ОИК для объявления войны Типу. На самом деле опасность захвата Траванкура стала одной из основных **причин** войны: этот захват грозил резким увеличением финансовых ресурсов Майсура и улучшением его стратегического положения. Не менее важным было то, что Компания оказалась бы отрезанной от последнего источника поставок перца [Nightingale, 1970, p. 57].

⁵ Британцы настолько опасались даже побеждённого Майсура, что до выполнения Типу всех условий мирного договора взяли в заложники двух его сыновей.

современный Рим победил достойного соперника [Marshall, 1993 (2), p. 67–71].

Однако даже после разгрома Типу не только не пошёл на союз с ОИК, но и упорно не пускал в страну её резидента (этот пост существовал даже в таких самостоятельных политиях, как Пуна (с 1786 г.) и Удджайн (с 1781 г.)). «Холодная война» продолжалась: Типу отверг предложение Компании возобновить двустороннюю торговлю [Fort William, XVII, p. 417]. Поражение заставило шаха лишь углубить реформы, направленные на увеличение обороноспособности княжества, что закрепило за Типу первое место в демонологии Британской империи. Едва ли не самым грандиозным из его мероприятий была попытка бросить ОИК вызов в её исконной стихии — превратить Майсур в морскую державу. Проект создания майсурского военно-морского флота предусматривал строительство 100 судов [Shama Rao, 1936, p. 181], но к 1798 г. Типу успел построить лишь 6 72-пушечных кораблей и 5 фрегатов [Касымов, 1964, с. 73]. Несмотря на удвоенные усилия шаха, обороноспособность Майсура была уже подорванной, и в 1799 г. ОИК перешла в наступление.

На рубеже XVIII–XIX в. вступила в последнюю стадию англо-французская борьба за мировую гегемонию, выражением которой стали революционные и наполеоновские войны Франции (1792–1815). В 1798 г. генерал Н. Бонапарт высадился в Египте и в перехваченном британцами письме сообщил Типу, что намерен освободить Майсур *«от железного ярма Англии»* [Secret Corr-se, 1980, p. 222]. Этого было достаточно для окончательного решения майсурского вопроса, за которое взялся Уэлсли с присущей ему энергичностью. Четвёртая англо-майсурская война (1799 г.) была спровоцирована генерал-губернатором (об этом свидетельствуют документы — см.: [Secret Corr-se, 1980, p. 260–265]). На этот раз британцы (в союзе с Хайдарабом) легко захватили Майсур и отняли у него ещё половину владений. «Огрызок» княжества был отдан Водеярам и превращён в субсидиарного клиента. Значение этих событий выходит далеко за рамки индийской истории: после них стала бессмысленной конечная цель египетского похода Бонапарта (бросок в Индию), что по сути нанесло смертельный удар всем стратегическим планам Франции на Востоке¹.

Противостояние ОИК и Майсура не имеет аналогов в истории Британской Индии. Хотя у Компании были и другие серьёзные противники — маратхский союз в 1775–1818 гг., Панджаб в 1840-е годы, будущее Индии решалось и решилось именно в борьбе с Майсуром. На протяжении четверти века (1767–92) эта полития была равным ОИК военным соперником — в

¹ После Ватерлоо Наполеон скажет, что эта битва была проиграна ещё в Индии [Bayly, 2004, p. 86].

период, когда британцы лишь осваивались в Индии, а значит, были наиболее уязвимы. Не случайно, чтобы подчинить Майсур, британцам потребовалось четыре упорных войны (рекордное число войн, которые они когда-либо вели в колонизируемых странах, если не считать Ашанти в XIX в.¹), причём две первые закончились вничью. Разгромом Майсура в 1799 г. ОИК не только устранила самого опасного врага, но и значительно увеличила свои ресурсы, которые тут же использовала в войне с маратхами (речь идёт прежде всего о 250 тыс. белых деканских волов, которых К.А. Бэйли назвал самым ценным военным ресурсом Типу. — [Bayly, 1988, p. 86, 97]).

Самым опасным врагом ОИК режим Майсура периода узурпации (1761–99) сделали его попытки конкурировать с ней во всех сферах сразу — властной, военной, экономической. Отмеченная выше потребность индийских правителей XVIII в. в модернизации армий дала толчок развитию «военного фискализма» [Washbrook, 1988, p. 72]. Этот процесс происходил в большинстве индийских политий, но наиболее далеко зашёл именно в Майсуре (если не считать саму ОИК). Более того, Типу попытался в какой-то мере симитировать двойственную природу Компании — превратиться в князя-купца, властно-торгового гибрида (не говоря уже о притязаниях на военно-морской паритет с ней). Последнее уже не только количественно, но и качественно отличало Майсурскую империю от всех современных ей политий Индии — и качественно сближало с ОИК. Неудивительно, что обе стороны увидели друг в друге главное препятствие своей экспансии. Как писал Уэлсли: *«Да, я сильно опасаясь его. Он не похож на других известных нам правителей Индии. Я также обеспокоен тем, что он подаёт пример другим правителям»* [Secret Corr-se, 1980, p. 316]². Вывод был очевиден: надо скорее кончать с этим уникальным конкурентом, пока он не утратил уникальности, т.е. пока его пример не распространился. Хотя поначалу Майсур и стремился к союзу с ОИК, объективно рядом им не было места именно в силу их большого сходства³ — кто-то должен был уйти. Кстати, Майсур — пожалуй, единственная азиатская полития XVIII в., ответ которой на британский вызов сочетал сразу две из выделенных В.А. Тюриным реакций восточных политий на европейское давление, — вооружённое сопротивление и (частичное) закрытие страны (см.: [Тюрин, 1999, с. 59–60]).

¹ Впрочем, западно-африканская полития Ашанти не представляла собой такого грозного противника.

² Главное препятствие экспансии ОИК верно увидел в Майсуре ещё Клайв в 1766 г., заставший первые результаты модернизации Хайдаром армии [Sheik Ali, 1963, p. 61].

³ О том, кто был наиболее серьёзным претендентом на господство в Индии, красноречиво говорит то, против какой из политий в определённый момент сплотились три других — против ОИК в 1780–81 гг. и против Майсура в 1790–92 гг. Попытка общими силами «поставить на место» соседа и была признанием исходящей от него исключительной опасности.

Конечным объектом конкуренции Майсура (а в меньшей степени — и остальных индийских княжеств) с ОИК была лояльность нескольких ключевых для функционирования политики групп — землевладельцев, мелкого чиновничества и купечества. Если обратиться к схеме американского индолога Б. Стайна, с XVIII в. берёт начало четвёртая, финальная, фаза истории взаимоотношений индийских общин (*communities*) и политий (которые он называет «государствами») — фаза «государства без общин», которые они подчинили и ограничили¹. Как подчёркивают К.А. Бэйли и Б. Стайн, роль упомянутых социальных групп как посредников между властью и податным населением с процессом «коммерциализации власти» в XVIII в. заметно возросла [Bayly, 1983, p. 5; Stein, 2003, p. 74–75]. «Военный фискализм» политий отвечал интересам не только их правителей, но и упомянутых групп, поскольку позволял ужесточить контроль над зависимыми от них самих слоями. Однако, решая для этих групп одну проблему, политики создавали им другую — давили на них самих. Таким образом, интересам этих групп «военный фискализм» отвечал в меньшей степени, чем интересам правителей. В ОИК же эти группы увидели силу, которая будет затрагивать их интересы минимально, зато способна продолжить и усилить наступление политики на общинные институты [Washbrook, 1988, p. 75], быстрее и вернее «перемолоть» их, чем сами индийские режимы. ОИК смогла предложить этим группам более эффективную защиту их торговых и налоговых привилегий, чем местные режимы — особенно по контрасту с экономической политикой Типу². Не случайно, вторгшись в Майсур во время третьей и четвёртой войн с ним, британцы получили поддержку значительной части местных чиновничества, купечества и землевладельцев [Stein, 1998, p. 210–211]. Майсур

¹ *Community* Б. Стайна — это не просто сельская община, а община в широком смысле: локальная группа людей, связанных общими чувствами (*sentiments*) и ценностями и живущих в условиях досовременной технологии. Исходя из сущности отношений общин с политиями, Б. Стайн выделил в истории Индии 4 фазы: I. Общины без политий (ок. 7000 — ок. 800 гг. до н.э.), когда единственной властной структурой были вождества. II. Общины **как** политии (ок. 800 г. до н.э. — ок. 300 г. н.э.) — период крупных вождеств (джанапад), где даже при формальной монархии управление было коллегиальным. III. Общины **и** политии (ок. 300 — ок. 1700 гг.) — начавшийся с империи Гуптов период размежевания двух типов социальной организации и их сосуществования. IV. Политии без общин (с 1700 г.). Подробнее о схеме Б. Стайна см.: [Stein, 1998, p. 20–34].

² Если сначала в Майсуре у ОИК не было такого сильного купеческого лобби, как в Бенгалии в 1750-е — 60-е годы, то позднее оно появилось. Причиной тому послужил демонстрационный эффект территорий Компании и её союзников, а также меры Типу по взятию экономики страны под контроль административного аппарата (задуманное как антибританская мера, наложенное им эмбарго привело к разорению многих майсурских же купцов. — [Новая история Индии, 1961, с. 157]). Неудивительно, что в роли британского шпиона выступал, в частности, ведущий купец-мапилла Чуакара Муса [Guha, 1985, p. 153–154].

проиграл конкуренцию за их лояльность, что определило его историческое поражение в 1799 г. Пусть на 42 года позже, но Типу Султан закончил свой путь почти как Сирадж-уд-даула — преданный большинством своих министров и военачальников. Рано или поздно фактор «пятой колонны» сыграл исключительно важную роль в большинстве индийских политий.

Вторым серьёзным соперником ОИК в борьбе за Индию был маратхский союз княжеств¹. Хотя сардары продолжали признавать верховенство пешвы, степень сплочённости маратхской пентархии неуклонно уменьшалась. Уже в 1782 г. британский резидент в Камбее Ч. Мэлет назвал этот союз *«телом, части которого ссорятся друг с другом и противоречат друг другу»* [ERMH, extra, p. 108].

Центральное место в союзе занимала Пуна. Во второй половине XVIII в. ослабление власти пешв, начавшееся в первой половине столетия, продолжилось уже в пределах их собственной политики. Мадхав Рао I (1761–72) считается последним из великих пешв. Его преемники были слабыми правителями, находясь под определяющим влиянием Наны Фарнависа.

Как и история противостояния ОИК с Майсуром, история её противостояния с маратхами началась с конфликта одного из президентств — в данном случае Бомбея. После смерти Мадхава Рао в Пуне началась борьба за власть и Бомбей обещал одному из претендентов — Рагхунатху Рао — военную помощь. В 1775 г. претендент согласился оплатить услуги предоставленного отряда и передать ОИК 4 острова близ Бомбея [Collection, 1812, p. 540–544]. Договор был заключён Бомбеем без согласования с Калькуттой, но его инициативу неожиданно поддержали директора. Основной причиной вмешательства Бомбея в борьбу за власть в Пуне, по-видимому, было стремление обзавестись, наконец, собственным субсидиарным клиентом: сработал демонстрационный эффект Калькутты и Мадраса, которые уже имели клиентов (соответственно Авадх и Карнатик) со всеми вытекающими выгодными последствиями (см. выше). Перспективу превратить Рагхунатха в подобие Мухаммада Али сочли в Бомбее заманчивой. Однако британское вмешательство в распри в Пуне оказалось контрпродуктивным: к 1780 г. оно сплотило против ОИК не только почти всех маратхов, но и Майсур с Хайдарабадом, а Нана вступил в контакт с французами. Таким образом, локальная авантюра Бомбейского президентства вылилась в единственную в истории ОИК войну в масштабах всей Индии. Составляющая эту войну первая англо-маратхская война (1775–82) завершилась вничью: Компания получила только остров Сальсете севернее Бомбея.

¹ Европейские современники, а также историки часто называли его европейским (а потому неадекватным) термином «конфедерация» [Luard, 1929, p. 249] или даже «федеральная лига» [Review of the Affairs of India, 1807, p. 56].

После неудачной войны с маратхами ОИК в течение 20 лет избегала конфликтов с ними. Ретроспективно первую англо-маратхскую войну можно назвать разведкой боем: британцы выяснили, что маратхский союз победить вовсе не просто. К тому же, как подчёркнуто выше, главного врага они видели в Майсуре. Поэтому в 1790 г. Корнуоллис привлёк Пуна к антимайсурскому союзу. Тем не менее, он не воспользовался возможностью уничтожить Майсур путём его полного раздела (как в это время в Европе приканчивали Польшу) именно из-за опасения, что резко усилятся маратхи [Shore, 1933, p. 145].

В 1790-е годы англо-пунские отношения оставались неплохими. Ради их сохранения генерал-губернатор сэр Джон Шор (1793–98) даже принёс в жертву отношения с Хайдарабадом (см. ниже). Однако поход 1795 г. против низама стал последним в маратхской истории, когда сардары собрались по призыву пешвы: к концу столетия Пуна выбыла из числа не только индийских, но и внутримаратхских центров силы.

В отличие от третьей англо-майсурской войны в четвёртой войне маратхи, несмотря на приглашение ОИК, уже не участвовали: дальнейшее ослабление Майсура противоречило их интересам, так как выигрывали от него главным образом британцы. Нана писал пешве: *«каждый гас, который отсрочивает поражение Типу Султана, есть гас, который продлевает независимость маратхского народа»* [Secret Corr-се, 1980, p. 316]¹. Поражение Майсура в 1799 г. действительно резко сместило баланс сил в пользу ОИК: по сути прекратил существование деканский геополитический узел (годом раньше британским субсидиарным клиентом стал Хайдарабад).

Однако развитие центробежных тенденций у маратхов зашло уже так далеко, что это не заставило их сплотиться. Напротив, в начале 1800-х годов развернулась очередная война между двумя крупнейшими маратхскими патримониями — Шинде и Холькара. Главной целью их борьбы был контроль над потерявшим всякую власть пешвой. В 1802 г. Джасвант Рао Холькар разбил Даулата Рао Шинде и последнего в маратхской истории пешву Баджи Рао II (1796–1818) и занял Пуна, посадив другого марионеточного пешву. Баджи Рао бежал и просил помощи у ОИК. Уэлсли решил не упускать уникального шанса немедленно развить достигнутый на юге успех. Как и в Майсуре, он видел в маратхах потенциального союзника Франции [Wellesley Despatches, III, p. 109].

¹ Проницательный фарнавис был прав, что доказывают слова директора ОИК Д. Скотта в письме, адресованном Уэлсли через год после падения Типу: *«Конечно, Пуна становится Шрирангапаттинамом...»* [Scott D., 1951, p. 276]. Не случайно при создании Уэлсли в 1800 г. колледжа форта Уильям главным индийским языком, предложенным им к изучению, был маратхи [Wellesley Despatches, II, p. 644]. Это было прямым указанием на то, в каком направлении пойдёт дальнейшая экспансия ОИК.

Заклучив с Баджи Рао Бассейнский субсидиарный договор, британцы восстановили его власть в Пуне. В самой Махараштре их оппонентами могли стать только крупные саранджамдары юга, но Уэлсли добился их нейтралитета, обещав им защиту их владений от возможных посягательств пешвы [Wellesley Despatches, III, p. 45, 139]. Тем самым британцы вновь использовали фактор «пятой колонны». Однако с установлением контроля ОИК над сердцем маратхской державы не собирались мириться сардары. Ввод англо-сипайского отряда в Пуну по сути взорвал маратхский союз, выбив из него ключевое звено. Несмотря на взаимную вражду, сардары отнюдь не были готовы к распаду союза. Отложив распри, они бросили Компании вызов. Вспыхнула вторая англо-маратхская война (1803–05), в которой главную роль сыграли Шинде и Холькар.

Полития Мадходжи Шинде (1761–94) с центром в Удджайне (в начале XIX в. ставку перенесли в Гвалияр) была непосредственным соседом Авадха, а значит, отношениям с ней в Калькутте уделяли серьёзное внимание. В тесный контакт с Мадходжи британцы вступили во время первой англо-маратхской войны, когда он выступил против них в составе общемаратхской коалиции. В отличие от Майсура вывести его из войны оказалось не очень сложно: хватило нескольких военных ударов¹ и искусной игры Хейстингса на межмаратхских противоречиях [Warren Hastings' Letters, 1927, p. 86]. Дело в том, что к началу 1780-х годов Мадходжи и Нана стали главными фигурами в маратхском союзе, разрывая его своим соперничеством. Шинде рассчитывал опереться на поддержку ОИК в борьбе за преобладание в союзе. Поэтому именно он от имени всей антибританской коалиции заключил с Компанией Сальбхайский мир в 1782 г., поставив остальных союзников перед свершившимся фактом. Этот договор был крупной дипломатической победой и ОИК (так как центрами силы он признал в Индии лишь две державы — её и маратхский союз), и Шинде (так как Компания фактически признала его независимость от Пуны).

С тех пор Мадходжи всегда избегал конфронтации с Компанией. Во-первых, он не мог позволить себе враждовать на два фронта — с Пуной и Калькуттой. Во-вторых, Мадходжи, первым из маратхов создавший армию европейского образца², все 1780-е годы был занят покорением западного Хиндустана (с Дели) и Раджпутаны. Как отмечал британский резидент при нём Дж. Эндерсон (1784–86), конфронтация с ОИК сделала бы шатким его положение на недавно завоёванных территориях [ERMH, I, p. 80]. Неудиви-

¹ Главным успехом британцев стал шокировавший Мадходжи штурм в 1780 г. его крепости Гвалияр, расположенной на отвесной скале и считавшейся неприступной.

² К 1792 г. она насчитывала 18 тыс. регулярной пехоты с 200 орудиями и находилась под командованием француза де Буаня [Grant Duff, 1826, III, p. 74].

тельно, что, по словам резидента У. Палмера в 1788 г., Шинде считал сохранение хороших отношений с восточным соседом своей первостепенной задачей [ERMH, I, p. 307].

Дружественный нейтралитет ОИК и современная армия позволили Мадходжи сделать свою политику крупнейшей в маратхском союзе¹. При его преемнике — Даулате Рао (1794–1827) — Удджайн продолжал сохранять добрососедские отношения с Компанией. Впрочем, Уэлсли считал *«самым безопасным способом обеспечить дружбу»* Шинде расквартирование на авадхской границе достаточно сильного отряда [Select Documents, 1958, p. 139]. Коренной поворот в их отношениях вызвал только субсидиарный договор британцев с пешвой.

Маратхские сардары заявили, что пешва не имел права становиться субсидиарным клиентом ОИК, не советуясь с ними [Wellesley Despatches, III, p. 237]². Напряженность между ними и ОИК стала нарастать, и в 1803 г. генерал Артур Уэлсли (брат генерал-губернатора и будущий победитель при Ватерлоо) разрубил Гордиев узел, напав первым (после отказа маратхов отойти от границы). Шинде во второй англо-маратхской войне был самым серьёзным противником ОИК, обладая (после неё) наиболее многочисленной артиллерией в Индии (не менее 200 орудий). Победа над его войсками при Асаи и Нашвари далась британцам весьма нелегко, даже несмотря на то, что по договорённости с Уэлсли французские офицеры Даулата Рао внезапно оставили службу [Синха, Банерджи, 1954, p. 342–343]³. Нелегко дались и мирные переговоры, поскольку со стороны Шинде их вёл его диван Витхал Пант — человек, которого позднее А. Уэлсли считал умнее Талейрана [ERMH, X, p. 164]. Тем не менее, по Сарджи-Анджангаонскому договору 1803 г. Шинде пришлось уступить ОИК навечно область Дели — Агры, Бха-

¹ Данные на 1803 г.: если халиса пешвы приносила ему 17,8 млн. рупий, то доход Шинде равнялся 29,5 млн [Wink, 1986, p. 307].

² В британской прессе того времени (например, в *Edinburgh Review*) раздавались отдельные голоса с осуждением активной субсидиарной политики Уэлсли; в частности, высказывались именно опасения раздражить индийских князей, спровоцировать их на вооружённое выступление. Однако в обстановке ожесточённых войн с революционной и наполеоновской Францией такие речи воспринимались плохо. Автор одного из памфлетов в защиту Уэлсли Л.Д. Кемпбелл остроумно заметил, что по логике его критиков Кромвелю не надо было издавать Навигационный акт (из которого выросло военно-морское господство Англии) — чтобы не раздражать другие морские нации Европы (см.: [Campbell, 1807]).

³ Несмотря на донесения о французах на маратхской службе, которыми генерал-губернатор запугивал Дандаса и Скотта [Scott D., 1951, p. 184; Two Views, 1970, p. 57], эти наёмники вовсе не собирались воевать в Индии за Францию. Наоборот, они нуждались в помощи английской ОИК для перевода в Европу накопленных состояний [Moon, 1999, p. 323]. Всем им британцы дали спокойно выехать на родину.

руч и ряд других территорий, отказаться «от всех притязаний» на Шаха Алама, признать право Компании на арбитраж в его территориальных спорах с пешвой и обещать не держать на службе европейцев или американцев [Collection, 1812, р. 264–267]. В 1804 г. Уэлсли навязал Даулату контроль над внешними сношениями и субсидиарный отряд, но продолжавшееся сопротивление Холькара заставило генерал-губернатора принять необычное условие Шинде: расквартирование отряда **вне** его владений, на британской территории [Collection, 1812, р. 272–277].

Второй по силе маратхской политией к концу XVIII в. стал Индаур, но до второй англо-маратхской войны ОИК с Холькарами почти не контактировала. В войну Джасвант Рао (1798–1811) вступил только после разгрома Шинде и Бхосле (которые и сами воевали по сути порознь). Применяя парфянскую тактику, он повёл затяжную войну и даже сумел уничтожить отряд полковника Монсона, что стало крупнейшим поражением британцев с момента разгрома Хайдаром полковника Бэйли в 1780 г. [Moon, 1999, р. 335]. Однако к 1805 г. британцы взяли верх и гнали Холькара до самого Панджаба.

В 1805 г. ОИК получила возможность немедленно «замирить» всю Индию путём жёсткого ограничения военного потенциала Шинде и Холькара. Однако, воспользовавшись политической нестабильностью в Лондоне, директора отзывали Уэлсли, считая его экспансионистский курс неоправданно дорогостоящим (см. IV.2.1). Сменивший его сэр Джордж Барлоу (1805–07) сделал существенные уступки обоим сардарам, главной из которых стал отказ Компании от уже обещанного покровительства княжествам Раджпутаны (подвергавшимся постоянным грабительским экспедициям маратхов) [Collection, 1812, р. 290–296]¹.

Отношения ОИК с Бхосле носили характер дружественного нейтралитета. Нагпур был довольно слабым княжеством, занимая самую отсталую в социально-экономическом отношении часть Индии². Поэтому, когда с 1765 г. ОИК прекратила платить Джаноджи Бхосле (1755–72) чаутх с Бенгалии, тому пришлось смириться с этим. Вообще главной задачей Нагпура было лавировать между более сильными соседями — ОИК, Пуной, Удджайном.

¹ В имперской историографии этот отказ единодушно осуждают как вероломство (см.: [Edwardes S., 1929, р. 375; Imperial Gazetteer, 1908, р. 23]). Однако надо помнить, что её представители оценивают действия британцев того времени с точки зрения интересов и позиций уже сложившейся Британской империи в Индии, важными компонентами идеологии которой были идеи верховной державы и морального прогресса, который она воплощала. Директора ОИК рассматривали её прежде всего как прагматическую коммерческую корпорацию, краткосрочные интересы которой действительно диктовали немедленный отказ от экспансионистской политики.

² Его доход составлял менее 2 кроров в год и армия, соответственно, была малодисциплинированной и плохооплачиваемой [ERMH, V, р. 34,38].

Долгое время это ему удавалось, и англо-нагпурские отношения оставались хорошими (см.: [СРС, 1969, р. 321; Two Views, 1970, р. 228]). Фактически Бхосле сохранил нейтралитет даже во время первой англо-маратхской войны¹. Однако в какой-то момент возможностей лавирования у слабого княжества не остаётся и оно должно решить вопрос: к какому центру силы примкнуть? Бхосле не сделал выбор вовремя и в результате этот выбор сделали за него. В 1803 г. Шинде втянул Рагхуджи II (1788–1816) в войну с ОИК вопреки интересам последнего. Разгромив Бхосле, британцы отняли у него стратегически важную область Катак (побережье Ориссы), лишив Нагпур выхода к морю². Кроме того, Рагхуджи признал ОИК арбитром в разногласиях с низамом и пешвой и обещал не брать на службу европейцев или американцев [Collection, 1812, р. 261–263]. Правда, ввиду крутого поворота в политике Калькутты к невмешательству в 1805 г. субсидиарным клиентом Нагпур пока так и не стал.

Логично, что наибольших успехов в рассматриваемый период ОИК достигла в отношениях с самым слабым членом маратхского союза — Гаикваром. Как и Шинде, Фатех Сингх Гаиквар (1771–89) рассчитывал с её помощью сделать Вадодару независимой от Пуны и ещё в 1772 г. предложил военный союз [Desai, 1970, р. 203]. Однако, если Шинде хватило дипломатической поддержки ОИК, Гаиквар нуждался в военной. В первой англо-маратхской войне Фатех был единственным сардаром, открыто выступившим на стороне ОИК. По договору 1780 г. союзники разделили владения пешвы в Гуджарате [Collection, 1812, р. 558–561], но по окончании войны британцам пришлось покинуть страну.

Тем не менее, английский историк Э. Томпсон считает, что после 1782 г. Вадодара фактически стала протекторатом ОИК [Thompson, 1978, р. 16]. Предпочту быть менее категоричным, но британцы действительно вклинились в отношения Вадодары с Пуной. Когда Говинд Рао (1793–1800) наследовал умершему брату, Нана поставил условием подтверждения его сардарства передачу Пуне *махалов* Гаиквара к югу от Тапти и его долю в суратской таможне. Однако британский резидент в Камбее Мэлет заявил протест, и Нана тут же уступил [Selections (Baroda), 1922, р. 104]. В 1794 г. генерал-гу-

¹ Для видимости Мадходжи Бхосле (1775–88) послал войско в Катак, но Хейстингс обеспечил его нейтралитет подкупом в 16 лакхов рупий [Grant Duff, 1826, II, р. 448–451]. Более того, в 1781 г. за 14 лакхов он добился у Бхосле разрешения пропустить 8 сипайских батальонов и 500 европейских солдат из Бенгалии в Мадрас [News-Letters, 1955, р. 115 перс.]. В 1790 г. Корнуоллис, видя слабость Бхосле, отправил отряд через Катак, уже не дожидаясь его разрешения [ERMH, V, р. 10].

² На эту прибрежную область в Ориссе положил глаз ещё Корнуоллис: она была единственным небританским владением на Коромандельском берегу, территориально рассекая британские Бенгалию и Северные Саркары.

бернатор заверил Гаиквара, что и впредь будет поддерживать его против пешвы [СРС, 1969, р. 43].

Интерес ОИК к Гуджарату объясняется ростом торговли Бомбея с Кантоном. Принятие Акта о замене 1784 г. (см. III.2.2) побудило Бомбей увеличить закупки гуджаратского хлопка на экспорт в Китай¹. Между тем с поговора чиновников пешвы и Гаиквара (которые были в доле) поставщики хлопка продавали агентам Компании втридорога хлопок скверного качества. К началу XIX в. и британцы, и их индийские торговые партнёры поняли, что расширение сотрудничества требует установления прямого контроля ОИК над хлопкопроизводящими районами [Nightingale, 1970, р. 184, 189, 238]. Первым шагом в этом направлении стала ликвидация ею диархии в Сурате (который оставался торговой столицей Гуджарата): в 1800 г. мутасадди был переведён на пенсию [Collection, 1812, р. 563–565]. Через два года британцы достигли цели, с готовностью вмешавшись в борьбу за власть в Вадодаре. При этом инициатива опять исходила от самого Гаиквара: в отличие от Бхосле он в критический момент сделал чёткий выбор. Столкнувшись с мятежом арабских наёмников и угрозой своему маснаду со стороны двух родственников, Ананд Рао (1800–18) просил у ОИК помощи². Эту помощь Гаиквар оплатил субсидиарным союзом и передачей одной парганы. Слабость правителя позволила британцам юридически зафиксировать беспрецедентную степень его зависимости: в случае нового мятежа и захвата его персоны Ананд предписал подданным подчиняться распоряжениям не его, а британского резидента и согласился на вмешательство ОИК, *“даже если я сам или мои преемники совершат что-то неподобающее или несправедливое”* [Collection, 1812, р. 566–572]. Пока это был крупнейший успех ОИК в её попытках растащить маратхский союз, которые она начала ещё с первой маратхской войны. Как с удовлетворением заметил Дэвид Скотт, в 1802 г. британцы *«оторвали гуджаратскую ветвь от маратхского дерева»* [Scott D., 1951, р. 399].

Ещё одной крупной патримонией, с которой имела дело ОИК, был Хайдарабад. До конца XVIII в. его правитель Низам Али (1762–1803) ещё не утратил гегемонистских амбиций на Декане, поэтому его отношение к ОИК было двойственным. Низам разрывался между идеей союза с ней (который защитил бы его от постоянно посягающих на его владения маратхов и Майсура) и небезосновательным опасением утратить реальную власть (хотя ОИК

¹ В 1783–1802 гг. этот экспорт вырос с 4 до 35 лакхов рупий [Bayly, 1988, р. 104].

² Когда войска ОИК подошли к Ваходаре, арабы предпочли капитулировать. Поскольку многие из них были кредиторами правительства, Компания гарантировала им погашение долгов (33 лакха), после чего они покинули Гуджарат [Wallace, 1861, р. 463–465].

формально и не покушалась на территории Карнатика и Авадха, низам видел участь их навабов). Вот почему, вступив с Компанией в 1766 г. в субсидиарные отношения, через два года Низам Али фактически разорвал их (см.: [Collection, 1812, p. 363–366, 369–375]).

Осложняли англо-хайдарабадские отношения серьёзные территориальные претензии низама: в 1759 г. ОИК отрезала Хайдарабад от моря, удерживая его самые доходные земли — Северные Саркары (с Маччхлипаттаном), захваченные у французов. Низам упорно, но безуспешно пытался вернуть их силой: сначала в одиночку (1765 г.), затем в коалиции с Майсуром и маратхами — подключившись к первой и второй англо-майсурским и первой англо-маратхской войнам¹. Будучи заметно слабее соседей — ОИК, Майсура, маратхов, — Хайдарабад старался либо лавировать между ними, либо блокироваться с кем-то из них. Как заметил Хейстингс в мемуарах, главным оружием низама было раздувание конфликтов между соседями и извлечение выгоды из их затруднений [Hastings W., 1978, p. 50]. Однако именно это делало его предсказуемым и позволило британцам дважды перетянуть на свою сторону путём щедрых обещаний, благодаря чему низам неприлично быстро переходил от боевых действий против них к союзу с ними (см.: [Newsletters, 1955, p. 21–23 перс.]).

В начале 1780-х годов низам, наконец, усвоил, что не является центром силы, и взял курс на сближение с ОИК, поскольку маратхов и Майсура остерегался больше². Компания, со своей стороны, тоже нуждалась в Хайдарабаде — как буфере от маратхов. После 1781 г. англо-хайдарабадские отношения носили добрососедский характер. Стороны регулярно заверяли друг друга в дружбе [Diplomatic Corr-se, 1958, p. 31, 47, 68]. Низам был заинтересован в ней больше и высказывался за “укрепление основы союза” [Diplomatic Corr-se, 1958, p. 38]. Однако по-настоящему Компания была готова лишь к неравноправному, т.е. субсидиарному, союзу.

Совместное участие в третьей англо-майсурской войне низам ошибочно принял за желаемый военный союз и стал бряцать оружием в отношениях с маратхами и Майсуром, решив, что имеет теперь за спиной британскую поддержку. Однако, как и из-за Хайдара в 1770-е годы, ОИК не собиралась втягиваться из-за низама в войну. Когда в 1793 г. он попробовал махать кулаками после драки, потребовав от Типу уступить навабство Карнул, Корнуоллис предупредил, что не будет помогать в проведении в жизнь «диких вла-

¹ Хейстингс настолько низко оценивал военный потенциал Хайдарабада, что считал: будь его территория хоть вдвое больше, он всё равно не представлял бы угрозы ОИК [Hastings W., 1978, p. 53].

² Во многих областях Хайдарабада вообще постоянно находилась параллельная маратхская администрация, собиравшая чаутх и сардешмукхи [ERMH, III, p. 182].

столюбивых планов» [Fort William, XVII, p. 256–257]. В том же году диван низама Азам-уль-умара стал сговариваться с Шинде против Наны, по сути провоцируя разрыв Хайдарабада с Пуной. Британцы сразу расценили это как пагубную авантюру [ERMH, IV, p. 22; Fort William, XVII, p. 258–259]. Они были правы: укрепившись после смерти Мадходжи, Нана потребовал от Хайдарабада погасить задолженность по чаутху и сардешмукхи. Азам не уступал и по сути вёл дело к войне, несмотря на совет Шора заплатить. В Хайдарабаде рассчитывали, что в критический момент ОИК заступится и будет воевать вместо Хайдарабада за его интересы. Однако ввиду безответственного курса и слабости княжества Мэлет приравнял военное заступничество Компании к *«привязыванию жёрнова к нашей шее»* [ERMH, IV, p. 59]. Результатом стал разгром низама объединённым маратхским войском при Кхарде в 1795 г. и тяжелейшие за всю историю Хайдарабада условия мира¹. Это поражение продемонстрировало, до какой степени дошло ослабление Хайдарабада, и жёстко поставило его перед выбором: приступить к модернизации армии или стать субсидиарным клиентом ОИК.

Сначала низам предпочёл первое: под руководством французских офицеров был создан сипайский корпус Ф. Раймона, что весьма встревожило британцев [Two Views, 1970, p. 57]. Однако в сравнение с англо-сипайскими частями качество его дисциплины не шло, и в 1798 г. Хайдарабад окончательно развернулся в сторону Компании. Решающую роль в этом сыграли лоббирование Азама² и беспрецедентное давление Уэлсли. Генерал-губернатор рассматривал корпус Раймона как *«основу французской партии в Индии»*, что делало Хайдарабад бесполезным, если не вредным, в случае нового конфликта ОИК с Майсуром [Two Views, 1970, p. 19]. Таким образом, Хайдарабад представлял для ОИК интерес не сам по себе, а прежде всего в связи с подготовкой к устранению основного противника. В 1798 г. Уэлсли произвёл в Хайдарабаде переворот: войска ОИК вошли в княжество, разоружили франко-сипайский корпус и остались там в качестве субсидиарного отряда. Правда, полноценным субсидиарным клиентом Компании Хайдарабад стал лишь

¹ Уступка территории с доходом в 35 лакхов рупий и контрибуция в 3 крора [Fort William, XVII, p. 419]. Правда, искусно воспользовавшись внутренней слабостью Пуны (там шёл очередной передел власти), Азам сумел на этот раз аннулировать вырванные уступки [Diplomatic Corresp., 1958, p. 147].

² Диван предостерегал низама, что присутствие корпуса Раймона не только таит непосредственную опасность для его власти, но и может заставить ОИК зачислить княжество в свои враги [Wilks, 1932, p. 660]. В то же время Азам посодействовал увеличению корпуса до 14 тыс. человек — как подозревал Уэлсли, специально, чтобы толкнуть ОИК к решительным действиям (используя французское влияние как пугало) [Appendix / Briggs, 1861, II, p. 300]. Сориентироваться на Компанию Азаму помог и подкуп, благодаря чему в 1798 г. низам узнал о планах британцев только когда их войска уже вошли в княжество [Видьявачаспати, 1956, с. 82].

через два года, когда Калькутта разрешила использовать этот отряд против маратхов [Collection, 1812, р. 182–185, 189–194]. После этого низам не преминул предупредить Шинде, что Хайдарабад и Компания составляют отныне «единое целое» [Persian Documents, 1966, р. 303 перс.].

О коренных изменениях, которые претерпел характер отношений ОИК с индийскими политиями в XVIII в., красноречиво свидетельствует следующий факт. В последовавшем за субсидиарным торговым договоре 1802 г. с Хайдарабадом ОИК разрешила ему, в частности, открыть факторию в Мач-чхлипаттане [Collection, 1812, р. 230]. Если вспомнить, что в 1611 г. ОИК сама смиренно просила у Кутб-шаха разрешения на открытие там фактории, становится понятным, насколько впечатляющ путь, который она проделала от купца к державе.

Пожалуй, наименее сильной из рассматриваемых политий Индии был Траванкур. Несмотря на успехи собирателя земли малабарской Мартханды Вармы, княжество оставалось слабее крупных соседей. Траванкурские «полки нового строя» были хороши только в войнах с мелкими политиями вроде Коллама, Кочи. Когда за Мухаммадом Али встала ОИК, племяннику Мартханды Раме Варме (1758–98) вообще пришлось платить ему дань. Однако не случайно Мартханда, умирая, напутствовал племянника: при любых обстоятельствах сохранять дружбу с британцами [Secret Corr-се, 1980, р. 8–9] — главная угроза Траванкуру исходила от Майсура. В 1766 г. последний не только положил предел траванкурской экспансии (захватив северный Малабар), но навис и над самим Траванкуром, стремясь овладеть богатым перцем берегом до самого мыса Каньякумари. Защитника Рама Варма видел только в ОИК, чьим субсидиарным клиентом и стал в 1788 г. [Collection, 1812, р. 416–421]. Это предотвратило пусть не само вторжение Майсура (произошедшее в 1789 г.), но поглощение им Траванкура: агрессору пришлось иметь дело с Компанией.

Последним по счёту, да теперь и по значению правителем, с которым контактировала ОИК в рассматриваемый период, следует назвать могольского Шаха Алама. Тем не менее, несмотря на утрату им всякой реальной власти, он оставался формальным сувереном почти всей Индии. Не надо забывать, что и британская Бенгалия, и субсидиарные, и независимые политии (кроме Траванкура) официально продолжали существовать в рамках Могольского султаната.

Период 1765–71 гг. был периодом «аллахабадского пленения» Компанией шаха, когда она поставила его под контроль после разгрома Шуджи¹. В течение всего этого времени Шах Алам тщетно ждал от британцев обещан-

¹ По иронии судьбы Шах Алам назвал калькуттского губернатора Верелста (1767–69) «крепчайшей опорой могольского трона» [Murtaza Ali Khan, 1947, р. 54].

ной военной помощи для восстановления своей власти в Дели. Клайв же понимал, что Компании, только что превратившейся в политику, необходим период консолидации достижений. Директора, как обычно, призывали к экономии средств [Fort William, V, p. 10]. В отчаянии Шах Алам написал письмо даже Георгу III, чтобы тот приказал ОИК выполнить обещание. Однако Компания утаила письмо: в Лондоне уже началось наступление государства на её самостоятельность, и жалоба пришлась бы некстати [Datta, 1965, p. 49–51]. Здесь возникла любопытная ситуация: суверен ОИК как властно-торговой организации жалуется на неё её суверену как торгово-властной организации.

В 1771 г., когда возникла опасность, что усиливающиеся маратхи или сикхи возведут на престол в Дели кого-то из принцев в качестве «альтернативного» Могола, Шах Алам договорился с маратхами, что возвратится в столицу под их охраной (за 40 лакхов рупий) [Comprehensive History of India, 1978, p. 60–61]. ОИК неохотно отпустила Тимурида из Аллахабада, а когда он пожаловал его маратхам, открыто проигнорировала фирман, заявив: шах *«лишился права на эти округа; они вернулись к Компании, от которой он получил их»* [Collection, 1812, p. 68].

Вообще, после того, как шах оказался вне контроля ОИК, характер англо-могольских отношений вновь резко изменился. Компания почти перестала выказывать шаху знаки почтения. Главное свидетельство этого — прекращение бенгальским диваном пересылки своему повелителю оговорённых 26 лакхов налогов [Muir, 1969, p. 129]. До 1784 г. в Дели по-прежнему правили временщики из среды мусульманской знати, а затем столицу захватил Шинде. Это стало дополнительным аргументом против дальнейших выплат с Бенгалии: ОИК платила бы маратхам. Здесь Мадходжи не помогло даже то, что официально он стал наибом *вакиля-уль-мутлак*, должность которого шах по его требованию пожаловал пешве (для легитимации маратхской власти). Шор писал директорам в 1794 г.: *«поскольку Компания не признаёт непосредственной власти делийского двора над своими владениями, она, конечно, не позволит её осуществления путём делегирования...»* [ERMH, I, p. 406]. По логике британцев, раз они уже не могли использовать титул шаха в своих интересах, не стоило и выказывать ему особого почтения. Другим показателем «падения престижа» Могола в глазах британцев стало пребывание их резидента не при дворе шаха-марионетки, а в лагере его покровителя Шинде. Британцы исходили из реальной расстановки сил. *«Короля Шаха Алама, — писал Хейстингс в мемуарах, — вряд ли уместно упомянуть среди держав (powers) Индии»*, хотя и остаётся престиж его титула [Hastings W., 1978, p. 53]. Уж тем более ОИК не колебалась, когда возникла ситуация выбора: подчиняться воле британского государства или Могола. В 1787 г. Дели на короткое время захватили рохиллы, и напуганный Шах Алам просил Корну-

оллиса прислать 4–5 батальонов «с целью укрепить султанат и покарать мятежников» [Datta, 1965, p. 100]. Однако из Калькутты пришёл ответ: акт парламента (1784 г.) запрещает Компании вмешиваться в дела индийских княжеств [Edwardes M., 1960, p. 213]. Здесь непосредственно столкнулись статусы ОИК как тимуридского и как британского подданного, и она дала понять Моголу: для неё не стоит вопроса, обязательства перед которым из её суверенов для неё предпочтительнее.

Таким образом, не имея контроля над шахом, британцы просто игнорировали его власть. Как отмечено выше (III.1.2), право на низамат в Бенгалии ОИК присвоила в 1772 г., уже не опираясь ни на какой фирман. В 1790 г. Корнуоллис посчитал нецелесообразным просить шаха утвердить в должности нового мутасадди Сурата — марионетку ОИК. Генерал-губернатор верно полагал, что, признав законность, обязательность для себя фирмана в одном случае, британцы могут в будущем оказаться в щекотливом положении, — если по приказу тех, кто его контролирует (маратхов), шах издаст какой-то фирман, ущемляющий интересы ОИК. Поэтому она обошлась без его санкции, посадив мутасадди своей властью [Dodwell, 1929 (1), p. 603–604]¹.

Контроль над Моголом вновь стал актуальным для ОИК в 1803 г., когда Уэлсли вплотную занялся маратхами. Генерал-губернатор отметил: «несмотря на полное лишение его величества реальной власти, почти все государства и все классы людей в Индии продолжают признавать его номинальный суверенитет... его величество до сих пор рассматривают в качестве единственного законного источника» титулов и званий. К тому же он опасался, что Могола могут «прибрать к рукам» французские наёмники Шинде в интересах своей родины [Wellesley, 1805 (2), p. 39, 46]. Если ОИК собиралась занять в Индии господствующее положение, обойти вниманием её формального суверена она никак не могла. Захват Дели и персоны монарха Уэлсли поставил одной из главных целей второй англо-маратхской войны. В 1803 г. генерал Джерард Лэйк вступил в Дели и *дарбар* столичной знати признал покровительство Компании [Wellesley Despatches, III, p. 323]². Начался период «делийского пленения» британцами могольских шахов (1803–57). Последние ещё содержали «пародию на двор» [Кае, 1858, p. 149], но по сути Делийский султанат сменился Калькуттским: несмотря на иные внутреннюю

¹ Хотя юридически Сурат оставался могольским владением, Шах Алам в 1801 г. совершил немислимый для его державных предков поступок: просил Уэлсли рекомендовать губернатору Бомбея и британскому наместнику Сурата своих ахбар-навеса и *вакилы* в этом городе [Descriptive List of Persian Corr-ce, 1974, p. 15].

² Самого Шаха Алама британцы нашли в весьма жалком состоянии: «Потомок великих Акбара и Аурангзеба был найден... слепым и старым, лишённым власти и обедневшим, сидящим под небольшим оборванным балдахином, осколком царского великолетия и издевательством над теловегеским достоинством» (цит. по: [Datta, 1965, p. 115]).

сущность и цели ОИК, природа её режима оставалась сильно схожей с природой предшествовавших¹.

Хотя к концу XVIII в. ОИК стала чувствовать себя в Индии весьма уверенно, в целом она по-прежнему стремилась к легитимации своей власти могольскими пожалованиями. Поэтому, отняв Шаха Алама у Шинде, Компания заставила его передать пост вакиля-уль-мутлак ей [Kemal, 1958, p. 19]. Тем самым ОИК поднялась ещё на одну, теперь уже предпоследнюю, ступень в имперской иерархии (выше стоял только шах)². Принятием титула регента Компания узаконила в глазах индийцев свои достижения во второй англо-маратхской войне. Поскольку Тимурид вновь попал под контроль ОИК, имело смысл опять придавать значение сделанным им (под её диктовку) распоряжениям. ОИК выделила ему «унизительный пенсион» в 12 лакхов рупий [Биорнштиерна, 1847, с. 103–104] — на четверть меньше, чем одному из его чиновников — навабу Бенгалии. Это дало британцам повод называть Моголов «подданными-пенсionерами» (*pensioned subjects*) ОИК [Husain, 1958, p. 71]. Против положения пенсionеров шахи не возражали (хотя и рассматривали пенсию как пешкаш), но вот подданными себя отнюдь не считали — наоборот.

Таким образом, к 1805 г. ОИК превратилась в доминирующую державу субконтинента, убедив в этом — по-хорошему или по-плохому — большинство местных патримоний. Как выразился английский историк С.М. Эдуардс, Британская империя в Индии превратилась в Британскую империю Индии [Edwardes S., 1929, p. 373]. Возникает вопрос: какие факторы определили реакции патримоний на британскую экспансию, почему одни из них сразу выказали покорность британцам, другие продержались несколько дольше, а третьи оказали бескомпромиссное сопротивление? Таких факторов можно выделить два: степень агрессивности политики и позиции британцев в его

¹ Правда, на функционирование ОИК как азиатской политики её бюрократический характер не мог не оказать влияния (о чём свидетельствует, к примеру, введенная британцами строгая отчётность). И всё же использовавшиеся ОИК методы управления и восприятие её самими индийцами как персонализированной патримонии в определённой степени позволяют говорить об однотипности политики Компании политиям других индийских правителей (не случайно, по свидетельству путешественника виконта Валенсия, индийцы считали ОИК знатной пожилой дамой, а всех генерал-губернаторов — её сыновьями. — [Суворова, 1995, с. 228]). Кстати, и после перехода власти к короне в 1858 г. эта однотипность во многом сохранялась. Как отмечают английские историки Р. Хайям и Г. Мартин, в не-белых британских колониях имперская власть функционировала больше посредством основанного на почитании сотрудничества между индивидами, нежели абстрактных отношений между политическими обществами (вертикаль местный лидер — окружной комиссар/губернатор/вице-король) [Nyam, Martin, 1975, p. 8].

² Впрочем, у Уэлсли в какой-то момент возникла идея провозгласить шахом саму ОИК [Panikkar, 1968, p. 136].

торговле. Первый фактор зависел от двух «переменных» — «социального возраста» властной элиты и степени централизации управления княжеством.

Бенгалия, Авадх, Хайдарабад и Карнатик были преемниками Могольской империи в узком смысле, её «обломками», в которых с крушением султанта властная элита — мусульманская военная знать — практически осталась прежней (что вместе с сохранением в них имперского социально-экономического и административного устройства позволило К.А. Бэйли назвать эти княжества неомогольскими). В маратхских патримониях властная элита была «помоложе»: в Пуне её «возраст» к середине XVIII в. составлял 100 лет, а в остальных княжествах — около 30. В Майсуре она была и вовсе новой, пришла к власти с Хайдаром или была создана им и его сыном позднее. Склонность правящего слоя политики к завоеваниям можно поставить в прямую зависимость от её «социального возраста» (здесь уместно вспомнить циклы ибн Хальдуна).

Однако самой по себе молодости властная элиты для агрессивности княжества недостаточно — необходима внушительная армия. Создать её позволял мощный административный аппарат, способный изъять большое количество ресурсов у населения. Таким образом, агрессивность во многом зависела от степени централизации управления.

В неомогольских политиях данная степень была невысокой. Авадх входил в зону действия системы забт, а, как отмечено выше, её долгосрочным следствием было укрепление заминдаров, причём сила раджпутских кланов оказалась обратно пропорциональной силе навабского режима. В Бенгалии власть наваба сильно ограничивало существование квазикняжеств наследственных откупщиков. В Хайдарабаде и Карнатике причиной слабости центральной власти было то, что они вошли в империю уже на её закате (во второй половине 1680-х годов)¹.

Нео-Моголы серьёзных завоеваний не вели, поскольку знали: дороже выйдет, «от меча и погибнут» (маратхского либо своих же подданных — крупных землевладельцев)². Навабства были маложизнеспособными, обре-

¹ Более того, по мнению крупнейшего американского специалиста по могольской Индии Дж.Ф. Ричардса (который предложил объяснение причин упадка империи, альтернативное идее «джагирного кризиса» И. Хабиба), именно незавершённость административной и властной консолидации на территории Хайдарабада (вместе с Махараштрой, конечно) стала отправной точкой в распаде султаната. Если на севере Моголы хотя бы попытались интегрировать в империю сельские элиты, то здесь Аурангзеб даже не инициировал этого процесса, стремясь к всё новым завоеваниям (см.: [Richards, 1976, p. 237–256]). Это не могло не создавать серьёзных трудностей преемникам Моголов — низамам, ресурсов у которых было существенно меньше.

² Об этом открыто говорили сами маратхи. Когда в 1784 г. Асаф не уступил Шинде в территориальном споре, бахши последнего прямо заявил: если бы наваб не пользовался поддержкой ОИК, Шинде отнял бы у него два спорных округа силой [PRMH, 1953, p. 149].

чёнными на распад образованиями, так как структура управления осталась прежней, утратившей гибкость. Вот почему они относительно легко вошли в орбиту ОИК, ища у неё защиты от внешних и внутренних врагов. Втянув их в субсидиарную систему, британцы не дали состояться «второму раунду» свержения могольской власти — уже на уровне суб, прервали процесс дальнейшего дробления империи.

В маратхских полициях ситуация была иной. В собственно Махараштре степень централизации управления превосходила могольскую. Не случайно Пуна первоначально была одним из центров силы. Её ослабление к концу XVIII в. объясняется подъёмом саранджамдаров пешвы и усилением соседей-сардаров.

В отличие от Пуны в полициях Шинде и Холькара (в западном и южном Хиндустане) централизация была не большей, чем в Авадхе с аналогичными социальными условиями в деревне. Однако эти сардары всё равно имели сильную армию — отчасти, возможно, благодаря выталкиванию лишнего населения из деревни в Махараштре с её неблагоприятными условиями для земледелия. Именно это могло дать столь мощный импульс маратхской экспансии по всем направлениям (в первую очередь — в сторону экономически развитых долин Ганги и Кавери, где циркулировали мощные потоки драгоценных металлов. — [Bayly, 1989, p. 54]). Отчасти же сила сардаров объясняется имитацией ими британцев: модернизировав во второй половине XVIII в. свои и без того крупные армии, маратхи обрели мощный инструмент давления на раджпутские кланы (например, Шинде выколачивал налоги под дулами пушек, которых у раджпутов просто не было. — [Thompson, 1978, p. 211]). Слабость огромного по площади Нагпура объясняется бедностью его ресурсов, а Вадодары — по-видимому, наличием превосходящих по силе соседей (Пуны, Удджайна).

Что касается Майсура, то он в Могольскую империю вообще не входил (а значит, не испытал воздействия могольской налоговой системы), вследствие чего община оказалась там наиболее податливым объектом в руках центральной власти. Если вспомнить концепцию «двухэтажной собственности» Л.Б. Алаева, можно сказать, что на севере произошло укрепление социальной сделочной позиции слоя «податных собственников» по отношению к «верховным собственникам», а в Майсуре, а также в Махараштре имела место обратная ситуация. Из индийских правителей Хайдар и Типу создали наиболее мощный административный аппарат. Впервые в истории Индии он доходил до каждого крестьянина [Алаев, 1964, с. 280–281]. Тем самым майсурские правители пошли дальше Моголов, сломив сопротивление землевладельческих групп уже на низшем, деревенском, уровне. Вот почему именно для Майсура был наиболее характерен феномен «военного фискализма» — отчасти следствие, а отчасти и причина слабости сельской общины.

Вторым фактором были позиции британцев во внешней торговле политий. Бросается в глаза тот факт, что сначала ОИК поставила под военный контроль прибрежные области (центры производства экспортируемых ею тканей), куда она уже глубоко проникла экономически. Прежде всего речь идёт о Карнатике и Бенгалии. К середине XVIII в. морская торговля этих областей в значительной мере зависела от британцев (см. II.2.2). Поэтому, когда между ними и Сираджем вспыхнул конфликт, оказалось, что на британцев завязано уже слишком многое, чтобы позволить выгнать их. Контроль над Карнатиком, побережье которого было буквально облеплено европейскими факториями ещё с XVII в., вообще был главной ставкой в англо-французской борьбе середины XVIII в. От Хайдарабада британцы не случайно сразу (в 1759 г.) оторвали экономически значимую для них прибрежную полосу Северных Саркаров (и на этом на полвека успокоились: в глубинных районах княжества их торговые позиции были ещё слабыми, а низам пока что не отказался от претензий на первую роль среди правителей Декана). Наконец, экономика Авадха благодаря Ганге была тесно связана с бенгальской, что и способствовало торговой (параллельно с военно-политической) экспансии ОИК в это княжество.

Вместе с тем не надо думать, что торговая заинтересованность ОИК в том или ином регионе обязательно приводила к его скорому переходу под её контроль. Только при Уэлсли британцы решились на военный прорыв в Гуджарате. Что касается внутренних районов Индии, то в данный период британцам были в равной степени экономически мало интересны и отсталая Махараштра и довольно развитый Майсур. Развитие англо-майсурской торговли тормозили затруднённости путей сообщения с деканским плоскогорьем и специфика хозяйства страны. Грубые майсурские ткани в основном предназначались для внутреннего рынка [Антонова, 1958, с. 159], а железоделательное производство и без реформ Типу превращало княжество в экономического конкурента импортировавшей металлы ОИК.

По мнению К.А. Антоновой, именно благоприятные экономические условия (развитое орошение и значительный объём производства железа) позволили Майсуру стать центром сопротивления британскому проникновению [Антонова, 1958, с. 168]. Однако для «хищного» поведения политики (и, как следствие, её конфронтации с ОИК) высокая степень развития экономики — недостаточное и даже необязательное условие. Это очевидно на примере Авадха, режим которого не мог «добиться» до значительной части ресурсов из-за сопротивления укрепившихся землевладельцев; к тому же княжество было сжато более мощными соседями — маратхами и ОИК. Между тем Авадх являлся самой плодородной областью Индии, и по абсолютному показателю режим наваба собирал почти столько же налогов, сколько британцы с их гораздо большими требованиями на гораздо большей территории

Бенгалии и Бихара [Barnett, 1980, р. 2–3]. О необязательности благосостояния региона свидетельствует пример Махараштры. Здесь агрессивной политикой сделала как раз экономическая отсталость.

Особый случай — Траванкур. Казалось бы, высокая степень централизации управления говорит в пользу наибольшей вероятности столкновения княжества с ОИК. Между тем Траванкур стал её субсидиарным клиентом раньше многих других. Определённую роль в этом сыграли широкие торговые связи с британцами, но резко ускорила принятие раджой их покровительства его бессилие перед лицом агрессивного соседа — Майсура.

Определившие реакцию властной элиты того или иного княжества на британскую экспансию факторы можно представить в виде таблицы¹.

Таблица 2

Индийская полития второй половины XVIII в.	Степень агрессивности политики		Позиции британцев во внешней торговле
	«Социальный возраст» властной элиты	Степень централизации управления	
Бенгалия	Старый	Низкая	Прочные
Карнатик	Старый	Низкая	Прочные
Авадх	Старый	Низкая	Довольно прочные
Хайдарабад	Старый	Низкая	Слабые (кроме побережья)
Траванкур	Молодой	Высокая	Прочные
Пуна	Средний	Выше средней	Слабые
Вадодара	Молодой	Низкая	Прочные
Нагпур	Молодой	Низкая	Слабые
Индаур	Молодой	Низкая (при сильной армии)	Слабые
Гвалияр	Молодой	Низкая (при сильной армии)	Слабые
Майсур	Сверхмолодой	Высокая	Слабые

Несмотря на коренные различия в реакциях индийских княжеств на британскую экспансию, участь их оказалась одинаковой. В конечном счёте ОИК «привела к общему знаменателю» все их категории — и «податливую», и «промежуточную», и «непримиримую». Часть политий стала сателлитами Компании, а часть она вообще перевела под своё прямое управление. Из до-

¹ Хотя определить содержащиеся в таблице показатели с помощью цифровых данных (кроме «социального возраста» элиты) не представляется возможным (по меньшей мере — пока), **сравнить** политики, расположить их **относительно друг друга** собранный материал вполне позволяет.

минирующей в верховную державу Индии ОИК превратится лишь в 1818 г. Однако основные результаты были достигнуты уже к 1805 г., когда Компания подорвала мощь Майсура и «сломила хребет» маратхам во второй войне с ними.

Причин военно-политической экспансии ОИК было несколько. Первой из них стала действовать стратегическая: Компания стремилась не дать княжествам превратиться во французских клиентов (это и дало первый импульс экспансии) или быть захваченными одним из индийских же центров силы. Субсидиарный клиент играл для Компании ещё и роль буфера между сильным соседом и её собственными владениями. Корнуоллис открыто писал навабу Авадха в 1787 г.: «я рассматриваю территории Компании и вашего превосходительства как одно целое» [Collection, 1812, p. 109]. Как отмечает А. Лайалл, стратегическая или политическая граница Британской Индии двигалась всегда заметно впереди её административной границы [Lyll, 1973, p. 340–341]. К концу XVIII в. из оборонительной меры создание буферов превратилось в наступательную и стратегический баланс сил сместился в пользу британцев. Количество перешло в качество: непрерывно росшая цепь буферов в какой-то момент превратилась в геополитические клещи, сжавшие главных соперников ОИК, — Майсур (полукругом от Малабара до Хайдарабада) и маратхов (полукругом от Вадодары до Авадха).

Второй причиной была финансовая: взимание с соседнего княжества ренты за защиту позволяло британцам переложить на него часть собственных военных расходов. Вообще удовольствие содержать армию обходилось ОИК весьма дорого: если торговые расходы Компании за 1760–70 гг. составили £ 5,3 млн, то военные — £ 8 млн [Marshall, 1993 (1), p. 41]. Для сравнения: в 1765–71 гг. поступления бенгальской казны давали ОИК в среднем всего £ 3,4 млн в год [Dutt, table, p. 46]. Субсидиарный союз позволял Компании отвлекать меньше собранных средств на армию и вкладывать больше в торговлю. Например, принятием бригады в 1773 г. наваб Авадха помог Бенгальскому президентству сократить военные расходы на треть [Srivastava, 1945, p. 223].

Третьей причиной экспансии надо назвать торговые соображения, причём как ОИК, так и действовавших под её эгидой частных купцов-британцев (которые вели дела внутри Азии, что, в отличие от торговли Азия — Европа, было дозволено монопольной хартией Компании). Субсидиарный союз (не говоря уже о непосредственном контроле над территорией) давал британцам дополнительные возможности экономического проникновения, в том числе с использованием административных рычагов по примеру Бенгалии. Например, Мухаммад Али жаловался Шору в 1794 г.: британцы настолько «оттянули» на себя деятельность ткачей даже столичного *талука* Аркат, что он не может купить тканей для собственных нужд [CPS, 1969,

р. 63]. В Авадхе ОИК ещё в 1765 г. заставила наваба предоставить ей право беспошлинной торговли [Collection, 1812, р. 52]¹. В Траванкуре субсидиарная политика сопровождалась заключением «перечного контракта»: в 1793 г. раджа обязался продавать ОИК более половины годового урожая перца по цене ниже рыночной [СРС, 1969, р. 348; Fort William, XVII, р. 27]. В случае Гуджарата, как показано выше, именно экономическая цель была для ОИК приоритетной, причём интересы частных купцов Бомбея сыграли здесь едва ли не определяющую роль [Nightingale, 1970, р. 202].

В субсидиарных княжествах британцы нередко пользовались торговыми льготами, брали на откуп налоговые округа (например, в конце 1770-х годов на северо-востоке Авадха этим занимался полковник Ханней. — [Abu Talib, 1971, р. 31]). Наиболее прибыльным делом было, пожалуй, кредитование правителей. К 1780-м годам общий доход кредиторов Мухаммада Али от процентов по займам составил £ 623 тыс. в год, что более чем вдвое превышало годовой дивиденд ОИК. К моменту аннексии Карнатика в 1801 г. объём этих долгов составил £ 30,4 млн [Roberts, 1961, р. 88, 100]², а объём частных долгов Асафа уже к 1778 г. — £ 300 тыс. [Marshall, 1993 (1), р. 39].

Четвёртая причина заключалась в некотором соперничестве трёх президентств ОИК. Возникнув в XVII в. как торгово-административные единицы, с её трансформацией в державу они превратились во властно-административные: Калькутта, Мадрас, Бомбей стали центрами зарождающейся Британской империи в Индии. Видя пример Бенгалии, где после 1757 г. британцы получили много возможностей для обогащения (личного и своего президен-

¹ Правда, как и в Бенгалии, там начались злоупотребления дастакон, а часть купцов ОИК вообще нацелилась на создание в княжестве независимой от неё торговой сети, прибрав к рукам всю торговлю железом, свинцом и селитрой. Это заставило Хейстингса вместе с отменой дастака в Бенгалии в 1772 г. отменить его и в Авадхе [Barnett, 1980, р. 84–86]. Здесь наглядно проявилось противоречие не только между интересами ОИК и её служащих, но и между интересами ОИК как политики и как купца, и Хейстингс сделал выбор в пользу политики. Такой же выбор сделал Корнуоллис, когда выяснилось, что навязанная Авадху беспошлинная торговля Компании, её практика авансирования ткачей и преимущественное право покупки наносят ущерб казне страны [Basu, 1943, р. 134–135]. Поскольку от состояния казны прямо зависела платёжеспособность Авадха по субсидиарным обязательствам, Корнуоллис в 1788 г. аннулировал торговые привилегии ОИК в княжестве, чтобы не подрывать источник оплаты собственных войск (см.: [Collection, 1812, р. 115–120]).

² Это другой пример того, как интересы служащих ОИК шли вразрез с её интересами как организации: ведь наваб закладывал кредиторам налоги с тех самых округов, которые были выделены на выплату ей субсидии [Campbell, 1807, р. 218]. Когда после аннексии Карнатика Компания стала юридическим правопреемником наваба (а значит, к ней перешла обязанность погашения его долгов), она навела в этом вопросе порядок. Назначенная ею специальная комиссия, работавшая до 1830 г., признала не мошенническими долги лишь на £ 2,7 млн [Roberts, 1961, р. 99–100].

тства), остальные президентства были тоже не прочь обзавестись владениями и субсидиарными клиентами. Возможно, применительно к третьей четверти XVIII в. уместно говорить не об одной британской субсидиарной системе, а о двух — бенгальской (Бенгалия до 1765 г. и Авадх) и мадрасской (Карнатик и отчасти Хайдарабад). Третья, бомбейская, система не состоялась в ходе первой англо-маратхской войны, завершившейся вничью. С учётом этого единой субсидиарную систему Компании можно считать только со времени централизаторских усилий Корнуоллиса и Уэлсли, которых в имперской историографии именуют первыми британскими проконсулами в Индии [Reid, 1947, p. 140, 149].

Вряд ли уместен вопрос о главной, определяющей причине экспансии ОИК в Индии. К.А. Бэйли видит такую причину в противостоянии Великобритании с Францией и стремлении к доступу к индийским налогам, не придавая большого значения торговым факторам. Он исходит из того, что движущей силой строительства второй Британской империи (1780-е — 1830-е годы) была не столько промышленная революция в стране, сколько стремление её правящего класса нейтрализовать внутреннюю (исходящую от низов) и внешнюю (французскую) угрозы [Bayly, 1989, p. 10, 100]. Однако, как показала цитировавшаяся выше английская исследовательница П. Найтингейл, причиной военной экспансии Бомбея в начале XIX в. был именно торговый фактор (связанный, однако, вовсе не с промышленной революцией в Великобритании, а с революционными изменениями в структуре индийско-китайской торговли). Перечисленные мной причины действовали параллельно в одном направлении, суммируясь и усиливая друг друга. По-видимому, учитывая важность и военной, и финансовой, и торговой заинтересованности ОИК в подчинении всё новых политий, целесообразно говорить лишь о приоритетных, наиболее актуальных для ОИК причинах¹.

Если из числа этих причин выделить определяющую вряд ли удаётся, свести их в конечном счёте в одну «сверхпричину» можно. Она очень проста — борьба за ресурсы, «водоворот» которой затянул ОИК, как только она превратилась в сухопутную державу. Как справедливо отмечают многие историки, Британская империя в Индии не строилась по какому-то целенаправленному плану [Coupland, p. 8; James, 1995, p. 123]. Однако логика событий подталкивала ОИК именно к поступательной экспансии. Учитывая зна-

¹ В середине XVIII в. и при Уэлсли приоритетной общеиндийской причиной экспансии было стремление британцев вытеснить из Индии французов. Для Калькутты в 1750-е годы первостепенная задача состояла в получении в Бенгалии исключительных торговых льгот и выкачивании из казны наваба средств на расходы в войне в Карнатике. Для Мадраса постоянной «головной болью» был Майсур. Для Бомбея в 1770-е годы на первый план вышла необходимость обзавестись собственным субсидиарным клиентом, а в начале 1800-х годов — расширить закупки хлопка в Гуджарате.

чение перечисленных выше её причин, ОИК объективно не могла остановить экспансию, пока предел ей не поставила география — у ОИК не было другого выбора.

Правда, такой выбор видели виги, выступившие в 1790-е годы с идеей баланса сил в Индии, который должна поддерживать Компания [Penhoen, 1841, IV, p. 164]. Однако виги механически переносили на Индию принцип, применявшийся британцами в континентальной Европе. Великобритания была внешним по отношению к Европе игроком, островной, морской державой. Поэтому она заботилась только о поддержании равновесия между континентальными державами. При её финансовой мощи и военно-морском господстве (а чуть позднее — и промышленном), Великобритании было достаточно опоясать континент своим флотом и кольцом баз (отрезав его от внешнего мира) и следить, чтобы ни одна из держав не усиливалась сверх установленной ею меры. Это было необходимым условием заокеанской экспансии Великобритании [Dehio, 1962, p. 85].

К Индии принцип баланса сил был неприменим. В отличие от морской державы Великобритании ОИК являлась здесь (с середины XVIII в.) сухопутной державой, что было качественно новой для британцев ролью. Показательны данные: в 1789 г. численность сухопутной армии Великобритании составляла всего 40 тыс. человек [Kennedy, 1989, table 4, p. 128], тогда как ОИК в Индии — уже 115 тыс. [Bayly, 1988, p. 85]. Следствием этого была такая любопытная ситуация: если Великобритания являлась в XVIII — начале XIX в. источником военных субсидий для европейских государств — её «континентальных мечей» [Dehio, 1962, p. 129] в борьбе с Францией, то ОИК, располагая собственными «континентальными мечами» (сипайскими бригадами), сама была получателем субсидий от индийских клиентов.

У любой сухопутной державы совершенно иные задачи, чем у морской. Решение этих задач и толкало Компанию вперёд против воли директоров, а в какой-то мере и парламента. Результат — Британская империя в Индии¹. К тому же, идея баланса сил — это идея, характерная только для современного (*modern*) мира, где существует международное сообщество. Последнее возникло только в Европе с зарождением государства (этот процесс начался с Италии в конце XV в.) [Bobbitt, 2002, p. 90].

Каковы же факторы триумфального шествия ОИК по Индии? На мой взгляд, их пять.

¹ Кстати, создание Великобританией крупной сухопутной армии в ходе первой мировой войны (и, как следствие, втягивание в финансовую зависимость от США) называют среди главных причин крушения её мировой империи. Ещё Наполеон предсказал, что попытка Великобритании стать континентальной державой приведёт её к гибели [Исмаилов, 2000, с. 612, 619].

Первый фактор — торговый — состоял в том, что присутствие ОИК давно стало неотъемлемым элементом функционирования индийской экономики. Всё теснее становились деловые связи британцев с многими группами местного купечества: ОИК была крупным импортёром драгоценных металлов и экспортёром тканей, работодателем значительного количества производителей. К 1780-м годам в индоокеанской торговле завершилась «коммерческая революция» (термин Х. Фёрбера), сущность которой состояла в захвате британскими частными купцами господствующего положения в морской торговле Индии, особенно с Китаем [Prakash, 1998, p. 292]. Благодаря всему этому недостатка в деловых партнёрах ОИК не испытывала, а поскольку её интересы тесно переплелись с их интересами, превращение Компании в державу открыло перед её партнёрами новые возможности. Например, снабжение растущей армии ОИК стало для них одним из источников накопления [Bayly, 1983, p. 213].

Неудивительно, что эти партнёры сыграли значительную роль в её экспансии, тем более что их крупные объединения распоряжались ресурсами, выходившими далеко за пределы какого-то одного княжества [Bayly, 1983, p. 170]. Во время англо-маратхских войн *бания* помогали администрации Бомбея крупными займами [Bayly, 1988, p. 104]. Трудно переоценить и тесный симбиоз, сложившийся у ОИК с банковскими домами Варанаси, куда с упадком Сурата переместился центр общеиндийской кредитной системы. Банкиры Варанаси по своим каналам переводили в Калькутту авадхскую субсидию, из Калькутты в Бомбей — финансовую помощь; также они финансировали экспорт хлопка из Центральной Индии в Бенгалию [Ray R., 1979, p. 211–212]. После 1803 г. банкиры Варанаси стали быстро осваивать Северную Индию — вслед за армией Лэйка [Bayly, 1983, p. 211].

Второй фактор — финансовый: поставив под контроль ещё только Бенгалию, Северные Саркары и Карнатик, ОИК уже оказалась в числе крупнейших политий Индии. Во второй половине XVIII в. доходы этих политий были следующими: Майсура при Типу — 23,7 млн, маратхского союза — 57 млн, Компании — 59 млн рупий [Ray R., 1998, p. 517]. Фискальную силу ОИК обеспечивала не только экономическая развитость её исходных территорий, но и чрезвычайная эффективность её налоговой системы — особенно по контрасту с хаотическим состоянием финансов у маратхов. Более того, двойственность природы Компании означала наличие у неё не только властного, но и коммерческого источника доходов, и в случаях крайней необходимости генерал-губернаторы (Корнуоллис, Уэлсли) бросали на чашу военных весов присылаемые из Европы средства, предназначенные для инвестиций.

Третий фактор — военный: ОИК обладала наиболее мощной военной машиной на субконтиненте. Конечно, армии маратхов и особенно Майсура

представляли собой достойного для неё противника, очень много позаимствовав у европейцев в области военной техники, организации и даже военной формы (убедившись в непобедимости войск ОИК, некоторые индийские князья стали одевать своих солдат в красные мундиры наподобие англо-сипайских, считая, что они обладают магическими свойствами¹). Однако долго сдерживать натиск британцев индийцы не смогли. Как пишет П.Дж. Маршалл (имея в виду ситуацию, когда азиатские патримонии уже многое позаимствовали), Европа одолела Азию не за счёт качества, а за счёт количества: с конца XVIII в. в Европе стремительно набирало обороты военное производство, стоимость морских перевозок падала, плюсом роста правительственного контроля над ОИК стал рост военной помощи ей, а территориальные приобретения обеспечивали британцев всё новыми людскими и денежными ресурсами [Marshall, 1993 (3), p. 27–28]. К тому же, в отличие от всех индийских политий рассмотренного периода, Компания была не только сухопутной, но и военно-морской державой. В этом качестве с ней попытался состязаться лишь Майсур, но, похоже, не достиг даже успеха Ангре.

Безусловно, ОИК действовала не только кнутом, но и пряником. Четвёртый фактор — институционально-юридический. По словам Д. Уошбрука, ещё с XVI в. «защита и воспроизводство частного капитала стали основной, а временами казались и единственной, функцией английских государственной и правовой систем... В контексте социального развития в Южной Азии это дало англичанам огромное преимущество в принципах государственного строительства. Они могли снискать поддержку и польстить амбициям новых господствующих классов, поднимающихся в большинстве регионов с помощью расширения торговли и давления военного фискализма, предлагая им более прочные права собственности и социально менее ограниченные формы привилегий, чем любые, которые те могли надеяться получить где-то ещё» [Washbrook, 1988, p. 75]². Иными словами, ОИК, как сказано выше, выиграла конкуренцию за лояльность ключевых социальных групп. Поэтому рано или поздно во многих княжествах (Майсуре, Вадодаре, Пуне) повторился «бенгальский сценарий».

¹ В Африке британский пример оказался ещё заразительнее: во время войны с Великобританией 1874 г. ашанти, посчитав телеграф могущественным фетишем британцев, подражали им, увешав свои леса специально сорванными ползучими побегами [Morgis, 1979, p. 140, n. 1].

² Характерен такой эпизод. Перед смертью в 1816 г. вдова Шуджи-уд-даула Баху-бегам завещала остатки казны своего мужа (71 лакх рупий) не навабу Авадха, а ОИК, поскольку только английское право гарантировало выполнение всех пунктов её завещания — постройку усыпальницы, материальное обеспечение зависимых от неё людей, пересылку подарка кербельской святыне. Авадхские власти эти пункты проигнорировали бы [Barnett, 1980, p. 237–238].

Данный фактор действовал и в отношении самих князей. Возникает вопрос: почему те из них, кто послабее, *ceteris paribus* предпочитали покровительство «колонизаторов» власти более сильного индийского же соседа? Ответ прост: при субсидиарном союзе князь и элита сохраняли своё положение, становясь лишь арендаторами англо-сипайских войск, получателями военных услуг ОИК, которая в теории ставила под контроль только внешнюю политику княжества, — тогда как индийский сосед грозил поглотить его со всеми вытекающими социальными последствиями. К тому же британцы, в отличие от индийских властителей, фиксировали размер дани-субсидии (другое дело, что они нарушали взятые обязательства).

В связи с этим встаёт ещё один вопрос: почему ОИК устраивал именно такой метод экспансии? Отчасти это было связано с тем, что британцы должны были сначала консолидировать собственные владения (им хватало Бенгалии и Саркаров), отчасти — с контролем государства. Акт Питта объявил «планы завоевания и расширения владений в Индии» «мерами, противными желанию, тесту и политике этой нации» [Muir, 1969, p. 174]¹. Данный пункт был принят с целью предотвратить военные авантюры вроде мадрасской в Майсуре 1767 г. и бомбейской в Пуне 1775 г. Кроме того, британские государственные деятели опасались, что сверхрасширение погубит Британскую империю, как погубило Рим. Правда, со временем эти опасения уменьшились, о чём свидетельствует положительная реакция общества на территориальные приобретения ОИК после третьей майсурской войны [Marshall, 1993 (2), p. 66]. И всё же окончательно страхи пропадут, пожалуй, лишь в эпоху британской гегемонии в мире. Между тем никто не отменял необходимости для ОИК решения финансовой и других задач (см. выше). Субсидиарная система и была выходом из этой ситуации. Как считал Уэлсли, проведённое им расширение владений Компании не противоречило акту парламента [Wellesley Despatches, III, p. 528]. Однако акт Питта повлиял на форму экспансии: большая часть территорий была присоединена к Британской Индии не путём завоеваний, а путём субсидиарных союзов с последующими аннексиями — за недоимки (части Авадха и Хайдарабада), «вероломство» (Кар-

¹ Британцы гордились своей сдержанностью в этом отношении, противопоставляя её захватническому духу местных политий. По словам резидента при Шинде Палмера, для индийских князей непостижимо, что сдержанность в поведении может сочетаться с превосходством в силе [ERMH, I, p. 328]. Как пишет Дж. Малколм (агент генерал-губернатора в Центральной Индии в 1818-22 гг.), князья принимали умеренность ОИК за страх и слабость [Malcolm, 1970, p. 25], чем нередко действительно провоцировали её на нанесение превентивных ударов. Малколм в самом деле подметил одно из коренных отличий восточной психологии от европейской. Другое дело, что в конечном счёте внешнеполитическая деятельность ОИК приводила к тем же результатам, что и деятельность её индийских соседей.

натик, Пуна в 1818 г., Синд и Панджаб в 1840-е годы), за «плохое управление» (Авадх в 1856 г.) или ввиду отсутствия в зависимом княжестве естественного наследника правителя (Сатара и Нагпур в 1840-е — 50-е годы) (см. IV.1.3). Таким образом, акт Питта стал тормозом, но не преградой на пути британской экспансии.

Наконец, пятый фактор — организационный. Как отмечает К.А. Бэйли, для маратхов большую проблему представляло то, что они не могли расколоть ряды британских командиров и резидентов так же, как в своё время — могольских (играя на их противоречиях) [Bayly, 1988, p. 101]. Дело в том, что на ОИК не действовал обычный механизм образования патримониальных политий, обозначаемый в исламском мире арабским словом «фитна» (буквально — «мятеж»). Поскольку при отсутствии государства-нации суверенитет — это всего лишь вопрос лояльностей, патримониальная полития, как пишет А. Винк, организовывала себя вокруг какого-то уже существующего конфликта и оставалась открытой, с размытыми, принципиально подвижными и меняющимися границами, а не территориально ограниченной (как это стало в Европе в новое время) (см.: [Wink, 1986, p. 22–28]). Специалист по теории систем противопоставил бы патримониальную политию национальному государству как объединение — системе (см.: [Петрушенко, 1971])¹.

Если современные ОИК индийские политии можно уподобить сложно-составным молекулам, которые относительно легко перетягивали друг у друга образующие их атомы (меняя свою конфигурацию подобно калейдоскопу), то сама Компания представляла собой молекулу-монолит. Пытаться расколоть её было бессмысленно. Её монолитность обеспечивалась двумя факторами, как бы «двойным креплением», против которого у индийских властей не было средств.

Во-первых, уже исходно ОИК функционировала как бюрократическая организация — одна из первых в истории. С трансформацией в державу она перенесла бюрократический принцип управления из торговой в военно-административную сферу. Если для индийцев Компания была политией привычного им типа, то внутри себя функционировала по сути как государство. Не случайно Дж.Р. Сили среди преимуществ ОИК, позволивших ей покорить Индию, верно отметил её «бессмертие корпорации» [Сили, 2004, с. 246]. Ввиду отсутствия государства и права в Индии власть постоянно переходила

¹ Отсутствие государства в Индии XVIII в. не ускользнуло от внимания европейцев. В частности, об этом свидетельствует то, что на карте Индии майора Дж. Реннелла 1784 г. многие политии обозначены как владения конкретного правителя — Типу Султана, низама, Забита-хана, Могола (см.: [Historical Atlas, 1978, p. 59]). Немыслимо, чтобы на картах Европы сами европейцы обозначали территорию Великобритании как «Георг III», Франции — «Людовик XVI» и т.д.

ла из рук в руки насильственным путём и всё решала военная сила. Нахождение династии у власти зависело исключительно от способностей его представителей; как только на престол вступал слабый правитель, его свергали (исключение — сами Моголы и чхатрапати, приобретшие статус миродержцев, что, впрочем, не помешало им превратиться в *rois faînéants*). ОИК же была «искусственным человеком» в духе Гоббса (причём задолго до захвата власти в Индии) и в силу этого действительно бессмертна.

Во-вторых, к рассмотренному выше периоду британцы были уже представителями качественно иной, чуждой для Индии общности — нации. Нация как общая форма ещё теснее сплачивала бюрократический и торговый компоненты, и делала непроницаемой всю систему. Всё это обеспечило ОИК иммунитет по отношению к мощным в Индии силам ассимиляции и фрагментации: «ни один другой претендент на власть в Индии не мог выступать столь объединённым фронтом; ни один иностранный завоеватель не мог столь долго сохранять свои притязания» [Keay, 2000, p. 385].

Сами индийцы, похоже, долго не понимали этой сущности ОИК. Реагируя на её превращение в центр силы в Индии и ошибочно полагая её однотипной индийской силой, они считали возможным полностью интегрировать как Компанию целиком, так и её отдельных представителей в индийскую властную систему (подобно тому, как интегрировались Моголы в XVI в.); отсюда — пожалование джагиров, титулов (например, Хейстингс был для индийцев наваб Итимад-уд-даула, генерал-майор Кут — Сайф Джанг и т.д.). Это неудивительно: прецедента неудачной интеграции чужеземцев в Индии не существовало. Впрочем, от интеграции ОИК не отказывалась (принятие дивани и т.д.); вот только оставалась она при этом самостоятельным властным (как и экономическим) субъектом, существуя одновременно внутри и вне Индии. ОИК была корпорацией мирового масштаба (одной из первых в истории), и всеядная индийская система (в её постмогольском варианте) сломала об неё зубы¹.

¹ С проблемой внедрения ОИК связана проблема нации и патриотизма в Индии XVIII в. В националистической индийской, а также советской историографии сотрудничество с британцами индийцев (князей, землевладельцев, купцов) расценивали как предательство ими своего народа и Индии в целом [Comprehensive History of India, 1978, p. 662; Кочнев, 1968, с. 74; Семёнова, 1958, с. 133]. Сейчас в зарубежной науке отказались от этого ошибочного взгляда. Согласно мнению многих учёных (как западных, так и индийских), в XVIII в. в Индии не было наций. Как пишет П. Мун, складыванию наций отнюдь не способствовало то, что правящая верхушка большинства княжеств была военными авантюристами иностранного происхождения (тюркского, персидского, афганского, маратхского). Перевероты в княжествах были обычным делом, не затрагивавшим основной массы населения. Наёмным войском правителей двигал вовсе не патриотизм, а деньги или (в лучшем случае) чувство личной преданности господину [Moon, 1999, p. 5]. Главное же заключается в том, что формирование нации происходит при капита-

Став индийской политией в середине XVIII в., ОИК развернула военную экспансию, превратившись к концу рассмотренного периода (1765–1805) в доминирующую державу субконтинента. К экспансии ОИК как политики привёл комплекс дополнявших друг друга причин, имевших отношение к различным сферам — стратегии, финансов, экономики, а также соперничеству президентств. Одни причины вступили в действие раньше (стратегическая), другие позднее (торговые соображения в Гуджарате). Одни действовали постоянно (финансовая, торговая), другие — в течение ограниченного отрезка времени (борьба с французами). При этом наличие в том или ином регионе и в то или иное время наиболее актуальной для ОИК задачи не умаляло значения других задач. К примеру, выход на первый план стратегической задачи не устранял необходимости поиска решения финансово-экономических задач — хотя бы затем, чтобы иметь *nervi belli*, не говоря уже о деловых интересах Компании и её отдельных служащих, а также влиятельного в центрах президентств лобби частной торговли.

Реагировали индийские патримонии на экспансию ОИК по-разному. Одни стали её субсидиарными клиентами почти сразу и почти без борьбы, другие выжидали и пытались лавировать, третьи вступили с Компанией в противостояние, причём силы стали неравны лишь к концу XVIII в. Реакцию того или иного княжества определяли степень его агрессивности и экономические позиции в нём британцев. Первый из факторов слагали две составляющие — «социальный возраст» элиты и степень централизации управления: чем «моложе» элита и мощнее административный аппарат, тем агрессивнее было княжество — при условии слабости в нём торговых позиций ОИК.

В трёх из неомогольских политий в пользу британцев сработали оба фактора. Отсюда — их малоболлезненное вхождение в субсидиарную систему. В Майсуре и маратхских княжествах-тяжеловесах (Гвалияре, Индауре, поначалу и Пуне) оба фактора действовали, напротив, в пользу правящего слоя политий. Поэтому ОИК не обошлась здесь без серьёзных войн. Нео-Моголы были мелкими хищниками и предпочли существовать под эгидой крупного хищника — ОИК. Три центральных маратхских княжества и Майсур сами были крупными хищниками. Их правители хотели иметь дело с Компанией только на равных, отношения «патрон — клиент» их не устраивали. В остальных политиях на ОИК работал лишь какой-то один из факторов, но к концу XVIII в.

лизме, одновременно с формированием государства (*nation-state*). Поскольку общественный строй доколониальной Индии был неспособен породить капитализм, неправомерно говорить и о складывании наций в это время (шли процессы этнической консолидации, но не более того). Не существовало и понятия единой Индии: как и индийские нации, это продукт британского колониализма. Кстати, ещё Дж.Р. Сили отметил: «если бы это население имело хоть искру той корпоративной жизни, которая отличает нацию», британцы не удержали бы Индию [Сили, 2004, с. 294]. Пророческие слова.

власть там столкнулась с угрозой самому своему существованию — либо извне (Траванкур, Хайдарабад), либо изнутри (Вадодара). Это весьма способствовало их переходу под британское покровительство. Что касается Нагпура, то при его слабой обороноспособности попытки лавировать кончились плохо. Уже в первый период отношений с индийскими политиями в качестве одной из них ОИК втянула в субсидиарную систему их большинство, нейтрализовав в результате второй англо-маратхской войны остальных.

Над теми из княжеств, которые она переводила в разряд сателлитов, ОИК установила довольно плотный контроль. Осуществлялся он с помощью целого арсенала инструментов. К инструментам внешнего контроля относились юридическое исключение британцами из княжества своих европейских конкурентов и контроль над контактами правителя с другими правителями. Внутренние инструменты включали: контроль над источником субсидии, престолонаследием, назначением чиновников верхнего звена и собственной армией правителя, а также наличие британской клиентуры в княжестве в виде определённых лиц и социальных групп, фактически сменивших лояльность своему правителю на лояльность Компании. Однако в данный период перечисленные инструменты находились ещё в стадии формирования и преувеличивать их значение не следует.

Феноменальному успеху ОИК в сфере власти способствовали пять факторов — торговый, финансовый, военный, институционально-юридический, организационный. Благодаря переплетению интересов Компании с интересами её влиятельных деловых партнёров её развитие по пути политики отвечало и их интересам. Поскольку первыми объектами британской экспансии стали наиболее экономически развитые области, уже начальные шаги на этом пути выдвинули ОИК в число важнейших княжеств, а в критический момент она могла пустить в ход и свои средства как мощной коммерческой корпорации. На морях военных соперников у Компании уже не осталось, а к началу XIX в. обозначилось и её военное превосходство на суше. Исключительно важную роль сыграл подрыв Компанией внутренних позиций князей с помощью перетягивания на свою сторону ключевых групп индийского общества, привлечённых преимуществами британского права. Наконец, в силу своей качественно иной природы — бюрократической организации и принадлежности к европейской нации — ОИК была неуязвима для центробежных тенденций, характерных для восточных патримоний.

IV.1.2. ОИК как доминирующая держава (1805–18)

Став доминирующей державой, ОИК вошла в контакт уже со всеми политиями Индии. Независимыми в данный период оставались Индаур, Нагпур, Синд и Пенджаб. Все остальные политии составляли субсидиарный пояс

ОИК, превратившись для неё в «ближнее зарубежье», — хотя степень британского контроля над сателлитами оставалась разной. Второй период отношений ОИК с индийскими княжествами характеризуется ростом этого контроля и окончательным покорением ею основной территории субконтинента.

Если механизмы внешнего контроля ОИК в старых субсидиарных клиентах был уже отлажены, то в сателлитах-новичках ей ещё предстояло утвердить их. Здесь дело состояло не просто в чтении резидентами получаемых пешвой и Шинде писем и черновиков их ответов [ЕРМН, XII, р. 65, 255, 462]. Лишив, по словам Уэлсли, маратхский союз объединяющего начала в 1802 г. [Wellesley, 1805 (1), р. 86], ОИК продолжала работать над всемерным ослаблением его внутренних связей. Позицию Компании передаёт ответ пунского резидента М. Элфинстона (1811–18) Холькару, когда тот просил ходатайствовать перед Баджи Рао о даровании *хилата* своему сыну. Резидент отвечал, что Холькар по сути — независимый правитель и в инвеституре от пешвы не нуждается [ЕРМН, XII, р. 36]. В 1813 г. Элфинстон фактически запретил пешве вручить хилат Гаиквару и подверг сомнению его право назначать дивана этого князя [ЕРМН, XII, р. 342, 347]. В 1816 г. генерал-губернатор прямо заявил пешве, что ОИК считает сардаров независимыми правителями [ЕРМН, XIII, р. 17].

Не менее важными были британские инструменты внутреннего контроля над княжествами. Как сказано выше, фискальный инструмент был усовершенствован Компанией на рубеже XVIII–XIX вв. (см. IV.1.1). Принципиально новым инструментом в финансовой сфере стала бхандари — гарантия британцами погашения огромного внутреннего долга правительства Вадодары. Взяв на себя эту гарантию, ОИК обеспечила себе «*почти неограниченный контроль над Гаикваром*» [ЕРМН, XIII, р. 55–57].

Другой инструмент — контроль над престолонаследием — британцы использовали в этот период лишь однажды, в отношении Могола. Сделать это было тем легче, что шах был пенсионером ОИК. Под её нажимом Акбар II (1806–37) был вынужден назначить наследником не любимого сына Джахангира (излишне самостоятельного, по мнению британцев), а старшего, Абу Зафара (хотя ислам не знает принципа примогенитуры). Вакиль-уль-мутлак был поистине **полномочным** регентом, полностью контролируя семью своих повелителей. Когда Джахангир совершил покушение на делийского резидента, ОИК отправила его в пожизненную ссылку в Аллахабад [Husain, 1958, р. 88]¹.

¹ Впрочем, ещё британцы были причастны к смене власти в Лакхнау, но «неофициально»: возможной причиной смерти Саадата Али в 1814 г. был заговор с участием резидента Дж. Бэйли (об отставке которого хлопотал наваб) [Суворова, 1995, с. 24].

Значительное распространение в данный период получил рычаг влияния ОИК через высших чиновников. В Траванкуре после неудачного антибританского восстания в 1809 г. *наяров* под руководством дивана-наяра Велу Тхампи диваном три года (1811–14) был по совместительству сам резидент Дж. Манро, а в 1817–72 гг. ОИК «ввозила» диванов из Махараштры, выбирая их в среде местных брахманов [Jeffrey, 1976, р. 6]. Диванов Вадодары Компания также фактически назначала сама. Ещё в 1802 г. губернатор Бомбея закрепил этот пост за родом уже находящегося в должности Раоджи Аппаджи, предупредив Гаиквара, что Компания берёт его под защиту [Selections (Baroda), 1922, р. 35]. В Хайдарабаде, где позиции ОИК были несколько слабее, генерал-губернатор действовал гибче: в 1809 г. формально диваном стал кандидат, предложенный низамом, но фактически — всецело обязанный своим положением резиденту *пешкар* Чанду Лал [Wilson, 1845, р. 37]. Первый был «бархатной перчаткой» ОИК, а второй — её «железной рукой». После этого события фактически отстранённым от управления оказался и сам низам; лишь однажды он затребовал у Чанду Лала некоторые отчёты, но, учтя отрицательную реакцию резидента Г. Расселла (1811–20), взял требование назад [Briggs H., 1861, I, р. 95]. Таким образом, как подметил К.А. Бэйли, в зависимых княжествах британцы вернулись к практике Моголов, которые в своих субах уравнивали назимов диванами [Bayly, 1988, р. 111].

Важную роль играл и инструмент экстерриториальности: ОИК упорно работала над созданием собственной клиентуры. Наиболее ценных клиентов британцы видели в крупных землевладельцах или полунезависимых правителях, которых стремились «отколоть» от центральной власти, завязав с ними отношения напрямую и покровительствуя им в ущерб правителю. Примером таких клиентов были крупные саранджамдары юга Махараштры. Компания стремилась вклиниться между пешвой и этой могущественной группой его подданных. Последние, со своей стороны, сами искали её защиты от притязаний своего правителя на их территории: саранджамы фактически стали наследственными, а пешва хотел вернуть их в халиса. Саранджамдары пользовались покровительством ОИК, которое в 1812 г. она оформила юридически: гарантировала им владение саранджамами, пока они «*верно служат пешве*». Последний обязался не выдвигать к саранджамдарам финансовых претензий без согласия резидента [ERMH, XII, р. 188–189].

Во владениях Гаиквара аналогичную клиентуру ОИК создала в лице его данников — мелких владетелей Катхиавара (избавив их от податной системы *мулькгири*) [ERMH, XII, р. 304], а в Авадхе — в лице большой группы джагирдаров. Когда, оставшись без половины владений, Саадат Али стал отбирать у них держания, они бросились к резиденту, и тот не только приказал вернуть джагиры, но и заявил, что защита ОИК распространяется на всех представителей знати, которые считают себя зависимыми от неё [Fisher,

1988, р. 101–104]. В Нагпуре Компания гарантировала пенсии ряду министров, и те отбывали долг, поддерживая резидента в его попытках уговорить Бхосле принять субсидиарный союз [Sinha R., 1967, р. 16]. Наконец, в Майсуре, которого в 1799 г. из злейшего врага ОИК превратила в полностью (причём юридически) подконтрольное княжество, получившего обширные полномочия резидента стали рассматривать как высший апелляционный суд [Shama Rao, 1936, р. 335], что также не могло не способствовать складыванию британской клиентуры.

Иногда британцы «вербовали» клиентов не прямо, а посредством демонстрационного эффекта. К примеру, когда в 1810 г. около Пуны было совершено нападение на британских офицеров, пешва хотел расстрелять девятих виновных из пушек без всякого расследования. Однако генерал-губернатор граф Минто (1807–12) настоял на смягчении наказания, и казнили лишь двоих [ЕРМН, VII, р. 445–449]. Действиями такого рода британцы успешно улучшали свою репутацию в глазах населения¹.

Данный период отмечен серьёзным реформированием Компанией такого инструмента, как контроль над собственной армией князя. Нововведение заключалось в создании британцами модернизированных частей для выполнения полицейских функций, чтобы освободить от их несения субсидиарный отряд (во многих англо-княжеских договорах присутствовала фраза: субсидиарный отряд *«не должен использоваться по пустякам (on trifling occasions) или как сикханди быть расквартированным в сельской местности для сбора налога»*. — [Collection, 1812, р. 184, 236, 596]). В Лондоне эту идею сначала встретили настороженно: высказывались опасения, что британцы своими руками куют оружие для потенциального врага [Briggs H., 1861, II, р. 114–115]. Однако проведённый в Хайдарабаде и Пуне в 1810-е годы эксперимент оказался удачным: сформированные по инициативе резидента новые части исходно находились под его же контролем², поэтому по сути стали дополнением (за счёт правителя, разумеется) к субсидиарному отряду.

Наконец, в число инструментов контроля надо поместить денежные выплаты ОИК правителю, а конкретно — Шинде. Этот инструмент был необычным: как правило, выплаты по линии ОИК — князья шли в противополож-

¹ Как писал резидент генерал-губернатору, он *«постарался распространить смысл и результат его (разговора с пешвой. — К.Ф.) по всем каналам, по которым они получили бы самые широкие хождение и гласность... безжалостная суровость решения пешвы и милосердное вмешательство британского правительства с целью смягчить и ограничить это решение получили в Пуне общую известность, и мягкое и снисходительное заступничество вашего лордства оказало на общественное мнение самое благоприятное впечатление, какого только можно было ожидать»* [ЕРМН, VII, р. 449–450].

² В Хайдарабаде об этом свидетельствовало даже название ядра, из которого они выросли, — «бригада Расселла».

ном направлении. Однако необычность инструмента соответствовала необычности ситуации: резко прерванное в 1805 г. «замирение» Индии превратило Шинде в **полузависимого** от Компании правителя. Главным рычагом этой полузависимости служила финансовая подпитка: по договору 1805 г. ОИК выделила ему 4 лаखा пенсии в год и по джагиру его жене и дочери [Collection, 1812, p. 292]. ОИК пользовалась тем, что после войны казна Шинде опустела, и «подкармливала» его, требуя взамен лояльности¹. Финансовый рычаг оказался действенным: в 1817 г. он удержал Шинде от открытого выступления на стороне других маратхов.

Это выступление инициировал пешва, который понял, что при неуклонном урезании его власти британцами от неё скоро ничего не останется. За их покровительством саранджамдарам последовали заключение под стражу фаворита пешвы Тримбакджи Денгле, настроенного резко антибритански, после чего резидент Элфинстон в 1817 г. принудил Баджи Рао официально объявить о «*ропуске маратхской конфедерации*» и уступить «*навечно*» Компании ряд территорий, включая Северный Конкан, а Гаиквару — аренду своих владений в Гуджарате [ЕРМН, XIII, p. 187–193]. Баджи Рао посчитал, что это уж слишком, и стал стягивать войска. Однако британцы были готовы к открытому столкновению, и Элфинстон, «недремлющий молчаливый Аргус», наблюдал за этим с неотрывным интересом терпеливого натуралиста, который собирается завершить исследование, занявшее годы» [Thompson, 1978, p. 225].

Наконец, неудачи ОИК в тяжёлой войне с Непалом (1814–16) вдохновили пешву начать третью англо-маратхскую войну (1817–18). Однако его выступление было легко подавлено, Пуна присоединена к владениям Компании, а вовремя сдавшийся Баджи Рао посажен на пенсию. Если главным «живым трофеем» британцев в предыдущей войне с маратхами был могольский шах, то в этой — другой *roi fainéant*, чхатрапати Пратап Сингх (1810–39). С целью скорейшего «замирения» страны его, в отличие от пешвы, свергать не стали, а выделили его резиденцию Сатару в небольшое княжество, «*чтобы смягчить предрассудки*» маратхов и создать противовес влиянию бывшей брахманской администрации Пуны [ЕРМН, XIII, p. 304, 494]. Одновременно британцы положили конец независимости других маратхских полities.

Не дав Уэлсли добить маратхов, директора подарили ОИК нескольких соседей, существенно ослабленных, но вынашивающих реваншистские планы. Эти соседи — Индаур, Нагпур, отчасти Гвалияр — оказались сжаты об-

¹ Когда в 1813 г. его отряды пограбили территории в Бунделькханде и Гуджарате, находившиеся под защитой британцев, те в ответ просто вычли стоимость награбленного из дотации [ЕРМН, XIV, p. 193].

ручем британских владений и протекторатов от Вадодары до Бенгалии и Дели, но предоставлены самим себе. Поскольку после второй войны с ОИК финансы и армия этих политий находились в плачевном состоянии, в Индауре и Гвалияре усилились позиции *пиндхари*, непрерывно грабивших мелкие княжества в регионах, где Компания в 1806 г. умыла руки, — Центральной Индии и Раджпутане, — а также Нагпур.

Однако ввиду уже доминирующего геополитического положения ОИК долго её отношения с маратхами носить неясный характер не могли. Установление над ними британского контроля было вопросом времени. Это понял генерал-губернатор маркиз Хейстингс (1813–23), ставший «вторым Уэлсли». Уже в 1814 г. он указал на абсурдность ситуации: *«мы ни позволяем туземным князьям проявлять инициативу как независимым правителям, ни требуем от них повиновения как вассалов (feudatories)»* [Select Documents, 1958, р. 200]. Выход генерал-губернатор видел в превращении последних независимых политий в сателлитов ОИК. Сопротивление директоров, по-прежнему подсчитывавших лишь возможные убытки в случае новой войны, лорд Хейстингс сломил, заручившись (как и Уэлсли) поддержкой вне Компании [Edwardes M., 1968, р. 194]. Дело в том, что в 1813 г. под давлением промышленников парламент отменил монополию ОИК на торговлю с Индией (см. IV.2.1), что требовало создания условий для безопасной торговли британских частных купцов.

Необходимо учитывать и общемировой контекст: в 1815 г. произошёл окончательный разгром Наполеона, возвестивший наступление эпохи британской гегемонии в мире. В самой Великобритании устранение внешней угрозы способствовало постепенному выходу на первый план идеологических течений, отражавших интересы крепнущей буржуазии, — либерализма и утилитаризма. На Индию в свете коренных идеологических изменений первым взглянул философ Джеймс Милль (в 1819–36 гг. он будет служить в ОИК, в департаменте индийской корреспонденции). Милль заявил, что полезность Индии для Великобритании заключается не в военной мощи, дани и возможностях составить личное состояние, а в возможностях для свободной торговли и предпринимательства [Bearse, 1961, р. 66–68].

Первым шагом лорда Хейстингса к «замирению» Индии стало искоренение пиндхари, предлогом к чему послужили их начавшиеся вторжения на территории самой Компании. Собрав беспрецедентную по размерам армию (113 тыс. человек с 300 орудиями — [Edwardes S., 1929, р. 380]), британцы методично «прочесали» всю Центральную Индию, покончив с бандитами. Одновременно они вырвали из маратхской цепи слабое звено — Нагпур: в 1816 г. один из претендентов на власть, Мадходжи, не устоял перед соблазном принять помощь Компании, а условием её оказания она и поставила субсидиарный союз [Hastings F., 1858, р. 124].

Наконец, генерал-губернатор внял не прекращавшимся с 1806 г. просьбам раджей Мевара, Марвара, Дхундхара и других раджпутских княжеств — объектов общемаратхского грабежа — взять их под защиту. Шинде не осмелился возражать и подписал в 1817 г. договор, уступив ОИК покровительство над раджпутами (см.: [Select Documents, 1958, p. 206–211]). Иной была реакция индаурского дарбара (Мальхар Рао II был ещё несовершеннолетним) и Мадходжи Бхосле (1817–18). Видя, что отнимают последнее, они пошли ва-банк вслед за Баджи Рао, но их несоординированные выступления также были быстро подавлены. После поражения Индаур стал субсидиарным клиентом — последним из маратхских княжеств, а Мадходжи британцы свергли, заменив его двоюродным племянником, ставшим Рагхуджи III (1818–53). До совершеннолетия последнего в 1830 г. правительство Нагпура оставалось подотчётно резиденту.

С ликвидацией независимости этих княжеств в 1818 г. исчез и североиндийский геополитический узел, а у ОИК впервые появились плацдармы в сердце субконтинента — «территории Сагар и Нармада» (отнятые у Холькара) и Аджмер (отнятый у Шинде).

После 1805 г. дальнейший успех ОИК во властной сфере был предопределён, хотя директора и попытались поставить экспансии предел. Логика событий и время работали уже только на британцев: к этому времени они заняли командные высоты как во внешней торговле Индии, так и в стратегической расстановке сил на субконтиненте. Социальная опора маратхских правителей продолжала истончаться, и маркизу Хейстингсу оставалось нанести *coup de grâce*¹.

Однако контроль над последними маратхами был лишь ступенью (пусть и важнейшей) к конечной цели генерал-губернатора — качественному изменению статуса ОИК как политики. По его мысли, восприятие Компанией себя как региональной державы устарело, она выходит на более высокий уровень: обязательства британцев по множеству договоров с князьями стали противоречить одно другому, «и мы оказываемся втянутыми в каждую происходящую в Индии ссору с обеих сторон» [Select Documents, 1958, p. 200]. Поэтому лорд Хейстингс выступил за унификацию отношений ОИК с индийскими политиями, которые теперь все были её сателлитами. Так родилось понятие о Компании как о «верховной державе» (*paramount power*)

¹ Здесь следует особо отметить роль, сыгранную прекрасно поставленной разведкой Компании. Резиденту в каждом княжестве подчинялся целый шпионский аппарат. Элфинстон наблюдал за всеми перемещениями пешвы, а Бэйли в Лакхнау получал почасовые отчёты о том, чем занят наваб. Вообще, по словам индийского историка В.Б. Кулькарни, если индийцы не хотели видеть дальше собственного носа (даже Нана Фарнавис удивительно плохо знал географию Индии), то британцы самым тщательным образом изучали все аспекты их жизни [Kulkarni, 1964, p. 68].

Индии. Оно предполагало по сути признание княжествами «зего-то вроде феодального обязательства по отношению к нам», а по форме — создание конфедерации во главе с ОИК как «главной державой в лиге». От княжеств требовалось только передавать спорные вопросы на арбитраж Компании и выставлять по её требованию свои войска, а инструменты внутреннего контроля генерал-губернатор предложил демонтировать (и свести роль резидента к роли посла в европейских государствах) [Select Documents, 1958, р. 201–204]. Концепция «верховой державы» была взята британцами на вооружение и регулировала англо-княжеские отношения до конца существования британского Раджа в 1947 г., а вот отказаться от влияния внутри зависимых политий британцы себе позволить не могли: сконструированные в них рычаги воздействия к этому времени уже доказали высокую эффективность. Напротив, эти рычаги получают дальнейшее развитие (см. IV.1.3).

Окончательное подчинение британцами Индии произойдёт в 1849 г., с аннексией Панджаба, но в целом империя ОИК (Британская Индия) и её существенный довесок — субсидиарная система — оформились к концу 1810-х годов. Грубо говоря, это произошло в исторический промежуток от Хейстингса до Хейстингса. Начало в 1818 г. в истории Индии эпохи *Pax Britannica* показывает: эта история всё глубже вписывалась в мировой контекст. В 1815 г., с разгромом Наполеона, начался пик мировой гегемонии Великобритании, эпоха *Pax Britannica* в мире.

Превращение ОИК в «верховную державу» оставило, тем не менее, независимыми две политии. Они находились на дальнем западе Индии, а потому даже к концу рассмотренного периода ещё мало интересовали ОИК с экономической и стратегической точек зрения. Речь идёт о Синде и Панджабе.

Синд представлял собой союз трёх княжеств (Хайдарабад, Хайрпур и Мирпур) во главе с амирами белуджской династии Тальпуров. Впервые интерес к Синду ОИК проявила в начале XIX в.¹ по стратегическим соображениям — в связи с кратковременным франко-русским союзом, заключённым в Тильзите в 1807 г. Реагируя на это резкое изменение геополитической обстановки в масштабах Евразии, британцы сочли за лучшее в 1809 г. обязать амиров «не позволить укрепиться в Синде племени французов» [Collection, 1812, р. 306–307]. Хотя отношение амиров к ОИК всегда будет отличать крайняя (и небезосновательная) настороженность, в некотором сближении с ней они тоже были заинтересованы: номинально являясь подданными афганского шаха, амиры рассчитывали играть на англо-афганских противоре-

¹ В 1758–75 гг. ОИК имела торговую факторию в Тхатте, но закрыла её из-за войн и упадка ткачества в стране.

чиях. Правда, французская угроза быстро миновала, и британцы на время потеряли интерес к Синду [Bakshi, 1971, p. 42–43].

В Панджабе в это время возобладали центристские тенденции: сардар мисала Сукарчакья Ранджит Сингх в 1799 г. захватил Лахор и стал успешно объединять страну. Вступить в серьёзный контакт с Панджабом, как и с Синдом, ОИК заставил Тильзит. Однако скорое ослабление угрозы извне означало выход для Компании на первый план соображений внутрииндийской стратегии. Эти соображения диктовали поставить предел экспансии стремительно усиливающегося сикхского соседа, что британцы и сделали. В 1809 г. они заставили его поделить сферы влияния: Ранджит отказался от притязаний на территории к югу от Сатледжа (тем самым под британское покровительство попали сикхские княжества левобережья реки), а ОИК — на территории к северу [Aitchison, 1931, p. 34]. Амритсарский договор 1809 г. стал краеугольным камнем англо-панджабских отношений в течение всего правления Ранджит Сингха (1799–1839) и развязал ему руки на западе: к 1820-м годам махараджа превратил Панджаб в империю, завоевав земли до Мультана и Кашмира включительно. Дружественный характер отношений Ранджиту диктовало опасение военного превосходства восточного соседа, а Компании — заинтересованность в наличии у «ворот Индии» буфера от Афганистана. У самих британцев стимула расширяться за Сатледж пока не было, а в сикхской политике они видели потенциальный заслон от вторжения по традиционному пути всех завоевателей Индии. Поэтому до начала 1830-х годов британцы не только не воспринимали усиление Панджаба как угрозу, но и разрешили ему ввозить оружие через свою территорию (а иногда снабжали его сами) [Hasrat, 1968, p. 13–15]. Кроме стратегических у ОИК были некоторые экономические соображения: внесённая Ранджитом политическая стабильность способствовала подъёму экономики страны, что благотворно повлияло на экономику соседних Северо-Западных провинций Компании [Bayly, 1983, p. 203–205].

Однако в целом в этот период отношения с Синдом и Панджабом находились на периферии внимания британцев. Их главной целью, к которой они объективно двигались с середины XVIII в., было превращение ОИК в верховную державу Индии, а этот процесс не зависел от позиции названных политий — периферийных на субконтиненте. В 1818 г. период, содержанием которого был этот процесс, завершился¹. Покорение Синда и Панджаба — это качественно иной этап развития Британской Индии.

¹ В историографии есть расхождение относительно даты превращения ОИК в верховную державу. Ряд историков считают этой датой 1805 г. (напр., [Синха, Банерджи, 1954, с. 344]), но большинство — 1818 г. [Luard, 1929, p. 271; Moon, 1999, p. 410]. Причина расхождения — в неясном характере отношений ОИК с маратхами в 1805–18 гг., когда она уже «сломала им хребет», но ещё не втянула в свою орбиту.

В период существования ОИК как доминирующей державы Индии (1805–18) она продолжила укреплять арсенал своих инструментов контроля над сателлитами. Принципиально новыми инструментами стали гарантия правительственных долгов (Вадодара) и создание отряда, вспомогательного субсидиарному (Хайдарабад, Пуна). Параллельно британцы развивали уже привычные им инструменты, например, контроль княжества через дивана (Траванкур, Хайдарабад, Вадодара). Особенно широко распространённым инструментом было для ОИК обладание влиятельной в княжестве клиентурой из числа крупных землевладельцев. Переориентация их лояльности с правителя на резидента оставалась одной из важнейших задач последнего.

Во второй половине рассмотренного периода вновь произошла активизация внешнеполитической деятельности ОИК («имперский порыв-2»). Маркиз Хейстингс возобновил и довёл до логического конца прерванную после отставки Уэлсли экспансию. Согласно официальной точке зрения в имперской историографии, отказаться от изоляционистского курса «кольцевой огады» британцев вынудило внешнее событие — набеги пиндхари. Однако даже У. Ли-Уорнер вскользь признаёт, что эти набеги послужили ОИК скорее предлогом для пересмотра пассивной внешнеполитической линии [Lee-Warner, 1910, p. 109]. Его причинами стали потребность Компании в расширении субсидиарного пространства и коренное изменение в экономической стратегии Великобритании на Востоке — отмена торговой монополии, поставившая на повестку дня ликвидацию последних антибританских очагов в Индии.

IV.1.3. ОИК как верховная держава (1818–58)

В социально-экономическом плане превращение ОИК в верховную державу было началом конца постмогольского периода, который Б. Стайн называл «длинным XVIII веком» в истории Индии [Stein, 2003, p. 87]. В имперской историографии, с одной стороны, и в националистической и советской, с другой, колониальный период было принято отсчитывать с 1757 г. Однако в последние полтора десятилетия в зарубежной индологии получил широкое распространение тезис о том, что поворот к колониализму в истории Индии начался только в 1820-е — 30-е годы. Многие крупные специалисты (К.А. Бэйли, Б. Стайн, Д. Уошбрук) убедительно делают акцент на преемственности развития Индии в XVIII — первой четверти XIX в. и на симбиозе внешних (ОИК) и внутренних сил. Последние — значительная часть индийских купечества, землевладельцев, чиновничества (см. IV.1.1) — по выражению Д. Уошбрука, и «экскорпировали» Компанию, содействовав её приходу к власти [Washbrook, 1990, p. 491]. Только их активное сотрудничество сделало возможной её трансформацию в державу.

Симбиоз ОИК с этими группами был настолько тесным, что Б. Стайн даже считает правомерным называть её режим второй половины XVIII — первой четверти XIX в. меркантилистским, защищающим интересы упомянутых ключевых социальных слоёв, создавшим им благоприятные условия. Однако потребность ОИК в их поддержке убывала прямо пропорционально распространению её власти. Примерно с 1820 г. британский режим стал перерождаться из меркантилистского в колониальный. Победа над маратхами позволила британцам меньше тратить на армию и больше на управление. Взятие Компанией в свои руки связанных со сбором налогов функций и правительственных монополий таило серьёзную угрозу для индийского купечества. Если Типу лишь стремился стать крупнейшим из купцов, то ОИК стала им, а это заставило её взглянуть на остальных купцов уже как на конкурентов [Stein, 2003, p. 77–78].

Таким образом, ОИК на новом витке повторила курс Типу; только если тот пытался поставить под контроль все социальные слои сразу (что предопределило его падение), британцы действовали осторожнее. Сначала (в XVIII в.) они пошли на тактический союз с купечеством и другими группами, чем обеспечили себе успех, а уж достигнув его, изменили позицию. Реструктуризация индийского общества и экономики, к которой приступили британцы с 1820-х — 30-х годов, отвечала всецело лишь их интересам [Washbrook, 1988, p. 79].

Однако необходимо подчеркнуть, что этот новый курс по сути уже был курсом не самой ОИК, а британского правительства, которое с её окончательным экономическим ослаблением к 1830-м годам стало всецело определять индийскую политику (см. IV.2.2). Ослабление Компании было вызвано превращением Великобритании в промышленную державу, а Индии — в её рынок сбыта. После отмены монополии ОИК на торговлю с Индией в 1813 г. (см. IV.2.1) британский текстиль вытеснил индийский в самой Великобритании, в 1820-е годы — в Португалии и Америке и начал завоевание азиатских рынков [Marshall, 1987, p. 107]¹. Именно с 1820-х — 30-х годов начался третий из выделенных В.И. Павловым этапов включения европейцами Востока в мировой капиталистический рынок. Для этого этапа было характерно вторжение европейского промышленного капитала в сферу производства (ввоз фабричной пряжи и других материалов) [Века неравной борьбы, 1967, с. 91]. Для ОИК, вывозившей из Индии продукцию ткацкого ремесла, в такой экономической ситуации места не оставалось². Только с это-

¹ За 1818–35 гг. ввоз в Индию британских хлопчатобумажных тканей вырос в 63 раза, а ввоз этих тканей из Индии сократился вчетверо [Левковский, 1959, с. 99].

² Следует отметить, что вопреки, например, мнению индийского экономиста Р.Ч. Датта, ОИК не являлась душителем хлопчатобумажного ремесленного производства Индии, а, напротив, старалась защитить его от наступления британской фабрики. Однако его могла спасти лишь механизация [Tripathi, 1979, p. 209–210].

го времени правомерно говорить о подчинённой, компрадорской, роли индийского купечества, которое начало обслуживать интересы британских промышленников (до этого индийские купцы выступали в общем равными партнёрами ОИК: ведь она зависела от их кредита и сбывала **индийскую** продукцию). Получается, что, если в начале XVII в. имело место противостояние ОИК и поддерживавшего её государства, с одной стороны, и политики Моголов и её купечества, с другой, то теперь ОИК и индийское купечество оказались «товарищами по несчастью» перед лицом британского государства, действовавшего в интересах британских промышленников. Поэтому, строго говоря, ОИК лишь подготовила приход британского колониализма в Индию, но сама колониальной организацией так и не стала.

В рассматриваемый период эволюция инструментов контроля ОИК над политиями в целом завершилась. Усилился внешний компонент этого контроля: антибританские силы в зависимых княжествах больше не могли рассчитывать на поддержку независимых соседей, поскольку их больше не было. Укреплялся и арсенал инструментов внутреннего контроля.

В финансовой сфере к таким инструментам принадлежала бхандари во владениях Гаиквара. Роль гаранта правительственного долга купцам Вадодары дала ОИК право одобрять не только кандидатуры диванов княжества, но и ежегодный проект бюджета, а в 1828 г. ей пришлось произвести временный секвестр ряда территорий [Wallace, 1861, p. 287, 382–383]¹. На Хайдарабад и Нагпур британцы распространили своё право вмешательства в сбор налогов, впервые зафиксированное в договоре с Майсуром 1799 г.: в 1820-е годы надзор над окружными налоговыми чиновниками в этих княжествах осуществляли британские контролёры [Briggs H., 1861, I, p. 97; Sinha, 1967, p. 108].

Общее укрепление позиций британцев в индийских политиях после 1818 г. наглядно демонстрирует усиление их контроля над престолонаследием. Важную роль здесь играла «доктрина выморочных владений», выдвинутая директорами в 1830-е годы². Согласно этой доктрине ОИК в силу своего статуса верховной державы присвоила себе право аннексировать владения умершего князя при отсутствии у него естественных (не усыновлённых) наследников. В 1848 г. она присоединила таким образом Сатару, в 1853 г. — Нагпур. В 1856 г. было объявлено, что после смерти Могола Бахадура II будет ликвидирован титул шаха [Dodwell, 1929 (1), p. 607]. Отстраняя целые

¹ Эта крайняя мера сразу отрезвила Саяджи II (1818–47), и уже к 1832 г. он погасил долг перед 70 банкирами (в 15 лакхов) из личных средств (о чём ранее его безуспешно просил резидент) (см.: [Wallace, 1861, p. 441–450]).

² Генерал-губернатор Далхузи (1848–56), которого часто неверно называют автором этой доктрины, был лишь наиболее ревностным проводником её в жизнь.

династии, британцы тем менее колебались в отношении отдельных неудобных правителей. В 1831 г. такая участь постигла Майсур (отстранение раджи от управления, которое вернут только через 50 лет), в 1839 г. Сатару (свержение раджи в пользу брата), в 1856 г. Авадх (аннексия). В каждом случае ОИК выдвигала разные оправдания, но они были скорее предлогами: настоящей причиной широкомасштабных аннексий была установка на превращение всей Индии в Британскую, замена косвенного управления прямым.

Активно пользовались британцы и таким инструментом, как контроль над назначением чиновников князя. Как отмечал генерал-губернатор граф У. Бентинк (1828–35), креатура резидента Чанду Лал (уже ставший диваном и официально) «целиком подгиняется его приказам» [Cavendish Bentinck, 1977, р. 398]. Определяющее влияние резиденты имели и на последующих диванов. Например, Дж.С. Фрэйзер в 1846 г. отверг кандидатуру низама и провёл собственную — Сирадж-уль-мулька, который приступил к желательным для ОИК реформам (резко сократил армию, повёл борьбу с растратами, учредил центральное казначейство и т.д.) [Kumar, 1978, р. 70–73].

Всё шире британцы пользовались таким инструментом, как экстерриториальность. В Сатаре ОИК сразу (в 1819 г.) стала гарантом саранджамов, как ранее в Пуне [Raja of Satara, 1849, р. 122]. Единственный данник низама — раджа Шорапура — с 1842 г. ввиду несовершеннолетия находился под опекой британского капитана [Kumar, 1978, р. 77]. Однако наиболее развитым инструментом экстерриториальности был в старейшем из сохранившихся субсидиарных союзников ОИК — Авадхе. Внушительная британская клиентура в княжестве состояла из трёх групп. Первую составляли «гарантированные пенсионеры» — родственники и зависимые люди навабов (с 1819 г. — шахов), закреплявших за ними выплаты процентов по сделанным ОИК займам. Однако признание преимущества британского права било по самим шахам: фактически пенсионеры переходили под юрисдикцию резидента, что превратило его в мини-монарха. До 1831 г. резидент даже созывал собственный дарбар из титулованных пенсионеров, который временами превосходил пышностью шахский [Fisher, 1988, р. 19]. Вторую, крупнейшую, группу клиентов Компании составляли её сипаи (включая отставных): в армии Бенгальского президентства служили 10% раджпутов и брахманов Авадха [Pemble, 1977, р. 41]. Семьи сипаев пользовались налоговыми и судебными льготами и к шаху обращались через резидента, подавая в год в среднем по 1366 петиций¹. В третью группу входили держатели ценных бумаг ОИК. Всего её клиентура в Авадхе насчитывала 50–60 тыс. человек и к 1849 г. выплаты

¹ Положение сипаев было настолько привилегированным, что нередко крупные землевладельцы подкупали их, чтобы выдать своё прошение за сипайское [Edwardes M., 1960, р. 179–180].

резидентством пенсий, жалований, процентов по займам и денежных переводов превысили 5 млн рупий — треть поступлений авадхской казны. Таким образом, резидент обладал в Авадхе огромным влиянием — не только военным и политическим, но и финансовым [Fisher, 1988, p. 182–186]¹.

Развивался в данный период и инструмент контроля ОИК над собственной армией князя. Части низама под командованием британских офицеров («Хайдарабадский контингент») выросли во внушительную армию, численность которой была в 1853 г. закреплена договором (5 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалерии с 4 батареями полевой артиллерии) [Appendix / Briggs, 1861, I, p. 310]. В 1837 г. аналогичный контингент британцы обязали создать Шинде (2 тыс. всадников и пехотинцев) [Warren, 1845, III, p. 154–155].

М.Х. Фишер выделяет и такой инструмент контроля, как манипуляция резидента придворным ритуалом [Fisher, 1991, p. 250–251]. Наиболее яркий пример — Авадх, где шаха на ежегодно повторявшейся с 1819 г. церемонии коронации короновал именно резидент — чтобы тот не забывал, кто есть кто [Fisher, 1988, p. 151].

Наконец, ещё одним инструментом можно назвать контроль ОИК над инфраструктурой. Когда строительство британцами железных дорог дошло до территории княжеств, они заставили правителей уступать им суверенитет на землю, по которой пролагались пути. Первый такой договор подписал Гаиквар в 1856 г. [Beotra, p. 113]. Развитие техники вообще способствовало усилению британского контроля над княжествами (например, распространение телеграфного сообщения между резидентствами и центрами президентств).

Англо-княжеский союз, как и прежде, был взаимовыгоден, но вовсе не в равной степени. Поскольку с превращением ОИК в верховную державу потребность в буферах у неё отпала, а центр её торговли с конца XVIII в. переместился в Китай, главной целью Компании в отношениях с князьями осталось содержание за их счёт части своей армии. Последняя и без того обходилась весьма недёшево: к середине XIX в. на её содержание уходило свыше 60% бюджета Британской Индии (более £ 10 млн в год), что почти равнялось поступлениям от земельного налога [Левковский, 1959, с. 104].

Другими средствами получения денег от князей британцам служили займы и кредитование. Займы как принципиально новое средство ОИК пустила в ход в Авадхе. В 1814–42 гг. она заставила его правителей одолжить ей

¹ Поскольку от ОИК материально зависела значительная часть населения Авадха, британцы пользовались в княжестве уважением и могли спокойно ходить по самым оживлённым улицам Лакхнау. Это выгодно отличало Авадх от другого союзного княжества — Хайдарабада, где, по мнению авадхского резидента У.Г. Слимэна (1849–54), без выделенного резидентом эскорта их жизни подвергались опасности [Sleeman, 1971, p. 158]. Слимэн мог сгустить краски, но отличие в отношении к британцам в двух княжествах действительно было резким.

52 млн рупий [Fisher, 1988, p. 182]. Эти займы серьёзно выручили британцев во время войн с Непалом (1814–16), Бирмой (1824–26) и Афганистаном (1838–42). В Хайдарабаде британцы, наоборот, на короткое время выступили в более привычной для них функции частных кредиторов (что, как и в Карнатике, ударило по интересам самой ОИК)¹. Наконец, Компания вынуждала князей уступать им некоторые ценные с экономической точки зрения территории. Речь прежде всего идёт о районе производства лучшего в Индии хлопка — Бераре, передача которого низамом в 1853 г. (под предлогом выделения средств на содержание Хайдарабадского контингента) отвечала интересам промышленников Ланкашира.

Кроме финансовой княжества выполняли для ОИК важную социальную функцию. Многие британские чиновники (Дж. Малколм, М. Элфинстон, Д. Октерлони) обоснованно считали, что сведение в Индии зоны косвенного управления к нулю необязательно и даже опасно, так как княжества представляют собой убежища для всех недовольных британскими порядками индийцев. Высказывались опасения, что, если их лишить таких убежищ, не исключено мощное восстание. К примеру, хайдарабадский резидент Г. Расселл (1811–20) сравнил экспансию ОИК с восхождением на гору: когда она достигнет вершины, то неизбежно начнёт скатываться вниз по противоположному склону; *«с того дня, когда мы перестанем наступать, мы будем отступать»* [Warren, 1845, I, p. 173]. Из этого вытекала идея всемерной поддержки князей, частичного сохранения “туземной Индии”

Однако ещё до превращения ОИК в верховную державу оказалось ясно, что в известном смысле субсидиарная система стала для неё ловушкой. Поскольку власть князя подпирала теперь несокрушимая сила — субсидиарный отряд — князь получил возможность безнаказанно злоупотреблять этой властью, порождая «плохое управление» (*misgovernment*)². У ОИК было два пути решения возникшей проблемы: либо реформировать административную систему княжества, либо аннексировать его. Несмотря на обилие инструментов внутреннего контроля и постоянное применение их на практике, первый

¹ В 1816–20 гг. фирма «Палмер и К°» одолжила правительству низама 52 лакха рупий под огромные 25% (при попустительстве резидента Расселла, имевшего долю в прибылях) [Philips, 1940, p. 226]. Поскольку ОИК претендовала на монопольное вытягивание средств из казны низама, как и в Карнатике, обнаружение этих махинаций вызвало скандал. Компания спешно преградила фирме доступ к казне княжества и погасила его долг перед фирмой сама [Briggs H., 1861, II, p. 175].

² Как отмечает на примере Авадха английский историк Дж. Пембл, «обязательство поддерживать власть наваба было проклятием для британцев, так как заставляло их отречься от дорогого им принципа» — локковского принципа народного суверенитета [Pemble, 1977, p. 58], согласно которому подданные имеют право на восстание против правителя-тирана. В княжествах британский субсидиарный отряд оказывался инструментом, с помощью которого в этом праве отказывали другим.

путь британцы считали в целом закрытым, поскольку, по словам У. Ли-Уорнера, ещё полностью не отказались от применения к княжествам норм международного права [Lee-Warner, 1910, p. 32]. Во многих договорах с князьями ОИК декларировала признание их абсолютной власти над своими подданными [Collection, 1812, p. 193, 239].

Поэтому оборотной стороной невмешательства стали аннексии, к которым Компанию подталкивало и усиление в Великобритании (в связи с подъёмом буржуазии) либерализма и евангелического движения, ставивших знак равенства между хорошим и британским управлением. Вообще в 1830-е годы (когда у власти в Великобритании находились в основном виги) и особенно после принятия акта 1833 г. (см. IV.2.2) Индия получила большую порцию вестернизации [Bearse, 1961, p. 155]. Это не могло ограничиться рамками Британской Индии (в которой был проведён комплекс либерально-утилитаристских реформ), а с необходимостью сказалось и на англо-княжеских отношениях. Как писал генерал-губернатор маркиз Далхузи (1848–56) в связи с аннексией Сатары в 1848 г., ОИК могла бы передать княжество преемнику умершего раджи Саяджи (1839–48) лишь в том случае, если бы *«высокое качество его администрирования проистекало не из его собственных личностных качеств, а из природы институтов государства, которые всегда направляли бы постановления суверена или принуждали бы его соблюдать правила хорошего управления»* [Raja of Satara, 1849, p. 82]. По сути Далхузи заявил князьям: как ни старайтесь угодить ОИК в благоустройстве княжеств, пока у вас отсутствуют британские институты (фактически — пока ваша территория находится вне Британской Индии), все ваши заслуги перед верховной державой эфемерны.

Однако набравший к 1850-м годам обороты маховик аннексий вызвал особенно резкую ломку традиционных социально-экономических отношений и грозил социальным взрывом. К тому же многие аннексии осуществлялись в нарушение не только индийской практики (не знавшей «доктрины выморочных владений»), но и договоров самой ОИК с князьями. Это позволило осудившему аннексию Авадха помощнику резидента в княжестве Р.У. Бёрду задать вопрос: *«В каком смысле укрепляется наша индийская империя?»* [Lucas, 1971, p. 149]. Некоторые проницательные чиновники ОИК предупреждали об опасности¹, но они остались в меньшинстве. В противо-

¹ Например, по мнению авадхского резидента Дж. Лоу (1831–38), шахский Авадх играл роль «предохранительного клапана», где, в отличие от территорий Компании, многие представители знати могли рассчитывать на подобающий их происхождению статус [Fisher, 1988, p. 166]. Даже резиденты У. Слимэн (1849–54) и Дж. Аутрэм (1854–56), отчёты которых (заклеймившие систему управления Авадхом как крайне неэффективную и коррумпированную) послужили Далхузи основанием для аннексии султаната, настаивали лишь на временном отстранении шаха, но не на его свержении [Sleeman, 1971, p. 17, 25].

стоянии консервативного подхода к управлению Индией либеральному и имперскому подходам (см.: [Beagse, 1961]) тогда одержали верх последние; итог — восстание 1857–59 гг.¹ Только оно заставило британцев — уже после перехода власти от ОИК к короне в 1858 г. — модифицировать политику в отношении княжеств. Произошёл возврат к прежней линии на сохранение зоны косвенного управления, но на новом витке: британцы стали активно вмешиваться во внутренние дела княжеств с целью проведения там необходимых им реформ, что позволяло с тех пор избегать аннексий². В этой гибкости политики У. Ли-Уорнер усмотрел выгодное отличие Британской империи от Римской (которая, как и ОИК, устраняла «плохое управление» только путём аннексий, что и способствовало её крушению). Юридическим же фундаментом для этого вмешательства британцам послужил полный отказ от применения к индийским княжествам норм международного права в пользу принципа делимости суверенитета, заимствованного ими у Священной Римской империи, союза швейцарских кантонов до 1848 г. и США до 1865 г. [Lee-Warner, 1910, p. 32, 37].

Выгодой правителям от союза по-прежнему являлась эффективная защита их власти — теперь, с исчезновением внешних угроз, в основном от посягательств изнутри княжеств. Правда, как отмечено выше, до 1858 г. эта защита сочеталась с Дамокловым мечом угрозы аннексии.

Однако некоторые правители, считая степень британского контроля слишком высокой, пытались снизить её. Их сопротивление ОИК принимало разные формы — от жалоб до вооружённого противостояния. Князья пытались дискредитировать резидентов (путём жалоб генерал-губернатору на их неуважительное обращение), изолировать их от своих чиновников и

¹ Кстати, вопрос об опасности оттолкнуть князей поднимался в 1853 г. и в палате общин. Представитель партии буржуазных радикалов-фритредеров Дж.Г. Филлимор дальновидно предложил создать специальные королевские суды в президентствах для рассмотрения споров между правительством Британской Индии и любым индийским князем. Член палаты указал на «хладнокровную жестокость», с которой ОИК обращалась с большинством князей, и напомнил, что низамам и авадхским шахам некуда жаловаться на вымогательство Компанией огромных сумм по субсидиарным договорам [HPD/3, СХХІХ, р. 808–810]. По мнению Филлимора, ОИК проводила аннексии с корыстной целью — увеличения объёма своего патронажа. Однако секретарь контрольного совета Р. Лоу безапелляционно возразил: *«стремясь обеспечить права туземцев, мы будем только ослаблять силу британского правительства в Индии»* [HPD/3, СХХІХ, р. 812]. С Лоу полностью согласился его начальник — сэр Чарлз Вуд [HPD/3, СХХІХ, р. 813]. Возможно, во время восстания эти два джентльмена сильно пожалели о такой своей позиции.

² Имперский опыт британцев в Индии не уникален: схожая ситуация чуть позднее имела место в Малайе. Когда британские власти в Стрейтс Сеттлментс взяли курс на перевод султанатов Западной Малайи под своё прямое управление, в 1875–76 гг. там произошло крупное восстание, заставившее британцев модифицировать политику аналогичным индийскому образом [Тюрин, 1980, с. 103–108].

представителей знати, подкупить и вовлечь в придворную жизнь, затруднить им сбор информации о состоянии финансов княжества (см.: [Fisher, 1991, p. 293–303]). Шахи Авадха, пользуясь непоследовательностью поведения ОИК, по-прежнему саботировали многие рекомендации генерал-губернатора по проведению реформ (опасаясь усиления британского контроля), пока не навлекли на султанат аннексию в 1856 г.¹ В Хайдарабаде (где британское влияние было слабее) лишь в 1861 г. низам разрешил резиденту расследовать преступления (даже совершённые европейцами) и карать виновных [Beotra, p. 113].

На силовые методы сопротивления ОИК реагировала намного острее, справедливо расценивая их как вызовы своему статусу верховной державы. В 1826 г. британцы взяли штурмом Бхаратпур, а в 1837 г. — шахский дворец в Лакхнау, чтобы пресечь попытки устранить предпочтительных для Компании претендентов на престол [Moon, 1999, p. 443–445, 496]². В Гвалияре в 1843 г. в связи с нестабильностью власти ОИК потребовала сократить армию и выдать гордость княжества — артиллерийский парк в 300 орудий. Военачальники Шинде возмущенно отказались и были разбиты британцами [Warren, 1845, III, p. 155–160]. Их выступление можно назвать рецидивом маратхского гегемонизма, компенсировавшим нейтралитет Гвалияра в тре-

¹ Вообще случай Авадха весьма неоднозначен. Согласно британской официальной версии, султанат отличало вопиюще «плохое управление» (откупа, казнокрадство, неэффективность судебной и полицейской систем) (см.: [Sleeman, 1971]). Однако после аннексии в Лондоне вышли две книги — агента свергнутого шаха М. Масих-уд-дина и помощника Слимэна Р.У. Бёрда (под псевдонимом С. Льюкас), в которых на конкретном материале убедительно показаны существенное завышение степени «плохого управления» и несправедливость в обращении ОИК со своим верным союзником, причём обвинения использовались скорее как предлог для достижения настоящей цели — поглощения Авадха (см.: [British Aggression in Avadh, 1969; Lucas, 1971]). Не случайно британское правительство изыало почти весь тираж первой из этих книг. И всё же управление княжеством действительно было не в порядке: шахи проматывали огромные суммы, министры наворовывали крупные состояния, процветала шедшая с могольских времён практика назначения шахами на ответственные посты некомпетентных фаворитов (певцов, танцоров и т.п.) [Edwardes M., 1960, p. 44, 114; Fisher, 1988, p. 210; Pemble, 1977, p. 92].

² Британцы подавили сопротивление в зародыше, так как их гарнизон находился тут же, в *кantonменте* близ Лакхнау. Конечно, стоя почти буквально за тронем зависимых правителей, к *ultima ratio* британцы прибегали в исключительных случаях — при угрозе выхода политических-сателлитов из орбиты Великобритании. При упоминании авадхских событий 1837 г. напрашивается аналогия с переворотом в Египте 1942 г., устроенным британским послом (чье положение напоминало положение всесильного резидента в индийском княжестве). Когда в условиях наступления Роммеля на Каир возникла опасность удара британцам в спину в самом Египте, их танки окружили дворец *малика* Фарука, и тот (под угрозой немедленного свержения) был вынужден назначить премьер-министром лояльного Великобритании лидера партии Вафд Наххас-пашу.

твей англо-маратхской войне. Подобные открытые выражения непокорности ОИК пресекала сразу, опасаясь эффекта домино: если уступить, выказать слабость в отношении одного княжества, его примеру последуют другие. В этом мнении сходились многие британские чиновники — резидент в Дели сэр Чарлз Меткаф (1825–27), губернатор Бомбея сэр Джон Малколм (1827–29), генерал-губернатор граф Элленборо (1842–44) [Cavendish Bentinck, 1977, p. 71–72; Imlah, 1939, p. 157–158; Moon, 1999, p. 444].

Их опасения не были беспочвенными, но к середине столетия позиции ОИК существенно укрепились. Поэтому, когда в ходе сипайского восстания 1857–59 гг. британцы получили возможность проверить лояльность князей, «не сдали экзамена» только те из них, кого они лишили власти, — семьи Тимуридов и шахов Авадха, приёмный сын пешвы Нана Сахиб, а также некоторые мелкие владельцы вроде знаменитой рани Джханси. Этим князьям терять было почти нечего, и, видя, как в одночасье от британцев ускользает власть, они пошли ва-банк, рассчитывая перехватить её. Правда, учитывая подчинённое положение, в которое ОИК к середине XIX в. всё сильнее загоняла и правящих князей (действуя уже не только *fortiter in re*, но и *in modo*), у неё были основания сомневаться даже в их лояльности. Отнятие Берара было сильным унижением низама (его диван, не вынеся унижения, умер через шесть дней после заключения договора), и, когда на севере вспыхнуло восстание, губернатор Бомбея обеспокоенно телеграфировал хайдарабадскому резиденту: «Если пойдёт низам, пойдут все» [Ray Bh., 1988, p. 10]. Тем не менее, все князья, напротив, предпочли поставить на британцев, понимая, что проявление враждебности неминуемо будет стоить им тронов — тем более что ничего хорошего для себя в победе сипаев они не видели. Например, политический агент ОИК при Джаяджи Рао Шинде (1843–86) убедил его, что в случае победы сипаев раджпуты, джаты и прочие касты свергнут правящее в Гвалияре маратхское меньшинство [Macpherson, 1865, p. 311].

В рассматриваемый период ОИК завершила покорение Индии, подчинив два последних независимых княжества — «параколониальные» Синд и Пенджаб. Данным термином К.А. Бэйли обозначил региональные политии, образовавшиеся при распаде внеевропейских империй, уцелевшие в ходе мирового кризиса рубежа XVIII–XIX вв.¹ и окончательно консолидировавшиеся в первые десятилетия XIX в. благодаря возрождению мировой торговли

¹ Под мировым кризисом той эпохи К.А. Бэйли понимает революции и войны в Европе и Америке и беспокойное состояние Азии после распада империй Сефевидов и Моголов. Именно в это время достижения европейской военной революции получили широкое внедрение на Востоке. Это резко повысило военные расходы политий, вызвав небывалое давление на их финансы и особенно ударив по сложносоставным исламским и Цинской империям [Bayly, 2004, p. 89–91].

и временной стабилизации колониальных границ. С колониальными политикой этого рода сближало установление контроля над кочевыми племенами и «пиратами»¹, создание торговых монополий для финансирования армий нового образца, устранение в некоторых из них прежних землевладельческих групп для обретения большего контроля правительства над сельскохозяйственным производством. Вне Индии «параколониальными» были Сиам, прибрежные провинции позднецинской империи, позднеоугавский режим, каджарская Персия, Египет, тунисский бейлик [Bayly, 1989, p. 228–229].

Первой ОИК поставила под контроль более слабую политику — Синд. Импульс повышению интереса к нему британцам дало, с одной стороны, начало «Большой игры» между Великобританией и Россией в Центральной Азии, а с другой — появление экспансионистских планов в отношении Синда у Ранджит Сингха. Хотя ОИК сама дала сикхам карт-бланш к северу от Сатледжа, в её планы вовсе не входили получение ими выхода к морю и контроль над всей северо-западной границей Индии. С конца 1820-х годов Компания взяла курс на поэтапное подчинение Синда. Осуществить это было относительно несложно: обороноспособность страны была очень невысокой.

Кроме размеров владений и военной мощи самой ОИК² рычагами воздействия на амиров ей послужили угроза сикхского завоевания, британский контроль над транзитом опиума (британцы могли перекрыть этот транзит, разрешив провоз опиума из Центральной Индии в Бомбей по своим владениям, в обход Карачи. — [Агеев, 1979, с. 60]) и использование соперничества внутри рода Тальпуров. Дело в том, что к 1830-м годам внутренние связи их союза оказались значительно ослаблены. Хотя формально его продолжал возглавлять *раис* Хайдарабада, его власть над другими княжествами и даже над амирами своего княжества стала напоминать власть пешв над сардарами к концу XVIII в. Не случайно британцы применили тактику, опробованную на маратхах, — стали всячески поощрять центробежные тенденции в союзе.

Будучи в военном отношении намного слабее и ОИК и Панджаба, амиры не имели другого выбора, кроме как постоянно уступать требованиям одного из этих соседей. С самого начала инициативу в этом захватил более сильный из них.

Первый этап покорения британцами Синда состоял в открытии Инда для торгового судоходства: в 1832 г. амирам пришлось дать на это разрешение,

¹ Так европейцы называли подобных Ангре правителей мелких политий, сочетавших торговлю с претензиями на монополию на насилие в определённой морской зоне.

² Как признался посетивший Хайдарабад в 1827 г. доктор Дж. Бёрнс, когда он показал амирам большую карту Индии, то не удержался от соблазна «накрыть всю их ничтожную территорию своей ладонью и показать им границы нашей великой и славной империи в Индии». Это произвело на амиров колоссальное удручающее впечатление, и остаток аудиенции они были «грезвыгайно мразными» [Burnes, 1974, p. 102].

опасаясь раздела страны между ОИК и Панджабом. При этом с Хайдарабадом и Хайрпуром Компания подписала отдельные договоры (хотя внешние сношения были прерогативой раиса) [Агеев, 1979, с. 57–58].

На втором этапе (1836–42) ОИК подчинила Синд в административном отношении. К середине 1830-х годов над страной нависла реальная угроза сикхского завоевания и только позиция ОИК удерживала Ранджита. В 1838 г. актуальность для неё контроля над Синдом возросла в связи с подготовкой вторжения в Афганистан. Поскольку Ранджит дальновидно отказался пропустить англо-сипайские войска через Панджаб, значение плацдарма приобрел Синд. В этих условиях амирам пришлось уступить шантажу генерал-губернатора графа Окленда (1836–42): если они не примут политического агента Компании, она перестанет сдерживать экспансионистские амбиции Ранджита в отношении Синда [Huttenback, 1962, p. 41]. Впрочем, в отношении ОИК многие амиры вели себя непоследовательно, зондируя почву для совместного с ней давления на других амиров, чем она широко пользовалась. Даже раис Нур Мухаммад-хан (ум. 1840 г.) стремился получить от неё поддержку в конфликте с двоюродными братьями [Mariwalla, 1947, p. 91].

Как в своё время раджа Траванкура и низам, Тальпуры предпочли британское покровительство немедленному поглощению индийским агрессивным соседом. Однако в действительности у амиров выбора не было. Едва появившись в 1838 г. в Хайдарабаде, политический агент ОИК навязал ему субсидиарный договор, текст которого был насквозь пронизан принципом *divide et impera*: из четырёх амиров один (Собдар-хан) был освобождён от выплаты субсидии; Компания стала посредником в конфликтах амиров и гарантировала им сохранение их владений, но как отдельных княжеств [Appendices / Khera, 1963, p. 122–124]. Более того, ОИК оторвала от союза слабейшее звено — Хайрпур, причём шаг навстречу ей сделал сам его раис — Рустам-хан, который (как когда-то Шинде и Гаиквар в отношении пешвы) давно выражал желание, чтобы британцы признали его независимым от Хайдарабада [Beotra, p. 98]. В обмен на защиту княжества раис согласился «действовать в подчинённом сотрудничестве» с ОИК и «признать её верховную власть» [Appendices/ Khera, 1963, p. 119]¹.

Так британцы обеспечили себе тыл в войне с Афганистаном (1838–42), амиром которого они попытались сделать своего ставленника, чтобы исключить возможность проникновения в регион России. Эта война, однако, стала для британцев катастрофой, сильно пошатнувшей престиж их оружия. Компенсировать неудачу в Афганистане «ястреб» генерал-губернатор Элленборо

¹ О степени «сплоченности» амиров свидетельствует и такой эпизод. Когда британцы заставили Рустама передать им остров Бхаккар, тот намекнул, что теперь было бы справедливо лишить хайдарабадских амиров Карачи [Khera, 1843, p. 74].

и решил поглощением Синда¹. С целью усилить контроль над страной генерал-майор Чарлз Нэпир выразил намерение ввести принцип примогенитуры при наследовании (в нарушение вековых традиций белуджских племён) [Huttenback, 1962, p. 90]. Решив задавить растущее недовольство британским присутствием, Нэпир провёл акцию устрашения: разграбил крепость Имамгарх и двинулся на Хайдарабад. Это заставило амиров уступить ОИК уже оккупированные ею города Карачи, Тхатту, Рохри и остров Бхаккар, а также право чеканить рупию для Хайдарабада [Агеев, 1979, с. 87–91]. Однако уступчивость амиров вызвала взрыв возмущения собравшихся в столице вооружённых толп белуджей, и один из них выразил общее настроение, преподнеся раису Насир-хану женское платье [Thairani, 1973, p. 168]. Столкнувшись с угрозой кризиса легитимности, амиры решились, наконец, на крайний шаг и возглавили антибританское выступление племён. Как справедливо отметил политический агент в Хайдарабаде Дж. Аутрэм (1840–42), только отчаяние могло толкнуть амиров на вооружённое сопротивление ОИК, так как они хорошо сознавали его бесполезность [Appendices / Khera, 1963, p. 137].

Третий, военный, этап покорения Синда был очень коротким (1843 г.). Нанеся амирам два поражения на поле боя, Нэпир аннексировал Хайдарабад и Мирпур. Как ранее в других княжествах, переход Синда под британскую власть облегчила позиция влиятельных групп, которые она уже успела перетянуть на свою сторону. Речь идёт о части землевладельцев и даже амиров (таких, как Али Мурад-хан в Хайрпуре), а также купечестве, недовольном их безразличием к своим нуждам [Агеев, 1979, с. 124]. Тальпуры вообще плохо заботились об экономике Синда: превратив обширные обрабатываемые территории в свои *шикаргахи*, они нанесли тяжелейший ущерб земледелию страны [Олимов, 1993, с. 146]². Поэтому Нэпир не так уж был неправ, когда высказался за аннексию сразу после назначения командующим в Синде в 1842 г.: раз уж британцы заняли ряд важных пунктов внутри страны, он предвидел массовую миграцию туда населения (под юрисдикцию ОИК) и, как следствие, антибританские интриги амиров в нарушение договоров с Компанией [Speeches and Documents, 1922, p. 275–277]. Если вспомнить рост её центров президентств, прямо пропорциональный сжатию городов под властью местных правителей в XVII–XVIII вв., напрашивается вывод: каждый шаг ОИК объективно толкал её дальше вперёд.

После Синда настала очередь последней независимой политики Индии — Панджабской империи. Хотя англо-панджабские отношения носили дружественный характер до самой смерти Ранджита в 1839 г., трения с ним у ОИК

¹ В связи с этим М. Элфинстон остроумно сравнил Компанию с «хулиганом, полугизившим взбучку на улице и пришедшим домой избить в отместку жену» [Khera, 1843, p. 108].

² Кроме социально-экономического фактора сыграл роль и этнический: британцы обратили в свою пользу недовольство синдхов белуджской династией [Агеев, 1979, с. 9].

появились с начала 1830-х годов: яблоком раздора стал Синд. Решающими оказались события 1836 г., когда Компания чётко дала сикхам понять, что Синд входит в её сферу влияния. Уже готовый к захвату торгового центра Шикарпура Ранджит не осмелился пренебречь предупреждением — вопреки совету некоторых приближённых, которым он напомнил: *«Что стало с 200 тысячами маратхских копий?»* [Archbold, 1929, p. 544]. Разгром британцами маратхов, целое столетие владевших Северной Индией, оказал на махараджу неизгладимое впечатление, и столкновением с ОИК он не рисковал никогда. В 1838 г. Ранджиту пришлось сделать Компании ещё одну серьёзную уступку — принять участие в её войне с Афганистаном, хотя он и свёл это участие к минимуму.

Со смертью Ранджита в 1839 г. вырвались на свободу центробежные силы империи, что объясняется сугубо личным характером власти её основателя. Как отмечает индийский историк Г.Л. Чопра, Ранджит больше, чем другие известные истории деспоты, являлся «государством в одном лице», поэтому его смерть быстро привела к параличу центральной власти, тем более что только его фигура примиряла враждующие придворные группировки [Chopra G., 1960, p. 140]. Ослаблению власти преемников Ранджита способствовало и ухудшение геополитического положения страны: к этому времени Панджаб заперли британцы, поставив предел завоеваниям (махараджи были вынуждены раздавать джагиры уже из собственных земель. — [Семёнова, 1958, с. 117]). Глухая борьба за власть при дворе быстро переросла в продолжительную мясорубку, в которой погибли два махараджи и цвет сардарства. Однако, поскольку претенденты на власть стали привлекать к своим конфликтам армию, к ней она вскоре и перешла. К 1845 г. армейские *пангаты* пресекли начавшийся распад империи и поставили под жёсткий контроль сардаров и рани Джхиндан — регентшу при малолетнем махарадже Далипе Сингхе (1843–49)¹. Не силах избавиться от контроля сикхов-преторианцев сам, дарбар обратил взоры к ОИК.

К концу правления Ранджита Панджаб для буфера стал слишком сильной политией, и на британской повестке дня встал вопрос его ослабления. Сначала внутренние процессы в княжестве отвечали интересам ОИК. Когда в Лахоре развернулась борьба за власть, многие её участники увидели в могущественном соседе желательного союзника и, стремясь заручиться его поддержкой, сделали внешний, британский, фактор, внутривнутриполитическим (см.: [Punjab

¹ О степени этого контроля говорит расстрел солдатами брата рани — вазира и успешный шантаж её самой. Как отмечал в 1845 г. генерал-губернатор Г. Хардинг, принца Пешавара Сингха использовали *«как насос, с помощью которого солдатня выкачивает средства из казны. Она объявляет его сувереном всякий раз, как рани отвечает ей отказом. Когда она уступает, солдаты убирают его в сторону до следующего слугая»* [Punjab Papers, 1970, p. 81].

Papers, 1970, p. 56; Anglo-Sikh Relations, 1949, p. 117; Chopra B., 1969, p. 13)]¹. Их позиция контрастировала с позицией Ранджита: хотя во внешней политике «Льву Панджаба» приходилось уступать давлению ОИК, ему ещё удавалось не пускать её влияние внутрь княжества. Вместе с другим «Львом» — Майсура — Ранджит остался единственным в истории Индии правителем независимой политики, так и не принявшим британского резидента.

Однако выход хальсы из-под контроля дарбара сократил возможности ОИК воздействовать на ситуацию в Панджабе, тем более что в хальсе преобладали резко антибританские настроения. Прямо пропорционально влиянию армии в стране росла напряжённость в англо-панджабских отношениях. Ещё в 1840 г. политический агент в Лудхиане Дж. Кларк в донесении Окленду отметил «*подъём национального духа*» среди солдат-сикхов, видевших, что британцы обложили их страну со всех сторон (включая афганскую) [Punjab Papers, 1970, p. 37]. Недоверие сикхов усиливало то, что после войны в Афганистане ОИК вопреки обещанию не увела армию с панджабской границы. Более того, к 1845 г. она увеличила её до 40,5 тыс. [Private Corr-se, 1955, p. (63)], собрала на Сатледже крупный понтонный парк и даже предложила наместнику Мультана поддержку в конфликте с Лахором [Data, 1986, p. 217]. Уже в 1844 г. Элленборо в письме секретному комитету директоров охарактеризовал англо-панджабские отношения как «*вооружённое перемирие*» [Private Corr-se, 1955, p. 465].

Касаясь проблемы ответственности за развязывание первой англо-сикхской войны (1845–46), ранние имперские историки возлагали её всецело на хальсу [Gazetteer of Punjab..., p. 90; Gough, Innes, 1986, p. 58–60] и только чиновник ОИК Дж.Д. Каннингхэм в вызвавшей резонанс книге заявил тогда, что наращиванием военного присутствия на границе британцы спровоцировали сикхов на вторжение [Anglo-Sikh Relations, 1949, p. 112]. Позднее имперская историография по сути приняла это мнение, подчёркивая вместе с тем, что Компания вела военные приготовления с чисто оборонительной целью [Archbold, 1929, p. 548]. Наконец, индийские и советские специалисты безоговорочно называют агрессором ОИК [Hasrat, 1968, p. 17–18; Семёнова, 1958, с. 135]. В целом верно именно это утверждение², хотя британцы отчасти действительно считали, что готовят **превентивный** удар.

¹ Одной из жертв, которую преемники Ранджита принесли ради укрепления своих внутренних позиций, был рост сотрудничества с ОИК в англо-афганской войне. Махараджа Шер Сингх (1841–43) разрешил проход одной из её армий, закупки в Панджабе провианта и фуража и предоставил части для оккупации Джалалабада и охраны британских коммуникаций в Афганистане [Семёнова, 1958, с. 115–116].

² Ещё в апреле 1844 г. Элленборо писал, что только к ноябрю 1845 г. ОИК соберёт на границе достаточно сил, чтобы отразить возможное вторжение сикхов [Private Corr-se, 1955, p. 467]. Странное совпадение: это вторжение произошло как раз в декабре 1845 г., когда британцы полностью подготовились к нему (вернее, посчитали, что полностью готовы).

Вообще причин, по которым ОИК выбрала силовой вариант решения панджабского вопроса, было несколько. Во-первых, следует постоянно помнить контекст «Большой игры» с Россией. Ещё в 1829 г., будучи председателем контрольного совета, Элленборо считал (впрочем, необоснованно), что *«вторжение (России. — К.Ф.) в Индию на практике не просто осуществимо, а легко осуществимо, если мы не намерены действовать в качестве азиатской державы. Нам следует захватить Лахор и Кабул»* [Cavendish Bentinck, 1977, p. 381–382, п. 1]. Неудача в Афганистане лишь повысила актуальность для ОИК более плотного контроля над панджабским дарбаром, а его установление блокировала хальса.

Во-вторых, британцев серьёзно беспокоил успех в соседней политике армейского мятежа: они опасались, что сикхи подадут плохой пример их собственным сипаям, и не без оснований. Зимой 1843–44 гг. в Фирозпуре действительно вспыхнул мятеж, причиной которого было недовольство сипаев ОИК большой разницей между своим жалованьем и жалованьем в хальсе (соответственно 8,5 и 12,5 рупий в месяц) [Singh Kh., 1971, p. 56]. В марте 1844 г. Элленборо с тревогой отмечал: *«Пример мятежной армии в Лахоре, угрозами вымогающей прибавку к жалованью у своего номинального правительства, опаснее для нас, чем та же армия на поле боя»* [Punjab Papers, 1970, p. 71]. По иронии истории, именно сикхи после завоевания британцами Панджаба помогут им подавить восстание сипаев-хиндустанцев 1857–59 гг.

В-третьих, серьёзная недооценка степени самоорганизации хальсы навела генерал-губернатора графа Г. Хардинга (1844–48) на мысль о грядущем властном хаосе в Панджабе и сикхском варианте орд пиндхари, которые могут хлынуть через границу [Punjab Papers, 1970, p. 86]. Недопущение таких набегов и было одной из причин готовившегося британцами вторжения.

Однако началась англо-сикхская война вторжением самой хальсы, на что её спровоцировали британцы пограничным инцидентом, а подтолкнул дарбар по договорённости с ними [Grewal, 1999, p. 123]¹. Стороны руководствовались совместной целью, состоявшей в ликвидации опасной для обеих силы. Однако всю степень её опасности британцы осознали уже в ходе войны. Ещё в 1845 г. они называли сикхскую армию *«сбродом»* даже в официальных документах и никак не ожидали, что она посмеет вступить на рав-

¹ Первый раз дарбар обратился к ОИК за военной помощью против хальсы в январе 1845 г., но британцы ещё не стянули к границе достаточно сил и проигнорировали обращение. Тогда в феврале рани Джхиндан с сыном и братом попыталась бежать на британскую территорию. Однако, в отличие от попавшей в аналогичную ситуацию семьи Людовика XVI (которой удалось доехать хотя бы до Варенна), рани не удалось даже выехать из столицы. Правда, дальнейшая судьба рани Джхиндан оказалась менее трагичной, чем у Бурбонов: после захвата Панджаба британцы в 1846 г. лишили её власти, а позднее выслали в Чунар, откуда ей удалось-таки бежать — в Катманду.

ных в сражение с ними [Anglo-Sikh Relations, 1949, p. 120–121]. Оказалось же, что хальса — вполне достойный противник британцев. Выкованная Ранджитом военная машина была, возможно, сильнейшей в Азии [Chopra B., 1969, p. 423]: не случайно он подчинил больше мелких горных княжеств, чем все Моголы вместе взятые [Grewal, 1999, p. 105].

Вообще в войнах с ОИК наибольшего успеха добились те индийские правители, кто, как Хайдар Али и Джасвант Рао Холькар, в целом избегал решающих сражений, предпочитая партизанскую тактику. Сикхи были единственным исключением [Gough, Innes, 1986, p. 42] — благодаря своим великолепным боевым качествам, помноженным на обучение бывшими наполеоновскими офицерами. Учитывая это, сикхское сопротивление 1840-х годов можно назвать заgrabным выстрелом императора французов по Великобритании. Неудивительно, что временами поражение британцев казалось неминуемым. Например, в ходе тяжелейшей битвы при Фирозшахе Хардинг (находившийся при армии) уже подумывал об уничтожении своего частного архива [Moon, 1999, p. 597]¹. Только ценой колоссального напряжения сил ОИК удалось сломить мощь хальсы, причём немалую роль сыграла измена её главнокомандующего и вазира², а также — как и в Синде — связи британцев с индуистскими банковскими домами, сфера деловых интересов которых выходила за пределы Панджаба на территорию ОИК [Stein, 1998, p. 210].

После разгрома Панджаба в 1846 г. перед ОИК встала проблема: что с ним делать? Аннексию Хардинг исключил как финансово несостоятельное решение (расходы на вооружённые силы и администрацию превысили бы доходы страны на £ 1 млн) [Punjab Papers, 1970, p. 111]. Уйти британцы не могли себе позволить, поскольку к дарбару реальная власть уже не вернулась бы: либо возродилась бы мощь враждебной хальсы, либо произошёл бы распад страны, что лишало Компанию буфера. Последней оставалось сохранить в Панджабе военное присутствие и «*подрезать крылья*» сикхам [Punjab Papers, 1970, p. 101].

Поэтому, продолжая использовать страх дарбара перед хальсой, британцы фактически отстранили его от власти и заключили с Панджабом последний в истории ОИК субсидиарный договор³. В Лахоре оставался её оккупа-

¹ Чиновник ОИК Р. Темпл даже считал, что в случае победы сикхов при Фирозшахе ничто не смогло бы остановить их продвижение до Аллахабада, а если бы к ним присоединились гуркхи, британцам пришлось бы оставить и Бихар с северной Бенгалией [Кочнев, 1968, с. 124].

² Уже в начале войны вабир Лал Сингх запрашивал у британского агента в Фирозпуре капитана Николсона инструкции: как лучше расположить сикхские войска, чтобы вернее погубить их? [Private Corr-se, 1955, p. 494–495].

³ При этом ОИК обставила сохранение своих войск в Панджабе как большую уступку дарбару. Как писал Хардинг в декабре 1846 г., очень важно, чтобы инициатива продлить

ционный корпус и вводился пост резидента с полномочиями ни много ни мало «*направлять и контролировать ведение всех дел во всех государственных ведомствах*» до совершеннолетия Далип Сингха в 1854 г. [Aitchison, 1931, p. 56–58]. Как в 1847 г. писал королеве Виктории Хардинг, ОИК фактически аннексировала Панджаб, не взваливая на себя финансового бремени, а установив субсидиарную систему «*без её несправедливостей или пороков*» [Punjab Papers, 1970, p. 118]. В Панджабе как в пограничном княжестве генерал-губернатор не мог рисковать «плохим управлением» [Punjab Papers, 1970, p. 112], поэтому сделал для него исключение: субсидиарный статус политики не помешал британцам провести в ней комплекс реформ¹. С целью ослабления Панджаба ОИК отторгла у него Джалландхарский доаб и Кашмир, который продала радже Джамму Гулаб Сингху [Aitchison, 1931, p. 51–53].

Однако Хардинг (получивший после войны пышный титул «Лахорский») ошибся, заверив королеву, что «*военная мощь сикхов унижотжена навсегда*» и «*возродить её нельзя будет никогда*» [Punjab Papers, 1970, p. 118]. Несмотря на проведённое Компанией сокращение, в рядах хальсы ещё оставались 80 тыс. человек с 400 орудиями (Шастри в: [Семёнова, 1958, с. 150]). Очень скоро вспыхнула вторая англо-сикхская война (1848–49), которую, как и первую, спровоцировала сама ОИК, хотя на сей раз — не желая этого². Эта война оказалась для неё лишь ненамного легче, чем первая. Достаточно сказать, что при Чилианвале в 1849 г. британцы потерпели крупнейшее поражение за всю историю экспансии в Индии (потеряв до 3 тыс. человек). На общественное мнение в Великобритании оно оказало более серьёзное впечатление, чем даже крах в Кабуле, и герцог Уэллингтон сказал Нэпиру, тут же назначенному главнокомандующим: «*Если не поедете Вы, то остаётся мне*» [Moon, 1999, p. 616].

окупацию исходила от дарбара, и необходимо выставить напоказ нежелание британцев брать на себя тяжёлую ответственность. Начатый было вывод британских войск из Лахора имел одну цель — поторопить дарбар упросить британцев остаться [Private Corr-се, 1955, p. 12–15]. Расчёт оказался верным.

¹ Резидент Г. Лоуренс (1847–48) поставил *кардаров* под строгий контроль центра, приказал подготовить писанные гражданский и уголовный кодексы и стал высшей судебной инстанцией [Khilnani, 1972, p. 100, 105].

² В 1846 г. британцы увеличили размер дани Лахору полунезависимого дивана Мульта Мульраджа (с 13,7 до 19,7 лакхов) и тот подал в отставку. Резидент принял её, поскольку не попытавшись примирить наместника — хотя Мульрадж вряд ли серьёзно собирался отдать власть, будучи диваном уже во втором поколении. Для ОИК было неполитичным в то время принимать отставку популярного дивана [Khilnani, 1972, p. 126–128]. Такой шаг полунезависимого правителя в Азии часто был и считался лишь тактическим ходом, сделанным с целью поторговаться с центром (где понимали, что этот — официально — наместник обладает определённым собственным весом). Британцы же действовали с присущей их организации формальной рациональностью. В не до конца «замирённой» стране это оказалось контрпродуктивным.

Однако война охватила лишь Мультиан и часть правобережья Инда: сыграли роль снижение британцами налогов на 25% и упразднение *абваб*, занятие ими важнейших укрепленных пунктов и восприятие населением несикхских районов сикхов как завоевателей [Семёнова, 1958, с.149, 153].

Если в 1845–46 гг. формально ОИК воевала с объявившим ей войну дарбаром, но аннексировать страну не собиралась, то теперь положение стало противоположным: британцы действовали от имени контролируемого ими махараджи, зато целью Далхузи ещё в начале войны поставил именно аннексию. Его аргументация была простой: если регентский совет и сардары не контролируют враждебную британцам армию, то зачем они им? [Punjab Papers, 1970, p. 180]. Далхузи уже не считал британский Панджаб несамостоятельным, планируя отмену джагиров, полное разоружение сикхов вплоть до «металлических зубогисток» и упрощение на первых порах системы правосудия [Punjab Papers, 1970, p. 183]. Его главным мотивом была всё та же установка на отказ от косвенного управления в пользу прямого. Поэтому, используя титул Далипа для легитимации своих действий по окончательному разгрому хальсы, ОИК за ненадобностью перевела махараджу на пенсию [Aitchison, 1931, p. 59]. Панджаб стал провинцией Британской Индии, и за менее чем 10 лет британцы так «замирили» его, что он стал их важнейшим оплотом в борьбе с восставшими в Хиндустане в 1857 г. сипаями, — благодаря грамотной социально-экономической политике ОИК, резко контрастировавшей с близорукой политикой в аннексированном в 1856 г. Авадхе — крупнейшем очаге восстания (см.: [Khilnani, 1972; Pemble, 1977]).

С присоединением Синда и Панджаба ОИК дошла до естественных рубежей субконтинента, завершив то, что можно назвать англо-индийским раундом войны за могольское наследство (который начался ещё в середине XVIII в., вместе с англо-французским и афгано-маратхским раундами, тогда же и закончившимися). Хотя британская экспансия продолжится и после утраты Компанией власти — в виде второй (1878–81) и третьей (1919) англо-афганских войн и третьей англо-бирманской войны (1885), именно ОИК завершила в целом для Великобритании территориальное формирование её империи в Южной Азии¹.

¹ Взявшись решать, на чьей стороне справедливость, советские индологи загнали себя в любопытную теоретическую ловушку. Согласно марксистской идеологии, буржуазные революции и развитие капитализма в целом — прогрессивное явление, так как в долгосрочной перспективе приближает общество к пролетарской революции и социализму. Однако симпатии советских индологов неизменно были на стороне индийцев (в том числе князей), сопротивлявшихся британцам как колонизаторам. Между тем именно британцы принесли в Индию капитализм, а значит (согласно марксизму), объективно толкали ее развитие вперед, тогда как их противники консервировали прошлое (ведь даже те индологи, кто допускал наличие в Индии XVIII в. «зачатков капитализма», не

Закончить рассмотрение всей истории отношений ОИК с индийскими патримониальными политиями уместно взглядом на финал её отношений со старейшей из них. Следует помнить, что и в данный период почти все индийские политии, включая верховную державу — ОИК, по-прежнему *de jure* функционировали под эгидой Могольского султаната, хотя и превратившиеся давно в пустую скорлупу.

В 1820-е — 50-е годы позиция ОИК в отношениях с Тимуридами была сложной. С одной стороны, перед британцами стояла задача постепенно заменить понятие о верховной власти шаха понятием о верховной власти «Кампани Бахадур» («Почтенная Компания» в фарсиязычных грамотах). Однако, с другой стороны, поскольку имперской системы никто не отменял, ОИК официально властвовала именно в силу занимаемого поста вакиля-уль-мутлак, — как шахский подданный и чиновник¹. Вот почему основой политики ОИК в отношении своих царственных пенсионеров было всемерное ослабление, «замалчивание» их авторитета, но не ликвидация самого титула.

В русле политики по ослаблению престижа Могола британцы провели такие меры, как запрет ему в 1838 г. раздавать титулы и хилаты представителям знати (ещё в 1813 г. это право присвоила ОИК), постепенное прекращение к 1843 г. британскими чиновниками практики преподнесения ему назров [Panikkar, 1968, p. 32, 154–156]. С той же целью генерал-губернаторы требовали от Могола признания за ними равного шаху статуса. Поэтому не состоялась встреча с Акбаром II лорда Хейстингса, а лорд Эмхерст (1823–28) встретился с ним уже на равных. В 1835 г. ОИК заменила могольскую символику на чеканящихся ею монетах на портрет британского короля [Dodwell, 1929 (1), p. 606]. В рамках всё той же политики британцы в 1819 г. предложили навабу Авадха и низаму самим принять титулы падишаха, т.е. порвать с лояльностью Моголу. Его единоверец-суннит низам отказался выглядеть мятежником, а вот шиит наваб Гази-уд-дин, напротив, согласился основать собственный султанат². Так британцы успешно использовали в своих интересах механизм фитна.

могли отрицать факт ее отставания в формационном плане от Великобритании). Если бы советские индологи строго следовали логике и своей идеологии, им пришлось бы признать: сопротивлявшиеся британцам индийцы (включая Типу Султана и восставших в 1857 г. сипаев) представляли собой силы реакции.

¹ Не случайно при оглашении своих указов она (как и другие князья, признававшие Могола своим сувереном) пользовалась формулировкой: «*Народ принадлежит богу, страна — шаху, власть — Компании*».

² Впрочем, принятие им шахского титула никак не изменило характера англо-авадхских отношений. После коронации в 1819 г. Гази-уд-дин ожидал от британцев большего почтения, но тщетно. Увидев, что он в самом деле стал претендовать на императорский статус, резидент стал ставить шаха «на место» [Fisher, 1988, p. 18].

Последние шахи выражали недовольство по поводу такого обращения с собой. В 1830 г. Акбар II просил отправлявшегося в Лондон бенгальского социального и религиозного реформатора Раммохана Роя ходатайствовать перед королём и директорами об увеличении пенсии до 30 лакхов¹. В переданном для Георга IV письме Тимурид жаловался на неуважение к нему ОИК: *«Неужели моё право на соблюдение соглашения, которое было заключено с моей семьёй, уменьшается из-за того, что мои предки были велики и могущественны, а я — слаб и беспомощен, угнетаемый теми, кто делает мои слабость и упадок предлогом для своей несправедливости?»* [Husain, 1958, p. 126]. Директора согласились увеличить пенсию до 15 лакхов, но генерал-губернатор выдвинул условие, которого ни Акбар, ни сменивший его Бахадур-шах II (1837–57) так и не приняли, — увеличение касалось долей всех членов семьи, кроме самого шаха и его сыновей.

Если в самом начале XIX в. ОИК ещё нуждалась в шахе как символе имперской власти, то делийский резидент Ч. Меткаф (1811–19) уже считал, что лучшей политикой было бы лишить его всякой значимости [Cavendish Bentinck, 1977, p. 732]. «Холодная война» (выражение индийского историка М. Хусейна) шахов-пенсионеров с британцами по сути завершилась в 1844 г., — естественно, в пользу более сильной стороны, — когда Элленборо лишил шаха права сидеть на троне и созывать дарбар [Husain, 1958, p. 89].

Правда, это была уже скорее победа британского правительства, а не ОИК, и связана она была с подготовкой им ликвидации самой Компании (см. IV.2.3). Поэтому не удивительно, что цели государства и ОИК в отношении Тимуридов совпадали лишь частично. Оба стремились к значительному ослаблению престижа шаха. Однако, если директорам ОИК не была выгодна формальная ликвидация султаната, то правительство планировало **заменить** суверенитет Могола суверенитетом британского монарха. Однако ликвидировать одну лишь ОИК (в её роли индийского правителя) было неудобно: юридически взятие британским правительством на себя ответственности за управление Индией означало бы признание британской короной суверенитета Дели над собой. Несмотря на неоднократные постановления парламента (в 1813, 1833 гг.) о том, что суверенитет над индийскими владениями ОИК принадлежит Великобритании, он не мог своим актом лишить Компанию должности, данной Моголом. Поэтому необходимым условием ликвидации ОИК была предварительная ликвидация титула падишаха как суверена Компании в её политической ипостаси.

¹ Британцы выпустили Роя из Индии только как частное лицо. Как писал Бентинку секретарь ОИК П. Обер, не может идти и речи, чтобы Рой был аккредитован в Великобритании как посол Могола [Cavendish Bentinck, 1977, p. 647]. Того же мнения придерживались и директора, и сам Бентинк, и Меткаф [Cavendish Bentinck, 1977, p. 718, 732, 813–814]. Иными словами, суверену Индии отказывали в признании субъектом международного права.

Неудивительно, что директора ОИК, по-видимому, воспринимали могольский суверенитет как своего рода щит против «поползновений» парламента. Они понимали, что с ликвидацией султаната Компания как имперский вакиль-уль-мутлак Великобритании уже будет не нужна. Вот почему директора большинством в 19 голосов (из 23) отвергли предложение Далхузи упразднить титул шаха после смерти Бахадура II и выселить могольскую семью из Красного форта (к тому же они опасались недовольства мусульманского населения). Однако председатель контрольного совета Хобхаус заставил директоров санкционировать предложение генерал-губернатора [Panikkar, 1968, p. 171].

Формальное прекращение существования Могольской империи почти автоматически поставило бы на повестку дня вопрос о переходе управления Индией под власть другой короны — британской, не оставляя ОИК никакого *Lebensraum*. Таким образом, с определённого момента наступление на привилегии Могола стало означать наступление на привилегии Компании. Если прежде государство и ОИК всегда действовали вместе против султаната, теперь у ОИК и султаната (как в начале столетия — у ОИК и индийского купечества) оказались общие интересы, противопоставившие их обоим государствам. Более того — вместе государство их и прикончило.

Правительству не пришлось ждать смерти шаха. Внешнее событие — восстание 1857–59 гг. — ускорило гибель и султаната и ОИК, создав для этого достаточный накал страстей. В сентябре 1858 г. в результате принятия парламентом акта о переходе управления владений ОИК к британской короне (см. IV.2.3) бывший Могольский султанат стал Британской индийской империей. Так парламент одним ударом расправился и с тимуридской державой, и с Компанией-державой. Можно сказать, что восстание всё-таки уничтожило ОИК, пусть и послужив лишь предлогом для парламента.

Когда в мае 1857 г. восставшие против Компании сипаи заняли Дели, их офицеры присягнули Бахадур-шаху как законному правителю Индии (юридически так оно и было). По требованию сипаев шах назначил нескольких принцев их командирами. Шахзады и сами рвались в армию, решив попытаться счастья в войне с британцами [Ahsanulla Khan, 1958, p. 3–4]: они знали, что их привилегированная жизнь подходит к концу. Позиция самого Могола в этих событиях была двойственной. Хотя он и известил вице-губернатора Агры о восстании, вскоре стало казаться, что шах в самом деле считает себя лидером восставших на защиту веры от чужеземцев, которым он никогда по-настоящему не доверял¹. Однако, естественно, шахская власть

¹ В любом случае, после того, как сипаи перебили в присутствии шаха пятьдесят христиан, он стал в глазах британцев соучастником преступления и ему ничего не оставалось, кроме выполнения отведённой ему восставшими роли [James, 1997, p. 240].

при сипаях была столь же призрачной, сколь и при британцах [Hibbert, 1980, р. 270–274]. Достаточно упомянуть такой эпизод. Когда один из приехавших в восставший Дели мелких владетелей почтительно вошёл во дворец, он был шокирован, увидев, как рядовой сипай кричит Бахадур-шаху: «Эй, старик! Падишах! Послушай-ка», и, схватив его за рукав, что-то ему объясняет [Шаститко, 1967, с. 48]. Тимурид был нужен повстанцам лишь как символ, вокруг которого они могли бы сплотиться.

После взятия столицы в сентябре 1857 г. британцы застрелили трёх принцев, включая наследника престола, а позднее казнили ещё 26 [Husain, 1958, р. 405–406]. Сдача в плен Бахадур-шаха означала конец Могольского султаната¹. Процесс лишения шаха его статуса был доведён до логического конца: он был назван британским подданным и на этом основании обвинён в нелояльности («*not regarding his allegiance*») и судим в 1859 г. Британцы устроили над ним показательный процесс, чтобы продемонстрировать: даже Моголу сопротивление их власти не сойдёт с рук. Потомка Бабур-завоевателя осудили за участие в восстании и за то, что позволил провозгласить себя «*правлящим королём и сувереном Индии*» [Aitchison, 1931, р. 356], и приговорили к пожизненной ссылке в Рангун, где он и умер в 1862 г.² Символично, что вступил на престол последний могольский шах в том же году (1837), что и сменившая его в качестве суверена Индии британская королева Виктория.

С перерождением британского режима в колониальный претерпел изменения и характер англо-княжеских отношений. Как в экономической сфере ОИК, став верховной державой, была склонна всё меньше считаться с интересами купечества, так в политической — с интересами князей. Это выразилось в принятом в 1830-е годы курсе на отказ от косвенного управления. Параллельно с поглощением зависимых политий Компания укрепляла инструменты своего контроля над ещё сохраняющимися. Их набор по-прежнему включал контроль над налогами и назначением диванов, наличие клиентуры (особенно в этом отношении выделялся Авадх) и (в ряде княжеств) второго субсидиарного отряда, а также контроль резидента над придворным ритуалом.

В рассмотренный период княжества выполняли для ОИК две функции — финансовую (источник субсидий, займов, а также территориальных приоб-

¹ Конечной датой его существования чаще указывают 1858 г. [Синха, Банерджи, 1954, с. 434; Stein, 1998, р. 106]. Однако я считаю, что султанат погиб не с принятием в далёком Лондоне акта парламента о лишении ОИК власти, а с последовавшим за штурмом Дели арестом шаха, который надо трактовать как его свержение.

² Интересно, что, если свидетели-индийцы на суде почтительно называли шаха «Владыкой Вселенной», члены суда обращались к нему на «тум» (хиндустани «ты») как к низшему по положению [Hibbert, 1980, р. 388].

ретений) и — первоначально — социальную (торможение слишком быстрых социально-экономических изменений, вызванных втягиванием Индии в мировую капиталистическую систему).

Однако выгоды от ускорения этого включения к 1830-м — 40-м годам перевесили в глазах британцев опасность социального взрыва, исходящую от этого ускорения. Результатом и стала установка на аннексии, тем более что субсидиарную систему британцы стали воспринимать как угнетательскую.

Усилению контроля ОИК князья сопротивлялись по-разному: одни прибегали к жалобам, другие — к подкупу, и лишь немногие — к вооружённому отпору. Несмотря на растущее недовольство князей, их абсолютное большинство остались верными британцам во время восстания 1857–59 гг., так как им было что терять. Извлечённый из восстания урок заставил британцев отказаться от движения напролом в капиталистическое будущее и взять курс на сохранение косвенного управления. С отменой власти ОИК в 1858 г. отношение британских властей к князьям обрело значительную гибкость: проблема аннексии была снята путём свободного вмешательства британцев во внутреннюю жизнь княжеств с целью проведения там реформ.

Если рассматривать данный период под углом дальнейшей экспансии ОИК, то он ознаменован окончательным покорением территории Индии («имперский порыв-3»). К 1843 г. Компания поэтапно подчинила Синд, а к 1849 г. — Панджаб, оказавшийся достойным противником даже для неё. Хотя важным фактором этой экспансии стали внутрииндийские дела, в значительной степени она была связана и с англо-русским геополитическим соперничеством.

Вообще характерно, что на протяжении всей истории отношений ОИК-державы с индийскими патримониями на эти отношения постоянно существенно влиял геополитический фактор соперничества Великобритании с континентальной европейской (Францией в XVIII — начале XIX в.) и затем евразийской (Россией с 1830-х годов) державой (а на короткое время — царствование Павла и сразу после Тильзита — эти две державы потенциально угрожали Британской Индии вместе). И пусть уже после 1761 г. опасения британцев всякий раз были преувеличенными, они давали их экспансии реальный мощный импульс. При этом в XIX в. возникла любопытная ситуация: морской державе Великобритании приходилось в Индии всё больше приобретать черты континентальной державы во многом ради того, чтобы не дать другой континентальной державе — России — стать полноценной морской державой (получив выход к Индийскому океану). Инструментом Великобритании на первом этапе «Большой игры» и служила ОИК.

История отношений ОИК с индийскими патримониями завершилась в 1858 г., когда в ходе антибританского восстания парламент Великобритании заменил власть Компании властью короны. Компания всего лишь на год пе-

режила Могольский султанат — общеиндийскую политику, от которой она получила в Индии большинство своих торговых и административных привилегий. Это стало логическим результатом развития ситуации в Великобритании, где в противостоянии с государством ОИК с 1784 г. постоянно отступала.

IV.2. Отступление в Великобритании: Компания и государство в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.

IV.2.1. От потери независимости к потере торговой монополии (1784–1813)

Попытка Георга III стать главной политической фигурой не удалась, кабинетная система продолжала развиваться, и логика событий привела к тому, что король (как и Сити) должен был поддерживать Питта-младшего, противостоявшего вигской аристократии [Plumb, 1978, р. 191]. Именно в премьер-министерство Питта реальная власть окончательно перешла от короля к парламенту. С 1784 г. отрицательный вотум палаты общин против правительства неизбежно влечёт его отставку либо её роспуск. К концу XVIII в. в Великобритании завершилось складывание системы партийного управления [Водовозов, 1912, с. 64–65]. Питт находился у власти до самой смерти в 1806 г. (с перерывом в 1801–04 гг.). Он возродил партию тори, а привлечение в неё многих вигов (включая Бёрка) превратило «новых тори» в выразителя интересов всей земельной аристократии страны. Это обеспечило тори непрерывное нахождение у власти до 1830 г.

После 1784 г. отношения государства с ОИК по поводу управления Британской Индией носили характер неравноправного партнёрства. Государство, являясь старшим партнёром, продолжало вести постепенное наступление на политические полномочия Компании — как по «праву сильного», так и пользуясь их юридической неясностью. Акт Питта нечётко разграничил полномочия директоров и контрольного совета, что давало последнему возможность вторжения в пограничную сферу этих полномочий (облегчало это тесное переплетение властной и коммерческой сфер деятельности ОИК).

Механизм партнёрства функционировал довольно гладко до самого лишения ОИК управления Индией в 1858 г. Однако предшествовала этому сотрудничеству попытка сходу прикончить Компанию, совершённая той самой партией, что спасла её в 1784 г. Через четыре года после принятия акта Питта его автор попытался отменить его. В 1788 г. правительство, решив, что

набрало достаточный политический вес и «забыв» собственную уничтожающую критику плана Фокса, по сути пошло по его стопам. Дандас дал указание солиситору контрольного совета подготовить билль, по которому ОИК теряла бы административную власть и патронаж, а сам Дандас становился бы министром по делам Индии. Питт же заявил в парламенте, что целью акта 1784 г. было полностью отобрать у ОИК её политические функции.

Однако аналогичный вигскому радикальный проект новых тори вызвал бурю аналогичной же критики: виги вновь взяли на себя уже привычную им задачу оппозиционеров — защищать Компанию. Фокс верно отметил, что если сам он открыто пытался передать правительству патронаж ОИК, то Питт имеет целью то же самое, но использует закулисные методы. В результате правительству пришлось не только оставить идею перехода управления, но и включить в проект Пояснительного акта 1788 г. (уточнявшего порядок предоставления ОИК королевских войск) специальные положения, гарантирующие его невмешательство в патронаж директоров [Philips, 1940, p. 57–59].

После неудачной попытки по горячим следам закрыть вопрос ОИК раз и навсегда правительству имело смысл настраиваться на длительную работу вместе, что оно и сделало. Как и сама ОИК в отношении зависимых от неё политий в Индии, государство располагало целым набором инструментов контроля над Компанией. В их число входили: специально созданный для этого официальный орган — контрольный совет по делам Индии; зависимость ОИК от помощи королевских армии и флота и от правительственных займов; игра на противоречиях различных группировок директоров и акционеров ОИК; зависимость Компании от парламента в продлении её торговой монополии.

Семнадцать лет (1784–1801) во главе контрольного совета стоял Дандас, приобретший огромное влияние на ОИК благодаря своей компетентности (глубоко вникая в индийскую проблематику, он знал её, как немногие члены самой Компании) и постоянной поддержке Питта — своего близкого друга [Marshall, 1968, p. 49]. Он и стал первым «цензором» ОИК, начав с ней «битву чернил» (изменения в черновики приказов, пересылаемые директорами для прочтения, контрольный совет вносил красными чернилами) [Philips, 1940, p. 19]. Согласно акту Питта, контрольный совет надзирал за всей деятельностью ОИК в её политической ипостаси и последнее слово было за ним. Например, он указывал директорам, какие суммы следует отпускать на строительство и содержание военных укреплений в Бенгалии [Scott D., 1951, p. 343]. Когда поделились мнения директоров относительно целесообразности введения в Бенгалии системы заминдари разделились, именно позиция Дандаса решила дело [Moon, 1999, p. 237]. В случае неповиновения директоров воле контрольного совета последний мог привести в

действие механизм принуждения, которым он располагал. Как писал Дандас своему другу директору Д. Скотту в 1796 г. (в связи с требованием офицеров бенгальской армии ОИК реформировать систему продвижения по службе), он *«был бы рад узнать имена тех (директоров. — К.Ф.), кто отказался подписать письмо... для них было бы неплохо вспомнить, что существует такая вещь, как приказ (mandatus) суда королевской скамьи или обвинение в преступлении, заключающемся в неповиновении тёткому приказу акта парламента»* [Scott D., 1951, p. 61].

Однако на практике степень влияния совета выходила далеко за установленные Индийским актом рамки. Пожалуй, наиболее наглядным выражением неравноправия партнёров по управлению Индией был тот факт, что уже при Дандасе правительство фактически отняло у ОИК право выдвижения кандидатур на высшие посты в президентствах, хотя акт Питта этого не предусматривал. Логично, что генерал-губернаторами с этих пор становились, как правило, государственные деятели, а не служащие ОИК. За всю её историю кроме Хейстингса на этот пост попали лишь трое её служащих — Шор, Барлоу и Дж. Лоуренс, да и то их назначение было бы невозможным без согласия правительства [Roberts, 1952, p. 237]¹. Переписка с Дандасом уже первого после принятия акта генерал-губернатора — Корнуоллиса — показывает, что он воспринимал себя скорее государственным чиновником, нежели служащим ОИК (см.: [Indian Const. Documents, 1948, p. 109–117])².

С расширением сухопутной экспансии ОИК не могла обойтись без военной помощи правительства: ударной силой англо-сипайских войск всегда были европейские части, а европейских отрядов самой Компании для поддержания надлежащего численного соотношения с сипаями не хватало. Это давало в руки государства ещё один рычаг контроля над ней. Не случайно в 1788 г. директорам пришлось уступить правительству в вопросе об отправке в Индию королевских войск: право судить о целесообразности отправки перешло

¹ Правда, вмешательству последнего существовал предел. Когда в 1806 г. директора назначили Барлоу, правительство У. Грэнвилла (1806–07), уже давшее на это согласие, вдруг воспользовалось (впервые) своим официальным правом отозвания генерал-губернатора, чтобы предложить собственную кандидатуру (лорда Лодердэйла). Директора возмутились такой бесцеремонной демонстрацией государственного контроля (к тому же Лодердэйл в 1783 г. поддерживал билли Фокса) и пригрозили инициировать парламентское расследование завоевательной политики Уэлсли (заручившись поддержкой 928 акционеров). Правительству пришлось пойти на компромисс: директора согласились утвердить любую его кандидатуру, кроме Лодердэйла. Генерал-губернатором был назначен граф Минто [Philips, 1940, p. 144–150].

² Хотя акт 1784 г. не предусматривал (причём категорически) и участия правительства в патронаже директоров, для председателя контрольного совета им пришлось сделать исключение, разрешив ему назначать определённое число писарей и младших офицеров ОИК [Marshall, 1968, p. 48–49].

к контрольному совету (тогда как оплачивать войска продолжала ОИК) [Dodwell, 1929 (3), p. 314–315]. Таким образом, субсидиарный характер носили отношения ОИК не только с индийскими князьями, но и в известном смысле — с государством, но здесь клиентом выступала сама Компания.

Весьма действенным инструментом государства было кредитование ОИК. К 1780 г. она погасила взятый у него в 1773 г. долг. Однако вскоре последовали другие займы и Компания из кредитора правительства стала его хроническим должником. Создать такую ситуацию правительству помог административный рычаг.

Превращение ОИК в державу неизбежно привело к росту её долга в Индии (£ 8 млн в 1786 г., £ 32 млн в 1808 г. — [Stein, 2003, p. 82]). Перевод этого долга в Великобританию, где Компания могла бы погасить его, представлял для неё серьёзную проблему, над решением которой она билась более полувека¹. В 1785 г. Компания приняла план погашения долга, выдвинутый Дандасом, но он не предусматривал ни увеличения экспорта драгоценных металлов в Индию, ни повышения вексельного курса. План Дандаса привёл к противоположному результату: в 1786 г. директорам пришлось просить у парламента новый заём в £ 800 тыс., а через 3 года — уже £ 1 млн. Как считает С.Х. Филипс, истинной целью этого намеренно непродуманного плана было именно нанесение ОИК финансового ущерба: ведь каждый новый заём ухудшал её сделочную позицию по отношению к государству в любом вопросе [Philips, 1940, p. 46–48].

В 1802 г. аналогичный план подсунул Компании председатель контрольного совета виконт Каслри (1802–06) — с аналогичным результатом. Ослабление экономической мощи ОИК (см. ниже) привело к тому, что в 1807–12 гг. она была вынуждена постоянно просить у казначейства в долг (всего £ 6 млн). В такой ситуации директора не могли отказать правительству в требовании предоставлять суда для королевского флота и даже дать согласие на ослабление монополии — разрешить британским частным купцам прямую торговлю между мысом Доброй Надежды, Цейлоном и Новым Южным Уэльсом [Philips, 1940, p. 156].

Трудно переоценить такой инструмент государственного контроля, как использование внутренней раздробленности ОИК, наличия в ней противоборствующих фракций. К 1784 г. таких фракций было три — лобби Сити, судовое и индийское лобби. С ростом правительственного влияния к ним

¹ Усугубляло ситуацию то, что служащие ОИК не хотели переводить на родину составленные в Индии состояния по её же каналам. Использование векселей на Лондон самой Компании не устраивало «набобов» из-за их гласности (они не хотели разглашать объём и источник своих состояний), нехватки у Компании средств (в 1773 г. она установила предел в £ 300 тыс.) и невыгодного обменного курса [Marshall, 1976, p. 222–223]. Поэтому они предпочитали переводить деньги, вкладывая их в торговлю ОИК других европейских стран.

добавилось министерское. В 1788–95 гг. Дандас провёл в совет директоров 6 собственных ставленников, а в собрании акционеров мог рассчитывать на 200–500 голосов; в частности, он имел поддержку лобби финансистов Сити [Philips, 1940, р. 49, 62]. Председатель контрольного совета пользовался тем, что их интересы не всегда совпадали с интересами Компании, выходя далеко за их пределы¹.

Не следует думать, однако, что ОИК сдавала свои позиции без боя. Как подчёркивает С.Х. Филипс, когда директора, почувствовав угрозу интересам Компании в целом, действовали единым фронтом, они успешно отбивали атаки правительства. Речь идёт о коротком периоде 1801–06 гг. В 1801 г. Дандасу и Скотту не удалось провести в собрании акционеров ОИК решение допустить в её торговлю построенные в Индии суда (что удешевило бы предусмотренный в 1793 г. фрахт частными купцами судов Компании. — см. ниже). Судовое лобби не допустило дальнейшего сужения монополии, заручившись поддержкой $\frac{4}{5}$ числа акционеров [Philips, 1940, р. 110–111, 151].

ОИК не только оборонялась, но и — в отдельных случаях — наступала. У неё тоже имелся инструмент — пусть не контроля, но воздействия на старшего партнёра. Хотя к концу XVIII в., превратившись в должника государства, Компания уже утрачивала роль одного из стержней кредитной системы страны², усилился другой рычаг её влияния — «ост-индское» лобби в палате общин. Представители ОИК, как сказано выше (III.2.2), помогли Питту против Фокса на выборах. Рассчитывая на их поддержку и в дальнейшем, в определённой степени премьер-министр зависел от них и считался с ними³. Ещё больше пришлось это делать сменившему Питта Г. Эддингтону (1801–04), позиции которого были шаткими. Сориентировавшись в политической ситуации, директора пошли в атаку и добились успеха: им удалось отозвать Уэлсли, который постоянно пускал присылаемые ими средства не на закуп-

¹ Пример несовпадения интересов ОИК с интересами её акционеров (хотя и относящийся к немного более позднему периоду): если в 1793 г. директор Ф. Бэринг защищал монополию ОИК, то к 1807 г., став банкиром правительства США, он начал резко критиковать попытки Компании ограничить американскую торговлю с Британской Индией [Webster, 1990, р. 415].

² Прямо пропорционально росту значения Английского банка, банкноты которого к этому времени стали единственным средством платежа в Лондоне, вытеснив банкноты других банков [Crevelde, 1999, р. 230].

³ Правда, нередко они преследовали собственные интересы, используя его поддержку в межфракционной борьбе в ОИК. Поскольку среди них было немало частных кредиторов Мухаммада Али, Питт не случайно взял их сторону в их конфликте с Саливаном (пытавшимся спасти ресурсы наваба для самой Компании) и санкционировал полное погашение долгов наваба [Marshall, 1968, р. 38]. Бёрк открыто назвал это платой за поддержку Питту на выборах [Roberts, 1961, р. 95] и был прав, хотя надо помнить, что использование подобных методов в политике XVIII в. было правилом, а не исключением.

ку товаров, а на военные кампании. При Питте директора не могли отозвать Уэлсли (хотя официально такое право у них было), поскольку тот пользовался мощной поддержкой правительства [Scott D., 1951, p. 355; Wellesley Despatches, II, p. 102]. Однако Эддингтон, для которого поддержка «ост-индских» членов парламента значила намного больше, чем для Питта, по сути «сдал» генерал-губернатора директорам. Сыграло роль и то, что к 1806 г. численность «ост-индского» лобби в палате общин достигла пика — 103 человек [Philips, 1940, p. 137, 151].

И всё же инструменты государства были более действенными. Наиболее эффективным из них было продление парламентом срока её монопольной хартии, поскольку в такие моменты Компания оказывалась в подвешенном состоянии. Если прочие инструменты позволяли правительству вносить лишь количественные изменения в характер отношений с ОИК, то в моменты принятия новых актов по Индии происходили качественные скачки.

Первое после 1784 г. такое рассмотрение имело место в 1793 г., когда подошёл к концу срок действия хартии, продлённый в 1781 г. Интересно, что с этого времени британские государственные деятели как-то самим собой разумеющимся считали факт, что парламентская хартия является основанием не только торговых привилегий Компании, но и её власти в Индии — тогда как строго юридически ОИК владела индийскими территориями лишь постольку, поскольку являлась могольским чиновником.

К 1793 г. крепнущие промышленники и связанные с ними частные купцы Великобритании стали просить парламент отменить монополию ОИК, тормозившую расширение сбыта их товаров. К этому времени соотношение производительности труда британских хлопчатобумажных фабрик и индийских прядильщиков и ткачей уже составило 400 : 1 [CPC, 1969, p. XXII]. Позиция правительства по этому вопросу была неоднозначной, что отразилось в речи Дандаса в палате общин в ходе дебатов 1793 г.

Сначала председатель контрольного совета выступил в защиту и права ОИК на управление, и её монополии, подкрепив своё мнение типичными аргументами, которые выдвигали обычно директора. Аргументами Дандаса в пользу сохранения управления были следующие.

Во-первых, по-прежнему имел огромную силу аргумент о патронаже: если это право отобрать, сказал Дандас, его *«вес был бы слишком большим для равновесия нашего правительства и мог бы оказаться опасным духу конституции»*, тем более, что Компанию уже поставили под государственный контроль [НРНЕ, XXX, p. 667]. Во-вторых, Великобритания уже получала индийские налоги, пусть и косвенным путём — посредством торговли ОИК¹

¹ ОИК платила за индийские товары индийскими же деньгами (своими налоговыми поступлениями).

[НРНЕ, XXX, р. 674]. В-третьих, разделение коммерческих и административных функций ОИК представляло собой значительную трудность, поскольку обе выполнялись одними и теми же чиновниками; к тому же эта мера могла отрицательно повлиять на платёжеспособность Компании по долгам и на её торговлю (так как она могла черпать для этого средства из своих доходов как политики) [НРНЕ, XXX, р. 664]. В-четвёртых, переход власти к короне мог поколебать лояльность британцам подвластного населения и верность князей договорам с ними: *«все туземные князья и государства, которые возникли на руинах той империи (Могольской. — К.Ф.), укрывались за формами павшего правительства... именно на этих правах зиждится британская власть в Азии. Раз туземцы Индии так поклоняются теням своих усопших монархов, было бы мудрым или политически грамотным лишать их этих чувств и предубеждений?»* [НРНЕ, XXX, р. 665]. Тем более правительство не было расположено проводить радикальные эксперименты во время войны с революционной Францией (начавшейся в 1792 г.). В-пятых, председатель контрольного совета указал на заслуги ОИК в сфере управления: по его словам, состояние сельского хозяйства на её территориях выгодно отличалось от состояния в соседних княжествах, поступления от налогов и торговли стабильно росли, к тому же Компания *«достойно и выгодно завершила»* последнюю войну с Майсуром [НРНЕ, XXX, р. 665]. Как подытожил Дандас, ничто не может быть *«безопаснее нынешней системы, которая выдержала испытание практикой»* [НРНЕ, XXX, р. 666]. Позицией правительства было: от добра добра не ищут.

Затем Дандас перешёл к аргументам в пользу монополии ОИК. Во-первых, монополия была залогом сохранения перевода в Великобританию средств (которые индийские и советские исследователи называют данью Индии). По мнению Дандаса, это позволяла пока лишь торговля одной крупной организации — *«самого безопасного орудия»*, с помощью которого как она сама, так и общество могли получать прибыль из Индии [НРНЕ, XXX, р. 675]. Во-вторых, Дандас указал на отнюдь не радужные перспективы сбыта в Индии британского сукна из-за жаркого климата и кастовых установок [НРНЕ, XXX, р. 677]. В-третьих, разрешить свободную торговлю значило разрешить колонизацию Индии британцами, а это было чревато их конфликтами с индийцами из-за жилья и занятости, *«искоренением чувства природного превосходства британцев, которое столь распространено среди туземцев»*, притоком авантюристов в армии маратхов и Типу и даже их снабжением частными купцами боеприпасами [НРНЕ, XXX, р. 675–677]. В-четвёртых, сыграли роль военные соображения: в случае отмены монополии частные купцы, не обладавшие, в отличие от ОИК, внушительной военно-морской силой, серьёзно пострадали бы от французских каперов [Philips, 1940, р. 79]. Не лишне вспомнить, что последние соображения оказали су-

щественное влияние на позицию правительства в аналогичной ситуации ещё в 1657 (в разгар противостояния с Нидерландами) и в 1702 г. (во время войны за испанское наследство).

Тем не менее, назвав ОИК *«крупнейшим колесом британской торговли, дающим пищу промышленности и богатство регулируемому предпринимательству»* [НРНЕ, XXX, р. 678], Дандас признал частичную правоту противников монополии. Компанию обвиняли в пренебрежении интересами отечественной промышленности: фабрикантов не устраивал объём экспортируемой ею их продукции и импортируемого для их нужд сырья. Кроме того, критики отмечали пагубность для британской торговли в Индии отсутствия стимулов для служащих ОИК переводить состояния на родину с помощью векселей Компании, что заставляло служащих пользоваться услугами купцов других европейских стран [НРНЕ, XXX, р. 682].

Изложив аргументы в пользу ОИК и жалобы её противников, Дандас предложил компромисс между ними. Он заключался *«во внедрении свободной торговли в особые привилегии Компании»*, т.е. в ослаблении монополии. Целью Дандаса было не только предотвратить вражду между ОИК и частными купцами, но и обеспечить вторым защиту первой [НРНЕ, XXX, р. 683–684]. Предложенную им новую систему торговли Дандас назвал *«регулируемой монополией»* [Documents / Marshall, 1968, р. 215]. В политической сфере правительство предполагало сохранить *status quo* в отношениях ОИК с государством, причём на тот же срок, что и торговую монополию — 20 лет [НРНЕ, XXX, р. 684–685].

Экономический компонент билля Дандаса, похоже, устраивал всех¹, но политический подвергся критике оппозиции. Фокс обвинил правительство в превращении директоров в *«простые инструменты министра»* [НРНЕ, XXX, р. 942]. В 1793 г. повторилась политическая ситуация 1773 г. (тори у власти, виги в оппозиции) и вновь сработала логика межпартийной борьбы: виги защищали ОИК исключительно потому, что не находились у власти сами. Двойной стандарт Фокса был настолько очевиден, что Питту без труда удалось отвести его критику.

Фокс сам облегчил ему задачу, начав сравнивать билль Дандаса с собственным десятилетней давности. Перехватив инициативу, Питт напомнил палате, что Фокс посягал на весь патронаж ОИК, планируя ежегодно заполнять не менее 400 должностей в Индии по воле государственных комиссаров, а не директоров. Этот патронаж нарушил бы равновесие в системе *«корона — кабинет»*, угрожая первой, если бы *«партия находилась в оппозиции,*

¹ По словам Питта, в феврале того же года Фокс сам *«предлагал промышленникам выдвинуть свои требования, а Компании — разработать средства, с помощью которых эти требования могли быть удовлетворены»* [НРНЕ, XXX, р. 945].

и добавляясь к её влиянию в слугае её нахождения у власти. По этому вопросу, однако, общественное мнение в своё время было составлено и с тех пор не изменилось" [НРНЕ, XXX, р. 947–948].

Ещё в дебатах представляет интерес речь Фрэнсиса, который по-прежнему защищал идею суверенитета британской короны над Индией, вложенную в него ещё Клайвом [НРНЕ, XXX, р. 686–687]. Фрэнсис остался глух к доводам Дандаса против лишения ОИК управления, явно переоценивая военно-политическую мощь британцев в Индии в то время. Провозглашение прямой власти британской короны над территориями Компании означало бы открытый вызов могольскому суверенитету, и не исключено, что оно сплотило бы против британцев всех их индийских соседей. (Даже Уэлсли будет расправляться с ними только по очереди.) В истории Великобритании началось тяжелейшее время — финальный этап борьбы с Францией, теперь уже эпохи революции и первой империи, за гегемонию. Даже Великобритания с её самой эффективной в Европе системой государственного кредита едва ли могла позволить себе финансовое напряжение такого масштаба.

Важнейшим нововведением принятого в 1793 г. акта о хартии стала «регулируемая монополия»: парламент обязал ОИК ежегодно *«выделять по меньшей мере три тысячи тонн из общего тоннажа флота (он составлял тогда 81 тыс. т [Reid, 1947, р. 147]. — К.Ф.) со специальной целью провоза в Ост-Индию таких товаров..., какие могут быть законно экспортированы туда отдельными лицами; и с целью провоза обратно вырузки от них, а также товаров других лиц, полузивших право импортировать их в это королевство...»* [Documents / Marshall, 1968, р. 217]. Акт установил умеренные размеры фрахта — £ 5 за тонну при транспортировке в Индию и £ 15 — при транспортировке обратно [Documents / Marshall, 1968, р. 217–218]¹. В обязанности контрольного совета вошли наблюдение за выполнением этого положения, а также ежегодное представление парламенту не только налогового, но и торгового бюджета ОИК ввиду переплетения двух сфер (отчёты о доходах Компании лишь как политике давали неверное представление о состоянии её финансов в целом) [Philips, 1940, р. 65, 77–78]. Кроме того, в контрольном совете появилась оплачиваемая должность председателя (до этого совет *ex officio* возглавлял один из министров, «профессионально» не занимавшийся Индией). Её и занял Дандас, который знал индийские проблемы лучше большинства членов ОИК, фактически возглавлял контрольный совет и до этого и пробыл его председателем до конца первого премьер-министерства Питта в 1801 г.

¹ В использовании канала частной торговли внутри ОИК Дандас видел и сферу вложения средств её служащих, стремящихся переводить свои деньги на родину [НРНЕ, XXX, р. 683].

Акт Дандаса стал компромиссом между ОИК и укреплявшейся промышленной буржуазией, причём роль арбитра в их противостоянии, естественно, играло правительство. Столкнувшись с взаимоисключающими требованиями сторон, оно проявило незаурядную гибкость, предложив схему «регулируемой монополии». Сначала ОИК враждебно отнеслась даже к этой умеренной идее, и перед дебатами в парламенте Дандасу пришлось пустить в ход и кнут и пряник. С одной стороны, он пригрозил в случае неуступчивости вообще отменить монополию¹. С другой стороны, акт 1793 г. поднял дивиденд с 8 до 10% [Собрание актов, 1843, с. 73]. Следует подчеркнуть, что закрепление размера дивиденда акционеров ОИК парламентом уже не воспринимали как посягательство на корпоративные права. По сути ОИК таким образом платила государству за продолжение власти над Британской Индией. Поскольку в 1784 г. обе стороны по сути признали заявление Клайва (из письма Питту-старшему), что эта власть слишком велика для торговой организации, фиксация дивиденда была некой платой Компании за свою двойственную природу и оборотной стороной аргумента (в пользу ОИК) о невозможности разъединить её функции.

Несмотря на подтверждение монополии ОИК, к концу XVIII в. правительство всё внимательнее относилось к последствиям ускоряющейся промышленной революции, которая, как подчёркивает Х. Паркин, была **социальной** революцией [Perkin, 1969, p. 107]. Поэтому оно не могло не принимать мер к дальнейшему ослаблению монополии, получившей первый, пусть несильный, удар в 1793 г. Вообще идеалом для Дандаса, его друга Скотта (председателя ОИК в 1796–97 и 1801 гг.), а также Уэлсли была такая Британская империя, части которой были бы связаны между собой экономическими узами свободной торговли [Tripathi, 1979, p. 74]. Этим, помимо прочего, объясняется их наступление на привилегии судебной олигархии внутри ОИК.

К 1770-м годам в ОИК сложилась система «наследственных днищ», при которой лишь узкая группа судовладельцев сдавала ей в аренду суда. Однако к 1790-м годам в Компании появилось «новое судебное лобби», выступавшее за расширение круга таких судовладельцев. Из-за высокой цены (£ 35 за тонну) эта система аренды была по интересам ОИК в целом, и к 1799 г. она при поддержке контрольного совета ликвидировала засилие судебных мо-

¹ В письме председателю ОИК Ф. Бэрингу от 16 февраля 1793 г. Дандас писал: «если Ост-Индская Компания не будет способствовать достижению этих основных целей (экспорт британских товаров и импорт индийского сырья. — К.Ф.), предоставляя фрахт по более дешёвой цене, тем это может сделать любой индивид на своём собственном судне, это докажет следующее: утверждение о том, что торговля Компании ведётся не на подлинно коммерческих принципах, является более обоснованным, чем я расположен считать в настоящее время» [Documents / Marshall, 1968, p. 216]. Впрочем, перегибать палку Дандас остерегался, помня о парламентском рычаге воздействия ОИК на правительство.

нополистов. Уже к 1800 г. благодаря этой реформе Компания сэкономила £ 130 тыс. [Philips, 1940, p. 80–100]. Повторилась ситуация начала века: определённая часть «выключенной» из восточной коммерции торговой буржуазии одержала победу, влившись в ряды ОИК, после чего ей стало уже невыгодно бороться за свободную торговлю. Закрытый круг судовладельцев лишь расширился, но не исчез [Scott D., 1951, p. 196]. Вне ОИК осталось немало судовладельцев, желавших приобщиться к торговле с Востоком.

Однако, как сказано выше, Дандасу и Скотту не удалось развить успех — допустить к торговле между Азией и Великобританией суда, построенные в Индии (что самовольно уже начал делать Уэлсли): против этого встали насмерть все судовладельцы ОИК, и «старые» и «новые». Тем не менее, в 1802 г. ей под давлением правительства пришлось увеличить квоту частным купцам с 3 до 5 тыс. т [Philips, 1940, p. 115].

Параллельно с наступлением на монополию государство предпринимало меры по ужесточению контроля над ОИК в политической сфере. В 1799 г. государство присвоило право комплектования европейских частей ОИК [Ilbert, 1898, p. 74], а в 1800 г. — право изменять границы между её президентствами (парламент обсуждал билль о **делегировании** этого права директорам) [Scott D., 1951, p. 276]. Самым серьёзным в это время вторжением правительства в деятельность ОИК как администратора стало основание в Калькутте колледжа.

Несмотря на то, что ОИК давно была политией, образование и иерархия её служащих оставались коммерческими (даже её налоговые и судебные чиновники продолжали называться писцами, факторами и купцами). Уэлсли решил привести систему образования в соответствие с реальностью и в 1800 г., не спрашивая директоров (своё непосредственное начальство), учредил колледж форта Уильям для подготовки служащих ОИК к квалифицированной административной работе. Однако тем самым Уэлсли покусился на *sanctum sanctorum* директоров — патронаж, так как намеревался сам решать, куда отправлять служить выпускников колледжа [Embree, 1962, p. 191].

В связи с этим между контрольным советом (поддерживавшим Уэлсли) и директорами вспыхнул очередной конфликт по поводу разграничения предметов ведения. Каждая сторона настаивала, что образование служащих находится в сфере именно её компетенции [Documents / Marshall, 1968, p. 137]. Конфликт завершился по сути победой директоров: после отставки Каслри и Уэлсли они свели калькуттский колледж к школе бенгальского языка¹. Одна-

¹ В связи с этим Каслри писал: «если контрольный совет не уполномочен вмешиваться по таким вопросам, бесполезно говорить о верховной власти государства над Индией, и, следовательно, надо обратиться к парламенту за дополнительными полномочиями» [Scott D., 1951, p. 424]. Дандас вообще полагал, что с момента его отставки директорам «позволили слишком многое делать по-своему» [Scott D., 1951, p. 424].

ко директора понимали назревшую необходимость реформы образования и в 1807–09 гг. сами учредили два колледжа, но в Великобритании (гражданский в Хейлибёри и военный в Эддискомбе). Примечательно, что только с установлением государственного контроля над ОИК стали предприниматься шаги по превращению её служащих в профессиональных администраторов — причём руками именно ставленника государства¹.

Все мероприятия Уэлсли по сути имели целью лишить ОИК и торговой монополии, и власти в Индии. В коммерческой сфере он поощрял деятельность частных купцов, а в административной стремился вывести чиновников Компании из-под контроля директоров². Чрезвычайно недовольны были директора и завоевательной политикой генерал-губернатора, так как она приносила одни убытки. В 1802–08 гг. индийский долг ОИК вырос почти вдвое (с £ 18 млн до £ 32 млн) [Philips, 1940, p. 155]. По мнению директора Чарлза Гранта (доминирующая фигура в ОИК в 1803–23 гг.), территориальные завоевания Уэлсли были *«великолепной дорогой к краху»*, к которому приводили всех завоевателей попытки объединить под своей властью всю Индию [Embree, 1962, p. 209].

Это было столкновение двух принципов — коммерческой корпорации и становящейся мировой колониальной империи. Директора по-прежнему мыслили бухгалтерскими категориями краткосрочных прибыли и убытка, справедливо не видя быстрой финансовой отдачи от имперской экспансии. Уэлсли же мыслил категориями империи, считая купцов не годными управлять политией³. В целом Уэлсли опередил своё время, добившись относительно немногого: для достижения своих радикальных целей он не распола-

¹ Однако при этом качество образования будущих чиновников ОИК оказалось намного выше, чем в аналогичных учебных заведениях для государственных чиновников [Bayly, 2004, p. 277]. Достаточно сказать, что студентам Хейлибёри, в отличие от Оксфорда и Кембриджа этого времени, преподавалась политическая экономия, причём самим Томасом Мальтусом.

² Например, подав в отставку в 1802 г., Уэлсли согласился остаться в Индии до 1804 г., если директора не будут производить перестановки в руководстве президентств [Select Documents, 1958, p. 181].

³ Уэлсли открыто ставил интересы ОИК как державы выше её интересов как купца, считая успешную торговлю производным от военной мощи империи [Wellesley Despatches, III, p. 202–203]. За административную модель генерал-губернатор взял лорд-наместничество Ирландии. Отвергнув «аристократический республиканизм» корпоративного правления ОИК, он создал существенные систему патронажа, частный офис и команду помощников [Bayly, 1989, p. 111].

То, в чьих интересах действовал в Индии Уэлсли, показывает такой факт: после его возвращения парламент выразил ему благодарность за проявленное на службе рвение, а директора и акционеры ОИК, напротив, подавляющим большинством голосов осудили его деятельность (пересмотрев свою позицию лишь 30 лет спустя) [Roberts, 1952, p. 262]. Так проявлялась логика создания империи.

гал юридической базой, а подвести её парламент был ещё не готов. Как и неудача Харленда и Фрэнсиса, отзывание Уэлсли продемонстрировало, что поле решающей борьбы государства с ОИК по-прежнему находится в Лондоне. После 1805 г. в Индии возобладала линия «крохоборов» (ими Дандас считал директоров Компании. — см.: [Documents / Marshall, 1968, p. 140]), но весьма ненадолго. Против ОИК работало время.

Набирала обороты промышленная революция. К 1802 г. закончился период развития современной экономики, который У. Ростоу называет «взлёт» (*take-off*) и вслед за которым наступает самоподдерживающийся рост. Ведущим сектором во время «взлёта» (1783–1802) была хлопчатобумажная промышленность (рост — 10% в год); впрочем, темпы роста экономики в целом тоже были неплохими — 5% в год [От аграрного общества..., 1998, с. 271]. В результате к 1815 г. позиции Великобритании как нации-купца, нации-промышленника и нации-техника по отношению к континентальной Европе укрепились по сравнению с 1803 г. [Rostow, 1975, p. 192, 196].

Несмотря на все трудности последних в истории англо-французских войн, два фактора позволили Великобритании сохранить практическую монополию в торговле вне Европы: военно-морское господство и инерция, набранная экономикой в предвоенное (1784–93 гг.) десятилетие. И всё же войны вызвали максимальное напряжение сил страны. Особенно тяжёлым был период 1793–1802 гг., который известный английский историк А. Брайант противопоставил периоду 1803–12 гг. как «годы терпения» «годам победы»¹.

Напряжение сил Великобритании было обусловлено не только внешней угрозой, но и внутренней: господствующие классы, «общество» (*public*) боялись радикализации низов и социальных катаклизмов, похожих на французские. Ответом властей стали сознательная деформация развития капитализма (патерналистский закон Спинхэмленда 1795 г., затормозивший складывание рынка рабочей силы — см.: [Поланьи, 2002, с. 92–100]) и активизация строительства второй Британской империи (выброс социально опасного населения вовне страны — см.: [Bayly, 1989]). Тем не менее, и «годы победы» оказались для Великобритании не намного легче: ведь ей пришлось пережить установленную Наполеоном континентальную блокаду, которая разорвала англо-европейские торговые потоки и товарные цепи.

Для ОИК все эти изменения были очень плохой новостью. Дандас был прав, что сукно не завоюет для Великобритании восточные рынки, — но это сделают её хлопчатобумажные ткани фабричного производства. Сначала британский текстиль стал вытеснять индийский с рынков Европы. Не меняло дела даже то, что ещё в начале XIX в. индийские ситцы и шелка продавались

¹ Bryant A. The Years of Endurance. — L.: Collins, 1948. — XIV, 370 p.; Bryant A. Years of Victory. — L.: Collins, 1945. — XII, 499 p.

в Великобритании на 50–60% дешевле британских тканей: парламент методично добивал индийскую конкуренцию огромными пошлинами (до 80% стоимости) [Тарле, 2001, с. 255]. Торговля ОИК с Индией стала убыточной ещё между американской и французской революциями (этому способствовало, кстати, и растущее бремя империи) [Furber, 1951, р. 314–318]. Показательно, что в 1786 г. Компания перестала закупать на экспорт индийскую пряжу [Павлов, 1973, с. 265]. Если в 1798–99 гг. Компания ввезла в Великобританию индийских тканей почти на £ 3 млн, то в 1807–08 гг. — лишь на £ 433 тыс. [Wilson, 1845, р. 169, п. 1]. Пока спасала дело только очень прибыльная чайная торговля с Китаем.

Размер предоставленной им квоты частные купцы считали недостаточным, а цена фрахта всё равно превышала цены на иностранных судах на 33–50% [Tripathi, 1979, р. 39]. Поэтому стало возрождаться интерлоперство, которое теперь отвечало интересам промышленников. В 1801–02 гг. объём торговли британских частных купцов с Индией составил £ 2,3 млн — треть от объёма ОИК (£ 6,6 млн) [Grenville, 1807, р. 87]. Неудивительно, что к 1813 г. стал нарастать «памфлетный бум» в защиту свободной торговли с Востоком.

Теоретическое обоснование этому требованию противники монополии находили у Адама Смита. Ещё в 1776 г. он призвал отказаться от меркантилизма в пользу экономического принципа *laissez-faire*. ОИК он специально посвятил несколько страниц своего знаменитого труда, указав на пагубность её монополии для населения как Великобритании (из-за искусственно высоких цен на сбываемые ею товары), так и Бенгалии (из-за неизбежного приношения ею своих интересов как государя в жертву своим интересам как купца) (см.: [Смит, 1935, с. 184–192])¹. Многие аргументы авторов антимонопольных памфлетов звучали весьма убедительно (см.: [Demonstration, 1807, р. 103–114])².

¹ Кстати, в 1772 г. сам Смит едва не стал служащим ОИК: он был кандидатом в ту самую комиссию наблюдателей, которую парламент не выпустил в Бенгалию [Barber, 1975, р. 89].

² Правда, они вслед за Смитом перегнули палку, настаивая, что **вся** история монопольных компаний демонстрирует их исходную нежизнеспособность и нанесение ущерба экономике их стран (см.: [Grenville, 1807, р. 6–13]). Антимонопольисты механически переносили современную им ситуацию (в условиях промышленного рывка страны) на булыжную часть XVIII и даже на XVII в., упуская из виду в корне отличные экономические условия той эпохи, которые и породили меркантилизм. Например, Дж. Грэнвилл приписал сохранение монополии ОИК только “преобладавшему тогда незнанию принципов коммерции и влиянию и коррупции, которые Компания как сплочённая группа была способна употребить для достижения своей цели”, как произошло, например, в 1657 г. [Grenville, 1807, р. 19].

По мнению специалиста по экономической истории У.Р. Скотта, Смит сильно преувеличил степень неэффективности менеджмента и узкой олигархичности внешнеторго-

Удар с противоположной стороны по ОИК нанёс Наполеон, берлинский декрет которого (1806 г.) сильно сократил реэкспорт её товаров в континентальную Европу. Таким образом, и рост экономической мощи Великобритании в результате промышленной революции, и попытка внешнего врага остановить этот рост в равной степени оказывались могильщиками монополии ОИК.

Ослабление экономических позиций ОИК вызвало снижение численности её лобби в парламенте и отступление на «административном фронте»: в 1812 г. директора безропотно утвердили кандидатуры правительства на губернаторские посты всех индийских президентств [Philips, 1940, p. 177–178], с чего и наметился возврат к линии Уэсли во внешней политике Компании (см. IV.1.2).

В 1813 г. подошёл к концу срок действия хартии ОИК, продлённый в 1793 г. В 1812–13 гг. вышло сразу 30 памфлетов против монополии, и, хотя директора отвечали также памфлетами, было ясно, что они лишь обороняются. Непосредственно перед рассмотрением вопроса в парламенте произошло дальнейшее ухудшение позиции ОИК в противостоянии: председателем контрольного совета был назначен враждебно настроенный к ней граф Бакингэмшир (1812–16), а Компании вновь пришлось просить правительство о займе (в £ 2,5 млн). Директорам и акционерам, твёрдо стоявшим за монополию, Бакингэмшир пригрозил отнять и управление Индией. ОИК оказалась перед дилеммой: принять условия правительства (отмена индийской монополии при сохранении китайской и управления Индией) или выходить на парламентское обсуждение без его предварительных гарантий? Учитывая, что почти никто из оппозиционных вигов уже не собирался защищать ОИК, директора предпочли договориться с правительством [Philips, 1940, p. 182–187]. Объективно потеря индийской монополии уже мало что значила для Компании: соотношение стоимости её китайской и индийской торговли составило к этому времени 9 : 1 [HPD, XXV, p. 238–239].

В 1813 г. промышленники и судовладельцы создали в Ливерпуле специальную организацию, которая возглавила движение против ОИК, — Ост-Индскую ассоциацию [Айзенштат, Гелла, 1999, с. 43]. С декабря 1812 г. на палату общин обрушился ливень петиций против продления монополии. Торговая палата Эдинбурга жаловалась, что в условиях континентальной блокады монополия ОИК усугубляет безработицу [HPD, XXIV, p. 336–337]¹. Лорд-провост, магистраты и городской совет Эдинбурга писали, что каковы

вых монопольных компаний в XVII в. Так же мало обоснована идея Смита, согласно которой государству уже тогда следовало выкупить у компаний мёртвый капитал (и отменить монополию) (см.: [Scott W., I, p. 449–456]). Последователи Смита говорили с меркантилистами на разных языках, так как принадлежали к разным эпохам.

¹ Особенно губительным воздействие блокады было как раз в 1810–12 гг. [Сейу, 1938, с. 67].

бы ни были причины, по которым законодательная власть даровала Компании монополию, этих причин уже не существует, потому что *«при помощи ума, предприимчивости и капитала отдельных британских купцов торговля страны расширена на все стороны света до пределов, установленных этой монополией»* [HPD, XXIV, р. 347]. Сходной по содержанию была петиция от купцов и промышленников Манчестера и Солфорда, которые считали *«особые привилегии, которыми до сих пор пользуется Компания... весьма вредными для общих интересов страны»* [HPD, XXIV, р. 354]. Петиционеры указали на экономические следствия войн с Францией как на *«обстоятельства, которые громко призывают обратить всеобщее внимание на новые законные источники более широкой и постоянной торговли»*, что, к тому же, *«самым существенным образом внесло бы вклад в устойчивое благосостояние и процветание королевства в целом, так как нет сомнений в том, что ежедневное улучшение и заметное превосходство наших машин, непревзойдённое мастерство и изобретательность наших механиков и великое разнообразие и совершенство наших изделий постоянно обеспечивали бы им преимущество на рынках...»* [HPD, XXIV, р. 355]¹.

Эпоха меркантилизма безвозвратно уходила в прошлое. Об этом свидетельствует хотя бы то, что ОИК поспешила подать петицию в защиту своих позиций. В 1813 г. ситуация кардинально отличалась, например, от 1730 г., когда директора чувствовали себя настолько уверенно, что даже не сочли нужным выступить с контрпетицией. В поданной петиции ОИК уделила главное внимание вопросу о сохранении своей роли правителя, отметив, что приобрела индийские территории (с населением свыше 50 млн человек) без каких-либо издержек британского казначейства, и поставив себе в заслугу изменение к лучшему положения населения после реформ Корнуоллиса [HPD, XXIV, р. 667–669]. По-видимому, петиционеры пытались опереться на вывод парламентского Пятого отчёта 1812 г., в котором признавалось, что власть ОИК была в целом благотворной (*beneficial*) для индийцев [Affairs of the East India Company, 1984, р. 139]. Однако одно другому не мешало: вопрос о свободе торговли парламент рассматривал уже в отрыве от вопроса об административных достижениях Компании. В защиту индийской монополии в торговле с Индией директора смогли выдвинуть только один аргумент: эта торговля стала для ОИК такой неприбыльной, что отмена монополии породит только разочарование. Однако данный аргумент работал против самой Компании, а купцы и производители не собирались отказываться от любой возможности расширить торговлю [Moon, 1999, р. 371].

¹ Объединения предпринимателей, связанных с ОИК (например, производители сукна, которое она вывозила в Китай), в свою очередь, просили парламент не удовлетворять эти петиции (см.: [HPD, XXIV, р. 337–338, 385–405, 430–436]). Однако они явно оказывались в меньшинстве.

Во время обсуждения индийского вопроса ключевую роль сыграл Каслри (теперь, в 1813 г., министр иностранных дел), чётко обозначивший позицию правительства: оно не видит причины, по которой *«законодательная власть должна препятствовать торговле страны с половиной обитаемого земного шара»* [HPD, XXV, р. 230–231]. Таким образом, позиция правительства Ливерпуля (1812–27) в корне отличалась от позиции правительства Питта. Аргументы директоров в защиту монополии (озвученные Дандасом в 1793 г.) больше не работали.

Во-первых, непрекращавшийся рост расходов на управление и армию в Индии свёл почти на нет приток средств оттуда, и возобладало мнение, что механизм свободной торговли решит эту проблему [Bowen, 1998, р. 548].

Во-вторых, правительство столкнулось с беспрецедентным давлением купцов провинциальных портовых городов и промышленников, стремившихся сделать Индию своим рынком сбыта и источником сырья. Отмена монополии ОИК была для них тем актуальнее, что англо-американская война 1812–14 гг. прервала импорт из США хлопка-сырца [Bairoch, 1997, р. 852]. Во время дебатов сторонник ОИК Рикардс пытался разубедить палату в целесообразности отмены монополии, сказав, что *«не будет большой пользы от торговли с нацией нищих»* [HPD, XXVI, р. 516]. Однако Каслри привёл конкретные цифры, доказывавшие дешевизну британской хлопчатобумажной продукции [HPD, XXVI, р. 526], а вообще для противников монополии принцип *laissez-faire* был уже аксиомой¹.

В-третьих, потерял силу и аргумент о колонизации. Заместитель председателя ОИК Р. Торнтон безуспешно запугивал палату опасностью повторения индийскими колонистами североамериканского примера: власти сохраняли строгий контроль над иммиграцией европейцев в Индию. Человек должен был получить разрешение на въезд от директоров или (с 1813 г.) контрольного совета, мог быть выслан администрацией Компании и не имел права владеть землёй. За период 1814–32 гг. общее число британцев-иммигрантов — не служащих ОИК — составит всего 1324 человека [Roberts, 1952, р. 277–278]².

¹ Например, член палаты Проттроу спросил: *“Неужели в XIX веке приходится отстаивать свободную торговлю против монополии? Когда французский монарх спросил купцов: “Что мне сделать, чтобы увеличить вашу торговлю?”, ответ был: “Оставьте нас в покое!”*. И в этой короткой фразе было больше практического торгового знания и политической мудрости, чем на 590 страницах свидетельств в пользу Ост-Индской Компании” [HPD, XXVI, р. 536].

² Как верно заметил Бакингэмшир, для экономического освоения Индии частным купцам Великобритании вовсе не обязательно было селиться там. Как уже показал опыт, они могли вести дела в Индии через торговых агентов — британцев и индийцев [HPD, XXV, р. 703–705].

Наконец, перестали быть актуальными и соображения обороны. Хотя Лейпциг и Ватерлоо были ещё впереди, на Востоке позиции Франции были подорваны бесповоротно. В 1810 г. посланная из Индии экспедиция захватила о-ва Бурбон и Маврикий, т.е. лишила опорных баз французских каперов. Британским частным купцам была открыта безопасная дорога в Индию.

Поэтому Каслри предложил отменить монополию ОИК на торговлю с Индией и даже (выдвинув в качестве предлога необходимость занять моряков) разрешить использовать построенные в Индии суда в её торговле с Великобританией «*на время нынешней войны и 18 месяцев после её завершения*» [HPD, XXV, р. 240, 248]. Это была победа частных купцов. Построенные в Индии суда являлись для них символом, за которым стояла необходимость свободного перемещения капитала из Великобритании в Индию и обратно [Tripathi, 1979, р. 70].

Однако монополию ОИК на торговлю с Китаем правительство планировало пока сохранить: ожидалось, что прибыль от неё позволит Компании расплатиться с долгами, которые в противном случае пришлось бы взять на себя государству [HPD, XXV, р. 235]. Кроме того, появление в Кантоне множества британских купцов (вместо одной ОИК) могло вызвать недовольство контролируемой цинскими властями монопольной торговой корпорации Хон¹.

Управление Индией за ОИК Каслри предложил сохранить, повторив аргументы о неприкосновенности патронажа и административных заслугах Компании [HPD, XXV, р. 230–233]. Однако правительство предусматривало увеличение своего контроля над ней. Компанию обязывали расходовать налоговые поступления по строгой системе приоритетов: во-первых, на содержание армии и фортов в Индии; во-вторых, на выплату процентов по индийскому долгу; в-третьих, на содержание гражданских и торговых учреждений в Индии; и лишь оставшуюся сумму ОИК имела право пускать на торговлю, погашение индийского долга или другие нужды [HPD, XXV, р. 246]. Таким образом, правительство не только частично отделило территориальные доходы Компании от коммерческих, но и чётко предписало ей, как следует распоряжаться доходами азиатской политики, которой она управляет. Кроме того, становилось обязательным одобрение короной назначения директорами генерал-губернатора, губернаторов и главнокомандующих войсками президентств. Контрольный совет получал право надзора за учебными заведениями ОИК. Наконец, Каслри предложил учредить в Калькутте епископство [HPD, XXV, р. 248–249, 563].

¹ Кстати, убедил правительство сохранить китайскую монополию *суперкарго* в Кантоне Дж. Стонтон, а вовсе не директора ОИК. На высказанные ранее их аналогичные аргументы Бакингамшир не реагировал, что говорит о падении влияния Компании в правящих кругах [Webster, 1990, р. 412].

Политикой ОИК всегда было невмешательство в религиозную жизнь индийцев, и последнее предложение было победой лидеров набиравшего силу евангелического движения У. Уилберфорса и Ч. Гранта, стоявших за прозелитизм. Несмотря на предупреждения Компании об угрозе, которую он нёс лояльности индийцев, с 1813 г. в Индии при содействии контрольного совета началась широкомасштабная миссионерская деятельность¹. Так была заложена мина, которая рванёт в 1857 г.: эта деятельность позволит восставшим обвинить британцев в намерении лишить их веры (её спасение будет главным лозунгом как индуистов, так и мусульман).

Такова была в целом умеренная программа правительства, и оно сумело защитить её от критики немногочисленных сторонников монополии.

Особняком стояла проблема суверенитета над индийскими владениями ОИК. В парламенте прозвучало несколько вариантов её решения. В палате лордов бывший вигский премьер-министр (1806–07) барон Уильям Грэнвилл призвал смотреть правде в глаза: *«британская корона является de facto сувереном в Индии»* и высказался за приведение юридического статуса британской власти в соответствие с реальным положением дел, т.е. за переход управления к короне [HPD, XXV, р. 713, 733]². Предложив столь радикальную меру, Грэнвилл сильно опередил своё время: эта реформа будет проведена, но только в 1858 г. Юридически ситуация была очень неясной, о чём свидетельствует разнообразие высказанных в ходе дебатов предложений: что суверенитет провозглашать вообще нельзя, поскольку территории ОИК — её собственность (так как приобретены ею); что можно, но только над теми территориями, которые были завоёваны (тогда как земли, полученные Компанией с помощью покупки или дарения, остались бы в её владении) [HPD, XXVI, р. 627–630]. В условиях продолжавшейся войны правительство хотело как можно скорее избавиться от индийского вопроса, а ОИК считали ещё подходящим инструментом управления Индией. И всё же в 1813 г. положение о суверенитете Великобритании появилось, наконец, в акте о хартии — в виде довольно неопределённой (без перехода управления иного и ждать было нельзя) фразы о том, что корона сохраняет за собой *«несомненный су-*

¹ Также под влиянием евангелистов акт объявил *«долгом этой страны содействовать интересам и счастью туземных жителей британских владений в Индии»* и обязал ОИК выделять не менее 1 лакха рупий в год на поощрение образования индийцев [Dodwell, 1929 (3), р. 313].

² Грэнвилл призвал покончить с ролью британцев как *«мнимых министров низложенного Могола — выдуманной власти, унаследованной от исчезнувшего суверенитета»* [HPD, XXV, р. 713]. Однако вряд ли тогда было политичным порывать с этой *«выдуманной властью»*, которая легитимизировала власть британцев: ведь они даже не стали ещё верховной державой, но и после этого должно было пройти какое-то время, чтобы индийцы привыкли к британской власти.

веренитет» над территориями ОИК. Указывая на отсутствие такого пункта в актах 1773, 1784 и 1793 гг., индийский историк Р. Кемаль заключает, что включить его парламенту позволил тот факт, что под британским контролем находился теперь законный суверен Индии [Kemal, 1958, p. 15]. Однако, главное, думаю, в том, что ОИК стала в Индии доминирующей державой и влияние там основного противника Великобритании — Франции — было надёжно исключено. Кстати, после разгрома Наполеона, в 1814–15 гг., Великобритания заставит Францию и Нидерланды официально признать свой статус суверена территорий ОИК [Dodwell, 1929 (2), p. 332].

Заслуживает внимания ещё одно радикальное предложение Грэнвилла. Его идея лишения ОИК власти автоматически предполагала и лишение её патронажа. Чтобы исключить его попадание в руки правительства (что продолжали рассматривать как угрозу политическим свободам), Грэнвилл высказался за ликвидацию самого принципа индийского патронажа и его замену «смешанным отбором» на основе «свободной конкуренции и государственных экзаменов из наших многочисленных школ и университетов» (в гражданской администрации) и «наследованием из семей офицеров, гей срок на государственной службе истёк» (в армии) [HPD, XXV, p. 727–728]. Данное предложение тоже не нашло поддержки, но будет принято позднее, в 1853 г.

В 1813 г. парламент вновь продлил хартию на 20 лет. Этот акт стал крупной победой промышленников и частных купцов. Однако одного их давления для проведения акта было бы недостаточно. В первую очередь решение правительства было продиктовано необходимостью борьбы с инфляцией и обеспечения импорта дешёвого сырья для поддержания социальной стабильности в условиях военного времени [Webster, 1990, p. 417]. По мнению английского специалиста по экономической истории Э. Уэбстера, ключевую роль сыграла неспособность лондонского купечества (в отличие от 1793 г.) мобилизоваться для отпора антимонопольной кампании провинциальных городов. В начале XIX в. из-за войны произошло временное ослабление его позиций, и место многих фирм заняли новые (среди основателей которых было немало иностранцев), выступавшие за либерализацию международной торговли. В частности, большую роль сыграло изменение к 1813 г. позиции двух крупных банкиров — Александра Бэринга и Натана Ротшильда (хотя оба были акционерами ОИК) [Webster, 1990, p. 413–415]. Довершил дело, по-видимому, финансовый кризис в Лондоне, пришедшийся как раз на 1813 г.

Как и в случае с зависимыми от ОИК индийскими патримониями, подчинённый с 1784 г. характер её отношений с государством предполагал существование у того набора инструментов контроля. В качестве таких инст-

рументов выступали: само наличие контрольного совета, осуществлявшего надзор за всей деятельностью ОИК в её ипостаси политики; зависимость Компании от военной и финансовой помощи правительства (эту зависимость оно сознательно усиливало); использование межфракционной борьбы в ОИК; состояние полной подвешенности (зависимости от воли парламента), в котором Компания оказывалась всякий раз в момент истечения срока хартии. Однако у ОИК имелось своё средство давления на партнёра — определённый политический вес в палате общин, что до известной степени связывало правительство руки, заставляло его осторожнее вести наступление на автономию Компании. Тем не менее, при Питте это наступление шло в целом успешно (не прошла только крайняя мера в духе Фокса).

Испытанием позиций ОИК на прочность стал пересмотр хартии в 1793 г. В пользу сохранения за Компанией управления Британской Индией говорил ряд весомых аргументов (неприемлемость перехода патронажа в руки правительства, получение Великобританией индийских налогов по каналам ОИК, переплетённость её торговых и административных функций и др.). Однако, идя в ногу со временем, правительство ослабило торговую монополию ОИК, сделав шаг навстречу промышленникам и частным купцам.

В начале 1800-х годов директорам, воспользовавшимся нестабильной политической ситуацией, удалось на несколько лет заблокировать дальнейшее наступление государства на ОИК по обеим линиям (экономической и властной). Однако время работало против неё: Великобритания превращалась в промышленную державу. В этой ситуации буржуазия больше не собиралась терпеть монополию узкой группы купцов на торговлю с половиной мира. Британские фабричные ткани уже начали вытеснять индийские ремесленные с внутреннего рынка. И логика промышленного развития «мастерской мира», и необходимость противостоять континентальной блокаде требовали отмены монополии. По сути в 1813 г. ОИК единственный раз в своей истории испытала давление со стороны сразу двух европейских государств (причём сцепившихся в смертельной схватке) — Великобритании и Франции. Наполеон не смог задушить британскую экономику, но его курс смог негативно повлиять на ОИК. Её монополия на торговлю с Индией была отменена. Поскольку в течение всего рассмотренного периода Компании ввиду нарастающих финансовых трудностей приходилось постоянно обращаться к правительству за займами, роли поменялись: хотя их отношения по-прежнему сводились к формуле «деньги — привилегии — деньги», первые теперь предоставляло государство, отбирая взамен вторые.

В то же время в 1813 г. государство сохранило ОИК в роли администратора, но расширило зону собственной власти за счёт зоны Компании в их совместном управлении Индией и впервые недвусмысленно объявило о своём верховном праве на территории ОИК.

IV.2.2. От потери монополии к потере влияния (1813–33)

Победоносное окончание «второй Столетней войны» с Францией означало наступление периода британской гегемонии в мировой капиталистической системе. Страна обладала неоспоримым военно-морским могуществом¹ и мощной финансовой системой (в 1816 г. был введён золотой стандарт) — не говоря уже о положении страны как «мастерской мира».

Отмена монополии ускорила процесс утраты ОИК своей экономической мощи. Уже в 1813–14 гг. Компания импортировала в Калькутту товаров всего на 44 лакха рупий, тогда как частные купцы — на 1,3 крора (они, в отличие от ОИК, ввезли ещё и драгоценные металлы — на 58 лакхов). Экспортировала ОИК в этом году товаров на 1 крор, а купцы — на 3,5 крора [Tripathi, 1979, table 26, p. 284]. К 1822 г. частные купцы контролировали 38% импортной торговли Бенгалии, а ОИК — всего 3% [Tripathi, 1979, p. 190]. Последствия отмены монополии имели огромное значение для британской эксплуатации Индии. «После устранения в 1813 г. препятствий для торговли размеры торгового оборота с Индией в очень короткое время более чем утроились... Индия, бывшая с незапамятных времён величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английской пряжей и английскими хлопчатобумажными тканями» [Маркс, т. 9, с. 157–158]. Индия быстро превращалась в рынок сбыта и источник сырья для британской промышленности². В связи с этим ОИК с 1824–25 гг. прекратила ввозить в Индию какие-либо товары и её вложение перестало покрывать «расходы на родине» [Tripathi, 1979, p. 202].

С развитием британской внешней торговли всё многочисленнее становились противники китайской монополии ОИК. В 1824 г. путём сравнения цен на чай в Великобритании с ценами в Гамбурге и Нью-Йорке было установлено, что британцы ежегодно переплачивают за чай около £ 2 млн [Кулишер, 2004, с. 550]. Уже в 1825 г. директора молчаливо смирились с грядущей потерей и этой монополии, заключив с китайскими партнёрами краткосрочные контракты до 1834 г. [Philips, 1940, p. 287].

Падение экономической мощи ОИК по мере развития промышленного капитализма привело к тому, что с 1806 г. неуклонно сокращалась численность её лобби в парламенте. К 1832 г. она составила всего 45 человек. Сильный удар по остаткам влияния Компании нанесла парламентская реформа 1832 г., проведённая вигским правительством Чарлза Грэя (1830–34). Лик-

¹ В 1815 г. военно-морской флот Великобритании насчитывал 134 линейных кораблей, Франции — 79, России — 43 [Modelski, Thompson, 1988, table 3.4, p. 71].

² Правда, экономическое значение Азии для Великобритании преувеличивать не следует: её доля в общем экспорте страны составляла в 1816–20 гг. всего 9% и лишь к 1838–42 гг. выросла до 16% [Marshall, 1968, p. 101].

видиrowав 56 «гнилых местечек» и создав 43 новых избирательных участка, преимущественно в промышленных городах, эта реформа стала компромиссом между земельной аристократией и крупной буржуазией. Как отметил К. Маркс, «буржуазия была признана **господствующим классом** и в **политическом** отношении» [Маркс, т. 11, с. 100]. Роль, которую сыграло большинство «ост-индского» лобби в борьбе по поводу билля о реформе, лишь увеличила общественную антипатию к ОИК как стороннику принципа привилегированности.

Отношения ОИК с контрольным советом развивались в направлении всё большего неравноправия сторон. Хотя неуступчивого Бакингэмшира сменил отказавшийся от конфронтации Ч. Кэннинг (1816–21), общее ослабление позиций ОИК не могло не способствовать усилению её подчинённого положения по отношению к государству (см.: [Philips, 1940, p. 194–222]). Очень важным фактором этого усиления стала потеря директорами в 1823–34 гг. репутации компетентных и опытных администраторов. Частично это было связано с ростом в ОИК после 1813 г. лобби частной торговли — за счёт «индийского» лобби (сокращавшегося из-за того, что для служащих всё труднее становилось быстро составить в Индии состояние). К тому же в это время умерли или вышли в отставку несколько самых способных и влиятельных руководителей Компании. В результате контрольный совет стал принимать более взвешенные административные решения, чем директора [Philips, 1940, p. 193, 244–245]¹. Ослабляла Компанию и межфракционная борьба [Philips, 1940, p. 276–278].

Неудивительно, что контрольный совет всё чаще навязывал директорам свою волю. Например, в 1826 г. они, не встретив поддержки в правительстве, не смогли осуществить уже принятое решение отозвать генерал-губернатора Эмхерста (1823–28) из-за дорогостоящей войны с Бирмой и мятежа сипаев в Баракпуре 1824 г. [Moon, 1999, p. 446]. В 1832 г. председатель контрольного совета Чарлз Грант-младший (1830–34) распорядился удовлетворить просьбу фирмы «Палмер и К°» заставить Хайдарабад погасить долг. Директора отказались, сразу «вспомнив» об отсутствии у них права вмешиваться во внутренние дела княжеств. Однако Грант заставил их подчиниться через приказ (*mandamus*) суда королевской скамьи. Этот случай показал, что влияние директоров свелось к минимуму [Philips, 1940, p. 280–285].

В конце 1820-х годов контрольный совет в лице графа Элленборо (1828–30) впервые отказал директорам в праве голоса при выработке внешней по-

¹ Например, вопреки директорам он не допустил распространения постоянного заминдари на новые территории ОИК в Северной и Центральной Индии, пока там не будут изучены все существующие права на землю, и стремился сохранять, где возможно, деревенские панчаяты [Philips, 1940, p. 244–245].

литики Британской Индии. Показательно, что, хотя те и называли систему диархии «*управлением сдержек*» [Indian Const. Documents, 1948, p. 187–188], они уступили почти без борьбы. Вообще сутью позиции Элленборо (считавшего директоров дураками и не скрывавшего этого) было: «*Я никогда не дам этим людям считать себя стоящими во главе государства!*» [Imlah, 1939, p. 49]. Важным показателем того, кто уже реально управлял Индией, являлось соотношение там королевских войск и европейских частей ОИК. Ко второй четверти XIX в. правительство довело его до 2 : 1 в свою пользу [James, 1997, p. 120]¹. С 1827 г. оно взяло под контроль и военно-морские силы ОИК: пост инспектора бомбейского флота могли занимать теперь только королевские морские офицеры [Keith, 1937, p. 159].

В 1833 г. повторилась ситуация 1813 г.: в случае отказа директоров от условий правительства председатель контрольного совета пригрозил отобрать управление Индией, те впали в панику и отказались от неравной борьбы. Правительственные условия включали, в частности, отмену китайской монополии и потерю ОИК права апеллировать к парламенту относительно решений контрольного совета. Впрочем, по вопросу о продлении монополии борьбы не получилось бы в любом случае: когда директор ОИК Р.К. Фергюссон попытался представить палате общин петицию по этому вопросу, половина её членов демонстративно вышла из зала, а остальные шумели, заглушая его [Philips, 1940, p. 290–293]. Надо подчеркнуть, что, если в 1813 г. в парламенте ещё раздавались голоса (отдельных членов от оппозиции) в пользу монополии, то в 1833 г. её не защищал уже никто. На сам этот принцип давно смотрели как на достояние истории². Показательно, что в следующем, 1834, году, парламент отменит спинхэмлендскую систему приходского обеспечения безработных, введённую в 1795 г.

Великобритания уже вступила в период пика своей гегемонии и первые успехи промышленного капитализма были налицо. Его дальнейшее развитие требовало устранения остающихся на его пути препятствий. Монополия ОИК была одним из таких препятствий. В 1833 г. споры переместились в другую сферу — властно-административную, основным стал вопрос о целесообразности сохранения за ОИК управления Индией.

Правительство было намерено решить этот вопрос положительно, приведя стандартный набор аргументов. Во-первых, Грант высоко оценил адми-

¹ Показательна и такая сравнительно малозаметная деталь: уже после 1825 г. наградные медали сипаям вручались от имени британского правительства, а не ОИК, на службе которой они состояли [Можейко, 1971, с. 113].

² В петиции купцов Ливерпуля 1829 г. какие-либо ограничения в торговле с Востоком были названы «*унижающими достоинство и противоречащими здравому смыслу*» [Reid, 1947, p. 195]. Если в 1813 г. против ОИК было подано 135 петиций, то в 1833 г. — уже 257 [Philips, 1940, p. 289].

нистративную деятельность ОИК, отметив, что население её владений «если и не продвинулось в своём развитии, то, по крайней мере, имеет вполне достаточную защиту. За последние двадцать лет туземное население обрело политическое существование, которое было полностью признано нашим правительством... люди сейгас начинают чувствовать и признавать ценность законов» [HPD/3, XVIII, p. 704].

Во-вторых, правительство по-прежнему опасалось поднять руку на патронаж, подчёркивая необходимость нейтралитета ОИК по отношению к политическим партиям страны [HPD/3, XVIII, p. 704]. Тем не менее, под влиянием выступления члена палаты Дж.С. Бакингэма¹, напомнившего о «знаменитой реге» Грэнвилла 1813 г., Грант согласился урезать патронаж. Теперь предполагалось не прямое назначение директорами на должности, а выдвижение ими четырёх кандидатов, отбор из которых производился бы на основе экзаменов [HPD/3, XVIII, p. 762; XIX, p. 525]². Таким образом, в систему заполнения должностей в Индии был принесён элемент меритократии.

Эту реформу необходимо рассматривать в контексте общеполитических перемен тех лет. Предшествовавшая обсуждению индийского вопроса парламентская реформа покончила с патронажем в сфере законодательной власти, и неудивительно, что теперь должен был дрогнуть ещё один оплот патронажа — ОИК. Правда, с попустительства контрольного совета директорам удастся, обманывая парламент, сохранять патронаж вплоть до следующего рассмотрения хартии [Philips, 1940, p. 297]. Директора цепко держались за патронаж как за основной источник доходов. Если жалованье директора составляло всего £ 300 в год (председателя и его заместителя — £ 500), то патронаж приносил ему £ 5–8 тыс. [Foster, 1924, p. 231].

В-третьих, секретарь контрольного совета (и известный историк) Т.Б. Маколей указал на непреодолимые трудности в деле разъединения собственности ОИК, полученной из сферы торговли и сферы власти. Здесь было невозможно даже судебное решение: «*торговое по форме имущество может по праву собственности оказаться территориальным*» и наоборот. «*Ящик гая не является обязательно торговой собственностью; он мог быть куплен на доход с территории. Форт не является обязательно территориальной собственностью; он может стоять на земле, купленной Компанией 100 лет назад на свои торговые прибыли*» [HPD/3, XIX, p. 508]. Маколей подчеркнул аномальность политической власти торговой корпорации, назвав её «*политическим*

¹ Бывший редактор газеты *Calcutta Journal*. Разделяя либеральные взгляды, Бакингэм выражал интересы частных купцов и выступал с особенно резкой критикой властей ОИК, за что был выслан ими на родину в 1823 г.

² Кроме Хейлиберийского колледжа в стране не было тогда другого учебного заведения для подготовки чиновников для Индийской гражданской службы.

зудовищем двойственной природы», «подданным в одном полушарии и сувереном в другом», — однако альтернативы власти ОИК правительство пока не видело [HPD/3, XIX, p. 509].

Тем не менее, как и в случае с патронажем, оно собиралось произвести некоторые сдвиги, причём существенные. Было предложено запретить ОИК вообще торговать в Индии — т.е. заниматься тем, для чего она когда-то и была создана. Как выразился Грант, соединение в лице ОИК суверена и купца формировало *«ложное впечатление о характере правительства»* [HPD/3, XVIII, p. 705]. На решение правительства, несомненно, повлияли жалобы промышленников, обвинявших Компанию в использовании административного ресурса для борьбы с британскими торговыми конкурентами¹. Поскольку в Индии ОИК становилась чисто административной структурой, некоторые члены палаты предложили довести реформу до логического конца — передать право назначения директоров короне и сократить их число с 24 до 6–8 (Уинн) [HPD/3, XVIII, p. 743] или вообще передать управление короне, оставив ОИК её естественное занятие — торговлю (Бакингэм) [HPD/3, XVIII, p. 765–767]. Однако к этому правительство было ещё не готово².

Отменялась монополия на торговлю с Китаем. Грант обосновал это необходимостью для Великобритании сохранить свои лидирующие экономические позиции, учитывая, что *«все нации Европы кинулись сейчас в соревнование»* [HPD/3, XVIII, p. 707]. Любопытно, что в пользу отмены монополии он привёл аргумент, 20 лет до этого работавший против отмены: *«китайцы — народ чувствительный, завистливый и капризный. Они деспотичны и властные, и могут возникнуть обстоятельства, способные привести к столкновению между ними и этой страной»* [HPD/3, XVIII, p. 707–708]³.

Ввиду того, что дивиденды акционерам ОИК обеспечивала главным образом торговля с Китаем, предполагалось компенсировать отмену монопо-

¹ В частности, Компанию обвиняли в завышении цен на индиго и хлопок, в препятствовании частным вложениям в шёлковое производство, критиковали её финансовую политику (ограничивавшее кредит противодействие банковскому делу и т.д.), таможенную политику, соляную монополию [Tripathi, 1979, p. 198].

² Интересно, что члены парламента не сразу перестроились на восприятие ОИК как администратора с восприятия её как купца. Согласно биллю, она сохраняла в Индии монополию на соль и опиум, и несколько членов палаты высказались за её отмену. Эти джентльмены имели в виду ОИК как торговую организацию — тогда как теперь монополия принадлежала ей исключительно как правительству Индии, о чём и напомнил Грант [HPD/3, XIX, p. 1070–1074].

³ Поскольку британские купцы хотели отмены не только британской, но и **китайской** монополии (корпорации Хон), такие обстоятельства возникнут скоро и приведут к первой опиумной войне (1840–42), с помощью которой Великобритания «откроет» для себя порты Китая.

лии ассигнованием на их выплату суммы (£ 630 тыс. в год) из налогов Британской Индии, т.е. официально заменить коммерческий источник дивидендов территориальным (сам их размер правительство подняло до 10,5%). Грант прямо назвал это предложение компромиссом между ОИК и правительством [HPD/3, XVIII, р. 721–722]. Более того, ещё до дебатов директора и акционеры согласились на постепенную ликвидацию ОИК к 1874 г., если фонд погашения составит £ 2 млн [Tripathi, 1979, р. 200]. Таким образом, в отдалённом будущем всё-таки замаячил момент перехода управления Индией к короне — при неременной гарантии государством прав акционеров ОИК¹.

Кроме этих основополагающих пунктов билль Гранта содержал ряд конкретных реформ управления: создать автономную от Бенгальского президентства провинцию в области среднего течения Ганги (чтобы «разгрузить» Калькутту)²; частично избавить генерал-губернатора от функции губернатора Бенгалии³ и провести дальнейшее усиление его контроля над «меньшими президентствами»; устранить запутанность индийской судебной системы (см.: [HPD/3, XVIII, р. 727–731]). Вся полнота законодательной власти передавалась генерал-губернатору в совете, что объединяло британцев и индийцев под одной юрисдикцией (функции Верховного суда свели к чисто судебным). Правда, директора имели право отклонить изданный в Калькутте закон — но только с санкции контрольного совета. Более того, правом издавать законы для Индии наделил себя сам парламент, который также мог отменять акты генерал-губернатора [Indian Const. Documents, 1948, р. 204–205, 230]. После 1833 г. была создана правовая комиссия для кодификации индийских законов. Юридическая реформа была связана с намеченным правительством разрешением британским подданным свобод-

¹ В связи с этим правительство решило, наконец, само заняться проблемой перевода индийского долга ОИК в Великобританию (почти £ 31 млн в 1831 г.). Для этого тоже была выделена часть бюджетных поступлений Индии (раньше Компания безуспешно пыталась погасить долг с помощью торговли) [Tripathi, 1979, р. 203].

² Новая административная единица стала называться Северо-Западными провинциями и управляться специальным вице-губернатором.

³ Генерал-губернатор (который только теперь, кстати, стал называться генерал-губернатором **Индии**) получил право назначать себе в помощь в управлении Бенгалией вице-губернатора [Собрание актов, 1843, с. 177]. Правда, полностью освободят его от необходимости вникать в дела отдельного президентства лишь в 1853 г. Странно, что это не пришло в голову ещё Норту. Если в 1773 г. Хейстингса подняли над другими губернаторами, было логично создать отдельный пост губернатора Бенгалии и подчинить его генерал-губернатору наравне с другими — т.е. надстроить властный этаж над всеми президентствами. Однако акт Норта заставил генерал-губернатора занимать два этажа сразу: осуществлять общий надзор за Бомбеем и Мадрасом и одновременно быть обычным губернатором для Бенгалии.

но въезжать в Индию и владеть там землёй и запретом властям Компании по своему усмотрению высылать их из Индии [HPD/3, XVIII, р. 737; XX, р. 315]¹.

Целью этих административных и правовых реформ было создать условия для эксплуатации Великобританией Индии уже без ОИК. Превратив её в административную структуру, государство её руками расчищало поле для деятельности побеждающих социально-экономических сил. Как заметил Ч.Л. Рэйд, в 1833 г. парламент одной рукой дал Компании огромную власть, а другой отобрал её, сильно увеличив полномочия генерал-губернатора и превратив его фактически в автократа [Reid, 1947, р. 200]. Показательно, что, если в 1773 г. парламент создал в Калькутте королевский суд для ограничения полномочий генерал-губернатора **Компании**, то в 1833 г. он эти ограничения снял: необходимость в них отпала, так как генерал-губернатор по сути уже был государственным чиновником. В системе управления Индией верхнее (контрольный совет) и нижнее (генерал-губернатор) звенья перетягивали на себя всё больше власти за счёт среднего звена (директоров ОИК), которое всё ошутимее становилось лишним².

В целом горячих споров по принятию акта о хартии 1833 г. в парламенте не было. Вообще этот акт стал скорее закреплением существующих политических и экономических тенденций, чем внедрением нового принципа или политики. Речь идёт и о значительном контроле правительства над ОИК, и о владении европейцев землёй в Индии (фактически это разрешил ещё Эмхерст), и (такой пункт тоже присутствовал) о запрете дискриминации индийцев на службе Компании (британцы не могли обойтись без них как кадров низших уровней администрации) [Tripathi, 1979, р. 201, 204].

Не упомянутой выше реформой 1833 г. стало лишение ОИК острова св. Елены: парламент передал его в исключительное ведение контрольного совета [Собрание актов, 1843, с. 190]. Находясь среди второстепенных пунктов акта 1833 г., эта реформа, тем не менее, показывает, что государство сокращало сферу компетенции ОИК даже чисто географически.

С.Х. Филипс считает, что уже в 1833 г. государству следовало взять на себя прямую ответственность за управление Индией, признав фактическое

¹ Вообще, как выразился английский историк Г.Г. Додуэлл, акт 1833 г. был пропитан идеями наступавшей эпохи либерализма. Не случайно был поднят вопрос об отмене в Индии рабства [Dodwell, 1932, р. 11]. Следует помнить, что в том же году парламент отменил рабство на всей территории Британской империи. Для Индии сделали исключение: британцы неохотно вмешивались в межкастовые отношения, утешая себя неповсеместным и патриархальным характером индийского рабства.

² Против Леденхолл-стрит работала и конкретная практика управления Индией: сами чиновники ОИК на местах (Малколм, Бентинк, Меткаф) высказывались за делегирование Лондоном Калькутте возможно большей власти [HPD/3, XIX, р. 194–195].

положение вещей. Легализованная актом система уже скорее тормозила эффективное управление Индией, нежели создавала условия для сотрудничества. Например, в 1835 г. директора подверглись унижению, когда контрольный совет отклонил их кандидатуру — самого выдающегося на тот момент чиновника ОИК Меткафа — на пост генерал-губернатора [Philips, 1940, р. 297–298]. Однако С.Х. Филипс исходит лишь из практики функционирования системы «двойного управления» Индией, не учитывая, что её ликвидации сопротивлялась земельная аристократия Великобритании (в руках которой в основном и находились индийские ресурсы), не желавшая делиться в эксплуатации Индии с промышленной буржуазией [Юрлова, 1991, с. 104]. Несмотря на парламентскую реформу, аристократия была ещё достаточно сильна, чтобы обеспечить сохранение ОИК как инструмента управления Индией — пусть и в максимально ослабленном состоянии. К тому же следует учитывать и юридический фактор: пока никто не отменял титула формального суверена Индии (см. IV.1.3).

В период 1813–33 гг. произошли окончательный подрыв экономической деятельности ОИК и окончательное подчинение совета директоров правительству в административной сфере. Эти процессы были взаимосвязаны: первый был двигателем второго. По мере развития британского промышленного капитализма сокращалось влияние ОИК в парламенте. Парламентская реформа 1832 г. стала серьёзным ударом по остаткам этого влияния. Акт о хартии 1833 г. отменил последние монопольные права ОИК — на торговлю с Китаем. Более того, логика развития отношений между государством и Компанией привела к тому, что парламент вообще запретил ей заниматься в Индии её исконным занятием — коммерцией.

К 1830-м годам государственные деятели осознали, что сохранение ОИК в Индии как одновременно торговой и административной организации противоречит интересам Великобритании. Для британской буржуазии, стремившейся расширить доступ к рынку и ресурсам Индии, это означало окончательное устранение лежавшего на её пути препятствия, заключавшегося в торговой конкуренции ОИК (пусть теперь и не монопольной). В Индии Компания превратилась в административную машину, филиал Британской империи. Можно сказать, что у британской системы косвенного управления Индией было два уровня: для ОИК инструментами управления выступали зависимые от неё князья, а сама она служила таким инструментом для государства.

Однако заложенные в природе ОИК противоречия разрешены не были. Во-первых, она продолжала быть платящей дивиденды деловой корпорацией и в то же время — правителем огромной страны; во-вторых, — *«подданным в одном полушарии»* и в то же время — *«сувереном в другом»*. В этой

дважды двойственной природе ОИК заключалась неразрешимая проблема: как бы парламент ни регулировал её деятельность своими актами, Компания оставалась Компанией.

IV.2.3. От потери влияния к политической смерти (1833–58)

Вскоре после 1833 г. в англо-китайской торговле повторилась ситуация в англо-индийской торговле двадцатилетней давности: ОИК не выдержала конкуренции частных купцов. Результаты отмены монополии не заставили себя ждать: если в 1833 г. импорт чая в Великобританию составил £ 29,5 млн, то уже в 1834 г. — £ 42 млн [Кулишер, 2004, с. 550]. Экономическим следствием акта для Индии стало создание системы управляющих агентств, возвестившее эпоху её индустриализации.

К середине XIX в. контроль правительственного совета по делам Индии над ОИК стал абсолютным. От исправления приказов директоров его председатель всё больше переходил к их инициированию [Кауе, 1966, р. 131]. Права голоса в индийской политике у ОИК по сути не осталось¹. Достаточно сказать, что вторжение в Афганистан 1838 г. произошло вопреки резким протестам директоров [Moon, 1999, р. 505]. Закономерно, что служащие ОИК начали воспринимать Британскую Индию уже как владение Великобритании, а Леденхолл-стрит отступала куда-то на задний план. Не случайна проговорка Далхузи в 1855 г., предложившего объединить Авадх «с *территориями британской короны*» (выделено мной. — К.Ф.)» [Edwardes M., 1960, р. 184]. Окленд и Далхузи обсуждали важные вопросы политики в отношении Панджаба с председателем контрольного совета Хобхаусом, а не с председателем ОИК (см.: [Punjab Papers, 1970, р. 13–32, 158–190]). Находясь уже на посту генерал-губернатора, Элленборо напомнил директорам, что его «*обязанность — принимать во внимание лишь приказы совета (директоров. — К.Ф.), санкционированные комиссарами её величества по делам Индии. О мнении самого совета я в соответствии с законом могу и не знать. Я знаю совет лишь как канал, через который парламенту было угодно обеспечить передачу приказов верховной власти Англии в Индию; однако эта верховная власть не принадлежит самому совету. Она целиком принадлежит комиссарам его величества по делам Индии...*» [Indian Const. Documents, 1948, р. 265–266]. Та-

¹ Как и ужесточению контроля ОИК над князьями, ужесточению государственного контроля над самой Компанией способствовало развитие техники. Ещё во время первого пребывания на посту председателя контрольного совета (1828–30) Элленборо принял ряд мер для ускорения индийского делопроизводства в Лондоне: ввёл пароходное сообщение с Индией через Красное море (сократив путь в Индию с 4–5 месяцев до 2) и литографирование писем в Индии (сэкономив время, уходившее раньше на их переписку от руки в *East India House*) [Philips, 1940, р. 264, 266].

ким образом, директорам недвусмысленно указывал их место уже собственный генерал-губернатор.

Правда, именно с Элленборо как с наиболее жёстким проводником государственной линии связана последняя попытка ОИК сопротивляться: в 1844 г. директора применили к нему своё право отзыва генерал-губернатора. Однако в данном случае состоялся отзыв лишь потому, что директоров, пусть негласно, поддержал премьер-министр Роберт Пиль (1841–46)¹.

Таким образом, в 1830-е — 40-е годы в характере отношений ОИК и государства произошёл перелом.

Это время было переломным вообще практически во всех сферах общественной жизни Великобритании. К концу 1830-х годов завершилась первая фаза индустриализации, связанная с текстильным производством, и началась вторая, в основе которой лежали уголь, железо и сталь [Hobsbawm, 1969, p. 88]. Как показывают подшивки журнала *Illustrated London News*, это привело к стремительному изменению внешнего облика «старой доброй Англии»: если в начале 1840-х годов она оставалась ещё сельской страной, то иллюстрации конца десятилетия представляют совсем другую, промышленную, страну, страну машин, городов и железных дорог. Происходила настоящая революция в транспорте и коммуникациях [Dodds, 1953, p. 486].

В политическом плане это время ознаменовано вступлением на престол королевы Виктории (1837–1901) и расколом консервативной партии (так после 1832 г. стали называться тори) на сторонников Пия (пилитов) и традиционных консерваторов. Правительство Пия (1841–46) начало реализацию программы свободной торговли, отвечавшей интересам промышленной буржуазии. Великобритания вступала в эпоху «фритредерского капитализма», т.е. такого, при котором рынок является максимально свободным от ограничений со стороны государства. В 1841–46 гг. более 600 пошлин были отменены, а более 1 тыс. — сокращены [Kindleberger, 1996, p. 133]. В 1846 г. были отменены «хлебные законы» (удорожавшие цены на промышленные товары), а в 1849 г. — Навигационные акты. В результате резко расширилась сфера деятельности британского капитала, а Великобритания превратилась в центр мировой торговли². Хотя представители земельной аристократии продолжали занимать ключевые позиции у власти до 1880-х годов, фактически уже с середины XIX в. страной правил предпринимательский класс —

¹ Недовольство правительства относилось не к обращению Элленборо с директорами, а к его конкретному курсу в Индии: предпочитая назначать на посты военных, он посеял вражду между военной и гражданской ветвями управления; сомневались в правящих кругах и в необходимости военных действий в Синде и Гвалияре, которые развязал генерал-губернатор [Moon, 1999, p. 588–589].

² Уже к 1830-м годам торговый оборот страны составил треть от мирового [Bayly, 1989, p. 5].

в силу того, что сумел навязать аристократии свой социальный идеал, основанный на принципах капитала и конкуренции [Perkin, 1969, p. 271–272].

Переломными 1830-е – 40-е годы стали и в истории Британской империи. Под воздействием финансового кризиса, подъёма свободной торговли и напряжённости в колониях (например, восстание в Канаде 1837 г.) пришла в упадок созданная на волне войн с Францией вторая империя и стала возникать третья, в основе которой лежали промышленная мощь Великобритании и идеи раннего либерализма [Bayly, 1989, p. 137, 246]. Для переселенческих колоний вторая четверть XIX в. стала временем активнейшего и систематического заселения иммигрантами из метрополии [Тревельян, 2001, с. 547].

Степень могущества мирового гегемона продемонстрировали в 1851 г. два события. Одним была Всемирная промышленная выставка в Лондоне, напомнившая, что Великобритания – «мастерская мира» (экономический компонент могущества)¹. Другим – «инцидент дона Пасифико», поведением в ходе которого страна заявила, что оставляет за собой право на односторонние действия в защиту интересов своих подданных в любой части мира (военный компонент)².

На месте рыночной экономики 1830-х годов возникал нерегулируемый свободный рынок средневикторианской эпохи, который стал моделью для всех последующих (нео)либеральных форм. При этом, однако, надо помнить, что т.н. «свободные рынки» – результаты определённых действий государства, определённого политического курса [Gray, 1998, p. 11, 17], защищающего капитал внутри страны и вне её, устранившего его различных конкурентов, способствующего расширению рынка различными мерами – от «дипломатии канонеров» до создания колониальных империй.

Одним из конкурентов британского промышленного капитала оставалась ОИК – пусть уже не в силу своей экономической мощи (которой у неё больше не было), а в силу второго, властного, компонента своей природы – функции правителя Индии. Когда подошло время очередного рассмотрения

¹ В 1850 г. на страну приходилась половина мирового производства чугуна, более половины добычи каменного угля, почти половина мировой переработки хлопка. Экспорт изделий машиностроения вырос в 1845–70 гг. в 10 раз [Всемирная история, 1959, с. 379]. Доля Великобритании в мировом производстве составляла 19,9%, а её производственная мощность в современном промышленном секторе – 40–45% мирового потенциала [Kennedy, 1976, p. 193–194]. Одевая значительную часть мирового населения, Великобритания перехватила у Индии эстафету «мастерской мира». Если в 1850 г. Великобритания экспортировала хлопчатобумажных тканей на £ 28,3 млн, то Индия к 1858 г. – лишь на £ 810 тыс., тогда как импортировала их Индия на £ 4,8 млн [Simkin, 1968, p. 266].

² В 1851 г. у Великобритании был 71 линейный корабль; для сравнения: у России 43, у Франции 27, у США 6 [Modelski, Thompson, 1988, table 3.4, p. 72].

индийского вопроса в 1853 г., у власти находилось правительство лорда Эбердина (1852–55), состоявшее из пилитов и либералов (так всё чаще называли вигов), что означало продолжение государственного наступления на Компанию.

В начале обсуждения проблемы ОИК палате лордов были представлены несколько петиций с жалобами на Компанию от совершенно разных заинтересованных групп. С одной стороны, это были промышленники Манчестера, а с другой — жители Бенгалии, Бомбея и Мадраса, как британцы, так и индийцы — чиновники, юристы, клерки частных учреждений, заминдары, купцы. По сути Компанию обвиняли в плохом управлении (стандартное обвинение её самой в адрес неугодных княжеств): до сих пор не был разработан предусмотренный в 1833 г. единый свод законов, жалование рядовых гражданских чиновников считали недостаточным, сохранялась дискриминация индийцев на службе ОИК [HPD/3, СХХV, р. 4, 9–10, 41–42, 691].

Петиционеры указали на негативные следствия патронажа (блокирование доступа высококвалифицированным служащим на высокие посты) и вообще на неэффективность системы «двойного управления» (назвав её *«сложной и дорогой»*)¹. Они просили парламент продлить хартию на срок не более 10 лет (индийцы)² или отменить эту систему вовсе (промышленники), назначив *«министра и совет, назначааемых короной и прямо ответственных перед имперским парламентом»* [HPD/3, СХХV, р. 15, 298, 692]. Такая позиция нашла существенную поддержку в палате, в частности, у Элленборо, заявившего: существующая система управления может *«работать хорошо только для директоров и людей, назначааемых ими в Индию»* [HPD/3, СХХV, р. 15].

Однако сэр Чарлз Вуд, занимавший в правительстве Эбердина пост председателя контрольного совета, в целом выразил удовлетворение системой «двойного управления». Его контраргументом была необходимость для министерства финансов в случае исключения ОИК из этой системы взять на себя все её обязательства (в том числе перед акционерами) и долги. Сославшись на мнение выдающегося специалиста ОИК по управлению, налогообложению и политической экономии (и известного философа-утилитариста) Джона Стюарта Милля, Вуд повторил и старые аргументы Компании:

¹ Они были правы: секретариаты ОИК (общий, военный и экзаменационный) дублировали секретариаты контрольного совета, их содержание требовало немалых расходов, а обработка индийской информации в Лондоне шла медленно.

² Индийцы попытались выговорить и себе участие в управлении: ввести в собрание акционеров держателей 4–5%-ных долговых расписок ОИК, а в Калькутте расширить законодательный совет при генерал-губернаторе до 17 человек, из которых 12 были бы индийцами [HPD/3, СХХV, р. 692–694, 706–707]. Данное предложение парламент, конечно, проигнорировал. Возможность войти в законодательные советы при губернаторах у индийцев впервые появится лишь в 1861 г.

партийная борьба пагубно скажется на управлении Индией; директора лучше знают механизм этого управления, чем парламент [HPD/3, CXXVII, р. 1140–1142, 1148]. Правительство ещё считало не потерявшим силу аргумент о прошлых заслугах ОИК: «*Нет ничего аномального, — сказал герцог Аргайлл (он станет министром по делам Индии в 1868–74 гг.), — в предоставлении власти над страной тем, кто приобрёл её и кто продолжает традиции её управления...*» [HPD/3, CXXVIII, р. 51].

Тем не менее, правительство Эбердина не отстало от предшественников в развитии наступления на ОИК. Вуд предложил сократить число директоров вдвое (с 24 до 12) и добавить к ним 6 директоров, назначаемых и смещаемых только короной. При этом предполагалось снизить кворум директоров с 13 до 10, что давало ставленникам государства возможность составлять большинство голосов и позволило Вуду прямо назвать их «*ядром совета*» [HPD/3, CXXVII, р. 1156]¹. Назначаемые директора подлежали бы цензу — десять лет службы в Индии, равно как и 6 из 12 избираемых директоров. По справедливому мнению правительства, служебный ценз открыл бы доступ в руководство ОИК самым компетентным её служащим.

Второй коренной реформой была отмена гражданского патронажа — одного из последних пережитков привилегированного положения ОИК. Замещение постов в административном аппарате Индии отныне должно было происходить на основе неограниченной конкуренции (а вопросы приёма в колледжи ОИК переходили в компетенцию контрольного совета). Так 40 лет спустя восторжествовала одна из идей Грэнвилла. Правда, директорам оставляли военный патронаж ввиду отличия обучения офицеров от «*книжной учёбы*» [HPD/3, CXXVII, р. 1157–1158]².

Поскольку в предпринимательском идеале место патронажа — одного из столпов британского общества XVIII в. — занимала конкуренция, с победой её в качестве идеала патронаж стали воспринимать как коррупцию [Perkin, 1969, р. 227]. Если в масштабах нации система патронажа (парламентская) рухнула под напором новых капиталистических слоёв ещё в 1832 г., то ОИК оставалась заповедником патронажа, и лишь в 1853 г. принцип, на котором основывалась её социальная организация, был полностью приведён в соответствие с требованиями эпохи.

Намечалось дальнейшее сокращение власти директоров и в Индии: выдвигаемые ими кандидатуры советников генерал-губернатора теперь подле-

¹ Это предложение повторяло предложение Уинна в 1833 г., а восходило к идее секретаря Норта Дж. Робинсона, высказавшегося в 1778 г. за назначение короной половины директоров [Documents / Marshall, 1968, р. 119].

² Возможно, эта мера играла роль «отступного» — как и повышение жалованья директорам до £ 500 в год, а председателю ОИК и его заместителю до £ 1 тыс. [HPD/3, CXXVII, р. 1156].

жали одобрению короны [HPD/3, СХХVII, р. 1160], а главнокомандующий королевских войск становился по совместительству главнокомандующим войск ОИК [HPD/3, СХХIX, р. 570]. Планировалась дальнейшая централизация управления: генерал-губернатор в совете получал право *«брать под непосредственную власть и управление... любую часть или части территорий»* ОИК, делегируя полномочия назначаемым им главным комиссарам [Indian Const. Documents, 1948, р. 277–278]¹. Это был прообраз нынешнего права президента Индии вводить своё правление. Наконец, генерал-губернатора освобождали от обязанностей губернатора Бенгалии [HPD/3, СХХVII, р. 1159]. Так закончилась восьмидесятилетняя история постепенного выделения Бенгальского президентства в обычную провинцию Британской Индии.

Таким образом, правительство Эбердина внесло существенную лепту в ослабление ОИК. Однако оппозиции даже этих мер было мало. Вообще обращает на себя внимание такой факт: если до 1813 г. оппозиция критиковала правительства за наступление на ОИК, то с 1813 г. — за **недостаточное** наступление на неё, оставаясь группой давления, но уже с другой стороны.

Программой-максимум оппозиции — партии радикалов-фритредеров (выражавшей интересы промышленной буржуазии), а также консерваторов, — была отмена управления ОИК². В 1853 г. им ещё не удалось добиться её реализации. Расклад сил в палате общин демонстрирует голосование по этому вопросу, предложенное оппозиционером Т. Финном: 34 — за, 127 — против [HPD/3, СХХVIII, р. 1453]. Политический вес промышленников ещё уступал весу земельной аристократии. Что касается консерваторов, то интересно, что их поведение прежде всего в соответствии с логикой оппозиции привело к тому, что некоторые из них (Б. Дизраэли, Х. Рич), подобно вигам в XVIII в., объективно стали защищать ОИК: стремясь не пустить в её директорат сторонников правительства, они выступали против реформы директората (хотя она и подводила ближе к лишению ОИК власти) [HPD/3, СХХVIII, р. 983].

И всё же на содержание принятого акта критика оппозиции повлияла существенно.

¹ Кроме того, генерал-губернатор получал право вето на все акты своего законодательного совета, несмотря на то, что его расширяли до 12 членов [HPD/3, СХХVII, р. 1163].

² Когда выяснилось, что в 1853 г. правительство ещё не собирается этого делать, они создали специальную организацию для борьбы с ОИК — «Общество в пользу реформ в Индии». Эта организация потребовала отложить очередное рассмотрение индийского вопроса, чтобы выиграть время и заручиться широкой поддержкой общественности идеи передать управление короне. Правда, из этой инициативы ничего не вышло [Юрлова, 1991, с. 46–49]. Но до победы было недалеко.

Главным пунктом акта 1853 г. стало коренное изменение положения ОИК в системе индийской диархии. Власть Компании впервые продлевали не на ставший традиционным двадцатилетний срок, а «пока парламент не примет иного решения» [HPD/3, СХХVIII, р. 1440]. Таким образом, Дамоклов меч государства, до этого нависавший над ОИК лишь циклически, с 1853 г. был повешен постоянно. Необходимо подчеркнуть, что отмена патронажа и этот пункт оказались в одном акте не случайно. Аргумент патронажа всегда лидировал в выступлениях сторонников ОИК в пользу её сохранения в роли администратора. Поскольку парламент устранил этот аргумент, для него было логично полностью развязать себе руки в наступлении на Компанию.

Правительство учло и ряд экономических требований буржуазии. Их озвучил лидер фритредеров Дж. Брайт, обвинивший ОИК в пренебрежении организацией общественных работ в Индии и вообще выступивший за расширение доступа британских промышленников к экономике страны [HPD/3, СХХVII, р. 1184]. С целью максимизации рыночного пространства буржуазия (во многом под влиянием идей свободной торговли, пропагандируемых рикардianцем Дж.Р. Маккаллохом) требовала содействия своей деятельности со стороны властей Британской Индии: снижения налоговых ставок, совершенствования судебной системы, улучшения путей сообщения [Barber, 1975, р. 191–192].

Реагируя на требования фритредеров, Вуд признал неэффективность работы созданной в 1833 г. правовой комиссии и предложил создать комиссию в Лондоне (уже назначенную короной) для систематизации её докладов и проектов [HPD/3, СХХVII, р. 1162]. Это означает, что государство стало с этого времени контролировать не только общую политику ОИК, но и её конкретное законодательство в Индии. Результатом работы второй комиссии стало издание в 1860–61 гг. — уже после лишения ОИК власти — уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодексов для Индии. Также парламент предписал Компании возродить институт общественных работ. Уже в 1854 г. Далхузи создал соответствующий департамент, который активно занялся развитием инфраструктуры — ирригации, дорог и мостов, железнодорожной сети.

Особенность акта 1853 г. заключается в том, что он создал прецедент вмешательства государства в структуру правления ОИК: государство присвоило право определять его численность. Более того, совет директоров Компании частично — на треть — перестал быть самим собой и превратился в государственный орган. Государство перестала удовлетворять роль внешнего старшего партнёра по управлению Индией, и оно законодательно внедрило своих представителей в руководство младшего партнёра с целью командовать им уже и изнутри. (Правда, в 1853 г. вряд ли кто-либо предполагал, что реформированная система управления просуществует всего пять лет.) Подобное

вмешательство парламента во внутреннюю структуру ОИК уже имело место — в 1773 г., когда он официально назначил своих ставленников на 3 из 5 постов в генерал-губернаторском совете. Однако тогда Компания по сути одержала, пусть кратковременную, победу над государством, и тому потребовался акт Питта, чтобы по-настоящему поставить ОИК под контроль.

В 1853 г. как правящая коалиция, так и оппозиция были настроены против ОИК. Различия в позициях политических партий заключались лишь в предлагаемых ими конкретных мерах. Если пилиты и либералы выступили за сохранение «двойного управления» Индией (уже поместив агентов государства внутрь Компании), то фритредеры и консерваторы стояли за более радикальную меру — передачу управления короне. Они отразили позицию широких кругов промышленной буржуазии, недвусмысленно заявившей в петициях, что пора ликвидировать ОИК и создать вместо неё соответствующее министерство, т.е. государственный орган, непосредственно выступающий в качестве функции капитала, а не комбинирующий в своей деятельности черты государства и капитала одновременно (см.: [Фурсов, 1996, с. 19–47]).

Основной причиной победы ОИК (если так можно назвать сохранение за ней управления), как и прежде, стало то, что политическое влияние промышленной буржуазии Великобритании ещё не соответствовало её экономической мощи [Юрлова, 1991, с. 126]. Как отмечает Ф. Бродель, «капитализм торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством» [Бродель, 1993, с. 69]. Хотя (как отметил Х. Паркин), аристократия уже руководствовалась в целом предпринимательским идеалом, тот факт, что она ещё оставалась у власти, означал, что у политических возможностей буржуазии имелся определённый предел. Однако средний класс был возмущён, что индийская империя опять остаётся под управлением частной компании [Gardner, 1971, p. 241].

Было ещё одно обстоятельство, подталкивавшее государство к ликвидации ОИК, обстоятельство скорее косвенное и второстепенное, но весьма знаковое, символизирующее будущее. В 1853 г. Компания впервые подверглась атаке с двух сторон — не только в Великобритании, но и в Индии. Впервые против власти ОИК подняли голос сами индийцы и обратились через её голову в британский парламент. Это было естественно: индийские петиционеры уже ощущали себя скорее жителями части Британской империи, нежели владений Компании.

Хотя в 1853 г. правительство и не пошло на ликвидацию ОИК, эта идея уже носилась в воздухе. Поэтому парламент «подвесил» Компанию, впервые оставив за собой право отобрать у неё управление в любое время. По характеру проведённых правительством Эбердина мер ясно: оно понимало, что переход управления к короне неизбежен, и действовало в этом направлении, просто не так быстро, как предпочла бы оппозиция. Если для Питта и сле-

дующих за ним премьер-министров этот переход был долгосрочной целью государства, а для оппозиции в 1853 г. — краткосрочной, то для Эбердина — среднесрочной. Жизненное пространство ОИК в любом случае неумолимо сокращали, как в Лондоне, так и в Индии (не последнюю роль играла подготовка к отмене шахского титула. — см. IV.1.3)¹.

Таким образом, правительство Эбердина предполагало произвести переход управления к короне эволюционным путём. Однако в 1857 г. неожиданно почти для всех британцев в Хиндустане разразилось мощное восстание (с точки зрения истории социального протеста в британских колониях оно занимает место между восстаниями 1837 г. в Канаде и 1865 г. на Ямайке, а по масштабу не имеет прецедента в истории Британской империи). Это восстание смешало все карты и привело к тому, что в реальности путь перехода управления Индией к короне оказался революционным. Было быстро осуществлено то, к чему долго и осторожно шли в течение 70 лет.

Если период 1815–73 гг. — это пик мировой гегемонии Великобритании, то на вторую половину 1850-х годов пришёлся пик самого пика. Страна только что вышла победительницей из Крымской войны. Её престиж был велик, как никогда. Если период 1840-х — 1930-х годов был эпохой британской «империи свободной торговли» [Lieven, 2000, p. 100], то 1850-е — 60-е годы (вплоть до мирового экономического кризиса 1873 г.) были апофеозом свободного рынка, «капитализма свободной торговли»; британские товары наводнили мир, экспорт превышал импорт, в том числе и в торговле с Индией; так, в 1855 г. Великобритания ввезла в Индию товаров на £ 23 млн, а вывезла на £ 13,7 млн [Judd, 1997, p. 77]. В середине XIX в. стоимость экспорта Великобритании росла стремительно — в среднем на £ 9 млн в год — до того времени «самый мощный рост вывоза, известный в истории человечества» [Тилле, с. 20–21].

Ф. Бродель писал, что капитализм — это противоречивое единство монополии и рынка. В 1850-е годы британское государство и британский капитал чётко дифференцировали эти роли и распределили их между собой. В связи с этим ни государство, ни промышленный капитал не могли и не собирались терпеть существования структур, комбинирующих в своей деятельности монополию и рынок и являющихся организационным реликтом доиндустриальной (XVII — начало XIX в.) эпохи. Такой структурой была ОИК, и общество отдавало себе в этом отчёт, питая неприязнь к ней. Уже более поколения Компания являлась объектом широкомасштабной критики, всё больше устаревая как инструмент, посредством которого Великобритания правила 250 млн индийцев и бирманцев. В Компании видели оплот приви-

¹ Дж. Малколм назвал этот процесс убиванием ОИК по дюймам [Malcolm, 1970, p. 50].

легий как принципа и считали её некомпетентной [Gardner, 1971, p. 288]. Р. Мукерджи обращает внимание и на такой факт. До полного подчинения Индии партии Великобритании дружно молчали, а в 1850-е годы разом заговорили о целесообразности её перехода под власть короны [Mukherjee, 1958, p. 431]. Неудивительно: ОИК выполнила свою миссию собирателя (для Великобритании) земли индийской. Восстание подарило государству удобный случай расправиться с Компанией: фактически её выставили козлом отпущения. Таким образом, в противоположность и 1657 (хартия Кромвеля), и 1757 (Палаши) — годам феноменального успеха для ОИК — 1857 г. оказался для неё злополучным.

Последний толчок, похоже, дал мировой финансовый и экономический кризис 1857–58 гг. Начавшись в США, более всего он поразил именно Великобританию как ведущую промышленную и торговую державу [Аникин, 2002, с. 81].

Индийское восстание вызвало резкое увеличение расходов ОИК, что вынудило её в очередной раз обратиться к парламенту за займом (в £ 10 млн) [HPD/3, CXLIX, p. 422]. Повторилась ситуация 1773, 1793, 1813 гг.: государство даёт Компании в долг, требуя взамен часть её политической независимости. Правда, к 1857 г. независимости не осталось — уж слишком долго ОИК пробыла в когтях британского льва. Пережив с 1773 г. шесть индийских актов парламента, ОИК столкнулась с ситуацией, когда отдавать было уже нечего. Единственным возможным шагом государства оказывалась ликвидация самой Компании как инструмента управления Индией. В декабре 1857 г. либеральное правительство Г.Дж.Т. Пальмерстона (1855–58) заявило о намерении внести в парламент соответствующий билль¹.

ОИК сделала отчаянную попытку защититься, мобилизовав для написания петиции своего лучшего служащего — эксперта (*examiner*) по индийской корреспонденции Дж.С. Милля. При её чтении бросается в глаза, что с 1793 г. список аргументов в пользу Компании заметно поредел: патронаж был отменён в 1853 г., монополия — в 1813 г., торговые и административные функции были поэтапно разъединены в 1813–33 гг. Аргументов у ОИК осталось очень немного. Не случайно Милль не нашёл ничего лучшего, чем начать петицию с напоминания о прошлых заслугах Компании: именно она *«приобрела для этой страны (Великобритании. — К.Ф.) её великолепную империю на Востоке. Основы этой империи были заложены вашими петиционерами, когда парламент ещё не помогал им и не контролировал их, в то самое*

¹ За год до этого, в 1856 г., был принят Акт об акционерных компаниях, разрешивший их инкорпорацию без предварительного акта парламента [Kindleberger, 1984, p. 204]. Это была важная веха в истории развития капиталистической организации, и символично, что именно в это время ОИК — которая принадлежала к организациям, инкорпорированным ещё даже не парламентом, а короной, — должна была сойти с исторической сцены.

время, когда гереда правительств под контролем парламента теряла для короны Великобритании другую великую империю на противоположной стороне Атлантики» [Indian Const. Documents, 1948, p. 298]. ОИК поставила себе в заслугу, что в течение почти столетия управляла и защищала свои владения за счёт ресурсов самой же Индии, без малейших расходов со стороны министерства финансов Великобритании, чего нельзя сказать о других подвластных британской короне территориях. Директора подчеркнули, что введённая актом 1853 г. система ещё не успела пройти испытание временем [Indian Const. Documents, 1948, p. 298–299].

Во-вторых, ОИК была не согласна с обвинением в том, что восстание произошло по её вине, напомнив, что является всего лишь младшим партнёром государства в управлении Индией и что *«правительство её величества... в полнейшем смысле является ответственным за всё, что сделано, и за всё, того сделано не было или что было упущено...»* [Indian Const. Documents, 1948, p. 299–300]¹.

В-третьих, был пущен в ход прежний аргумент о легитимности в Индии. Директора выразили сомнение: поверят ли индийцы, что новая власть (корона) станет выполнять обязательства прежней? Директора выразили готовность пойти на очередные жертвы, т.е. уступить государству ещё часть своих полномочий. Одновременно они готовили себе место в новой системе (причём чуть ли не центральное): если уж парламент твёрдо намерен взять власть, то министру следует управлять Индией не одному, а в сотрудничестве с независимым от него и стоящим вне партийно-политической борьбы *«советом, состоящим из государственных деятелей, опытных в индийских делах»*, который не только осуществлял бы *«моральный контроль»* над ним, но и готовил черновики приказов и назначал весь персонал министерства [Indian Const. Documents, 1948, p. 302–311].

Единственным сильным аргументом ОИК было только напоминание о её подчинённой роли в системе диархии. Либералы действительно подразумевали виновность ОИК в восстании, но вслух об этом мало кто говорил: это значило осудить само правительство, так как именно оно давно реально управляло Индией. Поэтому, предлагая свой билль, Пальмерстон поспешил заверить палату общин, что поступает так не из враждебности к Компании или намереваясь осудить её за плохое управление Индией. *«Принцип нашей политической системы, — объяснил премьер-министр, — состоит в том, что все административные функции должны быть сопутствуемы министерской ответственностью — ответственностью перед парламентом, ответственностью перед общественным мнением, ответственностью перед короной; од-*

¹ ОИК была совершенно права: ведь к тому времени, как выразился Дж. Кизэй, она давно была по сути национализирована [Keay, 2000, p. 428].

нако в данном случае главные функции в управлении Индией поручены органу, не ответственному перед парламентом, не назначаемому короной, а избираемому лицами, имеющими не больше связи с Индией, тем та, что состоит в простом обладании весьма значительным индийским капиталом. Я считаю, что этот порядок сам по себе наиболее предосудителен... немудро и губительно держаться за существующий порядок просто потому, что он существует, и не допускать изменений, которые могут принести нации преимущество» [HPD/3, CXLVIII, p. 1277–1279].

Другим аргументом в пользу перехода управления к короне Пальмерстон назвал громоздкость системы «двойного управления» [HPD/3, CXLVIII, p. 1281]. Уместно вспомнить, что почти за столетие до этого ОИК ликвидировала «двойное управление» Бенгалией. Теперь, в 1858 г., она сама находилась в положении младшего партнёра государства, которое уже не нуждалось в ней, как когда-то сама она перестала нуждаться в навабе.

Аргумент ОИК о легитимности Пальмерстон отнёс: *«имя суверена такой великой империи, как эта (Британская. — К.Ф.), должно быть гораздо более уважаемо, гораздо более рассчитано производить моральное и политическое впечатление, тем имя Компании купцов, как бы уважаема и успешна она ни была»* [HPD/3, CXLVIII, p. 1283]. Премьер приравнял провозглашение британского суверенитета над Индией к значительному увеличению там британских войск, полагая, что эффект был бы тот же — резкое повышение авторитета власти [HPD/3, CXLVIII, p. 1283]. В самом деле, как отмечено выше, пробритански настроенная часть индийского общества уже предпочла бы перейти под управление короны. Что касается повстанцев, то изменение фасада власти было выигрышным ходом правительства, шагом к их «замирению»: кризис легитимности британской власти можно было выставить кризисом легитимности одной лишь ОИК (фактически свалив на неё все просчёты в индийской политике не только в глазах британцев, но и в глазах индийцев).

План правительства состоял в следующем. Функции и совета директоров, и контрольного совета передавались обычному министру кабинета [HPD/3, CXLVIII, p. 1287]. Министру был бы придан назначаемый короной совет по делам Индии. Поскольку либералы не хотели рвать давние политические связи между верхушкой своей партии и руководством Компании [Юрлова, 1991, с. 102–103], цензом для занятия должности советника было директорство в ОИК и служба или проживание в Индии в течение определённого времени. Совет должен был состоять из 8 человек, назначаемых на 8 лет (с жалованьем в £ 1 тыс. в год). Министр обладал бы решающим голосом в совете при голосовании по всем вопросам, кроме вопросов об увеличении расходов индийского бюджета, для чего ему требовалась поддержка по меньшей мере четырёх советников. Для сохранения политического нейтралитета совета семь его членов не имели права присутствовать на заседаниях па-

латы общин [HPD/3, CXLVIII, р. 1284–1285]. Таким образом, правительство частично всё же учло позицию ОИК.

В Индии предполагалась дальнейшая централизация власти: генерал-губернатор и губернаторы теперь сами назначали своих советников (раньше это делали директора) [HPD/3, CXLVIII, р. 1349]. Учитывая переход управления к короне, этот шаг можно назвать вполне логичным (Хейстингса Норт такими полномочиями, конечно, не наделил бы). Реально центр принятия конкретных решений по индийской политике всегда находился в Индии же, но, как показала история отношений государства с ОИК в 1773–1858 гг., оно перераспределяло полномочия от Лондона к президентствам постепенно и строго дозированно — прямо пропорционально усилению собственных позиций по отношению к Компании.

Административный аппарат и вооружённые силы ОИК, естественно, становились королевскими. Бюджетные поступления Индии предполагалось расходовать целиком на её нужды. Правительство гарантировало право акционеров на получение до 1873 г. дивидендов [HPD/3, CXLVIII, р. 1287–1288].

18 февраля 1858 г. палата общин проголосовала за то, чтобы обсудить билль Пальмерстона в первом чтении (318 голоса против 173) [HPD/3, CXLVIII, р. 1715]. Однако через два дня либеральное правительство пало из-за билля о заговорах [Prime Ministers, 1975, р. 422], и новый кабинет — консерваторов — сформировал граф Дарби (1858–59).

Смена правительства ни в коей мере не означала пересмотра общего курса государства в отношении ОИК. Компания была обречена: премьер-министр и вновь ставший председателем контрольного совета Элленборо заявили, что намерены *«пойти по стопам предыдущего правительства»* [HPD/3, CXLIX, р. 704, 706]. Атаку повёл канцлер казначейства Бенджамин Дизраэли, который также предложил создать министерство по делам Индии — в главном пункте проекта различий быть уже не могло. Однако новое правительство существенно расходилось с прежним по вопросу о совете при министре.

По мысли Дизраэли, этот совет должен был состоять из 18 членов (находящихся в должности 6 лет), половину которых назначала корона (по одному гражданскому и военному представителю от четырёх административных единиц Британской Индии и «специалист по княжествам» из бывших резидентов). Остальные 9 советников избирались, но Компанию представляли лишь 4, а 5 избирали крупные центры торговли и промышленности Соединённого Королевства: Лондон, Манчестер, Ливерпуль, Глазго и Белфаст (ценз — пять лет торговли в Индии или экспорт промышленных товаров туда или десять лет проживания там) [HPD/3, CXLIX, р. 822–826]. Предполагалось, что на первых порах совет будет заседать на Леденхолл-стрит. Символично, что вместе с управлением Индией у ОИК отбирали здание её офиса.

Главная борьба в дебатах 1858 г. развернулась именно по вопросу о совете: вопрос о ликвидации ОИК был уже предreshён и будущее соотношение сил различных групп интересов в эксплуатации Индии зависело от объёма полномочий создаваемого совета.

Позиции по этому вопросу можно представить в виде спектра. На одном его конце находились сама ОИК и консерваторы, стоявшие за автономию совета, т.е. за минимальное реформирование системы управления Индией (мотивируя это необходимостью системы сдержек, о чём говорил, к примеру, последний в истории ОИК председатель Р.Д. Мэнглз (1857–58). — [HPD/3, CXLIX, p. 2066]). Противоположную позицию занимала торгово-промышленная палата Манчестера. Выражая интересы наиболее радикально настроенной части буржуазии, она просила парламент вообще обойтись в управлении Индией без совета, ограничивающего полномочия министра. Посередине находились перешедшие в оппозицию либералы, которые выступали за назначение советников короной и настаивали, что их выборы напрямую избирателями промышленных центров нарушат *«принцип подчинённости правительства колонии правительству метрополии»*. Стремясь получить беспрепятственный доступ к ресурсам Индии, промышленная буржуазия (чьи интересы либералы выражали в большей степени, чем консерваторы) не желала прямого контроля избирателей над управлением Индии. Что касается внесения Дизраэли в список Манчестера, это было слишком очевидной попыткой получить поддержку партии радикалов и было осмеяно в палате [Юрлова, 1991, с. 116–118]¹.

Однако Дизраэли удалось провести в палате лишь 3 из 14 своих резолюций по индийскому вопросу. Мощное давление оппозиции (Гладстона, лорда Расселла) заставило правительство снять резолюции с обсуждения и представить парламенту другой, уже компромиссный, проект окончательного решения проблемы ОИК. Таким образом, в 1858 г. парламент рассмотрел не один, а целых три альтернативных индийских билля. Такой рекорд численности законопроектов был поставлен только в 1783–84 гг., и это неудивительно: он соответствовал серьёзности намеченной меры. В обоих случаях на карту (в отличие от рассмотрений вопроса внутри периода, который обрамляют эти годы) было поставлено само существование ОИК как политики.

Согласно биллю нового председателя контрольного совета лорда Стэнли, управление Индией впредь должно было осуществляться *«от имени её величества»*, к которой и переходили все права и обязанности ОИК как носителя

¹ Интересно, что в ходе дебатов немногочисленные защитники ОИК и её противники говорили на разных языках. Первые подчёркивали её достижения в Индии (твёрдое управление, безопасность жизни и собственности). Вторые отнюдь не отрицали заслуг Компании, но выступали за ликвидацию власти торговой организации над Индией, справедливо считая её политическим анахронизмом.

власти. «Совет Индии» при министре состоял из 15 человек. Они находились в должности пожизненно, а смещены могли быть короной лишь по заявлению обеих палат парламента. Восемь советников назначались, а семерых должны были избрать из своего числа директора ОИК (в дальнейшем — сам совет), что позволило бы правительству избежать обвинений в присвоении всего военного патронажа. Квалификационный ценз советников равнялся десяти годам службы или проживания в Индии, а жалованье — £ 1,2 тыс. в год. Целью существования совета Стэнли назвал *«моральное влияние и контроль»*, хотя решающее слово оставалось за министром. Единственным исключением была сфера бюджетных расходов Индии: здесь решения подлежали одобрению большинством совета [HPD/3, CLI, p. 316–324, 865; Singh S., 1962, p. 9–10]. Пункты относительно изменений в Индии в целом повторяли пункты Пальмерстона.

Именно в финансовом вопросе ярче всего проявился компромиссный характер билля Стэнли. Билль Пальмерстона наделял совет правом контролировать министра в финансовой сфере. Резолюции Дизраэли, напротив, давали министру свободу рук. Поэтому ясно, что консерваторы сделали крупную уступку либеральной оппозиции.

Акт 1858 г. стал очередным компромиссом в «индийском вопросе». В результате его промышленная буржуазия заметно потеснила связанную с ОИК земельную аристократию в доступе к эксплуатации Индии. Однако, ещё не располагая в середине XIX в. преобладающим **политическим** влиянием в Великобритании, промышленники не смогли обеспечить единоличного управления Индией министром, а были вынуждены согласиться на частичный контроль над управлением со стороны прежних монополистов [Юрлова, 1991, с. 104, 120].

Акт Стэнли был принят парламентом в июле и вступил в силу 1 сентября 1858 г. Его автор автоматически стал министром, а генерал-губернатор граф Ч. Кэннинг (1856–62) — по совместительству вице-королём, представителем британского монарха. В оглашённой им прокламации Виктории «князьям, вождям и народу Индии» говорилось: *«...мы решили, по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, собравшихся в парламенте, взять на себя управление территориями в Индии, до сих пор управлявшимися по нашей доверенности (in trust for us)»* (выделено мной. — К.Ф.) *Поттенной Ост-Индской Компанией»* [Speeches and Documents, 1922, p. 382]. Так в 1858 г. парламент поставил точку над i, написанной им ещё в 1813 г.¹

¹ «1858 год в миниатюре» имел место ещё в 1800 г., когда государство вывело из-под управления ОИК Цейлон, захваченный в 1796 г. у голландцев. Данный шаг следует рассматривать в русле общей политики государства по постепенному ослаблению ОИК, но в то время в силу изложенных причин государство было в состоянии лишать её только таких сравнительно небольших территорий, совершая на административном фронте борьбы с Компанией мелкие прорывы.

Пусть и последней, в жизнь была воплощена самая радикальная из высказанных тогда идей Грэнвилла. Вообще не лишне отметить: хотя в 1813 г. парламент не включил в акт о хартии ни одну из предложенных Грэнвиллом мер, на протяжении следующих 45 лет он постепенно осуществил на практике их все. При этом отчасти Грэнвилл опередил своё время, а отчасти задал направление реформам ОИК.

В период 1858–1947 гг. Великобритания правила Индией уже без посредников, в отличие от периода 1773–1858 гг., когда в роли такого посредника выступала английская ОИК. В Британской империи Индия занимала центральное место, но колонией в строгом смысле «жемчужина британской короны» не считалась, поскольку являлась сама по себе империей, сохранив (после гибели Могольского султаната) свою правовую идентичность [Kemal, 1958, p. 27]. Не случайно в Лондоне отдельно существовали министерство колоний и министерство по делам Индии, а 1877 г. парламент по инициативе премьер-министра Б. Дизраэли принял специальный акт, объявивший королеву Викторией императрицей Индии¹.

ОИК просуществовала до конца отведённого ей в 1833 г. срока — уже как обычная акционерная корпорация, правда, с важной оговоркой: дивиденды ей выплачивались государством, причём из доходов некогда подвластной ей страны. К 1 июня 1874 г. министр по делам Индии выполнил возложенные на него обязательства перед акционерами Компании, и в этот день она была распущена. Таким образом, пусть уже и не в качестве державы, но ОИК успела пережить пик гегемонии Великобритании, закончившийся в 1873 г. с мировым экономическим кризисом. И лишь в 1884 г. Английский банк оплатил последний чек по счёту акционерного дивиденда ОИК [Keay, 1991, p. 393]. Последнее напоминание о Почтенной Компании исчезло ровно через столетие после принятия акта Питта.

С 1870-х годов началась новая эпоха — империализма, завершения оформления национальными государствами колониальных империй. Британская корона стала наследницей обеих боровшихся в своё время друг с другом властных структур — индийского султаната Тимуридов и британской политико-экономической корпорации, совершившей уникальный прорыв во власть на Востоке путём гибкого использования его имперских структур.

В период 1833–58 гг. ОИК ещё занималась некоторой торговой деятельностью в Китае, но эта деятельность быстро сходила на нет из-за растущей

¹ Особое место Индии в Британской империи обусловлено, помимо прочего, тем, что она рассекает эту империю и во времени и в пространстве. Именно приобретение Индии ознаменовало переход от первой империи ко второй, а существование Индии в составе Британской империи позволило Дж.Р. Сили подчеркнуть составной характер последней, чётко делящейся на колониальную (в узком смысле) и индийскую [Сили, 2004, с. 58].

конкуренции британских частных купцов. В Индии же Компания являлась уже просто административной машиной — инструментом государства по управлению Британской Индией. Если в начале своего существования ОИК функционировала как по преимуществу торговая организация, затем — как властно-торговая, то к середине XIX в. — как просто властная, по сути утратив второй компонент своей деятельности.

Хотя акт 1853 г. стал очередным шагом на пути к ликвидации этого анахронизма, препятствовавшего полноценной эксплуатации Индии британской буржуазией, последней ещё не хватило политической силы для собственно ликвидации ОИК, в пользу которой она высказывалась всё решительнее. Старые правящие круги рассчитывали ограничивать её доступ к Индии до 1874 г. (предусмотренного в 1833 г. момента роспуска ОИК). Однако дальнейшее развитие промышленного капитализма и неожиданное для очень многих восстание 1857–59 гг. поставили на повестку дня переход управления к государству уже через пять лет.

В 1858 г. ОИК выслушала приговор Истории и была ликвидирована как политический институт. Впрочем, переход управления был изменением скорее по форме, нежели по содержанию, так как вся реальная власть давно находилась в руках председателя контрольного совета, а правление Компании превратилось в совещательный орган, пусть формально и сохранявший значительное право инициативы. Примечательно, что (в отличие не только от 1833, но даже от 1853 г.) обе основные политические партии Великобритании (не говоря уже о фритредерах) были едины во мнении относительно ОИК: медлить с отменой её власти нельзя. Кроме давления промышленной буржуазии к этому подталкивала прогрессирующая административная неэффективность из-за существования в Лондоне сразу двух аналогичных индийских ведомств (совета директоров ОИК и контрольного совета правительства).

Поскольку сама целесообразность перехода Индии под прямое управление короны перестала быть предметом споров, на повестку дня встал следующий вопрос: какой вид должна принять новая, государственная, система управления Индией? Основным здесь был вопрос о совете при министре. Если либералы выступили за совет, целиком назначаемый короной и контролирующий министра в финансовых делах, то сменившие их у власти консерваторы стояли за выборность половины советников и финансовую неподконтрольность им министра.

Однако консерваторы ошиблись, что смогут провести свой план реформирования индийской системы: правительство Дарби было правительством меньшинства. Либеральное большинство палаты общин провалило резолюции Дизраэли так же, как в январе 1784 г. сторонники Фокса — Норта провалили первый билль Питта. Однако в отличие от 1784 г. Великобритании

в 1858 г. было нельзя медлить с коренной реформой управления Индией. Поэтому споры по Индии 1858 г. окончились компромиссом: половина членов Совета Индии избиралась, но он контролировал министра в финансовых вопросах.

Ликвидация власти ОИК пришлась на время дарования самоуправления другим частям Британской империи — Канаде (формально в 1867 г., но фактически на рубеже 1840-х — 50-х годов), австралийским колониям (1850 г.), Новой Зеландии (1854 г.), Капской колонии (1872 г.). На новом витке повторилась ситуация 1783–84 гг.: тогда завоевали независимость североамериканские колонии, но лишилась её ОИК; теперь парламент сам предоставил автономию белым колониям, но отменил косвенное (через ОИК) управление Индией. Так в противоположном направлении происходило развитие двух составляющих Британскую империю частей — белой и цветной. Ослабляя контроль над первой, Лондон усиливал его над второй¹.

Бросается в глаза ещё одна закономерность: если установление государственного контроля над ОИК имело место непосредственно перед началом первого кондратьевского цикла (конец 1780-х / начало 90-х — 1844/51 гг.), то её ликвидация пришлась на начало второго цикла (1844/51 — 96 гг.). Вряд ли мы имеем дело с совпадениями: во-первых, оба эти события произошли в начале повышательных волн, т.е. подъёма экономики внутри каждого цикла; во-вторых, развитие современной мировой экономики набирало обороты, и во втором цикле, отражавшем уже реалии вставшего на ноги индустриального общества (капитал в его промышленной форме подчинил себе остальные уклады), ОИК просто не было места.

Приняв акт Стэнли, британский парламент открыл уже не просто новую страницу истории Индии, а новый том этой истории, в котором ОИК уже не было. К концу своей жизни ОИК оказалась не нужна никому — ни британцам (как в Великобритании, так и в Индии), ни индийцам (как восставшим против неё в 1857 г., так и слоям, выросшим в результате колониальной деятельности британцев). Если к началу XIX в. ОИК как торговый монополист стала экономическим анахронизмом, то через полстолетия она же как управляющая обширной страной частная корпорация стала анахронизмом политическим.

¹ К.А. Бэйли подметил ещё одно совпадение: чуть позднее ОИК нашёл свою историческую смерть (в ходе гражданской войны в США) другой ключевой компонент британской мировой экономики XVIII в. — основанное на рабском труде плантационное хозяйство [Bayly, 2004, p. 163].

Заключение

Едва ли стоит в заключении полностью повторять выводы (минизаключения), содержащиеся в конце каждого параграфа глав. Имеет смысл, во-первых, дать их синопсис, представить общую характеристику политико-экономической природы ОИК и логики её развития сквозь призму отношений Компании с английским государством и индийскими патримониальными политиями; во-вторых, взглянуть на ОИК как феномен капиталистической эпохи и предложить объяснение её двойственной природы, исходя из специфики законов развития капитализма; в-третьих, рассмотреть ОИК сквозь призму двух наиболее интересных и эвристически насыщенных новейших (последние тридцать лет) теорий развития капитализма как исторической системы.

Разумеется, вторая и третья задачи заключения, представляя собой попытку теоретического обобщения эмпирических выводов, не выходят пока за рамки рабочих гипотез, дальнейшее уточнение которых станет следующим этапом работы автора по проблематике ОИК.

Английская ОИК возникла и первые полтора столетия своей истории (XVII — первая половина XVIII в.) развивалась как торговая корпорация. В этом качестве она в основном и контактировала с английским государством и индийскими патримониями. Однако с самого начала Компания получила права ограниченной юрисдикции над подданными английской короны. Поскольку государство таким образом по сути делегировало ОИК часть своего суверенитета, уместно говорить о её исходной двойственной, политико-экономической, природе, которая постепенно усложнялась. Властный компонент этой природы нередко проявлялся в отношениях ОИК с индийскими политиями в силу обладания Компанией военной силой и (со временем) укреплёнными пунктами на суше.

Во второй период истории ОИК (середина XVIII в.) произошёл качественный сдвиг. Имевшийся у Компании, но пребывавший в «спящем состоянии» политический потенциал реализовался, когда сложились благоприятные обстоятельства — распался Могольский султанат и началась сухопутная война с французским конкурентом. Распространив власть над своими британскими служащими на население целой южноазиатской страны (Бенга-

лии), ОИК стала государством в государстве по отношению к Великобритании и одновременно элементом формально ещё существующей, но по сути уже распавшейся общеиндийской властной конструкции. С этого момента двойственная природа ОИК, в основе которой лежало единство властных и торговых функций, проявилась со всей отчётливостью. Однако если в отношении индийских патримоний Компания оказалась успешным конкурентом, то конкуренцию государству она проиграла. Почувствовав в ОИК соперника, государство к 1784 г. поэтапно ликвидировало исходящую от неё угрозу.

Для третьего периода истории ОИК (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.) парадоксальным образом характерны происходившие одновременно её наступление в Индии и отступление в Великобритании. В Индии ОИК по сути заменила собой Тимуридов, собрав субконтинент под своей властью. Часть его Компания сделала зоной своего прямого управления, а часть — косвенного, с помощью поставленных в зависимость князей. ОИК оказала огромное воздействие на историю Индии. Будучи торговой организацией-импортёром драгоценных металлов и экспортёром ремесленной продукции, она серьёзно повлияла на местную экономику, начала втягивать её в мировую капиталистическую экономику в качестве периферийной зоны.

В ситуацию распада Могольской державы и разложения её властного строя ОИК вписалась идеально. Эта ситуация характеризовалась развитием процессов «коммерциализации власти» (К.А. Бэйли) и обособления политий от общинных институтов (Б. Стайн). Для ОИК — в силу её двойственного, гибридного торгово-властного характера — это была весьма благоприятная ситуация, тот «первичный бульон», в котором оформлялись её власть и богатство. Именно это позволило ОИК постепенно заменить могольский двор в качестве главной перераспределяющей организации в Южной Азии [Arrighi, 1994, p. 248] и постепенно превратиться для индийцев (своих подданных и других политий) в политию в целом местного типа, оставаясь при этом бюрократической («формально-рациональной») организацией в качестве торговой фирмы. С таким «двуглавым» социально-экономическим агентом индийцам было не только не справиться, но и не тягаться.

Британцы обратили вспять развивавшиеся с конца XVII в. центробежные властные тенденции, вновь «собрали» Индию под властью одной державы — «Кампани Бахадур». Этим ОИК объективно подготовила условия установления в Индии колониальной системы. При этом сама Компания не была структурой колониального типа, поскольку, как отмечают Д. Уошбрук и другие авторитетные исследователи, до конца первой четверти XIX в. её режим был государством индийского капитала в не меньшей степени, чем британского [Washbrook, 1990, p. 499]. Один из парадоксов ОИК заключался в том, что, подготовив условия для колониализма, в какой-то момент она стала преградой для его развития. Не случайно начало установления колониаль-

ной системы в Индии совпало с лишением ОИК последних остатков автономии и по сути уничтожило её меркантилистский режим. Период 1820-х — 30-х годов — это переход от меркантилистского режима ОИК к колониальному режиму Британской империи, за которым стояли промышленный капитал и национальное государство Великобритании.

Что касается истории отношений ОИК с британским государством, то она представляла череду компромиссов, и это само по себе уже означало непрерывное отступление Компании: ведь после каждого компромисса её позиции как более слабой стороны становились ещё слабее. Государство постепенно и неуклонно сокращало её жизненное пространство — как экономическое (расширяя поле деятельности для частных купцов и промышленников, интересы которых оно выражало во всё большей степени), так и политическое (присваивая её административные функции, переключая их на себя). В 1858 г. оно свело это пространство к нулю.

Этот период истории ОИК почти полностью совпадает с той эпохой в истории Великобритании, которую А. Бриггз назвал *age of improvement* («эпоха улучшения», «эпоха совершенствования») — 1783–1867 гг. Выяснилось, что в эту эпоху ОИК не вписывается. Используя фразеологию А. Бриггза, о Компании можно сказать, что *it could not be improved with the age* (её нельзя было улучшить вместе с эпохой); эпоха и ОИК расстыковались. За три четверти столетия, которые разделяют 1784 и 1858 гг., Великобритания из доиндустриальной страны превратилась в «мастерскую мира». Вполне естественно, что институты и организации доиндустриальной эпохи должны были уйти вместе с ней, как это и произошло с ОИК. То, что в XVII–XVIII вв. составляло силу и было основой побед Компании, а именно — довольно органичное единство, комбинация в её деятельности торгово-экономических и политических функций, стало причиной её ослабления и гибели.

Двойственной природе ОИК соответствует и та двойственная роль, которую она сыграла в истории английского капитализма, отражая логику его развития. К. Маркс писал, что мировой рынок создаёт основу капитализма как способа производства [Маркс, т. 25, с. 366]. Как элемент мирового рынка ОИК вносила вклад в создание основы капитализма в Великобритании, прежде всего в виде богатства, которое, впрочем, не является автоматическими капиталом¹. Создавая условия и основы для развития капитализма в будущем, ОИК в то же время породила социальный слой, тесно связанный с мировым рынком. Однако завися в своём положении от привилегии, т.е. от монополии на этом рынке, указанный слой объективно мешал формированию капитализма как системы (или, выражаясь марксистским языком, фор-

¹ По разным подсчётам, этот вклад колеблется от 5 до 15% накопленного в стране капитала [Bayly, 2004, p. 174].

мации). Можно сказать, что эта двойственность ОИК и противоречие, которое она воплощала, и было центральным, образующим в функционировании ОИК.

Корни этого противоречия отражают глубокие противоречия самого капитала, которые, как и в любой системе, наиболее остро проявляются на ранней и поздней стадиях.

Как отмечает В.В. Крылов, поскольку капиталу все прочие факторы труда принадлежат непосредственно лишь в действительном процессе труда — одной из фаз совокупного процесса общественного производства, вне этой фазы они приобретаются им косвенно, в виде ренты, зарплаты, налога. «Вне действительного процесса труда система отношений капиталистической собственности оказывается **шире**, нежели только капитал сам по себе, хотя капитал в собственном смысле этого термина и есть конституирующий всю эту разнородную систему элементов ее момент. Наряду с собственно капиталом, представляющим собою собственность капиталистов, здесь противостоят ему (а не являются его составными частями, как в процессе труда) и рабочая сила, принадлежащая иному собственнику — рабочему классу, и природные факторы труда, персонифицированные частной или государственной земельной собственностью (национализация земли как адекватный режим капиталистического производства), и государственная собственность, корпоративная собственность производителей духовных потенций труда (университеты, институты и т.п.)» [Крылов, 1997, с. 58].

Одна из главных тенденций развития капитала — стремление к сокращению разрыва между объемом капиталистической собственности и объемом капитала как собственности. Отсюда — внутрикапиталистическое противоречие, которое наиболее остро проявляется на периферии капсистемы. Поскольку здесь индустриальная форма действительного процесса производства возникает довольно поздно, то капитализм развивается преимущественно в виде капиталистической собственности (прежде всего рента, налог, торговая прибыль), а не капитала как собственности. ОИК воплощала в себе именно капиталистическую собственность в широком смысле.

Развитие промышленного капитализма в Великобритании, капитала как собственности на факторы труда в действительном процессе индустриального производства не могло не обострить противоречия между британским капиталом и ОИК.

Обострилось в первой трети XIX в. и ещё одно характерное для капитализма противоречие — между субстанцией и функцией капитала. Как пишет А.И. Фурсов: «У каждой общественной системы есть её социальное «тело», субстанция, обладающая некими функциями, атрибутами. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы, чем больше природные факторы производства господствуют над искусственными, а жи-

вой труд — над овеществлённым, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция «утоплена» в субстанции, тем меньше её автономия.

Субстанция — это прежде всего материальное производство в узком смысле слова (действительный процесс производства), те отношения, которые возникают непосредственно внутри него или непосредственно по его поводу, например в ходе распределения факторов производства (собственность).

Функция (или функции) — это те отношения, которые складываются не внутри субстанции и не непосредственно по её поводу, а вне её и опосредованно. Так, они могут опосредовать распределение факторов производства (собственность в широком смысле слова), т.е. отношения по поводу субстанции, выступая их более или менее активным атрибутом. И чем сложнее, многосоставнее и развитее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее их несовпадение с ней, тем они автономнее; функции — это управление («государство»), регуляция социального поведения («политика»), коммуникации; у функций — свои структуры и формы организации, как и у субстанции» [Фурсов, 1999, с. 382].

А.И. Фурсов подчёркивает также, что, будучи отчасти конкретным проявлением того, что в ортодоксальном марксизме не вполне удачно именовалось «базисом» и «надстройкой», субстанция и функция не сводятся соответственно к базису и надстройке. Во-первых, как понятия они «располагаются» на более высоком уровне абстракции. Во-вторых, в конкретно-исторической реальности капиталистической системы функциональные аспекты капитала характеризуются не только «надстроечными» качествами, но и «базисными», особенно вне ядра капсистемы. Речь идёт прежде всего о производственных отношениях, отношениях собственности, **функционально** являющихся капиталистическими (но не являющихся капиталом-субстанцией)¹.

В капиталистической системе, в самом капитале несовпадение субстанции и функции максимально, вплоть до отделения функции от субстанции. Ясно, что перенести капиталистическую субстанцию за пределы ядра капсистемы

¹ Поскольку капитализм в известном смысле снимает противоречие между отношениями производства и обмена (производственное отношение между рабочим и капиталистом реализуется как обмен рабочей силы на овеществлённый труд), капиталистическую функцию на мировом рынке начинают выполнять такие уклады, которые не являются капиталистическими по субстанции и либо используются капитализмом (крепостничество в Восточной Европе), либо создаются им «от себя» (плантационное рабство в США и на Карибских островах) (см.: [Крылов, 2000]). Всё это усиливается тенденцией капитала к преимущественной эксплуатации не пролетариата, а полупролетаризированной рабочей силы (что позволяет снизить издержки, связанные с воспроизводством рабочей силы) (см.: [Wallerstein, 1999, p. 13–43]).

(производство) значительно сложнее, чем функцию (организационные формы — бюрократия, армия, наука и т.д.). Поэтому функциональная капитализация мира всегда (по крайней мере, до НТР и глобализации) опережала субстанциальную. Бюрократическая (формально-рациональная) организация ОИК в Индии — один из примеров подобной опережающей функциональной капитализации, развивающийся тем активнее, чем меньше развит капитал-субстанция в ядре, чем в меньшей степени он обрёл адекватную себе производственную базу — индустриальную. ОИК — это, помимо прочего, воплощение функциональных (организационных) сторон английского капитала, вынесенных за пределы самой Англии и приобретшее значительную автономию как от этого капитала, так и от английского государства (если и была у ОИК **производственная** база, то такой базой можно считать только индийское ткацкое ремесло). По мере развития капитала-субстанции, стремящегося **непосредственно** включить Индию в систему своих связей, и британского государства, не нуждающегося в **автономных** заморских функциях, жизненное пространство ОИК как персонификатора функциональных сторон капитала стало сокращаться и сошло на нет.

В известном смысле степень свободы и привилегии ОИК можно считать мерой неразвитости английского капитала как формационного, английского государства как буржуазного и национального, а английского общества — как классового в строгом смысле слова. Логика развития капитализма в Великобритании и национальные интересы страны подталкивали к ликвидации Компании. Она не вписывалась ни в первую, ни во вторые. Будучи формой организации торгового, доиндустриального капитализма, ОИК была неадекватна промышленному капитализму, его эпохе, его политическим и экономическим структурам.

Двойственная природа ОИК многомерна — она обусловлена не только капиталом, но и другим субъектом капиталистической системы — государством, бюрократической организацией. Профессионализация общественной жизни (не случайно работа Х. Паркина, посвящённая истории Великобритании 1880-х — 1980-х годов, называется «Подъём профессионального общества»¹), заключавшаяся, помимо прочего, в дифференцирующей профессионализации (или профессионализирующей дифференциации) государственно-административного управления и управления бизнесом, не оставляла места организации полуадминистраторов-полукупцов, какой бы внутренне развитой та ни была. Положение их и их организации по мере укрепления позиций Великобритании в мировой системе постепенно ухудшалось, ослабевало. Вехами этого процесса стали акты 1784, 1793, 1813, 1833

¹ Perkin H. 1989. The Rise of Professional Society: England since 1880. — L.; N.Y.: Routledge. — XVI, 604 p.

и 1853 гг., ну а последние пять лет существования ОИК в известном смысле вообще можно назвать «хроникой объявленной смерти».

Будучи корпоративной формой экономической организации, тесно связанной с монополией и привилегиями, ОИК не соответствовала принципам *laissez-faire*, свободного рынка в целом, короче, тому, что специалисты по экономической истории именуют *free trade capitalism* вообще и *free trade mid-Victorian capitalism* в частности. Ф. Бродель писал, что капитализм как система — это единство монополии и рынка [Бродель, 1993, с. 118]; однако последние в нормальном функционировании капиталистической системы **организационно, институционально** разведены. Для ОИК, напротив, нормальным было организационно-институциональное единство монополии и рынка, и потому в системе промышленного капитализма для такого политико-экономического «кентавра» места не было.

В качестве носителя административных функций, которые в зрелом капиталистическом обществе суть монополия государства как персонификатора функции капитала, ОИК оказывалась чем-то вроде альтернативной или параллельной бюрократической структуры. В результате возникало противоречие двух бюрократических организаций, двух функций капитала — в самой Великобритании и заморской. Показательно, что уже в середине XVII в., как только в огне английской революции начало формироваться национальное государство, его первый теоретик Т. Гоббс тут же зафиксировал факт его конкуренции со структурами типа ОИК. Он назвал «*болезнью налице большого числа корпораций, представляющих собой как бы много маленьких государств в недрах одного большого*» и даже сравнил их с «*гервьями во внутренностях живого человека*» [Гоббс, 1991, с. 259].

«Выполняя завет» Гоббса, государство по мере своего развития неуклонно сокращало число таких корпораций. Одной из наиболее мощных структур подобного рода оказалась именно ОИК, благодаря чему она и пережила большинство прочих. Всё же и она в конце концов стала явным анахронизмом, подлежащим уничтожению. Середина XIX в. была пиком пика (1815–73) мировой гегемонии Великобритании, которая больше не нуждалась в административных посредниках и могла напрямую управлять подвластными территориями, разведа социальное насилие и производственные отношения (К. Маркс), политику и экономику, административное управление и управление бизнесом («закон Лэйна» — см.: [Lane, 1979, p. 82–90]).

Компании, сочетавшие экономическую и административную деятельность, возникали и после ликвидации ОИК. Достаточно вспомнить Британскую Южно-Африканскую Компанию Сесиля Родса или бельгийскую Компанию Катанги, осваивавшие Африку. Однако они были созданы в эпоху промышленного капитализма и империализма. Государства наделяли подобные компании хартиями на управление африканскими территориями лишь

для их первичного освоения. Довольно быстро эти территории превратились в коронные колонии. Экономическая же эксплуатация данных земель была подчинена интересам промышленников соответствующих европейских стран. Это качественно отличает экономическую деятельность африканских компаний конца XIX в. от деятельности созданной в конце XVI в. ОИК, являвшейся организацией эпохи торгового капитализма. Если ОИК ретроспективно можно считать мерой неразвитости промышленного капитала (не случайно она пришла в упадок с его развитием), то указанные компании были функцией, органом промышленного капитала, росли вместе с ним, были мерой (и показателем) его развития, с одной стороны, и средством проникновения на новые территории, характерным уже для эпохи империализма, с другой.

Разумеется, было бы упрощением трактовать проблему динамики отношений между ОИК и английским государством как архаической структурой и структурой современного типа. Ситуация была сложнее. Как известно, одна из важнейших характеристик национального государства заключается в том, что это организация, построенная на абстрактно-формальных принципах, отделённых от личностных, производственных, религиозных и т.п. отношений. К. Маркс фиксировал это противопоставлением «политического государства» буржуазной эпохи «религиозному государству» средневековья, а М. Вебер называл формально-рациональным (бюрократическим в точном смысле этого слова) принципом властной организации.

Ирония истории заключается в том, что в деятельности голландской и особенно английской ОИК принцип абстрактной организации («формальной рациональности» управления) восторжествовал несколько раньше, чем соответственно в голландском и английском *nation-state*. Как отмечает К.Н. Чаудхари, именно две эти ОИК развили и внедрили методы и дух абстрактной безличной организации, резко контрастировавшие со всеми современными им формами торговой организации — не только азиатскими, но и европейскими [Chaudhuri, 1982, p. 404].

Иными словами, в начале своего существования ОИК не имела организационного аналога даже на родине, не говоря уже о Южной Азии. Возникновение торгово-властного гибрида, основанного на новом принципе организации, предшествовало оформлению властной организации в самой Англии — национального государства, — основанной на том же абстрактно-формальном принципе. ОИК оказалась чем-то вроде английского политико-организационного эксперимента, вынесенного далеко за пределы самой Англии. Получается, что в эпоху Модерна принцип формально-рациональной бюрократической организации сначала реализовала ОИК, а уж затем — национальное государство. Более того, административные принципы Компании в Индии в 1840-е годы были перенесены на Великобританию (рефор-

мы Ч. Тревельяна), *civil service* которой была смоделирована по образцу Индийской гражданской службы.

Проблема, однако, заключается в том, что ОИК была английской компанией, отражавшей определённую торгово-экономическую эпоху и обладавшей определённым торгово-экономическим содержанием. Формально-рациональная организация развивалась внутри этого содержания, конструируя некую негосударственную бюрократическую альтернативу формирующемуся национальному государству, которое строилось на основе тех же формально-рациональных принципов, но было не торговой компанией XVII–XVIII вв., а государством XIX в. Таким образом, проблема «реликтовости» ОИК в XIX в. тоже двойственна: это не только внешнее противоречие Компании и государства как монополистов разных типов — торгового и политического (последнему в силу политической монополии не нужна торговая, нужен рынок), но и внутреннее противоречие («двойной узел») самой ОИК как формальной организации бюрократического типа, поставленной на службу торгового капитала.

К середине XIX в., в эпоху промышленного капитализма и национально-го государства у ОИК, этого своеобразного политико-экономического реликта прошлого, уже не осталось функций, которые могли бы оправдать её существование. Но в то же время у неё ещё было достаточно «вещественной субстанции», которую можно было присвоить. Что и было сделано. Борьба между двумя агентами британского общества, Британской колониальной империи и мировой экономики завершилась победой государства. «Закон Лэйна» восторжествовал. Но не навсегда, а лишь на сотню лет. Как только окончилась вторая мировая война, борьба государственных и негосударственных (ТНК) форм политико-экономической организации возобновилась. Она продолжается до сих пор, и теперь государство — обороняющаяся и отступающая сторона, а ТНК, стремящиеся на новом витке развития, в эпоху глобализации, организационно воплотить единство монополии и рынка, — наступающая¹. История берёт реванш за Почтенную Компанию?

¹ В 1995 г. стоимость продукции «Mitsubishi» превышала ВВП таких стран, как Австралия, Индия, Бельгия, «General Motors» — Норвегии, Малайзии, Венесуэлы, «FIAT» — Румынии, Туниса, Боливии (см.: [Dinucci, 1998, p. 21, 3b]). Конкуренция идёт и в политической сфере. Например, американские энергетические корпорации «Chevron» и «Unocal», у которых в 1990-е годы появились экономические интересы в Средней Азии, стали здесь политическими акторами и спорят с президентами государств региона на равных [Labévière, 1999, p. 309]. Причастны ТНК, как и ОИК, и к военной деятельности. Как пишет главный редактор «Международного радио Франции» Р. Лабевьер, поскольку для осуществления строительства газопровода между Каспием и Карачи требуется стабильная власть в Афганистане, «Unocal» в 1990-е годы оказала помощь движению «Талибан», не только переведя ему крупные суммы денег, но и отправив в страну около 50 военных советников [Labévière, 2003, p. 37].

«Треугольник» (комплекс) «ОИК — Великобритания — индийские поли-
тии», а также все его «углы» по отдельности были элементом возникшей и
расширявшейся мировой капиталистической системы и развивались в соот-
ветствии с законами, логикой и основными тенденциями — её в целом и
главных её агентов: капитала и национального государства.

Как уже говорилось, за последние тридцать лет в мировой науке произо-
шёл ряд важных теоретических сдвигов в изучении мировой капиталистичес-
кой системы в целом и её главных, системообразующих агентов — капита-
ла и национального государства, их взаимоотношений, в частности. В дан-
ном контексте случай ОИК интересен тем, что, во-первых, она, по крайней
мере, в своей зрелой форме, не являясь ни чисто торговой фирмой, ни толь-
ко властной структурой, в течение довольно длительного времени выступала
в качестве самостоятельного агента; во-вторых, в течение довольно дли-
тельного времени она выступала носителем характеристик как капиталисти-
ческой собственности, так и государственности.

В связи с этим, опираясь на проведённый конкретно-исторический ана-
лиз и полученные эмпирические обобщения, имеет смысл взглянуть на ОИК
сквозь призму новейших наиболее интересных разработок по капитализму
и национальному государству, т.е. включить исторический анализ отношений
ОИК с английским государством и индийскими патримониями в контекст
новейших теоретических исследований мировой капсистемы, её циклов,
трендов — как экономических, так и политических. Представляется, что на
сегодняшний день это вообще наиболее перспективное направление в юж-
ноазиатских штудиях, посвящённых новой истории. По крайней мере, имен-
но по этому пути идут многие индийские и западные историки, теоретизи-
руя историю и историзируя теорию. Помимо прочего, такой подход демон-
стрирует ложность дихотомии «идиографические дисциплины *versus*
номотетические дисциплины»¹.

Одним из самых плодотворных и признанных новых подходов к капи-
тализму как исторической системе стал в последней четверти XX в. мир-си-
стемный подход, который развивает школа мир-системного анализа. Наибо-
лее интересными с точки зрения настоящего исследования являются разра-

¹ Подр. см.: Nomothetic vs. Idiographic Disciplines: A False Dilemma // Review. —
Binghamton (N.Y.), 1997. — Vol. XX, № 3/4: Wallerstein I. Introduction. — Ibid. — P. 277–
278; Strohmayr U. The Displaced, Deferred, or Was It Abandoned Middle: Another Look at
the Idiographic-Nomothetic Distinction in the German Social Science // Ibid. — P. 279–344;
Foursov A. Social Times, Social Space, and Their Dilemmas: Ideology “in One Country” //
Ibid. — P. 345–420; Kim Keong-il. Genealogy of the Idiographic vs. the Nomothetic Disci-
plines: The Case of History a. Sociology in the United States // Ibid. — P. 421–464; Grosfoquel
R. A Timespace Perspective on Development: Recasting Latin American Debates // Ibid. —
P. 465–541.

ботанные в ней теория трёх гегемоний капиталистической эпохи И. Валлер-стайна и теория четырёх системных циклов накопления Дж. Арриги. Хочу подчеркнуть, что не ставлю задачу анализа и оценки этих и других теорий самих по себе, это задача науковедения и проблемной историографии. Моя задача скромнее — использовать в этих теориях то, что может позволить полнее и лучше понять положение ОИК в мировой капиталистической системе и наметить дальнейшие шаги в содержательном, сравнительно-историческом и мирозкономическом изучении Компании.

Начну с работы Дж. Арриги, которая получила признание как одно из крупнейших достижений 1990-х годов в изучении капитализма и суть которой заключается в следующем. Отталкиваясь от работ К. Маркса и Ф. Броделя, Дж. Арриги ввёл понятие системного цикла накопления, состоящего из двух фаз: материальной экспансии (стадии накопления, отражаемой в формуле $D - T$, когда денежный капитал приводит к движению растущую массу товаров) и финансовой стадии ($T - D'$, когда возросшая масса денежного капитала освобождается от своей товарной формы, и далее накопление происходит посредством финансовых сделок $D - D'$, что является признаком «осени» данного цикла).

Дж. Арриги выделяет четыре таких частично взаимоперекрывающихся цикла: генуэзско-иберийский (XV — начало XVII в.); голландский (XVI — конец XVIII в.); британский (середина XVIII — начало XX в.); американский (с конца XIX в.). «Название каждого из циклов определяется конкретной совокупностью властных и предпринимательских структур, которые вели мировую капиталистическую систему сначала к материальной, а позже и к финансовой экспансии, составлявшим в совокупности тот или иной цикл. Стратегии и институты, посредством которых эти структуры продвигали, организовывали и регулировали экспансию мировой капиталистической системы, были названы мною “режимами накопления и господства в мировом масштабе”» [Арриги, 2005, с. 8].

Из четырёх указанных циклов с точки зрения проблематики настоящей работы наибольший интерес представляют голландский и британский циклы мирового накопления капитала. Как подчёркивает Дж. Арриги, во время голландского цикла Соединённые провинции представляли собой организацию, «сочетавшую некоторые черты исчезавших в тот период городов-государств с элементами структур возникавших национальных государств» [Арриги, 2005, с. 9]. Бóльшая по сравнению с генуэзской мощь голландского государства позволила голландской буржуазии не только делать то, что уже делали генуэзцы (превращали межстрановую борьбу за доступ к денежному капиталу в двигатель экспансии своего собственного капитала), но и обойтись без «покупки» защиты у территориальных государств; произошла интернализация оборонных издержек.

Особенностью британского цикла накопления (по крайней мере, в его развитой части) Дж. Арриги считает наличие у Великобритании национального государства и коммерческой и территориальной империй. Беспрецедентная власть над трудовыми и природными ресурсами позволила британской буржуазии уже не только то, что делали голландцы (обращать в свою пользу межгосударственную борьбу за доступ к денежному капиталу и обеспечивать необходимую своему капиталу защиту, не полагаясь на чужие и часто враждебные территории, на которых производились прибыльные промышленные и сельскохозяйственные товары), но и интернализировать производственные издержки. «Вследствие этой интернализации капитализм не только сохранился как способ реализации власти и способ накопления капитала, но превратился также в способ производства» [Арриги, 2005, с. 9].

Если рассматривать ОИК в контексте эвристически плодотворной теории Дж. Арриги, то получается следующая картина. Будучи английской компанией, вступая во взаимодействие с английским государством, ОИК как привилегированная (*chartered*) акционерная компания типологически принадлежала к ведущим торговым организациям голландского цикла. Более того, как пишет Дж. Арриги, хотя территориальные захваты ОИК стали решающим компонентом в фундаменте третьего системного цикла накопления (как показали П. Кейн и А. Хопкинс, именно средства из Индии, полученные после битвы при Палаши, позволили Великобритании выкупить свои государственные долги у Нидерландов; как отмечает Ч. Боксер, голландцам принадлежала четверть 12-миллионного государственного долга Великобритании, поскольку они в значительной степени финансировали её во время Семилетней войны) [Arrighi, 1994, p. 207–208], сама Компания в этот цикл не попала. «Организационные структуры британского фритредерского капитализма основывались на оформлении Британской империи в Индии в не меньшей степени, чем на нарастающей «дерегуляции», а затем и ликвидации деятельности Ост-Индской Компании» [Arrighi, 1994, p. 237].

Таким образом, само развитие британского цикла накопления требовало ослабления и ликвидации ОИК как реликта прежнего, ушедшего в прошлое цикла накопления. Последнее столетие существования ОИК пришлось на конец (финансовую фазу) голландского цикла и первые сто лет (материальная фаза) британского цикла; наступление финансовой фазы британского цикла и мировые кризисы 1848, 1858 и 1873 гг. подвели под Компанией последнюю черту. Расцвет ОИК приходится на стык двух циклов накопления, когда один уже вступал в свою «осень», а другой, находясь в «весеннем» состоянии, ещё не набрал силу, — ещё одно проявление двойственного, промежуточного характера ОИК. При этом в течение (почти) всего голландского цикла английская ОИК могла рассчитывать на защиту английского государства. Начало британского цикла совпало с началом наступления государства

на ОИК. Тем не менее, до окончания наполеоновских войн руки государства относительно ОИК были в значительной степени связаны. На вопрос «почему» позволяет ответить теория гегемонии в капиталистической системе.

Если Дж. Арриги фокусирует внимание на циклах накопления, то И. Валлерстайн особое внимание уделяет политико-экономическому и военно-политическому оформлению этих циклов — гегемонии той или иной державы в мировой капиталистической системе. Голландскому, британскому и американскому циклам накопления Дж. Арриги соответствуют голландская, британская и американская гегемонии в схеме И. Валлерстайна. Последний подчёркивает, что государство-гегемон (*hegemonic state*) — это не просто сильное государство, но государство, которое намного сильнее всех остальных государств, как слабых, так и сильных, причём не только политически (способность силой навязать свои правила межгосударственной системе), но и экономически (более развитое и выгодно расположенное производство). Пик гегемонии Нидерландов приходится на 1618–52 гг., Великобритании — на 1815–73 гг., США — на 1945–73 гг. Периоды между пиками гегемонии И. Валлерстайн именует эпохами соперничества, центральное место в которых занимают тридцатилетние мировые войны (1618–48; 1792–1815; 1914–45) (см.: [Wallerstein, 2002, p. 294]).

Рассматривая историю ОИК под углом зрения теории гегемоний как циклов военно-политического лидерства, которую помимо И. Валлерстайна и других мир-системников приняли и развивают целый ряд крупнейших специалистов по теории и истории мировой системы (Дж. Моделски, У.Р. Томпсон, Дж.С. Голдстайн, П.К. О’Брайен и многие другие), мы получаем следующую картину. Если ранняя история ОИК совпадает с гегемонией Нидерландов, то её расцвет приходится на эпоху «межгегемонья» — англо-французского соперничества за господство в мире. В этом плане совпадение по времени конца этого соперничества (1815 г., победа над Наполеоном — начало британской гегемонии) и лишения британским государством ОИК монополии на торговлю с Индией показательно и символично.

В эпоху борьбы с Францией у британского государства не хватало средств на экспансию в Индии, и решение этой задачи было переложено на плечи ОИК — именно она расправлялась с торговыми конкурентами Великобритании. Кроме того, занятое войной в Европе и Америке, государство просто не могло уделять значительного внимания азиатской арене, что приглушало и тормозило постепенно и сначала подспудно нараставший с 1760-х годов конфликт с Компанией. Но окончилась «вторая Столетняя война», и мавр, сделавший своё дело, должен был уйти.

Таким образом, мы сталкиваемся ещё с одним аспектом принадлежности ОИК к переходному, промежуточному периоду в развитии капитализма как её главной содержательной, сущностной характеристике. Именно эта

характеристика обусловила столь противоречивую и богатую различными оттенками природу ОИК. Последняя смогла просуществовать так долго, лишь постепенно сдавая позиции, и потому, что не принадлежала полностью эпохам голландской и британской гегемонии, а занимала длительный период «межгегемонья» и соперничества. Теория трёх гегемоний, несмотря на наличие целого ряда проблем, особенно, как отмечают специалисты, что касается голландской и американской гегемонии, позволяет лучше понять место ОИК в мировой капиталистической системе и логику её развития в ней.

На мой взгляд, ситуация ОИК в контексте борьбы за гегемонию между морской (островной) державой Великобританией и сухопутной (континентальной) Францией имеет ещё один важный аспект, не учтённый в схеме гегемоний, но связанный с ней. Суть в следующем.

Как сказано выше, в середине XVIII в. ОИК превратилась по сути в государство в государстве. Достаточно привести некоторые цифры. Доход британской казны составил в 1790 г. £ 16 млн, а чистая прибыль ОИК в 1789–90 гг. — £ 2,8 млн [Gardner, 1971, p. 126]. Меньше в пять раз, но вполне сопоставимо. Сопоставимы и долги ОИК и государства (даже в 1857 г.): долг первой составлял £ 98 млн — $\frac{1}{9}$ британского национального долга [Gardner, 1971, p. 288]. В 1801 г. подвластное ОИК население Бенгалии насчитывало 40 млн человек, т.е. вчетверо больше населения Великобритании [James, 1997, p. 30]. Численность армии ОИК намного превосходила численность британской армии. При этом Компания выступала как сухопутная, континентальная держава внутри Британской морской империи¹. Таким образом, внутри самой империи как бы возникало противоречие между морской и континентальной державами, о чём британские власти уже вполне отдавали себе отчёт в конце XVIII в. В начале XIX в. правящий класс Великобритании решил двойную задачу. Он установил принцип господства морской державы над сухопутной (континентальной) как в мировом масштабе (по крайней мере, до конца XIX в., когда вызов Великобритании бросила Германия), так и на уровне своей империи, причём здесь — навсегда. Вслед за внешним континентальным конкурентом (Францией) пришла очередь внутреннего (ОИК)².

¹ К 1857 г. армия ОИК была второй в мире по численности после русской (насчитывая 238 тыс. человек. — [Reid, 1947, p. 225–226]). Впрочем, сопоставима и численность флотов: в 1784 г. на службе ОИК состояло около 70 регулярных судов [Philips, 1940, p. 81] (причём надо помнить, что *East Indiamen* выполняли две функции сразу — торговую и военную), а в военно-морском флоте Великобритании — 115 линейных кораблей [Modelska, Thompson, 1988, table 8.4, p. 224].

² Поскольку вместе с мировой капиталистической системой в Европе менялась организация государства, уместно бросить взгляд на ОИК в рамках ещё одной новейшей теории — теории эволюции новоевропейского государства американского государствоведа Ф. Боббитта. Вопреки распространённым в первой половине XX в. теориям появле-

Рассмотрение ОИК в рамках новейших теорий развития капиталистической системы позволяет выявить некоторые дополнительные аспекты особой природы ОИК, отражающие многомерно переходную эпоху её существования, и демонстрирует интеграцию конкретно-исторических исследований Южной Азии XVII–XIX вв. с новейшими теориями капиталистической системы как необходимое условие дальнейшего прогресса социально-исторической науки о мире и его различных регионах, включая Южную Азию.

ния национального государства чуть ли не в XV–XVII вв. непосредственно из недр феодализма, Ф. Боббитт на основе многочисленных конкретно-исторических и теоретических исследований убедительно относит его окончательное оформление к XIX в. и показывает, что, возникая сначала лишь как отрицание феодальных порядков (об этом «негативизме» государства писал ещё К. Маркс), государство проходит ряд эмбрионально-промежуточных стадий, прежде чем стать собственно национальным (нацией-государством). Ф. Боббитт выделяет следующие этапы генезиса нации-государства: княжеское государство (первая половина XVI в.), королевское государство (вторая половина XVI – первая половина XVII в.), территориальное государство (вторая половина XVII в.), государство-нация (XVIII–XIX вв.), нация-государство (XIX–XX вв.) (см.: [Bobbitt, 2002, p. 69–347]). Несмотря на свой бюрократический характер, ОИК ни в одну из выделенных Ф. Боббиттом категорий властных структур не попадает, а в качестве восточной политики предшествует им. Стадиально ОИК в Индии осталась на уровне князя (*prince*) – догосударственным, по Ф. Боббитту (как и по М. ван Кревелду), уровне властной организации. Оказавшись исторически единственным преемником Моголов, ОИК стала в Индии типичной для неё властной структурой, где «государственность» отождествляется с фигурой правителя, выполняющего перераспределительную функцию.

Глоссарий

Абваб (араб.) — незаконные подати, которыми могольские чиновники облагали крестьян в свою пользу.

Ага (тюрк.) — наместник среднего уровня в Османском султанате.

Амани (араб.) — система сбора налогов непосредственно центральным административным аппаратом.

Амил(дар) (араб. + перс.) — налоговый чиновник на уровне округа.

Ана (хинд.) — $\frac{1}{16}$ часть рупии.

Ахбар-навис (араб. + перс.) — шпион, осведомитель (должность в (пост) могольской политике).

Баня (гудж.) — индуистская купеческая каста, главным образом в Гуджарате; английское название для торговых посредников европейских купцов в Бенгалии.

Батта (хинд.) — ажио, разница в обменном курсе валют.

Бахии (перс.) — могольский военный казначей, инспектор и глава разведки.

Боро (англ.) — город в Великобритании, имеющий парламентское представительство.

Бхандара (скр.) — часть территории индуистских политий Южной Индии, находившаяся в ведении центрального административного аппарата, собиравшего налоги непосредственно в казну.

Вазир (араб.) — первый министр в Могольском султанате.

Вакиль (араб.) — посланник.

Вакиль-уль-мутлак (араб.) — полномочный регент в Могольском султанате.

Ватандар (араб. + перс.) — человек, владеющий передаваемой по наследству территорией.

Галливат (искаж. порт.) — симитированное у европейцев индийское двухмачтовое военное судно водоизмещением до 70 т с 4–10 орудиями.

Гумашта (перс.) — торговый агент купца.

Гхураб (араб.) — симитированное у европейцев индийское двух- или трёхмачтовое военное судно водоизмещением 150–300 т с 14–30 орудиями.

Дарбар (перс.) — двор монарха; правительство в индийском княжестве.

Дарога (монг.) — (здесь) адмирал могольского флота в Сурате.

Дастак (перс.) — документ, освобождающий провозимые товары от уплаты пошлины.

Дешмукх (скр.) — полувладелец, получиночник в Махараштре, признанный властями главой парганы.

Джагир (перс.) — право на сбор налога с определённой территории, жаловавшееся мусульманским правителем чиновнику-военачальнику, который был обязан содержать на этот доход конный отряд воинов.

Джагирдар (перс.) — держатель джагира.

Джентри (англ.) — слой среднего и мелкого дворянства в Англии XVI–XVII вв., втягивавшиеся в капиталистическое хозяйство землевладельцы.

Диван (араб.) — могольский чиновник в субе, осуществляющий «диваны» — сбор налогов и гражданскую юрисдикцию; после распада султаната — фактически первый министр правителя княжества.

Забт (араб.) — могольская налоговая система в шести северных субах империи, введённая вазиром Тодар Малом (1582–89).

Иджарадари (араб. + перс.) — откупная система сбора налогов.

Икта (араб.) — форма пожалования земельного дохода в мусульманских политиях, предполагавшая содержание конного военного отряда; персидский эквивалент — «джагир».

Инам (араб.) — форма пожалования земельного дохода в мусульманских политиях, предполагавшая налоговый иммунитет (чаще — пожалование религиозным учреждениям).

Интерлопер (англ.) — частный купец — нарушитель торговой монополии.

Кантонмент (англ.) — военный городок англо-сипайских войск.

Кардар (перс.) — администратор на уровне талука (парганы) в сикхской политике.

Карья-карта (скр.) — представитель картара (правителя) Майсура, по сути полномочный регент.

Киледар (араб. + перс.) — комендант крепости.

Копигольдер (искаж. англ.) — представитель основной массы феодально-зависимого крестьянского населения Англии в XV–XVIII вв.

Кроп (хинд.) — 10 млн в индийской математической системе.

Кханди (скр.) — мера веса в Южной Индии, равная 500 английским фунтам.

Лакх (хинд.) — 100 тыс. в индийской математической системе.

Малик (араб.) — монарх в арабских странах (обычно переводят на русский язык как «король», но для обозначения социальных явлений Востока желательно избегать терминов с иным, европейским, содержанием).

Мансабдари (араб. + перс.) — иерархическая административная система Могольского султаната, все члены которой считались военачальниками и

имели определённые ранги по числу всадников, отряды которых были обязаны содержать (по крайней мере, в теории).

Манилла (малаял.) — мусульманское население Малабара, считающееся потомками арабских переселенцев.

Маснад (араб.) — подушка, которую индийские правители использовали как трон.

Махал (араб.) — могольская налоговая единица, охватывающая деревню, несколько деревень или целую паргану.

Мисал (араб.) — каждое из 12 княжеств Панджаба во второй половине XVIII в., в основе которого лежала клановая организация сикхов.

Монопсония (греч.) — монополия одного покупателя.

Мулькгири (араб. + перс.) — ежегодная военная экспедиция для сбора налогов/дани с землевладельцев; при этом собиралось максимальное количество средств, которое правитель мог из них выжать.

Мустаджир (араб.) — откупщик.

Мутасадди (араб.) — могольский администратор (в Сурате — начальник порта).

Наваб (араб., форма мн. ч. от «наиб») — могольский наместник.

Назим (араб.) — могольский чиновник в субе, осуществляющий «низамат» — военное наместничество, уголовную юрисдикцию и полицейские функции.

Назр (араб.) — подарок вышестоящему лицу во время аудиенции.

Наиб (араб.) — заместитель.

Наяк (скр.) — мелкий правитель в Южной Индии.

Наяр (малаял.) — член землевладельческой военной касты на Малабаре.

Низам (араб.) — титул мусульманского правителя Хайдарабада.

Нишан (перс.) — приказ назима.

Олдермен (англ.) — старший советник муниципалитета в Великобритании.

Пагода (там.) — европейское название южноиндийской золотой монеты «вараха» (или «хун»), равной 3,5 рупиям.

Палаям (скр.) — аналог джагира в индуистских политиях Южной Индии.

Палайаккар (скр.) — держатель палаяма.

Пангаят (хинд.) — совет, орган самоуправления в касте или сельской общине.

Парвана (перс.) — письменный приказ.

Паргана (перс.) — могольская административно-территориальная единица низшего уровня, чаще всего совпадавшая с территорией крупной сельской общины.

Пеон (порт.) — пехотинец, полицейский (эквивалент «сипая» в XVII — начале XVIII в.).

Пешва (перс.) — первый министр чхатрапати, фактический глава маратхского союза княжеств.

Пешкар (перс.) — глава финансового ведомства (в Хайдарабаде).

Пешкаш (перс.) — ценный подарок вышестоящему лицу; дань зависимого правителя.

Пиндхари (хинд.) — иррегулярная конница маратхов, промышленявшая грабежом.

Провост (англ.) — мэр города в Шотландии.

Радж (хинд.) — «правление»; этим местным словом британцы обозначали свою власть в Индии.

Раис (араб.) — (здесь) глава правящего клана.

Райя (скр.) — титул императора Виджаянагара (1336–1672).

Райят (араб.) — налогоплательщик (в могольских источниках).

Рани (хинд.) — жена раджи или самостоятельная правительница индуитского княжества.

Рупия (хинд.) — серебряная монета, основная денежная единица Могольского султаната и Британской Индии (весом 11,5 г); £ 1 стоил 8–9 рупий в XVII — первой половине XVIII в. и 10 рупий во второй половине XVIII — XIX в.

Садр дивани адалат (араб.) — верховный гражданский суд в могольской субе и британском президентстве.

Садр низамат адалат (араб.) — верховный уголовный суд в могольской субе и британском президентстве.

Самури (искаж. скр.) — титул правителя Кожикоды.

Санад (араб.) — шахская грамота, сопровождающая пожалование поста или привилегий.

Саранджам (перс.) — маратхский вариант джагира.

Саранджамдар (перс.) — держатель саранджамы.

Сардар (перс.) — военачальник.

Сардешмукхи (перс. + скр.) — подать в 10% общего объёма налога, введённая Шиваджи в силу присвоения им статуса главного дешмукха.

Саркар (перс.) — могольская административно-территориальная единица среднего уровня (округ).

Сарраф (араб.) — меняла и ростовщик.

Сархел (перс.) — (здесь) главный адмирал маратхского флота.

Сиди (искаж. араб.) — мусульманские правители-эфиопы острова Джанджира.

Сипай (искаж. перс.) — солдат-индеец в армиях европейцев в Индии.

Сихбанди (перс.) — иррегулярная пехота.

Суба (араб.) — могольская административно-территориальная единица верхнего уровня (провинция).

Субадар (араб. + перс.) — неофициальное название назима.

Суперкарго (англ.) — представитель фрахтователя или владельца груза, сопровождающий груз в пути.

Талук (араб.) — (здесь) округ.

Танха (перс.) — жалование; (здесь) флотская субсидия.

Фарнавис (перс.) — глава маратхского налогового ведомства.

Фаудждар (араб. + перс.) — могольский наместник, обладающий военной и исполнительной властью на уровне саркара.

Фирман (искаж. перс.) — приказ шаха.

Хавальдар (араб. + перс.) — (здесь) таможенный чиновник.

Халиса (араб.) — часть территории индийской политики, находившаяся в ведении центрального административного аппарата, собиравшего налоги непосредственно в казну.

Хальса (араб.) — религиозная община сикхов.

Хилат (араб.) — почётная одежда, жалуемая шахом в знак милости.

Хунди (хинд.) — вексель.

Чакла (хинд.) — могольский налоговый округ среднего уровня (не обязательно тождественный саркару).

Чаутх (скр.) — подать в 25% общего объёма налога, введенная Шиваджи.

Чхатрапати (скр.) — титул маратхского монарха.

Шахзада (перс.) — могольский принц.

Шикаргах (перс.) — охотничье угодье.

Сокращения названий источников в ссылках в тексте

CCM – Calendar of the Court Minutes

CPC – Calendar of Persian Correspondence

EFI/ Fawcett – English Factories in India / Ed. by C. Fawcett

EFI/ Foster – English Factories in India / Ed. by W. Foster

ERMH – English Records of Maratha History

ERS – English Records on Shivaji

HPD – Hansard's Parliamentary Debates

HPD/3 – Hansard's Parliamentary Debates / Third Series

HPHE – Hansard's Parliamentary History of England

PRMH – Persian Records of Maratha History

Английская Ост-Индская Компания и мир

Английская ОИК	Англия и Британская империя
1600 — хартия Елизаветы I Тюдор: инкорпорация ОИК и монополия на 15 лет	1600 — У. Шекспир «Гамлет, принц датский»
1600–12 — период отдельных плаваний	1603 — смерть Елизаветы I Тюдор; начало правления династии Стюартов; личная уния Англии и Шотландии
1600–03 — первое плавание	
1609 — хартия Якова I: постоянная монополия; первый контакт с Моголами (У. Хоукинс в Агре)	1603–25 — правление Якова I Стюарта
1612 — начало торговли с Могольским султанатом (Сурат)	1605 — «пороховой заговор»
1612–57 — период серий плаваний	1607 — основание Вирджинии, первой английской колонии
1612–35 — морская война с португальцами	1609 — первые поселения шотландцев в Ирландии; начало колонизации Бермудских островов
1613–23 — фактория в Хирадо (Япония)	1619 — ввоз первых африканских рабов в Вирджинию
1621 — Т. Ман «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией»	1620 — Ф. Бэкон «Новый Органон»; начало колонизации Новой Англии
1623 — Амбойнская резня	1623 — начало колонизации Вест-Индии
1633 — две первые фактории в Бенгальской субе	1625–49 — правление Карла I Стюарта
1634 — фирман шаха Голконды	1628 — петиция о праве
1635 — основание Ассоциации Куртэна	1629–40 — «одиннадцатилетняя тирания» Карла I
1639 — основание Мадраса	1642–49 — гражданская война
1649 — объединение с Ассоциацией купцов Ассады	1649 — казнь Карла I
1650 — резолюция Долгого парламента в поддержку ОИК	1649–60 — Английская республика
1651 — захват острова св. Елены	1650 — начало потребления чая
1657 — хартия Кромвеля: превращение ОИК в акционерную корпорацию современного типа	1651 — Навигационный акт; Т. Гоббс «Левиафан»
1661 — хартия Карла II	1653–58 — протекторат О. Кромвеля
1668 — аренда Бомбея у короля	1655 — захват испанской Ямайки
1669–77 — губернаторство Дж. Онгира в Бомбее	1660–85 — правление Карла II Стюарта
1676 — разрешение по хартии чеканить деньги в Бомбее	1660 — основание Королевского общества
1682 — изгнание из Бантена	1666–67 — корпускулярная теория Р. Бойля ¹
	1667 — Дж. Мильтон «Потерянный рай»
	1670-е годы — зарождение партий тори и вигов
	1679 — акт <i>Habeas corpus</i>

¹ Кстати, химик Р. Бойль много лет входил в совет директоров ОИК.

(сопоставительная хронологическая таблица)

Южная Азия	Мировые события
1600 — последняя кампания Могола Акбара I (против Ахмаднагара)	1600 — сожжение Джордано Бруно
1604 — завершение составления сикхской Адигрантхи	1602 — инкорпорация голландской ОИК
1605 — смерть Акбара I; две первые голландские фактории	1603 — начало сёгуната Токугава в Японии
1605–27 — правление Могола Джахангира	1609 — основание Амстердамского банка
1609 — захват Биджапуром Бидара	1614 — первый манифест розенкрейцеров
1610 — смерть знаменитого певца Тансена	1618–52 — пик гегемонии Нидерландов в капиталистической мир-системе
1623 — мятеж могольского шахзады Хурама	1618–48 — Тридцатилетняя война в Европе
1624 — смерть Тулсидаса (автора «Моря подвигов Рамы») и Ахмада Сирхинди, мусульманского «обновителя второго тысячелетия»	1619 — начало территориальных захватов голландцев на Яве
1626 — захват Махабат-ханом Джахангира и Нур Джахан	1624–42 — премьер-министерство Ришелье во Франции
1628–58 — правление Могола Шаха Джахана	1625 — Г. Гроций «О праве войны и мира»
1635–87 — правление Раджасингхи II в Ударате (Канди)	1629 — смерть шаха Аббаса I Сефевида
1636 — захват Моголами Ахмаднагара	1632 — Г. Галилей «Диалог о двух системах мира»
1641 — завершение создания сада Шалимар в Шринагаре	1637 — Р. Декарт «Рассуждение о методе»
1647 — завершение строительства Красного форта в Дели	1639 — самоизоляция Японии; русские достигают Тихого океана
1648 — завершение строительства Тадж Махала в Агре	1641 — захват голландцами португальской Малакки
1652 — первый европейский наёмник на индийской службе (француз Клод Май в Голконде)	1644 — захват Китая маньчжурами: начало Цинской империи
1653 — последняя попытка Моголов отвоевать у Сефевидов Кандагар	1652 — основание голландцами Капской колонии
1656 — захват голландцами португальского Коломбо	1652–54 — первая англо-голландская война
1658–1707 — правление Могола Аурангеба	1656–83 — реформы Кёпрюлю в Османском султанате
1658 — завершение строительства Джама Масджид в Дели	1661–1714 — правление Людовика XIV во Франции
1664, 1670 — разграбление Сурата маратхами	1662–1722 — правление хуанди Канси в Китае
	1664 — основание Ж.-Б. Кольбером французской ОИК

Продолжение

Английская ОИК	Англия и Британская империя
1683 — получение по хартии права вводить военное положение на судах и в факториях и воевать с «языческими народами»	1685–88 — правление Якова II Стюарта
1686 — получение по хартии права адмиралтейской юрисдикции	1687 — И. Ньютон «Математические начала натуральной философии»
1686–90 — «Чайлдова война» с Аурангзебом	1688 — «славная революция»
1688 — Мадрас становится муниципальной корпорацией	1688–1702 — правление Вильгельма III
1690 — основание Калькутты Дж. Чарноком	1689 — билль о правах; Дж. Локк «Два трактата о правлении»; Г. Пёрселл: опера «Дидона и Эней»
1693 — хартия Вильгельма III	1690 — Дж. Локк «Опыт о человеческом разумении»
1695 — коррупционный скандал в парламенте в связи с ОИК	1693 — введение национального долга
1696 — начало строительства форта Уильям в Калькутте	1694 — основание Английского банка
1698 — заминдари Калькутты; создание «новой» ОИК	1697–1764 — годы жизни художника У. Хогарта
1700 — запрет парламентом носить импортный крашенный коленкор и шёлк	1702 — первая ежедневная газета <i>The Daily Courant</i>
1709 — слияние «старой» и «новой» ОИК; заём государству всего капитала (£ 3,2 млн)	1702–14 — правление Анны Стюарт
	1704 — захват Гибралтара
1715 — открытие фактории в Кантоне	1707 — парламентская уния Англии и Шотландии
	1708 — завершение строительства собора св. Павла в Лондоне
1715–22 — губернаторство Ч. Буна в Бомбее: обнесение города стеной	1710 — Дж. Беркли «Трактат о началах человеческого знания»
	1712 — последняя казнь ведьмы
1717 — фирман Фаррухсияра	1714 — начало правления Георга I и Ганноверской династии
1717–56 — морская война с Ангре	1715 — первое якобитское восстание
1720 — запрет парламентом носить импортный белый коленкор	1717 — первая масонская Великая ложа
1726 — создание муниципалитетов в президентствах; начало строительства нового <i>East India House</i>	1719 — Д. Дефо «Робинзон Крузо»
	1720 — крах Компании южных морей
1730 — продление монополии до 1766 г.	1721–42 — правительство Р. Уолпола (виги)
1732 — начало достоверных статистических данных о торговле ОИК	1726 — Дж. Свифт «Путешествия Гулливера»
	1727–60 — правление Георга II
	1727–88 — годы жизни художника Т. Гейнсборо
	1733 — «летучий челнок» Дж. Кея
	1739 — Д. Юм «Трактат о человеческой природе»

Продолжение

Южная Азия	Мировые события
1669 — первое антимогольское восстание джатов	1665–67, 1672–74 — вторая и третья англо-голландские войны
1673 — основание французской фактории в Пондишери	1670 — Б. Спиноза «Богословско-политический трактат»
1673–1704 — правление Чикка Девараджи в Майсуре	1665–83 — Ж.-Б. Кольбер — генеральный контролёр финансов Франции
1674–80 — правление Шиваджи в Махараштре	1673 — истоки компьютерной революции: механический калькулятор Г.В. Лейбница
1679 — восстановление Аурангзебом джизьи	1680 — открытие золота в Бразилии
1686 — завоевание Моголами Биджапура	1683 — поражение Османов под Веной
1687 — завоевание Моголами Голконды	1685 — отмена Нантского эдикта во Франции
1689–97 — осада Моголами крепости Джинджи	1689–97 — война Аугсбургской лиги с Францией
1698 — объявление Аурангзебом джихада против маратхов	1689–1725 — царствование Петра I Великого в России
1699 — создание сикхской хальсы гуру Гобиндом; начало походов маратхов на север; запрет Аурангзебом обряда сати	1695 — образование союза Ашанти
	1697 — захват испанцами последнего города майя — Чичен-Ицы
1700 — первая школа для обучения индийцев западной медицине (Гоа)	1699 — Карловицкий мир: конец османской угрозы Европе
1702–04 — голод на Декане	1700–21 — Северная война России со Швецией
1703–27 — правление Муршид Кули-хана в Бенгалии	1701–14 — война за испанское наследство
1713–20 — правление маратхского пешвы Баладжи Вишванатха	1703 — Метуэнский договор Великобритании с Португалией
1713–81 — годы жизни поэта урду Сауды (Мирзы Мухаммада Рафи)	1710 — начало производства фарфора в Европе (Саксония)
	1714 — Г.В. Лейбниц «Монадология»
1720–40 — правление маратхского пешвы Баджи Рао I	1719 — основание французской Компании Индий
1720 — вступление маратхов в Дели	1720 — крах афёры Дж. Ло во Франции и первый финансовый кризис современного типа в Европе
1724–48 — правление Низам-уль-мулька в Хайдарабаде	1722 — падение державы Сефевидов; И.С. Бах «Хорошо темперированный клавир»
1724 — завершение строительства обсерватории Джантар-Мантар в Дели	1725 — Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций»
1725 — переход Ахмадабада к маратхам	1729 — открытие алмазов в Бразилии
1725–1810 — годы жизни поэта урду Мир Таки Мира	1729 — открытие алмазов в Бразилии
1729–58 — правление объединителя Кералы Мартханды Вармы в Траванкуре	1733–38 — война за польское наследство
	1736–47 — правление Надир-шаха Афшара в Персии

Продолжение

Английская ОИК	Великобритания и Британская империя
1744 — продление монополии до 1780 г.	1742 — Г.Ф. Гендель «Мессия»
1744–48 — первая война с французской Компанией Индии	1744 — первое упоминание о матче крикета
1746 — рождение сипайской армии	1745 — второе якобитское восстание
1749–54 — вторая война с французской Компанией Индии	1749 — Г. Филдинг «История Тома Джонса, найдёныша»
1753 — отмена дадни — системы купеческого посредничества в Бенгалии	1753 — переход на григорианский календарь
1757 — сражение при Палаши	1755 — С. Джонсон «Словарь английского языка»
1758–61 — третья война с французской Компанией Индии	1759 — взятие Квебека; открытие Британского музея
1763–75 — попытка закрепиться на острове Баламбанган	1760–1820 — правление Георга III
1765 — дивани Бенгалии	1765 — прятка «Дженни» Дж. Харгривса; закон о гербовом сборе
1765–67 — губернаторство Р. Клайва в Бенгалии	1766–1837 — годы жизни художника Дж. Констебла
1766 — первый субсидиарный договор (с Хайдарабадом)	1768 — основание Королевской академии художеств
1767 — обязательство платить казначейству £ 400 тыс. в год	1768–79 — плавания Дж. Кука
1769 — зарождение Индийской гражданской службы	1769 — паровая машина Дж. Уатта
1772–85 — (генерал-) губернаторство У. Хейстингса	1770 — пик работорговли
1772 — ОИК берёт на себя реальное управление Бенгалией	1770–82 — правительство Ф. Норта
1773 — первый заём у государства и акт Норта; «бостонское чаепитие»	1771 — первая прядильная фабрика Р. Аркрайта; первое издание Британской энциклопедии
1774–76 — борьба Хейстингса с Фрэнсисом	1772–1834 — годы жизни поэта С.Т. Колриджа
1775–82 — первая англо-маратхская война	1774 — Квебекский акт; начало публикации Л. Хэнсардом материалов парламентских слушаний
1780–84 — вторая англо-майсурская война	1775–1851 — годы жизни художника Дж.М.У. Тёрнера
1783 — билли Фокса	1776 — А. Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»
1784 — акт Питта; Акт о замене	1776–83 — американская война за независимость
1784–1801 — Г. Дандас во главе контрольного совета	1779 — мюль-машина С. Кромптона
	1780 — мятеж Гордона в Лондоне
	1784–1801 — правительство У. Питта-младшего («новые тори»)
	1785 — ткацкий станок Э. Каутрайта; основание газеты <i>Times</i>

Продолжение

Южная Азия	Мировые события
1739 — разграбление Дели персидским Надир-шахом	1739–48 — англо-испанская «война из-за уха Дженкинса»
1740–56 — правление Аливарди-хана в Бенгалии	1740–48 — война за австрийское наследство
1740–61 — правление маратхского пешвы Баладжи Баджи Рао	1740–86 — правление Фридриха II Великого в Пруссии
Начало 1740-х гг. — Шах Валиулла «Совершенное доказательство бытия Аллаха»	1745 — начало объединения Аравии Саудами под знаменем ваххабизма
1748–67 — вторжения афганского Ахмад-шаха Абдали в Индию	1747 — образование Дурранийской державы в Афганистане
1751 — Аливарди-хан уступает маратхам Ориссу	1751 — первый том «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. д'Аламбера
1754–75 — правление Шуджи-уд-даула в Авадхе	1752–60 — правление объединителя Бирмы Алаунпая
1755–63 — правление Сурадж Мала в Бхаратпуре	1755 — захват Цинами Джунгарского ханства; распад султаната Матарам на Яве
1759–1806 — правление Могола Шаха Алама II	1756–63 — Семилетняя война: по сути первая мировая
1761 — разгром афганцами маратхов при Панипате	1758 — Ф. Кенэ «Экономическая таблица»
1761–82 — правление Хайдара Али в Майсуре	1762 — Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре»; манифест Петра III «О вольности дворянства» в России
1761–1772 — правление маратхского пешвы Мадхава Рао I	1762–96 — царствование Екатерины II Великой в России
1765 — независимость сикхского Панджаба	1763 — европейский финансовый кризис
1768–94 — правление Мадходжи Шинде в Удждайне	1767 — захват бирманцами сиамской столицы Аютии
1769 — образование политики гуркхов в Непале	1771–1802 — восстание тэйшонов во Вьетнаме
1769–70 — голод в Бенгалии	1772 — англо-голландский финансовый кризис
1772–1833 — годы жизни бенгальского социального и религиозного реформатора Раммохана Роя	1772, 1793, 1795 — три раздела Польши
	1776 — провал налоговых реформ А.Р.Ж. Тюрго во Франции
Сер. 1770-х гг. — 1796 — доминирование Наны Фарнависа в Пуне	1778–84 — войны Великобритании с Францией, Испанией и Нидерландами
1782–99 — правление Типу Султана в Майсуре	1781 — И. Кант «Критика чистого разума»
1784 — первая европейская карта Индии (Дж. Реннелл); строительство Большой имамбары в Лакхнау	1787 — конституция США
	1789–99 — французская революция
	1789–1807 — правление Селима III в Османском султанате

Продолжение

Английская ОИК	Великобритания и Британская империя
1786 — приобретение Пинанга	1788 — начало колонизации Австралии
1786–93 — генерал-губернаторство маркиза Ч. Корнуоллиса	1788–1824 — годы жизни поэта Дж.Г. Байрона
1790–92 — третья англо-майсурская война	1789 — Дж. Бентам «Введение в принципы морали и права»
1793 — постоянное заминдари в Бенгалии и райятвари в Южной Индии; «регулируемая монополия» Г. Дандаса	1791 — Канадский конституционный акт
	1795–1834 — действие закона Спинхемленда
	1796 — захват Капской колонии и Цейлона
1798–1805 — генерал-губернаторство маркиза Р. Уэлсли	1797–1819 — приостановка конвертируемости фунта стерлингов
1799 — четвёртая англо-майсурская война; окончательное устранение системы «наследственных днийц»	1798 — Т.Р. Мальтус «Опыт о законе народонаселения»
	1801 — парламентская уния Великобритании и Ирландии
1803–05 — вторая англо-маратхская война	1807 — отмена работорговли; начало газового освещения лондонских улиц
1807 — колледж в Хейлибёри	
1809 — опиум лидирует в импорте ОИК в Китай	1811–63 — годы жизни писателя У.М. Теккерея
1813 — отмена монополии на торговлю с Индией	1812–27 — правительство Ливерпула (тори)
1813–23 — генерал-губернаторство маркиза Хейстингса	1812–70 — годы жизни романиста Ч. Диккенса
	1815 — первый «хлебный закон»; рождение романиста Э. Тrollope
1814–16 — англо-непальская война	1816 — введение золотого стандарта
1817–18 — третья англо-маратхская война	
1819 — основание Сингапура	1819 — резня «Питерлоо»
1824 — закрытие фактории в Бенкулу (Суматра)	1820–30 — правление Георга IV
1824–26 — первая англо-бирманская война	1825 — первая железная дорога
	1830–37 — правление Вильгельма IV
1828–33 — генерал-губернаторство графа У. Бентинка	1830–34 — правительство Ч. Грэя (виги)
1828–30 — граф Элленборо во главе контрольного совета	1831 — открытие М. Фарадеем электромагнитной индукции
1829 — запрет обряда сати	
1830–49 — искоренение тхагов	1832 — первая парламентская реформа
1833 — отмена монополии на торговлю с Китаем и запрет ОИК торговать в Индии	1833 — отмена рабства; идея «систематической колонизации» Э.Г. Уэйкфилда
	1837 — вступление на престол Виктории; восстание в Канаде
1838–42 — первая англо-афганская война	1838 — начало чартистского движения
	1840 — объявление Новой Зеландии колонией; первая почтовая марка

Продолжение

Южная Азия	Мировые события
1785 — английский перевод «Бхагавадгиты» Ч. Уилкинса	1791 — В.А. Моцарт: опера «Волшебная флейта»
1793–98 — вторжения афганского Заманшаха в Пенджаб	1792–1815 — революционные и наполеоновские войны Франции
1796–1818 — правление последнего пешвы Баджи Рао II	1793 — ликвидация последней французской Компании Индии
1797–1869 — годы жизни поэта урду Мирзы Галиба	1794 — начало правления Каджаров в Персии
1799–1839 — правление Ранджит Сингха в Пенджабе	1797 — конец Венецианской республики
	1799 — ликвидация голландской ОИК
1803 — завершение строительства сикхского Золотого храма в Амритсаре	1804–14 — империя Наполеона I
1804 — первое упоминание о матче крикета в Индии (Калькутта)	1804–09 — образование империи фульбе
1806–37 — правление Могола Акбара II	1805–48 — правление Мухаммада Али в Египте
1808 — грамматика санскрита Ч. Уилкинса	1806 — конец Священной Римской империи
1809 — антибританское восстание найров в Траванкуре; столкновения индуистов и мусульман в Варанаси	1807 — Г.В.Ф. Гегель «Феноменология духа»
	1810 — основание банкирского дома «Майер Ансельм Ротшильд и сыновья» (Франкфурт-на-Майне)
	1810–26 — война за независимость испанских колоний в Америке
1815 — захват британцами политики Удара на Цейлоне	1812–14 — англо-американская война
1816 — открытие Хинду колледжа в Калькутте	1812–16 — Г.В.Ф. Гегель «Наука логики»
1817 — рождение мусульманского просветителя Сайида Ахмад-хана	1815–73 — пик гегемонии Великобритании в капиталистической мир-системе
1818 — первая газета на индийском языке (бенгали)	1818 — образование империи зулу в Южной Африке
1825 — рождение общественно-политического деятеля Дадабхая Наороджи	1822 — Л. ван Бетховен «9-я симфония»
1826 — Джеймс Милль «История Британской Индии»	1823 — доктрина Монро в США
1828 — основание «Брахмо Самадж» в Бенгалии	1825–30 — восстание Дипонегоро на Яве
1829 — строительство первого парохода в Бомбее	1830–42 — О. Конт «Курс позитивной философии»
1833 — реформы Колбрука-Камерона на Цейлоне	1830 — захват Францией Алжира; революция во Франции
1835 — переход делопроизводства с фарси на английский; первые чайные плантации в Ассаме; первая археологическая экспедиция (Дж. Фергюссон)	1830-е годы — начало «Большой игры» между Великобританией и Россией в Центральной Азии
	1834 — таможенный союз германских государств во главе с Пруссией
	1835 — начало «великого трека» буров в Южной Африке

Окончание

Английская ОИК	Великобритания и Британская империя
1839 — занятие Адена	1841–46 — правительство Р. Пиля (тори)
1843 — аннексия Синда; военная акция в Гваляйре	1843 — Дж.С. Милль «Система логики»; приобретение Гонконга и аннексия Нантала
1844 — отзывание директорами генерал-губернатора Элленборо	1843–47 — первая война с маори
1845–46 — первая англо-сикхская война	1846 — отмена «хлебных законов»
1846 — последний субсидиарный договор (с Панджабом)	1846–49 — голод в Ирландии
1848–56 — генерал-губернаторство маркиза Далхузи	1848 — основание «Братства прерафаэлитов»; первое предоставление самоуправления колонии (Новая Шотландия)
1848–49 — вторая англо-сикхская война	1849 — отмена Навигационных актов
1849 — аннексия Панджаба: завершение покорения Индии	1850 — Всемирная промышленная выставка; «инцидент дона Пасифико»; самоуправление австралийских колоний; У. Вордсворт «Прелюдия»
1852–54 — вторая англо-бирманская война	1851 — открытие золота в Австралии
1853 — назначение 6 из 18 директоров ОИК короной; аннексия Нагпура	1851–53 — война с басуто
1856 — аннексия Авадха	1854 — самоуправление Новой Зеландии
1857–59 — восстание в Хиндустане	1855–58 — правительство виконта Пальмерстона (виги)
1858 — переход управления Британской Индией к короне	1855 — открытие Ливингстоном водопада Виктория
1861 — снос здания <i>East India House</i>	1859 — Ч. Дарвин «Происхождение видов»
1874 — роспуск ОИК	1863 — открытие лондонского метрополитена (первого в мире)
	1867 — вторая парламентская реформа; предоставление Канаде статуса доминиона
	1870 — завершение строительства Вестминстерского дворца (парламента)
	1874 — англо-ашантийская война; приход к власти Б. Дизраэли (консерваторы)

Окончание

Южная Азия	Мировые события
1837–57 — правление Могола Бахадура II	1839–42 — первая опиумная война
1837 — рождение поэта урду Алтафа Хусейна Хали	1839 — начало эпохи танзимата в Османском султанате
1846 — переворот Джанг Бахадура Кунвара в Непале: образование касты Рана	1848–49 — революции во Франции, Германии и Австрии
1850 — рождение писателя хинди Бхаратенду Харишчандры	1849 — К. Маркс, Ф. Энгельс «Коммунистический манифест»; открытие золота в Калифорнии
1851 — первая железная дорога и начало применения телеграфа; создание первой общественно-политической организации индийцев — Ассоциации Британской Индии	1850–64 — восстание тайпинов в Китае 1851 — выход первого номера <i>New York Times</i>
1852 — первая почтовая марка	1852–70 — империя Наполеона III во Франции
1854 — первая прядильная фабрика в Бомбее и джутовая в Калькутте; открытие Гангского канала	1853–56 — Крымская война
1861 — первое представительство индийцев в советах; начало арендного законодательства; рождение Рабиндраната Тагора	1854 — «открытие» Японии commodором Перри 1856–60 — вторая опиумная война
1864 — создание первой общественно-политической организации на Цейлоне — Цейлонской лиги; образование третьей «секты» цейлонского буддизма (Раманья)	1861 — отмена крепостного состояния в России 1861–65 — гражданская война в США
1869 — рождение М.К. Ганди; первые 4 индийца поступают на Индийскую гражданскую службу	1867 — открытие золота и алмазов в Южной Африке 1867–68 — конец сёгуната Токугава и революция Мэйдзи в Японии
1871–72 — столкновения сикхов-намдхари с мусульманами и разгром британцами движения намдхари	1870 — объединение Италии 1870–71 — франко-прусская война и образование Германской империи
1874 — трамвай в Мадрасе и Бомбее	1873 — мировой экономический кризис 1874 — возникновение импрессионизма

Список использованных источников и литературы

Источники

- Гоббс Т. 1991. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т.2. — М.: Мысль. — С. 3–590.
- Смит А. 1935. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во. — Т.2. — 475 с.
- Собрание актов о привилегиях, дарованных английским правительством Ост-Индской Компании и Лондонскому банку. 1843. — М.: Издатель Платон Голубков. — IV, 211 с.
- Abu Talib. 1971. History of Asafu'd Daulah, Nawab Wazir of Oudh, Being a translation of «Tafzihu'l Ghafilin». A Contemporary Record of Events Connected with His Administrations / Transl. from the original Persian by W. Hoey. — Lucknow: Pustak Kendra. — (7), 105 p.
- Affairs of the East India Company: Being the Fifth Report from the Select Committee of the House of Commons, 28th July 1812 / Ed. with notes a. introd. by W.K. Firminger. 3 vols. — Delhi: Neeraj, 1984. — Vol.1. — (18), CCCXXXIV, (XVIII), 322 p.
- Ahsanulla Khan, Hakim. 1958. Memoirs of Hakim Ahsanulla Khan / Ed. by S. Moinul Haq. — Karachi: Pakistan Historical Society. — IX, 57 p.
- Aitchison C.U. 1909. Collection of Treaties, Engagements and Sunnuds Relating to India a. Neighbouring Countries. 10 vols. — Calcutta: Superintendent Govt. Printing. — Vol.1. The Treaties etc., Relating to the United Provinces, Oudh, Bengal, and the Central Provinces. — (XVIII), 480, V, LXXXIV p.
- Aitchison C.U. 1931. Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India a. Neighbouring Countries. 10 vols. — Calcutta: Govt. of India. — Vol.1. The Treaties etc., Relating to the Punjab, the Punjab States a. Delhi. — XVIII, 360, (XXVII) p.
- Appendices / Khera P.N. 1963. British Policy Towards Sindh: Up to Its Annexation — 1843. — Delhi: Ranjit. — P.113–141.
- Appendix / Briggs H.G. 1861. The Nizam: His History and Relations with the British Government. — L.: Bernard Quaritch. — 2 vols.
- Appendix / Weitzman S. 1929. Warren Hastings and Philip Francis. — Manchester: Manchester University Press. — P.203–378.
- Burke E. 1960. The Correspondence of Edmund Burke. 2 vols. — Chicago: Cambridge University Press. — Vol.2. — XXV, 567 p.
- Burnes J. 1974. A Visit to the Court of Sindh. — Karachi etc.: Oxford University Press. — XXVIII, 146 p.
- A Calendar of the Court Minutes etc. of the East India Company / Ed. by E.B. Sainsbury. 8 vols (1635–1670). — Oxford: Clarendon Press, 1907–1929.

- Calendar of Persian Correspondence. 1969. — Calcutta: Govt. of India Press. — Vol.11. 1794–1795. — XXXVI, 423, (LIV) p.
- Calendar of State Papers, Domestic Series. — L.: H.M. Stationery Office, 1932–1960. (1) 1682 / Ed. by F.H. Blackburne Daniell. — VIII, 778 p. (2) James II, Vol.1. February–December 1685. — VIII, 578 p.
- Campbell L.D. 1807. A Reply to the Strictures of the *Edinburgh Review*, on the Foreign Policy of Marquis Wellesley's Administration in India; Comprising an Examination of the Late Transactions in the Carnatic. — L.: Cadell a. Davies. — 301 p.
- Cavendish Bentinck W. 1977. The Correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835/ Ed. by C.H. Philips. 2 vols. — Oxford: Oxford University Press. — L, 1483 p.
- Cobbett's Parliamentary History of England. — L., 1809–11. — Vol.5, 8 (A.D. 1688–1702, 1722–33).
- A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on Behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan. — L.: Cox a. Son, 1812. — XX, 623 p.
- A Demonstration of the Necessity and Advantages of a Free Trade to the East Indies; and of a Termination to the Present Monopoly of the East-India Company. — L.: Chapple, 1807. — X, 157 p.
- Descriptive List of Persian Correspondence, 1801: Being Letters Which Passed Between the Company's Officials a. Indian Chiefs, Notables a. Foreign Potentats. — New Delhi: National Archives of India, 1974. — Vol. I. — IV, 140, (II) p.
- Documents / Marshall P.J. 1968. Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813. — L.: Allen a. Unwin. — P.105–233.
- The English Factories in India, 1670–1677 (New Series) / Ed. by C. Fawcett. — Oxford: Clarendon Press, 1936–52. — 2 vols.
- The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum a. Public Record Office / Ed. by W. Foster. — Oxford: Clarendon Press, 1906–27. — 13 vols (1618–69).
- English Records of Maratha History. Poona Residency Correspondence. 14 vols. — Bombay: Govt. Central Press, 1936–51. — Vol.1, 3–5, 7, 10, 12–14, extra.
- English Records on Shivaji (1659–82). — Poona: Shiva Charitra Karyalaya, 1931. — 2 vols in one.
- Fort William — India House Correspondence and Other Contemporary Papers Relating Thereto. — Delhi: Govt. of India, 1949–55. — Vol.5, 17.
- George III. 1968. The Letters of King George III / Ed. by B. Dobrée. — L.: Cassell. — XIV, 294 p.
- Grenville G. 1807. Considerations upon the Trade with India; and the Policy of Continuing the Company's Monopoly. — L.: Cadell a. Davies. — 159 p.
- Grose J.-H. 1758. Voyage aux Indes Orientales. — Lille: Panckouke; P.: Desaint & Saillant; Michel Lambert. — 369 p.
- Hansard's Parliamentary Debates. — L., 1813. — Vol.24–26 (A.D. 1812–13).
- Hansard's Parliamentary Debates / Third Series. — L., 1833–58. — Vol.18–20, 125, 127–129, 148–151 (A.D. 1833, 1853, 1857–58).
- Hansard's Parliamentary History of England. — L., 1813–17. — Vol.14–17, 24–25, 30 (A.D. 1747–74, 1783–86, 1792–94).
- Hastings, F. Rawdon-Hastings. 1858. The Private Journal of the Marquess of Hastings, K.G., Governor-General and Commander-in-Chief in India/ Ed. by his daughter, the Marchioness of Bute. 2 vols. — L.: Saunders a. Otley. — Vol.2. — 354 p.

- Hastings W. 1978. *Memoirs Relative to the State of India*. — Calcutta: M.L. Ghosh. — XXIV, 105 p.
- Indian Constitutional Documents 1757–1939 / Ed. by A.C. Banerjee. 3 vols. — Calcutta: A. Mukherjee, 1948. — Vol.1. 1757–1858. — XXXXIII, 352 p.
- Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East / Ed. by W. Foster. 6 vols. — L.: Sampson Low, Marston & Co., 1896–1901. — Vol.1, 5–6 (1602–13, 1617).
- The London Chronicle: or, Universal Evening Post. — L., 1757. — No. 69–70 (June, 7–11).
- Macpherson S.C. 1865. *Memorials of Service in India: From the Correspondence of the Late Major Samuel Charters Macpherson, C.B.* / Ed. by W. Macpherson. — L.: John Murray. — XIV, 400 p.
- Muir R. 1969. *The Making of British India, 1756–1858*. Described in a series of despatches, treaties, statutes, & other documents, selected & edited with introd. & notes. — Lahore etc.: Oxford University Press. — XIV, 398 p.
- Mun Th. 1930. *A Discourse of Trade from England unto the East Indies*. — N.Y.: The Facsimile Text Society. — 58 p.
- Old Fort William in Bengal: A Selection of Official Documents Dealing with Its History (Indian Records Series) / Ed. by C.R. Wilson. 2 vols. — L.: John Murray, 1906. — Vol.1. — XL, 256 p.
- Persian Records of Maratha History. I. Delhi affairs, 1761–1788 / Tr. by J. Sarkar. — Bombay: Govt. of Bombay, 1953. — X, 213 p.
- Private Correspondence Relating to the Anglo-Sikh Wars (Being Private Letters of Lords Ellenborough, Hardinge, Dalhousie and Gough and of Political Assistants Addressed to Sir Frederick Currie as British Resident at Lahore, etc.) / Ed. with an introd. by G. Singh. — Amritsar; Patiala: Sikh History Society, 1955. — (166), 515 p.
- The Punjab Papers: Selections from the Private Papers of Lord Auckland, Lord Ellenborough, Viscount Hardinge, and the Marquis of Dalhousie, 1836–1849 on the Sikhs / Ed. & annotated with an introd. by B.J. Hasrat. — Hoshiarpur: V.V. Research Institute Press, 1970. — X, 289 p.
- Raja of Satara: Return to an Order of the Honourable the House of Commons, dated 5 February 1849. — S.l., 1849. — VI, 152 p.
- The Register of Letters etc. of the Governor and Company of Merchants of London Trading into the East Indies, 1600–1619 / Ed. by G. Birdwood. — L.: Bernard Quaritch, 1893. — LXXXIV, 530 p.
- Review of the Affairs of India, from the Year 1798 to the Year 1806, Comprehending a Summary Account of the Principal Transactions During That Eventful Period. — L.: Cadell & Davies, 1807. — 140 p.
- Scott D. 1951. *The Correspondence of David Scott Director and Chairman of the East India Company Relating to Indian Affairs, 1787–1805* / Ed. by C.H. Philips. 2 vols. — L.: Offices of the Royal Historical Society. — XXVIII, (XII), 458 p.
- Secret Correspondence of Tipu Sultan / Ed. by K. Kausar — New Delhi; Jammu: Ligh a. Life, 1980. — XVIII, 382 p.
- Select Documents of the British Period of Indian History / Ed. by L.C. Ganguly. — Calcutta: Guha Ray at Sree Saraswaty Press, 1958. — X, 251 p.
- Select Statutes and Other Constitutional Documents Illustrative of the Reign of Elizabeth and James I / Ed. by G.W. Prothero. — Oxford: Clarendon Press, 1934. — CXXV, 490 p.
- Selections from the Historical Records of the Hereditary Minister of Baroda: Consisting of Letters from Bombay, Baroda, Poona and Satara Governments / Collected by B.A. Gupte, Rai Bahadur. — Calcutta: University of Calcutta, 1922. — X, 127 p.

- Selections from the State Papers of the Governors-General of India. Lord Cornwallis / Ed. by G.W. Forrest. — Oxford: Basil Blackwell, 1926. — 2 vols.
- Shore J. 1933. The Private Record of an Indian Governor-Generalship: The Correspondence of Sir John Shore, Governor-General, with Henry Dundas, President of the Board of Control, 1793–1798 / Ed. by H. Furber. — Cambridge: Harvard University Press. — X, 206 p.
- Sleeman W.H. 1971. Sleeman in Oudh: An Abridgement of W.H. Sleeman's «A Journey through the Kingdom of Oude in 1849–50» / Ed. with introd. a. notes by P.D. Reeves. — Cambridge: Cambridge University Press. — XII, 329 p.
- Speeches and Documents on Indian Policy 1750–1921 / Ed. by A.B. Keith. — Delhi: Anmol, 1922. — Vol.1. — XXXII, 386 p.
- Two Views of British India: The Private Correspondence of Mr Dundas a. Lord Wellesley, 1798–1801 / Ed. with an introd. by E. Ingram. — Bath: Adams a. Dart, 1970. — IX, 344 p.
- The Voyage of Thomas Best to the East Indies, 1612–1614 / Ed. by W. Foster. — L.: Hakluyt Society, 1934. — LVI, 316 p.
- Warren Hastings' Letters to Sir John Macpherson / Ed. by H. Dodwell. — L.: Faber a. Gwyer, 1927. — 218 p.
- Wellesley R.C. The Despatches, Minutes and Correspondence of the Marquess Wellesley, K.G. During His Administration in India / Ed. by R. Montgomery Martin. 5 vols. — L.: John Murray; Allen, 1836–37. — Vol.1–3.
- Wellesley R.C. 1805 (1). History of All Events and Transactions Which Have Taken Place in India: Containing the Negotiations of the British Government, Relative to the Glorious Success of the Late War. — L.: Stockdale. — 263 p.
- Wellesley R.C. 1805 (2). Notes Relative to the Peace Concluded Between the British Government and the Mahratta Chieftains, and to the Various Questions Arising out of the Terms of the Pacification. — L.: Stockdale, 1805. — 109 p.
- Ansari M.A. 1984. Administrative Documents of Mughal India. — Delhi: B.R. Publishing. — 79 p. (фарси).
- Badauni, Abd-al-Qādir bin-i-Malūk Shāh. 1868. The Muntakhab-ut-Tawarikh / Ed. by Maulavi Ahmad 'Ali. 3 vols. — Vol.1. — Calcutta: College Press. — (16), 492, (7) p. (фарси).
- Diplomatic Correspondence Between Mir Nizam Ali Khan and East India Company (1780–98) / Ed. by Y. Husain. — Hyderabad (Deccan): Govt. of Andhra Pradesh, 1958. — X, 160, (10), 8, 12, (III) p. (фарси).
- Ghulam Husain, Salim. 1898. The Riyazu-s-Salatīn (Сады султанов). — Calcutta: Asiatic Society of Bengal. — (105), 400 p. (фарси).
- Khwājah Nizām-ud-dīn Ahmad. 1931. The Tabaqāt-i-Akbarī (A History of Islam from the Early Musalmān Invasions to the Thirty-eighth Year of the Reign of Akbar). 3 vols. — Vol.2. — Calcutta: Asiatic Society of Bengal. — (28), 520 p. (фарси).
- News-letters 1767–1799 (Nawab Mir Nizam Ali Khan's Reign) / Ed. by Y. Husain. — Hyderabad: The Central Records Office, Hyderabad Govt., 1955. — IV (English), 104 (English), (22) (English), (20) (Persian), 122 (Persian) p.
- Persian Documents: Being the Letters, Newsletters and Kindred Documents Pertaining to the Several States Existing in India in the Last Quarter of the Eighteenth Century, from the Oriental Collection of the National Archives of India. Part I: Text / Ed. by P. Saran. — L.: Asia, 1966. — 104 (English), 522 (Persian) p.

Исследовательская литература

- Агеев В.Ф. 1979. Английское завоевание Синда. — М.: ГРВЛ. — 142 с.
- Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. 1999. Английские партии и колониальная политика в XIX в. (1815 — середина 1870-х годов) — М.: ИВИ РАН. — 217 с.
- Алаев Л.Б. 2003. Средневековая Индия. — СПб.: Алетейя. — 303 с.
- Алаев Л.Б. 1964. Южная Индия: социально-экономическая история XIV–XVIII веков. — М.: Наука. — 352 с.
- Аникин А. 2002. История финансовых потрясений: российский кризис в свете мирового опыта. — М.: Олимп — Бизнес. — 448 с.
- Антонова К.А. 1958. Английское завоевание Индии в XVIII в. — М.: Изд-во вост. лит. — 327 с.
- Антонова К.А. 1952. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времён Акбара (1556–1605). — М.: Изд-во АН СССР. — 283 с.
- Арриги Дж. 2005. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль — XXI, № 1. — С.4–20.
- Барг М.А. 1991. Великая английская революция в портретах её деятелей. — М.: Мысль. — 400 с.
- Белков П.Л. 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации/ Под ред. В.А. Попова. — М.: Вост. лит. — С.165–187.
- Биорнштиерна М.Ф. 1847. Британская империя в Индии. — М.: университет. тип. — (XIV), 266, CXXXVIII с.
- Бондаренко Д.М. 2004. Социально-политическая эволюция: от равноположенности типов общины к альтернативности форм надобщинной организации // ALAICA: Сб. науч. тр. российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, д-ра ист. наук Л.Б. Алаева / Ин-т востоковедения. — М.: Вост. лит. — С.32–53.
- Бродель Ф. 1993. Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмм. — 128 с.
- Ванина Е.Ю. 1993. Идеи и общество в Индии в XVI–XVIII вв. — М.: ГРВЛ. — 231 с.
- Ванина Е.Ю. 2003. Наследники Моголов: Проблемы развития индийских государств XVIII в. // Индия: Общество, власть, реформы. Памяти Г.Г. Котовского. — М.: Вост. лит. — С.97–116.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. — М.: Прогресс. — 805 с.
- Века неравной борьбы / Под ред. В.Н. Никифорова. — М.: ГРВЛ, 1967. — 452 с.
- Вернадский И.В. 1877. Политическое равновесие и Англия. — СПб.: Славянская печать. — 180 с.
- Виппер Р.Ю. 1997. История нового времени. — Киев: Ника-Центр. — 621 с.
- Водовозов В.В. 1912. Кабинет и парламент в Англии в XVIII веке / Книга для чтения по истории нового времени. — М.: Издание т-ва И.Д. Сытина. — Т.III. — С.34–67.
- Воронкова Г.В. 1981. К вопросу о влиянии Ост-Индской Компании на внешнюю политику Англии в первые годы Реставрации (1660–1668) // Англия XV–XVIII вв.: Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. — Горький: ГГУ им. Н.И. Лобачевского. — С.89–103.
- Всемирная история. 1959. — М.: Изд-во соц.-эк. лит. — Т.VI. — 831 с.
- Гафуров А. 1987. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. — М.: Наука. — 222 с.
- Зиновьев А.А. 2000. На пути к сверхобществу. — М.: Центрполиграф. — 638 с.

- Зомбарт В. 2005. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собрание сочинений в трёх томах. — СПб.: Владимир Даль. — Т.1. — С.25–478.
- Исмаилов Р. 2000. Самоубийство Британской империи // Переслегин С., Переслегина Е. Тихоокеанская премьера. — М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTICA. — С.609–622.
- История Индии в средние века / Под ред. Л.Б. Алаева, К.А. Антоновой, К.З. Ашрафян. — М.: ГРВЛ, 1968. — 727 с.
- Касымов А. 1964. Борьба Майсура за свою независимость в конце XVIII в. — Ташкент: Наука. — 113 с.
- Кондратьев Н.Д. 1989. Большие циклы конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика. — С.170–411.
- Кочнев В.И. 1968. Государство сикхов и Англия. — М.: Наука. — 173 с.
- Крылов В.В. 1997. О логическом развёртывании понятия «капитал» в понятие многоукладной структуры капиталистической системы отношений // Крылов В.В. Теория формаций. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН. — С.56–61.
- Крылов В.В. 2000. Теория многоукладности (Марксистский метод анализа социально-экономической неоднородности развивающихся обществ) // Русский исторический журнал. — М.: РГГУ, 2000. — Т.III, № 1–4. — С.247–327.
- Кулишер И.М. 2004. История экономического быта Западной Европы. — Челябинск: Социум. — Т.II. — 617 с.
- Левин А.А. 1959. Из истории английского проникновения в Индию («открытие» Индии английской Ост-Индской Компанией) // Учёные записки ГГУ им. Н.И. Лобачевского. — Горький. — Вып.51. Новая история (Сборник статей кафедры всеобщей истории). — С.5–22.
- Левин А.А. 1964. Проникновение английской Ост-Индской Компании в Индию, Индонезию и Персидский залив в первые десятилетия XVII века (1601–1641 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Горький: ГГУ. — 24 с.
- Левковский А.И. 1959. Английский колониальный государственный аппарат в Индии накануне народного восстания 1857–1859 гг. // Индия: Статьи по истории. — М.: Изд-во вост. лит. — С.91–136.
- Лелюхин Д.Н. 1998. Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). — М.: Биоинформсервис. — С.8–143.
- Лелюхин Д.Н., Любимов Ю.В. 1998. Вступление: проблема государства и его критериев // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). — М.: Биоинформсервис. — С.3–7.
- Лосев Ю.И. 2001. Экономическая и политическая деятельность британской Ост-Индской Компании в Индии (XVII — начало XVIII в.). — М.: Институт общего образования; Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. — 228 с.
- Маркс К. Британская конституция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т.11. — С.99–102.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т.25, ч.1. — VI, 545 с.
- Маркс К. Ост-Индская Компания, её история и результаты её деятельности // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т.9. — С.151–160.
- Мещерякова Н.М. 1978. Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI — первой половины XVII века // Проблемы генезиса капитализма. Сборник статей. — М.: Наука. — С.178–241.

- Можейко И.В. 1971. Наградная система Британской Ост-Индской Компании // Народы Азии и Африки. — М.: Наука. — № 6. — С.112–116.
- Новая история Индии / Под ред. К.А. Антоновой, Н.М. Гольдберга, А.М. Осипова. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — 835 с.
- Олимов М.А. 1993. Очерки истории Синда в XVII — начале XIX в. — М.: Ин-т востоковедения РАН; Ин-т востоковедения АН Республики Таджикистан. — 182 с.
- Олтаржевский В.П., Бейдина Т.Е., Воронкова Г.В. 1988. Английская Ост-Индская Компания в XVII веке. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. — 148 с.
- От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. — М.: Росспэн, 1998. — 428 с.
- Павлов В.И. 1973. Социально-экономическая структура промышленности Индии: исторические предпосылки генезиса капитализма (конец XVIII — середина XIX в.). — М.: Наука. — 392 с.
- Петрушенко Л.Н. 1971. Самодвижение материи в свете кибернетики. Ч.1. — М.: Наука. — 292 с.
- Полань К. 2002. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — СПб.: Алетейя. — 320 с.
- Понятие государства в четырёх языках: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. — СПб.; М.: Европейский Ун-т в Санкт-Петербурге: Летний Сад, 2002. — 218 с.
- Рейснер И.М. 1961. Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. — М.: Изд-во вост. лит. — 306 с.
- Сейу Э. 1938. Англия, 1800–1813. (Глава III) // История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. — М.: ОГИЗ. — Т.2. — С.46–82.
- Семёнова Н.И. 1958. Государство сикхов: очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в. — М.: Изд-во вост. лит. — 177 с.
- Сили Дж.Р. 2004. Расширение Англии // Британская империя. — М.: Алгоритм-Книга; Эксмо. — С.9–326.
- Синха Н.К., Банерджи А.Ч. 1954. История Индии. — М.: Изд-во иностр. лит. — 440 с.
- Социоанализ Пьера Бурдьё. 2001. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. — 288 с.
- Суворова А.А. 1995. Ностальгия по Лакхнау. — М.: Тадем. — 248 с.
- Тарле Е.В. 2001. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств // Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов (XV–XX веков). — М.: ЭКСМО-ПРЕСС. — С.15–336.
- Тилле А. Великобритания и Ирландия после смерти Георга III // История человечества. Всемирная история / Под общей ред. д-ра Г. Гельмольта. — СПб: Просвещение, s.a. — Т.9. — С.1–51.
- Тревельян Дж.М. 2001. История Англии от Чосера до королевы Виктории. — Смоленск: Русич. — 624 с.
- Тюрин В.А. 1999. Ранний европейский колониализм в странах Востока (Глава 3) // История Востока. Т.3. Восток на рубеже средневековья и нового времени, XVI–XVIII вв. — М.: Вост. лит. — С.46–66.
- Тюрин В.А. 1980. История Малайзии: краткий очерк. — М.: ГРВЛ. — 264 с.
- Фроянов И.Я. 1980. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. — Л.: ЛГУ. — 160 с.
- Фурсов А.И. 1996. Колокола Истории. — М.: ИНИОН. — 462 с.
- Фурсов А.И. 1999. По ком звонят Колокола Истории? Капитализм и коммунизм в XX веке // Русский исторический журнал. — М.: РГТУ. — Т.2, № 1. — С.377–403.

- Хеншелл Н. 2003. Миф абсолютизма. — СПб.: Алетейя. — 272 с.
- Шаститко П.М. 1967. Нана Сахиб (Рассказ о народном восстании 1857–1859 гг. в Индии). — М.: Наука. — 168 с.
- Юрлова Т.Ф. 1991. Народное восстание 1857–1859 гг. в Индии и английское общество. — М.: Наука. — 142 с.
- Anglo-Sikh Relations. Chapters from J.D. Cunningham's History of the Sikhs / Ed. with introd. a. notes by A.C. Banerjee. — Calcutta: A. Mukherjee, 1949. — LXXXIII, 192 p.
- Arasaratnam S. 1994. Maritime India in the Seventeenth Century. — Delhi etc.: Oxford University Press. — IX, 294 p.
- Arasaratnam S. 1986. Merchants, Companies and Commerce on the Coromandel Coast, 1650–1740. — Delhi etc.: Oxford University Press. — X, 407 p.
- Archbold W.A.J. 1929. The Conquest of Sind and the Punjab (Chapter XXIX) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.522–557.
- Arrighi G. 1994. The Long Twentieth Century: Money, Power, a. the Origins of Our Times. — L.; N.Y.: Verso. — XIV, 400 p.
- Ashley M. 1977. England in the Seventeenth Century. — Harmondsworth: Penguin Books. — 267 p.
- Ashton T.S. 1959. Economic Fluctuations in England, 1700–1800. — Oxford: Clarendon Press. — VIII, 199 p.
- Bairoch P. 1997. Victoires et déboires: Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours. 3 t. — P.: Gallimard. — T.2. — 1015 p.
- Bakshi S.R. 1971. British Diplomacy and Administration in India, 1807–13. — New Delhi: Munshiram Manoharlal. — XII, 228 p.
- Bal K. 1924. Commercial Relations Between India and England (1601 to 1757). — L.: George Routledge a. Sons. — XXII, 370 p.
- Banerjee A.C. 1977. A Constitutional History of India. 3 vols. — Delhi: Macmillan. — Vol.1. 1600–1858. — IX, 568 p.
- Barber W.J. 1975. British Economic Thought and India, 1600–1858: A Study in the History of Development Economics. — Oxford: Clarendon Press. — VIII, 243 p.
- Barnett R.B. 1980. North India Between Empires: Awadh, the Mughals and the British, 1720–1801. — Berkeley etc.: University of California Press. — XVIII, 276 p.
- Basu P. 1943. Oudh and the East India Company, 1785–1801. — Lucknow: Maxwell. — IV, 219 p.
- Bayly C.A. 2004. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections a. Comparisons. — Malden (Mass.) etc.: Blackwell. — XXIV, 540 p.
- Bayly C.A. 1989. Imperial Meridian: The British Empire a. the World, 1780–1830. — L.; N.Y.: Longman. — XV, 295 p.
- Bayly C.A. 1988. Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India. Vol. II.1. — Cambridge: Cambridge University Press. — XII, 230 p.
- Bayly C.A. 1983. Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870. — Cambridge etc.: Cambridge University Press. — XIV, 489 p.
- Bearce G.D. 1961. British Attitudes Towards India, 1784–1858. — L.: Oxford University Press. — VIII, 315 p.
- Beotra B.R. The Two Indias: Being a Historical Sketch of the Treaty Relations Between the Indian States and the Paramount Power. — Calcutta: Newman, s.a. — IV, 124 p.
- Bhattacharya S. 1954. The East India Company and the Economy of Bengal from 1700 to 1740. — L.: Luzac. — 240 p.

- Bobbitt Ph. 2002. The Shield of Achilles: War, Peace a. the Course of History. — L. etc.: Penguin Books. — XXXIV, 922 p.
- Bowen H.V. 1998. British India, 1765–1813: The Metropolitan Context (Chapter 24) // The Oxford History of the British Empire. Vol.2. The Eighteenth Century / Ed. by P.J. Marshall. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P. 530–551.
- Braudel F. 1979. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle. 3 t. — P.: Armand Colin. — T.2–3.
- Briggs A. 1980. The Age of Improvement, 1783–1867. — L.; N.Y.: Longman. — 550 p.
- Briggs H.G. 1861. The Nizam: His History and Relations with the British Government. — L.: Bernard Quaritch. — 2 vols.
- British Aggression in Avadh: Being the Treatise of M. Mohammad Masih Uddin Khan Bahadur Entitled: «Oude: Its Princes and Its Government Vindicated» / Ed. with an introd. by S. Ahmad. — Meerut: Meenakshi Prakashan, 1969. — XVI, 179 p.
- Chaudhuri K.N. 1965. The English East India Company: The Study of an Early Joint-stock Company 1600–1640. — L.: Cass. — X, 245 p.
- Chaudhuri K.N. 1982. European Trade with India (Chapter XIII.1) // The Cambridge Economic History of India. 2 vols. Vol.1: c.1200 – c.1750 / Ed. by T. Raychaudhuri a. I. Habib. — Cambridge etc.: Orient Longman; Cambridge University Press. — P.382–407.
- Chaudhuri K.N. 1978. The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760. — Cambridge etc.: Cambridge University Press. — XVIII, 629 p.
- Chopra B.R. 1969. Kingdom of the Punjab, 1839–1845. — Hoshiarpur: Vishveshvaranand Institute. — XX, 497 p.
- Chopra G.L. 1960. The Panjab as Sovereign State (1799–1839). Thesis approved for the degree of Doctor of Philosophy in the University of London. — Hoshiarpur: Vishveshvaranand Vedic Research Institute. — XII, 232 p.
- A Comprehensive History of India / Ed. by A.C. Banerjee a. D.K. Ghose. — New Delhi: People's Publ. House, 1978. — Vol. IX (1712–1772). — XX, 775 p.
- Coupland R. Britain and India, 1600–1941. — L. etc.: Longmans, Green a. Co., s.a. — 94 p.
- Creveland M. van. 1999. The Rise and Decline of the State. — Cambridge etc.: Cambridge University Press. — VIII, 439 p.
- Crouzet F. 2002. Mercantilism, War and the Rise of British Power // Two Hegemonies: Britain 1846–1914 a. the United States 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien a. A. Clesse. — Aldershot: Ashgate. — P.67–85.
- Das Gupta A. 2001 (1). India and the Indian Ocean in the Eighteenth Century // Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays / Ed. by U. Das Gupta. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P.188–224.
- Das Gupta A. 1982. Indian Merchants and the Trade in the Indian Ocean (Chapter XIII.2) // The Cambridge Economic History of India. 2 vols. Vol.1: c.1200 – c.1750 / Ed. by T. Raychaudhuri a. I. Habib. — Cambridge etc.: Orient Longman; Cambridge University Press. — P.407–433.
- Das Gupta A. 2001 (2). Indian Merchants in the Age of Partnership, c.1500–1800 // Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays / Ed. by U. Das Gupta. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P.122–133.
- Das Gupta A. 1967. Malabar in Asian Trade, 1740–1800. — Cambridge: Cambridge University Press. — XII, 204 p.
- Das Gupta A. 2001 (3). Trade and Politics in Eighteenth-century India // Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays / Ed. by U. Das Gupta. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P.141–179.

- Data P.C. 1986. The Sikh Empire (1708–1849 A.D.). — Delhi: National Book Shop. — VIII, 257 p.
- Datta K.K. 1965. Shah Alam II and the East India Company. — Calcutta: World Press. — VII, 148 p.
- Davies A.M. 1935. Strange Destiny: A Biography of Warren Hastings. — N.Y.: Putnam's sons. — XII, 468 p.
- Davies C.C. 1939. Warren Hastings and Oudh. — L. etc.: Oxford University Press. — XV, 271 p.
- Deane Ph. 1973. Great Britain (Chapter 3) // The Fontana Economic History of Europe / Ed. by C.M. Cipolla. 6 vols. Vol.4. Part One. The Emergence of Industrial Societies. — Glasgow: Fontana/Collins. — P.161–227.
- Deane Ph., Cole W.A. 1962. British Economic Growth, 1688–1959. — Cambridge: Cambridge University Press. — XVI, 348 p.
- Dehio L. 1962. The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle. — N.Y.: Alfred A. Knopf. — XII, 296, (VIII) p.
- Desai W.S. 1970. Bombay and the Marathas up to 1774. — New Delhi: Munshiram Manoharlal. — XVI, 248 p.
- Dodds J. W. 1953. The Age of Paradox: A Biography of England, 1841–1851. — L.: Victor Gollancz. — XVIII, 509 p.
- Dodwell H.H. 1929 (1). The Development of Sovereignty in British India (Chapter XXXII) // The Cambridge History of India. Vol. V. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.589–608.
- Dodwell H.H. 1929 (2). The Exclusion of the French (Chapter XIX) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.323–332.
- Dodwell H.H. 1932. Imperial Legislation and the Superior Governments, 1818–1857 (Chapter I) // Vol.6. The Indian Empire, 1858–1918/ Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.1–19.
- Dodwell H.H. 1929 (3). Legislation and Governments, 1786–1818 (Chapter XVIII) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.313–322.
- Dutt R. The Economic History of India under Early British Rule: From the Rise of the British Power in 1757 to the Accession of Queen Victoria in 1837. — L.: Kegan Paul, Trench, Trubner a. Co., s.a. — XXIV, 436 p.
- Edwardes M. 1968. Glorious Sahibs: The Romantic as Empire-builder 1799–1839. — N.Y.: Taplinger. — 248 p.
- Edwardes M. 1970. King of the World: The Life and Times of Shah Alam Emperor of Hindustan. — L.: Secker a. Warburg. — VI, 279 p.
- Edwardes M. 1960. The Orchid House: Splendours a. Miseries of the Kingdom of Oudh, 1827–1857. — L.: Cassell. — XVI, 216 p.
- Edwardes S.M. 1929. The Final Struggle with the Marathas, 1784–1818 (Chapter XXII) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.363–383.
- Eisenstadt S. 1963. The Political Systems of Empires. — L.: Collier — Macmillan. — XIX, 524 p.
- Embree A.T. 1962. Charles Grant and British Rule in India. — N.Y.: Columbia University Press. — 320 p.
- Feiling K. 1955. Warren Hastings. — L.: Macmillan. — XII, 420 p.
- Ferguson N. 2002. Empire: The Rise a. Demise of the British World Order a. the Lessons for Global Power. — N.Y.: Basic Books. — XXVI, 351 p.

- Fisher M.H. 1988. A Clash of Cultures: Awadh, the British a. the Mughals. — L.: Sangam Books. — X, 284 p.
- Fisher M.H. 1991. Indirect Rule in India: Residents a. the Residency System, 1764–1857. — Delhi etc.: Oxford University Press. — XVI, 516 p.
- Foster W. 1929. The East India Company, 1600–1740 (Chapter IV) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.77–116.
- Foster W. 1924. The East India House: Its History a. Associations. — L.: John Lane the Bodley Head. — XII, 250 p.
- Frank A.G. 1978. World Accumulation, 1492–1789. — N.Y.; L.: Monthly Review Press. — 303 p.
- Frazer R.W. 1896. British India. — L.: Fisher Unwin; N.Y.: Putnam's Sons. — XVIII, 399 p.
- Furber H. 1951. John Company at Work: A Study of European Expansion in India in the Late Eighteenth Century. — Cambridge: Harvard University Press. — XIV, 407 p.
- Furber H. 1976. Rival Empires of Trade in the Orient, 1600–1800. — Minneapolis: University of Minnesota Press. — XIX, 408 p.
- Gardner B. 1971. The East India Company: A History. — L.: Rupert Hart-Davis. — 319 p.
- Golant W. 1975. The Long Afternoon: British India, 1601–1947. — L.: Hamish Hamilton. — XVIII, 270 p.
- Gopal R. 1963. How the British Occupied Bengal: A Corrected Account of the 1756–1765 Events. — L.: Asia. — VI, 373 p.
- Gordon S. 1998. The Marathas, 1600–1818 / The New Cambridge History of India. II.4. — New Delhi: Cambridge University Press. — XV, 202 p.
- Gough C., Innes A.D. 1986. The Sikhs and the Sikh Wars: The Rise, Conquest a. Annexation of the Punjab State. — Delhi: Gian. — XV, 304 p.
- Grant Duff J. 1826. A History of the Marathas. 3 vols. — L.: Longman, Rees, Orme, Brown a. Green. — Vol.2–3.
- Gray J. 1998. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. — L.: Granta Books. — 234 p.
- Grewal J.S. 1999. The Sikhs of the Punjab / The New Cambridge History of India. II.3. — New Delhi: Cambridge University Press. — XXVI, 277 p.
- Griffiths P. 1952. The British Impact on India. — L.: Macdonald. — 520 p.
- Guha N. 1985. Pre-British State System in South India: Mysore 1761–1799. — Calcutta: Ratna Prakashan. — VIII, 238 p.
- Gupta B.K. 1962. Sirajuddaulah and the East India Company, 1756–57. — Leiden: Brill. — XII, 170 p.
- Hasan A. 1998. The Silver Currency Output of the Mughal Empire and Prices in India During the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Money and the Market in India, 1100–1700 / Ed. by S. Subrahmanyam. — Delhi etc.: Oxford University Press. — P.156–185.
- Hasrat B.J. 1968. Anglo-Sikh Relations 1799–1849: A Reappraisal of the Rise a. Fall of the Sikhs. — Hoshiarpur: V.V. Research Institute Press. — XII, 411 p.
- Hibbert C. 1980. The Great Mutiny: India 1857. — L.: Penguin Books. — 472 p.
- Hobsbawm E.J. 1969. Industry and Empire: The Making of Modern English Society. — N.Y.: Pantheon Books. — Vol.2. 1750 to Present Day. — XI, 336 p.
- Howe S. 2001. The Slow Death and Strange Rebirths of Imperial History // The Journal of Imperial and Commonwealth History. — L.: Cass, May 2001. — Vol.29, No. 2. — P.131–141.
- Hunter W.W. A History of British India. — L. etc.: Longmans, Green a. Co., 1912–1919. — 2 vols.
- Husain M. 1958. Bahadur Shah II and the War of 1857 in Delhi with Its Unforgettable Scenes. — Delhi: Atma Ram a. Sons. — LXXVI, 451 p.

- Huttenback R.A. 1962. British Relations with Sind 1799–1843: An Anatomy of Imperialism. — Berkeley; Los Angeles: University of California Press. — XII, 162 p.
- Hyam R., Martin G. 1975. Reappraisals in British Imperial History. — L.; Basingstoke: The Bowering Press. — XIV, 171 p.
- Ilbert C.P. 1898. The Government of India: Being a Digest of the Statute Law Relating Thereto. — Oxford: Clarendon Press. — XL, 607 p.
- Imlah A.H. 1939. Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press. — XVI, 295 p.
- James L. 1997. Raj: The Making and Unmaking of British India. — L.: Little, Brown and Co. — XIV, 720 p.
- James L. 1995. The Rise and Fall of the British Empire. — L.: Abacus. — XVI, 704 p.
- Jeffrey R. 1976. The Decline of the Nayar Dominance: Society a. Politics in Travancore, 1847–1908. — L.: Sussex University Press. — XXII, 376 p.
- Judd D. 1997. Empire: The British Imperial Experience, from 1765 to the Present. — L.: Fontana Press. — XXVI, 518 p.
- Kaye J.W. 1966. The Administration of the East India Company: A History of Indian Progress. — Allahabad: Kitab Mahal. — X, 712 p.
- Kaye J.W. 1858. The Life and Correspondence of Charles, Lord Metcalfe. 2 vols. — L.: Smith, Elder a. Co. — Vol.1. — XXIV, 454 p.
- Keay J. 1991. The Honourable Company: A History of the English East India Company. — L.: Harper Collins. — XX, 475 p.
- Keay J. 2000. India: A History. — L.; New Delhi: Harper Collins. — XXVIII, 576 p.
- Keith A.B. 1937. A Constitutional History of India, 1600–1935. — L.: Methuen. — XIV, 581 p.
- Kemal R. 1958. The Evolution of British Sovereignty in India. — Madras: Diocesan Press. — 29 p.
- Kennedy P.M. 1976. The Rise and Fall of British Naval Mastery. — Hong Kong: Macmillan — XXX, 404 p.
- Kennedy P.M. 1989. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change a. Military Conflict from 1500 to 2000. — L.: Fontana Press. — XXVIII, 898 p.
- Khan A.M. 1969. The Transition in Bengal, 1756–1775: A Study of Sayyid Muhammad Reza Khan. — Cambridge: Cambridge University Press. — XVI, 376 p.
- Khan S.A. 1923. The East India Trade in the Seventeenth Century in Its Political and Economic Aspects. — L.: Oxford University Press. — VIII, 325 p.
- Khera P.N. 1963. British Policy Towards Sindh: Up to Its Annexation — 1843. — Delhi: Ranjit. — 152 p.
- Khilnani N.M. 1972. British Power in the Punjab, 1839–1858. — L.: Asia. — XIV, 288 p.
- Kindleberger C.P. 1984. A Financial History of Western Europe. — L. etc.: Allen a. Unwin. — XVIII, 525 p.
- Kindleberger C.P. 1996. World Economic Primacy, 1500–1990. — N.Y.; Oxford: Oxford University Press. — XIV, 269 p.
- Kraus M. 1959. The United States to 1865. — Ann Arbor: University of Michigan Press. — XIV, 530, (XI) p.
- Kulkarni V.B. 1964. British Dominion in India and After. — Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan. — XII, 452 p.
- Kumar V. 1978. India under Lord Hardinge. — New Delhi; Allahabad: Rajesh. — XVI, 411 p.
- Kurup K.K.N. 1977. Tellicherry Factory, A Case Study of British Colonialism in the Seventeenth Century // Kurup K.K.N. Aspects of Kerala History and Culture. — Trivandrum: College Books House. — P.50–59.

- Labévière R. 2003. Les coulisses de la terreur. — P.: Grasset. — 368 p.
- Labévière R. 1999. Les dollars de la terreur: Les États-Unis et les islamistes. — P.: Grasset. — 439 p.
- Landes D.S. 1998. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. — N.Y.; L.: Norton a. Co. — XXII, 650 p.
- Lane F.C. 1979. Profits from Power: Readings in Protection Rent a. Violence-controlling Enterprise. — Albany: State University of New York Press. — IV, 128 p.
- Lawford J.P. 1978. Britain's Army in India: From Its Origins to the Conquest of Bengal. — L. etc.: Allen a. Unwin. — 342 p.
- Lee-Warner W. 1910. The Native States of India. — L.: Macmillan. — XXII, 425 p.
- Lenman B. 1987. The East India Company and the Emperor Aurangzeb // History Today. — L., Feb. 1987. — Vol.37. — P.23–29.
- Lieven D. 2000. Empire: The Russian Empire a. Its Rivals. — L.: John Murray. — XLII, 486 p.
- Love H.D. 1996. Vestiges of Old Madras, 1640–1800. — New Delhi; Madras: Asian Educational Services. — 4 vols.
- Luard C.E. 1929. The First Conflict of the Company with the Marathas, 1761–82 (Chapter XIV) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.249–272.
- Lucas S. 1971. Dacoitee in Excelsis, or the Spoliation of Oude by the East India Company. — Lucknow: Pustak Kendra. — VI, 160 p.
- Lyall A. 1973. The Rise and Expansion of the British Dominion in India. — Delhi: Munshiram Manoharlal. — XL, 397 p.
- Malcolm J. 1970. The Political History of India (1784 to 1823). 2 vols. — New Delhi: Associated Publishing House. — Vol.2. — VIII, 400 p.
- Malgonkar M. 1959. Kanhoji Angrey, Maratha Admiral: An Account of His Life a. His Battles with the English. — Bombay etc.: Asia. — X, 303 p.
- Mariwalla C.L. 1947. Essays on British Policy Towards Sind up to the First Afghan War 1839. — New Town, Karachi: Mariwalla. — VIII, 120 p.
- Marshall P.J. 1987. Bengal: The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828 / The New Cambridge History of India II.2. — Cambridge etc.: Cambridge University Press. — XVI, 195 p.
- Marshall P.J. 1993 (1). British Expansion in India in the Eighteenth Century: A Historical Revision // Trade and Conquest: Studies on the Rise of British Dominance in India. — Aldershot; Brookfield: Variorum. — P.28–43.
- Marshall P.J. 1998. The British in Asia: Trade to Dominion, 1700–1765 / The Oxford History of the British Empire. Vol.2. The Eighteenth Century. Ed. by P.J. Marshall. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P.487–507.
- Marshall P.J. 1993 (2). «Cornwallis Triumphant»: War in India and the British Public in the Late Eighteenth Century // Trade and Conquest: Studies on the Rise of British Dominance in India. — Aldershot; Brookfield: Variorum. — P.57–74.
- Marshall P.J. 1976. East Indian Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century. — Oxford: Clarendon Press. — X, 284 p.
- Marshall P.J. 1999. The First British Empire (Chapter 2) // The Oxford History of the British Empire. Vol.5. Historiography / Ed. by R.W. Winks. — Oxford: Oxford University Press. — P.43–53.
- Marshall P.J. 2003. Introduction // The Eighteenth Century in Indian History: Evolution or Revolution? / Ed. by P.J. Marshall. — Oxford etc: Oxford University Press. — P.1–49.
- Marshall P.J. 1968. Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813. — L.: Allen a. Unwin. — XII, 239 p.

- Marshall P.J. 1993 (3). Western Arms in Maritime Asia in the Early Phases of Expansion // Marshall P.J. Trade and Conquest: Studies on the Rise of British Dominance in India. — Aldershot; Brookfield: Variorum. — P.13–28.
- Martineau A. 1929. Duplex and Bussy (Chapter VI) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.125–140.
- Menon A.S. 1967. A Survey of Kerala History. — Kottayam etc.: Sahitya Pravarthika co-op. soc.; Nat. Book Stall. — (10), 436, XX p.
- Minchinton W.E. 1969. Introduction // The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by W.E. Minchinton. — L.: Methuen. — P.1–63.
- Modelski G., Thompson W.R. 1988. Seapower in Global Politics, 1494–1993. — Seattle: University of Washington Press. — XIII, 380 p.
- Moon P. 1999. The British Conquest and Dominion in India. — New Delhi: India Research Press. — Part One. 1745–1857. — XII, 757 p.
- Moreland W.H. 1937. The Revenue System of the Mughul Empire // The Cambridge History of India. Vol.4. The Mughul Period / Ed. by Sir Richard Burn. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.449–475.
- Morris J. 1979. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. — Harmondsworth: Penguin Books. — 576 p.
- Mukherjee R. 1958. The Rise and Fall of the East India Company: A Sociological Appraisal. — Berlin: Veb Deutscher Verlag der Wissenschaften. — XVIII, 445 p.
- Murtaza Ali Khan. 1947. Munir-ud-dowlah (1695–1774): His Life a Times. — Bombay: Hind Kitabs. — XII, 115 p.
- Namier L. 1970. Monarchy and the Party System // Namier L. Crossroads of Power: Essays on Eighteenth-century England. — Freeport (N.Y.): Books for Libraries Press. — P.213–234.
- Nightingale P. 1970. Trade and Empire in Western India, 1784–1806. — Cambridge: Cambridge University Press. — XVI, 264 p.
- Ohmae K. 1995. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. — L.: Harper Collins. — X, 211 p.
- Orme R. 1974. Historical Fragments of the Mogul Empire, of the Morattoes, and of the English Concerns in Indostan from the year MDCLIX. — New Delhi: Associated Publ. House. — XVIII, 317 p.
- Panikkar K.N. 1968. British Diplomacy in North India: A Study of the Delhi Residency 1803–1857. — New Delhi: Associated Publ. House. — XVII, 200 p.
- Parker G. 1974. The Emergence of Modern Finance in Europe, 1500–1730 (Chapter 7) // The Fontana Economic History of Europe / Ed. by C.M. Cipolla. 6 vols. Vol.2. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. — Glasgow: Fontana/Collins. — P.527–594.
- Pearson M.N. 1976. Shivaji and the Decline of the Mughal Empire // The Journal of Asian Studies. — Ann Arbor, Feb. 1976. — Vol.35, No. 2. — P.221–235.
- Pemble J. 1977. The Raj, the Indian Mutiny, and the Kingdom of Oudh, 1801–1859. — Sussex: Harvester Press. — XII, 303 p.
- Penhoën B. de. 1841. Histoire de la conquête et de la fondation de l'empire anglais dans l'Inde. 4 t. — P.; Leipzig: Jules Renouard. — T.2, 4.
- Perkin H. 1969. The Origins of Modern English Society, 1780–1880. — L.; Henley: Routledge a. Kegan Paul. — XIV, 465 p.
- Perlin F. 2003. The Problem of the Eighteenth Century // The Eighteenth Century in Indian History: Evolution or Revolution? / Ed. by P.J. Marshall. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P.53–61.

- Philips C.H. 1940. The East India Company 1784–1834. — Manchester: Manchester University Press. — VIII, 374 p.
- Plumb J.H. 1978. England in the Eighteenth Century. — L.: Penguin Books. — 224 p.
- Prakash O. 1998. European Commercial Enterprise in Pre-colonial India / The New Cambridge History of India II.5. — Cambridge etc.: Cambridge University Press. — XVIII, 378 p.
- Prasad I. 1973. India in the Eighteenth Century. — Allahabad: Chugh. — VIII, 284 p.
- The Prime Ministers / Ed. by H. van Thal. — N.Y.: Stein a. Day, 1975. — 800 p.
- Rajayyan K. 1978. Selections from History of Tamil Nadu (1565–1965). — Madurai: Madurai. — 312 p.
- Ramaswami N.S. 1984. Political History of Carnatic under the Nawabs. — New Delhi: Abhinav. — VIII, 436 p.
- Ray Bh. 1988. Hyderabad and British Paramountcy, 1858–1883. — Delhi etc.: Oxford University Press. — XVIII, 232 p.
- Ray R.K. 1998. Indian Society and the Establishment of British Supremacy, 1765–1818 (Chapter 23) // The Oxford History of the British Empire. Vol.2. The Eighteenth Century/ Ed. by P.J. Marshall. — Oxford etc.: Oxford University Press. — P.508–529.
- Ray R.K. 1979. Rise and Decline of Banaras: A Chapter in the History of Indian Finance a. Trade // The Indian Historical Review. — Delhi etc. — Vol.9, No. 1–2. — P.208–213.
- Raychaudhuri T. 1983. The Mid-eighteenth Century Background (Chapter I) // The Cambridge Economic History of India. Vol.2: c.1757 — c.1970 / Ed. by D. Kumar. — Cambridge etc.: Orient Longman; Cambridge University Press. — P.3–35.
- Reid C.L. 1947. Commerce and Conquest: The Story of the Honourable East India Company. — L.: Temple. — 256 p.
- Richards J.F. 1976. The Imperial Crisis in the Deccan // The Journal of Asian Studies. — Ann Arbor, Feb. 1976. — Vol.35, No. 2.
- Richards J.F. 1993. The Mughal Empire / The New Cambridge History of India. I.5. — New Delhi: Cambridge University Press, 1993. — XVI, 320 p.
- Risso P. 2001. Cross-cultural Perceptions of Piracy: Maritime Violence in the Western Indian Ocean a. Persian Gulf Region During a Long Eighteenth Century // Journal of World History. — Vol.12, No. 2. — P.293–319.
- Roberts P.E. 1929 (1). The East India Company and the State, 1772–86 (Chapter X) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.181–204.
- Roberts P.E. 1929 (2). Hastings and His Colleagues (Chapter XIII) // The Cambridge History of India. Vol.5. 1497–1858. British India / Ed. by H.H. Dodwell. — Cambridge: Cambridge University Press. — P.225–248.
- Roberts P.E. 1952. History of British India under the Company and the Crown. — L.: Oxford University Press. — VIII, 669 p.
- Roberts P.E. 1961. India under Wellesley. — Gorakhpur: Vishvavidyalaya Prakashan. — XII, 323 p.
- Rostow W.W. 1975. How It All Began: Origins of the Modern Economy. — N.Y. etc.: McGraw — Hill Book. — XII, 264 p.
- Rostow W.W. 1978. The World Economy: History a. Prospect. — Austin, L.: University of Texas Press. — XLIII, 833 p.
- Schweinitz K. de. 1983. The Rise and Fall of British India: Imperialism as Inequality. — L.; N.Y.: Methuen. — VII, 275 p.
- Scott W.R. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-stock Companies to 1720. 3 vols. — Cambridge: Cambridge University Press, 1910–12. — Vol.1–2.

- Shama Rao M. 1936. Modern Mysore: From the Beginning to 1868. — Bangalore: Higgibothams. — X, 630 p.
- Sheik Ali B. 1963. British Relations with Haidar Ali (1760–82). — Mysore: Rao a. Raghavan. — VIII, 358 p.
- Simkin C.G.F. 1968. The Traditional Trade of Asia. — L. etc.: Oxford University Press. — XIV, 417 p.
- Singh Kh. 1971. The Fall of the Kingdom of the Punjab. — Bombay etc.: Orient Longman. — XI, 165 p.
- Singh S.N. 1962. The Secretary of State for India and His Council (1858–1919). — Delhi: Munshiram Manoharlal. — VIII, 185 p.
- Sinha N.K. 1956. Economic History of Bengal: From Plassey to the Permanent Settlement. — Calcutta: Sri Lal Chand Roy. — Vol.1. — 260 p.
- Sinha R.M. 1967. Bhonslas of Nagpur: The Last Phase (1818–1854). — Delhi etc.: Chand. — VIII, 256 p.
- Springborg P. 1992. Western Republicanism and the Oriental Prince. — Austin: University of Texas Press. — 351 p.
- Sridharan K. 1965. A Maritime History of India. — Delhi: Publications Division, Ministry of Information a. Broadcasting. — XII, 170 p.
- Srivastava A.L. Shuja-ud-daulah. 1945. Vol.2. 1765–1775. — Lahore: Minerva Book Shop. — XVI, 424 p.
- Steensgaard N. 1973. The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies a. the Decline of the Caravan Trade. — Chicago; L.: University of Chicago Press. — 441 p.
- Stein B. 2003. Eighteenth-century India: Another View // The Eighteenth Century in Indian History: Evolution or Revolution? / Ed. by P.J. Marshall. — Oxford etc: Oxford University Press. — P.62–89.
- Stein B. 1998. A History of India. — Oxford: Blackwell. — XVI, 432 p.
- Subrahmaniam S. 2001. Penumbral Visions: Making Politics in Early Modern South India. — Ann Arbor: University of Michigan Press. — XVI, 295 p.
- Sutherland L.S. 1952. The East India Company in Eighteenth Century Politics. — Oxford: Clarendon Press. — XII, 430 p.
- Sutherland L.S. 1984. Politics and Finance in the Eighteenth Century. — L.: Hambledon Press. — XXII, 583 p.
- Thairani K. 1973. British Political Missions to Sind: A Narrative of Negotiations from 1799 to 1843 Leading up to the State's Annexation. — New Delhi: Orient Longman. — (9), 193 p.
- Thomas P.J. 1926. Mercantilism and the East India Trade: An Early Phase of the Protection v. Free Trade Controversy. — L.: King a. Son. — XVII, 176 p.
- Thompson E. 1978. The Making of Indian Princes. — L.; Dublin: Curzon Press. — XII, 304 p.
- Thompson E., Garratt G.T. 1934. Rise and Fulfilment of British Rule in India. — L.: Macmillan. — XI, 690 p.
- Toussaint A. 1974. L'océan Indien au XVIIIe siècle. — P.: Flammarion. — 338 p.
- Tout T.F. 1908. An Advanced History of Great Britain. — L. etc.: Longmans, Green, a. Co. — XLII, 755 p.
- Tripathi A. 1979. Trade and Finance in the Bengal Presidency, 1793–1833. — Calcutta etc.: Oxford University Press. — XVI, 340 p.
- Wallace R. 1861. The Guicowar and His Relations with the British Government. — Bombay: Education Society Press. — 702 p.
- Wallerstein I. 1999. Historical Capitalism. Capitalist Civilization. — L.; N.Y.: Verso. — 163 p.

- Wallerstein I. 1974. The Modern World-System: Capitalist Agriculture a. the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. – N.Y.; L.: Academic Press. – XVI, 410 p.
- Wallerstein I. 1980. The Modern World-System II: Mercantilism a. the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. – N.Y. etc.: Academic Press. – XII, 370 p.
- Wallerstein I. 2002. Three Hegemonies // Two Hegemonies: Britain, 1846–1914 a. the United States, 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien a. A. Klesse. – Aldershot: Ashgate. – P.357–361.
- Warren E. de. 1845. L'Inde anglaise en 1843–1844. 3 t. – P.: Comon et Co. – T.I, III.
- Washbrook D.A. 1988. Progress and Problems: South Asian Economic a. Social History c.1720–1860 // Modern Asian Studies. – Cambridge. – Vol.22, No. 1. – P.57–96.
- Washbrook D. 1990. South Asia, the World System, and World Capitalism // The Journal of Asian Studies. – Ann Arbor, August 1990. – Vol.49, No. 3. – P.479–508.
- Webster A. 1990. The Political Economy of Trade Liberalisation: The East India Company Charter Act of 1813 // The Economic History Review. – Oxford, August 1990. – Second Series, Vol.43, No. 3. – P.404–419.
- Weitzman S. 1929. Warren Hastings and Philip Francis. – Manchester: Manchester University Press. – XXX, 400 p.
- Wilbur M.E. 1945. The East India Company and the British Empire in the Far East. – N.Y.: Richard R. Smith. – XIII, 477 p.
- Wilks M. 1932. Historical Sketches of the South of India in an Attempt to Trace the History of Mysore / Ed. with notes by M. Hammick. 2 vols. – Vol.2. – Mysore: Govt. Branch Press. – XXIV, 817 p.
- Wilson H.H. 1845. The History of British India from 1805 to 1835. 2 vols. – Vol.1. – L.: James Madden. – XV, 608 p.
- Wink A. 1986. Land and Sovereignty in India: Agrarian Society and Politics under the Eighteenth-century Maratha Svarajya. – Cambridge etc.: Cambridge University Press. – XVIII, 417 p.
- Видьявачаспати И. 1956. Бхарат мз бритиш самраджья ка удай аур аст (Взлёт и падение Британской империи в Индии). – Дели: Атмарам энд санс. – Т.1. – 375 с. (хинди).
- Фэльсэфи Н. 1937. Тарих-э-равабет-э-Иран ва Орупа дар доуре-йе-Сефевийе (История отношений Ирана с Европой в эпоху Сефевидов). – Тегеран: Иран. – 200 с. (фарси).
- Эршад Ф. 1986. Мохаджерат-е-тарихи-йе-ираниан бе Хенд (История миграции иранцев в Индию). – Тегеран: Моуссесе-йе-матталат ва тахигат-е фарханги. – (8), 292 с. (фарси).

Справочная литература

- Dinucci M. 1998. Il sistema globale. – Bologna: Zanichelli. – IX, 343 p.
- Gazetteer of the Bombay Presidency. – Bombay: Govt. Central Press, 1883–96. – Vol.1, 11.
- Gazetteer of the Punjab Provincial Volume. 1888–9. – Calcutta: Calcutta Central Press Co., s.a. – XIV, 262 p.
- A Historical Atlas of South Asia / Ed. by J.E. Schwartzberg. – Chicago; L.: University of Chicago Press, 1978. – XXXV, 352 p.
- Imperial Gazetteer of India. Provincial Series. Central India. – Calcutta: Superintendent of Govt. Press, 1908. – XX, 478 p.
- The Social Science Encyclopedia / Ed. by A. Kuper a. J. Kuper. – L. etc.: Routledge a. Kegan Paul, 1985. – 916 p.

Summary

In his book *Power-merchant: The Relations of the English East India Company with the English State and Indian Patrimonies* K.A. Foursov analyses the theoretical and historical problem of the dual, politico-economic nature of the East India Company (1600–1874) in the light of power relations in the triangle «Company – English state – Indian patrimonial polities». The Company is seen simultaneously as a collective merchant and a special type of body politic alternative to European nation-state and Oriental patrimony. It vied for power with both of them and at the same time functioned as their organ. It is precisely in the relations with the said types of polities that the controversial, dual nature of the Company, its specificity as a historical phenomenon revealed itself most clearly.

The actuality of the problem under study is connected with the process of fading away of the modern nation-state and the rise of its new rivals – transnational corporations (TNCs). One can discover a certain similarity between the East India Companies which operated at the outset of the Modern Times and present-day TNCs. All of them are connected with commercial monopoly, launch a challenge against the nation-state, combine economic and political forms of activity. In modern historical, politological, economic, comparative and global studies the themes and problems of such «competitors of the state», both past and present, become more and more important.

The author sets himself a threefold task : 1) to study the history of the Company's relations with the English state and Indian patrimonies; 2) to analyse the character and the logic of historical development of these relations; 3) to analyse the impact of these relations on the Company's nature and vice versa – the impact of this nature and the logic of its development on these relations.

The East India Company as a monopolistic organization of London merchants was incorporated in 1600. From the point of view of its relations with multifarious power structures the Company went through three major periods. **The first one** (the XVII century – the 1740s) can be defined as a period of the Company-merchant when its activity was chiefly commercial. Nevertheless, from the very start the Company had a dual, politico-economic nature since the Crown delegated to it legislative, executive and judicial powers over its subjects – the Company's servants – plus the right to pursue an independent foreign policy. This was required by

the character of the Company's activity outside Christian world altogether where England as a state was present in no way yet. To trade successfully in remote lands the Company had itself to be a state for its own employees.

The relations of the Company with the Crown till the revolution were complicated. Early Stuarts encroached on its monopoly and finances and did little to defend it against its strong Dutch counterpart — *Vereenigde Oost-Indische Compagnie*. The revolution proved even a change for the worse: due to widespread public unpopularity of monopolies the Long Parliament and later Cromwell could not or would not support the Company. Only bitter practice demonstrated the necessity of conducting England's Oriental trade through a single corporation. Hence in 1657 the Company received Cromwell's charter which transformed it from a regulated company into a joint stock one.

Under the late Stuarts the Company managed to get a number of further privileges. The «glorious revolution» proved only a minor setback for it since the Company made a compromise with the manufacturers and absorbed some of its commercial rivals.

In the first half of the XVIII century the relations of the Company with the monarch and Parliament became mutually beneficial. The Company began to play a pivotal role in the state credit system and therefore constantly managed to renew its monopoly. Moreover, when Anglo-French struggle for world hegemony entered its decisive stage Parliament permitted the Company to enlist a land army in India to deal shortly with its French commercial rival — *la Compagnie des Indes*.

In India in the XVII — first half of the XVIII century the Company applied for commercial and some administrative privileges as well. Since it wielded naval power (and thus internalized protection costs) the authorities of land empires (the Mughal sultanate and some lesser patrimonies) had more respect for it than for indigenous merchant groups. Still lack of protection on land rendered the English vulnerable to extortions by local officials. That is why the Company began to build forts to ensure some protection from arbitrary rule. The decline of the Mughal empire and the growth of these enclaves (presidencies) started the process of their latent transformation into the competitors of local polities not only in terms of trade and demography but power as well.

The second period of the Company's relations with various polities (the middle of the XVIII century) was that of its transformation from a merchant into a power-merchant. Both European companies forged strong land armies and became desirable allies for contesting potentates in South India while in Bengal the local prince provoked the British to commit a palace revolution in 1757. These events enabled the Company to realize fully its political potential inherent in it from the start but lying dormant due to unfavourable conditions in India. These changed with the disintegration of the Mughal empire and the concomitant process of the «commercialization of power» (C.A. Bayly's term) plus the Anglo-French armed

contest. Having defeated its French rival, the Company took power in Bengal and the Carnatic. In this it was supported by considerable merchant and landholder groups who regarded it as their business partner and a powerful protector. To legitimize its power the Company integrated into the official hierarchy of the moribund Mughal sultanate. The seizure of power was performed when an external stimulus appeared but the Company was prepared to take its chance. In fact it transformed its autonomy (its power over its own employees) into a political power over an enormous Asiatic country.

But just at that time the Company was attacked by the British state who sensed a rival. First, having extended its administrative power onto the Indians the Company — a British subject as a commercial corporation — became a polity in its own right, uncontrollable by the British state. Secondly, it acquired immense wealth through the pillage of India and raising revenues there — while the British Treasury needed money after the Seven Years' War. Thirdly, the influence of the Company was beginning to tell seriously on British political life (its grown rich servants began to compete with the landed aristocracy for places in Parliament). Because of all that in 1767–84 Parliament gradually deprived the Company of its political independence. The state became a supervisor of the Company's administrative, diplomatic and military activity in the East. Only commerce and patronage (appointment of officials) were left solely in the hands of the Company. After 1784 real struggle over the main questions of Indian policy gradually moved out of the court of the Company's directors into the House of Commons. An additional factor conducive to the Company's subjection to the state was the loss of North American colonies.

In **the third period** of the Company's relations with different polities (last third of the XVIII — first half of the XIX century) it was a power-merchant hybrid. The main feature of this period was the Company's simultaneous offensive in South Asia and retreat in Britain.

The spread of the Company's sway over the subcontinent was favoured by a combination of diverse causes — strategic, financial, commercial. The Company's expansion reflected its fundamental difference as a land power from Great Britain as a naval one. Indian patrimonies' reactions to this expansion ranged from ready submission to violent resistance. To account for such difference the author has distinguished two factors — the degree of the polity's «aggressiveness» (the «social age» of the ruling elite plus the degree of administrative centralization) and the degree of firmness of British commercial positions in it. The «younger» the «social age» of the elite, the stronger the administrative apparatus and the weaker British trading interests, the more likely was the armed conflict of a polity with the Company.

However, by 1849 the Company subdued all of the Indian patrimonies. Some formed its own dominions, the rest turned into its satellites. The latter were controlled by a set of special instruments — a subsidiary force (a potential occupa-

tion army); control over the ruler's contacts with his neighbours, the portion of land revenue, succession to the throne, appointment of officials; British clientele inside the principality etc. Thus the Company proved to be a successful competitor of the Indian polities.

Meanwhile at home the Company's competition with the state was lost. In the end of the XVIII — first half of the XIX century Parliament was unceasingly curtailing both economic and political space of the Company. As to the Company's economic privileges, a mortal blow was struck by the industrial revolution. In the XIX century strengthening industrial bourgeoisie managed to abolish the Company's trading monopoly through a number of acts passed by Parliament. Simultaneously the state was switching onto itself more and more of the Company's administrative functions. Finally, in 1858 Parliament transferred the responsibility of Indian ruler from the Company to the Crown.

It was quite natural that institutions and organizations of the pre-industrial epoch departed with it. In the XVII–XVIII centuries the organic unity of commercial and political functions of the Company was the foundation of its success. In the XIX century, however, it caused its weakening and ruin. Being a form of commercial, pre-industrial capitalism the Company was inadequate for industrial one. Being a corporate form of economic organization closely associated with monopoly and privileges, the Company did not correspond to the principles of free market. Being a bearer of administrative function which in a mature capitalist society belongs almost exclusively to the state the Company was proving to be a sort of alternative or parallel state structure. In the middle of the XIX century such situation was certainly an anachronism liable to destruction. The period was the peak of Great Britain's world hegemony. It needed no more administrative intermediaries and could govern its subject territories itself, having separated state government and business management («Lane's law»).

The dual nature of the Company corresponds to the dual role it played in the history of English capitalism. As an element of the world market the Company contributed to the creation of the basis of capitalism and engendered a social stratum closely linked to the world market. However, depending on the commercial monopoly, this stratum hampered the formation of capitalism as a mature system.

Besides, the Company played a dual role in the history of the English state. Historically the principle of «formal rationality» (M. Weber) triumphed in the Company's activity some half a century before it did in the administrative system of its home country. Moreover, in the 1840s some administrative principles of the Company in India were transplanted back to Britain.

In a sense the degree of freedom and the privileges of the East India Company can be regarded as a degree of underdevelopment of the English capital as a systemic one, of the English state as a bourgeois and national one and of the English society as a class capitalist one.

Научное издание

Фурсов Кирилл Андреевич

**ДЕРЖАВА-КУПЕЦ:
отношения Английской Ост-Индской Компании
с английским государством
и индийскими патримониями**

Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2006. 364 с.

Редактор издательства *К.Г. Михайлов*

Оригинал-макет: *Т.А. Горлина*

Для заявок:

123100, Москва, а/я 16

или

kmk2000@online.ru

Подписано в печать 10.09.2006. Заказ № 4339
Формат 70×100/16. Объем 23 п.л. Бумага офсетная. Тираж 600 экз.

Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука» АИЦ РАН,
121099, Москва, Шубинский пер., 6

